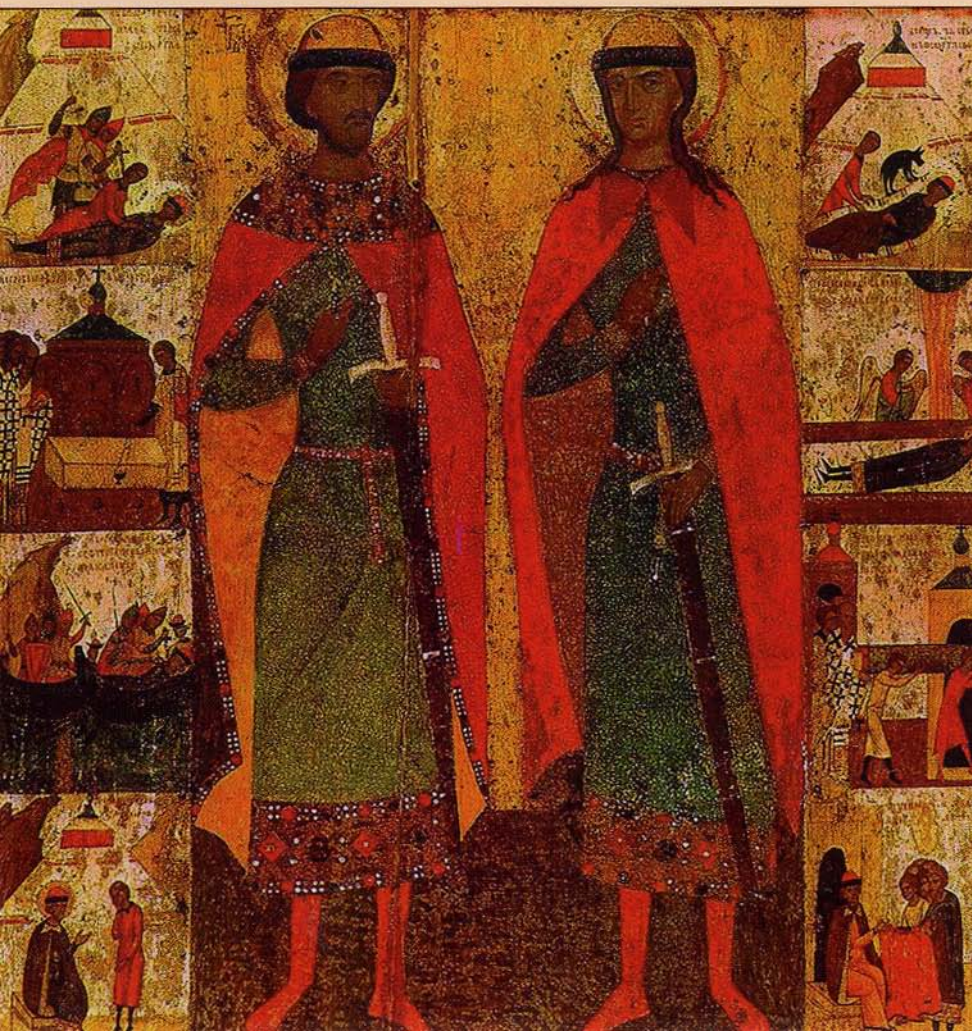

ПОВЕСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Библиотека Всемирной Литературы

ПОВЕСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Серия основана издательством
ЭКСМО в 2002 году

Москва 2009
ЭКСМО

УДК 82'01
ББК 84(0)3
П 42

Разработка серийного оформления *А. Бондаренко*

В оформлении суперобложки использованы работы художника *Н. Васнецова*, фрагменты икон «Борис и Глеб с житием», XIV век, и «Чудо от иконы «Знамение». Битва новгородцев с суздальцами», 1460-е гг.

П 42 Повести Древней Руси : [сборник] / [Вступ. ст. Д.С. Лихачева; подгот. текстов, пер., прим. О.В. Творогова, Д.С. Лихачева, В.В. Колесова и др.]. — М. : Эксмо, 2009. — 736 с. — (Библиотека всемирной литературы).

ISBN 978-5-699-37127-3

Литература Древней Руси не знала вымысла — именно поэтому она так значима и интересна не только своими литературно-художественными достоинствами, но и исторической достоверностью. Повести раскрывают перед читателем подробности общественной, политической и духовной жизни Древнерусского государства, образ жизни его граждан, их знания, традиции и обычаи.

В книгу входят самые известные произведения периода XI—XII вв. — «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника» и др.

УДК 82'01
ББК 84(0)3

- © Вступительная статья, подготовка текстов, перевод, примечания. Д.С. Лихачев. Наследник, 2009
- © Подготовка текстов, перевод, примечания. О.В. Творогов, 2009
- © Подготовка текста, перевод, примечания. О.В. Колесов, 2009
- © Подготовка текста. М.В. Рождественская, 2009
- © Перевод, примечания. Л.А. Дмитриев. Наследник, 2009
- © ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-699-37127-3

Содержание

Начало русской литературы. *Д. С. Лихачев*

7

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Подготовка текста и примечания О. В. Творогова
Перевод Д. С. Лихачева

Древнерусский текст 37
Перевод 161

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Подготовка текста, перевод и примечания О. В. Творогова

Древнерусский текст 297
Перевод 357

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

Подготовка текста, перевод и примечания В. В. Колесова

Древнерусский текст 419
Перевод 429

СЛОВО О КНЯЗЬЯХ

Подготовка текста М. В. Рождественской.
Перевод и примечания И. П. Еремина

Древнерусский текст 441
Перевод 444

ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ КНЯЗЯ ИГОРЯ	
<i>Подготовка текста, перевод и примечания О. В. Творогова</i>	
Древнерусский текст	449
Перевод	462
СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ	
<i>Подготовка текста и перевод Д. С. Лихачева</i>	
<i>Примечания О. В. Творогова</i>	
Древнерусский текст	479
Перевод	499
МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА	
<i>Древнерусский текст, перевод и примечания Д. С. Лихачева</i>	
Древнерусский текст	521
Перевод	529
КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК	
<i>Подготовка текста, перевод и примечания Л. А. Дмитриева</i>	
Древнерусский текст	539
Перевод	597
Примечания	659

Собранные в этой книге произведения относятся к лучшим произведениям еще не разделенной на три могучие ветви — белорусскую, русскую и украинскую — литературы Древней Руси, общей матери трех братских народов.

Восточнославянская письменная культура возникла *постепенно и внезапно*... *Постепенно* потому, что всякая культура возникает на основе длительной традиции — саморазвивающейся и самосовершенствующейся, из многовекового накопления опыта, на основании творческой памяти. *Внезапно* потому, что накопление опыта, постоянное воздействие действительности на письменность, величайшие исторические события доводят накопление до точки кипения, до своеобразного взрыва, когда вдруг мы замечаем, что перед нами не только письменность, но и полноценная, вполне зрелая литература. Оказывается, что эта литература способна не только пассивно следовать потребностям общества, но и активно на него воздействовать, раздвигать границы видения мира, пробуждать патриотизм, историческое самосознание, воспитывать нравственно, эстетически.

От самого начала до нас дошли только «признаки» и «знаки» существования письменности и некоторые деловые тексты.

В болгарском Пространном житии Кирилла-Константина, относящемся к IX в., говорится о том, что в Крыму, где издавна были поселения Руси, Кирилл-Константин нашел Евангелие, писанное по-русски — русскими письменами, т. е., по-видимому, на языке Руси, восточнославянском, ибо сам Кирилл-Константин легко стал его понимать. Впрочем, ученые спорят, был ли это язык Руси или какой-то иной — «рушский». Но вот более достоверное известие и вместе с ним документы: договоры русских с греками 911 и 941 гг. Там сказано, что договоры Руси с греками составляются на двух языках и один экземпляр хранится у греческой стороны, а другой у русской.

Дошедшие до нас тексты в «Повести временных лет», несомненно, как это доказал академик С. П. Обнорский, X в., т. е. перед нами памятники письменности первой половины X в. Письменности! Но еще не литературы!

Но уже появление на Руси староболгарских книг — переводных с греческого и оригинальных — было явлением восточнославянской литературы, ибо книги эти были понятны на Руси, язык их оказался очень близким к русскому разговорному и деловому, хотя более сложным. Еще до официального признания Киевским государством христианства христианство на Руси было уже распространено. Христиане были в составе тех дружин, которые ходили на Константинополь, христиане были и в Киеве, где на Подоле стояла церковь Ильи Пророка. Раз были официально признанные христиане, была церковь, то было и богослужение, совершавшееся по книгам, и тексты в книгах были рассчитаны и на эстетический эффект, а это уже ближе к литературе...

Из этого следует факт более раннего проникновения на Русь *чтения*. Чтение в широком плане предшествовало на Руси письму, а переводы — собственным произведениям. Как и всякие младенцы, наши предки в X в. раньше научились читать и слушать читаемое, чем писать. Но ведь и это нелегкое дело! Правда, искусство слова существовало издавна и нельзя даже указать, сколько веков оно существовало, ибо фольклор — ровесник устной речи, а сама устная деловая речь имеет разные эстетические формы: воинские речи, произносившиеся князьями перед битвами и выступлениями в поход (вспомните знаменитые речи князя Святослава), речи на княжеских съездах, на вече, судебные установления, облакавшиеся в кратчайшую и выразительнейшую форму, речи, передававшиеся через пол-слов союзным или враждебным князьям.

Как я предполагаю, еще до официального принятия Русью христианства возникло произведение, пропагандирующее новый христианский взгляд на всемирную историю, — «Речь философа», включенная впоследствии в Начальную летопись. Это полукOMPIлятивное произведение должно было дать представление вновь обращаемому в христианство народу и его правителю о всемирной истории.

Можно спорить о том, была ли «Речь философа» русской по происхождению и была ли она уже произведением литературы, но факт тот, что силы, знания, навыки, необходимые

для образования литературы в полном смысле этого слова, литературы как особой области культуры, накапливались постепенно в течение IX и X вв. Накопление это было незаметным — для современников, восточных славян, и для наших исследователей.

Но вот *внезапно* (подчеркиваю — *внезапно*) из этого незаметного «накопления» родилась литература очень высокого уровня — уровня идейного, уровня литературного умения, уровня великолепного литературного языка, как бы сразу достигшего изумительного совершенства.

Литература поднялась как огромный защитный купол над всей Русской землей, охватила ее всю — от моря и до моря, от Балтийского до Черного и от Карпат до Волги.

Я имею в виду появление таких произведений, как «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, как Начальная летопись с различным кругом произведений, в нее входящих, как поучения Феодосия Печерского, «Поучение» князя Владимира Мономаха, жития Бориса и Глеба и т. д.

Весь этот круг произведений знаменует высоким историческим, политическим и национальным самосознанием, сознанием единства народа, особенно ценным в период, когда в политической жизни уже начиналось дробление Руси, когда Русь стала раздираться междоусобными войнами князей. Именно в этот период политического разобщения литература осознает, что князья не в «худой», не в неведомой стране княжат, и занята вопросом, «откуда пошла» Русская земля; произведения призывают к единению и писаны не в одном центре, а по всему пространству Русской земли — так составляются летописи, проповеди, Киево-Печерский патерик, так ведется переписка Владимира Мономаха с Олегом Гориславичем и т. д. и т. п. В литературное творчество удивительно быстро втянуты многочисленные русские города и монастыри: помимо Киева — Новгород Великий, оба города Владимира на разных концах Русской земли — Владимир Вольинский и Владимир Суздальский, Ростов, Смоленск и даже маленький Туров. Всюду писатели и особенно летописцы пользуются трудом своих собратьев из самых отдаленных мест восточнославянской равнины, всюду возникает переписка, писатели переезжают из одного княжества в другое.

В пору упадка политического единства и военного ослабления литература заменила собой государство. Отсюда с самого

начала и на протяжении всех веков громадная общественная ответственность наших литератур — русской, украинской и белорусской.

Взгляд на русскую историю как на часть мировой и чувство ответственности за весь мир — стали также отличительной особенностью всех восточнославянских литератур и отчасти были унаследованы ими через единую литературу Древней Руси от славянских просветителей — Кирилла и Мефодия. Это им принадлежит мысль о единстве человечества и ответственности каждой страны, каждого народа в общечеловеческом устройении и просвещении, о служении каждой страны человечеству. Для Кирилла и Мефодия это была Болгария, для писателей Древней Руси — Русь.

Остановимся на некоторых особенностях мировоззрения и стиля начального этапа в развитии русской литературы.

Искусство всегда «защищает» человека. Оно служит тому, чтобы защитить человека от внешнего хаоса, от страха перед враждебной ему природой, преобразовать обществу на разумных началах, бороться с несправедливостью, эстетически объяснить мир, выделить в нем типическое, эстетически его обобщить. Искусство служит объединению людей.

В беспредельных пространствах русской равнины люди с особенной силой стремились преодолеть свою разобщенность. Человек ставил высокие и светлые церкви на холмах или крутых берегах рек, чтобы издали отметить места своих поселений. Эти церкви отличались удивительно лаконичной архитектурой, были рассчитаны на то, чтобы быть видными со многих точек, служить как бы маяками на дорогах среди лесов, полей и рек. Они словно вылеплены заботливой рукой, хранят в неровностях своих стен тепло и ласку человеческих пальцев.

Гостеприимство становилось одной из основных человеческих добродетелей. Сам киевский князь Владимир Мономах в своем «Почуении» призывает читателей «привечать» гостя. Частые переезды с места на место принадлежат к немалым добродетелям, а в иных случаях переходят даже в страсть к бродяжничеству. В своих плясках и в своих песнях человек стремится к тому же покорению пространства. О русских протяжных песнях хорошо сказано в «Слове о полку Игореве»: «...девицы поют на Дунаи, — вьются голосаи чрезь море до Кие-

ва». Музыка, и особенно хоровая, любимая на Руси, служит тому же объединению людей.

Русские создали даже особое обозначение для особого вида храбрости — храбрости в пространстве, храбрости в лихом движении — «удаль». Удалым нельзя быть в неподвижной обороне — это удел просто храбрых, но не удалых.

В огромных просторах Руси люди с особенной остротой ощущали и ценили свое единство, в первую очередь единство языка, на котором они говорили, на котором пели, на котором рассказывали предания глубокой старины, опять-таки свидетельствовавшие об их единстве. В тогдашних условиях даже само слово «язык» означало «народ», «нация». Роль литературы также становится особенно значительной. Она служит той же цели объединения, выражает народное сознание единства. Она хранилище истории, преданий. Местные предания были своего рода средствами гуманитарного освоения пространства, в котором жил человек. Они отмечали святость и значительность того или иного места: урочища, кургана, строения, селения, города... Исторические предания сообщали стране историческую глубину, были своеобразным «четвертым измерением», в границах которого воспринималась и становилась «обозримой», «своей», родной вся обширная Русская земля. Ту же роль играли летописи и жития святых, исторические повести и рассказы об основании монастырей. Литература не только крепила зримое единство Русской земли, наделяя ее историей, она стремилась и к политическому объединению людей, выступая против раздоров, междоусобий, против «тмы разделения нашего». Но об этом в дальнейшем...

Вот отчего вся древняя русская литература вплоть до XVII в. отличалась глубоким историзмом. История осмысляла настоящее и объединяла людей. Литература корнями уходила в ту землю, которую занимал и веками осваивал русский народ. Литература и Русская земля, литература и русская история были теснейшим образом связаны. Литература была, как мы уже сказали, одним из способов освоения окружающего мира.

Недаром автор похвалы книгам и Ярославу Мудрому писал в летописи: «Се бо суть реки, напоющие вселенную...», а князь Владимира I Святославича сравнивал с земледельцем, вспахавшим землю, а его сына — князя Ярослава — с сеятелем, «насеявшим» землю «книжными словесы». Писание книг — это, следовательно, возделывание земли. И подобно труду земле-

дельца, переписка книг стала на Руси извечно «святым делом». Тут и там бросались в землю ростки жизни, семена, которые предстояло пожинать будущим поколениям. Не случайно этот образ «книжного делания» как сеяния доброго, вечного стал излюбленным и постоянным спутником в русской литературе.

А раз переписывание книг было «святым делом» — книги могли быть только на самые значительные темы. Все они представляли «учение книжное», были связаны единой заботой об объединении, освоении окружающего мира и исправлении недостатков человека и человеческого общества... Литература не ставила себе развлекательных целей, хотя и представляла собой удивительно интересное чтение. Она была школой, а ее отдельные произведения — поучениями в самом широком смысле этого слова.

Чему же учила древняя русская литература? Оставим в стороне ту часть ее, в которой она была занята религиозными и церковными вопросами. Светская стихия древней русской литературы была глубоко патриотической. Она учила деятельной любви к родине, воспитывала гражданственность, чувство ответственности каждого за всех, стремилась к исправлению недостатков общества.

Русская история и сама Русская земля объединяли все произведения русской литературы в единое целое. Литература не только призывала к единству, учила единству, открывала это единство, борясь с «тьмой разделения нашего», но и сама представляла собой феномен удивительного единства.

В сущности, все памятники русской литературы благодаря своим историческим темам были гораздо теснее связаны между собой, чем в новое время. Их вполне можно было расположить в хронологическом порядке, и все они в целом излагали один сюжет, одну историю — русскую, а также мировую, как то целое, что включало в себя историю Руси. Действующие лица в произведениях русской истории не вымышленные, исторически бывшие, события имеют прикрепленность к определенным годам. Вся литература укладывается в рамки летописи, накладывается на реальную историю Руси и мира.

Тесно были связаны между собой произведения и в результате отсутствия в древней русской литературе сильного авторского начала. Литература была традиционна, новое создавалось в ней как продолжение уже существовавшего и по уже существовавшим эстетическим принципам. Произведения переписывались

и переделывались. В них сильнее отражались читательские вкусы и читательские требования, чем в литературе нового времени. Книжники (писатели, переписчики) и их читатели были ближе друг к другу, чем в новое время, а в произведениях сильнее представлено коллективное, хоровое начало.

Когда мы говорим об анонимности большинства древнерусских произведений, мы представляем автора забытым или сознательно скрывшимся от читателя. На самом деле автор ощущал себя выразителем многих людей и продолжателем давних традиций. Они, в сущности, участники хора, имена которых не объявляются слушателям. Но хор — это не безличностное начало. Недаром хор в Древней Руси назывался ликом, и это лицо, лик замечался повсюду. В Древней Руси говорили о «лике звездном», на стенах церквей изображали лик святых — единое лицо и десятки отдельных лиц, объединявшихся в единое целое. Хор состоит из многих личностей, и каждое лицо имеет в хоре свое служение. Владимир Мономах в своем «Почении» удивлялся разнообразию человеческих лиц — «если и весь мир обнять, то ни одного не найдется сходного с другим». Разнообразны в хоре литературных произведений не только лики авторов, но и лики их героев.

Древнерусский автор то сам непосредственно, от своего лица, ратует за правду в своих поучениях и «словах», то создает образы борцов за справедливость, за независимость родины, за осуществление идеалов на земле — в летописях, исторических повестях, в житиях святых и бытовых повестях. Его идеалы не всегда одинаковы. Они то воспитаны религиозными представлениями времени, то, уклоняясь от этих представлений, рисуют нам князей и воинов, обороняющих Русскую землю от врагов, побеждающих врагов или терпящих от них поражение, но всегда преданных своему долгу в неравной борьбе с более сильным противником. Писатель рисует нам «бояр думающих» и «мужей храбрствующих». Но когда бы писатель ни жил, кого бы ни описывал, за что бы ни ратовал — перед нами во всех произведениях выступает деятельный, бескомпромиссный и верный своим идеалам герой. Эта бескомпромиссность в борьбе за лучшее будущее стала одной из самых характерных черт русской литературы во все века ее существования.

В тесной связи с этими высокими идеалами, в строгом соответствии с предназначением древней русской литературы, с

ее историзмом, «хоровым началом» определился и тот художественный стиль, который был для нее так характерен. Стиль этот был достоин той исторической миссии, которую выполняла древнерусская литература.

Литературный стиль Древней Руси до нашествия Батыя может быть определен как стиль монументального историзма. Люди этого времени стремились увидеть в мире все самое значительное по содержанию, мощное по формам, они полны удивления перед мудростью мироустройства, литература полна приглашениями читателю «подивиться» и «почудиться» окружающему.

Стиль монументального историзма характеризуется стремлением рассматривать изображаемое как бы с больших расстояний — расстояний пространственных, временных (исторических), иерархических. Это стиль, в пределах которого все наиболее красивое представляется большим, монументальным, величественным. Развивается своеобразное «панорамное зрение». Летописец видит Русскую землю как бы с большой высоты. Он стремится вести повествование о всей Русской земле, сразу и легко переходит от событий в одном княжестве к событиям в другом — на противоположном конце Руси. Летописец постоянно перебрасывает свой рассказ из Новгорода в Киев, из Смоленска во Владимир и т. д. Это происходит не только потому, что летописец соединял в своем повествовании источники из различных географических мест, но и потому еще, что именно такой «широкий» рассказ отвечал эстетическим представлениям своего времени. Стремление соединять в своем повествовании различные географические пункты характерно и для сочинений Владимира Мономаха — особенно для его автобиографии в «Поучении». Действие «Сказания о Борисе и Глебе» также происходит как бы в пути, переходит из одного места Руси в другое. На севере — это Новгород, где новгородцы препятствуют Ярославу мудрому бежать за море к варягам; на юге — это печенежская степь, куда Владимир посылает Бориса с войском. На западе — это пространство между Польшей и Чехией, где погибает злою смертью Святополк Окаянный. На востоке — это Волга, куда отправляется Глеб. Действие «Сказания» как бы охватывает всю Русскую землю. Тот же широкий оком характерен для «Слова о полку Игореве» — произведения небольшого по размерам, но рассказываю-

щего о событиях в максимальном охвате всей Русской земли. Киево-Печерский патерик уже одним своим созданием двумя авторами, из которых один жил в Киево-Печерском монастыре, а другой в Суздальской земле, свидетельствует о той же широте осознания значения событий.

Современный человек привык соединять в своих представлениях монументализм с неподвижностью и косностью, но монументализм XI—XII вв. был монументализмом движения, монументализмом динамическим. Владимир Мономах постоянно подчеркивает многочисленность и быстроту своих походов. Он и пишет «в пути». Летописец в «Повести временных лет» также больше всего говорит о походах, о движениях войск. Быстрота передвижения — это как бы символ власти над пространством. Сила — это масса в движении. Для динамического стиля этого времени характерно также динамическое описание явлений природы, из ряда вон выходящих явлений: грозы (зимой или во время битвы), нашествия саранчи, засух, наводнений, землетрясений. Произведения не знают статичного пейзажа. Вообще то, что кажется неизменяющимся, не привлекает внимания писателей.

Движение в пространстве — это и движение во времени. И отсюда снова мы обращаемся (или, вернее, возвращаемся) к теме средневекового историзма. События современные оцениваются и приобретают особую значительность на фоне событий прошлого. Князья современные постоянно сравниваются с князьями «старыми» — прежними. Это характерно для летописи и для «Слова о полку Игореве». Многие события сравниваются с событиями Ветхого и Нового Заветов. Вот почему история — доминирующая тема в литературе домонгольского периода и в древнерусской литературе вообще. Настоящее воспринимается прежде всего как продолжение прошлого.

Слагая свою хвалу Ярославу мудрому в «Слове о Законе и Благодати», Иларион славит одновременно его отца и дедов. Ярослав — наследник славы своих предков. Сама слава воспринимается как нечто движущееся в огромных географических пространствах, достигающее дальних стран. Сравните то же распространение славы по всему свету в «Слове о полку Игореве».

Сами представления о времени в Древней Руси были иными, чем у нас. Мы воспринимаем прошлое как нечто находящееся позади нас, а будущее — как находящееся перед нами. Древнерусские представления о времени исключали самого

человека из восприятий времени. Прошлое находится впереди любого причинно-следственного ряда, настоящее и будущее — в конце его, позади. «Передние князья» — это давние, первые князья. «Задние» события — последние, заключающие причинно-следственный ряд, близкие к нам. Поэтому «переднее», т. е. прошлое, было и самым важным, как начало событийного ряда, как его объяснение, причина. «Откуда» пошла Русская земля — вот что интересует летописца в первую очередь. Как возникла Киево-Печерская обитель. Что было началом и причиной той или иной княжеской вражды.

Еще одна важная особенность отличала стиль монументального историзма: церемониальность. Литература Древней Руси не столько изображала события, сколько вводила их в церемониальные формы. Житие святого — это торжественный парад его жизни, воздаяние ему почестей писателем. Как и всякие церемонии, литературное «обрядение мира» происходит в традиционных и исторических формах. Торжественные, церемониальные одежды всегда традиционны, всегда восходят к прошлому. Традиционные приемы, которыми сообщается о тех или иных событиях, — это не только дань уважения к прошлому, но это и своеобразный этикет, а писатель в известной мере церемониймейстер, занятый заботой о том, чтобы обо всем было сказано в приличествующих теме выражениях.

Писатель заботился также о том, чтобы его герои вели себя подобающим образом, чтобы ими были произнесены все необходимые слова. «Сказание о Борисе и Глебе» от начала и до конца обставлено речами действующих лиц, как бы церемониально комментирующих происходящее. Борис и Глеб перед своим убийством произносят длиннейшие речи и молитвы, демонстрирующие их беззлобие, покорность богу и феодальное подчинение старшему брату.

И еще одна черта эстетической формации монументального историзма — это ансамблевый характер произведений.

Произведения литературы вплоть до XVII в. — это не замкнутые в себе и не обособленные мирки. Каждое из произведений тяготеет к соседним, связанным с ним по изображаемым историческим событиям, и к произведениям, существовавшим ранее. И это несмотря на различие жанров. Каждое новое произведение — это как бы дополнение к уже имеющимся, но дополнение не столько по форме, сколько по темам, по сюжетам. Единство литературы определялось единством самой ис-

торической действительности, которая лежала в основе каждого произведения. Выше уже говорилось о том, что каждое произведение писало об исторических лицах и событиях и не знало открытого вымысла. Если вымысел и вторгался в произведение, то он маскировался под действительно бывшее. Литература претендовала говорить только о том, что существовало или существует. Это-то и позволяет рассматривать древнерусскую литературу как некое тематическое единство, выстраивать все произведения в единый ряд, как некий ансамбль памятников. Вымышленная тема в принципе замкнута в себе, но когда литература претендует говорить только о действительном, называть только исторически существовавшие факты и лица, то в такой литературе нет замкнутости сюжетов. Эта литература едина единством человеческой истории. Тем самым создается реальное основание для ансамблевого строения литературных произведений. В летописи постоянны дополнения — «до князя нынешнего», до какого-то последнего значительного события. Разножанровые произведения располагались друг за другом в исторической последовательности. Рассказ, основанный на дружинном предании о походе Руси на Царьград, дополняется документом — текстом договора с греками. Рассказ о борьбе Ярослава Мудрого за престол дополняется материалами из жития его братьев и т. д. Так строится не только летопись. Три произведения Владимира Мономаха (собственно «Поучение», его автобиография и его письмо к Олегу Святославичу) — это тоже «ансамбль». Они объединены единством морально-политической программы. «Сказание о Борисе и Глебе» — это житие, дополненное их посмертными «чудесами» (исцелениями, предсказаниями и пр.), церковными службами и пр. Это своеобразные ансамбли, как ансамблем является и Киево-Печерский патерик, состоящий из многих рассказов.

И летопись, и житие Бориса и Глеба, и «Житие Феодосия Печерского», и Киево-Печерский патерик, и «Слово о полку Игореве» — все они в целом имеют единую тему — русскую историю в ее отдельных событиях. Все они объединены единством монументально-исторического стиля и служат единой патристической идее. Ощущение всех литературных произведений как некоего огромного литературного ансамбля — ансамбля, распространяющегося в конечном счете на весь мир, на всю мировую историю, в котором отдельные произведения согласуются друг с другом не по жанру, а по своим темам, составля-

ет замечательную черту монументальной литературы Древней Руси. Литература вся составлена как бы из огромных, грубо отесанных глыб. Эстетика дистанций, о которой мы писали выше, заставляет и нас взглянуть на весь грандиозный ансамбль древнерусской литературы с некой дистанции, чтобы увидеть в нем художественное единство, как бы одно произведение многих и многих авторов-тружеников.

Монументальный ансамбль древней русской литературы создан «в честь человеку». Он создан в честь человеку, чтобы прославить мир, красоту и гармонию мироздания. Литература имела своей целью окружить человека церемониальными формами, этикетно обрядить и украсить мир и историю. Она полна поэтом пышности и парадности; она празднична и оптимистична, несмотря даже на все преступления и несчастья, которые совершаются в мире и которые описывает литература. Убиты Борис и Глеб, но их смерть оборачивается торжеством идеала: день смерти Бориса и Глеба стал «Великим праздником» всей Русской земли. Смерть Бориса и Глеба явилась торжеством идей братолюбия и необходимости покоряться старшему. Чтобы воспринять именно так преступление 1015 г., надо было обладать особым, величавым отношением к миру и глубочайшим оптимизмом. Через столетие или более такое же торжество духа русские люди увидят в мужественном сопротивлении войск Игоря Святославича Новгород-Северского, а затем — в трагической, но славной битве на Калке, а затем еще — в стойкости погибающих под натиском полчищ Батыя рязанцев. Они создадут легенду о невидимом граде Китеже, о Руси, не погибшей, не покорившейся жестокому врагу. Ни смерть, если она была достойной, ни поражение, если в нем не было измены мужеству, ни любое несчастье, если оно было перенесено без ропота, — не были унижительны и не воспринимались как падение и унижение.

Торжественность литературы Древней Руси была далеко не только внешней. Это было глубокое ощущение народом своей значительности. Литература Киевской Руси была оптимистически обращена к будущему. Этот глубокий символизм ее символичен. Это великое начало великой литературы.

Наиболее раннее и одно из самых значительных произведений русской исторической мысли, пытающееся осмыслить значение Руси на мировой исторической арене, — «Слово о За-

коне и Благодати» первого митрополита из русских («русина») Илариона, поставленного по воле киевского князя Ярослава Мудрого. «Слово» говорит о месте Руси во всемирной истории, об исторической роли русского народа. Оно полно гордости успехами христианской культуры на Руси, и как удивительно, что при всем том оно лишено национальной ограниченности. Иларион не ставит русский народ выше других народов, но говорит о равноправности всех народов мира, приобщившихся к христианству. Это совершеннейшее произведение и по глубине своего содержания, и по той блестящей форме, в которую оно облечено: последовательность, логичность, легкость переходов от темы к теме, ритмическая организация речи, разнообразие образов, художественный лаконизм делают «Слово» Илариона одним из лучших произведений мирового ораторского искусства. И произведение это не просто перепев византийских образцов, ибо это не обычная богословская проповедь того типа, что был распространен в Византии, а богословско-политическое выступление, которых не знало византийское ораторство, и притом на национально-русскую тему.

«Слово» Илариона — произведение другого характера, чем летопись, появившаяся одновременно со «Словом» как определенный литературный жанр. Однако между «Словом» Илариона и летописью протягиваются общие нити: в своей древнейшей части летопись имеет те же историософские идеи, ту же политическую терминологию. «Слово» Илариона во многом объясняет, почему явилась потребность в составлении русской летописи.

Отдельные летописные записи возникли, возможно, еще в X в., но свою литературную форму летописи приобрели примерно в 40-е гг. XI вв. Наивысшую же степень художественной монументальной формы летопись обрела в самом начале XII в. в знаменитой «Повести временных лет».

«Повесть временных лет» — произведение многих авторов-летописцев, сменявших друг друга. Последний из этого ряда, Нестор, придал летописи художественную и идейную законченность и дал ей наименование, которое в полном виде читается так: «Се повести времянных (прошлых. — Д. Л.) лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Кивсе нача первое княжити, и откуда Руская земля стала есть».

В произведении этом выдержано художественное единство, но единство особого, средневекового типа. Сейчас мы

ждем от художественного произведения единообразия стиля, жесткого единства идей, полного отсутствия швов и различий в отдельных частях. Если различия и есть, они входят в некое объединяющее их строгое единство. В Древней же Руси художественное единство понималось гораздо шире. Это могло быть единство ансамбля, создававшегося в течение ряда десятилетий и сохранявшего авторские особенности в каждом из своих разновременных слоев. Переходя от темы к теме, произведение соблюдало и те особенности стиля, которые по литературному этикету Средневековья приличествовали каждой из тем. В рассказах о самых древних событиях русской истории летописец отражал свойственное дошедшим до нас легендам простодушие, краткость и то, что мы сейчас назвали бы фабульностью. В рассказе о крещении Руси и о первых христианах-мучениках летописец применяет всю церковную церемониальность изложения. С другой стороны, совершенно особый характер носит летописный рассказ об ослеплении Василька Тербовльского. Здесь летописцу нужно было поразить читателя ужасом совершенного преступления, и этот рассказ полон своеобразного средневекового натурализма, в котором детально описываются самые ужасные подробности ослепления.

Историческое сознание, отразившееся в «Повести временных лет», очень высокого уровня. Первые летописцы не просто записывали события русской истории по самым разнообразным письменным и устным источникам. Они были своеобразными исследователями, взвешивали достоверность различных версий событий. К своей работе они привлекали греческие хроники и греческие жития святых, документы, сохранившиеся в княжеских архивах (например, тексты договоров с греками), церковные записи (например, о смерти тех или иных лиц), родовые устные предания и проч. Восстанавливая ход русской истории, летописцы стремились связать эту историю Руси с историей мировой, понять ее как часть всемирной истории, выяснить происхождение славян и отдельных восточнославянских племен. С педагогической ясностью описывает летописец географическое положение Руси, начиная свое описание с водораздела Волги, Днепра, Западной Двины, и, следуя течению, описывает, в какое море каждая из этих рек впадает и в какие страны можно плыть по каждому из морей. В целом «Повесть временных лет» представляла для своего времени своеобразную историческую энциклопедию. Из нее можно бы-

ло узнать и о происхождении славянской азбуки, и об основах христианской религии, и легенду о происхождении рода русских князей, и о многом другом.

А какой небольшой, но великолепный ансамбль трех сочинений представляет собой то, что принято называть «Поучением» князя Владимира Мономаха! «Поучение» включено в один из списков «Повести временных лет» — так называемый Лаврентьевский — под 1096 г. Собственно «поучением» может быть названо только первое сочинение; за этим первым следует автобиография Мономаха, где он рассказывает о своих «путях» (походах) и «ловах» (охотах); за автобиографией следует письмо Мономаха своему исконному врагу Олегу Святославичу (Олегу Гориславичу «Слова о полку Игореве»). Все три написаны в различной стилистической манере и, возможно, в разное время. Но все три сочинения связаны одной сильной идеей — и как крепко связаны! На этой идее сочинений Владимира Мономаха стоит остановиться особо. В сущности, она очень проста, но в своей простоте поражает современного читателя высоким чувством патриотического долга.

Во время Мономаха Русь переживала интенсивный процесс феодального дробления со всеми свойственными этому дроблению опасностями для силы и независимости Руси. Феодальное дробление было результатом экономического и культурного роста отдельных княжеств, при котором каждая из растущих областей выражала тенденцию к обособлению и самостоятельности. Этот процесс был естественным и необходимым, но он вел к военному ослаблению Руси и многочисленным междоусобным войнам из-за соперничества по возглавлению Руси. Надо было воззвать к самым высоким патриотическим чувствам русских людей и дать личный пример забвения обид. Высокий долг падал на церковную литературу. И вот Мономах, а немного спустя его сын Мстислав Великий (внук по матери последнего англосаксонского короля Гаральда, потерпевшего страшное поражение от норманнского завоевания Англии в битве при Гастингсе 1066 г.) создают культ князей братьев Бориса и Глеба, безропотно подчинившихся убийцам, подосланным их старшим братом Святополком Окаянным, во имя все того же единства Руси, покровительствуют созданию посвященных им произведений, покровительствуют летописанию и т. д.

Мономах учит князей соблюдению взаимных обязательств и взаимной уступчивости. В первом из своих сочинений он ил-

люстрирует свою идею богословскими соображениями. Между прочим, он прибегает к следующему примеру из мира природы. Весной птицы летят из рая и расселяются по всей земле. Каждая птица находит свое прежнее место и каждая довольствуется своим уделом: и слабые птицы, и сильные. Ни одна не вторгается в удел другой. В следующем сочинении — своей автобиографии — Мономах стремится показать необходимость соблюдать принцип довольства наследственными уделами личным примером и не боится говорить и о тех нарушениях этого принципа, которые допускал сам. Но самый изумительный пример уступчивости во имя единства Руси дает Мономах в своем письме к Олегу Гориславичу. События, послужившие поводом к письму, разыгрались в 1096 г. В междоусобной битве с Олегом был убит сын Мономаха Изяслав. Старший сын Мономаха Мстислав послал письмо Олегу с требованием отступить от незаконно захваченных тем владений и предложением примирить Олега с Мономахом. Олег отказался, двинул войска против Мстислава, был наголову им разбит и бежал за пределы Руси. Мономах пишет не простому убийце своего сына: Олег в какой-то краткий промежуток затишья вражды крестил Изяслава, был его крестным отцом и, по представлениям Средневековья, мог поэтому считаться сыноубийцей. О чем же пишет Мономах побежденному в бою убийце своего сына? Он прощает его! Он предлагает ему вернуться на наследственно принадлежащие ему земли, он даже утешает и оправдывает его! Он пишет Олегу, что жизнь человеческая в руках божьих, и просит его только отпустить молодую вдову Изяслава, чтобы он мог утешить ее, вместе оплакать сына. Письмо Мономаха свидетельствует об очень высоких нравственных представлениях Мономаха и о его готовности от многого отказаться ради мирного утверждения принципа, провозглашенного перед тем на Любеческом съезде князей: «...пусть каждый князь владеет княжеством своего отца».

Другой памятник, очень характерный для начального этапа древнерусской литературы, — «Житие Феодосия Печерского». Житие это представляет собой совершенно особый и уже отстоявшийся тип повествования. И это удивительно, так как оно принадлежит тому же Нестору, который придал окончательное и совсем другое оформление Начальной русской летописи, созданной на основе предшествующих летописей, —

«Повести временных лет». Умение подчиниться требованиям жанра — признак писательской зрелости в Средние века.

Рассказ о человеке ведется в «Житии Феодосия» путем выделения только некоторых моментов его жизни: тех, в которых он достигает как бы наивысшего самопроявления.

Из «Жития Феодосия» мы узнаем многое об окружающем его быте и целиком погруженных в этот быт людях. Здесь и быт богатого провинциального дома в Васильеве — дома, руководимого его властной матерью. Кое-что мы узнаем о положении слуг в этом доме. Бегство Феодосия в Киев рисует нам торговый обоз с тяжело нагруженными товарами телегами. Его отношения с Изяславом позволяют заглянуть в княжеские хоромы во время пира. Узнаем мы и о разбойничьих шайках, бродивших вокруг Киева, о суде и судьях, о писании книг в монастыре Великим Никоном и о помощи ему Феодосием в их переплетении. Вводит нас жизнеописатель в монастырскую княжескую поварню, в крестьянский хлев, в пекарню, в монастырские кельи. Но описание быта ведется очень сдержанно — только в той мере, в какой это необходимо для сюжета, — сюжет же всегда поднимается над незначительностью и суетностью «мимотекущей» жизни. В обстановке временного усматривается вечное, в случайном — значительное. Благодаря этому быт оказывается обряжен в церемониальные формы высоких добродетелей. Это как бы те ветхие и бедные реликвии, которые лежат в драгоценнейших сосудах и которым поклоняются пришедшие в монастырь странники. Бедность монастырской жизни, которая рисуется в «Житии Феодосия», драгоценнее всякого земного богатства, потому-то она так и подчеркивается. В целом «Житие Феодосия» нашло идеальное выражение монументальному стилю в описании «частной» жизни отдельного человека. В последующем развитии русской литературы рассказ о жизни человека постоянно стал слагаться из отдельных эпизодов, рисующих эту жизнь человека значительной и как бы предопределенной свыше.

В гениальном памятнике XII в. «Слово о полку Игореве» воплотились все лучшие особенности литературы Руси. С одной стороны, оно типично для своего времени, но с другой — выделяется в нем.

В самом деле, по своим идеям «Слово о полку Игореве» не было одиноким памятником. В сущности, вся русская литера-

тура XII в. пронизана идеей необходимости единения, особенно единения княжеского, государственного, сплочения военного и прекращения междоусобных войн. Литература противостоит печальной действительности. Она отталкивается от нее, зовет к ее исправлению. В этом своеобразная диалектика отношений литературы и действительности. С одной стороны, она порождена действительностью и не может сказать ничего, чего не было бы в этой действительности или в существующей в это время литературной традиции («второй действительности» своего времени); с другой — литература идет впереди своего времени. Это особенно характерно для русской литературы вообще, которая всегда стремилась к исправлению общественных недостатков. На этом передовом характере литературы строился весь общественный авторитет русской литературы. И этот общественный авторитет она стала завоевывать с самого начала, но особенно в XII в., в эпоху, когда литература составила большую общественную силу, — в эпоху «Слова о полку Игореве».

«Слово о полку Игореве» посвящено походу 1185 г. на половцев новгород-северского князя Игоря Святославича и написано, очевидно, под свежим впечатлением от его поражения. Но, по существу, настоящим героем этого произведения является вся Русская земля, взятая в широчайших географических и исторических пределах. В этом широком охвате Русской земли и заключена конкретность призыва автора к единству всех русских княжеств; автор сознает реальное и художественное их единство, их историческую общность и, следовательно, трагичность разрыва между печальным положением Руси, ввергнутой в раздоры князей, и идеальным и возможным величием ее истории, ее природы, находящейся в сочувственном единении с русским народом.

Автор «Слова» непрерывно переходит в своем повествовании от одного географического пункта Руси к другому. Он охватывает крайние географические точки своими призывами к единению, обращениями к отдельным князьям и даже просто историческими припоминаниями, как бы указывая этим на историческое единство Руси, находящееся в противоречии с ее раздираемым усобицами князей настоящим. «Золотое слово» Святослава Киевского, обращенное им с гор Киевских, обходит всю Русскую землю по окружности — ее самые крайние точки. Мифическое существо — Див — кличет на вершине де-

рева, велит послушать земле неведомой (так называлась Половецкая степь), Волге, и Поморию, и Сурожу, и Корсуню, и Тмутороканскому болвану на Черном море. Жена Игоря Ярославна плачет на высокой точке Путивля, на забралах его крепостной стены над заливными лугами Сейма, обращаясь к солнцу, ветру, далекому Днепру. Девыцы после возвращения Игоря из половецкого плена поют вдаль на Дунае, их голоса вьются через море (по которому плыли от Дуная до Днепра) до Киева. Каждое действие воспринимается как бы с огромной высоты. Благодаря такому зрению и сама битва Игоря с половцами приобретает всесветные размеры: черные тучи, символизирующие врагов Руси, движутся от самого моря, дождь идет стрелами с Дона великого, ветры веют стрелами с моря. Битва как бы наполняет собой всю широкую степь. «Слово» постоянно говорит о «славе» князей — нынешних и прошлых — и также в этих широчайших пределах. От войска Романа и Мстислава дрогнула земля и многие страны — Хиньва, Литва, Ятвяги, Деремела, и половцы копья свои повергли и головы свои склонили под те мечи булатные. Князю Святославу Киевскому поют славу немцы и венецианцы, греки и моравы. Широкие пространственные формы приобретают в «Слове» и такие понятия, как «тоска», «печаль», «грозы»: они текут по Русской земле, воспринимаются в обширных географических пределах как нечто ландшафтное.

Стиль монументального историзма сказывается в «Слове» и в попытках передать действие как столкновение сил, как передвижение больших масс войска. Действующие лица перенесены в «Слове» с большой быстротой: постоянно в походе Игорь, парадируют в быстрой езде «кмети» — куряне, в быстрых летучих переездах Олег Гориславич и Всеслав Полоцкий. Последний, обернувшись волком, за одну ночь достигает Тмуторокани, слышит в Киеве колокольный звон из Полоцка и т. д. неподвижен князь Святослав Киевский, но его «золотое слово», обращенное с гор Киевских, обходит по кругу всех русских князей по границам Руси. Двигается не он — он церемониально неподвижен, — но зато все движется вокруг него. То же самое и Ярослав Осмомысл. Он также неподвижен высоко на своем златокованом столе в Галиче, но его железные полки подпирают горы Угорские (Карпаты), он мечет бремены через облака, рядит суды до Дуная, грозы его по землям текут, и он открывает врата Киеву. В таком же церемониальном

положении изображен и Всеволод Суздальский, готовый вычерпать шлемами Дон, расплескать веслами Волгу, полететь к Киеву. Великий князь церемониально неподвижен, но он среди бурного движения.

Вообще церемониальность играет существенную роль в стиле монументального историзма и, соответственно, в «Слове о полку Игореве». Не случайно в «Слове» так часто говорится о таких церемониальных формах народного творчества, как славы и плачи. Боян поет славу старому Ярославу и храброму Мстиславу, он свивает славы «оба полы сего времени» и исполняет славу князьям на своем струнном музыкальном инструменте. Славу Святославу поют иноземцы. Говорится в «Слове» о плаче русских жен, о пении славы девицами на Дунае, приводится плач Ярославны (это тоже церемониальный плач — публичный, на гульбище городской стены).

В «Слове» упомянут и описан целый ряд церемониальных положений: обращение Игоря к войску, звон славы в Киеве. Игорь вступает в золотое стремя (это тоже церемониал выступления в поход). После победы Игорю подносят трофеи. В церемониальном положении изображен «на борони» Всеволод буй тур. О пленении Игоря сообщается как о церемониальном пересаживании из золотого княжеского седла в седло кощеево (рабское). Своеобразно церемониальное положение Всеслава Полоцкого: он добывает себе Киев, как «девицу любу» — невесту. Церемониален парад курян-кметей. Завершается «Слово» великолепной церемонией въезда Игоря в Киев и пением ему славы в разных концах Русской земли.

Монументализм и церемониальность XII в. сочетаются в «Слове» и с тем, что каждое событие воспринимается в нем в большой исторической перспективе. В «Слове» постоянно говорится о дедах и внуках, о славе дедов и прадедов, об «Ольговом гнезде» (Олег Святославич-Гориславич — дед Игоря). Сам автор «Слова» — внук Бояна, ветры — «Стрибожи внуци», русское войско — «силы Дажьбожа внука», Ярослав Черниговский с подвластными ему войсками ковуев звонят в «прадедную славу». Изяслав Василькович «притрепал» славу деду своему Всеславу Полоцкому. Внуков последнего призывают понизить свои стяги — церемониальный знак признания себя побежденными — и т. д.

Чтобы опозитизировать события, современные походу Игоря, автор привлекает русскую историю XI в. Свои поэтические сопоставления автор делает с историей Олега Святосла-

вича (деда Игоря) и Всеслава Полоцкого, с битвой Бориса Вячеславича на Нежатиной Ниве, с гибелью в реке Стугне юноши князя Ростислава, с поединком Мстислава Тмутороканского и косожского князя Редеди. Это все события XI в. — «дедовские» по времени.

В «Слове» остро ощущается воздух русской истории. Повторяем: «Слово» принадлежит монументально-историческому стилю, который не только определял форму произведений, но был глубоко идеологичен и лучше всего мог выразить представления о единстве Руси — в географическом и историческом отношениях. В «Слове о полку Игореве» монументально-исторический стиль был теснейшим образом связан с его призывом к единению, к защите пространства Руси, к динамизму обороны. Благодаря тому, что монументализм выражался в эту эпоху по преимуществу с помощью изображения быстроты передвижения в огромных пространствах, — очень небольшое по своим размерам «Слово о полку Игореве» производило исключительно сильное впечатление непосредственным ощущением единства всей Русской земли как живого огромного существа. Оно сумело соединить лирическое отношение к Руси с эпическим, историю Руси с походом Игоря Святославича, рассказать о несчастных последствиях одного, казалось бы небольшого, похода для всей Руси.

«Слово о полку Игореве» не было одиноким памятником своего времени. Это ясно не только потому, что оно принадлежало тому же стилю монументального историзма, к которому принадлежали и все другие произведения того же времени. Это ясно и не только потому, что в нем отразилось то же сознание единства Руси, которым жили все русские произведения XII — первой трети XIII в. В «Слове» есть и прямые совпадения с летописью (главным образом, с Киевской, читающейся сейчас в составе Ипатьевской летописи — одной из самых красочных в Древней Руси) и с отдельными произведениями. Стоит в этой связи остановиться на слове, которое было произнесено 2 мая 1175 г., в день празднования памяти князей Бориса и Глеба, в черниговском соборе Спаса неизвестным автором, — «Слове о князьях». Оно, очевидно, не случайно на 10 лет предшествует «Слову о полку Игореве» и при этом возникает в том самом родовом гнезде «Ольговичей», в которое входили герои «Слова о полку» — Игорь Святославич Новгород-Северский, Святослав

Всеволодович Киевский и брат Игоря — Всеволод буй тур. В «Слове о князьях» Борисе и Глебе, погибших мученической смертью от руки подсланных их старшим братом Святополком убийц, восхваляется безропотное подчинение старшему брату и осуждаются княжеские усобицы, — усобицы, возникающие иногда «за малую обиду». Даже в церковной службе Покрову, празднику, русскому по своему происхождению (Покров до XIX в. праздновался только на Руси), мы находим поэтические строки, осуждающие братоубийственные раздоры князей. В службе этой говорится о вражеских стрелах — стрелах, летящих «во тьме разделения нашего».

Резче всего осуждались княжеские раздоры в летописных повестях о княжеских преступлениях. Создался целый жанр произведений, рассказывающих о том или ином преступлении князей: об убийстве Игоря Ольговича в Киеве в 1147 г., о клятвопреступлении Владимирки Галицкого или об убийстве Андрея Боголюбского. Характерная черта всех этих повествований — натуралистическое описание самого злодеяния. Авторы этих повестей как бы стремились к тому, чтобы возбудить в своих читателях ужас и ненависть к преступникам. Особенно характерна в этом отношении «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского». Автор во всех деталях описывает убийство, к тому же совершающееся не сразу, как не сразу совершилось ослепление Василька Тербовльского или Игоря Ольговича. Убийство Андрея Боголюбского совершается в темноте, сами убийцы путаются и действуют беспорядочно, Андрей еле живой уходит из спальни, убийцы находят его по кровавому следу и т. п.

Становление литературных жанров, как и становление опять-таки быта феодализирующегося общества в целом, рисует нам и другое знаменитое произведение того времени — «Моление Даниила Заточника». Это произведение во многом загадочное, но и безусловно замечательное. Неясен прежде всего вопрос — считать ли два основных текста, встречающиеся в рукописи (один, имеющий в заголовке название «Моление», а другой — «Слово»), за варианты одного и того же произведения или это два разных произведения. Неясен вопрос и о том, кто главный персонаж, он же и предполагаемый автор, «Моления» (будем условно оба текста считать за одно произведение) — Даниил Заточник: кто он по своему социальному положению, чьи интересы он выражает, какому князю служит.

Неясна и жанровая принадлежность произведения. «Загадочность» «Моления» не случайна — она результат того, что сама литература находилась в XI—XIII вв. в процессе жанрообразования, процессе неустойчивом, а общество было несформировавшимся, становящимся, находящимся в процессе классового образования. Если принять во внимание эту всеобщую неустойчивость, в частности в литературе, где шли поиски новых жанров, отвечающих задачам русской действительности, то объяснение «Моления» может быть такое.

В византийской и древнерусской литературе еще в XI в. существовали сборники изречений. В частности, известен был в Древней Руси «Стословец» Геннадия — сочинение, возможно, и древнерусское, не переводное. Но в этих сборниках изречения не располагались в каком-то стройном порядке. Каждое изречение имело самодовлеющее значение. «Моление» — это тоже в какой-то мере сборник изречений, но нанизанных на определенный и довольно острый сюжет: бедный, зависимый, а может быть, и сосланный на озеро Лаче, на Севере Руси, человек размышляет над тем, как ему выбраться из своего тяжелого положения, прикидывает различные жизненные ситуации, которые помогли бы ему выбраться из его унижений, и обращается к князю с разными мольбами. Положение, знакомое различным эпохам, но особенно острое для эпохи совершающегося классового образования. Мысленно примеривая себя к разным жизненным ситуациям, Даниил шутит над самим собой. Он вымаливает у князя милость, может быть, подачку, стремится рассмешить князя или поразить остроумием. Среди его шуток — предложение жениться на богатой, но «злообразной» (безобразной) жене и изображение этой жены: это как бы сценки для пирушек, на которых присутствуют только мужчины. Восхваляя силу князя и преувеличивая, может быть, свою нищету, Даниил вносит оттенок иронии и в свои похвалы князю. И все же заканчивается «Моление» вполне серьезным превознесением силы князя и мольбой к богу дать «князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову (Александра Македонского. — Д. Л.), Иосифу разум, мудрость Соломону и хитрость (искусность. — Д. Л.) Давидову и умножи, господи, вся человеки под ножи его». Последняя просьба к богу особенно характерна. В огромных пространствах Русской земли людей было немного. Обязанностью князя было привлечь в свои владения как можно больше крестьян, «блюсти смерд», т. е.

умерять их эксплуатацию отдельными феодалами в интересах всего класса феодалов в целом, и давать крестьянам надежную защиту от набегов половцев.

Киево-Печерский патерик и по тому, как он был создан, и по идеям, подспудно в нем выражающимся, — замечательнейший памятник единства Руси.

Киево-Печерский патерик создавался постепенно в разных концах Русской земли на основании различных предшествующих ему произведений и проникнут идеей общерусского значения Киево-Печерской обители.

Патерик возник в двух крайних концах Русской земли — из переписки киево-печерского монаха Поликарпа с владимиро-суздальским епископом Симоном. В своем письме из Киева во Владимир Поликарп пожаловался Симону, что его обходят в церковных назначениях. Симон ответил Поликарпу наставительным письмом на тему о великой чести подвизаться на Киево-Печерской земле и к своему письму присоединил несколько коротких рассказов о жизни печерских монахов. Письмо, очевидно, подействовало на Поликарпа, и он дополнил рассказы Симона своими собственными в письме к печерскому игумену Акиндину. Письма Симона и Поликарпа были объединены в XIII в. со сказанием Нестора о первых черноризцах Печерских, которое в свое время было включено в состав «Повести временных лет» со сведениями из не дошедшего до нас жития Антония Печерского, а также «Житием Феодосия Печерского» и некоторыми другими литературными материалами. Так создано сводное произведение, не совсем похожее по форме и жанровым признакам на византийские патерики, но тем не менее названное в поздних списках именно патериком, чтобы как-то ввести его в привычные церковные жанры.

В Киево-Печерском патерике сказались разнообразные влияния: и влияние эпистолярной практики своего времени, и воздействие тех же греческих патериков, отразилась и летописная форма изложения, стиль житийной литературы, стиль учительных сочинений и, наконец, содержание устных слухов, преданий и других жанров восточнославянского фольклора. В литературной истории Киево-Печерского патерика можно проследить удивительный процесс формирования оригинального по своим жанровым признакам большого памятника на основании множества и самых разнообразных и порой неожиданных влияний. Однако не менее оригинальным явился Кие-

во-Печерский патерик и в идейном отношении. Христианские представления соединились в нем с древним культом Земли, который также в какой-то мере сказался на идейной стороне монументально-исторической формации. Место, на котором построена Успенская церковь монастыря, — свято. Оно указано чудесами. Чудесно указана и мера церкви. По ней, по этой мере, выстроены Успенские же церкви богородицы в Ростове и Суздале. Из Печерского монастыря выходят епископы, и иноки его строят монастыри по всей Руси — вплоть до далекой Тмутарокани на Черном море или даже выходят за пределы Руси и строят киево-печерские подворья и в Паннонии (на полуострове Тихань на Балатоне), и в Чехии. Монастырь как бы распространяет знаки святости по всей земле, и прежде всего по Русской. Это святыня всерусская и всесветная. Всякая местность освящается построением в ней монастыря или церкви, историческими и церковно-историческими воспоминаниями, закрепленными в самых разнообразных литературных произведениях. По сути дела, на этом строилось и понятие «Святой Руси»: каждое место в ней утверждалось в своей абсолютной ценности благодаря этим «отметкам» — освящению их воспоминаниями в письменности и памятниками в зодчестве. Русь освящалась ими и как бы объединялась.

При этом обратим внимание вот на что: по словам Симона, чтение, и особенно чтение летописи, внушает мысль о значении Печерской обители для всего «Русского мира». Такова же роль чтения и в проповеди мира как тишины и спокойствия, братолюбия князей. «Русский мир» — страна, и «мир в Русской земле» — это, по существу, нечто общее. Эта идея роли чтения по-своему замечательна и очень действенна. Ни один из писателей XII — начала XIII в. не опускался до проповеди разделения Русской земли. Летописцы и отдельные книжники могли разноречить, ошибаться и могли находить именно своего князя правым в создавшихся конфликтах, считая его первым среди русских князей и наиболее достойным занять в Русской земле или в том или ином княжестве руководящее место, однако в целом русская литература на всем своем протяжении ее вплоть до Батыева нашествия проповедовала одно: необходимость «блюсти Русскую землю».

Киево-Печерский патерик не только служил идее единства Руси, но и утверждал самобытность Руси, способствовал формированию в ней своего русского церковного идеала поведе-

ния, церковного церемониала. Так, например, в патерике рассказывается, как родился русский обычай вкладывать в руку умершего написанную молитву с просьбой о прощении грехов. Авторы патерика сознавали, что этого обычая нет в других землях. А между тем это еще одно применение письменности в одной из самых «письменных» из всех письменных стран средневековой Европы, если судить хотя бы по распространению в ней берестяных грамот.

Авторы патерика стремились создать идеал чинного образа жизни не только в монастыре, но и за его пределами. В патерике рассказывается, например, на основании «Жития Феодосия», как киевский князь Изяслав, навестив однажды Феодосия, спросил у него, почему так вкусна пища в его монастыре, тогда как его собственная на пирах, где пища особенно разнообразна и многоценна, «не суть такова сладка, яко же сия». Феодосий разъяснил князю: потому, что она готовится в монастыре благоговейно и по обрядам, описал эти обряды, а у князя пища готовится рабами, которые работают «сварящися (ссорясь. — Д. Л.) и кленуше друг друга, и многажды же биемы суть от приставник, и тако вся служба их с грехом съвершается».

Этот эпизод в патерике не случаен. Патерик относится к тому времени, когда происходило становление феодального быта, образовывался этикет — этикет поведения, этикет воинский, княжеский, монашеский. Каждое сословие в это время предстает в литературе как бы в своем геральдическом знаке, изображающем его в момент исполнения им его высшего словного долга: князь выезжает на битву впереди войска и первым ломает в битве копье (т. е. начинает битву); подручные князя ездят у стремена своего главы; отроки предостоят перед князем; бояре заседают в совете («бояре думающие»); крестьяне пашут, покрикивая на лошадей, и т. д. Характерен и тот образ работающего монаха, который дает Киево-Печерский патерик: «Многажды же великому Никону сидящу и строящу книги, и блаженному (Феодосию. — Д. Л.) въкрай его сидящу и прядушу вервие еже на потребу таковому делу». Сравните в патерике и другую идиллическую сцену с тем же Феодосием: Ларион «беяше бо книгам хитр писати, и съй по вся дик и ноци писаше книги в келий блаженнаго отца нашего Феодосия, оному же (т. е. Феодосию. — Д. Л.) псалтыр поюшу усты тихо и рукама прядуша вълну (шерсть. — Д. Л.) или ино кое дело...». «Делание» книг (их писание, переплетение и пр.) — это одно

из важнейших монашеских занятий. Но есть и другие. Патерик замечателен тем, что живописует и эти занятия монахов, помимо молитвы и бдения, — в садоводстве, в приготовлении пищи, а иногда и в руководстве строительными работами. В последнем случае описываются в патерике и «трудовые» конфликты, возникающие между работниками, нанятыми со стороны, и монастырем. Не всегда идеально ведут себя и сами монахи. В них сказываются и дурные черты характера, и разные слабости. Однако конфликты в конце концов прекращаются и монашеская идиллия восстанавливается.

Патерик, с одной стороны, показывает нам становление на Руси нового литературного жанра, а с другой, параллельно этому, — становление на Руси феодального быта и феодальных идеалов поведения. Восхваляя и осуждая, авторы патерика и в том и в другом случае пропагандировали идеальные, с их точки зрения, отношения внутри монастыря и с окружающим обществом — с князем в первую очередь. В результате патерик создал ряд «картинок с натуры», поражающих нас сейчас «прелестью простоты и вымысла» (выражение Пушкина, читавшего патерик).

Восточнославянские литературы всегда были литературами с «открытыми границами». Переводная литература занимала в них такое же место, как и оригинальная. Рукописи из балканских стран ввозились и здесь «смешивались» со своими — переписывались на равных с ними основаниях, составлялись сводные редакции — болгаро-русские, сербо-украинские, молдаво-влахийско-болгаро-русские и т. д. Вместе с тем до очень поздней поры литературы трех братских народов воспринимались и развивались как единая литература. Единными они были и в глазах их авторов, переписчиков, печатников, и в глазах самих читателей. Характерна в этом отношении деятельность первопечатника Ивана Федорова: перенося свою деятельность с места на место, из Москвы во Львов, он не был ни перебежчиком, ни изменником, он делал одно дело.

Не случайно на Русь в XIV—XVI вв. переезжали сербские и болгарские писатели и чувствовали себя здесь как на родине, защищали общее дело восточного славянства, а в монастырях Афона, Болгарии, Сербии, Молдаво-Влахии работали восточнославянские переписчики и книжники. Книжники из Руси работали и в Будапеште, учились в Кракове.

Мысль о каждом народе как о части *всечеловечества* дожила до нашего времени и в XIX в. получила яркое выражение в знаменитой речи Достоевского при открытии памятника Пушкину. Достоевский только в силу ограниченности представлений своего времени о древнерусской литературе не знал, что приписываемые им Пушкину «чувства-идеи» и необыкновенная восприимчивость Пушкина ко всем явлениям культуры Европы существовали уже в Древней Руси, и существовали в полной мере.

Другая особенность наших восточнославянских литератур, также появившаяся как бы сразу, во всяком случае «повзрослевшая» в течение очень короткого времени, — это их учительный характер.

«Неправду» князей уже в середине XI в. разоблачал летописец Никон, затем летописец Нестор и его преемники, потом — составители повестей о княжеских преступлениях (об ослеплении Василька Тербовльского, об убийстве Игоря Ольговича, об убийстве Андрея Боголюбского, о клятвопреступлении Владимирки Галицкого и пр.), далее с призывами к князьям обращался автор «Слова о князьях» и автор «Слова о полку Игореве», в период татаро-монгольского нашествия — авторы северо-восточных повестей о событиях Батыевщины и т. д.

Характерно и чрезвычайно важно, что изобличение неправд идет параллельно с поисками положительных решений. Это не критика ради критики, а поиски решения вопроса и об укреплении государства, и о создании строя социальной справедливости. Эти особенности восточнославянских литератур сохранились и развились в новое время — в литературе XIX и XX вв. В этом исключительная роль тысячелетних традиций русской литературы — традиций, начавших накапливаться с X—XII вв.

Д. С. Лихачев

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Древнерусский текст

СЕ ПОВЕСТИ ВРЕМЯНЫХ ЛЕТ, ОТКУДУ ЕСТЬ
ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ, КТО В КИЕВЕ НАЧА
ПЕРВЕЕ КНЯЖИТИ, И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ
СТАЛА ЕСТЬ

Се начнем повесть сию.

По потопе *трие* сынове Ноеви разделиша землю, Сим, Хам, Афет. И яся восток Симови: Персида, Ватрь, до же и до Индикия в долготу, и в ширину *и до Нирокурия*, якоже рещи от востока и до полуденя, и Сурия, и Мидия по Ефрат реку, Вавилон, Кордуна, асуряне, *Месопотамия*, Аравия Старейшая, Елмаис, Инди, *Аравия Силная, Колия, Комагини, Финикия* вся.

Хамови же яся полуденная страна: Еюпет, Ефивопись, прилежащая ко Индом, другая же Ефивопись, из нея же исходить река ефиопская Чермна, текущи на восток, *Фива, Ливия*, прилежащи до Куриния, Мармарья, *Сурьти, Ливия* другая, Нумидья, Масурия, Мавританья *противу суши* Гадире. Суцим же ко востоком иматъ Киликию, Памфилию, Писидию, *Мисию*, Лукаонию, Фругию, Камалию, Ликию, Карию, Лудью, *Мисию* другую, Троаду, *Еолиду*, Вифунию, Старую Фругию; и *островы* неки иматъ: Сарьдани, Крит, Купр, и реку Геону, зовемую *Нил*.

Афету же яшася полунощныя страны и *западныя*: Мидия, Альванья, *Арменья* Малая и Великая, Кападокия, Фефлагоии, Галат, *Кольхись*, Воспории, Меоти, Дереви, *Сармати*, Тавриани, *Скуфия*, Фраци, Макидонья, *Далматия*, *Малоси*, Фесалья, Локрия, Пеления, яже и Полопонис наречеса, Аркад, Япиронья, Илюрик, Словене, *Лухития*, Андриокія, Ондрейтинская пучина. И иматъ же и острова: Вротанию, Сикилию, Явию, Ро-

дона, Хиона, Лезовона, Кофирана, *Закунфа*, Кефалинья, Ифакину, Керькуру, часть *Асийския* страны, нарицаемую Онию, и реку Тигру, *текущую* межю Миды и Вавилономъ; до Понетъского моря, на полнощныя страны, Дунай, Днестр и Кавкаисинския горы, рекше Угорьски, и отгуде доже и до Днепра, и прочая реки: Десна, Припеть, Двина, Волхов, Волга, яже идеть на восток, в часть Симову. В Афетове же части седять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, *летьгола*, любь. Ляхове же, и пруси, чюдь преседять к морю Варяжьскому. По сему же морю седять варязи семо ко востоку до предела Симова, по тому же морю седять к западу до земле Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колено: варязи, свей, урмане, *готе*, русь, агняне, галичане, волхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочий, *ти же* приседять от запада к *полуденью* и сседяться с племянем Хамовым.

Сим же и Хам и Афет, разделивше землю, жребьи метавше, не преступати никомуже в жребий братень, *и живяху* кождо в своей части. Бысть язык един и умножившемся человеком на земли, *и помыслиша* создати столп до небесе, в дни Нектана и Фалека. И собращася на месте Сенар поли здати столп до небесе и град около его Вавилон; и созда столп то за 40 лет, *и не свершен бысть*. И сниде господь бог видети град и столп, и рече господь: «Се род един и язык един». И смеси бог языки, и раздели на 70 и 2 языка, и рассея по всей земли. По размешеньи же язык бог ветром великим разруши столп, и есть останок его промежю Асюра и Вавилона, и есть в высоту *и в ширину локот 5433 локти*, и в лета многа храним останок.

По размешеньи же столпа и по разделеньи язык прияша сынове Симови восточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны. Афетови же прияша запад и полу-

нощныя страны. От сих же 70 и 2 языку бысть язык словенск, от племени Афетова, нарци, еже суть словене.

По мнозех же временах сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. От тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте. Яко пришедше седоша на рече имянем Маравы, и прозвашася моравы, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словени: хрвате белии и серебь и хорутане. Волхом бо нашедшем на словени на дунайския, *и седшем* в них и насилящем им, словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лугичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; *инии седоша на Двине и нарекошася полочане*, речьки ради, яже втечеть в Двину, имянем Полота, от сея прозвашася полочане. Словени же седоша около езера Илмеря, *и прозвашася* своим имянем, и сделаша град и нарекоша ѝ Новгород. А друзии седоша по Десне, и по *Семи*, по Суле, и *нарекошася север*. И тако разидеся словеньский язык, темже и грамота прозвася словеньская.

Поляном же жившим особе по горам сим, бе путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти, *и по Ловоти* внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волхов и втечеть в озеро великое *Нево*, *и того озера* внидеть устье в море Варяжьское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в *Понт море*, в не же втечет Днепр река. Днепр бо потече из Оковьскаго леса, и потечеть на полдне, а Двина ис того же леса потечет, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжьское. Ис того же леса потече Волга на восток, и втечеть семьюдесят жерел в море Хвалисьское. Темже и из Руси можеть

ити по Волге в Болгары и в Хвалисы, и на восток дойти в жребий Симов, а по Двине в Варяги, из Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр втечет в Понетское море жерелом, еже море словеть Руское, по нему же учил святой Оньдрей, брат Петров, якоже реша.

Оньдрею учащу в Синопии и пришедшу ему в Корсунь, *увезде*, яко ис Корсуни близь устье Днепрское, и въсхоте пойти в Рим, и проиде в вустье Днепрское, и оттоле поиде по Днепру горе. И по приключаю приде и ста под горами на березе. И заутра встав и рече к сущим с ним учеником: «Видите ли горы сия? — яко на сих горах восияеть благодать божья; иматъ град велик *быти* и церкви многи бог въздвигнути иматъ». И вшед на горы сия, благослови я, и постави крест, и помолився богу, и слез с горы сея, идеже послеже бысть Киев, и поиде по Днепру горе. И приде в словени, идеже ныне Новгород, и виде ту люди сущая, како есть обычай им, и како ся мьпоть и хвощются, и удивися им. И иде в *Варяги*, и приде в Рим, и исповеда, елико научи и елико виде, и рече им: «Дивно видех Словенскую землю идучи ми семо. Видех бани древены, и пережгутъ е рамяно, и совлукуться, и будутъ нази, и облеютъся квасом уснянымь, и возмутъ на ся прутье младое, и бьютъ ся сами, и того ся добьютъ, *одва вылезут ле живи*, и облеютъся водою студеною, и тако ожиуть. И то творять по вся дни, не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мовенье себе, а не мученье». Ты слышаще дивляхуся. Оньдрей же, быв в Риме, приде в *Синопию*.

Подем же жившем особе и владеющем роды своими, иже и до сее братье бяху поляне, и живяху каждо с своим родом и на своих местех, владеюще каждо родом своим. И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь. *Седяше* Кий на горе, гдеже ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, гдеже ныне зовется Щековица, а Хо-

рив на третьей горе, от него же прозвася Хоревича. И створиша град во имя брата своего старейшаго, и нарекоша имя ему Киев. Бяше около града *лес* и бор велик, и бяху ловяща зверь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дне.

Ини же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозник был, у Киева бо бяше перевоз тогда с оной стороны Днепра; темь глаголаху: на перевоз на Киев. Аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил Царюгороду; но се Кий княжаше в роде своемь, приходившу ему ко царю, якоже скажутъ, яко велику честь приял от царя, при котормь приходив цари. Идущю же ему опять, приде к Дунаеви, и възлюби место, и срубил градок мал, и хотяше сести с родом своим, и не даша ему ту близь живущии; еже и доньне наречють *дунайци* городище Киевецъ. Киеви же пришедшу в свой град Киев, ту живот свой сконча; и брат его Щек, и Хорив, и сестра их Лыбедь ту скончашася.

И по сих братьи держати почаша род их княженье в полях, а в деревлях свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новгороде, а другое на Полоте, иже полочане. От них же кривичи, *иже* седять на верх Волги, на верх Двины и на верх Днепра, их же град есть *Смоленск*; туда бо седять кривичи. Таже север от них. На Белеозере седять весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же. А по Оце реце, где *втечет* в Волгу, мурома язык свой, и черемиси свой язык, мордва свой язык. Се бо токмо словенск язык в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, север, бужане, зане седоша по Бугу, послеже же вельняне. А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, *нерома*, либь: си суть свой язык имуще, от колена Афетова, иже *живутъ* в странах полунощных.

Словенську же языку, якоже рекохом, *живущю* на Дунаи, придоша от скуф, рекше от козар, рекомии болгаре, и седоша по Дунаеви, и населници словеном быша. Посемь придоша угри белии, и наследиша землю словенську. Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго. В си же времена быша и обри, *иже* ходиша на *Ираклия* царя и мало его не яша. Си же *обри* воеваху на словенех, и примучиша дулебы, сущая словены, и насилье творяху женам *дулебским*: аще поехати будяше обрину, не дадыше впрячи коня ни вола, но веляше впрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телегу и повести обрена, и тако мучаху дулебы. Быша бо обре телом велици и умом горди, и бог потреби я, помроша вси, и не остася ни един обрин. И есть притча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре; их же несть племени ни наследка. По сих же придоша печенези; паки идоша угри чернии мимо Киев, послеже при Олзе.

Поляном же жиущем особе, якоже рекохом, *сущим* от рода словенска, и нарекошася поляне, а *древляне* от словен же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляхов. Бяста бо 2 брата в лясех, — Радим, а *другий* Вятко, — и пришедша седоста Радим на Сжю, и прозвашася радимичи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи. И *живяху* в мире поляне, и деревляне, и север, и *радимичи*, вятичи и хрвате. Дулеби живяху по Бугу, где ныне вельняне, а улучи и тиверьци седяху бо по Днестру, приседяху к Дунаеви. Бе множество их; седяху бо по Днестру *оли* до моря, суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грек Великая скуфь.

Имяху бо обычаи свои, и закон отец своих и преданья, кождо свой нрав. Поляне бо своих отець обычай имуть кроток и тих, и стыдене к снохам своим и к сестрам, к матерем и к родителем своим, к свекровем и к деверем велико стыдене имеху, брачный обычай имяху: не *хожаше* зять по невесту, но приводяху ве-

чер, а завтра приношаху по ней что владуче. А древляне живяху звериньским образом, *живуще* скотски: убиваху друг друга, ядыху вся нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девиця. И радимичи, и вятичи, и север один обычай имяху: живяху в лесе, якоже и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в них пред отьци и пред снохами, и браци не бываху в них, *но* игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская *песни*, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто свещашеся; имяху же по две и по три жены. И аще кто умряше, творяху *трызну* над ним, и по семь творяху кладу велику, и възложакуть ѳ на кладу, мертвеца сожжяху, и посемь собравше кости вложакху в судину малу, и *поставляху* на столпе на путех, еже творять вятичи и ныне. Си же творяху обычая кривичи и прочии погании, не ведуще закона божия, но творяще сами себе закон.

Глаголетъ Георгий в летописаньи. «Ибо комуждо языку овем исписан закон есть, другим же обычаи, зане закон беззаконником отечество мнится. От них же первые сирии, *живуще* на конец земля, закон имуть *отець* своих обычаи: не любодяти и прелюбодяти, ни красти, ни оклеветати, ли убити, ли зло деяти весьма. Закон же и у *вактриян*, глаголеми врахмане и островници, еже от прадед показаньемь и благочестьемь мяс не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, никакая же злобы творяще, страха ради многа и *божия веры*. Ибо яве *таче* прилежащим к ним *индиом* — убийстводейци, сквернотворяще, гневливии паче естества; ли в *нутрнейшии* стране их человек ядуще и странствующих убиваху, паче же ядят яко пси. Етер же закон халдеем и вавилоньямъ: матери поимати, с братними чады блуд деяти, и убивати. И всякое *бестудное* деянье яко *добродетелье* мнятся деюще, любы далече страны своя будуть.

Ин же закон гилиомъ: жены в них орють, зижают храми и мужская дела творять, но любы творять елико хо-

щеть, не вздержаемы от мужий своих весьма, *ли зазрять*; в них же суть храбрыя жены ловити зверь *крепкыи*. Владеют же жены мужи своими и добляютъ ими. Во Вретаньи же мнози мужи с *единою* женою спять, и *многья* жены с единым мужем похотъству-ють: незаконная *яко* закон отецъ творять независть-но ни вздержаньно. Амазоне же мужа не имуть, но и аки скот бесловесный *единою* летом к *вешним* днем оземьствени будутъ; и сочтаются с *окрестными* мужи, *яко* *некоторое* им торжество и велико празденьство время то мнать. От них зачешим в чреве, паки раз-бегнутя отсюду вси. Во время же *хотящим* родити, аще родится отроча, погубять; еще *девическ* пол, то въздоять и прилежне *въспитають*».

Якоже се и при нас ныне половци закон держать отецъ своих: кровь проливати, а *хвалящися* о сем, и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомеки и сусолы, и по-имають мачехи своя и ятрови, и ины обычая отецъ своих. Мы же, хрестияне, елико земля, иже веруютъ в святую Троицу, в едино крещенье, в едину веру, закон имам един, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся.

По сих же летех, по смерти братъе сея, была обидимы древлями и инеми околними. И *наидоша* я козаре, сидящая на горах сих в лесех, и реша козари: «Платите нам дань». Сдумавше *же* поляне и вдаша от дыма мечь, и не-соша козари ко князю своему и к *старейшинымъ*, и реша им: «Се, налезохом дань *нову*». Они же реша им: «Отку-ду?». Они же реша: «В лесе на *горах*, над рекою Днепръ-скою». Они же реша: «Что суть *вдали?*». Они же пока-заша мечь. И реша старци козарьстии: «Не добра дань, княже! Мы ся доискахом оружьемъ *одиною* стороною, *рехше* саблями, а сих оружье *обоюду* остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на нас и на инех странах». Се же сбься все: не от своя воля рекоша, но от божья пове-ленья. Яко и при Фаравоне, цари еюпетьстемь, *егда* приведоша Моисея пред Фаравона, и реша старейшина

фараоня: «Се хочеть смирити область Еюпетьскую»; якоже и бысть: погибоша еюптяне от Моисея, а первое быша работающе им. Тако и си: владеша, и послеже *са-мими* владеють; якоже и бысть: владеють *бо* козары русьскыи князи и до днешнего дне.

В лето 6360, индикта 15, наченшу Михаилу царствова-ти, нача ся прозывати Руска земля. О сем бо *уведахом*, *яко* при семь цари приходиша Русь на Царьгород, якоже пишется в летописаньи гречьстемь. Темже от-селе почнем и числа положим, *яко* «От Адама до по-топа лет 2242; а от потопа до Аврама лет 1000 и 82, а от Аврама до исхоженья Моисеева лет 430; а от *исхо-жения* Моисеева до Давида лет 600 и 1; а от Давида и от начала царства Соломона до плененья Ярусалимля лет 448; а от плененья до Олександра лет 318; а от Олександра до рожества Христова лет 333; а от *Хри-стова* рожества до Коньстянтина лет 318; от Костян-тина же до Михаила сего лет 542». А от перваго лета Михайлова до перваго лета Олгова, рускаго князя, лет 29; а от перваго лета Олгова, *понелиже* седе в Кие-ве, до перваго лета Игорева лет 31; а от перваго лета Игорева до перваго лета Святъславля лет 33; а от перваго лета Святославля до перваго лета Ярополча лет 28; а Ярополк княжи лет 8; а Володимер *княжи* лет 37; а Ярослав княжи лет 40. Темже от смерти Святослав ли до смерти Ярослави лет 85; а от смер-ти Ярослави до смерти Святополчи лет 60.

Но мы на *прежнее* возвратимся и скажем, што ся *здея* в ле-та си, якоже преже почали бяхом первое лето Ми-хаилом, а по ряду положим числа.

В лето 6361. В лето 6362. В лето 6363. В лето 6364.

В лето 6365.

В лето 6366. Михаил царь изиде с вои берегом и морем на болгары. Болгаре же увидевше, *яко* не могоша ста-ти противу, креститися просиша и покоритися гре-ком. Царь же крести князя их и боляры вся, и мир створи с болгары.

В лето 6367. *Имаху* дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех кривичех. А козари имаху на полянех, и на сезерех, и на вятичех, имаху по беле и веверице от дыма.

В лето 6368. В лето 6369.

В лето 6370. Изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и вьста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: «Поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву». И идоша за море к варягом, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи *русь*, яко се друзии зовутся *свие*, друзии же урмане, англяне, друзии гте, тако и си. Реша *руси* чюдь, словени, и кривичи и *весь*: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет. Да поидете княжит и володети нами». И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собе всю русь, и придоша; старейший, Рюрик, *седе Новегороде*, а другий, Синеус, на Белеозере, а третий Изборьсте, Трувор. И от тех *варяг* прозвася Руская земля, новгородьци, ти суть людьє ноугородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени. По дву же лету Синеус умре и брат его Трувор. И прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници варязи, а перьвии насельници в Новегороде словене, в Полотьски кривичи, в Ростове меря, в Белеозере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаше Рюрик. И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родом своим. И поидо ста до Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок. И *упрошаста* и реста: «Чий се градок?». Они же реша: «Была суть 3 братья, Кий, Щек, Хорив, иже сделаша градоко съ, и изгибоша, и мы седим, *род их, платяче дань козаром*». Асколд же и Дир ооста в граде семь, и многи варяги *свокуписта*, и начаста владети польскою землею, Рюрику же *княжащу* в Новегороде.

В лето 6371. В лето 6372. В лето 6373.

В лето 6374. Иде Асколд и Дир на греки, и прииде в 14 *лето* Михаила царя. Царю же отшедшю на огаряны, дошедшю же ему Черные реки, весть епарх посла к нему, яко русь на Царьгород идеть, и вратися царь. Си же внутрь Суду вшедше, много убийство крестьяном створиша, и в двою сот корабль Царьград оступиша. Царь же едва в град вниде, и с патрерархом с Фотьем к сущей церкви святей богородице Влахерне всю ночь молитву створиша, та же божественую святы богородиця ризу с *песными* изнесше, в *мори скуть* омочивше. Тишине суши и морю укротившюся, абье буря вьста с ветром, и волнам вельям вставшем засобь, безбожных Руси *корабля* смяте, и к берегу приверже, и изби я, яко *мало* их от таковогоя беды избегнути и всвоياسي возвратишася.

В лето 6375.

В лето 6376. *Поча* царствовати *Василий*.

В лето 6377. *Крещена* бысть вся земля Болгарьская.

В лето 6378. В лето 6379. В лето 6380. В лето 6381.

В лето 6382. В лето 6383. В лето 6384. В лето 6385.

В лето 6386.

В лето 6387. Умершю Рюрикови, предасть княженьє свое Олгови, от *рода ему* суща, вдав ему сын свой на руже Игоря, *бе бо* детеск вельми.

В лето 6388. В лето 6389.

В лето 6390. *Поиде* Олег, поим воя многи, варяги, чюдь, словени, мерю, *весь*, кривичи, и приде к Смоленську с кривичи, и прия град, и посади муж свои. Оттуда поиде вниз, и взя Любець, и посади муж свои. И придоста к горам х киевским, и *уведа* Олег, яко Асколд и Дир княжита, и похорони вои в лодьях, а другия назади остави, а сам приде, нося Игоря детьска. И приплу под Угорьское, похоронив вои своя, и присла ко Асколду и Дирови, глаголя, яко «Гость есмь, идем в Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придета к нам, к родом своимь». Асколд же и Дир придоста,

выскакав же вси прочии из лодья, и рече Олег Асколду и Дирови: «Вы неста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа», и вынесоша Игоря: «А се есть сын Рюриковъ». И убиша Асколда и Диру, и несоша на гору, и погребоша ѳ на горе, еже ся ныне зоветь Угорьское, кде ныне Олмин двор; на той могиле поставил Олма церковь свягата Николу; а Дирова могила за святою Ориною. И седе Олег княжа в Киеве, и рече Олег: «Се буди мати градом *русьским*». И беша у него варязи и словени и прочи, прозвашася русью. Сей же Олег нача города ставити, и устави дани словеном, кривичем и мери, и *устави* варягом дань даяти от Новагорода гривен 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославле даяше варягом.

В лето 6391. Поча Олег воевати деревляны, и *примучив а, имаше* на них дань по черне куне.

В лето 6392. Иде Олег на северяне, и победи северяны, и взложи на нь дань легку, и не даст им козаром дани платити, рек: «Аз им противен, а вам не чему».

В лето 6393. Посла к радимичем, рька: «Кому дань дайте?». Они же реша: «Козаром». И рече им Олег: «Не дайте козаром, но мне дайте». И ведаша Ольгови по щьягу, якоже и козаром *даяху*. И бе обладая Олег поляны, и деревляны, и *северяны*, и радимичи, а с уличи и тверци имаше рать.

В лето 6394.

В лето 6395. Левон царствова, сын Васильев, иже Лев прозвася, и брат его Олександр, иже царствоваста лет 20 и 6.

В лето 6396. В лето 6397. В лето 6398. В лето 6399. В лето 6400. В лето 6401. В лето 6402. В лето 6403. В лето 6404. В лето 6405.

В лето 6406. Идоша угри мимо Киев горою, еже ся зоветь ныне Угорьское, пришедше к Днепру и сташа вежами; беша бо ходяще, аки се половци. *Пришедше от востока* и устремишася черес горы великия, иже *прозвашася горы Угорьския*, и почаша воевати на живу-

щя ту *волохи* и словени. Седяху бо ту преже оловени, и *волохове* прияша землю словеньску. Посем же угри прогнаша волхи, и наследиша землю *ту*, и седоша с словены, покоривше я под ся, и оттоле прозвася земля Угорьска. И начаша воевати угри на греки, и поплениша землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня. И начаша воевати на *мораву* и на *чехи*. Бе един язык словенескъ: словени, иже седяху по Дунаеви, их же прияша угри, и *морава*, и чеси, и ляхове, и поляне, яже ныне зовомая русь. Сим бо первое предложены книги *мораве*, яже *прозвася* грамота словеньская, яже грамота есть в Руси и в болгарех дунайских. Словеном *живущим* крещеным и князем их, Ростислав, и Святополк, и Коцел послаша ко царю Михаилу, глаголюще: «Земля наша крещена, и несть у нас учителя, иже бы ны наказал, и поучал нас, и протолковал святыя книги. Не разумеем бо ни гречьску языку, ни латыньску; оны бо ны онако учать, а оны бо ны и онако. Темже не разумеем книжнаго образа, ни силы их. И послете ны учителя, иже ны могут сказати книжная словеса и разум их». Се слыша царь Михаил, и созва философы вся, и сказа им речи вся словеньских князь. И реша философи: «Есть муж в Селуни, именем Лев. Суть у него сынове разумиви языку словеньску, хитра 2 сына у него философа». Се слышав царь, посла по ня в Селунь ко *Львови*, глаголя: «Посли к нам вскоре сына своя, Мефодия и Костянтина». Се *слышав* Лев, вскоре посла я, и придоста ко цареви, и рече има: «Се прислалася ко мне Словеньска земля, просящи учителя собе, иже бы могл им протолковати святыя *книги*; сего бо желаютъ». И умолена быста царем, и *послаша* я в Словеньскую землю к Ростиславу, и Святополку и Кцьлови. Сима же пришедшема, начаста сставлявати писмена азбуковьяная словеньски, и преложиста Апостол и Еуангелье. И ради быша словени, яко слышиша виличьа божья своимъ языкомъ. Посем же *преложиста* Псалтырь, и Охтаик,

и прочая книги. *Неции оке начаша хулити словеньския книги*, глаголюще, яко «Не достоинь ни которому же языку имети букв своих, разве евреи, и грек и латин, по *Пилатову* писанью, еже на кресте господни написа». Се же слышав папежь римский, похули тех, иже ропыщють на книги словеньския, река: «Да ся исполнить книжное слово, яко «Всхвалять бога вси *языци*»; другое же: «Вси възглаголють языки величья божья, якоже дасть им святой дух отвещевати». Да аще хто хулить словеньскую грамоту, да будеть отлучен от церкви, донде ся *исправить*: ти бо суть волци, а не овца, яже достоинь от плода знати я и хранитися их. Вы же, чада, божья послушайте ученья и не отрините наказанья церковного, якоже вы наказал Мефодий, учитель вашь». Костянтин же взратився вспять, и иде учит болгарскаго языка, а Мефодий оста в Мораве. Посем же Коцел князь постави *Мефодья* епископа в Пании, на столе святого Андроника апостола, единого от 70, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посади 2 попа скорописца зело, и преложи вся книги исполнь от гречьска языка в словенск 6-ю месяц, начеи от марта месяца до двадесяту и 6-ю день октября месяца. Оконьчав же, достойно хвалу и славу богу въздасть, дающему таку благодать епископу Мефодью, настольнику *Андроникову*. Темже словенску языку учитель есть *Андроник* апостол. В Моравы бо ходил и апостол Павел учил ту; ту бо есть Илюрик, его же *доходил* апостол Павел; ту бо беша словене первое. Темже и словенску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо русь, темже и нам руси учитель есть Павел, понеже учил есть язык *словенск* и поставил есть епископа и намесника *по* себе Андроника словенску языку. А словенский язык и русский одно есть, от варяг бо прозвашася русью, а первое беша словене; аще и поляне звахуся, но словенскаа речь бе. Полями же прозвани быши, зане в поли седяху, а язык словенски един.

В лето 6407. В лето 6408. В лето 6409.
 В лето 6410. Леон царь ная угры на болгары. Угре же, нашедше, всю землю Болгарську пленоваху. Семионже *уведев*, на угры взвратися, и угре противу поидоша и победиша болгары, яко одва Семион в Дерстр убежа.
 В лето 6411. Игореве же взрастьшю, и хожаше по Олзе и *слушаше* его, и приведоша ему жену от Пьскова, именем *Олгу*.
 В лето 6412. В лето 6413. В лето 6414.
 В лето 6415. Иде Олег на Греки. Игорья *оставив* Киеве, поя *же* множество варяг, и словен, и чюдь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от грек Великая скуфь. *И* с сими со всеми поиде Олег на конех и на кораблех, и бе числом кораблей 2000. *И* прииде к Царюграду; и греци замкоша Суд, а град затвориша. *И* выиде Олег на брег, и воевати нача, и много убийства сотвори около града греком, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху пленники, овех посекаху, друга же мучаху, инья же растреляху, а другья в море вметаху, и ина многа *зла* творяху русь греком, елико же ратнии творять.
И повеле Олег воем своим колеса изделати и воставляти на колеса корабля. *И* бывшую покосну ветру, вспя парусы с поля, и идяше к граду. *И* видезше греци и убояшася, и реша, выславше ко Олгови: «Не погубляй града, имемся *по дань*, якоже хочещи». *И* устави Олег воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его — бе бо устроено со отравою. *И* убояшася греци и реша: «Несть се Олег, но святой Дмитрий, послан на ны от бога». *И* заповеда Олег *дань* даяти на 2000 корабль, по 12 гривен на человек, а в корабли *по* 40 муж.
И яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкые земли. Олег же мало отступи от града, нача мир творити со царьма грецкима, со *Леоном* и Александром, посла к нима в град Карла,

Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: «Имите ми ся по дань». И реша греци: «Чего хочещи, дамы ти»...

И рече Олег: «*Исшийте* парусы паволочиты руси, а словенем *кропиньных*», и бысть тако. И повеси щит свой в вратех, показуа победу, и поиде от Царяграда. И *воспяша* русь парусы паволочиты, а словене кропинны, и раздра а ветр; и реша словени: «Имемся своим толстинам, не даны суть словенем пре *паволочиты*». И приде Олег к Киеву, неся золото, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Олга — вещей: бяху бо людье погани и невеигласи.

В лето 6416. В лето 6417. В лето 6418.

В лето 6419. Явися звезда велика на западе *копейным* образом.

В лето 6420. Посла мужи свои Олег построити мира и положити ряд межю Русью и Греку...

Царь же Леон почти послы русьские дарми, золотом, и паволоками и фюфудьями, и пристави к ним мужи свои показати им церковную красоту, и полаты златыа и в них суцаа богатество, злата много и паволоки и камьне драгое, и страсти господня и венець, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святых, учаще я к вере своей и показующе им истинную веру. И тако отпусти а во свою землю с честью великою. Послании же Олгом послы приидоша ко Олгови, и поведаша вся речи обою царю, како сотвориша мир, и уряд положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не преступити ни греком, ни руси.

И живяше Олег мир имеа ко всем странам, княжа в Киеве. И приспе осень, и помяну Олег конь свой, *иже* бе поставил кормити и не вседати на нь. Бе бо впрашал волхвов и кудесник: «От чего ми есть *умрети*?» И рече ему кудесник один: «Княже! Конь, его же любиши и ездиси на нем, от того ти умрети». Олег же приим в уме, си рече: «Николи же всяду на нь, ни вижду его боле того». И повеле кормити и не водити его к не-

му, и пребы неколико лет не виде его, дондеже на Греку иде. И пришедшу ему Киеву и пребывышю 4 лета, на пятое лето помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети. И призва старейшину конюхом, рече: «Кде есть конь мй, его же бега поставил кормити и блюсти его?». Он же рече: «Умерл есть». Олег же посмеяся и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волсви, но *все то лжа есть*: конь умерл есть, а я жив». И повеле оседлати конь: «А то вижду кости его». И прииде на место, идеже беша лежаще кости его голы и лоб гол, и сседе с коня, и посмеяся рече: «От сего ли лба смърть было взяти мне?». И вступи ногою на лоб; и выникнувши змиа *изо* лба, и уклюну в ногу. И с того разболеса и умре. И плакашася людье вси плачем великим, и несоша и погребоша *его* на горе, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, *словеть* могила Ольгова. И бысть всех лет княжения его 33.

Се же не дивно, яко от волхвованиа собывається *чародейство*. Якоже *бысть* во царство Доментианово, некий волхв, именован *Аполоний, Тиянин*, знаем беаше, шествуа и творя всюду и в градах и в селех бесовьскаа чюдеса. От Рима бо пришед в Византию, умолен быв от живущих ту, сотворити сиа: отгнав множество змий и скоропий из града, яко *не* врежатися человеком от них; ярость *коньскую* обуздав, егда схожахуся боаре. Тако же и во Антиохию пришед, и умолен быв от них, томимом бо антиахияном от скоропий и от комар, сотворив медян скоропий и погребе его в земли, и мал столп мраморен постави *над* ним, и повеле трость держати человеком, и ходити по городу и звати, тростем трясомом: «Бес комара граду». И тако исчезнуша из града скоропиа и комарье. И спросиша же паки *о належашем* на граде *труссе*, вздохну, списа на дщице сеа: «Увы тебе, оканный граде, яко потрясеши много, и огнем одержим будеши, *оплачет* же тя и *при* березе *сый Оронтии*». О нем же и великий На-

стасий божья града рече: «Аполонию же даже и доныне на нецех местех собываются *створенаа*, стоаща *ова* на отвращение животен четверног, птица, могути вредити *человеку*, другыя же на воздержанье струам речным, невоздержанно текущим, но ина некаа на тленье и вред человеком суцаа на побежение стоать. Не точью бо за живота его така и таковая сотвориша бесове его ради, но и по смерти его пребывающе у гроба его знаменна творяху во имя его на прелщение оканным человеком, бошею крадомым на таковаа от дьвола». Кто убо что *речеть о творящихся* волшвеним прелщением делех? Яко таковой горазд бысть волшебством, яко воину зазряще ведый Аполоний, яко неистов на ся философескую хитрость имущее; подобашеть бо ему рещи якоже «Аз словом точью *творих*, их же хотяше», а не свершением творити повелеваемаа от него. *Та же* и вся ослабленьем божьим и творением бесовским бывають, таковыми вещьми искушатися наша православныя веры, аще тверда есть и искра пребывающе господевы, и не влекома врагом *мечетных* ради чудес и сотонин дел, *творимых* от враг и слуг злобы. Еще же, но именем господним, и *пророчествоваша* неции, яко Валам, и Саул, и Каиафа, и беси паки изгнаша, яко Июда и сынове *Скевавли*. Убо и не на достойных *благодать* детельствует многжды, да етеры свидетельствует, ибо Валам обоих бе *щюжь* — житья изящна и веры, но обаче *свидетельствова* в нем *благодать* инех ради смотрения. И Фараон таковой бе, но и тому будущаа предпоказа. И Навходоносор законопреступный, но и сему паки по мнзех сущих последи же род откры, тем авляя, яко мнози, прекостни имущее ум, пред образом Христовым знаменають иною кознью на прелесть человеком, не *разумевающим* добраго, якоже бысть Симон волхв, и *Менандр* и *ини таковы*, их ради поистене рече: «Не чудесы прелщати *подобает*...».

- В лето 6421. Поча княжити Игорь по Олзе. В се же время поча царьствовати Костянтин, сын Леонтов. И деревяне затворишася от Игоря по Олгове смерти.
- В лето 6422. Иде Игорь на деревянные, и победив а, и возложи на *ня* дань болши Олговы. В то же лето прииде Семион Болгарьский на Царьград, и сотворив мир, и прииде восвоаси.
- В лето 6423. Приидоша печенези первое на Рускую землю, и сотворивше мир со Игорем, и приидоша к Дунаю. В си же времена прииде Семион, пленя Фракию, греки же послаша по печенегу. Печенегом пришедшим и хотящим на Семеона, расварившеся греческыя воеводы. Видевше печенези, яко сами на ся *реть* имуть, отъидоша всвоасы, а болгаре со грекы *соступишася*, и пересечени быша грекы. Семион же приа град Ондрень, иже первое Арестов град нарицашеся, сына Агамемнон, иже во 3-х реках купався недуга избы ту, сего *ради* град во имя свое нарече. Последи же Андриан кесарь и обновы, в свое имя нарече Андриан, мы же зовем Ондреянем градом.
- В лето 6424. В лето 6425. В лето 6426. В лето 6427.
- В лето 6428. Поставлен царь Роман в Грекох. А *Игорь* воеваше на печенегу. В лето 6429. В лето 6430. В лето 6431. В лето 6432. В лето 6433. В лето 6434. В лето 6435. В лето 6436.
- В лето 6437. Приде Семевон на Царьград, и поплени Фракию и Макидонью, и приде ко Царюграду в силе в велице, в гордости, и створи мир с *Романом* царем, и взратися всвоаси.
- В лето 6438. В лето 6439. В лето 6440. В лето 6441.
- В лето 6442. *Первое* приидоша *угры* на Царьград, и пленоваху всю Фракию; *Роман* сотвори мир со *угры*.
- В лето 6443. В лето 6444. В лето 6445. В лето 6446. В лето 6447. В лето 6448.
- В лето 6449. Иде Игорь на Греки. И послаша болгаре весть ко царю, яко идуть Русь на Царьград, скедий 10 тысящ. Иже придоша, и приплуша, и почаша воева-

ти Вифаньския страны, и воеваху по Понту до *Ирак-лиа* и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую попленивше, и Суд весь пожгоша; их же емше, овехъ растинаху, другия аки странъ поставляюще и стреляху в ня, изимахуть, опаки руже съвязывахуть, гвозди железныи посреди главы въбивахуть *им*. Много же святыхъ церквий *огневи* предаша, монастыре и села пожгоша, и именья немало *от* обою страну взяша. Потом же пришедшем воем от востока, Памфир деместик с 40-ми тысящъ, Фока же патрекий с макидоны, Федор же стратилат с фраки, с ними же и *сановници* боярьстии, обидоша русь около. Свещаша русь, изидоша, вружившеся, на греки, и брани межю ими бывши зъли, одва одолеша гръци. Русь же взратишася к дружине своей к вечеру, на ночь влезоша в *лоды* и отбегоша. Феофан же сустрете в лядах со огнем, и пуцати нача трубами огонь на лодье руския. И бысть видети страшно чюдо. Русь же видящи пламянь, вметакхуся в воду морьскую, хотяще убрести; и тако прочии възвратишася всвояси. Темже пришедшим в землю свою, и поведаху каждо своим о бывшем и о лядьнемъ огни: «Якоже молонья, — рече, — иже на небесех, гръци имуть у собе, и се *пуцающе* же жагаху нас, сего ради не одолехом им». Игорь же, пришед, нача совкупляти вое многи, и посла по варяги многи за море вабя и на греки, паки *хотя* пойти на ня.

В лето 6450. Семеон иде на храваты, и побежен бысть храваты, и умре, оставив Петра князя, сына своего, болгаром.

В лето 6451. Паки придоша угри на Царьград, и мир створивше с *Романом*, возвратишася всвояси.

В лето 6452. Игорь же, совкупив вои многи — варяги, русь, и поляны, словени, и кривичи, и теверьце, и печенеги *наа* и тали у них поя, поиде на Греки в лодьях и на коних, хотя мьстити себе. Се слышавше корсунци, послаша к Раману, глаголюще: «Се *идут* русь, бещисла корабль, покрыли суть море корабли».

Тако же и болгаре послаша вестъ, глаголюще: «Идут *русь*, и наяли суть к собе печенеги». Се слышав царь посла к Игорю лучие боляре, моля и глаголя: «Не ходи, новозьми дань, юже имал Олег, придамъ и еще к той дани». Тако же и к печенегом посла паволоки и злато много. Игорь же, дошед Дуная, созва дружину, и нача думати, и поведа им речъ цареву. Реша же дружина *Игорева*: «Да аще сице глаголетъ царь, то что хочем боле того: не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки? Егда кто вестъ: кто одолеетъ, мы ли, оне ли? Ли с морем кто светен? Се бо не по земли ходим, но по глубине морьстей: обьча смерть всем». Послуша их Игорь, и повеле печенегом воевати Болгарьскую землю; а сам взял у грек злато и паволоки и на вся воя, и взратися вспять, и приде к Киеву всвояси.

В лето 6453. Присла Роман, и Костянтин и Степан слы к Игореву построити мира первого. Игорь же глагола с ними о мире. Посла Игорь муже своя к Роману. Роман же созва боляре и сановники. Приведоша руския слы, и велеша глаголати и псати обоих речи на харатье...

Послании же сли Игорем придоша к Игореву со слы гречьскими, и поведаша вся речи царя Рамана. Игорь же призва слы гречьския, рече им: «Глаголите, что вы казал царь?». И реша сли цареви: «Се посла ны царь, рад есть миру, хочеть мир имети со князем руским и любве. Твои сли водили суть царе наши роте, и нас послаша роте водит тебе и муж твоих». Обещася Игорь сице створити. Заутра призва Игорь слы, и приде на холм, где стояше Перун, и поклагоша оружье свое, и *щиты* и золото, и ходи Игорь роте и люди его, елико поганых руси; а хрестеяную русь водил роте в церкви святаго Ильи, яже есть над Ручаем, конецъ Пасыньче беседы, и козаре: се бо бе сборная церкви, мнози бо беша варязи хрестеяни. Игорь же, утвердив мир с греки, отпусти слы, одарив *скорою*, и чалядью и воском, и отпусти я; сли же придоша ко

цареву, и поведаша вся речи Игоревы и любовь юже к греком.

Игорь же нача княжити в *Кыеве*, мир имея ко всем странам. И приспе осень, и нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большую дань,

В лето 6453. В се же лето рекоша дружина Игоревы: «Отроци Свеньлжи изоделися суть оружием и порты, а мы назиди. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». И послуша их Игорь, иде в Деревяна, и примышляше к первой дани, и насиляше им и мужи его. Возьмав дань, поиде в град свой. *Идущу* же ему вспять, размыслив, рече дружине своей: «Идете с данью домови, а я возвращаюся, похожую и еще». Пустити дружину свою домови, с малом же дружины возвратися, желая больша имения. Слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со князем своим Малом: «Аще ся въвадит волк в овце, то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьем его, то *вся* ны погубить». И послаша к нему, глаголюще: «Почто идеши опять? Поимал еси всю дань». И не послуша их Игорь, и вышедше из града Изкорстеня деревляне убиша Игоря и дружину его; бе бо их мало. И погребен бысть Игорь, и есть могила его у Искорстеня града в Деревях и до сего дне.

Вольга же бяше в Кыеве с сыном своим с детьском Святославом, и кормилецъ его Асмуд, и воевода бе Свенелд, — то же отецъ Мистишин. Реша же деревляне: «Се князь убихом рускаго; поимем жену его Вольгу за князь свой Мал и Святослава, и створим ему, якоже хожем». И послаша деревляне лучшии мужи, числом 20, в лодыи к Ользе, и присташа под Боричевым в лодыи. Бе бо тогда вода текущи vzdole горы Киевския, и на подольи не седяху людье, но на горе. Град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гордятин и *Никифоров*, а двор князь бяше в городе, идеже есть *ныне двор Воротиславль и Чюдин*, а *перевесице* бе вне града, и бе вне града двор *другый*, идеже есть двор демьстиков за святою

Богородицею; над горою двор теремный, бе бо ту терем камен. И поведаша Ользе, яко деревляне придоша, и возва я Ольга к собе и рече им: «Добри гостье придоша». И реша деревляне: «Придохом, княгине». И рече им Ольга: «Да глаголите, что ради придосте семо?» Реша же деревляне: «Посла ны Дервьвска земля, рькуще сице: мужа твоего убихом, бяше бо муж твой аки волк восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Дервьвску землю, да поиди за князь наш за Мал»; бе бо имя ему Мал, князю дервьвску. Рече же им Ольга: «Люба ми есть речь ваша, уже мне мужа своего не кресити; но хочю вы почтити наутрия пред людьми своими, а ныне идете в лодью свою, и лязите в лодыи величающеся, и аз утро послю по вы, вы же рьцете: не едем на конех, ни пеши идем, но понесете ны в лодье; и възнесутъ вы в лодыи»; и отпусти я в лодью. Ольга же повеле ископати яму велику и глубоку на дворе теремьстемь, вне града. И заутра Волга, седящи в тереме, посла по гости, и придоша к ним, глаголюще: «Зоветь вы Ольга на честь велику». Они же реша: «Не едем на коних, ни на возех, *ни пеши идем*, понесете ны в лодыи». Реша же кияне: «Нам неволя; князь наш убьен, а княгини наша *хочет* за вашъ князь»; и понесоша я в лодыи. Они же седяху в перегьбех в великих сустугах гордящеся. И принесоша я на двор к Ользе, и, несше, вринуша е в яму и с лодьею. Приникши Ольга и рече им: «Добра ли вы честь?» Они же реша: «Пуще ны Игоревы, смерти». И повеле засыпати я живы, и посыпаша я.

И пославши Ольга к деревлянном, рече им: «Да аще мя *просите* право, то пришлите мужа нарочиты, да в велице чти приду за вашъ князь, еда не пустять мене людье киевьстии». Се слышавше деревляне, *избраша* лучшии мужи, иже дерьжаху Дервьвску землю, и послаша по ню. Дервьвлянном же пришедшим, повеле Ольга мовь створити, рькуще сице: «Измывшесея при-

дите ко мне». Они же пережьгоша истопку, и влезоша деревляне, начаша ся мыти; и запроша о них истобку, и повеле зажечи я от дверей, ту изгореша вси. И посла к деревлянном, рькущи сице: «Се уже иду к вам, да пристроите меды многи в граде, идеже убисте мужа моего, да поплачюся над гробом его, и створю трызну мужю своему». Они же, то слышавше, съвезоша меды многи зело, и взвариша. Ольга же, поимши мало дружины, легько идущи приде к гробу его, и плакася по мужи своем. И повеле людем своим ссуги могилу велику, и яко соспоша, и повеле трызну творити. Посемь седоша деревляне пити, и повеле Ольга отроком своим служить пред ними. И реша деревляне к Ользе: «Кде суть дружина наша, их же послахом по тя?» Она же рече: «Идутъ по мне с дружиною мужа моего». И яко упишася деревляне, повеле отроком своим пити на ня, а сама отъиде кроме, и повеле дружине своей сечи *деревляны*; и исекоша их 5000. А Ольга возвратися Киеву, и пристройи вои на прок их.

Начало княженья Святославля, сына Игорева. В лето 6454. Ольга с сыном своим Святославом собра вои много и храбры, и иде на Дервьску землю. Я изидоша деревляне противу. И *снемщемася* обема полкома на скупь, суну копьем Святослав на *деревляны*, и копье лете сквозе уши коневи, и удари в ноги коневи, бе бо детеск. И рече Свенелд и Асмолдъ: «Князь уже почаль; потягнете, дружина, по князе». И победиша *деревляны*. Деревляне же побегоша и затворишася в градех своих. Ольга же устремися с сыном своим на *Искоростень град*, яко *тег* бяху убили мужа ея, и ста около града с сыном своим, а деревляне затворишася в граде, и боряхуся крепко из града, ведеху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лето, и не можаше взяти града, и умысли сице: посла ко граду, глаголюще: «Что хочете доседети? А вси гради ваши предашася мне, и ялися по дань, и делаютъ нивы своя и земле своя; а вы хочете измерети гладом, не

имучеся по дань». Деревляне же рекоша: «Ради ся быхом яли по дань, но хоцещи мыцати мужа своего». Рече же им Ольга, яко «Аз мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третье, когда творих трызну мужеву своему. А уже не хоцю мцати, но хоцю дань имати помалу, и смирившися с вами поиду опять». Рекоша же деревляне: «Што хоцещи у нас? Ради даем медомь и скорою». Она же рече им: «Ныне у вас несть меду, ни скоры, но мало у вас прошю: дайте ми от двора по 3 голуби да по 3 воробьи. Аз бо не хоцю тяжьки дани взложити, якоже и муж мой, сего прошю у вас мало. Вы бо есте изнемогли в *осаде*, да сего у вас прошю мала». Деревляне же ради бывше, и собраша от двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользе с поклоном. Вольга же рече им: «Се уже *есте* покорилися мне и моему детяти, а идете в град, а я *заутра* отступлю от града, и поиду в градо свой». Деревляне же ради бывше, внидоша в град, и поведаша людем, и обрадовашася людье в граде. Волга же раздая воем по голуби комуждо, а другим по воробьеви, и повел к *коемуждо* голуби и к воробьеви привязывати церь, обертывающе в платки малы, ниткою поверзывающе к *коемуждо* их. И повеле Ольга, яко смерчеса, пустити голуби и воробьи воем своим. Голуби же и воробьеви полетеша в гнезда своя, голуби в голубники, врабьеви же под стрехи; и тако взгарахуся голубьници, ово клетки, ово веже, ово ли одрины, и не бе двора, идеже не *горяше* и не бе льзе гасити, вси бо двори взгорешася. И побегоша людье из града, и повеле Ольга воем своим имати а. Яко взя град и пожьже ѿ, старейшины же града изнима, и прочая люди овых изби, а другия работе предасть мужем своим, а прок их *остави* платити дань.

И взложиша на ня дань тяжьку; 2 части дани идета Киеву, а третья *Вышегороду* к Ользе, бе бо Вышегород град Вользин. И иде Вольга по Дервьстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляючи уставы и

уроки; *и* суть становища ее и ловища. И приде в град свой Киев с сыном своим Святославом, и пребывши лето едино.

В лето 6455. Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; *и* ловища ея суть по всей земли, знамяня и места и повосты, и сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и до селе. И изрядивши, взратися к сыну своему Киеву, и пребываше с ним в любви.

В лето 6456. В лето 6457. В лето 6458. В лето 6459. В лето 6460. В лето 6461. В лето 6462.

В лето 6463. Иде Ольга в Греки, и приде Царюгороду. Бе тогда царь *Костянтин, сын Леонов*; и приде к нему Ольга, и видев ю добру сущю зело лицом и смыслену, удивився царь разуму ея, беседова к ней, и рек ей: «Подобна еси царствовати в граде с нами». Она же, разумевши, рече ко царю: «Аз погана есмь, да аще мя хочещи крестити, то крести мя сам; аще ли, то не крещюся»; и крести ю царь с патреархом. Просвещена же бывши, радовашеся душою и телом; и поучи ю патреарх о вере, *и* рече ей: «Благословена ты в женах русских, яко возлюби свет, а тьму остави. Благословити ты хотятъ сынове рустии *и* в последний род внук твоих». И заоведа ей о церковномъ уставе, о молитве и о посте, о милостыни и о въздержаньи тела чиста. Она же, поклонивши глазу, стояше, аки губа напаяема, внимаючи ученья; *и* поклонившися патреарху, глаголющи: «Молитвами твоими, владыко, да сохранена буду от сети неприязньны». Бе же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя царица, мати Великаго Костянтина. *И* благослови ю патреарх, и отпусти ю. И по крещеньи возва ю царь, и рече ей: «Хощю тя пояти собе жене». Она же рече: «Какое хочещи мя пояти, *крести* мя сам и нарек мя *дщерею*? А в хрестеянех того несть закона, а ты сам веси». И рече царь: «Переключкала мя еси, Ольга». И дасть ей дары

многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю, нарек ю дщерею себе. Она же хотящи домови, приде к патреарху, благословенья просящи на дом, и рече ему: «Людье мои пагани и сын мой, дабы мя бог сблюл от всякого зла». И рече патреархъ: «Чадо верное! Во *Христа* крестилася еси, и во *Христа* облечеса, Христос имать схранити тя: якоже схрани Еноха в первыя роды, и потом Ноя в ковчезе, Аврама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от Фараона, Давыда от Саула, 3 отроци от пещи, Данила от зверий, тако и ты избавить от неприязни и от сетий его»; *и* благослови ю патреарх, и иде с миром в свою землю, и приде Киеву. Се же бысть, якоже при Соломане приде царица ефиопская к Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость виде и знамяня: тако же и си блаженная Ольга искаше доброе мудрости *божья*, но она человечески, а си *божья*. «Ищющи бо мудрости обрящють»; «Премудрость на исходищих поется, на путех же деръзновенье водить, на краих же забральных проповедаеть, во вратех же градных дерзаючи глаголетъ: елико бо лет *незлюбивии* держатся по правду...». Си бо от възраста блаженная Ольга искаше мудростью, *что есть луче всего* в свете семь, налезе бисер *многоценен*, еже есть Христос. Рече бо Соломанъ: «Желанье благоверных *наслаждает* душу»; и «Приложиши сердце твое в разумъ»; «Аз любящая мя люблю, и ищющи мене обрящють мя». Господь рече: «*Приходящаго* ко мне не *изжену* вон».

Си же Ольга приде Киеву, и присла к ней царь гречский, глаголя, яко «Много дарих тя. Ты бо глаголаше ко мне, яко аще възвращюся в Русь, многи дары прислю ти: челядь, воск и скру, и вой в помощь». Отвещавши Ольга, и рече к слову: «Аще ты, рыци, тако же постоиши у мене в Почайне, якоже аз в *Суду*, то тогда ти дамь». И отпусти слы, с рекши.

Живяше же Ольга с сыном своим Святославом, и уча- шеть ѿ матери креститися, и не *брежаше* того ни во уши приимати; но аще кто хотяше креститися, не браня- ху, но ругахуся тому. «Неверным бо вера хрестьянь- ска уродство есть»; «Не смыслиша бо, ни разумеша во тьме ходящии», и не ведать славы господня; «*Оде- белеша* бо сердца их, ушюма тяжько слышати, а очима видети». Рече бо Соломанъ: «*Дела* нечестивых *далече* от разума», «Понеже звах вы, и не послушасте мене, прострох словеса, и не внимасте, но отметасте моя светы, моих же обличений не внимасте»; «Взненави- деша бо премудрость, а страха господня не изволи- ша, ни хотяху моих внимати свет, подражаху же мои обличенья». Якоже бо Ольга часто глаголаше: «Аз, сыну мой, бога познах и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь». Он же не внимаше того, гла- голя: «Како аз хочю ин закон прияти един? А дружи- на *моа* сему смеятися начнуть». Она же *рече* ему: «Аще ты крестишися, вси имуть тоже створити». Он же не послуша матери, творяше норовы поганьския, не ве- дый, аще кто матери не послушаетъ, в беду впадаетъ, якоже рече: «Аще кто отца ли матери не послушаетъ, *то* смерть прииметь». Се же к тому гневашеся на ма- терь. Соломан бо рече: «*Кажай* злыя приемлетъ себе досаженъе, *обличаяй* нечестиваго поречеть, *собе*; обли- ченья бо нечестивым *мозолие* суть. Не *обличай* злых, да не *взненавидятъ* тебе». Но обаче любяше Ольга сы- на своего Святослава, рькущи: «Воля божья да будетъ; аще бог хоцетъ помиловати рода моего и земле Рус- кие, да взложить им *на* сердце обратитися к богу, якоже и мне бог дарова». И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужства его и до возраста его.

В лето 6464. В лето 6465. В лето 6466. В лето 6467. В ле- то 6468. В лето 6469. В лето 6470. В лето 6471.

В лето 6472. Князю Святославу возрашю и взмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легко ходя,

аки пардус, войны многи творяше. Ходя воз по собе не возяше, ни котля, ни мяс варя, но потонку изре- зав конину ли, зверину ли или говядину на углех ис- пек *ядяше*, ни шатра имяше, но подклад *постлав* и седло в головахъ; тако же и прочии вои его вси бяху. *И* по- сылаше к странам, глаголя: «Хочю на вы ити». *И* иде на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вяти- чемъ: «Кому дань даете?». Они же реша: «Козаром по шьягу от рала даем».

В лето 6473. Иде Святослав на козары; слышавше же ко- зари, изидоша противу с князем своим Каганом, и съступишася *битися*, и *бывши* брани, одоле Святослав козаром и град их и Белу Вежю взя. *И* ясы победы и касогы.

В лето 6474. Вятичи победы Святослав, и дань на них взложи.

В лето 6475. Иде Святослав на Дунай *на* Болгары. *И* бив- шемься обоим, одоле Святослав болгаром, и взя го- род 80 по Дунаеви, и седе княжа ту в Переяславци, емля дань на гръцех.

В лето 6476. Придоша печенези на Руску землю первое, а Святослав бяше Переяславци, и затворися Волга в граде со унуки своими, Ярополком и Ольгом и Воло- димером, в граде Киеве. *И* оступиша *печенези* град в силе велице, бещислено множество около града, и не бе льзе из града вылести, ни вести послати; изнемо- гаху же людье голодом и водою. Собравшеся людье оная страны Днепра в лодьях, об ону страну стояху, и не бе льзе внити в Киев ни единому их, ни из града к онем. *И* встужиша людье в граде и реша: «*Нестъ* ли кого, иже бы могл на ону страну дойти и речи им: аще *не подступите* *заутра*, предатися имам печене- гом?» *И* рече един отрокъ: «Аз преиду». *И* реша: «Иди». Он же изиде из града с уздою, и *рѣсташе* скво- зе печенеги, глаголя: «Не виде ли коня никтоже?». Бе бо умея печенежьски, и мняхуть ѿ своего. *И* яко при- ближися к реце, *сверг* порты сунуся в Днепр, и побре-

де. Видевше же печенези, устремишася на нь, стреляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же видевше с оная страны, и приехаша в лодьи противу ему, и взяша ѿ в лодью и привезоша ѿ к дружине. И рече им: «Аще не *подступите* завтра к городу, предатися хотяь людье печенегом». Рече же воевода их, имянем Претичь: «Подступим завтра в лодьях, и, попадше княгиню и княжиче, умчим на сю страну. Аще ли сего не створим, погубити ны иматъ Святослав». Яко бысть завтра, вседше в *лодьи противу* свету и въструбиша вельми, и людье в граде кликнуша. Печенези же мнеша князя пришедша, побегоша разно от града. И изиде Ольга со унуки и с людми к *лодьям*. Видев же се князь печенежский, взратися един к воеводе Претичю и рече: «Кто се приде?». И рече ему: «*Людье* оная страны». И рече князь печенежский: «А ты князь ли еси?». Он же рече: «Аз есмь муж его, и пришел есмь в сторожих, *и* по мне идеть полк со князем, бещисла множество». Се же рече, грозя им, Рече же князь печенежский к Претичю: «Буди ми друг». Он же рече: «Такое створю». И подаста руку межю собою, и вдасть печенежский князь Претичю конь, саблю, стрелы. Он же дасть ему броне, щит, мечь. *И отступиша* печенези от града, и не бяше льзе коня напоити: на Лыбеди печенези. И послаша кияне к Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабив, малы бо нас не взяша печенези, *и* матеръ твою и дети твои. Аще не поидеши, ни обратиши нас, да паки ны возмуть. Аще ти не жаль очины своя, ни матере, стары суца, и детей своих?» То слышав Святослав, вборзе вседе на коне с дружиною своею, и приде Киеву, целова матеръ свою и дети своя, и съжалися о бывшем от печенег. И собра вои, и прогна печенег в поли, и бысть мир.

В лето 6477. Рече Святослав к матери своей и к боляром своим: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моей,

яко ту вся благая сходятся: от Грек золото, паволоки, вина *и* оwoщеве разноличныя, из Чех же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скоро и воск, мед и челяд». Рече ему Волга: «Видиши мя *болну* сущю; камо хочещи от мене ити?» — бе бо разболелася уже. Рече же ему: «Погреб мя *иди*, ямо же хочещи». Потрех днеш умре Ольга, и плакася по ней сын ея, и внуци ея, и людье вси плачем великомь, *и* несоша *и* погребоша ю на месте. И бе заповедала Ольга не *творити* трызны над собою, бе бо имущи презвутер, сей похорони блаженую Ольгу.

Си бысть предтекуция крестьяньстей земли, аки *деньница* пред солнцемь и аки зоря пред светом. Си бо съяше аки луна в нощи, тако и си в неверных челоуцех светящеся, аки бисер в кале: кальни бо беша *грехом*, неомовени крещеньемь святымь. Си бо омыся купелью святою, *и* совлечеся *греховныя одежа* ветхаго челоука Адама, *и* в новый Адам облечеся, еже есть Христос. Мы же рцем к ней: «Радуйся, руское познание к богу, начаток примиренью быхом». Си первое вниде в царство небесное от Руси, сию бо хвалят руские сынове аки началницу: ибо по смерти моляше бога за Русь. Праведных бо душа не умирают, якоже рече Соломан: «*Похваляему* праведному възвеселятся людье», бессмертье бо есть память его, яко от бога познавается *и* от челоуек. Се бо вси челоуци прославляютъ, *видяще лежащую* в теле на многа лета; рече бо пророкъ: «Прославляющая мя прославлю». О сяковых бо Давыд глаголаше: «В память *вечную* праведник будеть, от слуха зла не убоится; готово сердце его уповати на господя, утвердися сердце его *и* не подвижется». Соломан бо рече: «Праведници в веки *живуть*, *и* от господя мзда имь есть *и* строенье вышняго. Сего ради примуть царствие красоте *и* венец доброты от руки господня, яко десницею покрыть *я* *и* мышцею защититъ *я*». *Защитил* бо есть сию блаженую Вольгу от противника *и* супостата дьявола.

В лето 6478. Святослав посади Ярополка в Киеве, а Ольга в деревьях. В се же время придоша люде ноугородьстии, просяще князя себе: «Аще не поидете к нам, то налезем князя себе». И рече к ним Святославъ: «А бы пошел кто к вамъ». И отпреса Ярополк и Олег. И рече Добрыня: «Просите Володимера». Володимер бо бе от Малуши, ключнице Ользины; сестра же бе Добрыне, отецъ же бе има Малък Любечанин, и бе Добрына уй Володимеру. И реша ноугородьци Святославу: «Вдай ны Володимера». Он же рече им: «Воты вы есть». И поаша ноугородьци Володимера к себе, и иде Володимер с Добрынею, уем своимъ, Ноугороду, а Святослав Переяславцю.

В лето 6479. Приде Святослав в Переяславецъ, и затворишася болгаре в граде. И излезоша болгаре на сечю противу Святославу, и бысть сеча велика, и одолаху болгаре. И рече Святослав воем своимъ: «Уже нам сде пасти; потягнем мужьски, братья и дружино!». И к вечеру одоле Святослав, и взя град копьем, и посла к греком, глаголя: «Хочю на вы ити и взяти град вашъ, яко и сей». И реша гръци: «Мы недужи противу вам стати, но возми дань на нас, и на дружину свою, и повежьте ны, колько вас, да вдамы по числу на главы». Се же реша гръци, лъстяче под Русью; *суть бо гръци лътивы и до сего дни*. И рече им Святославъ: «Есть нас 20 тысящъ». И прирече 10 тысящъ, бе бо руси 10 тысящъ *толко*. И пристроиша гръци 100 тысящъ на Святослава, и не даша дани. И поиде Святослав на греки, и изидоша противу руси. Видевше же русь убояшася зело множества вой, и рече Святославъ: «Уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посраим земле Руские, но ляжем костьми, мертвыи бо срама не имам. Аще ли побегнем, срам имам. Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». И реша вои: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложим». И исполчидася русь, и бысть сеча велика, и

одоле Святослав, и бежаша гръци. И поиде Святослав ко граду, воюя и грады разбивая, яже *стоятъ* и до днешняго дне *пусты*. И созва Дарь бояре своя в полату, и рече им: «Што створим, яко не можем противу ему стати?» И реша ему бояре: «Посли к нему дары, искусим ѱ, любьзнив ли есть злату, ли *паволокам?*». И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра, реша ему: «Глядай взора и лица его и смысла его». Он же, взем дары, приде к Святославу. И поведаша Святославу, яко придоша гръци с поклоном. И рече: «Веведете я семо». Придоша, и поклонидася ему, и положиша пред ним злато и паволоки. И рече Святослав, кроме зря, отроком своимъ: «Схороните». Они же придоша ко царю, и созва царь бояры. Реша же послании, яко «Придохом к нему, и вдахом дары, и не *возре* на ня, и повеле схоронити». И рече един: «Искусим ѱ еще, послим ему оружье». Они же *послушаша* его, и послаша ему мечъ и ино оружье, и принесоша к нему. Он же, приим, нача хвалити, и любити, и *целовати* царя. Придоша опять ко царю, и поведаша ему вся бывшая. И реша бояре: «Лют се муж *хочеть* быти, яко именья не брежетъ, а оружье емлетъ. Имися по дань». И посла царь, глаголя сице: «Не ходи к граду, возми дань, еже хочещи»; за малом бо бе не дошел Царяграда. И даша ему дань; имашеть же и за убьенья, глаголя, яко «Род его возметь». Взя же и дары многы, и взратися в Переяславецъ с *похвалою* великою. Видев же мало дружины своя, рече в себе: «Еда како прельстивше избьютъ дружину мою и мене», беша бо многи погibli на полку. И рече: «Поиду в Русь, приведу боле *дружины*».

И посла слы ко цареви в *Деревьстр*, бо бе ту царь, рька сице: «Хочю имети мир с *тобою* тверд и любовь». Се же слышав *царь* рад бысть и посла к нему дары больша первых. Святослав же прия дары, и поча думати с дружиною своею, рька сице: «Аще не створим мира со царем, а увестъ царь, яко мало нас есть, пришедше

оступять ны в граде. А Руска земля далеча, а печенежи с нами ратьни, а кто ны поможет? Но створим мир со царем, се бо ны ся по дань яли, и то буди доволно нам. Аще ли почнеть не управляти дани, да изнова из Руси, совкупивше вои *множайша*, поидем Царюгороду». Люба бысть речь си дружине, и послаша лепшие мужи ко цареви, и придоша в Деревстр, и поведаша цареви. Царь же наутрия призва я, и рече царь: «Да глаголють сли рустии». Они же реша: «Тако глаголеть князь наш: хочю имети любовь со царем гречьским свершеную прочая вся лета». Царь же рад бысть и повеле писцю писати вся речи *Святослави* на харатью. Нача глаголати сол вся речи, и нача писець писати. Глагола сице:

«Равно другаго свещанья, бывшего при Святославе, велицемь князи рустемь, и при Свеналде, писано при Фефеле синкеле и к Ивану, нарицаемому Цемьскию, царю гречьскому, в Дерестре, месяца июля, индикта в 14, в лето 6479. Аз Святослав, князь руский, якоже кляхся, и утвержаю на свещанье семь роту свою: хочю имети мир и свершену любовь со *всяким* великимь царем гречьским, с Васильем и Костянтином, и с богодохновенными цари, и со всеми людьми вашими и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца века. Яко николиже помышлю на страну вашу, ни собираю вой, ни языка иного приведу на страну вашу и елико есть под властью гречьскою, ни на власть корсуньскую и елико есть городов их, ни на страну болгарьску. Да аще ин кто помыслить на страну вашу, да а аз буду противен ему и борюся с ним. Якоже кляхся ко царем гречьским, и со мною боляре и Русь вся, да схраним празая свещанья. Аще ли от тех самехь прежереченых *не* схраним, аз же и со мною и подо мною, да имеем клятву от бога, в его же веруем — в Перуна и в Волоса, скотья бога, и да будем *золоти*, яко золото, и своим оружьемь да исечени будем. Се же имейте во истину, якоже *створихом* ныне

к вам, и написахом на харатьи сей и своими печатями запечатахом».

Створив же мир Святослав с греки, поиде в лодьях к порогом. И рече ему воевода отень *Свеналд*: «Поиди, княже, на коних около, стоять бо печенежи в порозех». И не послуша его и поиде в лодьях. И послаша переяславци к печенегом, глаголюще: «Се идеть вы Святослав в Русь, взем именье много у грек и полон бесчислен, с *малом* дружины». Слышавше же се печенизи, заступиша пороги. И приде Святослав к порогом, и не бе лъзе пройти порог. И ста зимовати в Белобережьи, и не бе у них брашна уже, и бе глад велик, яко по полгивне глава коняча, и зимова Святослав ту.

Весне же приспевши, в лето 6480, поиде Святослав в пороги. И нападе на нь Куря, князь печенежский, и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбе его съделаша чашю, *оковавше* лоб его, и пяху *из него*. Свеналд же приде Киеву к Ярополку. И всех лет княженья Святослава лет 20 и 8.

В лето 6481. Нача княжити Ярополк.

В лето 6482.

В лето 6483. Лов *деую* Свеналдичю, именем Лют, ишед бо ис Киева, гна по звери в лесе. И узре ѝ Олег, и рече: «Кто се естъ?» И реша ему: «Свеналдичь». И захав, уби ѝ, бе бо ловы дея Олег. И о *том* бысть *межю* ими ненависть, Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свеналд: «Поиди на брат свой и прими волость его», хотя отмстити сыну своему.

В лето 6484.

В лето 6485. *Поиде* Ярополк на Ольга, брата своего, на Деревьску землю. И изиде противу его Олег, и *ополчистася*. Ратившемася полкома, победи Ярополк Ольга. Побегшю же Ольгу с вои своими в град, рекомый Вручий, баше черес гроблю мост ко *вратом* градным, теснячеся, друг друга пихаху в гроблю. И спехнуша Ольга с мосту в дебрь. Падаху людье мнози, и удавиша кони человеци. И вшед Ярополк в град Ольгов,

перяя власть его, и посла искат брата своего; и искавше его, не обретоша. И рече един деревлянин: «Аз видех, яко вчера спехнуша с мосту». И посла Ярополк искат брата, и влачиша трупье из гробли от утра и до полудне, и налезоша и Ольга высподи трупья, *вынесоша* ѿ, и положиша ѿ на ковре. И приде Ярополк над нем плакася, и *рече Свеналду*: «Вижь, сего ты *еси* хотел!» И погребоша Ольга на месте у города Вручюга, и есть могила его и до сего дне у Вручюга. И прия власть его Ярополк. У Ярополка же жена грекини бе, и бяше была черницею; бе бо привел ѿ отець его Святослав, и вда ѿ за Ярополка; красоты ради лица ея. Слышав же се Володимѣр в Новегороде, яко Ярополк уби Ольга, убоаяся бежа за море. А Ярополк посадники своя посади в Новегороде, и бе володея един в Руси.

В лето 6486. В лето 6487.

В лето 6488. Приде Володимир с варяги Ноугороду, и рече посадником Ярополчим: «Идете к брату моему и рцете ему: «Володимир ти *идеть* на тя, *пристраивайся* противу биться». И седе в Новегороде.

И посла ко Рогволоду Полотьску, глаголя: «Хочю пояти *дщерь* твою собе жене». Он же рече *дщери* своей: «Хочеш ли за Володимера?» Она же рече: «Не хочю рзуги робичича, но Ярополка хочю». Бе бо Рогволод пришел изаморья, имяше власть свою в Полотьске, а Туры Турове, от него же и туровци прозвашася. И придоша отроци Володимирови, и поведаша ему всю речь Рогнедину, *дщери Рогволоже*, князя полотьскаго. Володимир же собра вои многи, варяги и словени, чюдь и кривичи, и поиде на Рогволода. В се же время *хотячу* Рогънедь вести за Ярополка. И приде Володимир на Полотеск и уби Рогволода и сына его два, и дъчерь его поя жене.

И поиде на Ярополка. И приде Володимир Киеву с вои многи, и не може Ярополк стати противу, и затворися Киеве с людми своими и с Блудом; и стояше Воло-

димир обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичем и Капичем, и есть ров и до сего дне. Володимир же посла к Блуду, воеводе Ярополчю, с лестью глаголя: «Поприай ми! Аще убью брата своего, имети тя хочю во отца место, и многу честь возьмешь от мене: не яз бо почал братью бити, но он. Аз же того убоаяся приходх на нь». И рече Блуд к послом Володимеримь: «Аз буду тебе в сердце и в приязньство». О злая леть чело-веческа! Якоже Давыд глаголеть: «Ядый хлеб мой, възвеличил ест на мя леть». Се бо лукавствоваше на князя своего лестью. И паки: «Языки своими лстяхуся. Суди им, боже, да отпадутъ от мыслей своих; по множеству нечестья их *изрини* а, яко прогневаша тя, господи». И паки *той* же рече Давыд: «Муж в крови лстив не припловить дний своих». Се ест *совет* зол, иже свещевають на кровопролитье; то суть неистовии, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главе князя своего на *погубленье*, горьше суть бесов таковии. Якоже Блуд преда князя своего, и приим от него чьти многи, се бо бысть повинен крови той. Се бо Блуд затворися с *Ярополком*, лстя ему, слаше к Володимеру часто, веля ему пристряпати к граду бранью, а сам мысля убити Ярополка, *гражаны* же не бе лъзе убити его. Блуд же не возмог, како бы погубити ѿ, замысли лестью, веля ему *ни* излазити на брань из града. *Рече* же Блуд Ярополку: «Кияне слются к Володимеру, глаголюше: «Приступай к граду, яко предамы ти Ярополка. Побегни за град». И послуша его Ярополк и избег пред ним, затворися в граде Родъни на усть *Рси* реки, а Володимир вниде в Киев, и оседе Ярополка в Родне. И бе глад велик в немь, и ест притча и до сего дне: беда аки в Родне. И рече Блуд Ярополку: «Видиши, колько воин у брата твоего? Нама их не *перебороти*. Твори мир с братом своим»; лстя под ним, се рече. И рече Ярополк: «Так буди». И посла Блуд к Володимеру, сиче глаголя, яко «Сбысться мысль твоя, яко приведу к

тобе Ярополка, а пристрой убити ѱ». Володимер же, то слышав, вшед в двор теремный отень, о нем же прежде сказахом, седе ту *с вои* и с дружиною своею. И рече Блуд Ярополку: «Поиди к брату своему и рчи ему: что ми ни вдаси, то яз прииму». Поиде же Ярополк, и рече ему Варяжько: «Не ходи, княже, убьютъ тя; побегии в Печенеги и приведеши *вои*»; и не послуша его. И приде Ярополк к Володимеру; яко полезе в двери, и подъяста ѱ два варяга мечьми под пазусе. Блуд же затвори двери и не да по нем ити своим. И тако убьен бысть Ярополк. *Варяшко же, видев, яко убен бысть Ярополк, бежа с двора в Печенеги, и много воева Володимера с печенегы, одва приваби ѱ, заходив к нему роте. Володимер же залеже жену братьню грекиню, и бе непраздна, от нея же родися Святополк. От греховнаго бо корени зол плод бываетъ: понеже бе была мати его черницею, а второе, Володимер залеже ю не по браку, прелюбодейчичь бысть убо. Темьиотець его не любяше, бе бо от двою отцю, — от Ярополка и от Володимера.*

Посемь реша варязи Володимеру: «Се град наш; мы прияхом ѱ, да хотим имати окуп на них, по 2 гривне от человека». И рече им Володимер: «Пождете, даже вы куны сберуть, за месяц». *И ждаша за месяц, и не дасть имь, и реша варязи: «Сольстил еси нами, да покажи ны путь в Греки». Он же рече им: «Идете». И избра от них мужи добры, смыслены и храбры, и раздая им грады; прочии же идоша Царюграду в Греки. И посла пред ними слы, глаголя сиче царю: «Се идуть к тебе варязи, не мози их держати в граде, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а семо не пущай ни единого».*

И нача княжити Володимер в Киеве един, и постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хрса, Дажьбога, и Стрибога и Симарьгла, и Мокошь. *И жряху им, наричюще я богы, и привожаху сыны своя и дъщери, и*

жряху бесом, и оскверняху землю *требами* своими. И осквернися кровьми земля Руска и холм-от. Но преблагий бог не хотя смерти грешником, на том холменеши церкви стоять, святаго Василья есть, якоже последи скажем. Мы же на преднее възратимся.

Володимер же посади Добрыну, уя своего, в Новегороде. И пришед Добрына Ноугороду, постави кумира над рекою Волховом, и жряху ему людье ноугородьстии аки богу.

Бе же Володимер побежен похотью женьскою, и быша ему водимья: Рогнедь, юже посади на Лыбеди, идеже ныне стоять сельце Предславино, от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от грекине — Святополка; от чехине — Вышеслава; а от другое — Святослава и Мьстислава; а от болгарыни — Бориса и Глеба; а наложьницъ бе у него 300 Вышегороде, а 300 в *Белегороде*, а 200 на Берестове в селци, еже зоуть ныне Берестовое. И бе несът блуда, приводя к собе мужьски жены и девице растляя. Бе бо женолюбецъ, якоже и Соломан: бе бо, рече, у Соломана жен 700, а наложницъ 300. Мудр бе, а наконецъ погиге; се же бе невеголос, а наконецъ обрете спасенье. «Велий господь, и велья крепость его, и разуму его несть конца!» Зло бо есть женьская прелестъ, якоже рече Соломан, покаявся, о женах: «Не внимай зле жене, мед бо каплетъ от уст ея, жены любодейци, во время наслажаетъ твой гортань, последи же горчае золчи *обрящеши... Прилепляющиися ей внидут с смертью* в вад... На пути животьныя не находить, блудная же теченья ея неблагоприятна». Се же рече Соломан о прелюбодейцах; а о добрых женах рече: «*Дражайши* есть каменя многоценьна. Радуется о ней муж ея. Дееть бо мужеви своему благо все житье. Обретши *волну и лен*, творить благопотребная *рукама* своима. *Бысть* яко корабль, куплю *деюци, издалеча* собираетъ себе богатство, и *встаетъ* от нощи, и даетъ брашно *дому* и дела *рабыням*. Видевши стяжа-

ные куповаше: от дел руку своею насадить тяжанье. Препоясаши крепко чресла своя, *утвердить мьшци своа* на дело. И вкуси, яко добро есть делати, и не угасает светилник ея всю ночь. Руце свои простирает на полезная, локти своя устремляеть на вретено. Руце свои простирает убогому, плод же простре нищему. Не печется муж ея о дому своемъ, егда где будетъ, вси свои ея одени будутъ. *Сугуба оденья сотворить* мужеву своему, очервлена и багряна сабе оденья. Взорен бываетъ во вратех муж ея, вегда аще сядеть на сонмиши с старци и с жители земли. Опоны створи и отдасть в куплю. Уста же свои отверзе смыслено, в чин молзить языкмъ своим. В *крепость* и в лепоту *облещя*. *Милостини* же ея *вдвигоша* чада ея и обогатиша, и муж ея похвали ю. Жена бо разумлива благословена есть, боязнь бо *господню* да похвалить. Дадите ей от плода устьяну ея, да хвалять во вратех мужа ея».

В лето 6489. Иде *Володимер* к ляхом и зая грады их, *Перемышль*, *Червен* и ины грады, *иже* суть и до сего дне под Русью. В сем же лете и вятичи победи, и взложи на ня дань от *плуга*, якоже и отецъ его имаше.

В лето 6490. Заратишася вятичи, и иде на ня *Володимир*, и победи я второе.

В лето 6491. Иде *Володимер* на *ятвягы*, и победи *ятвягы*, и взя землю их. И иде *Киеву* и творяше *требу* кумиром с людми своими. И реша старци и бояре: «Мечем жребий на отрока и девицу; на него же падеть, того зарежем богом». Бяше варяг един, и бе двор его, идеже есть церкви святая богородица, юже сделала *Володимер*. Бе же варяг той пришел из Грек, и держаше веру хрестеяньску. И бе у него сын красен лицом и душею; на сего паде жребий по зависти дьяволи. Не терпяшетъ бо дьявол, власть имы надо всеми, и сей бяшетъ ему аки терн в сердци, и тыщася потрєбити оканьный, и наустити люди. И реша пришедше послании к нему, яко «Паде жребий на сын твой, изволиша бо и бози себе; да створим *требу* бо-

гом». И рече варягъ: «Не суть го бози, *но* древо; днесъ есть, а утро изгнеетъ; не ядятъ бо, ни пьют, ни молвят, но суть делани руками в дереве. А бог есть един, ему же служат гръци и кланяются, иже створил небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и дал есть ему жити на земли. А си бози что сделаша? Сами делани суть. Не дам сына своего бесом». Они же шедше *поведаша* людем. Они же, взявше оружие, поидоша на нь и розяша двор около его. Он же стояше на сенех с сыном своим. Реша ему: «Вдай сына своего, да вдамы и богом». Он же рече: «Аще суть бози, то единого себе послють бога, да имуть сын мой. А вы чему претрєбуете *им?*» И *кликнуша*, и посекоша сени под нима, и тако побиша я. И не свестъ никтоже, где положиша я. Бяху бо тогда человеци невеголоси и погани. Дьявол радовашеся сему, не ведый, яко близъ погибель хотяше быти ему. Тако бо тыщася погубити род *хрестьяньский*, но прогоним бяше хрестом честным и в *инех* странахъ; сде же мняшеся оканьный: яко сде ми есть жилище, сде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли, не ведый пророка, глаголюща: «И *нареку* не люди моя люди моя»; о апостолах бо рече: «Во всю землю изидоша вещанья их, и в конецъ вселеныя глаголи их». Аще и телом апостоли не суть *сде* были, но ученья их аки трубы гласять по вселеней в церквах, *их* же ученьемъ побежаем противнаго врага, попирающе под нози, якоже попраста и си *отечника*, *приемши венець* небесный с святыми мученики и праведники.

В лето 6492. Иде *Володимер* на радимичи. Бе у него воевода Волчий Хвост, и посла и *Володимер* перед собою, Волчьа Хвоста; срете *радимичи* на реце Пищане, и победи радимиче Волчий Хвост. Темь и Русь корятся радимичем, глаголюще; «Пищаньци волчьа хвоста бегаютъ». Быша же радимичи от рода ляхов; прешедше ту ся вселиша, и платять дань Руси, повоз везуть и до сего дне.

В лето 6493. Иде Володимер на Болгары с *Добрынею*, с *уем* своим, в лодьях, а торки берегом приведе на коних: и победи *болгары*. Рече Добрына Володимеру: «Сглядах колодник, и суть вси в сапозех. Сим дани нам не даяти, поидем искат лапотников». И створи мир Володимер с болгары, и роте заходиша межю себе, и реша болгаре: «Толи не будеть межю нами мира, *оли* камень начнеть плавати, а хмель почнет тонути». И приде Володимер Киеву.

В лето 6494. Придоша болгары *веры* бохмиче, глаголюще, яко «Ты князь еси мудр и смыслен, не веси закона; но веруй в закон наш и поклонися Бохмиту». И рече Володимер: «Како есть вера ваша?». Они же реша: «Веруем богу, а Бохмит ны учить, глаголя: обрезать уды тайныя, и свинины не ясти, вина не пити, *а по смерти же, рече, со женами похоть творити блудную*. Дасть Бохмит комуждо по семидесят жен красных, исбереть едину красну, и всех красоту взложить на едину, та будеть ему жена. *Зде же, рече, достоить блуд творити всяк*. На семь свете *еще будеть* кто убог, *то ятам*», и ина многа лесть, ея же не льзе псати срама ради. Володимер же слушаше их, бе бо сам любя жены и блуженье многое, послушаше сладко. Но се ему бе не любо: обрезање удов и о неяденьи мяс свинных, а о питьи *оттудь*, рька: «Руси есть веселье питье, не можем бес того быти». Потом же придоша немьци *от Рима*, глаголюще: «Придохом послании от папежа»; и реша ему: «Рекл ти тако папежь: земля твоя яко и земля наша, а вера ваша не яко вера наша; вера бо наша свет есть: кланяемся богу, *иже* створил небо и землю, звезды, месяц и всяко дыханье, а бози ваши — древо суть». Володимер же рече: «Кака заповедь ваша?». Они же реша: «Пощенье по силе»; «Аще кто пьеть или ясть, то все в славу божию», рече учитель наш Павел». Рече же Володимер немцем: «Идете опять, яко отци наши сего не прияли суть». Се слышавше жидове козарьстии придоша, рекуще: «Слыша-

хом, яко приходиша болгаре и хрестеяне, учаще тя *кождо* вере своей. Хрестеяне бо веруют, его же мы распяхом, а мы веруем единому богу Аврамову, Исакову, Яковлю». И рече Володимер: «Что есть закон ваш?». Они же реша: «Обрезатися, свинины не ясти, ни заячины, субботу хранити». Он же рече: «То где есть земля ваша?». Оии же реша: «В Ерусалиме». Он же рече: «То *тамо* ли есть?». Они же реша: «Разгневался бог на отци наши, и расточи ны по странам грех ради наших, и предана бысть земля наша хрестеянном». Он же рече: «То како вы инех *учите*, а сами отвержени от бога и расточени? Аще бы бог любил вас и закон ваш, то не бысте *расточени* по чужим землям. Еда и нам тоже мыслите прияти?»

Посемь же прислаша гръци к Володимеру философа, глаголюще сице: «Слышахом, яко приходили суть болгаре, учаще тя прияти веру свою, их же вера оскверняеть небо и землю, иже суть прокляти паче всех человек, уподоблешеса Содому и Гомору, на *ня* же пусти господь камене горюще, и потопи я, и погрязоша, яко и сих ожидаеть день погибели их, егда придеть бог судит земли и *погубити* вся творящая безаконья и скверны деющая. Си бо омывають оходы своя, в ротъ вливають, и по браде мажутся, поминають Бохмита. Тако же и жены их творять ту же скверну и ино пуще: от совкупленья мужьска и женьска вкушаютъ». Си слышав Володимер *плону* на землю, рек: «Нечисто есть дело». Рече же философ: «Слышахом же и се, яко приходиша от Рима поучит вас к вере своей, их же вера маломь с нами разьвращена: служать бо опресноки, рекше оплатки, их же бог не преда, но *повеле* хлебом служити, и преда апостоломь прием хлеб, *рек*: «Се есть тело мое, ломимое за вы...», тако же и чашю прием, рече: «Се есть кровь моя новаго завета», си же того не творять, суть не *исправили* веры». Рече же Володимер: «Придоша ко мне жидове, глаголюще: яко немци и гръци веруют, его же

мы распяхом». Философ же рече: «Въистину в того веруем, тех бо пророци прорецаху, яко богу родитися, а друзии — распяту быти и погребену, а в 3-й день воскреснути и на небеса *взити*. Они же *тymi* пророки избиваху, другия претираху. Егда же сбысться проречение сих, сниде на землю, и распяте прия, и воскрес на небеса взиде, на сих же ожидаше покаянья за 40 и за 6 лет, и не *покаяшася*, и посла на ня римляны, грады их разбиша и саки расточиша по странам, и работают в странах». Рече же Володимир: «То что ради сниде бог на землю, и страсть *такову* прия?» Отвещав же философ, рече: «Аще хочещи послушати, да *скажю* ти из начала, чьсо ради сниде бог на землю». Володимир же рече: «Послушаю рад». И нача философ глаголати... И се рек, показа Володимеру запону, на ней же бе написано судище господне, показываше ему о десну праведныя в весельи предидуца в рай, а о шююю грешники идуща в муку. Володямер же вздохнув рече: «Добро сим о десную, горе же сим о шююю». Он же рече: «Аще хочещи о десную с праведными стати, то крестися». Володимир же положи на сердци своем, рек: «Пожду и еще мало», хотя испытати о всех верах. Володимир же, сему дары многи вдав, отпусти и с честью великою.

В лето 6495. Созва Володимир боляры; своя и старци градские, и рече им: «Се приходиша ко мне болгаре, рькуще: «Приими закон наш». Посем же приходиша немци, и ти хваляху закон свой. По сих придоша жидове. Се же послеже придоша грьци, *хуляще* вси законы, свой же *хваляще*, и много глаголаша, сказующе от начала миру, о бытьи всего мира. Суть же хитро сказующе, и чюдно слышати их, любо комуждо слушати их, и другий свет поведають быти: да аще кто, дееть, в нашу веру ступит, то паки, умер, *втанеть*, и не умрети ему в веки; аще ли вын закон ступить, то на оном свете в огне горети. Да что ума придасте? что отвещаете?» И реша бояре и старци: «Веси, княже,

яко своего никтоже не хулить, но хвалить. Аще хочещи испытати гораздо, то имаше у собе мужи: послав испытай кождо их службу, и *кто* како служить богу». И бысть люба речь князю и всем людем; избраша мужи добры и смыслены, числом 10, и реша им: «Идете первое в болгары и испытайте веру их». Они же идоша, и пришедше видеша скверньная дела и кланянье в ропати; придоша в землю свою. И рече им Володимир: «Идете паки в немци, сглядайте также, и оттуде идете в греки». Они же придоша в немци, и сглядаше церковную службу их, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю. Царь же испыта, коея ради вины придоша. Они же споведаша ему вся бывшая. Се слышав царь, рад быв, и честь велику створи им в *той* же день. Наутрия посла к патреарху, глаголя сице: «Придоша русь, пытающе веры нашея, да пристрой церковь и крилос, и сам причинися в святительския ризы, да видять славу бога нашего». Си слышав патреарх, повеле *созвати* крилос, по обычаю створиша праздник, и кадила вожьгоша, пенья и лики сставиша. И иде с ними в церковь, и поставиша я на пространье месте, показующе красоту церковную, пенья и службы архиерейски, престоянье дьякон, сказующе им служенье бога своего. Они же во изуменьи бывше, удивившеся, похвалиша службу их. И призваша я царя Василий и Костянтин, реста им: «Идете в землю вашу», и отпустиша я с дары велики и с честью. Они же придоша в землю свою. И созва князь боляры своя и старца, рече Володимир: «Се придоша послании нами мужи, да слышим от них бывшее», и рече: «Скажите пред дружиною». Они же реша яко «Ходихом в болгары, смотрихом, како ся покланяють в храме, рекше в ропати, стояще бес пояса; поклонився сядеть, и глядит семо и онамо, яко бешен, и несть веселья в них, но печаль и смрад велик. Несть *добр* закон их. И придохом в немци, и видехом в храмах многи службы творяща, а красоты не

видехом никоеяже. И *придохом* же в Греки, и ведоша ны, идеже служить богу своему, и не свемы, на небе ли есмы были, ли на земли: несть бо на земли такого вида ли красоты такая, и недоумеем бо сказати; токмо то вемы, яко онде бог с человеки пребываетъ, и есть служба их паче всех стран. Мы убо не можем забыть красоты тоя, всяк бо человек, аще *вкусит* сладка, последи горести не принимаетъ, тако и мы не *имам* сде быти». Отвѣщавше же бояре *рекоша*: «Аще бы лих закон гречский, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бе мудрейши всех человек». Отвѣщав же Володимер, рече: «*Где* крещенье примем?» Они же *рекоша*: «Где ти любо». И минувшю лету.

В лето 6496, иде Володимер с вои на Корсунь, град гречский, и затворишася корсуняне в граде. И ста Володимер об он пол города в лимени, дали града *стрелище* едино, и боряхуся крепко из града. Володимер же обьстоя град. Изнемогаху в граде людье, и рече Володимер к гражданам: «Аще ся не вдасте, имам стояти и за 3 лета». Они же не послушаша того. Володимер же изряди *воа своа*, и повеле *приспу сыпати* к граду. Сим же *спущим*, корсуняне, подкопавше стену градскую, крадуще сыплемую персть, и ношаху к собе в град, сыплюще посреде града. Воини же присыпаху боле, а Володимер стояше. И *се* муж корсунянин стрели, имянем Настас, напсав сице на стреле: «Кладязи, яже суть за тобою от востока, ис того вода идетъ по трубе, копав переими». Володимер же, се слышав, возрев на небо, рече: «Аще се ся сбудет, и сам ся крещю». И ту абье повеле копати преки трубам, и преша воду. Людье изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимер в град и дружина его, и посла Володимер ко *царема*, Василью и Костянтину, глаголя сице: «Се град ваю славный взях; слышю же се, яко сестру имата девою, да аще ее не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створих». И *слышавша* царя, быста печальна, и взда-

ста вестъ, сице глаголюща: «Не достоинъ хрестеяном за поганья *даяти*. Аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное примеши, и с нами единовѣрник будеши. Аще ли сего не хочеши створити, не можем дати *сестры* своее зятя». Си слышав Володимер, рече посланым от царю: «Глаголите царема тако, яко аз крещюся, яко испытах преже сих дний закон вашъ, и есть ми *люба* вера ваша и служенье, еже бо ми споведаша послании нами мужи». И си слышавша царя рада быста, и умолиста сестру свою, имянем Аньну, и посласта к Володимеру, глаголюща: «Крестися, и тогда послеве сестру свою к тебе». Рече же Володимер: «Да пришедше с сестрою вашею крестятъ мя». И послушаста царя и посласта сестру свою, сановники некия и прозвутеры. Она же не хотяше ити: «Яко в полон, — рече, — иду, *луче* бы ми сде умрети». И реста ей *брата*: «Еда како обратить бог тобою Рускую землю в покаянье, а Гречскую землю избавишь от лютыя рати. Видиши ли, колько зла створиша Русь греком? И ныне, аще не идеши, то же имуть створити нам». И одва ю принудиша. Она же, седши в кубару, целовавши ужики своя с плачем, поиде чрес море. И приде к Корсуню, и изидоша корсуняне с поклоном, и введоша ю в град, и посадиша ю в полате. По божью же устрою в се время разболеся Володимер очима, и не видяше ничтоже, и тужаше велми, и *не домышляеться, что створити*. И посла к нему царица, рыкуще: «Аще хочеши избыти болезни сея, то въскоре крестися, аще ли, то не имаши избыти *недуга* сего». Си слышав Володимер, рече: «Да аще истина будет, то поистине велик бог будет хрестеянескъ». И повеле хрестити ся. Епископ же корсуньский с попы царицины, огласив, крести Володимера. Яко взложи руку на нь, абье прозре. Видив же се Володимер напрасное ицеленье, и прослави бога, рек: «Топерво *уведех* бога истиннаго». Се же видевше дружина его, мнози крестипася. Крести же ся в церкви святаго Ва-

силья, и есть церкви та стоящи в Корсуне граде, на месте посреди града, идеже торг деють корсуняне; полата же Володимеря с края церкви стоит и до сего дне, а царица полата за олтарем. По крещеньи же приведе царицу на браченье. Се же не сведуще право глаголють, яко крестился есть в Киеве, или же реща: *в Василеве*; друзии же инако скажутъ...

Володимер же посем поем *царицу*, и Настаса, и попы корсуньски, с мощи святого Климента и Фифа, ученика его, пойма ссуды церковныя и иконы на благословенье себе. Постави же церковь в *Корсунь* на горе, идеже ссыпаша среде града, *крадуще* приспу, яже церкви стоить и до сего дне. Взя же *ида медяне* две капищи, и 4 кони медяны, иже и ныне стоятъ за святою Богородицею, якоже неведуще мнять я мрамаряны суца. Вдасть же за вено греком *Корсунь* опять царице деля, а сам приде Киеву. Яко приде, повеле кумиры испроврещи овы *исещи*, а другия огневи предати. Перуна же повелз привязати коневы к *хвосту* и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльемь. Се же не яко древу чююще, но на поруганье бесу, иже прелщаша симь образом человеки, да вземздье приметь от человек. *«Велий еси, господи, чудна дела твоя!»* *Вчера чтимъ от человек, а днесь* поругаем. Влекуму же ему по Ручаю к Днепру, плакахуся его невернии людье, еще бо не бяху прияли святого крещенья. И привлекше, вринуша ѝ в Днепр. И пристави Володимер, рек: «Аще где пристанеть, вы отривайте его от берега; дондеже пороги проидеть, то тогда охабитесь его». Они же повеленая створиша. Яко пустиша и проиде сквозе пороги, изверже ѝ ветер на *рень*, и отголе прослу *Перуна*, Рень, якоже и до сего дне словеть. Посем же Володимер посла по всему граду, глаголя: «Аще не обрящеться кто *заутра* на реце, богат ли, ли убог, или нищ, ли работник, противен мне да будетъ». Се слышавше людье, с радостью идяху, радуящися и глаголюще: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и бо-

ляре прияли». Наутрия же изиде Володимер с попы царицины и с корсуньскими на Днепр, и снидеса бещисла людий. Влезоша в воду, и стаяху овы до шие, а друзии до персий, младии же *по перси* от берега, друзии же *младенци* держаще, свершении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И баше си *видети* радость на небеси и на земли, толико душ спасаемых; а дьявол стена глаголаше: «Увы мне, яко отсюда прогоним есмь! сде бо мнях жилище имети, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть ведуще бога, но веселяхься о службе их, еже служажу мне. И се уже побежен есмь от невелика, а не от апостол, ни от мученик, неимам уже царствовати в странах сих». Крестившим же ся людем, идоша кождо в дома своя. Володимер же рад быв, яко позна бога сам и людье его, възрев на небо, *рече*: «Христе боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сия, и дажь им, господи, уведети тебе, истиннаго бога, якоже уведеша страны хрестьяньския. Утверди и веру в них праву и несовраьну, и мне помози, господи, на супротивнаго врага, да, надеяся на тя и на твою державу, побегю козни его». И се рек, повеле рубити церкви и поставляти по месту, идеже стояху кумири. И постави церковь святого Василья на холме, идеже стояше кумир Перун и прочии, идеже творяху потреби князь и людье. И нача ставити по градом церкви и попы, и *люди* на крещенье приводити по всем градом и селом. Послав, нача поимати у *нарочитые* чади дети, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чад сих плакаху по ним, еще бо не бяху ся утвердили верою, но акы по мертвецю плакахся.

Сим же раздаяном на ученье книгам, сбысться пророчество на Русьстей земли, глаголющее: «Во оны днии услышать глусии словеса книжная, и ясна будетъ язык гугнивыхъ». Си бо не беша преди слышали словеса книжного, но по божьей строю и по милости своей помилова бог, якоже *рече* пророк: *«Помилую, его же аще хо-*

щю». Помилова бо ны «Паки банею бытъя и обновленьем духа», по изволенью божью, а не по нашим делом. Благословен господь Иисус Христос, иже възлюбил новыя люди, Русьскую землю, и просветил ю крещеньем святымъ. Темъже и мы припадаем к нему, глаголюще: «Господи Иисусе Христе! Что ти вздамы о всех, яже *вздаси* нам, грешником нам сущем? Недоумеем противу даром твоимъ вздаянъя вздати»...

Володимер же просвещен сам, и сынове его, и земля его. Бе бо у него сынов 12: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мьстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посади Вышеслава в Новгороде, а Изяслава Полотьске, а Святополка Турове, а Ярослава Ростове. Умершю же старейшему Вышеславу Новгороде, посадиша Ярослава Новгороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревех, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани. И рече Володимер: «Се не добро, еже *мало* город около Киева». И нача ставити города по Десне, и по Востри, и по *Трубужеву*, и по Суле, и по Стугне. И поча нарубати муже лучиние от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сих насели грады; бе бо рать от печенег. И бе воюяся с ними и одолая им.

В лето 6497. Посемъ же Володимер живяше в законе хрестьянъсте, помысли создати церковь пресвятыя богородица, и послав приведе мастера от Грек. И наченшю же здати, и яко сконча зижя, украси ю иконами, и поручи ю Настасу *Корсунянину*, и попы корсуньския пристави служити в ней, вдав ту все, еже бе взял в Корсуну: иконы, и ссуды, и кресты.

В лето 6499. Володимер заложи град Белгород, и наруби в нь от инех городов, и много людей сведе во нь; бе бо любя град съ.

В лето 6500. Иде *Володимир* на Хорваты. Пришедшю бо ему с войны хорватьския, и се печенези придоша по оной стороне от Сулы; Володимер же поиде противу

им, и сrete я на *Трубужу* на броде, кде ныне Переяславль. И ста Володимер на сей стороне, а печенези на оной, и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну. И приеха князь печенежьский к реке, возва Володимера и рече ему: «Выпусти ты свой муж, а я свой, да ся борета. Да аще твой муж ударить моимъ, да не воюем за три лета; аще ли нашъ муж ударить, да воюем за три лета». И разидостася разню. Володимер же приде в товары, и посла биричи по товаром, глаголя: «Нету ли такого мужа, иже бы ся ял с печенежиномъ?» И не обретеса никдеже. Заутра приехаша печенези и свой муж приведоша, а у наших не бысть. И поча тужити Володимер, сля по всем воем, и приде един стар муж ко князю и рече ему: «Княже! естъ у мене един сын меншей дома, а с четырьми есмь вышел, а он дома. От детства бо его несть кто им ударил. Единою бо ми ѝ сварящю, и оному мьнущю усние, разгневавъся на мя, преторже череву рукама». Князь же се слышав рад бысть, и посла по нь, и приведоша ѝ ко князю, и князь поведа ему вся. Сей же рече: «Княже! Не веде, могу ли *со нь*, и да *искусите* мя: нету ли быка велика и силна?» И налезоша бык велик и силен, и повеле раздраждити быка; возложиша на нь железа горяча, и быка пустиша. И побеже бык мимо и, похвати быка рукою за бок, и выня кожу с мясы, елико ему рука зая. И рече ему Володимер: «Можеша ся с ним бороти». И наутрия придоша печенези, почаша звати: «Не ли мужа? Се нашъ доспель». Володимер же повеле той ноци *облещися* в *оружие*, и приступиша ту обои. Выпустиша печенези муж свой, бе бо превелик зело и страшен. И выступи муж Володимеръ, и узре ѝ печенезин и посмеяся, — бе бо середний теломъ. И размеривше межи обема полкома, пустиша я к собе. И ястася, и почаста ся *крепко* держати, и удави печенезина в руку до смерти. И ударил имь о землю. И кликнуша, и печенези побегоша, и русь погнаша по них секуще, и прогнаша я. Володи-

мер же рад быв, заложи город на *броде* томь, и нарече и Переяславль, зане перея славу отрок от. Володимер же великимь мужем створи того и отца его. Володимер же возвратися в Киев с победою и с славою великою.

В лето 6502. В лето 6503.

В лето 6504. Володимер видев церковь свершену, вшед в ню и помолися богу, глаголя: «Господи боже! «Призри с небесе, и вижь. И посети винограда своего. И сверши, яже насади десница твоя», новыя люди си, им же обратил еси сердце в разум, познати тебе, бога истинного. И призри на церковь твою си, юже создах, недостойный раб твой, в имя рожьшая тя матере, прснодевыя богородица. Аже кто помолитися в церкви сей, то услыши молитву его молитвы ради пречистыя богородица». И помолившюся ему, рек сиче: «Даю церкви сей святей Богородици от имения моего и от град моих десятую часть». И положи написав клятву в церкви сей, рек: «Аще кто сего посудить, да будет проклят». И вдасть десятину Настасу Корсунянину. И створи праздник велик в т день боляром и старцем градским, и убогим раздая именье много.

По сих же придоша печенези к Василеву, и *Володимир* с *малою дружиною изыде противу*. И сступившимся, и не мог стерпети противу, подбег, ста под мостом, одва укрыся противных. И тогда обещася Володимер поставити церковь Василеве святаго Преображенья, бе бо в т день Преображенье господне, егда си бысть сеча. Избыв же Володимер сего, постави церковь, и створи праздник велик, варя 300 провар меду. И сзываше боляры своя, и посадники, старейшины по всем градом, и люди многы, и раздая убогим 300 гривен. Праздновав князь дний 8, и возвращашеться Киеву на Успенье святыя богородица, и ту пакы *сотворяше* праздник велик, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же *люди* хрестьяны суца, радовашеся душею и

телом. И тако по вся лета творяше. Бе бо любя словеса книжная, слыша бо единою еуангелье чтомо: «Блажени милостивии, яко ти помиловани *будуть*»; и пакы: «Продайте именья ваша и дадите нищим»; и пакы: «Не скрываете себе скровищ на земли, идеже тля глеть и татье подкопывают, но скрываете себе скровище на небесех, идеже ни тля глеть, ни татье крадутъ»; и Давыда глаголюща: «Блажен муж милуя и дая»; Соломона же слыша глаголюща: «Вдай нищему, богу в заим дает». Си слышав, повеле всякому нищему и убогому приходити на двор княжь и взимати всяку *потребу*, питье и яденье, и от скотьниц кунами. Устрой же и се, рек яко «Немощнии и болнии не могут долести двора моего», повеле пристроити кола, и вскладше хлебы, мяса, рыбы, овощь разноличный, мед в бчелках, а в других квас, возити по городу, впрашающим: «Кде болнии и нищ, не могы ходити?» Тем раздаваху на потребу. Се же пакы творяше людем своим: по вся неделя устави на дворе в гридьнице пир творити и приходити боляром, и гридем, и сцьским, и десятицьским, и нарочитым мужем, при князи и без князя. Бываше множество от мяс, от скота и от зверины, баше по изобилью от всего. Егда же подьпяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: «Зло есть нашим головам: да нам ясти деревяными лжицами, а не серебряными». Се слышав Володимер повеле исковати лжице серебряны ясти дружине, рек сиче, яко «Сребромь и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато, якоже дед мой и отец мой доискася дружиною злата и сребра». Бе бо Володимер любя дружину, и с ними думая о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем, и бе *живя* с князи околними миромь, с Болеславом Лядьскимь, и с Стефаномь Угрьскимь, и с Андрихомь Чешьскимь. И бе мир межю ими и любы. Живяше же Володимер в страсе божьи. И умножишася *зело* разбоеве, и реша епископи Володимеру: «Се

умножишася разбойници; почто не казниши их?» Он же рече им: «Боюся греха». Они же реша ему: «Ты поставлен еси от бога на казнь злым, а добрым на милуваньє. Достоить ти казнити разбойника, но со испытум». Володимер же отверг виры, нача казнити разбойники, и реша епископи и старци: «Рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди». И рече Володимер: «*Тако буди*». *И живяше Володимер* по устроенью отню и дедню.

В лето 6505. Володимеру же шедшу Новгороду по верховыше вое на Печенегы, бе бо рать велика бес перестани. В се же время уведеша печенези, яко князя нету, *и* придоша и сташа около Белагорода. И не дадяху вылести из города, и бысть глад велик в городе, и не бе лзе Володимеру помочи, не бе бо вой у него, печенег же множество много. И удолжися остоя в городе, и бе глад велик. И створиша вече в городе и реша: «Се уже хочем померети от глада, а от князя помочи нету. Да лучше ли ны померети? *Вдадимся* печенегом, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираем от глада». И тако свет створиша. Бе же един старецъ не был на вечи томъ, и *впрашаше*; «Что ради вече было?» И людье поведаша ему, яко утро хотят ся людье передати печенегом. Се слышав, посла по старейшины градьскыя, и рече им: «Слышах, яко хотите ся передати печенегом». *Они же реша*: «Не стерпять людье глада». И рече им: «Послушайте мене, не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите». Они же ради обещааша послушати. И рече им: «Сберете аче и по горсти овса, или пшенице, ли отруб». Они же шедше ради снискаша. И повеле женам створити цежь, в немъ же варять кисель, и повеле ископати колодязь, и *вставити* тамо кадъ, и нальяти цежа кадъ. И повеле другый колодязь ископати, и вставити тамо кадъ, и повеле искати меду. Они же, шедше, взяша меду лукуно, бе бо погребено в княжи медуши. И повеле росытити велми и вльяти в кадъ в друземь колодязи. Утро

же повеле послати по печенеги. И горожане же реша, шедше к печенегом: «Поимете к собе таль нашъ, а вы поидете до 10 муж в град, да видите, что ся дееть в граде нашем». Печенези же ради бывше, мняще, яко предатися хотят, пояша у них тали, а сами избраша лучыше мужи в *родех* и послаша в град, да розглядають в городе, что ся дееть. И придоша в город, и рекоша им людье: «Почто губите себе? Коли можете престояти нас? Аще стоите за 10 лет, что можете створити нам? Имеем бо кормлю от земле. Аще ли не веруете, да узрите своима очима». И приведоша я к кладязю, идеже цежь, и почерпоша ведромъ и льяша в латки. И яко свариша кисель, и поимше придоша с ними к другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомъ же печенези. И удивишася, и рекоша: «Не имуть веры наши князи, аще не ядят сами». Людье же нальяха корчагу цежа и сыты от колодязя, *и* вдаша печенегом. Они же пришедше поведаша вся бывшая. И, варивше, яша князи печенезьстии и подивишася. И поимше тали своя и оных пустивше, всташа от града, всвояси идоша.

В лето 6506. В лето 6507.

В лето 6508. Преставися Малфредъ. В се же лето преставися и Рогнедь, мати Ярославля. В лето 6509. Преставися Изяслав, отецъ Брячиславль, сын Володимеръ.

В лето 6510.

В лето 6511. Преставися Всеслав, сын Изяславль, внук Володимеръ.

В лето 6512. В лето 6513. В лето 6514. В лето 6515. Пренесени святии в святую Богородицю.

В лето 6516. В лето 6517. В лето 6518.

В лето 6519. Преставися цариця Володимеря Анна.

В лето 6520. В лето 6521.

В лето 6522. Ярославу же сущю Новегороде, и урокомъ дающю Киеву две тысяче *гривен* от года до года, а тысячу Новегороде гридем раздаваху. *И* тако даяху *вси*

посадници новгородьстии, а Ярослав сего не даяше к *Кыеву отцо* своему. И рече Володимер: «Требите путь и мостите мост», — хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболеся.

В лето 6523. Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярослав же, послав за море, приведе варягы, бояся отца своего; но бог не вдасть дьяволу радости. Володимеру бо разболевшюся, в се же время бяше у него Борис. Печенегом идущем на Русь, посла противу им Бориса, сам бо боляше велми, в ней же болести и скончаша месяца июля в 15 день. Умре же на Берестовемь, и потаиша ѿ, бе бо Святополк Кыеве. Ночью же межю *двема* клетми проймаваше помост, обертевше в ковер ѿ, ужи свесиша на землю; взложше ѿ на сани, везше поставиша ѿ в святей Богородици, юже бе сздал сам. Се же уведевше людье, бещисла снидошася и плакашася по немь, боляре акы заступника их земли, убозии акы заступника и кормителя. И вложиша ѿ в корсту мороморяну, схраниша тело его с плачемь, блаженаго князя.

Се есть новый Костянтин великого Рима, иже крестився сам и люди своя: тако и съ створи подобно ему. Аще бо бе и преже на скверннюю похоть желая, но послеже прилежа к покаянью, якоже апостол вещавать: «Идеже умножится грех, ту изобильствуеть благодать». Дивно же есть се, колико добра створил Русьстей земли, крестив ю. Мы же, хрестьяне суще, не вздаем почестья противу оного взданью. Аще бо он не крестил бы нас, то ныне были быхом в прельсти дьяволи, якоже и прародители наши погынуша. Да аще быхом имели потщанье и мольбы приносили богу за нь, в день преставленья его, и видя бы бог тщанье наше к нему, прославил бы ѿ: нам бо достоинь за нь бога молити, понеже темь бога познахом. Но дажь ти господь по сердцю твоему, и вся прошенья твоя исполни, его же желаше царства небеснаго.

Дажь ти господь венець с праведными, в пищи райстей, веселье и ликъствованье с Авраомь и с прочими патриархы, якоже Соломон рече: «Умершю мужю праведну, не погыбаеть упованье».

Сего бо в память держать русьстии людье, поминающе святое крещенье, и прославляют бога в молитвах и в песнях и в псалмех, поюще господеву, новии людье, просвещени святымь духомь, чающе надежи великаго *бога* и спаса нашего Иисуса Христа въздати ко муждо противу трудом неиздреченную радость, юже буди улучити всем хрестьяном.

Оубьеньии Борисове. Святополк же седе Кыеве по отци своемь, и сзва кыяны, и нача даяти им именье. Они же приимаху, и не бе сердце их с нимь, яко братья их беша с Борисомь. Борису же взвратившюся с вои, не обретшю печенег, весть приде к нему: «Отець ти умерл». И плакася по отци велми, любим бо бе отцемь своимь паче всех, и ста на Лъте пришед. Реша же ему дружина отня: «Се дружина у тебе отьня и вои. Поиди, сяди Кыеве на столе отни». Он же рече: «Не буди мне взняти руки на брата своего старейшаго: аще и отець ми умре, то съ ми буди в отца место». И се слышавше, вои разидошася от него. Борис же стояше с отрокуы своими. Святополк же, исполнився безаконья, Каинов смысл приим, посылая к Борису, глаголаше, яко «С тобою хочю любовь имети, и к отню придамь ти»; а лъстя под ним, како бы ѿ погубити. Святополк же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и вышегородьские болярьце, и рече им: «Прияете ли ми всем сердцемь?» Рече же Путьша с вышегородьци: «Можем главы своя сложити за тя». Он же рече им: «Не поведуче никомуже, шедше, убийте брата моего Бориса». Они же вскоре обещашася ему се створити. О сяковых бо *Саламон* рече: «Скори суть пролити кровь... неправды. Ти бо *обыцаются* крови, собирають себе злая. Сих путье суть скончавоущих безаконье, нечестьемь бо свою душу емлют».

Послании же придоша на Лыто ночью, и подступиша ближе, и слышаша блаженаго Бориса поюща заутреню: бе бо ему весть уже, яко хотять погубити ѱ. И, встав, нача пети, глаголя: «Господи! Что ся умножиша стужающии мне. Мнози встають на мя»; и паки: «Яко стрелы твоя уньзоша во мне, яко аз на раны готов, и болезнь моя предо мною есть»; и паки глаголаше: «Господи! Услыши молитву мою, и не вниди в суд с рабом своим, яко не оправдится пред тобою всяк живой, яко погна враг душу мою». И кончав *ексаксалма*, увидев, яко послани суть губит его, нача пети псалтырю, глаголя, яко «Обидоша мя унци тучни... И *собор* злобивых оседе мя. Господи, боже мой, на тя уповах, и спаси мя, и от всех гонящих *мя* избави мя». Посемь же нача канун пети. Таче, кончав заутреню, помолися, глаголя, зря на икону, на образ владычень, глаголя сице: «Господи Иисусе Христе! Иже симь образом явися на земли спасенья ради нашего, изволив своею волею пригвоздити на кресте руце свои, и приим страсть грех ради наших, тако и мене сподоби прияти страсть. Се же не от противных приимаю, но от брата своего, и не створи ему, господи, в семь греха». И помолившюся ему, взлеже на одре своем. И се нападоша акы зверье дивии около шатра, и насунуша ѱ копьи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на нем, прободоша с нимь. Бе бо *сей* любим Борисомь. Бяше отрок съ родомь сын угреск, именемь Георги, его же любляше повелику Борис; бе бо взложил на нь гривну злату велику, в ней же предстояше пред нимь. Избиша же и ины отроки Борисовы многы. *Георгиеви* же сему не могуще вборзе сняти гривны с шие, усекнуша главу его, и тако сняша *гривну, а главу отвергоша прочь*; темже послеже не обретоша тела сего в трупии. Бориса же убивше, оканьнии, увертевше в шатер, взложивше на кола, повезоша ѱ, и еще дышущю ему. *Уведев* же се, оканьный Святополк яко еще дышетъ, посла два варяга прикончат его. Онема же при-

шедшема и *видевшема*, яко и еще жив есть, един ею извлек мечь, пронъзе ѱ к сердцю. И тако скончася блаженный Борис, венецъ *приим* от Христа бога с праведными, причется с пророкы и апостолы, с ликы мученичьскими водваряся, Авраму на лоне почивая, видя неиздреченную радость, воспевая с ангелы и веселяся с *лики* святых. И положиша тело его, принесше отай Вышегороду, у церкви святаго Василья. Оканьний же си убийце придоша к Святополку, *аки хвалу* имуще, безаконьници. Суть же имена сим законпреступником: Путьша, и Талець, Еловить, Ляшько, отецъ же их сотона. Сици бо слугы беси бывають, беси бо на злое посылаеми бывають, ангели на благое посылаеми. *Ангели* бо человеку зла не *творятъ*, но благое *мыслятъ* ему всегда, паче же хрестьяном помагють и заступають от супротивиаго дьявола; а беси на злое всегда ловять, завидяще ему, понеже видять человека богомь *почтена*, и завидяще ему, на зло слеми скоры суть. Зол бо человек, тщася на злое, не хужи есть беса; беси бо бога боятся, а зол человек ни бога боится, ни человек ся стыдитъ; беси бо креста ся боять господня, а человек зол ни креста ся боить. Святополк же оканьный помысли в себе, рек: «Се убих Бориса; како бы убити Глеба?» И *приим* помысл Каинов, с лестью посла к Глебу, глаголя сице: «Поиди вборзе, отецъ тя зоветъ, не сдравить бо велми». Глеб же, вборзе всед на коне, с малою дружиною поиде, бе бо послушлив отцю. И пришедшю ему на Болгу, на поли потчеся конь в рве, и наломи ему ногу мало. И приде Смоленську, и поиде от Смоленьска, яко зреемо, и ста на Смядине в насаде. В се же время пришла бе весть к Ярославу от Передславы о отни смерти, и посла Ярослав к Глебу, глаголя: «Не ходи, отецъ ти умерл, а брат ти убьен от Святополка». Се слышав, Глеб взпи велми с слезами, плачася по отци, паче же по брате, и нача молитися с слезами, глаголя: «Увы мне, господи! Луче бы ми умрети сбратомь, нежели

жити на свете семь. Аще бо бых, брате мой, видел лице твое ангелское, умерл бых с тобою: ныне же что ради остах аз един? Кде суть словеса твоя, яже глагола к мне, брате мой любимый? Ныне уже не услышу тихаго твоего наказанья. Да аще еси получил дерзновенье у бога, молися о мне, да и аз бых ту же страсть приял. Луче бы ми было с тобою *умрети*, неже в свете семь прелестнемь *жити*». И сице ему молящюся с слезами, се внезапно придоша послании от Святополка на погубленье Глебу. И ту абые послании яша корабль Глебов и обнажиша оружие. Отроки Глебови уныша. Оканьный же посланный Горясер повеле вбозе зарезати Глеба. Повар же Глебов, именем Торчии, вынез ножь, зареза Глеба, акы агня непорочно. Принесеса на жертву богу, в воню благоуханья, жертва словесная, и прия венець, вшед в небесныя обители, и узре желаемаго брата своего, и радовашеса с ним неиздреченною радостью, юже уллучиста братолюбьемь своимь. «Се коль добро, и коль красно еже жити братома вкупе!» Оканьный же взвратишася вспять, якоже рече Давыд: «Да взвратятся грешници в ад». Онем же пришедшим, и поведаша Святополку, яко «Створихом повеленая тобою». Он же, се слышав, взнесеса сердце его болма, не ведый Давыда глаголюща: «Что ся хвалиши о злобе, сильный? безаконье весь день... умысли язык твой».

Глебу же убьену бывшу и повержену на брезу межи двема колодама, посемь же вземше везоша ѳ, и положиша ѳ у брата своего Бориса у церкви святаго Василья.

И свкуплена *телома*, паче же душама, у владыкы всецесаря пребывающа в радости бесконечней, во свете неиздреченнемь, подающа ицелебныя дары Русьстей земли, и инем приходящим странным с верою даета ицеленье: хромым ходити, слепым прозренье, болящим целбы, окованым разрешенье, темницам отверзенье, печальным *утеху*, напастным избавленье. И еста заступника Русьстей земли, и светилника сияюща и

молящася воину к владыце о своих людех. Темже и мы должни есмы хвалити достойно страстотерпца Христова, молящася прилежно к нима, рекуще: «Радуйтася, страстотерпца Христова, *заступника* Русьския земля, яже ицеленье подаета приходящим к *вама* верою и любовью. Радуйтася, небесная жителя, в плоти ангела быста, единомысленная служителя, верста единообразна, святым единомудушна; темь стражующим всем ицеленье подаета. Радуйтася, Борисе и Глебе богомудрая, яко потока точита от кладязя воды живоносныя ицеленья, истекають верным людем на ицеленье. Радуйтася, лукаваго змия поправша, *луча* светозарна явистася, яко светиле озаряюща всю землю Русьскую, всегда тму отгоняща, являющася верою неуклонною. Радуйтася, недреманье око стяжавша, душа на свершенье *божьих* святых *заповедей* *приимша* в сердце своемь, блаженная. Радуйтася, брата, вкупе в местех златозарных, в селех небесных, в славе неувядающей, ея же по достоянью сподобистася. Радуйтася, божьими светлостями яве *облистаема*, всего мира обиходита, бесы отгоняюща, недугы ицеляюща, светилника предобрая, заступника теплая, суца с богомь, божественами лучами ражизаема воину, добляя страстьника, душа просвещающа верным людем. Взвысила бо ест ваю светоносная любви небесная; темь красных всех наследоваста в небеснемь житьи, славу, и райскую пищу, и свет разумный, красныя радости. Радуйтася, яко вся напаяюща сердца, горести и болезни отгоняща, страсти злыя ицеляюща, каплями кровными, святыми очервивша багряницу, славная, ту же красно носяща с Христомь царствуета всегда, молящася за новыя люди хрестьяньския и сродники своя. Земля бо *Руска* благословися ваю кровью, и мощьми лежаща *в церкви* духомь *божествене* просвещаета, в ней же с мученикы яко мученика за люди своя молитася. Радуйтася, светлеи звезде, заутра всходящии. Но христолюбивая страстотерпца и заступника

наша! покорита поганья под нозе князем нашим, молящая к владыце богу нашему мирно пребывати в совокуплении и в сдравии, *избавляюща* от усобных рати и от пронырства дьяволя, сподобита же и нас, поющих и почитающих ваю честное торжество, в вся веку до скончанья».

Святополк же съ оканьный и злый уби Святослава, послав ко горе Угорьстей, бежащо ему в Угры. И нача помышляти, яко «Избью всю братью свою, и прииму власть русьскую един». Помыслив високоумемь своимь, не ведый яко «Богъ даеть власть, ему же хоцеть; поставляеть бо цесаря и князя вышний, емуже хоцеть, дасть». Аще бо кая земля управится пред богомь, поставляеть ей цесаря или князя праведна, любяща суд и правду, и властеля устраять, и судью, правящаго суд. Аще бо князи правдивы бывають в земли, то многа отдаются согрешенья *земли*, аще ли зли и лукави бывають, то болше зло наводитъ бог на землю, понеже то глава есть земли. Тако бо Исаия рече: «Согрешаши от главы и до ногу, еже есть от цесаря и до простых людей». «Люте бо граду тому, в немь же князь ун», любяй вино пити с гусльми и с младыми светники. Сяковыя бо бог даеть за грехы, а старья и мудрыя отиметь, якоже Исаия глаголеть: «Отиметь господь от Иерусалима крепкаго исполина, и человека храбра, и судью, и пророка, и смерена старца, *и дивна светника, и мудра хитреца, и разумна, послушлива. Поставлю уношу князя им, и ругателя обладающа ими*».

Святополк же оканьный нача княжити Кыеве. Созвав люди, нача даяти овем корзна, а другимь кунами, и раздая множество. Ярославу же не ведущо отъне смерти, варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху новгородцем и женам их. Вставше новгородци, избивша варягы во дворе Поромони. И разгневался Ярослав, и шед на Роком, седе в дворе. Послав к новгородцем, рече: «Уже мне сих не кресити». И позва к собе нарочитые мужи, иже бяху иссекли варягы, и

обльстив *я* исече. В ту же ночь приде ему вестъ ис Кыева от сестры его Передславы си: «Отець ти умерл, а Святополк седит ти Кыеве, убив Бориса, а на Глеба посла, а блюдися его повелику». Се слышав печален бысть о отци, *и о братьи*, и о дружине. Заутра же собрав избыток новгородецъ, Ярослав рече: «О, любя моя дружина, юже вчера избих, *а ныне быша надобе*». Утерл слез, *и рече им* на вечи: «Отець мой умерл, а Святополк *седит* Кыеве, избивая братью свою». И реша новгородци: «Аще, княже, братья наша исечена суть, можем по тебе бороти». И сбра Ярослав варяг тысячу, а прочих вой 40000, и поиде на Святополка, нарек бога, рек: «Не я почых избивати братью, но он; да будеть отметьник бог крове братья моя, зане без вины проля кровь Борисову и Глебову *праведную*. Егда и мне сице же створить? Но суди ми, господи, по правде, да скончается злоба грешнаго». И поиде на Святополка. *Слышав же* Святополк идуща Ярослава пристрой бещисла вой, *руси и печенег, и изыде противу ему к Любичю* об он пол Днепра, а Ярослав об сю.

Началокняженья Ярослава Кыеве. В лето 6524. Приде Ярослав на Святополка, и сташа противу *обатол* Днепра, и не смяху ни си онех, ни они сих начати, и стояша месяце 3 противу себе. И воевода нача Святополчь, езда възле берег, укаряти новгородце, глаголя: «Что придосте с хромьцемь симь, *а вы* плотници суще? А приставим вы *хоромове* рубити *наших*». Се слышавше новгородци, реша Ярославу, яко «Заутра перевеземся на *ня*; аще кто не поидеть с нами, сами потнем *его*». Бе бо уже в замороз. Святополк стояше межю двема озером, и всю ночь пил бе с дружиною своею. Ярослав же заутра, исполчив дружину свою, противу свету перевезеся. И *выседше* на брег, отринуша лодье от берега, и поидоша противу себе, и сступишася на месте. Бысть сеча зла, и не бе лзе озеромь печенегом помагати, и притиснуша Святополка с дружиною *ко озеру*, и вступиша на лед, и обломися с ни-

ми лед, и одалати нача Ярослав, *видев же Святополк и побеже, и одоле Ярослав*. Святополк же бежа в Ляхы, Ярослав же седе Кыеве на столе отъни и дедни. И бы тогда Ярослав лет 28.

В лето 6525. Ярослав иде в Киев, и погоре церкви.

В лето 6526. Приде Болеслав с Святополкомъ на Ярослава с ляхы, Ярослав же, совокупив русь, иварягыи словене, поиде противу Болеславу и Святополку, и приде Волыню, и сташа оба пол реки Буга. И бе у Ярослава кормилець и воевода, именемъ Буды, нача укаряти Болеслава, глаголя: «Да то ти прободем трескою черево твое толстое». Бе бо Болеслав велик, и тяжек, яко и на кони не могли седети, но бяше смыстень. И рече Болеслав к дружине своей: «Аще вы сего укора не жаль, аз един погыну». Всед на конь, вбрее в реку и по немь вои его. Ярослав же не утягну исполчитися, и победи Болеслав Ярослава. Ярослав же убежа с 4-ми мужи Новугороду. Болеслав же вниде в Киев с Святополкомъ. И рече Болеслав: «Разведете дружину мою по городом на покорм», и бысть тако. Ярославу же прибегшу Новугороду, и хотяше бежати за море, и посадник Коснятин, сын Добрынь, с новгородьци расekoша лодье Ярославле, рекуще: «Хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополкомъ». Начаша скот сбирати от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен. И приведоша варягы, и вдаша им скот, и совокупи Ярослав воя многы. Болеслав же бе Кыеве седа, оканьный же Святополк рече: «Елико же ляхов по *городом*, избивайте я». И избиша ляхы. Болеслав же побеже ис Кыева, взма именемъ и бояры Ярославле и сестре его, и Настаса пристави Десятиньнаго ко имению, бе бо ся ему вверил лестью. И людей множество веде с собою, и городы червеньскыя зая себе, и приде в свою землю. Святополк же нача княжити Кыеве. И поиде Ярослав на Святополка, и бежа Святополк в Печенеги.

В лето 6527. Приде Святополк с печенеги в силе тяжьце, и Ярослав собра множество вой, и *изыде* противу ему на Лыто. Ярослав ста на месте, идеже убиша Бориса, вздев рuce на небо, рече: «Кровь брата моего вопеть к тебе, владыко! Мьсти от крове праведнаго сего, якоже мьстил еси крове Авелевы, положив на Каине стенанье и трясенье; тако положи и на семь». Помолився, и рек: «Брата моя! Аще еста и теломь *отошла* отсюда, но молитвою помозета ми на противнаго сего убийцю и гордаго». И се ему рекшу, пондоша противу себе, и покрыша *поле* Летское обои от множества вой. Бе же пяток тогда, всходящю солнцю, и сступишася обои, бысть сеча зла, яка же не была в Руси, и за руки емлюче *сечахуся*, и сступашася трижды, яко по удольемь крови тещи. К вечеру же одоле Ярослав, а Святополк бежа. И бежашю ему, нападе на нь бес, и раслабеша кости его, не можаше седети на кони, и несяхуть ѝ на носилех. Принесоша ѝ к *Берестью*, бегающе с нимь. Он же глаголаше: «Побегнете со мною, женуть по нас!» Отроци же его всылаху противу: «Еда кто женеть по нас?» И не бе никогоже вслед гонящаго, и бежаху с нимь. Он же в немощи лежа, и всхопився глаголаше: «Осе женуть, *о женуть*, побегнете». Не можаше терпети на единомь месте, и пробежа Лядскую землю, гоним божьим гневом, прибежа в пусстыню межю Ляхы и Чехы, испроверже зле живот свой *в том месте*. «Его же по правде, яко *неправедна*, суду нашедшу на нь, по *отшествии* сего света прияша муки, оканьнаго. Показоваше яве... посланая пагубная рана, в смерть немилостивно вгна», и по смерти вечно мучим есть связан. Есть же могыла его в пусстыни и до сего дне. Исходить же от нея смрад зол. Се же бог показа на наказанье князем русьским, да аще сии еще сиче же створять, *се слышавше, ту же казнь примут; но и больши сее, понеже ведаю сее, створять* такоже зло убийство. 7 бо мьстий прия Каин, убив Авеля, а Ламех 70; понеже бе Каин

не ведый мьщенья прияти от бога, а Ламех, ведый казнь, *бывшую* на прародителю его, створи убийство. «Рече бо Ламех к своима женама: мужа убих в вред мне и уношу в язву мне, темже, рече, 70 мьстий на мне, понеже, рече, ведая створих се». Ламех уби два брата Екохова, и поя себе жене ею; *сей* же Святополк, новый Авимелех, иже ся бе родил от прелюбодейня, иже избил братью свою, сыны Гедеоны; тако и сь бысть.

Ярослав же седе Кыеве, утер пота с дружиною своею, показав победу и труд велик.

В лето 6528. Родился у Ярослава сын, и нарече имя ему Володимер.

В лето 6529. Приде Брячислав, сын Изяславль, внук Володимрь, на Новгород, и зая Новгород, и поим новгородце и именье их, поиде Полотьску опять. И пришедшу ему к Судомири реце, и Ярослав ис Кыева в 7 день постиже и ту. И победи Ярослав Брячислава и новгородце вороти Новугороду, а Брячислав бежа Полотьску.

В лето 6530. Приде Ярослав к Берестию. В си же времена Мьстиславу сущю *Тмуторокани*, поиде на касоги. Слышав же се, князь касожьскый Редедя изиде противу тому. И ставшема обема полкома противу себе, и рече Редедя к Мьстиславу: «Что ради губиве дружину межи собою? Но *сидеве* ся сама борот. Да аще одолеши ты, то возмеш и именье мое, и жену мою, и дети мое, и землю мою. Аще ли аз одолею, то взму твое все». И рече Мьстислав: «Тако буди». И рече Редедя ко Мьстиславу: «Не оружьемь ся бьеве, но борьбою». И яста ся бороти крепко, и надолзе борющемася има, нача изнамагати Мьстислав: бе бо велик и силен Редедя. И рече Мьстислав: «О пречистая богородице, помози ми. Аще бо *одолею* сему, сзижю церковь во имя твое». И се рек, ударил имь о землю. И вынзе ножь, и зареза Редедю. И шед в землю его, взял все именье его, и жену его и дети его, и дань взложи на касоги. И пришед Тмутороканю, заложил церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоит и до сего дне Тмуторокани.

В лето 6531. Поиде Мьстислав на Ярослава с козары и с касоги.

В лето 6532. Ярославу сущю Новегороде, приде Мьстислав ис Тмутороканя Кыеву, и не прияша его кыяне. Он же, шед, седе на столе Чернигове, Ярославу сущю Новегороде тогда. В се же лето всташа вольсьви в Суздали, избиваху старую чадь *по* дьяволу наущенью и бесованью, глаголюще, яко си держат гобино. Бе мятежь велик и голод по всей той стране; идоша по Волзе вси людье в Болгары, и привезоша *жито*, и тако ожиха. Слышав же Ярослав волхвы, приде Суздалю; изымав волхвы, расточи, а *другыя* показни, рек сице: «Бог наводит по грехом на куюждо землю гладом, или мором, ли ведромь, ли иною казнью, а человек не вест ничтоже». И взвратився Ярослав, приде *Новугороду*, и посла за море по варягы. И приде Якун с варягы, и бе Якун *съ леп*, и луда бе у него золотомь исткана. И приде к Ярославу; и иде Ярослав с Якуном на Мьстислава. Мьстислав же, слышав, взиде противу има к Листвену. Мьстислав же с вечера исполчив дружину, и поставил север в чело противу варягом, а сам ста с дружиною своею по крилома. И бывши ноци, бысть тма, молонья, и гром, и дождь. И рече Мьстислав дружине своей: «Поидем на *ня*». И поиде Мьстислав и Ярослав противу себе, и сступиша чело север с варягы, и *тудишася* *варязи* *секуще* север, и *посем* *наступи* *Мстислав* *со* *дружиною* *своею* *и* *нача* *сечи* *варязи*. И бысть сеча силна, яко посветяше молонья, блестяшеться оружье, и бе гроза велика и сеча силна и страшна. Видев же Ярослав, яко побежаем есть, побеже с Якуном, князем варяжьскым, и Якун ту отбеже луды златое. Ярослав же приде Новугороду, а Якун иде за море. Мьстислав же, о свет заутра, виде лежачие сечены от своих север и варягы Ярославле, и рече: «Кто сему не рад? Се лежит северянин, а се варяг, а дружина своя цела». И посла Мьстислав по *Ярослава*, глаголя: «Сяди в своемь Кыеве: ты еси старейшей

брат, а мне буди си сторона». И не смяше Ярослав ити в Киев, дондеже смирилася. И сядяше Мьстислав Чернигове, а Ярослав Новегороде, и беяху Киеве мужи Ярославли. В сем же лете родися у Ярослава другый сын и нарече имя ему Изяслав.

В лето 6534. Ярослав совокупи воя многы, и приде Киеву, и створи мир с братом своим Мьстиславомъ у Городья. И разделиста по Днепр Русьскую землю: Ярослав прия сю сторону, а Мьстислав ону. И начаста жити мирно и в братолюбьстве, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли.

В лето 6535. Родися 3-й сын Ярославу, и нарече имя ему Святослав.

В лето 6536. Знаменье *змииво* явися на небеси, яко видети всей земли. В лето 6537. Мирно бысть.

В лето 6538. Ярослав *Белзы* взял. И родися Ярославу 4-й сын, и нарече имя ему Всеволод. Семь же лете иде Ярослав на чюдъ, и победи я, и постави град Юрьев. В се же время умре Болеслав Великий в Лясах, и бысть мятежь в земли Лядьске: вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в них мятежь.

В лето 6539, Ярослав и Мьстислав собраста вой мног, идоста на Ляхы, и заяста грады червеньскыя опять, и повоеваста Лядьскую землю, и многы ляхы приведоста, и разделивша я. Ярослав посади *своя* по Рси, и суть до сего дне.

В лето 6540. Ярослав поча ставити города по Рси. В лето 6541. Мьстиславичъ Еустафий умре.

В лето 6542. В лето 6543.

В лето 6544. Мьстислав изиде на ловы, разболеса и умре. И положиша *й* в *церкви* у святого Спаса, юже *бе* самзаложил: *бе* бо вздано ея при немьвъзвыше, яко на кони стояще *рукою* досящи. *Бе* же Мьстислав *дебел* теломъ, чермен лицом, великыма очима, храбор на рати, милостив, любяше дружину повелику, именья не щадяше, ни питья, ни еденья браняше. Посемь же перея власть его всю Ярослав, и бысть самовластенъ Русь-

стей земли. Иде Ярослав Новугороду, и посади сына своего Володимера Новегороде, епископа постави Жидяту. И в се время родися Ярославу сын, нарекоша имя ему Вячеслав. Ярославу же сущю Новегороде, весть приде ему, яко печенези остоять Киев. Ярослав сбра воя *многы*, варягы и словени, приде Киеву и вниде в город свой. И *бе* печенег *бецисла*. Ярослав выступи из града, и исполчи дружину, и постави варягы по среде, а на правой стороне кыяне, а на левемъ криле новгородци; и *сташа* пред градомъ. Печенези *приступати* почаша, и сступишася на *месте*, идеже стоять ныне святая Софья, митрополюя русьская: *бе* бо тогда поле вне града. И бысть сеча зла, и одва одоле к вечеру Ярослав. И *побегоша* печенези разно, и не ведяхуса, камо бежати, и *овши* *бегающе* тоняху в Сетомли, ине же в инех реках, а прок их пробегоша и до сего дне. В се же лето всади Ярослав Судислава в *поруб*, брата своего, Плескове, оклеветан к нему.

В лето 6545. Заложил Ярослав город великий, у него же града суть Златая врата; заложил же и церковь святыя Софья, митрополюю, и посемь церковь на Золотых воротех *святыя Богородица* благовещенье, посемь святого Георгия монастырь и святыя Ирины. И при семь нача вера хрестьяньска плодитися и раширяти, и черноризьци почаша множитися, и монастыреве починаху быти. И *бе* Ярослав любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьце, и книгам прилежа, и почитая *е* часто в нощи и в дне. И собра писце многы и прекладаше от грек на словенское писмо. И списаша книги многы, ими же получащеся вернии людье наслажаются ученья божественаго. Якоже *бо* се некто землю *разореть*, другый же насеетъ, ини же пожинають и ядятъ пищу бескудну, — тако и сь. Отець *бо* сего Володимер *землю* взора и *умягчи*, рекше крещеньемъ просветив. Сь же насае книжными словесы сердца верных людий, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное.

Велика бо бывает полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаяню, мудрость бо обретаем и въздержанье от словес книжных. Се бо суть реки, напаяюще вселеную, се суть исходища *мудрости*; книгам бо есть неисчетная глубина: сими бо в печали утешаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и *Соломон хваляше ю*, глаголаше: «Аз, премудрость, вселих свет и разум и смысл аз призвах. Страх господень... мои свети, моя мудрость, мое утверженье, моя крепость. Мною цесареи царствуют, а силнии пишють правду. Мною вельможа величаются и мучители держать землю. Аз любящая мя люблю, ищющи мене обрящють *благодать*». Аще бо поищеша в книгах мудрости прилежно, то обрящеша велику ползу души своей. Иже бо книги часто чтеть, то беседуеть с богомъ или святыми мужи. Почитая пророческия беседы, и еуангельская ученья и апостолская, и житья святых отець, възприемлеть души велику ползу.

Ярослав же *сей*, якоже *рекохом*, любим бе книгам, и многы написав положи в святей Софьи церкви, юже созда сам. Украси ю златомъ и серебромъ и *сосуды* церковными, в ней же обычныя песни богу vzdають в годы обычныя. И ины церкви ставляше по градом и по местом, поставляя попы и дая им от имения своего урок, веля им учити люди, понеже темь есть поручено богомъ, и приходити часто к церквам. И умножшася прозвутери и людье хрестьяньсти. Радовашеся Ярослав, *видя* множество церквий и люди хрестьяны, зело, а враг сетовашеться, побежаем новыми людьми хрестьяньскими.

В лето 6546. Ярослав иде на ятвягы.

В лето 6547. Священа бысть церкы святыя Богородица, юже созда Володимер, отець Ярославль, митрополитомъ *Феопемптом*.

В лето 6548. Ярослав иде на Литву.

В лето 6549. Иде Ярослав на мазовшаны, в лодьях.

В лето 6550. Иде Володимер, сын Ярославль, на Ямь, и *победи* я. И помроша кони у вой Володимерь, яко и еще дышущим конем, съдираху хзы с них: толик бо бе мор в коних.

В лето 6551. Посла Ярослав сына своего Володимера на Грькы, и вда ему вой *многы*, а *воеводство* поручи Вышате, отцю Яневу. И поиде Володимер в лодьях, и придоша в Дунай, и поидоша к Цесарюграду. И бысть буря велика, и разби корабли руси, и князь корабль разби ветр, и взя князя в корабль Иван Творимиричь, *воевода Ярославль*. Прочии же вой Володимери *вывержени* быша на брег, числомъ 6000, и *хотящем* поити в Русь, и *не идяше* с ними *никтоже* от дружины княжее. И рече *Вышата*: «Аз поиду с ними». И выседе ис корабля к ним, и рече: «Аще жив буду, *то с ними*, аще погыну, *то с дружиною*». И поидоша, хотяще в Русь. И бысть весть грьком, яко избиле море русь, и *посла* царь, именемъ Мономах, по руси олядий 14. Володимер же, видев с дружиною, яко идут по немь, вспятився, изби оляди грьческия, и взвратися в Русь, вседше в корабле свое. Вышату же яша с изверженными на брег, и приведоша я Цесарюграду, и слепиша руси много. По трех же летех, миру бывшую, пущен бысть Вышата в Русь к Ярославу. В си же времена вдасть Ярослав сестру свою за Казимира, и вдасть Казимир за вено людий 8 сот, *яже бе полонил Болеслав, победив Ярослава*.

В лето 6552. *Выгребоша* 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я в церкви святыя Богородица. В се же лето умре Брячислав, сын Изяславль, внук Володимерь, отець Всеславль, и Всеслав, сын его, седе на столе его, его же роди мати от вълхванья. Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главе его, рекоша бо волсви матери его: «Се язвено навязи на нь, да носить е до живота своего», еже носить Всеслав и до сего дне на себе; сего ради немилостив есть на кровьпролитье.

В лето 6553. Заложы Володимер святую Софью Новегороде.

- В лето 6554.
- В лето 6555. Ярослав иде на мазовшаны, и победи я, и князя их уби *Моислава*, и покори я Казимиру.
- В лето 6556. В лето 6557.
- В лето 6558. Преставися жена Ярославля княгыни.
- В лето 6559. Постави Ярослав Лариона митрополитомъ русина в святей Софьи, собрав епископы...
- В лето 6560. Преставися Володимер, сын Ярославль *старей*, Новегороде, и положен бысть в святей Софьи, юже бе сам создал.
- В лето 6561. У Всеволода родися сын, и нарече имя ему Володимер, от царице гръкыне.
- В лето 6562. Преставися великий князь русьскый Ярослав. И еще бо живуцю ему, наряди сыны своя, рек им: «Се аз отхожю света сего, сынове мои; имейте в собе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете в любви межю собою, бог будет в вас, и *покоритъ* вы противныя под вы. И будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще, в распрях и которающеса, то погыбнете сами, и *погыбите* землю отецъ своих и дед своих, иже налезоша трудомъ своимъ великымъ; но пребывайте мирно, послушающе брат брата. Се же поручаю в собе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киев; сего послушайте, якоже послушасте мене, да *той* вы будеть в мене место; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а *Игорю Володимеръ*, а Вячеславу Смолинскъ». И тако раздели им грады, заповедав им не преступати предела братня, ни сгонити, рек Изяславу: «Аще кто хочеть обидети брата своего, то ты помагай, его же обидять». И тако уряди сыны своя пребывати в любви. Самому же болну сущю и пришедшю Вышегороду, разболеся велми, Изяславу тогда сущю..., а Святославу Володимери, *Всеволоду* же тогда сущю у отца, бе бо любим отцемъ паче *всех* братьи, *его же* имяше присно у собе. Ярославу же приспе конецъ житья, и предасть душу свою *богу*, в

- суботу 1 поста святаго Феодора. Всеволод же спрята тело отца своего, възложьше на сани везоша ѝ Киеву, попове поюще обычныя песни. Плакашася по немь людье; *и, принесше*, положиша ѝ в раце мороморяне, в церкви святое Софье. И плакася по немь Всеволод и людье вси. Живе же всех лет 70 и 6.
- Начало княженья Изяславля Киеве. Пришед Изяслав седе Киеве, Святослав Чернигове, Всеволод Переяславли, Игорь Володимери, Вячеслав Смолинске. В се же лето иде Всеволод на торкы *зиме к Воиню* и победи торкы. В семь же лете приходи Болушь с половци, и створи Всеволод мир с ними, и возвратишася *половци* вспять, отнюду же пришли.
- В лето 6564.
- В лето 6565. Преставися Вячеслав, сын Ярославль, Смолинске, и посадиша Игоря Смолинске, из Володимеря *выведше*.
- В лето 6566. Победи Изяслав голяди.
- В лето 6567. Изяслав, Святослав и Всеволод высадиша строя своего *Судислава* ис поруба, сиде бо лет 20 и 4, заводивше кресту, и бысть чернцемъ.
- В лето 6568. Преставися Игорь, сын Ярославль. В семь же лете Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав *созокупнша* вои бещислены, *и* поидоша на коних и в лодьях, бещислено множество, на торкы. Се слышавше торци, убояшася, пробегоша и до сего дне, и помроша бегаючи, божьимъ гневомъ гоними, ови от зимы, друзии же гладомъ, ини же моромъ и судомъ божьим. Тако бог избави хрестьяны от поганых.
- В лето 6569. Придоша половци первое на Русьскую землю воеват; Всеволод же изиде противу им месяца февраля в 2 день. И бившимся им, победиша Всеволода, и воевавшие отъидоша. Се бысть первое зло от поганых и безбожных враг. Бысть же князь их Искал.
- В лето 6570.
- В лето 6571. Судислав преставися, Ярославль брат, и погребоша ѝ в церкви святаго Георгия. В се же лето Но

вегороде иде Волхов вспять дний 5. Се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лето пожже Всеслав град.

В лето 6572. Бежа Ростислав Тмутороканю, сын Володимерь, внук Ярославль, и с ним бежа Порей и Вышата, сынъ Остромирь, воеводы Новгородского. И, пришед, выгна Глеба изъ Тмуторокана, а сам седе в него место.

В лето 6573. Иде. Святослав на Ростислава к Тмутороканю. Ростислав же отступи кроме из града, не убоявся его, но не хотя противу строеви своему оружья взяти. Святослав же пришед Тмутороканю, посади сына своего паки Глеба, и взвратися опять. Ростислав же пришед, паки выгна Глеба, и приде Глеб к отцу своему, Ростислав же седе Тмуторокани. В се же лето Всеслав рать почал.

В си же времена бысть знаменье на западе, звезда превелика, луче имущи акы кровавы, всходящи с вечера по заходе солнечнемь, и пребысть за 7 дний. Се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобице многы и нашествие поганых на Русьскую землю, си бо звезда бе акы кровава, проявляющи крови пролитье. В си же времена бысть детищъ ввержен в Сетомль; его же детища выволокоша рыболове в неводе, его же позоровахом до вечера, и паки ввергоша ѝ в воду. Бяшетъ бо сице: на лица ему срамнии удове, иногу нелзе казати срама ради. Пред симь же временемь и солнце пременися, и не бысть светло, но акы месяцъ бысть, его же невелики глаголють снедаему сущю. Се же бывають снца знаменья не на добро, мы бо по сему разумеем, якоже древле, «при Антносе, в Иерусалиме случися внезапно по всему граду за 40 дний являтися на вздусе на коних рищюшим, в оружьи, златы имущем одежа, и полкы обоя являемы, и оружьем движающимся; се же проявляше нахоженъе Антиохово, нашествие рати на Иерусалим. Посемь же при Нероне цесари в том же Иерусалиме восия звезда, на образ копийный, над градом: се же проявляше нахоженъе рати от римлян. И паки сице же бысть при Ус-

тиньяне цесари, звезда восия на западе, испущающи луча, юже прозываху блистаницю, и бысть блистающи дний 20; посем же быст звездам теченье, с вечера до заутрья, яко мнети всем, яко падають звезды, и паки солнце без лучь съяше: се же проявляше крамолы, недужи человеком умертвие бяше. Паки же при Маврикии цесари бысть сице: жена детищъ роди без очью и без руку, в чересла бе ему рыбий хвост приросль; и пес родися шестоног; в Африкии же 2 детища родистася, един о 4-х ногах, а другой о двою главу. Посемь же бысть при Костянтине иконоборци царя, сына Леонова: теченье звездное бысть на небе, отторваху бо ся на землю, яко видящим мнети кончину; тогда же вздох взялся повелику; в Сурии же бысть трус велик, земли раседшиися трий поприщъ, изиде дивно иземле мска, человечьскимь гласомь глаголющи и проповедающи наитъе языка, еже и бысть: найдоша бо срацини на Палестиньскую землю. Знаменья бо в небеси, или звездах, ли солнци, ли птицами, ли естеромь чим, не на благо бывають; но знаменья сиця на зло бывають, ли проявленъе рати, ли гладу, ли смерть проявляють.

В лето 6574. Ростиславу сущю Тмуторокани и емлющю дань у касог и у инех стран, сего же убоявшеся гръци, послаша с лестью котопана. Оному же пришедшю к Ростиславу и вверившюся ему, чтяшетъ ѝ Ростислав. Единою же пьющю Ростиславу с дружиною своею, рече котопан: «Княже! Хочу на тя пити». Оному же рекшю: «Пий». Он же испив половину, а половину дасть князю пити, дотиснувся пальцемь в чашю, бе бо имея под ногтем растворенъе смертное, и вдасть князю, урек смерть до дне семаго. Оному же испившю, котопан же, пришед Корсуню, поведаше, яко в сий день умереть Ростислав, якоже и бысть. Сего же котопана побиша каменьем корсуньстии людье. Бе же Ростислав муж добль, ратен, возрастомь же леп и красен лицомь, и милостив убогим. И умре месяца фев-

раля в 3 день, и тамо положен бысть в церкви святых Богородица.

В лето 6575. Заратися Всеслав, сын Брячиславль, Полочъске, и зая Новгород. Ярославичи же трие, — Изяслав, Святослав, Всеволод, — совокупивше вои, идоша на Всеслава, зиме суши велице. И придоша ко Менску, и меняне затворишася в граде. Си же братья взяша Менеск, и исекоша муже, а жены и дети вдаша на щиты, и поидоша к Немизе, и Всеслав поиде противу. И совокупишася обои на Немизе, месяца марта в 3 день; и бяше снег велик, и поидоша противу себе. И бысть сеча зла, и мнози падоша, и одолеша Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежа. По семь же, месяца июля в 10 день, Изяслав, Святослав и Всеволод, целовавше крест честный к Всеславу, рекше ему: «Приди к нам, яко не створим ти зла». Он же, надеявся целованью креста, *перееха* в лодыи черес Днепр. Изяславу же в шатер предъидушю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолинъска, преступившее крест. Изяслав же привед Всеслава Киеву, всади ѿ в поруб с двема сынома.

В лето 6576. Придоша иноплемьници на Русьску землю, половьци мнози. Изяслав же, и Святослав и Всеволод изидоша противу им на Лъто. И бывши ноци, подыдоша противу себе. Грех же ради наших пусти бог на ны поганья, и побегоша русьскыи князи, и победиша половьци...

Изяславу же со Всеволодом Киеву побегшю, а Святославу Чернигову, и людье киевстии, прибегоша Киеву, и створиша вече на торговищи, и реша, пославшеся ко князю: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними». Изяслав же сего не послуша. И *начаша* людие *говорити* на воеводу на Коснячъка; идоша на гору, с вечера, и придоша на двор Коснячков, и не обретше его, сташа у двора Брячиславля и реша: «Поидем, высадим дружину свою ис погребя». И разделишася надвое: *половина* их

иде к погребу, а половина их иде по Мосту; си же придоша на княжь двор. Изяславу же седяшю на сенех с дружиною своею, начаша претися со князем, стояще доле.

Князю же из оконця зряшю и дружине *стоящи* у князя, рече Туки, брат Чюдинь, Изяславу: «Видиши, княже, людье възвыли; посли, ат Всеслава блюдутъ». И се ему глаголюшю, другая половина людий приде от погребя, отворивше погреб. И рекоша дружина князю: «Се зло есть; посли ко Всеславу, ат призвавше лествю кооконцю, пронзуть ѿ мечемъ». И не послуша сего князь. Людье же кликнуша и идоша к порубу Всеславлю. Изяслав же, се видев, со Всеволодом побегоста з двора, людье же высекоша Всеслава ис поруба, в 15 день сентября, и прославиша ѿ среде двора княжа. Двор жь княжь разграбиша, бециленное множество злата и сребра, кунами и белью. Изяслав же бежа в Ляхы.

Посемь же половцем воюющим по земле Русьсте, Святославу сущю Чернигове, и половцем воюющим около Чернигова, Святослав же собрав дружины неколико, изиде на *ня* ко Сновьску. И узреша половци идущь полк, пристроишася противу. И видев Святослав множество их, и рече дружине своей: «Потягнем, уже нам не лзе камо ся дети». И удариша в коне, и одоле Святослав в трех тысячах, а половець бе 12 тысяче; и тако бьеми, а друзии потопоша в *Снови*, а князя их яша рукама, в 1 день ноября. И взвратишася с победою в град свой Святослав.

Всеслав же седе Киеве. Се же бог яви силу крестную: понеже Изяслав целовав крест и я ѿ; темже наведе бог поганья, сего же яве избави крест честный. В день бо Въздвигенья Всеслав, вздохнув, рече: «О кресте честный! Понеже к тебе веровах, избави мя от рва сего». Бог же показа силу крестную *на* показанье земле Русьстей, да не преступаютъ честнаго креста, целовавше его; аще ли преступить кто, то и zde приметъ казнь и

на придущемъ веце казнь вечную. Понеже велика есть сила крестная: крестомъ бо побежени бывають силы бесовьскыя, *крест* бо князем в бранех пособить, в бранех крестом согражаеми вернии людье побежають супостаты противныя, крест бо вскоре избавляеть от напастий призывающим его с верою. Ничтоже ся боять беси, токмо креста. Аще бо бывають от бес мечтанья, знаменавше лице крестомъ, прогоними бывають. Всеслав же седе Кыеве месяць 7.

В лето 6577. Поиде Изяслав с Болеславомъ на Всеслава; Всеслав же поиде противу. И приде Белугороду Всеслав, и бывши нощи, утаився кыян, бежа из Белагорода Полотьску. Заутра же *видевше* людье князя бежавша, взвратишася Кыеву, и створиша вече, и послашася к Святославу и к Всеволоду, глаголюще: «Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се *ведеть* на ны Лядскую землю, а поидета в град отца своего; аще ли не хочета, то нам неволя: *зажегше* град свой, ступим в Гречьску землю». И рече им Святославъ: «Ве послеве к брату своему; аще поидеть на вы с ляхы губити вас, то ве противу ему ратью, не даве бо погубити града отца своего; аще ли хочеть с миром, то в мале придеть дружине». И утешиста кыяны. Святослав же и Всеволод посласта к Изяславу, *глаголюща*: «Всеслав ти бежал, а не води ляхов Кыеву, противна бо ти нету; аще ли хочещи гнев имети и погубити град, то веси, яко нама жаль отня стола». То слышав Изяслав, остави ляхы и поиде с Болеславом, мало ляхов поим; посла же пред *собою* сына своего Мьстислава Кыеву. И пришед Мьстислав, исече *кыяны*, иже беша высекли Всеслава, числом 70 чади, а другыя слепиша, другыя же без вины погуби, не испытав. Изяславу же идущю к граду, изидоша людье противу с поклоном, и прияша князь свой кыяне; и седе Изяслав на столе своемъ, месяца мая в 2 день. И распуща ляхы на покорм, и избиваху ляхы отай; и взвратися в Ляхы Болеслав, в землю

свою. Изяслав же взгна торг на гору и прогна Всеслава ис Полотьска, посади сына своего Мьстислава Полотьске; он же вскоре умре ту. И посади в него место брата *его* Святополка, Всеславу же бежавшю.

В лето 6578. Родился у Всеволода сын, и нарекоша именем Ростислав. В се же лето заложена бысть церкви святаго Михаила в монастыре Всеволожи.

В лето 6579. Воеваша половци у Растовьця и у *Неятина*. В се же лето выгна Всеслав Святополка ис Полотьска. В се же лето победи Ярополк Всеслава у Голотичьска. В си же времена приде волхв, прелгден бесом; пришед бо Кыеву глаголаше, сице поведая людем, яко на пятое лето Днепру потещи вспять и землям преступати на ина места, яко стати Гречьскы земли на *Руской*, а Руськей на Гречьской, и прочим землям изменитися. Его же невелигласи послушаху, вернии же *смеяхуться*, глаголюще ему: «Бес тобою игратъ на пагубу тебе». Се же и бысть ему: в едину бо нощь бысть без вести.

Беси бо подьтокше на зло вводятъ; посем же насмисаються, ввергыше и в пропасть смертную, научивше глаголати, якоже се скажем бесовьское наущенье и действо.

Бывши бо единою *скудости* в Ростовьстей области, встаста два волхва от Ярославля, глаголюща, яко «Ве све, кто обилье держить». И пойдоста по Волзе; кде *приидуча* в *погост*, ту же *нарекаста* лучьшия жены, глаголюща, яко «Си жито держить, а си мед, а си рыбы, а си скору». И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя. Она же в мечте прорезавше за плечемъ, *вынимаста* любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, и именье их отъймашета собе. И придоста на Белоозеро, и бе у *нею людий инех* 300. В се же время приключися прити от Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину; поведаша ему белозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волзе и по Шексне, и пришла еста семо. Ян же, испытав, чья еста смерда, и уведев, яко своего князя, послав к ним,

иже около ею суть, рече им: «Выдайте волхва та се-мо, яко смерда еста моя и моего князя». Они же сего не послушаша. Янь же поиде сам без оружья, и реша ему отроци его: «Не ходи без оружья, осоромят тя». Он же повеле взяти оружья отроком, и беста 32 отрока с ним, и поиде к ним к лесу. Они же сташа, исполчившися, противу. Яневи же идуцю с топорцем, выступиша отних 3 мужи, придоша к Яневи, рекуше ему: «Вида идеси на смерть, не ходи», Оному повелевшю *бити я*, к прочим же поиде. Они же сунушася на Яня, един грешися Яня топором. Янь же, оборотя топор, удари ѥ тыльемь, повеле отроком сечи я. Они же бежаша в лес, убиша же ту попина Янева. Янь же, вшед в град к белозерцем, рече им: «Аще не *имете* волхву сею, не иду от вас и за лето». Белозерци же, шедше, яша я, и приведоша я к Яневи. И рече има: «Что ради погубиста толико человек?» Онема же рекшема, яко «Ти держать обилье, да аще истребиве сих, будеть гобино; аще ли хочещи, то *пред* тобою вынемеве жито, ли рыбу, ли ино что». Янь же рече: «Поистине лжа то; створил бог человека от земле, сставлен костьми и жылами от крове; несть в немь ничтоже и не весть ничтоже, но токмо един бог весть». Она же рекоста: «Ве веде, како есть человек створен». Он же рече: «Како?». Она же рекоста: «Бог мывся в мовници и вспотився, *отерся вехтем*, и верже с небесе на землю. И распреса сотона с богомь, кому в немь створити человека. И створи дьявол человека, а бог душу *во нь* вложи. Темже, аще умереть человек, в землю идеть тело, а душа к богу». Рече има Янь: «Поистине прельстил вас есть бесь; коему богу веруета?» Она же рекоста: «Антихресту». Он же рече има: «То кде есть?» Она же рекоста: «Седить в бездне». Рече има Янь: «Какый то бог, седя в бездне? То есть бес, а бог есть на небеси, *седяй* на престоле, славим от ангел, иже предстоять ему со страхом, не могуще на нь зрети. Сих бо ангел свержен бысть, его же вы

глаголета антихрест, за величанье его низвержен бысть с небесе, и есть в бездне, якоже то вы глаголета, жда, егда придеть бог с небесе. Сего им антихреста, свяжеть узами и посадить ѥ, ем его, с слугами *его* и иже к нему веруют. Вама же и сде муку прияти от мене, и по смерти тамо». Онема же рекшема: «Нама бози поведають, не можещи нама створити ничтоже». Он же рече има: «Лжють вама бози». Она же рекоста: «Нама стати пред Святославомь, а ты не можещи створити ничтоже». Янь же повеле бити я и *поторгати* браде ею. Сима же тепенома и браде ею поторгане проскепом, рече има Янь: «Что вама бози молвят?» Онема же рекшема: «Стати нама пред Святославом». И повеле Янь вложить рубль в уста има и привязати я к упругу, и пусти пред собою *в* лодье, и сам по них иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янь: «Что вам бози молвят?» Она же реста: «Сице нама бози молвят, не быти нама *живым* от тебе». И рече има Янь: «То ти вама право поведали». Она же рекоста: «Но аще *ны* пустиши, много ти добра будеть; аще ли наю погубиши, многу печаль приимеши и зло». Он же рече има: «Аще ваю пуцю, то зло ми будет от бога; *аще ль вас погублю, то мзда ми будеть*». Ирече Янь повозником: «Ци кому вас кто родин убьен от сею?» Они же реша: «Мне мати другому сестра, иному роженье». Он же рече им: «Мьстите своихъ». Они же поимше, убиша я и повесиша я на дубе: отмьстье *приимша* от бога по правде. Яневи же идуцю домови, в другую ночь медведь възлез, *угрыз* ею и снесть. И тако погыбнуста науценьемь бесовьским, инем *ведуца*, а *своа* пагубы на ведуче. Аще ли быста ведала, то не быста пришла на место се; идеже ятома има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: «Не умрети нама», оному мыслящю убити я? Но се есть бесовьское наученье; беси бо не ведять мысли *человечьскыя*, но влагать помysl в человека, тайны не сведуче. Бог един

свесть помышленья человеческая, беси же не сведают ничтоже; суть бо немощни и худи взоромь.

Яко и се скажем о взоре их и о омраченъи их. В си бо времена, в лета си, приключися некоему новгородцю прити в Чюдь, и приде к кудеснику, хотя волхвованья от него. Он же по обычаю своему нача призывать бесы в храмину свою. Новгородцю же сидящу на пороге тоя же храмины, кудесник же лежаше *оцнев*, и шибе им бес. Кудесник же, встав, рече *новгородцю*: «Бози не смеют прити, нечто имаши на собе, его же боятся». Он же помянув на собе крест, и отшед постави кроме храмины тое. Он же нача опять призывать бесы. Беси же, метавше имь, поведаша, что ради пришел есть. Посемь же поча прашати его: «Что ради боятсяего, егоже се носим на собе креста?» Он же рече: «*То есть* знаменье небснаго бога, его же наши бози боятся». Он же рече: «То каци суть бози ваши, кде живутъ?». Он же рече: «В безднах. Суть же образом черни, крилаты, хвосты имуще; всходятъ же и под небо, слушающе ваших богов. Ваши бо бози на небеси суть. Аще кто умреть от ваших людий, то возносим есть на небо; аще ли от наших умираетъ, то носим к нашим богом в бездну». Якоже и есть; грешници бо в аде сут, ждуще муки вечныя, а праведници в небеснемъ жилище водваряются со ангелы.

Сиця ти есть бесовская сила, и лепота, и немощь. Тем же прелщаютъ человеки, веляще им глаголати виденья, являющеса им, несвершеным верою, являющеса во сне, инем в мечте, и тако волхвуют наученьемъ бесовскимъ. Паче же женами бесовская вольшвенья бывають; искони бо бес жену прелсти, си же — мужа, тако в си роди много волхвуютъ жены чародейством, и отравою, и инеми бесовскими козньми. Но и мужи прелщени бывають от бесов невернии, яко се в *первые роды*, при апостолах бо бысть Симон волхв, иже творяше волшьствомъ псом глаголати *человечьски*, и сам прменяшется, ово стар, ово молод, ово ли и

инога прменяше во инога образ, в мечтаньи. Сице творяше *Аньний и Мамерий*, волшвеньемъ чюдеса противу Моисиови, но вскоре не возмогоста противу Моисиови, но и *Куноп* творяше мечтанье бесовско, яко и по водам ходити, и ина мечтанья творяше, бесомь лстим, на пагубу собе и инем.

Сиць бе волхв встал при Глебе Новеороде; глаголетъ бо людем, творяся акы бог, и многы прелсти, мало не всего града, глаголашеть бо, яко «*Проведе* вся»; и хуля веру хрестьянскую, глаголашеть бо, яко «Переиду по Волхову пред всеми». И бысть мятежь в граде, и вси яша ему веру, и хотяху погубити епископа. Епископ же, взем крест и облекся в ризы, ста, рек: «Иже хочеть веру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли веруеть кто, то ко кресту да идеть». И разделишася надвое: князь бо Глеб и дружина его идоша и стаха у епископа, а людье вси идоша за волхва. И бысть мятежь велик межи ими. Глеб же, возма топор под skutом, приде к волхву и рече ему: «То веси ли, что утро хочеть быти, ичто лидовечера?». Он же рече: «*Проведе* вся». И рече Глеб: «То веси ли, что *ти* хочеть быти днесъ?» «Чюдеса велика створю», рече. Глеб же, вынемь топор, ростя ѝ, и паде мертв, и людье разидошася. Он же погыбе теломь, и душею предався дьяволу.

В лето 6580. *Пренесоша* святая страстотерпця Бориса и Глеба. Совокупившеса Ярославичи: Изяслав, Святослав, Всеволод; митрополит же тогда бе Георги, епископ Петр Переяславский, *Михаил Гургевский*, Феодосий же игумен Печерский, Софроний святаго Михаила игумен, Герман игумен святаго Спаса, Никола игумен Переяславский, и вси игумени, и створше праздник, праздноваша светло, и преложиша я в новую церковь, юже сдела Изяслав, яже стоить и ныне. И вземше первое Бориса в древяне раце Изяслав, Святослав, Всеволод, вземше на рама своя, понесоша, предъидущем черноризцем, *свеща* держаще в руках, и по них дьякони с кадилы, и посемь презвитери,

и по них епископи с митрополитом; по сих с ракою идяху. И принесше в новую церковь, отверзоша раку, исполнися благоуханья церкви, *воня* благы; видевше же се, прославиша бога, И митрополита ужась обиде, бе бо нетверд верою к нима; и пад ниць, просяше прощенья. Целовавше мощи его, вложиша ѱ в раку камену. Посем же взявше Глеба в раце камене, вставиша на сани и, емше за ужа, везоша ѱ. Яко быша в дверех, ста рака и не иде. И повелеша народу възвати: «Господи помилуй», и повезоша ѱ. И положиша я месяца мая 2 день. И отпевше литургию, обедаша братья на скупь, кождо с бояры своими, с любовью великою. И бе тогда держа Вышегород Чюдин, а церковь Лазорь. Посем же разидошася всвояси.

В лето 6581. Воздвиже дьявол котору в братьи сей Ярославичих. Бывши распри межи ими, быста с себе Святослав со Всеволодомъ на Изяслава. Изиде Изяслав ис Кыева, Святослав же и Всеволод внидоста в Кыев, месяца марта 22, и седоста на столе на Берестовомъ, *преступивша* заповедь отню. Святослав же бе начало выгнанию братню, желая большее власти; Всеволода бо прелсти, глаголя, яко «Изяслав сватится со Всеславом, мысля на наю; да аще его не *вариве*, имать нас *прогнати*». И тако взостри Всеволода на Изяслава, Изяслав же иде в ляхы со именемъ многимъ, глаголя, яко «Симь налезу вои». Еже все взяша ляхове у него, показавше ему путь от себе. А Святослав седе Кыеве прогнав брата своего, преступив заповедь отню, паче же божью. Велий бо есть грех *преступати* заповедь отца своего: ибо исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову, и по 400 лет отмыщенье прияша от бога, от племени бо Сифова суть евреи, *иже* избивше Хананейско племя, восприяша свой жребий и свою землю. Паки преступи Исав заповедь отца своего, и прия убийство; не добро бо есть преступати предела чюжего. В се же лето основана бысть церкви Печерская игуменомъ Феодосьемъ и епископомъ Михаи-

ломь, *митрополиту* Георгию тогда суцю в Грьцех, Святославу Кыеве сеद्याцю.

В лето 6582. Феодосий, игумен печерский, преставися...

В лето 6583. Почата бысть церкви Печерская над основаньемъ Стефаномъ игуменомъ; из основанья бо Феодосий почал, а на *основании* Стефан почал; и кончана бысть на третье лето, месяца иуля 11 день. В се же лето придоша сли из немецъ к Святославу; Святослав же, величаяся, показа им богатство свое. Они же видевше бесчисленное множество, злато, и сребро, и паволокы, и реща: «Се ни в что же есть, се бо лежить мертво. Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищють и болше сего». Сице ся похвали Иезекий, царь июдейск, к *послам* царя асурійска, его же вся взята быша в Вавилон; тако и по сего смерти все именье расыпаса разнo.

В лето 6584. Ходи Володимер, сын Всеволожь, и Олег, сын Святославль, ляхом в помочь на чехы. Сего же лета преставися Святослав, сын Ярославль, месяца декабря 27, от резанья желве, и положен Чернигове у святаго Спаса. И седе по немъ Всеволод на столе, месяца генваря в 1 день.

В лето 6585. Поиде Изяслав с ляхы, Всеволод же поиде противу ему. Седе Борис Чернигове месяца мая 4 день, и бысть княженья его 8 дний, и бежа Тмутороканю к Романови. Всеволод же *иде* противу брату Изяславу на Вольнь, и створиста мир, и пришед Изяслав седе Кыеве, месяца иуля 15 день, Олег же, сын Святославль, бе у Всеволода Чернигове. В лето 6586. *Бежа* Олег, сын Святославль, Тмутороканю от Всеволода, месяца априля 10. В се же лето убьен бысть Глеб, сын Святославль, в Заволочии. Бе *же* Глеб милостив убогым и страннолюбив, тщанье имея к церквам, тепл на веру и кроток, взором красен. Его же тело положено бысть Чернигове за Спасом, месяца иуля 23 день. Сеद्याцю Святополку в него место Новогороде, сыну Изяславлю, Ярополку сеद्याцю Вышегороде, а Володимеру сеद्याцю Смолинське, приведе Олег и Борис по-

ганья на Русьскую землю, и пойдоста на Всеволода с половци. Всеволод же изиде противу има на Сжице, и победиша половци русь, и мнози убьени быша ту: убьен бысть Иван Жирославичь, и Туки, Чюдинь брат, *Порей*, и ини мнози, *месяца августа* в 25. Олег же и Борис придоста Чернигову, мняще одолевше, а земле Русьской много зло створше, проливше кровь хрестьяньску, ея же крове взищеть бог от руку ею, и ответ дати има за *погубленыя* душа хрестьяньскы. Всеволод же приде к брату своему Изяславу Киеву, *целовавшася* и седоста. Всеволод же исповеда вся бывшая. И рече ему Изяслав: «Брате! Не тужи. Видиши ли, колико ся мне сключи: первое, не выгнаша ли мене и именье мое разграбиша? И паки, кую вину вторую створил бех? Не изгнан ли бех от ваю, брату своею? Не блудил ли бех по чюжим землям, именья лишен бых не створих зла ничтоже? И ныне, брате, не туживе. Аще будеть нама причастье в Русской земли, то обема; аще лишена будеве, тооба. Аз сложю главу свою за тя». И се рек, утеши Всеволода, и повеле сбирати вои от мала до велика. И поиде Изяслав с Ярополком, сыном своим, и Всеволод с Володимером, сыном своим. И поидоша к Чернигову, и черниговци затворишася в граде. Олег же и Борис *не* бяста. Черниговцем же не отворившимся, приступиша ко граду. Володимер же приступи ко вратом всточным, от Стрежени, и отя *врата*, и *взяша* град околний, и пожгоша ѝ, людем же вбегшим в днешний град. Изяслав же и Всеволод слыбаста, яко идеть Олег и Борис противу, Изяслав же и Всеволод уранивше, пойдоста от града противу Олгови. Рече же Олег к Борисови: «Не ходиве противу, не можеве стати противу четьрем князем, но *посливе* с молбою к *стрыема* своим». И рече ему Борис: «Ты готова зри, аз им противен всем»; похваливша велми, не ведый, яко бог гордым противитсся, смиренным даеть благодать, да не *хвалитсся* сильный силою своею. И *поидоста* противу, и бывшим им

на месте у села на Нежатине ниве, и сступившимся обоим, бысть сеча зла. Первое убиша Бориса, сына Вячеслава, похвалившагося велми. Изяславу же стоящю в пешчих, и внезапно приехав един, удари ѝ копьем за плече. Тако убьен бысть Изяслав, сын Ярославль. *Продолжене* бывши сечи, побеже Олег в мале дружине, и одва утече, бежа Тмутороканю. Убьен бысть князь Изяслав *месяца октября* в 3 день. И взявше тело его, привезоша ѝ в лодьи, и поставиша противу Городьцю, изиде противу ему весь город Киев, и вложивше тело его на сани, повезоша ѝ, с песнями попове и черноризци понесоша ѝ в град. И не бе лзе слышати пенья во плачи велице и вопли; плака бо ся по немь весь град Киев, Ярополк же идяше по немь, плачяся с дружиною своею: «Отче, отче мой! Что еси пожил бес печали на свете семь, многы напасти прим от людей и от братья своя? Се же погыбе не от брата, но забрата своего положи главу свою». И, принесше, положиша тело его в церкви святыя Богородица, вложивше ѝ в раку мраморяну. Бе же Изяслав муж взором красен и телом велик, незлобив нравом, криваго ненавиде, любя правду. Не бе бо в немь лсти, но прост муж умом, не вздая зла за зло. Колико бо ему створиша кияне: самого выгнаша, а дом его разграбиша, и не взда противу тому зла. Аще ли кто дееть вы: сечець исече, то не съ то створи, но сын его. Паки же брата его прогнаста ѝ, и ходи по чюжей земли, блудя. И сидящю ему паки на столе своем, Всеволоду пришедшю побежену к нему, не рече ему: «Колико от ваю приях?», не вдасть зла за зло, но утеши, рек: «Елма же ты, брате мой, показа ко мне любовь, введе мя на стол мой и нарек мя старейшину себе, се аз не помяну злобы первья, ты ми еси брат, а я тебе, и положю главу свою за тя», еже и бысть. Не рече бо ему: «Колико зла створиста мне, и се не тебе ся склучи», не рече: «Се кроме мене», но на ся перея печаль братню, показая любовь велику,

свершая апостола, глаголюща: «Утешайте печалныя». По истине, аще что створил есть в свете семь, етеро согрешенье, отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего, не желая болшее волости, ни имения хотя болша, но за братню обиду. О сяковых бо господь рече: «Да кто положить душу свою за други своя». Соломон же рече: «Братья в бедах пособива бывають». Любы бо есть выше всего. Яко же Иоан глаголеть: «Бог любви есть, пребываяй в любви, в бозе пребываеть, и бог в немь пребываеть». О семь свершается любви, да достоянье имам в день судный, да якоже он есть, и мы есмы в мире семь. Боязни несть в любви, но свершена любви вон измещеть боязнь, яко боязнь мученье имать. «Бояй же ся несть свершен в любви. Аще кто речеть: люблю бога, а брата своего ненавижу, ложь есть. Не любяй бо брата своего, его же видеть, бога, его же не видеть, како можеть любить? Сию заповедь имам от него, да любяй бога любить брата своего». В любви бо все свершается. Любве ради и греси расыпаются. Любве бо ради сниде господь на землю и распяты за ны грешныя, взял грехы наша, пригвозди на кресте, дав нам крест свой на прогнанье ненависти бесовское. Любве ради мученици прольяха крови своя. Любве же ради сий князь прольях кровь свою за брата своего, свершая заповедь господню.

Начало княжения Всеволожа в Киеве. Всеволод же седе в Киеве на столе отца своего и брата своего, *прим* власть русьскую всю. И посади сына своего Володимера Чернигове, а Ярополка Володимери, придав ему Туров.

В лето 6587. Приде Роман с половци к Воину. Всеволод же ста у Переяславля и створи мир с половци. И возвратися Роман с половци вспять, и *убиша* и половци месяца августа 2 день. Суть кости его и доселе *лежаче тамо*, сына Святославля, внука Ярославля. А Ольга ем-

ше *козаре* поточиша и за море Цесарюграду. Всеволод же посади посадника Ратибора Тмуторокани.

В лето 6588. Заратишася торци переяславстии на Русь, Всеволод же посла на ня сына своего Володимера, Володимер же, шед, победи тркы.

В лето 6589. Бежа Игоревичь Давыд с Володаремь Ростиславичемь месяца мая 18 день. И придоста Тмутороканю, и яста Ратибора, и седоста Тмуторокани.

В лето 6590. Осень умре, половечский князь.

В лето 6591. Приде Олег из Грек Тмутороканю; и я Давыда и Володаря Ростиславича и седе Тмуторокани. И исече козары, иже беша светници на *убьенье* брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти.

В лето 6592. Приходи Ярополк ко Всеволоду на Велик день. В се же время выбегоста Ростиславича 2 от Ярополка, и *пришедша* прогнаста Ярополка, и посла *Всеволод* Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери. В се же лето Давыд зая гркы в Олешьи, и зая у них имение. Всеволод же, послав, приведе и, и вда ему Дорогобужь.

В лето 6593. Ярополк же хотяше ити на Всеволода, послушав злых светник. Се *уведав*, Всеволод посла противу ему сына своего Володимера. Ярополк же, оставив мать свою и дружину Лучьске, бежа в Ляхы, Володимеру же пришедшу Лучьску, и вдашася лучане, Володимер же посади Давыда Володимери, в Ярополка место, а мать Ярополчю и жену его и дружину его приведе Киеву, и имение взял его.

В лето 6594. Приде Ярополк из Ляхов, и створи мир с Володимеромь, и иде Володимер вспять Чернигову, Ярополк же седе Володимери. И переседев мало *дний*, иде Звенигороду. И не дошедшу ему града, и прободен бысть от проклятаго Нерадья, от дьяволя наученья и от злых человек. Лежащю *ему* ту на возе, саблюю с коня прободе и, месяца ноября в 22 день. И тогда вздвигнувся Ярополк, выторгну из себе саблю, и возпи великым гласомь: «Ох, тот мя враже уло-

ви». Бежа Нерадецъ *треклятый* Перемышлю к Рюрикови, и Ярополка вземше отроци на конь перед ся, Радко, Внкина и инии мнози, несоша и Володимерю, а оттуду Киеву. И изиде противу ему благоверный князь Всеволод с своима сынма, с Володимеромъ и Ростиславомъ, и вси боляре, и блаженный митрополит Иоан с черноризци и с прозвутеры. И вси кияне велик плачь створиша над нимъ, со псалмы и песни проводиша и до святого Дмитрея, спрятавшє тело его, с чєстью положиша и в раце мраморяне в церкви святого апостола Петра, юже бе сам начал здати преже, месяца декабрия в 5 день. Многы беды приим, без вины изгоним от братья своея, обидим, разграблен, прочее и смерть горкую приять, но вечней жизни и покою сподобися. Так баше блаженный сь князь тих, кротк, смирен и братолюбив, десятину дая святей Богородици от всего своего имения тю вся лета, и моляше бога всегда, глаголя: «Господи боже мой! Приими молитву мою, и дажь ми смерть, якоже два братама моима, Борису и Глебу, от чюжо руку, да омыю грехы вся своею кровью, и избуду суетнаго сего света и мятежа, сети вражии». Его же прошенья не лиши его благый бог: всприя благая она, их же око не виде, ни ухо слыша, ни на сердце человеку не взиде, еже уготова бог любящим его.

В лето 6595.

В лето 6596. Священа бысть церкви святого Михаила монастыря Всеволожа митрополитомъ Ивановъ, а игуменьство тогда держащю того монастыря *Лазреви*. *Того же лета иде Святополк из Новагорода к Турову жити. В се же лето умре Никон игумен Печерский. В се же лето взяша болгаре Муром.*

В лето 6597. Священа бысть церкви Печерская святыя Богородица монастыря Феодосьева Иоаномъ митрополитом, и Лукою Белгородскимъ епископомъ, Исаемъ, Черниговскимъ епископомъ, при благороднемъ

князи Всеволоде, *державнем* Русьскыя земля, и чаду его, *Володимере* и *Ростиславе*, воеводство держащю кыевскыя тысяща Яневи, игуменьство держащю Иоану. В се же лето преставися Иоан митрополит. Бысть же Иоан муж хытр книгам и ученью, милостив убогим и вдовицам, ласков же ко всякому, богату и убогу, смирен же и кроток молчалив, речист же, книгами святыми утешая печалныя, и сякого не бысть преже в Руси, ни по немъ не будеть сяк. В се лето иде Янка в Грекы, *дщи* Всеволожа, *реченая* преже. И приведе Янка митрополита Иоана скопчину, его же *видевше* людье вси рекоша: «Се *навье* пришел». От года бо до года пребыв, умре. Бе же *сей* муж *не* книжен, но умом прост и *просторек*. В се же лето священа бысть церкви святого Михаила *Переяславская* Ефремом, митрополитомъ тоя церкви, юже бе создал велику сущю, бе бо преже в Переяслави митрополья, и пристройю великою пристроюею, украсив ю всякою красотою, церковными *сосуды*. *Сий* бо Ефрем бе скопец, высок телом. Бе бо тогда многа зданья *вздвиже*: докочав церковь святого Михаила, заложи церковь на воротех городных во имя святого мученика Феодора, и посемя святого Андрея у церкви от ворот и строенье банное *камено*, сего же не бысть преже в Руси. И град бе заложил камен, от церкви святого мученика Феодора, *и украси город Переяславский здании церковными* и прочими зданья.

В лето 6599. Игумен и черноризци свет створше, реша: «Не добро есть лежати отцю нашему Феодосьеви кроме монастыря и церкви своея, понеже *той* есть основал церковь и черноризци совокупил». Свет створше, повелеша устроити место, идеже положити моще его...

В се же лето бысть знаменьє в солници, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы месяц бысть, в час 2 дне, месяца мая 21 день. В се же лето бысть: Всеволоду ловы деющю звериныя за Вышегородом, заматавшим тенета и кличаном кликнувшим, спаде преве-

лик змий от небесе, и ужасошася вси людье. В се же время земля стукиу, яко мнози слышаша. В се же лето волхв явися Ростове, иже вскоре погыбе.

В лето 6600. Предивно бысть *чудо* Полотьске в мечте: бываше в нощи тутн, станяше по улици, яко человеци рищюще беси. Аще кто вылезяше ис хоромины, хотя видети, абье уязвен будяше невидимо от бесов язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хором. Посемь же начаша в дне являтися на коних, и не бе их видети самех, но конь их видети копыта; и тако уязвляху люди *полоцкыя* и его область. Темь и человеци глаголаху, яко *навье* бьют полочаны. Се же знаменье поча быти от Дрьютьска. В си же времена бысть знаменье в небеси, яко круг бысть посреде неба превелик. В се же лето ведро бяше, яко изгараше земля, и мнози борове взгарахуся сами и болота; и многа знаменья бываху по местомь; и рать велика бяше от половець и отвсюду; взяша 3 грады: Песочен, Переволочу, *Прилук*, и многа села воеваша по обема странома. В се же лето воеваша половци ляхы с Василькомь Ростиславичемь. В се же лето умре Рюрик, сын Ростиславль. В си же времена мнози человеци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе корсты, яко «Продахом корсты от Филипова дне до мясопуста 7 тысячь». Се же бысть за грехы наша, яко умножишася греси наши и неправды. Се же наведе на ны бог, веля нам имети покаянье и встягнутиися от греха, и от зависти и от прочих злых дел неприязнин.

В лето 6601, индикта 1 лето, преставися великий князь Всеволод, сын Ярославль, внук Володимерь, месяца априля в 13 день, а погребен бысть 14 день, недели сущи тогда страстней и дни сущо четвертку, в онь же положен бысть в гробе в велицей церкви святых Софья. Сий бо благоверный князь Всеволод бе издетьска боголюбив, любя правду, набдя убогыя, вздая честь епископом и презвутером, излиха же любяше черноризци и подаяше требованье им. Бе же и сам

вздержася от *пьянства* и от похоти, темь любим бе отцемь своим, яко глаголати отцю к нему: «Сыну мой! Благо тебе, яко слышу о тебе кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою. Аще ти подасть бог прияти власть стола моего, по братьи своей, с правдою, а не с насильемь, то егда бог отведеть тя от житья сего, да ляжеши, идеже аз лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее». Се же сбьсться *глагол* отца его, якоже глагола бе. Сему приемшу послеже всея братья стол отца своего, по смерти брата своего, *седе* Кыеве княжа. Быша ему печали болше паче, неже седящю ему в Переяславли. Седящю бо ему Кыеве, печаль бысть ему от сыновець своих, яко начаша ему стужати, хотя власти ов *сея, ово же другие; сей же, омирля их раздаваша* власти им. В сих печали всташа и недужи ему, и приспеваше старость к сим. И нача любити смысл уных, свет творя с ними; си же начаша заводити и негодовати дружины своя первыя, и людем не доходити княже правды, начаша ти унии грабити, людей продавати, сему не *ведушу* в болезнех своих. Разболевшюся ему велми, посла по сына своего Володимера Чернигову. Пришедшу Володимеру, видево и велми болна суща, и *плакася*. Преседящю Володимеру и Ростиславу, сыну его меньшему, пришедшу же часу, преставися тихо и кротко и *приложися* ко отцемь своим, княжив лет 15 Кыеве, а в Переяславли лето, а в Чернигове лето. Володимер же плакався с Ростиславом, братом своим, спрятаста тело его. И собращася епископи, и игумени, и черноризьци, и попове, и боляре, и простили людье, и взявше тело его, со обычными песнями положиша и в святей Софьи, якоже рекохом преже.

Володимер же нача размышляти, река: «Аще сяду на столе отца своего, то имам рать с Святополком взяти, яко есть стод преже отца его был». И, размыслив, посла по Святополка Турову, а сам иде Чернигову, а Ростислав Переяславлю. И минувшю велику дни, пре-

шедши Праздней недели, в день антипаскы, месяца априля в 24 день, приде Святополк Киеву. *И* изидоша противу ему кияне с поклоном, и прияша ѥ с радостью, *и* седе на столе отца своего и строя своего. В се же время поидоша половци на Русьскую землю; слышавше, яко умерл естъ Всеволод, послаша слы к Святополку о мире. Святополк же, не здумав с болшею дружиною отнею и строя своего, свет створи с пришедшими с ним, *и* изимав слы, всажа ѥ вистобку. Слышавше же се половци, почаша зоевати. *И* придоша половци мнози и оступиша Торцийский град. Святополк же пусти слы половецкыи, хотя мира. *И* не всхотеша половци мира, и ступиша половци воюючи. Святополк же почаша сбирати вое, хотя на *ня*. *И* реша ему мужи смыслени: «Не кушайся противу им, яко мало имаша вой». Он же рече: «Имею отрок своих 700, иже могут противу им стати». Начаша же друзии несмыслени глаголати: «Поиди, княже». Смыслени же глаголаху: «Аще бы *их* пристроил и 8 тысячъ, не лихо *ти* естъ: наша земля оскудела естъ от рати и от продажъ. Но послися к брату своему Володимеру, да бы ти помогл». Святополк же, послушав их, посла к Володимеру, да бы помогл ему. Володимер же собрал вой свои и посла по Ростислава, брата своего, Переяславлю, веля ему помагати Святополку. Володимеру же пришедшу Киеву, совокупистася у святаго Михаила, и взяста межю собою распря и которы, *и уладившася*, целоваста крест межю собою, половцем воюющим по земли, и реша има мужи смыслени: «Почто вы распря *имата* межю собою? А погани губять землю Русьскую. Последи ся уладита, а ноне поидита противу поганым любо с миром, любо ратью». Володимер хотяше мира, Святополк же хотяше рати. *И* поиде Святополк, и Володимер, и Ростислав к Треполю, *и* придоша к *Стугне*. Святополк же, и Володимер и Ростислав созваша дружину свою на свет, хотяче поступити черес реку, и начашадумати.

И глаголаше Володимер, яко «Сде стояче черес реку, в грозе сей, створим мир с ними». *И* пристояху совету сему смыслени мужи, Янь и прочии. Кияне же не всхотеша *совета сего*, но рекоша: «Хочем ся бити; поступим на ону сторону реки». *И* възлюбиша *свет* съ и придоша Стугну реку. Бе бо наводиилася велми тогда. Святополк же, и Володимер и Ростислав, исполчивше друшну, поидоша. *И* идяше на десней стороне Святополк, на шюей Володимер, посреде же бе Ростислав. *И*, минувше Треполь, проидоша вал. *И* се половци идяху противу, и стрелци *противу* пред ними; нашим же ставшим межю *валома*, поставиша стяги свои, и поидоша стрелци из вала. *И* половци, пришедше к валови, поставиша стяги свое, *и налегаша* первое на Святополка, и взломиша полк его. Святополк же стояше крепко, и побегоша людье, не стерпяче ратных противленья, *и послече* побеже Святополк. Потомъ наступиша на Володимера, и бысть брань люта; побеже и Володимер с Ростиславом *и вои его*. *И* прибегоша к реце Стугне, и вбрде Володимер с Ростиславом, *и* нача утапати Ростислав пред очима Володимерима. *И* хоте похватити брата своего и мало не утопе сам. *И* утопе Ростислав, сын Всеволожь. Володимер же *пребред* реку с малою дружиною, — мнози бо падоша от полка его, и боляре его ту падоша, — и перешед на ону сторону Днепра, плакася по брате своем и по дружине своей, *и иде* Чернигову печален зело. Святополк же вбеже в Треполь, и затворися ту, и бе ту до вечера, и на ту ночь приде Киеву. Половци же, видевше *одолевше*, пустиша по земли воююще, а друзии взвратишася к Торцьскому. Си же ся злоба склучи в день Вознесенья господа нашего Иисуса Христа, месяца мая в 26. Ростислава же, искавше, обретоша в реце, *и*, взявше, принесоша ѥ Киеву, и плакася по немъ мати его, и вси людье пожалиша си по немъ повелику, уности его ради. *И* собращася епископи и попове и черноризци, песни обычныя певше, поло-

жиша и у церкви святыя Софьи у отца своего. Половцем же оседящем Торцьский, противящим же ся торком и крепко борющимся из града, убиваху многы от противных. Половци же начаша налегати и отымаху воду, и изнемагати начаша людье в граде водною жажею и голодом. И прислаша торци к Святополку, глаголюще: «Аще не пришлеша брашна, предатися имамы». Святополк же посла им, и не бе лзе вкрастися в град множеством вой ратных. *И стояша* около града недель 9, и разделишася надвое: *едины* сташа у града, рать борюще, а друзии поидоша Киеву, и пустиша на вороп межи Киев и Вышегород. Святополк же *выиде* на Желаню, и поидоша противу себе обои, и съступашася, и укрепися брань. И побегоша наши пред иноплемьники, и падаху язвени пред врагы нашими, и мнози погыбоша, и быша мертвы, паче неже у Трьполя. Святополк же приде Киеву сам третин, а половци возвратишася к Торцьскому. Быша си злая месяца июля в 23. *Наутрия же* в 24, в святою мученику Бориса и Глеба, бысть плачь велик в граде, а не радость, грех ради наших великих и неправды, за умноженье безаконий наших.

Се бо на ны бог попусти *поганья*, не яко милуя их, но нас кажа, да быхом ся востягнули от злых дел. Силь казнить ны нахоженьем поганых; се бо есть *батог* его, да негли встягнувшася вспоманемься от злаго пути своего...

Половци воеваша много, и взвратишася к Торцьскому, и изнемогоша людье в граде гладом и предашася ратным. Половци же, приимше град, запалиша и огнем, люди разделиша и ведоша в веже к сердоболем своим и сродником своим; много роду хрестьянска: стражюще, печални, мучими, зимою оцепляеми, в алчи и в жажи и в беде, опустневше лица, почерневше телесы; *незнаемую* страну, языком испаленым, нази ходяще и боси, ноги имуща сбодены терньем; со слезами отвещеваху друг к другу, глаголюще: «Аз бех сего го-

рода», и други: «А яз сея вси»; тако съпрашаются со слезами, род свой поведающе и въздышюче, очи възводяще на небо к вышнему, сведущему тайная.

Да никтоже дерзнетъ рещи, яко ненавидими богомъ есмь! Да не будетъ! Кого бо тако бог любить, якоже ны възлюбил есть? Кого тако почел есть, якоже ны прославил есть и възнесл? Никого же! Им же паче ярость свою въздвиже ка ны, яко паче всех почтени бывше, горее всех сдеяхом грехы. Якоже паче всех просвещени бывше, владычню волю *ведуше*, и презревше, в лепоту паче инех казними есмы. Се бо аз грешный и много и часто бога прогневаю, и часто согрешаю по вся дни.

В се же лето преставися Ростислав, сын Мьстиславль, внук Изяславль, месяца октября в 1 день; а погребен бысть ноямбрия в 16, в церкви святыя Богородицы Десятинныя.

В лето 6602. Сотвори мир Святополк с половци и поя себе жену дщерь Тугорканю, князя *половецкаго*. Том же лете приде Олег с половци ис Тмутороконя, и приде Чернигову, Володимер же затворися в граде. Олег же приде к граду и пожже около града, и монастыре пожже. Володимер же створи мир с Олгом, и иде из града на стол отень Переяславлю; а Олег вниде в град отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не *взбраняюще*, бе бо сам повелел им воевати. Се уже третее наведе поганья на землю Русьскую, его же греха дабы и бог простил, зане же много хрестьян изгублено бысть, а друзии полонени и расточени по землям. В се же лето придоша пружи на Русьскую землю, месяца августа в 26, и поедоша всяку траву и многа жита. И не бе сего слышано в днех первых в земли Русьсте, яже видеста очи наши, за грехы наша. В се же лето преставися епископ Володимерский Стефан, месяца априля в 27 день, в час 6 ноци, быв преже игумен Печерьскому монастырю.

В лето 6603. Идоша половци на Грькы с Девгеневичем, воеваша по Гречьстей земли; и цесарь *я* Девгенича, и

повеле и слепити. В то же лето придоша половци, Итларь и Кытан, к Володимеру на мир. Приде Итларь в град Переяславль, а Кытан ста межи валом а вои; и вда Володимер Кытанови сына своего Святослава в тали, а Итларь бысть в граде с лепшею дружиною. В то же время бяше пришел Славяга ис Кыева к Володимеру от Святополка на некое орудие; и начаша думати дружина Ратибора со князем Володимером о погубленьи Итларевы чади. Володимеру же не хотящ сего створити, отвеща бо: «Како се могу створити, роте с ними ходив». Отвещавше же дружина, рекоша Володимеру: «Княже! Нету ти в том греха; да они, всегда к тебе ходяче роте, губять землю Русьскую и кровь хрестьянску проливають бесперестани». И послуша их Володимер, и в ту ночь посла Володимер Славяту с неколикою дружиною и с торкы межи валы. И выкрадше первое Святослава, потом убиша Кытана и дружинуюго избиша. Вечеру сущю тогда суботному, а Итлареву в ту ночь лежащую у Ратибора на дворе с дружиною своею и не ведущю, что ся над Кытаномъ створи. Наутрия же, в неделю, заутрени сущи године, пристрой Ратибор отроки в оружьи, и истобку пристави истопити им. И присла Володимер отрока своего Бяндюка по Итлареву чадь, и рече Бяндюк Итлареву: «Зовет вы князь Володимер, рекл тако: обувшеса в тепле избе и заутрокаваше у Ратибора, приедите ко мне». И рече Итларь: «Тако буди». И яко влезаша в истобку, тако запрени быша. Влезше на истобку, прокопаша верх, и тако Ольбег Ратиборичь приим лук свой и наложив стрелу, удари Итларя в сердце, и дружину его всю избиша. И тако зле испроверже живот свой Итларь, в неделю сыропустную, в час 1 дне, месяца февраля в 24 день. Святополк же и Володимер посласта к Ольгови, веляща ему поити на половци с собою. Олег же обещався с нима, и пошед, не иде с нима в путь един. Святополк же и Володимер идоста на веже, и взяста веже, и полониша ско-

ты и коне, вельблуды и челядь, и приведоста я в землю свою. И начаста гнев имети на Олга, яко не шедшу ему с нима на поганья. И посласта Святополк и Володимер к Ольгови, глаголюще сице: «Се ты не шелесиснами на поганья, иже погубилисуть землю Русьскую, а се у тебе есть Итларевичь: любо убий, любо и дай нама. То есть ворог нама и Русьстей земли». Олег же сего не послуша, и бысть межи ими ненависть.

В се же лето приидоша половци к Гургеву, и стояша около его лето все, и мало не взяша его. Святополк же омири я. Половци же приидоша за Рось, гюргевци же выбегоша и идоша Кыеву. Святополк же повеле рубити город на Вытечеве холму, в свое имя нарек Святополчь город, и повеле епископу Марину с гургевци сести ту, и засаковцем, и прочим от инех град; а Гюргев зажгоша половци тощ. Сего же лета исходяща, иде Давыд Святославичь из Новагорода Смолинську; новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича. И поемше ведоша и Новугороду, а Давыдови рекоша: «Не ходи к нам». И пошед Давыд, воротися Смолинську, и седе Смолинське, а Мьстислав Новогороде седе. В се же время приде Изяслав, сын Володимерь, ис Курска к Мурому. И прияша и муромци, и посадника я Ольгова. В се же лето придоша пружи, месяца августа в 28, и покрывша землю, и бе видети страшно, идяху к полунощным странам, ядуще траву и проса.

В лето 6000 и 604. Святополк и Володимер посласта к Ольгови глаголюща сице: «Поиди Кыеву, да поряд положим о Русьстей земли пред епископы, и пред игумены, и пред мужи отець наших, и пред людьми градьскими, да быхом оборонили Русьскую землю от поганых». Олег же восприим смысл буй и словеса величава, рече сице: «Несть мене лепо судити епископу, ли игуменом, ли смердом». И не всхоте ити к братома своима, послушав злых светник. Святополк же и Володимер рекоста к нему: «Да се ты ни на поганья идеши, ни на свет к нама, то ты мыслиши на наю и

поганым помагати хочеши, а бог промежи нами будеть». Святополк же и Володимер *поидоста* на Олга Чернигову; Олег же выбеже из Чернигова, месяца мая в 3 день, в субботу, Святополк же и Володимер *гнаста по нем, Олег же вбеже в Стародуб и затворися ту. Святополк же и Володимер* оступиста и в граде, и бяхутся из города крепко, а си приступаху к граду, и язвени бываху мнози от обоих. И бысть межю ими брань люта, и стояше около града дний 30 и 3, и изнамагаху людье в граде. И вылезе Олегъ из града, хотя мира, и вдаста ему мир, рекше сице: «Иди к брату своему Давыдови, и придета Киеву на стол отецъ наших и дед наших, яко то есть старейшей град в земли во всей, Киев; ту достойно снятися и поряд прложити». Олег же обещаеся се створити, и на семь целоваша крест.

В се же время приде Боняк с половци к Киеву, в неделю от вечера, и повоева около Киева, и поже на Берестовемъ двор княжь. В се же время воева Куря с половци у Переяславля, и Устье поже, месяца мая 24 день. Олег же выйде и Стародуба, и приде Смоленьску, и не прияша его смоляне, и иде к Рязаню. Святополк же и Володимер *поидоста* в свояси. Сего же месяца приде Тугоркан, тесть Святополчь, *к Переяславлю*, месяца мая 30 и ста около града, а переяславьци затворишася в граде. Святополк же и Володимер *поидоста* на нь по сей стороне Днепра, и *придоста* к Зарубу, *и ту* перебродистася, и не очютиша их половци, богу схраню их, и, исполчившеся, *поидоста* к граду; гражане же узревше, ради *быша*, и *поидоша* к нима, а половци стояху на оной стороне Трубежа, исполчившеся. Святополк же и Володимер *вбрעדоста* в Трубежь к половцем, Володимер же хоте нарядити полк, они же не послушаша, но удариша в коне к противным. Се видевшя половци и побегоша, а наши погнаша в след ратных, секуще противьных. И *сдея* господь в т день спасенье велико: месяца

июлия в 19 день побежени быша *иноплеменници*, и князя их убиша Тугоркана и сына его и ини князя; мнози врази наши ту падоша. На заутрье же *налезоша* Тугоркана мертвого, и *взя и* Святополк, акы тьстя своего и врага; *и* привезше и к Киеву погребоша и на Берестовемъ, межю путем, идущим на Берестово, и другымъ, в монастырь *идушим*. И в 20 того же месяца, в пяток, *час дне*, приде второе Боняк безбожный, шелудивый, отай, хыщник, к Киеву внезапно, и мало в град не въехаша половци, и зажгоша болонье около града, и *взвратишася на* монастырь, и *вжгоша* Стефанов монастырь, и деревне, и Герьманы. И *придоша на* монастырь Печерьский, нам сущим по кельям почивающим по заутрени, и *кликнуша* около монастыря, и поставиша стяга два пред враты монастырьскими, нам же бежащим задом монастыря, а другим *взбегшим* на полати. Безбожные же сынове Измаилеви *высекоша* врата монастырю и *поидоша* по кельям, *высекающе* двери, и *изношаху*, аще что обретаху в кельи; *посемь* *вжгоша* дом святых владычице нашей Богородице, и *придоша* к церкви, и *зажгоша* двери, *яже* к угу устроении, и вторья же к северу, *ивлезшеш* *притвор* у гроба Феодосьева, *емлюще* иконы, *зажигаху* двери и *укаряху* бога и закон нашъ. Бог же терпяше, еще бо не скончались *бяху* греси их и *безаконья* их, темь глаголаху: «Кде есть бог их? Да поможеть им и *избавить* я!» И *ина* словеса хулная глаголаху на святых иконы, *насмихающеся*, не *ведуще*, яко бог кажетъ рабы своя *напасти* ратными, да *явятся* яко злато *искушено* в горну: хрестьяном бо многими *скорбьми* и *напастьми* *внити* в царство небесное, а сим *поганым* и *ругателем* на семь свете *приимшим* *веселье* и *пространство*, а на ономъ свете *приимуть* муку, с *дьяволом* *уготовании* огню вечному. Тогда же *зажгоша* двор Красный, его же поставил *благоверный князь Всеволод* на холму, *нарецаемем* *Выдобычи*: то все *оканнии* половци *запалиша* *огнемь*. Темже и мы, после-

дующе пророку Давыду, вошьем: «Господи боже мой! положи я яко коло, яко огонь пред лицом ветру, иже попаляеть дубравы, тако *поохенеси я* бурю твою, исполни лица их досаженья». Се бо оскверниша и пожгоша святыи дом твой, и монастырь матере твоея, и трупье раб твоих. Убиша бо неколако от братья наша оружьем безбожнии сынове Измаилеви, пущени бо на казнь хрестьяном.

Ишьли бо суть си от пустыня *Етревьскыя*, межю восткомь и севером; ишьли же суть их колен 4: *торкмене*, и печенези, торци, половци. Мефодий же сведетельствует о них, яко 8 колен пробегли суть, егда исече Гедеон, да 8 их бежа в пустыню, а 4 исече. Друзии же глаголють: сыны Амоновы; се же несть тако: сынове бо Моавли хвалиси, а сынове Аммонови болгаре, а срацини от Измаила творятся сарини, и прозваша имя себе саракъше, рекше: сарини есмы. Темже хвалиси и болгаре суть от дочери *Лотову*, иже зачастую от отца своего, темже нечисто есть племя их. А Измаиль роди 12 сына, от них же суть *торкмени*, и печенези, и торци и кумани, рекше половци, иже исходят от пустыне. И по сих 8 колен к кончине века изидуть заклепении в горе Александром Македоньским нечистыя человеки...

Се же хоцю сказати, яже слышах прежде сих 4 лет, яже сказа ми Гюрятя Роговичь новгородецъ, глаголя сице, яко «Послах отрок свой в Печеру, люди, *иже* суть дань дающе Новугороду. И пришедшу отроку моему к ним, и оттуду иде в Югру. Югра же людье есть язык нем, и *соседять* с Самоядью на полунощных странах. Югра же рекоша отроку моему: «Дивно мы находихом чудо, его же не есмы слышали прежде сих лет, се же третье лето поча быти: суть горы заидуче в луку моря, им же высота ако до небесе, и в горах тех кличь велик и говор, и секуть гору, хотяще высечися; и в горе той просечено оконце мало, и туде молвять, и есть не разумети языку их, но кажють на

железо и помавають рукою, просяще железа; и аще кто даст им ножь ли, ли секиру, и *они* дають скорою противу. Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми, снегом и лесом, темже не доходим их всегда; есть же и подаль на полунощии». Мне же рекшу к Гюряте: «Си суть людье заклепении Александром, Македоньским цесаремь», якоже сказаеть о них Мефоди *Патарийскый*, глаголя: «*Александр, царь Макидоньскый*, взиде на восточныя страны до моря, наричемое Солнце место, и виде ту человеки нечистыя от племени *Афетова*, их же нечистоту виде: ядыху скверну всяку, комары, и мухы, коткы, змие, и мертвецъ не погребаху, но ядыху, и женьскыя изворогы и скоты вся нечистыя. То виде Александр убоясь, еда како *умножаться* и осквернят землю, и *загна их* на полунощныя страны в горы высокия; и, богу повелевшю, ступишася о них *горы великия*, токмо не ступишася о них горы на 12 локот, и ту створишася врата медяна, и помазашася сунклитом; и аще хотят взяти, не возмогут, *ни огнем могут* ижещи; вещь бо сунклитова сица есть: ни огонь может вжещи его, ни железо его приметь. В последняя же дни по сих изидут 8 колен от пустыня *Етревьскыя*, изидуть и си сквернии языки, *иже* сут в горах полунощных, по повелению божию».

Но мы на предняя взвратимся, якоже бяхом прежде глаголали. Олгови обещавшюся ити к брату своему Давыдови Смолинску, и прити з братом своим Киеву и обряд положити, и не всхоте сего Олег створити, но пришед Смолинску и поим вои, поиде к Мурому, в Муроме тогда сущю Изяславу Володимеричю. Бысть же вестъ Изяславу, яко Олег идет к Мурому, посла Изяслав по вое Суздалю, и Ростову, и по белоозерци, и собра вои многы. И посла Олег слы свое к Изяславу, глаголя: «Иди в волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего. Да хоцю, ту седя, поряд створити со отцем твоим. Се бо мя выгнал из города отца моего. А ты ли ми zde хлеба моего же не хо-

щеши дати?» И не послуша Изяслав словес сих, надеяся на множество вой, Олег же надеяся на правду *свою, яко прав* бе в семь, и поиде к граду с вой. Изяслав же исполчися пред градом на поли. Олег же поиде к нему полком, и сступишася обои, и бысть брань люта. И убиша Изяслава, сына Володимеря, внука Всеволожа, месяца септября в 6 день; прочии же вой побегоша ови черес лес, друзии в город. Олег же вниде в город, и прияша ѿ горожане. Изяслава же взявше, положиша ѿ в монастыря святого Спаса, и оттуда перенесоша ѿ Новугороду, и положиша ѿ у святыя Софье, на левой стороне. Олег же, по прияти града, изима ростовци, и белоозерци и суздальце *и покова*, и устремися на Суждаль. И *пришед* Суждалю, и суждальци дашася ему. Олег же омирив город, овы изима, а другыя расточи, и именья их отья. Иде Ростову, и ростовци вдашася ему. И перея всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадники по городом, и дани поча брати. И посла к нему Мстислав сол свой из Новагорода, глаголя: «Иди ис Суждаля Мурому, а в чюжей волости не седи. И аз *пошлю* молитя з дружиною своею к отцю своему, и смирю тя со отцемъ моим. Аще и брата моего убил *еси*, то есть недивьно, в ратех бо и цари и мужи погыбають». Олег же не всхоте сего *послушати*, но паче помышляше и Новгород переяти. И посла Олег Ярослава, брата своего, в стороже, а сам стояше на поли у *Ростова*, Мстислав же сдумав с Новгородци, и послаша Добрыню Рагуиловича перед собою в стороже; Добрыня же первое изима даньники. Уведав же Ярослав се, яко изимани данници, Ярослав же стояше на Медведици в сторожих, и побеже той нощи, и прибеже к Олгови и поведаша ему, яко идет Мстислав, а стороже изимани, и поиде к Ростову. Мстислав же приде на Волгу и поведаша ему, яко Олег вспятился к Ростову, и Мстислав поиде по нем. Олег же приде к Суждалю, и слышав, яко идет по нем Мстислав, Олег же повеле

зажеши Суждаль город, токмо остана двор манастирьскый Печерьскаго манастиря и церкви, яже тамо есть святого Дмитрея, юже бе дал Ефрем и с селы. Олег же побеже к Мурому, а Мстислав приде Суждалю, и сядя ту посылаше к Олгови, мира прося, глаголя: «Аз есм мний тебе, слия к отцю моему, а дружину, юже еси заял, вороти; а яз тебе во всем послушаю», Олег же посла к нему, с лестью хотя мира; Мстислав же, имы лсти веры, и распусти дружину по селом. И наста Феодорова неделя поста, и приспе Феодорова субота, а Мстиславу сядящю на обеде, приде ему вестъ, яко Олег на Клязме, близъ бо бе пришел без весты. Мстислав же ему им веру, не постави сторожовъ; но бог вестъ избавляти благочестивыя своя от лсты. Олег же *установися* на Клязме, мня, яко, *бояся его*, Мстислав побегнетъ. К Мстиславу же собрашася дружина в т день и в другый, новгородци, и ростовци, и белозерци. Мстислав же ста пред градом, исполчив дружину, и не поступи ни Олег на Мстислава, ни Мстислав на Олга и стояста противу себе 4 дни. И приде Мстиславу вестъ, яко «Послал ти отецъ брата Вячеслава с половци». И приде Вячеслав в четверг *по* Феодоровы недели, в пост. И в пяток приде Олег, исполчивъся, к городу, а Мстислав поиде противу ему с новгородци и с ростовци. И вдасть Мстислав стяг Володимерь половчину, именем Кунуй, и вдав ему пешьце, и постави ѿ на правемъ криле. И завед Кунуй пешьце, напя стяг Володимерь, и узре Олег стяг Володимерь, и убояся, и ужас нападе на нь и на вое его. И поидоша к боеви противу себе, *и поиде* Олег противу Мстиславу, а Ярослав поиде противу Вячеславу. Мстислав же перешед пожар с новгородци, *и сседоша с коней новгородци*, и сступишася на Кулачьце, и бысть брань крепка, и нача одалати Мстислав. И виде Олег, яко поиде стяг Володимерь, нача заходити в тыл его, и убоявся побеже Олег, и одоле Мстислав. Олег же прибеже к Мурому, и затво-

ри Ярослава Муроме, а сам иде Рязаню. Мстислав же приде Мурому, и створи мир *с муромци*, и поя своя люди, ростовци и суждалци, и поиде к Рязаню по *Олзе*. Олег же выбеже из Рязаня, а Мстислав, пришед, створи мир с рязанин, и поя люди своя я же бе заточил Олег. И посла к Олгови, глаголя: «Не бегай никаможе, но пошлися к братъи своей с молбою не лишать тя Русьские земли. И аз пошлю к отцю *молится о тебе*». Олег же обещася тако створити. Мстислав же возвратився вспять Суждалю, оттуду поиде Новугороду в свой град, молитвами преподобнаго епископа Никыты. Се же бысть исходящю лету 6804, индикта 4 на полы.

В лето 6605. Придоша Святополк и Володимир, и Давыд Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыд Святославичь, и брат его Олег, и сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаша к собе, рекуще: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще? А половци землю нашу несутъ розно, и ради сугь, оже межю нами рати. Да ноне отселе имемся *в едино сердце*, и блюдем Руськие земли; кождо да держитъ отчину свою: Святополк Киев *Изяславлю*, Володимерь *Всеволождю*, Давыд и Олег и Ярослав *Святославлю*, а им же роздаял Всеволод городы: Давыду Володимерь, Ростиславичема — Перемышль Володареви, Тереволь Василкови». И на том целоваша крсть; «Да аще кто отселе на кого будет, то на того будем вси и крсть честный». Рекоша вси: «Да будет *на нь хрест честный* и вся земля Русьская». И целовавшеся поидоша в свояси.

И приде Святополк с Давыдомъ Киеву, и ради быша людье вси: но токмо дьявол печален бяше о любви сей. И влезе сотона *в сердце* некоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичю, рекуще сиче, яко «Володимер сложился естъ с Василком на Святополка и на тя». Давыд же, ем веру лживым *словесемъ*, нача молвити на Василка, глаголя: «Кто естъ убил брата твоего Ярополка, а ныне мыслить на мя и на тя, и сложился ест с Володимером? Да промышляй о своей

голове». Святополк же смятесе умом, река: «Еда се право будетъ, или лжа, не веде». И рече Святополк к Давыдови: «Да аще право глаголеши, бог ти буди послух; да аще ли завистью молвишь, бог будет за тем». Святополк же сжалиси по брате своем, и о собе нача помышляти, еда се право будет? И я веру Давыдови, и прелсти Давыд Святополка, и начаста думати о Васильке; а Василко сего не ведяше и Володимер. И нача Давыд глаголати: «Аще не имеве Василка, то ни тсбе княженья Кыеве, ни мне в Володимери». И послуша его Святополк. И приде Василко в 4 ноябрья, и перевезесе на Выдобычь, и иде поклонитса к святому Михаилу в манастырь, и ужина ту, а товары своя *постави* на Рудици; вечеру же бывшую приде в товар свой. И наутрия же бывшую, присла Святополк, река: «Не ходи от именин моих». Василко же отпресея, река: «Не могу ждати: еда будет рать дома». И присла к нему Давыд: «Не ходи, брате, не ослушайся брата старейшаго». И не всхоте Василко послушати. И рече Давыд Святополку: «Видиши ли, не помиить тебе, ходя в твоею руку. Аще ти отидеть в свою волость, *сам узриши*, аще ти не займетъ град твоих Турова, и Пиньска, и прочих град твоих. Да помянешь мене. Но призвав ныне ѱ, ем и дажь мне». И послуша его Святополк, и посла по Василка, глаголя: «Да *аще* не хочешь остати до именин моих, да приди ныне, целуеши мя, и поседим вси с Давыдом». Василко же обещася прити, не ведый лсти, юже имяше на нь Давыд. Василко же всед на конь поеха, и устрете ѱ детьский его, и поведа ему, глаголя: «Не ходи, княже, хотять тя яти». И не послуша его, помышляя: «Како мя хотять яти? *Оногды целовали* крсть, рекуще: аще кто на кого будет, то на того будетъ крест и мы вси». И помыслив си прекрестися, рек: «Воля господня да будет». И приеха в мале дружине на княжь двор, и влезе противу его Святополк, и идоша в-ыстобку, и приде Давыд, и седоша. И нача глаголати Святополк:

«Останися на святок». И рече Василко: «Не могу остати, брате; уже есм повелел *товаром* пойти переди». Давид же седяше акы нем. И рече Святополк: «Да заутрокай, брате!» И обещася Василко заутрокати. И рече Святополк: «Поседита вы сде, а яз лезу, наряжу». И лезе вои, а Давыд с Василком седоста. И нача Василко глаголати к Давыдови, и не бе в Давыде гласа, ни послушанья: бе бо ужаслся, и лесьть имея в сердци. И поседев Давыд мало, рече: «Кде есть брат?» Они же реша ему: «Стоить на сенех». И встав Давыд, рече: «Аз иду по нь; а ты, брате, поседи». И, встав, иде вон. И яко выступи Давыд, и запроша Василка, в 5-й ноябрь; и оковаша ѥ в двои оковы, и приставиша к нему стороже на ночь. Наутрия же Святополк созва бояр и кыян, и поведи им, еже бе ему поведал Давыд, яко «Брата ти убил, а на тя свечался с Володимером, и *хочеть* тя убити и грады твоя зяяти». И *реша* бояре и людье: «Тобе, княже, достоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвил Давыд, да приметь Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыд, да приметь *месть* от бога и отвечает пред богомъ». И *уведеша* игумени, и начаша молиися о Василке Святополку; и рече им Святополк: «Ото Давыд». Уведев же *се* Давыд, нача поущати на ослепленье: «Аще ли сего не створишь, а пустишь ѥ, то ни тебе *княжити*, ни мне». Святополк же хотяше пустити ѥ, но Давыд не хотяше, блюдая его. И на ту ночь ведоша ѥ Белугороду, иже град мал у Киева, яко 10 верст в дале, и привезоша ѥ на колех, окована суща, ссадиша ѥ с кол и ведоша ѥ выстобку малу. И седящю ему, узре Василко торчина, *остряща* ножь, и разуме, яко хотят ѥ слепити, взпи к богу плачем великим и стенаньем, И се влезоша послании Святополком и Давыдомъ, Сновид Изечевичь, конюх Святополчь, и Дьмитр, конюх Давыдов, и почаста простирати ковер, и *простерша* яста Василка и хотяща ѥ поврещи; и борящется с нима крепко, и не можаста его поврещи. И се влезше дру-

зии повергоша ѥ, и связаша ѥ, и снемше доску с печи, и вложиша на перси его. И седоста обаполы Сновид Изечевичь и Дмитр, и не можаста удержати. И приступиста ина два, и сняста другую дску с печи, и седоста, и удавиша ѥ рамяно, яко персем троскота. И приступи торчин, именем Беренди, овчюх Святополчь, держа ножь, и хотя ударити в око, и грешися ока, и перереза ему лице, и есть рана та *на* Василке и ныне. И посем удари ѥ в око, и изья зеницю, и посем в другое око, и изья другую зеницю. И том часе бысть яко и мертв. И взявше ѥ на ковре вложиша на кола яко мертва, повезоша ѥ Володимерю. И бысть везому ему, сташа с ним, перешедше мост Звиженьский, на торговищи, и сволокоша с него сорочку, кроваву сущю, и вдаша *попадъи* опрати. Попадья же, оправши, вложи на нь, онем обедующим, и плакати-ся нача попадья, яко мертву сущю оному. И очюти плачь, и рече: «Кде се есм?» Они же рекоша ему: «В Звиждени городе». И вприси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи во нь душа, и упомянуся, и пощюпа сорочки и рече: «Чему есте сняли с мене? Да бых в той сорочке кроваве смерть приял и стал пред богом». Онем же обедавшим, поидоша с ним вскоре на колех, а по грудну пути, бе бо тогда мясь груден, рекше ноябрь. И придоша с ним Володимерю в 6 день. Приде же и Давыд с ним, акы некак улов уловив. И посадиша ѥ в дворе Вакееве, и приставиша 30 муж стеречи и 2 отрока княжа, Улан и Колчко. Володимер же слышав, яко ят бысть Василко и слеплен, ужасеся, и всплакав и рече: «Сего не бывало есть в Русьской земли ни при дедех наших, ни при отцих наших, сякого зла». И ту абы посла к Давыду и к Ольгови Святославичема, глаголя: «Поидета к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьской земли и в нас, в братьи, оже *ввержен* в ны ножь. Да аще сего не правимъ, то болшее зло встанеть *в* нас, и начнетъ брат брата закалати, и погыбнетъ земля Рус-

кая, и врази наши, половци, пришедше возмутъ землю Русьскую». Се слышав Давыд и Олег, печална быста велми и плакастася, рекуще, яко «Сего не было в роде нашемъ». И ту абѣ *собравша* вое, придоста к Володимеру. Володимеру же с вои стоящу в бору, Володимер же и Давыд и Олег послаша муже свои, глаголюще к Святополку: «Что се зло створил еси в Русстей земли и ввергл еси ножь в ны? Чему еси слепил брат свой? Аще ти бы вина кая была на нь, обличил бы и пред нами, и упрев *бы ѿ*, створил ему. А ноне яви вину его, оже ему се створил еси». И рече Святополк, яко «Поведа ми Давыд Игоревич яко «Василко брата ти убил, Ярополка, и тебе *хочет* убити и зяяти волость твою, Туров, и Пинеск, и Берестие и *Погорину*, а заходил роте с Володимером, яко сести Володимеру Киеве, а Василкови Володимери». А неволя ми своее головы блюсти. И не яз его слепил, но Давыд, и вел ѿ к собе». И реша мужи Володимери, и Давыдови, и Олгови: «Извета о семь не имей, яко Давыд есть слепил ѿ. Не в Давыдове городе ят ни слеплен, но в твоємъ граде ят и слеплен». И се им глаголющим, разидошася разнo. Наутрия же хотящим чрес Днепр на Святополка, Святополк же хоте побегнути ис Киева, и не даша ему кыяне *побгнуги*, но послаша Всеволожую и митрополита Николу к Володимеру, глаголюще: «Молимся, княже, тебе и братома твоима, не мозете погубити Русьские земли. Аще бо взмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмутъ землю нашу, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрьствомъ, *побарающе по* Русьской земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую». Всеволожая же и митрополит придоста к Володимеру и молиастася ему, и поведаста молбу кыян, яко творити мир, и блюсти земле Русьские; и брань имети с погаными. Се слышав, Володимер расплакався и рече: «Поистине отци наши и деди наши зблюли землю Русьскую, а мы хо-

чем погубити». И преклонися на молбу княгинину, чтящеть ю акы мать, отца ради своего, бе бо любим отцю своему повелику, и вживоте и по смерти не ослушася его ни в чем же; темже и послуша ея, акы матери, и митрополита тако же, чтяше сан святительский, не преслуша молбы его. Володимер бо так бяше любезнив: любовь имеа к митрополитом, и к епископом и к игуменом, паче же и чернечьский чин любя, и черници любя, приходящая к нему напиташе и напаяше, акы мати дети своя. Аще кого видяше лишюмна, ли в коем зазоре, не осудяше, но вся на любовь прекладаше и *утешаше*. Но мы на свое взвратимся. Княгини же бывши у Володимера, приде Киеву, и поведа вся речи Святополку и кыяном, яко мир будетъ, *И мачаша межю собою мужи слати, и умиришася на сем, яко реша Святополку*, яко «Се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и». Святополк же емся по се, и *целоваша* крест межю собою, мир створше. Василкови же сущю Володимери, на прелсереченемъ месте, и яко приближися пост великий, и мне ту сущю, Володимери, в едину ношь присла по мя князь Давыд. И приходх к нему, и седяху около его дружина, и посадив мя и рече ми: «Се молвил Василко си ночи к Уланови и Колчи, рекл тако: «Се слышю, оже идеть Володимер и Святополк на Давыда: да же бы мене Давыд послушал, да бых послал муж свой к Володимеру воротиться, веде бо ся с ним что *молвил, и не поидеть*». Да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови, тезу своему, с сима отрокома, и молви ему тако: «Оже хочещи послати муж свой, и воротится Володимер, то вдам ти которой ти город люб, любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль». Аз же идох к Василкови, и поведах ему вся речи Давыдовы. Он же рече: «Сего есм не молвил, но надеюся на бог. Пошлю к *Володимеру*, да быша не прольяли мене ради крови. Но сему *ми* дивно, дает ми город свой, а мой Тереволь, моя власть и ныне и по-

ждавшие»; якоже и бысть; вскоре бо прия власть свою. Мне же рече: «Иди к Давыдови и рци ему: «Пришли ми Кульмея, а ти пошлю к Володимеру». И не послуша его Давыд, и посла мя паки река: «Не ту Кулмея». И рече ми Василко: «Поседи мало». И повеле слуге своему ити вон, и седе со мною, и нача ми глаголати: «Се слышу, оже мя *хочет* дати ляхом Давыд; то се мало ся насытил крове моя, а се хочеть боле насытитися, оже мя вдасть им? Аз бо ляхом много зла творих, и хотел *есм* створити и мстити Русьской земли. И аще мя вдасть ляхом, не боюся смерти; но се поведаю ти поистине, яко на мя бог наведе за мое взвышенье; яко приде ми весть, яко идут ко мне берендичи, и печенези, и торци, и рекох в уме своем: оже ми будут берендичи, и печенези, и торци, реку брату своему Володареву и Давыдови: дайте ми дружину свою молотшую, а сама пейта и веселитася. И помыслих: на землю Лядскую наступлю на зиму, и на лето и возму землю Лядскую, и мыщю Русьскую землю. И посем хотел есм переяти болгары дунайские и посадити я у собе. И посем *хотех* проситися у Святополка и у Володимера ити на половцк, да любо налезу собе славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю. Ино помышленье в сердци моем не было ни на Святополка, ни на Давыда. И се кленуся богомь и его пришествием, яко не *помыслил* есм зла братьи своей ни в чем же. Но за мое взнесенье низложи мя бог и смири».

Посем же приходящю Велику дни, поиде Давыд, хотя переяти Василкову волость; и усрете ѿ Володарь, брат Василков, у Божьска. И не сме Давыд стати противу Василкову брату, Володарю, и затворися в Бужьске, и Володарь оступи ѿ в городе. И нача Володарь молвити: «Почто зло створив и не каешися его? Да уже помянися, колико еси зла створил». Давыд же на Святополка нача извет имети, глаголя: «Ци я се створил, *ци* ли в моем городе? Я ся сам боял, аще бы-

ша и мене яли и створили тако же. Неволя ми было пристати в свет, ходяче в руку». И рече Володарь: «Бог сведетель тому, а ныне пусти брат мой, и створю с тобою мир». И рад быв Давыд, посла по Василка, и привед ѿ дасть Володарю, и створися мир, и разидостася. И седе Василко Теревовли, а Давыд приде Володимерю. И наставши весне, приде Володарь и *Василько* на Давыда, и придоста ко Всеволожю, а Давыд затворися Володимери. Онема же ставшима около Всеволожа, и взяста копьем град и зажгоста огнем, и бегоша людье огня. И повеле Василко исечи вся, и створи мщенье на людех неповинных, и проля кровь неповинну. Посем же придоста к Володимерю, и затворися Давыд в Володимери, и си оступиша град. И *посласта* к володимерцем, глаголя: «*В не приидохов* на град ваш, ни на вас, но на врагы своя, на Туряка, и на Лазаря и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тех есть послушал Давыд и створил се зло. Да аще хочете за сих битися, да се мы готови, а любо *выдайте* врагы наша». Граждане же, се слышав, созваша вече, и реша Давыдови людье: «Выдай мужи сия, не бьемся за сих, аза ты битися можем. Аще ли, — то отворим врата граду, а сам промышляй о собе». И неволя бысть выдати я. И рече Давыд: «Нету их zde»; бе бо я послал Лучьску. Онем же пошедшим Лучьску, Туряк бежа Киеву, а Лазарь и Василь воротистася Турийску. И слышаша людье, яко Турийске суть, кликнуша людье на Давыда, и рекоша: «Выдай кого ты хотят. Аще ли, — то предаемься». Давыд же, послав, привеле Василя и Лазаря, и дасть я. И створиша мир в неделю. А завтра, по зори, повесиша Василя и Лазаря и растреляша стрелами Василковичи, и идоша от града. Се же 2-е мщенье створи, его же не бьяше лепо створити, да бы бог отместник был, и взложити было на бога мщенье свое, якоже рече пророк: «И вздам мечь врагом, и ненавидящим мя вздам, яко кровь сынов своих мщаеть и мстити, и вдасть

месть врагом и ненавидящим его». Сим же от града отшедшим, сею же *снемше* погребоша я.

Святополку же обещавшюся прогнати Давыда, поиде к Берестью к Ляхом. Се слышав Давыд, иде в Ляхы к Володиславу, ища помощи. Ляхове же обещашася ему помагати, и взяша у него злата 50 гривен, рекуще ему: «Поиди с нами Берестью, яко се вабит ны Святополк на снем, и ту умирим *тя* с Святополком». И послушав их Давыд, иде Берестью с Володиславом. И ста Святополк в граде, а ляхове на Бугу, и сослася речьми Святополк с ляхы, и вдасть дары великы на Давыда. И рече Володислав Давыдови: «Не послушаеть мене Святополк, да иди опять». И приде Давыд Володимерю, и Святополк, свет створи с ляхы, поиде к Пиньску, послав по вое. И приде Дорогобужю, и дожда ту вой своих, и поиде на Давыда к граду, и Давыд затворися в граде, чая помощи в лясах, беша бо ему рекли, яко «Аще придут на тя русские князи, то мы ти будем помощници»; и солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка. Святополк же оступи град, и стоя Святополк около града 7 недель; и поча Давыд молитися: «Пусти мя из града». Святополк же обещася ему, и *целоваста* крест межи собою, и изиде *Давыд* из града, и приде в Червен, а Святополк вниде в град в великую субботу, а Давыд бежа в Ляхы.

Святополк же, *прогнав* Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя, яко «Се есть волость отца моего и брата», и поиде на ня. Се слышав Володарь и Василко, поидоста противу, *вземша* крест, его же бе целовал к нима на сем, яко «На Давыда пришел есм, а с вама хочю имети мир и любовь». И преступи Святополк крест, надеяся на множество вой. И сретошася на поли на Рожни, исполчившимся обоим, и Василко взвыси крест, глаголя, яко «Сего еси целовал, се перьвее взял еси зрак очью моею, а се ныне хочещи взяти душу мою. Да буди межи нами крест съ». И поидоша к собе к боеви, и сступишася полци, и мнози

человеци благовернии видеша крест над Василковыи възвышся велми. Брани же велице бывши и мнозем падающим от обою полку, и видев Святополк, яко люта брань, и побеже, и прибеже Володимерю. Володарь же и Василко, победивша, стаста ту, *рекуща*: «Довлеет нама на межи своей стати», и не идоста никаможе. Святополк же прибеже Володимерю, и с нимь сына его 2, и Ярополчича 2, и Святоша, сын Давыдов Святославича, и прочая дружина. Святополк же посади *сына своего* в Володимери Мстислава, иже бе ему от наложнице, а Ярослава посла в Угры, вабя угры на Володаря, а сам иде Киеву. Ярослав же, сый Святополчь, приде с угры, и король *Коломан* и 2 пископа, и сташа около Перемышля по Вагру, а Володарь затворися в граде. Давыд бо в то чинь пришел из Ляхов и посади жену свою у Володаря, а сам иде в Половце. И устрете и Боняк, и воротися Давыд, и поидоста на угры. Идущема же има, сташа ночлегу, и яко бысть полунощи, и встав Боняк отъеха от вой, и поча выти волчьскы, и волк отвыся ему, и начаша волци выти мнози. Боняк же приехав поведа Давыдови; яко «Победа ны есть на угры заутра». И наутрня Боняк исполчи вой свое, и бысть Давыдов вой 300, а у самого 300; и раздели я на 3 полкы, и поиде к угром. И пусти на вороп Алтунапу в 50 чади, а Давыда постави под стягом, а сам разделися на 2 части, по 50 на стороне. Угры же исполчишася на заступы, бе бо угр числом 100 тысяшь. Алтунопа же пригна к 1-му заступу, и стреливше побегнуша пред угры, угри же погнаша по них. Яко бежаше минуша Боняка, и Боняк погнаше сека в тыл, а Алтунопа взвратяшеться вспячь, и не допустяху угр опять, и тако *множицею* убивая, сбиша е в мячь. Боняк же разделися на 3 полкы, и сбиша угры акы в мячь, яко се сокол сбиваеть галице. И побегоша угри, и мнози истопоша в Вягру, а друзии в Сану. *И бжаще возл Сан у гору, и стихаху друг друга*, и гнаша по них 2 дни, секуще. Ту же убиша и

пископа их Купана и от бояр многы; глаголаху бо, яко погыбло их 40 тысящ.

Ярослав же бежа на Ляхы, и приде Берестью, а Давыд заим Сутеску и Червен, приде внезапно, и зая володимерце, а Мстислав затворися в *град* с засадою, иже беша у него берестьяне, пиняне, выгошевы. И ста Давыд, оступив град, и часто приступаше. Единою *подступиша* к граду под *вежами*, онем же бьющим с града, и стреляющим межи собою, идяху стрелы акы дождь. Мстиславу же хотящю стрелити, внезапно ударен бысть под пазуху стрелою на заборолех, сквозе дску скважнею, и сведоша ѱ, и на ту ночь умре. И таиша ѱ 3 дни, и в 4-й день поведаша на вечи. И реша людье: «Се князь убьен; да аще ся вдамы, *Святополк* погубит ны вся». И послаша к Святополку, глаголя: «Се сын твой убьен, а мы изнемогаем голодом. Да аще не придеси, хотять ся людье предати, не могуще глада терпети». Святополк же посла Путяту, воеводу своего. Путята же с вои пришед к Лучьску к Святоши, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдови у Святоше, заходил бо бе роте Святоша к Давыдови: «Аще поидет на тя Святополк, то повемь ти». И не створи се го Святоша, но изъима мужи Давыдовы, а сам *поиде* на Давыда. И приде Святоша и Путята августа в 5 день, Давыдовым воем облежающим град, в полудень, Давыдови спящю, и нападоша на нь, и почаша сечи. И горожане скочиша з града, и почаша сечи вое Давыдовы, и побеже Давыд и Мстислав, сыновець его. Святоша же и Путята прияста град и посадиста посадника Святополча Василя. И приде Святоша Лучьску, а Путята Киеву. Давыд побеже в Половце, и усрете ѱ Боняк. И поиде Давыд и Боняк на Святошу к Лучьску, и оступиша Святошу в граде, и створиша мир. И изиде Святоша из града, и приде к отцю своему Чернигову. А Давыд перея Лучьск, и оттуду приде Володимерю; посадник же Василь выбеже, а Давыд перея Володимерь и седе в нем. А на 2-е лето Святополк, Володимер, Давыд и Олег привабиша Да-

выда Игоревича, и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужь, в нем же и умре. А Святополк перея Володимерь, и посади в нем сына своего Ярослава.

В лето 6606. Приде Володимер, и Давыд, и Олег на Святополка, и стаха у Городца, и створиша мир, якоже и в прежнее лето сказах.

В лето 6607. Изиде Святополк на Давыда к Володимерю и прогна Давыда в Ляхы. В се же лето побьени угри у Перемышля. В се же лето убьен Мстислав, сын Святополчь, в Володимери, месяца июня в 12 день.

В лето 6608. *Вьиде* Мстислав от Давыда на море месяца июня в 10. В том же *лете* братья створиша мир межи собою, Святополк, Володимер, Давыд, Олег, в Уветичих, месяца августа во 10 день. Того же месяца в 30, том же месте, братья вся *сляшася*, Святополк, Володимер, Давыд, Олег, и приде к ним Игоревичь Давыд, и рече к ним: «На что мя есте привабили? Осе есм, Кому до мене обида?» И отвеща ему Володимер: «Ты еси прислал к нам: «Хочю, братья, прити к вам, и пожаловатися своея обиды». Да се еси пришел и сидишь с братъею своею на одином ковре: то чему не жалуешься? До кого ти нас жалоба?» И не отвеща Давыд ничтоже. И стаха вся братья на коних; и ста Святополк с своею дружиною, а Давыд и Олег с своею разно, кроме себе. А Давыд Игоревичь седяше кроме, и не припустяху его к себе, но особь думаху о Давыде. И сдумавше послаша к Давыду мужи свое, Святополк Путяту, Володимер Орогостя и Ратибора, Давыд и Олег Торчина. Послании же придоша к Давыдови и рекоша ему: «Се ти молвят братья: «Не хочем ти дати стола Володимерьскаго, зане ввергл еси ножь в ны, его же не было в Русскей земли. Да се мы тебе не имем, ни *иного ти зла* не створим, но се ти даем: шед, сяди в Бужьскомь в *Острозе*, а Дубен и Черторьеск то ти дасть Святополк, а се ти дасть Володимер 200 гривен, а Давыд и Олег 200 гривен». И тогда послаша слы своя к Володареву и к Василкови: «Поими брата своего Василка к себе, и буди вама едина

власть, Перемышль. Да аще *вам* любо, да седита, аще ли ни, — да пусти Василка семо, да его кормим сде. А холопы наша выдайта и смерды». И не послуша сего Володарь, ни Василко. А Давыд седе Божьскемь, и по семь вдасть Святополк Давыдови Дорогобужь, в нем же и умре; а Володимер вда сынови своему Ярославу.

В лето 6609. Преставися Всеслав, *полоцкий* князь, месяца априля в 14 день, в 9 час дне, в среду. В то же лето заратися Ярослав Ярополчичь Берестьи и иде на нь Святополк, и заста ѝ в граде, и ем ѝ, и окова, и приведе ѝ Киеву. И молися о нем митрополит и игумени, и умолиша Святополка, и заводиша ѝ у раку святою Бориса и Глеба, и сняша с него оковы, и пустиша ѝ. Томь же лете совокупишася вся братья: Святополк, Володимер, и Давыд, и Олег, Ярослав, брат ею, на Золотьчи. И прислаша половци слы от всех князий ко всей братьи, просяще мира. И реша им рускыи князи: «Да аще хотите мира, да совокупимся у Сакова». И послаша по половце, и сняшася у Сакова, и створиша мир с половци, и пояша тали межи собою, месяца семтября в 15 день, и разидошася разно.

В лето 6610. Выбеже Ярослав Ярополчичь ис Киева, месяца октября в 1. Того же месяца на исходе, прелстив Ярослав Святополчичь Ярослава Ярополчича, и ят ѝ на Нуре, и приведе ѝ к отцю Святополку, и оковаша ѝ. Том же лете, месяца декабря в 20, приде Мстислав, сын Володимер, с новгородци; бе бо Святополк с Володимером ряд *имл*, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сын свой в немь, а Володимеру посадити сын свой в Володимери. И приде Мстислав Киеву, и седоша вызбе, и реша мужи Володимери: «Се прислал Володимер сына своего, да се седять *новгородци*, да поимше сына твоего и идут Новугороду, а Мьстислав да идет Володимерю». И реша новгородци Святополку: «Се мы, княже, прислани к тебе, и ркли ны тако: не хотим Святополка, ни сына его. Аще ли 2 главе имеет сын твой, то пошли ѝ;

а сего ны дал Всеволод, а въскормили есмы собе князь, а ты еси шел от нас». И Святополк же многу прю имев с ними, онем же не хотевшим, поимше Мстислава, придоша Новугороду. В то же лето бысть знаменье на небеси, месяца генваря в 29 день, по 3 дни, акы пожарная заря от востока и уга и запада и севера, и бысть тако свет всю ночь, акы от луны полны светящся. В то же лето бысть знаменье в луне, месяца февраля в 5 день. Того же месяца в 7 день бысть знаменье в солнци: огородилося бяше солнце в три дугы, и быша другыя *дугы* хребты к собе. И сия видяще знаменья благовернии *человеци* со вздыханьем моляхуся к богу и со слезами, дабы бог обратил знаменья си на добро: знаменья бо бывают ова на зло, ова ли на добро. На придущее лето вложи бог мысль добру в русьские князи: умыслиша дерзнути на половце и пойти в землю их, еже и бысть, яко же скажем после же в пришедшее лето. В се же лето преставиея Ярослав Ярополчичь, месяца августа в 11 день. В се же лето ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава, месяца ноября в 16 день.

В лето 6611. Бог вложи в сердце князем рускым Святополку и *Володимеру*, и снястася думати на Долобьске. И седе Святополк с своего дружиною, а Володимер с своею в единомь шатре. И почаша думати и глаголати дружина Святополча, яко «Негодно ныне весне ити, хотим *погубити смерды* и ролью их». И рече Володимер: «Дивно *ми*, дружино, оже лошадей жалуете, ею же *кто* ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смерд, и приехав половчин ударить ѝ стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав иметь жену его, и дети его, и все его именье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?» И не могоша отвещати дружина Святополча. И рече Святополк: «Се яз готов уже». И вста Святополк, и рече ему Володимер: «То ти, брате, велико добро створиши земле Рускей». И *посласта* ко Олгови и Давыдови, глаголя:

«Пондита на *половци*, да любо будем живи, любо мертви». И послуша Давыд, а Олег не всхоте сего, вину река: «Не сдравлю». Володимер же, целовав брата своего, и поиде Переяславлю, а Святополк по нем, и Давыд Святославичь, и Давыд Всеславичь, и Мстислав Игорев внук, Вячеслав Ярополчичь, Ярополк Володимеричь. И поидоша на коних и в лодьях, и придоша ниже порог, и сташа в протолчех в Хортичем острове. И вседоша на коне, и *пшци* из лодей *выседше* идоша в поле 4 дни, и придоша на Сутень. Половци же, слышавше, яко идеть Русь, собращася бещисла, и начаша думати. И рече Урусоба: «Просим мира у Руси, яко крепко имуть битися с нами, мы бо много зла створихом Русской земли». И реша унейшии Урусобе: «Аще ты боишися Руси, но мы ся не боим. Сия бо избивше, поидем в землю их, и примем грады их, и кто избавить и от нас?» Русские же князи и вои вси моляхуть бога, и обеты вздаяху богу и матери его, ов кутьею, ов же милостынею убогим, инии же манастырем требованья. И сице молящимся, поидоша половци и послаша пред собою в стороже Алтунопу, иже словяше в них мужеством. Тако же русские князи послаша стороже свое. И устерегоша русские сторожеве Олтунопу, и обиступивше и, и убиша Алтунопу и суцая с ним, и не избысть ни един, но *вся* избиша. И поидоша полкове, аки борове, и не бе презрети их; и русь поидоша противу им. И бог великий вложи ужасть велику в половце, и страх нападе на ня и трепет от лица русских вой, и дремаху сами, и конем их не бе спеха в ногах. Наши же с весельем на конех и пеши поидоша к ним. Половци же, видевше устремленье руское на *ся*, не *доступивше*, побегоша пред русскими полки. Наши же погнаша, *секуще* я. Дни 4 априля месяца велико спасенье бог створи, а на врагы наша дасть победу велику. И убиша ту в гюлку князий 20: Урусобу, Кчия, Арсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и про-

чая князий их, а Белдюзя яша. Посем же седоша братья, лобедивше врагы своя, и приведоша Белдюзя к Святополку, и нача Белдюзь даяти на себе злато, и сребро, и коне, и скот. Святополк же посла и к Володимеру. И пришедшу ему, нача впрашати его Володимер: «То веде яла вы рота. Многажды бо *ходивше* роте, воевасте Русскую землю. То чему ты не казаше сынов своих и роду своего не преступати роты, но проливашет кровь хрестьянскую? Да се буди кровь твоя на главе твоей». И повеле убити и, и тако расekoша и на уды. И посем сняшася братья вся, и рече Володимер: «Сь день, иже створи господь, взрадуемся и взвеселимся во нь»; яко господь избавил ны ест от враг наших, и покори врагы наша, и «скруши главы змиевыя, дал еси сих брашно людем» русьским». Взяша бо тогда скоты, и овце, и коне, и вельблуды, и веже с добытком и с челядью, и заяша печенегы и торкы с вежами. И придоша в Русь с полоном великим, и с славою и с победою великою. Сем же лете придоша пружи, августа в 1 день. Того же месяца в 18 день иде Святополк, и срубил город Гюргево, его же беша пожгли *половци*. Того же лета бися Ярослав с мордовою, месяца марта в 4 день, и побежен бысть Ярослав.

В лето 6612. Ведена дщи Володарева за царевича за Олексиничь, Цесарюгороду, месяца июлия в 20. Том же лете ведена Передслава, дщи Святополча, в Угры, за королевичь, августа в 21 день. Том же лете приде митрополит Никифор в Русь, месяца декабря в 6 день. Того же месяца преставился Вячеслав Ярополчичь в 13 день. Того же месяца в 18 Никифор митрополит на столе посажен. Се же скажем: сего же лета исходяща, посла Святополк Путятю на Менеск, а Володимер сына своего Ярополка, а Олег сам иде на Глеба, поемше Давыда Всеславича; и не успеха ничтоже и взвратишася опять. И родися у Святополка сын, и нарекоша имя ему Брючислав. В се же лето бысть знаменье: стояше солнце в крузе, а посреде кру-

- га крестъ, а посреде креста солнце, а вне круга обапо-
лы два солнца, а над солнцемъ, кроме круга, дуга ро-
гома на север; тако же знаменье и в луне тем же об-
разом месяца февраля в 4 и 5 и 6 день, в дне по 3
дни, а в ночь в луне по 3 ночи.
- В лето 6613. Постави митрополит епископа Анфилофия
Володимерю месяца августа в 27 день. Томъ же лете
постави Лазаря в Переяславль ноября в 12. Томъ же
лете постави Мину Полотьску декабря в 13 день.
- В лето 6614. Воеваша половни около Заречьска, и посла
по них Святополк Яня и Иванка Захарьича, Козарина;
и угониша половце и полон отяша. В се же лето пре-
ставися Янь, старецъ добрый, жив лет 90, в старости
мастите; жив по закону божью, не хужий бе первых
праведник. От него же и аз многа словеса слышах,
еже и вписах в летописаньи семь, от него же слышах.
Бе бо муж благ, и кроток, и смирен, огребаяся всякою
вещи, его же и гроб есть в Печерском монастыри, в
притворе, илеже лежить тело его, положено месяца
июня в 24. В се же лето пострижеса Еупракси, Всево-
ложа дщи, месяца декабря в 6. В то же лето прибеже
Избыгнев к Святополку. В то же лето пострижеса Свя-
тославъ, сын Давыдов, внук Святославль, месяца фев-
раля в 17 день. Том же лете победиша зимегола Все-
славичъ, всю братью, и дружины убиша 9 тысящъ.
- В лето 6615, индикта, круг луны 4 лето, а солнечнаго
круга 8 лето. В се же лето преставися Володимеря,
месяца мая в 7 день. Того же месяца воева Боняк и
зая коне у Переяславля. Том же лете приде Боняк, и
Шарукан старый и ини князи миози, и сташа около
Лубьна. Святополк же, и Володимер, и Олег, Свято-
слав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк идоша на полов-
ци к Лубну, и в 6 час дне бродишася чрес Сулу, и
кликнуша на них. Половци же ужасошася, от страха
не възмогоша ни стяга поставити, но побегоша, хва-
тающе кони, а друзии пеши побегоша. Наши же *поча-*

- ша* сечи, женуци я, а другие руками имати, и гнаша
ноли до Хорола. Убиша же Таза, Бонякова брата, а
Сутра яша и брата его, а Шарукан едва утече. Отбего-
ша же товара своего, еже взяша русский вой, месяца
августа в 12, и взвратишася всвоюси с победою вели-
кою. Святополк же приде в Печерський монастырь
на заутреню на Успенье святыя богородица, и братья
целоваша ѿ с радостью великою, яко врази наша по-
бежени быша, молитвами святыя богородица и свята-
го отца нашего Феодосья. Так бо обычай имевше
Святополкъ: коли идяше на войну, или инамо, *али* по-
клонився у гроба *Феодосиева* и молитву взем у игумена,
ту суцаго, то же идяше на путь свой. В то же лето
преставися княгини, Святополча мати, месяца генва-
ря в 4 день. Томъ же лете, месяца того же, иде Воло-
димер, и Давыд и Олег к Аепе и ко другому Аепе, и
створиша мир. И поя Володимер за Юргя Аепину
дщерь, Осеневу внуку, а Олег поя за сына Аепину
дщерь, Гиргеневу внуку месяца генваря 12 день. *А фев-*
раля 5 трясеся земля пред зорями в ноци.
- В лето 6616. Заложена бысть церкы святаго Михаила, Зо-
лотоверхая, Святополком князем, в 11 июлия месяца.
И кончаша тряпезницу Печерскаго монастыря при
Феоктист игумене, иже ю и заложи повеленьемъ Гле-
бовым, иже ю и стяжа. В се же лето вода бысть велика
в Днепре, и в Десне, и в Припете. В сем же лете вло-
жи бог в сердце *Феоктисту*, игумену печерскому, и
нача взвещати князю Святополку, дабы вписал Феодо-
сья в сенаник. И рад быв, обещася и створи, повеле
митрополиту вписати в синодик. И повеле вписывати
по всем епископьям, и вси же епископи с радостью
вписаша, и поминати ѿ на всех зборех. В се же лето
преставися Катерина, Всеволожа дщи, месяца июлия в
11. В се же лето кончаша верх святыя богородица на
Клове, *заложеной* Стефаном игуменом печерским.
- В лето 6617. Преставися Евпракси, дщи Всеволожа, ме-
сяца июлия в 10 день, и положена бысть в Печерском

манастыре у дверей, яже ко угу. И зделаша над нею божонку, идеже лежит тело ея. В то же лето, месяца декабря в 2 день, Дмитр Иворовичь взя веже половечские у Дону.

В лето 6618. Идоша весне на половце Святополк, и Володимер, и Давыд. И дошедше Воиня, и воротишася, Том же лете бысть знаменье в Печерьстем монастыре в 11 день февраля месяца: явися столп огнен от земля до небеси, а молнья осветиша всю землю, и в небеси погрене в час 1 нощи; и весь мир виде. Сей же столп первее ста на трапезници каменей, яко не видети бысть креста, и постояв мало, съступи на церковь и ста над гробом Феодосьевым и потом ступи на верх акы ко востоку *лицем*, и потом невидим бысть. Се же беаше не огненный столп, но вид ангелескъ: ангел бо сице является, ово столпом огненным, ово же пламенем. Акоже рече Давыдъ: «Творя ангелы своя духы и слугы своя огонь полящъ», и шлеми суть повеленьем божьимъ, амо же хоцеть владыка и творецъ всех. Ангел бо приходит, кде благая места и молитвеннии домове, и ту *показает* нечто мало виденья своего яко мощно видети человеком; не мощно бо зрети человеком естества ангельскаго, яко и Моиси великый не взможе видети ангелскаго естества: водяшетъ бо я в день столп облачен, а в нощи столп огнен, то се не столп водяше их, но ангел идяше пред ними в нощи и в дне. Тако и се явленье некоторое показываше, ему же *бе* быти, *еже* и бысть на 2-е бо лето не съли ангел вожь бысть на иноплеменники и супостаты, якоже рече: «Ангел пред тобою предъидеть», и пакы: «Ангел твой буди с тобою»?

Игумен Силивестр святаго Михаила написах книги си летописецъ, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святаго Михаила в 6624, индикта 9 лета. А иже четъ книги сия, то буди ми в молитвах.

Перевод

ВОТ ПОВЕСТИ МИНУВШИХ ЛЕТ, ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, КТО В КИЕВЕ СТАЛ ПЕРВЫМ КНЯЖИТЬ И КАК ВОЗНИКЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Так начнем повесть сию.

По потоке трое сыновей Ноя разделили землю — Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу: Персия, Бактрия, даже и до Индии в долготу, а в ширину до Ринокорура, то есть от востока и до юга, и Сирия, и Мидия до реки Евфрат, Вавилон, Кордуна, ассирияне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елимаис, Инди, Аравия Сильная, Колия, Комагина, вся Финикия. Хаму же достался юг: Египет, Эфиопия, соседящая с Индией, и другая Эфиопия, из которой вытекает река эфиопская Красная, текущая на восток, Фивы, Ливия, соседящая с Киринией, Мармария, Сирт, другая Ливия, Нумидия, Масурия, Мавритания, находящаяся против Гадира. В его владениях на востоке находятся также: Киликия, Памфилия, Писидия, Мизия, Ликаония, Фригия, Камалия, Ликия, Кария, Лидия, другая Мизия, Троада, Эолида, Вифиния, Старая Фригия и острова некии: Сардиния, Крит, Кипр и река Геона, иначе называемая Нил.

Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхида, Босфор, Меоты, Деревия, Сарматия, жители Тавриды, Скифия, Фракия, Македония, Далматия, Малосия, Фессалия, Локрида, Пеления, которая называется также Пелопоннес, Аркадия, Эпир, Иллирия, славяне, Лихнития, Адриакия, Адриатическое море. Достались и острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Ки-

тира, Закинф, Кефалиния, Итака, Корсика, часть Азии, называемая Иония, и река Тигр, текущая между Мидией и Вавилоном; до Понтийского моря на север: Дунай, Днестр, Кавкасинские горы, то есть Венгерские, а оттуда до Днепра и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на восток в страны Сима. В странах же Иафета сидят русские, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Ляхи же и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку — до пределов Сима, сидят по тому же морю и к западу — до земли Английской и Волошской. Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англй, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, гонуэзцы и прочие, — они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым.

Сим же, Хам и Иафет разделили землю, бросив жребий, и порешили не вступать никому в долю брата, и жили каждый в своей части. И был единый народ. И когда умножились люди на земле, замыслили они создать столп до неба, было это в дни Иоктана и Фалека. И собрались на месте поля Сенаар строить столп до неба и около него город Вавилон; и строили столп тот сорок лет, и не свершили его. И сошел господь бог видеть город и столп, и сказал господь: «Вот род един и народ един». И смешал бог народы, и разделил на семьдесят и два народа, и рассеял по всей земле. По смешении же народов бог ветром великим разрушил столп; и находятся остатки его между Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту и в ширину 5433 локтя, и много лет сохраняются эти остатки.

По разрушении же столпа и по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама — южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же семидесяти двух язык

произошел и народ славянский, от племени Иафета — так называемые норики, которые и есть славяне.

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались моравы, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне.

Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, по имени Полота, от нее и получили название полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась «славянская». Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет и направ-

ляется на север, и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалиское. Так и из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы, и дальше на восток пройти в удел Сима, а по Двине — в землю Варягов, от Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хама. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским, — по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра.

Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать божия, будет город великий, и воздвигнет бог много церквей». И взошел на горы эти, благословил их и поставил крест, и помолился богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом козевенным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это всякий день, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то совершают омовенье себе, а не мученье». Те же, слышав об этом, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии (о которой речь

в дальнейшем) были уже поляне, и жили они родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и донныне в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, и великие почести воздал ему, говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай, и облюбывал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему близживущие; так и донныне называют придунайские жители городище то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И по смерти братьев этих потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город — Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне. А на Белоозере сидит весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере также меря. А по реке Оке — там, где она впадает в Волгу, — мурома, говорящая на своем языке, и чере-

мисы, говорящие на своем языке, и мордва, говорящая на своем языке. Вот кто только говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынскими. А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимогола, корсь, нарва, ливонцы, — эти говорят на своих языках, они — потомство Иафета, живущее в северных странах.

Когда же славяне, как мы уже говорили, жили на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были насильники славянам. Затем пришли белые угры и наследовали землю Славянскую. Угры эти появились при царе Ираклии, который ходил походом на персидского царя Хозроя. В те времена существовали и обры, воевавшие против царя Ираклия и чуть было его не захватившие. Эти обры воевали и против славян и примучили дулебов — также славян, и творили насилие женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его — обрина, — и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доныне: «Погибли как обры», — их же нет ни племени, ни потомства. Вслед за этими обрами пришли печенеги, а затем шли черные угры мимо Киева, но было это уже после — при Олеге.

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и только после назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и также не сразу назвались древляне; радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов — Радим, а другой — Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вят-

ко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волынские, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и соседствовали с Дунаем. Было их множество: сидели они прежде по Днестру до самого моря, и сохранились города их и доныне; вот почему греки называли их «Великая Скифия».

Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждый — свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровьями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят за нее — кто что даст. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи, и прочие язычники, не знающие закона божьего, но сами себе устанавливающие закон.

Говорит Георгий в своем летописании: «Каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, соблюдают как предание отцов. Из них же первые — сирийцы, живущие

на краю света. Имеют они законом себе обычаи своих отцов: не заниматься любодеянием и прелюбодеянием, не красть, не клеветать или убивать и, особенно, не делать зло. Таков же закон и у бактриан, называемых иначе рахманами или островитянами; эти по заветам прадедов и из благочестия не едят мяса и не пьют вина, не творят блуда и никакого зла не делают, имея великий страх божьей веры. Иначе — у соседних с ними индийцев. Эти — убийцы, сквернотворцы и гневливы сверх всякой меры; а во внутренних областях их страны — там едят людей, и убивают путешественников, и даже едят как псы. Свой закон и у халдеян и у вавилонян: матерей брать на ложе, блуд творить с детьми братьев и убивать. И всякое бесстыдство творят, считая его добродетелью, даже если будут далеко от своей страны.

Другой закон у гилий: жены у них пашут, и строят дома, и мужские подвиги совершают, но и любви предаются сколько хотят, не сдерживаемые своими мужьями и не стыдясь; есть среди них и храбрые женщины, умелые в охоте на зверей. Властвуют жены эти над мужьями своими и повелевают ими. В Британии же несколько мужей с одною женою спят, и многие жены с одним мужем связь имеют и беззаконие как закон отцов совершают, никем не осуждаемые и не сдерживаемые. Амазонки же не имеют мужей, но, как бессловесный скот, однажды в году, близко к весенним дням, выходят из своей земли и сочетаются с окрестными мужчинами, считая то время как бы неким торжеством и великим праздником. Когда же зачнут от них в чреве — снова разбегутся из тех мест. Когда же придет время родить и если родится мальчик, то убивают его, если же девочка, то вскормят ее и прилежно воспитают».

Так вот и при нас теперь половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим, едят мертвечину и всякую нечистоту — хомяков и сусликов,

и берут своих мачех и невесток, и выполняют иные обычаи своих отцов. Мы же, христиане всех стран, где веруют во святую Троицу, в единое крещение и исповедуют единую веру, имеем единый закон, поскольку мы крестились во Христа и во Христа облеклись.

Вслед за тем, по смерти братьев этих (Кия, Щека и Хорива), притесняли полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посоветавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам, и сказали им: «Вот, новую дань нашли мы». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не добрая дань эта, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, — саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи. Станут они когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных земель». И сбылось сказанное ими, так как не по своей воле говорили они, но по божьему повелению. Так вот было и при фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старейшины фараона: «Этот уничтожит когда-нибудь Египет». Так и случилось: погибли египтяне от Моисея, а сперва работали на них евреи. Тоже и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день.

В год 6360(852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим. От Адама и до потопа 2242 года, а от потопа до Авраама 1000 и 82 года, а от Авраама до исхода Моисея 430 лет, а от исхода Моисея до Давида 600 и 1 год, а от Давида и от начала царствования Соломона до

пленения Иерусалима 448 лет, а от пленения до Александра Македонского 318 лет, а от Александра до рождества Христова 333 года, а от Христова рождества до Константина 318 лет. От Константина же до Михаила сего 542 года. А от первого года царствования Михаила до первого года княжения Олега, русского князя, 29 лет, а от первого года княжения Олега, потому что он сел в Киеве, до первого года княжения Игоря 31 год, а от первого года княжения Игоря до первого года Святославова 33 года, а от первого года княжения Святослава до первого года Ярополкова 28 лет; а княжил Ярополк 8 лет, а Владимир княжил 37 лет, а Ярослав княжил 40 лет. Таким образом, от смерти Святослава до смерти Ярослава 85 лет; от смерти же Ярослава до смерти Святополка 60 лет.

Но возвратимся мы к прежнему и расскажем, что произошло в эти годы, — как уже начали: с первого года царствования Михаила, и расположим по порядку года.

В год 6361 (853). В год 6362 (854). В год 6363 (855). В год 6364 (856). В год 6365 (857).

В год 6366 (858). Царь Михаил отправился с воинами на болгар по берегу и морем. Болгары же, узнав об этом, не смогли противостать им, попросили крестить их и обещали покориться грекам. Царь же крестил их князя и всех бояр и заключил мир с болгарями.

В год 6367 (859). Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма.

В год 6368 (860). В год 6369 (861).

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шве-

ды, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью один Рюрик и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренное население в Новгороде — славяне, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик. И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Тамошние же жители ответили: «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгнули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде.

В год 6371 (863). В год 6372 (864). В год 6373 (865).

В год 6374 (866). Отправились Аскольд и Дир войной на греков и пришли туда в четырнадцатый год царствования Михаила. Царь же был в это время в походе на агарян, дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет походом на Царьград, и возвратился царь. Эти же вошли внутрь Суда, совершили много убийств христиан и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же с трудом вошел в го-

род и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы во Влахерне, и вынесли они с песнями божественную ризу святой богородицы и омочили в море ее полу. Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и великие волны, чтобы разметать корабли язычников русских, и прибило их к берегу и переломало так, что немногим из них удалось избежать этой беды и вернуться домой.

В год 6375 (867).

В год 6376 (868). Начал царствовать Василий.

В год 6377(869). Крещена была вся земля Болгарская.

В год 6378 (870). В год 6379 (871). В год 6380 (872). В год 6381 (873). В год 6382 (874). В год 6383 (875). В год 6384 (876). В год 6385 (877). В год 6386 (878).

В год 6387 (879). Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу — родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал.

В год 6388 (880). В год 6389 (881).

В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил своих мужей. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам отправился к ним вместе с младенцем. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», а когда вынесли Игоря, добавил: «Вот он сын Рюрика». И убили Аскольда и Диру, отнесли на гору и погребли: Аскольда — на

горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николы; а Дирова могила — за церковью святой Ирины. И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет матерью городам русским». И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозавшиеся русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани славянам, и кривичам, и мери, положил и для варягов давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава.

В год 6391 (883). Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по черной кунице.

В год 6392 (884). Отправился Олег на северян, и победил их, и возложил на них легкую дань, и не позволил им платить дань хазарам, говоря так: «Я враг их, и вам им платить незачем».

В год 6393 (885). Послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они же ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но платите мне». И дали Олегу по щелягу, как раньше хазарам давали. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал.

В год 6394 (886).

В год 6395 (887). Царствовал Леон, сын Василия, который прозывался Львом, и брат его Александр, царствовавший двадцать шесть лет.

В год 6396 (888). В год 6397 (889). В год 6398 (890). В год 6399 (891). В год 6400 (892). В год 6401 (893). В год 6402 (894). В год 6403 (895). В год 6404 (896). В год 6405 (897).

В год 6406 (898). Шли утры мимо Киева горою, которая проывается теперь Угорской, пришли к Днепру, и стали вежами: ходили они так же, как теперь половцы. И, придя с востока, устремились через великие горы, которые прозвались Угорскими горами, и ста-

ли завоевывать живших там волохов и славян. Сидели ведь тут прежде славяне, а затем Славянскую землю захватили волохи. А после угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились со славянами, покорив их себе; и с тех пор прозвалась земля Угорской. И стали угры воевать против греков и попленили землю Фракийскую и Македонскую до самой Селуни. И стали воевать против моравов и чехов. Был один народ славянский: и те славяне, которые сидели по Дунаю, покоренные уграми, и моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которых теперь называют русь. Для них ведь, моравов, первоначально созданы буквы, названные славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских.

Когда славяне жили уже крещенными, князья их Ростислав, Святополк и Коцел послали к царю Михаилу, говоря: «Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы наставил и поучил нас и объяснил святые книги. Ведь не знаем мы ни греческого языка, ни латинского; одни учат нас так, а другие иначе, от этого не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам рассказать о книжных словах и о смысле их». Услышав это, царь Михаил созвал всех философов и передал им все, сказанное славянскими князьями. И сказали философы: «В Селуни есть муж, именем Лев. Имеет он сыновей, знающих славянский язык; два сына у него искусные философы». Услышав об этом, царь послал за ними ко Льву в Селунь, со словами: «Пошли к нам без промедления своих сыновей Мефодия и Константина». Услышав об этом, Лев вскоре же послал их, и пришли они к царю, и сказал им царь: «Вот, прислала послов ко мне Славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги, ибо этого они хотят». И уговорил их царь и послал их в Славянскую землю к Ростиславу, Святополку и Коцелу. Когда же братья эти

пришли, начали они составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие. И рады были славяне, что услышали они о величии божьем на своем языке. Затем перевели Псалтырь и Октоих и другие книги. Некие же люди стали хулить славянские книги и говорили, что-де «ни одному народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян, как в надписи Пилата, который на кресте господнем написал только на этих языках». Услышав об этом, папа римский осудил тех, кто ропщет на славянские книги, сказав так: «Да исполнится слово Писания: «Пусть восхвалят бога все народы», и другое: «Пусть все народы восхвалят величие божие, поскольку дух святой дал им говорить». Если же кто бранит славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится; это волки, а не овцы, их следует узнавать по поступкам их и беречься их. Вы же, дети, послушайте божественного учения и не отвергните церковного поучения, которое дал вам наставник ваш Мефодий». Константин же вернулся назад и отправился учить болгарский народ, а Мефодия оставил в Моравии. Затем князь Коцел поставил Мефодия епископом в Паннонии на столе святого Андроника, одного из семидесяти апостолов, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посадил двух попов, хороших скорописцев, и перевел все книги полностью с греческого языка на славянский в шесть месяцев, начав в марте, а закончив 26 октября. Закончив же, воздал достойную хвалу и славу богу, давшему такую благодать епископу Мефодию, преемнику Андроника; ибо учитель славянскому народу — апостол Андроник. До моравов же доходил и апостол Павел и учил там; там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Вот почему учитель славян — апостол Павел, из тех же славян — и мы, русь; поэтому и нам, руси, учитель Павел, так как учил славянский народ и поста-

вил по себе для славян епископом и наместником Андроника. А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами прозвались потому, что сидели в поле, а язык был им общий — славянский.

В год 6407 (899). В год 6408 (900). В год 6409 (901).

В год 6410 (902). Леон-царь нанял угров против болгар. Угры же, напав, попленили всю землю Болгарскую. Симеон же, узнав об этом, возвратился на угров, а угры двинулись против него и победили болгар, так что Симеон едва убежал в Доростол.

В год 6411 (903). Игорь вырос и собирал дань после Олега, и слушались его, и привели ему жену из Пскова, именем Ольга.

В год 6412 (904). В год 6413 (905). В год 6414 (906).

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли по полю к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и ви-

но, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от бога». И приказал Олег дать дани на две тысячи кораблей: по двенадцати гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе»... И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам кофринные», — и было так! И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне кофринные, и разорвал их ветер; и сказали славяне: «Возьмем свои простые паруса, не дали славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

В год 6416 (908). В год 6417 (909). В год 6418 (910).

В год 6419 (911). Явилась на западе большая звезда в виде копья.

В год 6420 (912). Послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими...

Царь же Леон почтил русских послов дарами — золотом, и паволоками, и драгоценными тканями — и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота, паволоки, драгоценные камни и страсти господни — венец, гвозди, багряницу и мощи святых, уча их вере своей и показывая им истинную веру. И так отпустил их в свою землю с великою честью. Послы же, посланные Олегом, вернулись к нему и поведали ему все речи обоих царей, как заключили мир и до-

говор положили между Греческою землею и Русскою и установили не преступать клятвы — ни грекам, ни руси.

И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь, — от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не право говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Плакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемую Щековица; есть же могила его и доньше, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три. Неудивительно, что от волхования сбывается чародейство. Так было и в царствование Доментиана: тогда был известен некий волхв именем Аполлоний Тианский, который ходил и творил всюду бесовские чудеса — в городах и селах. Однажды, когда из Рима пришел он в Византию, его упростили живущие там сделать следующее: он ото-

гнал из города множество змей и скорпионов, чтобы не было от них вреда людям, и ярость конскую обуздал на сонмище бояр. Так и в Антиохию пришел, и упрощенный людьми теми — антиохиянами, страдавшими от скорпионов и комаров, сделал медного скорпиона и зарыл его в землю, и поставил над ним небольшой мраморный столп, и повелел взять людям палки и ходить по городу и выкликать, потрясая теми палками: «Быть городу без комара!» И так исчезли из города скорпионы и комары. И спросили его еще об угрожавших городу землетрясениях, и, вздохнув, написал он на дощечке следующее: «Увы тебе, несчастный город, много тебя будет трясти земля, и огнем будешь попален, оплачет тебя и Оронтия на берегу». Об Аполлонии этом и великий Анастасий Иерусалимский сказал: «Чудеса, произведенные Аполлонием, даже и до сих пор на некоторых местах исполняются: некоторые из них сотворены, чтобы отогнать четвероногих животных и птиц, которые могли бы вредить людям, другие же для удержания речных струй, вырвавшихся из берегов, но иные и на погибель и в ущерб людям, хотя и на обуздание их. Не только ведь при жизни его так делали бесы такие чудеса, но и по смерти, у гроба его, творили чудеса его именем, чтобы обольщать жалких людей, часто уловляемых на них дьяволом». Итак, кто что скажет о творящих волшебство? Ведь вот, искусен был на волшебное обольщение и никогда не считался Аполлоний с тем, что в безумстве предался мудрому ухищрению; а следовало бы ему сказать: «Словом только творю я то, что хотел», и не совершать действий ожидаемых от него. То все поупущением Божиим и творением бесовским случается — всеми подобными делами испытывается наша православная вера, что тверда она и пребывает подле господина и не увлекаема дьяволом, его призрачными чудесами и сатанинскими делами, творимыми врагами рода человеческого и слу-

гами зла. Бывает же, что некоторые и именем господа пророчествуют, как Валаам, и Саул, и Каиафа, и бесов даже изгоняют, как Иуда и сыны Скевавели. Потому что и на недостойных многократно действует благодать, как многие свидетельствуют: ибо Валаам был чужд и праведного жития и веры, но тем не менее свидетельствовала в нем благодать для убеждения других. И Фараон такой же был, но и ему было раскрыто будущее. И Навуходоносор был законопреступен, но и ему также было открыто будущее многих поколений, тем свидетельствуя, что многие, имеющие превратные понятия, еще до пришествия Христа творят знамения не по собственной воле на прельщение людей, не знающих доброго. Таков был и Симон Волхв, и Менандр, и другие такие же, из-за которых и было по истине сказано: «Не чудесами прельщать...»

В год 6421 (913). По смерти Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона. И затворились от Игоря древляне по смерти Олега.

В год 6422 (914). Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой. В тот же год пришел Симеон Болгарский на Царьград и, заключив мир, вернулся домой.

В год 6423 (915). Пришли впервые печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю. В те же времена пришел Симеон, поплняя Фракию; греки же послали за печенегами. Когда же печенеги пришли и собралась уже выступить на Симеона, греческие воеводы рассорились. Печенеги, увидев, что они сами между собою ссорятся, ушли восвояси, а болгары сразились с греками, и иссечены были греки. Симеон же захватил Адрианополь, который первоначально назывался городом Ореста — сына Агамемнона: ибо Орест когда-то купался в трех реках и избавился тут от своей болезни — оттого и назвал город своим именем. Впоследствии же его обновил цезарь Адриан и назвал в свое имя Адрианом, мы же зовем его Адрианом-градом.

В год 6424 (916). В год 6425 (917). В год 6426 (918). В год 6427 (919).

В год 6428 (920). У греков поставлен царь Роман. Игорь же воевал против печенегов.

В год 6429 (921). В год 6430 (922). В год 6431 (923). В год 6432 (924). В год 6433 (925). В год 6434 (926). В год 6435 (927). В год 6436 (928).

В год 6437 (929). Пришел Симеон на Царьград, и попленил Фракию и Македонию, и подошел к Царьграду в великой силе и с гордостью, и сотворил мир с Романом-царем, и возвратился восвояси.

В год 6438 (930). В год 6439 (931). В год 6440 (932). В год 6441 (933).

В год 6442 (934). Впервые пришли на Царьград угры и попленили всю Фракию. Роман заключил мир с уграми.

В год 6443 (935). В год 6444 (936). В год 6445 (937). В год 6446 (938). В год 6447 (939). В год 6448 (940).

В год 6449 (941). Пошел Игорь походом на греков. И послали болгары весть царю, что идут русские на Царьград: десять тысяч кораблей. И пришли, и подплыли, и стали воевать страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. А кого захватили — одних распинали, в других же, расстанавливая их как мишени, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в макушки голов. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли и с обеих сторон. Суда захватили немало богатств. Затем пришли с востока воины — Панфир-демestik с сорока тысячами, Фока-патриций с македонянами, Федор-стратилат с фракийцами, с ними же и сановные бояре, и окружили русь. Русские же, посовещавшись, вышли против греков с оружием, и в жестоком сражении едва одолели греки. Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи

русских. И было видно страшное чудо. Русские же, увидев пламень, бросались в воду морскую, стремясь спастись — и так оставшиеся их возвратились домой. И, придя в землю свою, поведали — каждый своим — о происшедшем и о ладейном огне. «Будто молнию небесную, — говорили они, — имеют у себя греки, и пустая ее, пожгли нас; оттого и не одолели их». Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов и послал за море к варягам, приглашая их на греков, снова собираясь идти на них походом.

В год 6450 (942). Симеон ходил на хорватов, и победили его хорваты, и умер, оставив Петра, своего сына, князем над болгарями.

В год 6451 (943). Вновь пришли угры на Царьград и, сотворив мир с Романом, возвратились восвояси.

В год 6452 (944). Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев — и нанял печенегов, и заложников у них взял, — и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот идут русские, без числа кораблей их, покрыли море кораблями». Также и болгары послали весть, говоря: «Идут русские и наняли с собой печенегов». Услышав об этом, царь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою, говоря: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей речь цареву. Сказала же дружина Игорева: «Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, — не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кому одолеть: нам ли, им ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем обшая смерть». И послушал их Игорь и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков

золото и паволоки на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси.

В год 6453 (945). Прислали Роман, и Константин, и Стефан послов к Игорю восстановить прежний мир. Игорь же говорил с ними о мире. И послал Игорь мужей своих к Роману. Роман же созвал бояр и сановников. И привели русских послов и велели им говорить и записывать речи тех и других на хартию...

Послы, посланные Игорем, вернулись к нему с послами греческими и поведали ему все речи царя Романа. Игорь же призвал греческих послов и спросил их: «Скажите, что приказал вам царь?» И сказали послы царя: «Вот послал нас царь, обрадованный миром, хочет он иметь мир и любовь с князем русским. Твои послы приводили к присяге нашего царя, а нас послали привести к присяге тебя и твоих мужей». Обещал Игорь сделать так. На следующий день призвал Игорь послов и пришел на холм, где стоял Перун; и сложили оружие свое, и щиты, и золото и присягали Игорь и люди его — сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы, и хазар, — это была соборная церковь, так как много было христиан — варягов. Игорь же, утвердив мир с греками, отпустил послов, одарив их мехами, рабами и воском, и отпустил их; послы же пришли к царю и поведали ему все речи Игоря и о любви его к грекам.

Игорь же начал княжить в Киеве, мир имея ко всем странам. И пришла осень, и стал он замышлять поход на древлян, желая взять с них еще больше дани.

В год 6453 (945). В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, — пораз-

мыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд — отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге, и пристали в ладье под Боричевым подъемом. Ведь вода тогда текла возле Киевской горы, а люди сидели не на Подоле, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордаты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а ловушка для птиц была вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор Уставщика позади церкви святой Богородицы Десятинной; над горою был теремной двор — был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне, и призвала их Ольга к себе и сказала им: «Гости добрые пришли». И ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?» Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, рыхил и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле, — пойди замуж за

князя нашего за Мала». Было ведь имя ему, князю древлянскому, — Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, величаясь, а утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдём, но понесите нас в ладье», — и вознесут вас в ладье», и отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя», — и понесли их в ладье. Они же уселись, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, приникнув к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Пуще нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разоггли баню, и вошли в нее древляне и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меда многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю

тризну по своем муже». Они же, услышав об этом, свезли множество медов и заварили их. Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их пять тысяч. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско.

Начало княжения Святослава, сына Игоря в а. В год 6454 (946). Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и упало коню под ноги, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в городе и крепко боролись из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться после сдачи. И стояла Ольга все лето и не могла взять города, и замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань и уже возделывают свои нивы и земли; а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «я уже мстила за

обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий раз — когда устроила тризну по своем муже. Больше уже не хочу мстить, — хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти, — идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи, и так загорелись — где голубятни, где клетки, где сараи и сеновалы, и не было двора, где бы не горело, и нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

И возложила на них тяжкую дань: две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольги. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок

док даней и налогов; и сохранились места ее стоянок и охот до сих пор. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом и пробыла здесь год.

В год 6455 (947). Отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани и по Луге — оброки и дани, и ловища ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев и там жила с ним в любви.

В год 6456 (948). В год 6457 (949). В год 6458 (950). В год 6459 (951). В год 6460 (952). В год 6461 (953). В год 6462 (954).

В год 6463 (955). Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И царствовал тогда цесарь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга, и увидел царь, что она очень красива лицом и разумна, подивился царь ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам — иначе не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом; и наставил ее патриарх в вере и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях твоих внуков». И дал ей заповеди о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении чистоты телесной. Она же, наклонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских». И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице — матери Константина Великого. И благословил ее патриарх, и отпустил. После крещения призвал ее царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в же-

ны себе». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это — ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары — золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своею дочерью. Она же, собравшись домой, пришла к патриарху, и попросила у него благословения вернуться, и сказала ему: «Люди мои и сын мой язычники, — да сохранит меня бог от всякого зла». И сказал патриарх: «Чадю верно! В Христа ты крестилась и в Христа облеклась, и Христос сохранит тебя, как сохранил Еноха в древнейшие времена, а затем Ноя в ковчеге, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от фараона, Давида от Саула, трех отроков в печи, Даниила от зверей, — так и тебя избавит он от козней дьявола и от сетей его». И благословил ее патриарх, и отправилась она с миром в свою землю и пришла в Киев. Произошло это как при Соломоне: пришла царица эфиопская к Соломону, стремясь услышать премудрость Соломона, и увидела свидетельства его многомудрия: так же и эта блаженная Ольга искала настоящей божественной мудрости, но та (царица эфиопская) — человеческой, а эта — божьей. «Ибо ищущие мудрости найдут». «Премудрость на перекрестках возглашает, на путях возвышает голос свой, на городских стенах проповедует, в городских воротах громко говорит: доколе невежды будут любить невежество...» Эта же блаженная Ольга с малых лет искала мудрости, что есть самое лучшее в свете этом, и нашла многоценный жемчуг — Христа. Ибо сказал Соломон: «Желание благоверных приятно для души»; и: «Наклони сердце твое к размышлению»; «Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня». Господь сказал: «Приходящего ко мне не изгоню вон».

Эта же Ольга пришла в Киев, и прислал к ней греческий царь послов со словами: «Много даров я дал тебе. Ты ведь говорила мне: когда-де возвращусь в Русь, много

даров пришло тебе: челядь, воск, и меха, и воинов в помощь». Отвечала Ольга через послов: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе». И отпустила послов с этими словами.

Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом, и учила его принять крещение, но он и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем. «Ибо для неверующих вера христианская юродство есть»; «Ибо не знают, не понимают те, кто ходят во тьме, и не ведают славы господней»; «Огрубели сердца их, с трудом уши их слышат, а очи видят». Ибо сказал Соломон: «Дела нечестивых далеки от разума»; «Потому что звал вас и не послушались меня, направил слова и не внимали мне, но отвергли мои советы и обличений моих не приняли»; «Возненавидели премудрость, а страха божьего не избрали для себя, не приняли совета моего, презрели все обличения мои». Так и Ольга часто говорила: «Я познала бога, сын мой, и радуюсь; если и ты познаешь — тоже станешь радоваться». Он же не внимал тому, говоря: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться». Она же сказала ему: «Если ты крестишься, то и все сделают то же». Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям, не зная, что кто матери не слушает — в беду впадет, как сказано: «Если кто отца или матери не слушает, то смерть примет». Святослав же притом гневался на мать. Соломон же сказал: «Поучающий злых наживет себе обиду, обличающий же нечестивого опорочит себя; ибо обличения нечестивых — язвы. Не обличай злых, чтобы не возненавидели тебя». Однако Ольга любила своего сына Святослава и говаривала: «Да будет воля божья; если захочет бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им в сердце то же желание обратиться к богу, что даровал и мне». И, говоря так, молилась за сына и за людей всякую ночь и день, руководя сыном до его возмужалости и до его совершеннолетия.

В год 6464 (956). В год 6465 (957). В год 6466 (958). В год 6467 (959). В год 6468 (960). В год 6469 (961). В год 6470 (962). В год 6471 (963).

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, долго нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он и шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, — такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал вятичам: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам — по щелягу с сохи даем».

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В год 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков.

В год 6476 (968). Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киеве. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города, и нельзя было ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогли люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях и стояли на том берегу, и нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из города к ним. И стали тужить люди в городе и сказали: «Нет ли ко-

го, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, — сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди той стороны (Днепра)». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь ли уж?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы их припугнуть. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы. Тот же дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города, и нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься,

а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав это, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рыбы». Отвечала ему Ольга: «Видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня?» — ибо она уже разболелась. И продолжала: «Когда похоронишь меня, — отправляйся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на открытом месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника — тот и похоронил блаженную Ольгу.

Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед светом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи; были тогда люди загрязнены грехами, не омыты святым крещением. Эта же омылась в святой купели, и сбросила с себя греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть в Христа. Мы же взываем к ней: «Радуйся, русское познание бога, начало нашего с ним примирения». Она первая из русских вошла в царство небесное, ее и восхваляют сыны русские — свою начинательницу, ибо и по смерти молится она богу за Русь. Ведь души праведных не умирают; как

сказал Соломон: «Веселится народ похваляемому праведнику»; память праведника бессмертна, так как признается он и богом и людьми. Здесь же ее все люди прославляют, видя, что она лежит много лет, не тронутая тлением; ибо сказал пророк: «Прославляющих меня прославлю». О таких ведь Давид сказал: «В вечной памяти будет праведник, не убоится дурной молвы; готово сердце его уповать на господя; утверждено сердце его и не дрогнет». Соломон же сказал: «Праведники живут вовеки; награда им от господя и попечение о них у всевышнего. Посему получают они царство красоты и венец доброты от руки господя, ибо он покроет их десницею и защитит их мышцею». Защитил ведь он и эту блаженную Ольгу от врага и супостата — дьявола.

В год 6478 (970). Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши — ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Он же ответил им: «Вот он вам». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец.

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть; постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невозмогу нам сопротив-

ляться вам, так возьми с нас дань и на всю свою дружину и скажи, сколько вас, чтобы разошлись мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», и прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамям земли Русской, но ляжем здесь костью, ибо мертвые не принимают позора. Если же победим — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и донныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями». Он же взял дары и пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном. И сказал он: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришлиде мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них — приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали

его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань сколько хочешь», ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою и меня», так как многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И отправил послов к царю в Доростол, где в это время находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенеги с нами в войне, и кто нам поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, — того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград». И была любя речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: «Хочу иметь полную любовь с греческим царем на все будущие времена». Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать. Говорил же он так:

«Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле Синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростоле, месяца июля, 14 индикта, в год 6479. Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и полную любовь с каждым великим царем греческим, с Василием и с Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не наведу иного народа на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим царям, а со мною бояре и все русские, да соблюдем мы прежний договор. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, — в Перуна и в Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и своим оружием посечены будем. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями».

Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и

не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и тут презимовал Святослав.

В год 6480 (972), когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было двадцать восемь.

В год 6481 (973). Начал княжить Ярополк.

В год 6482 (974).

В год 6483 (975). Однажды Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег и спросил своих: «Кто это?» И ответили ему: «Свенельдич». И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же. И поднялась оттого ненависть между Ярополком и Олегом, и постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: «Пойди на своего брата и захвати волость его».

В год 6484 (976).

В год 6485 (977). Пошел Ярополк походом на брата своего Олега в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполнились обе стороны. И в начавшейся битве победил Ярополк Олега. Олег же со своими воинами побежал в город, называемый Овруч, а через ров к городским воротам был перекинут мост, и люди, теснясь на нем, сталкивали друг друга вниз. И столкнули Олега с моста в ров. Много людей падало туда, причем кони давили людей. Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата, и искали его, но не нашли. И сказал один древлянин: «Видел я, как вчера спихнули его с моста». И послал Ярополк найти брата, и вытаскивали трупы изо рва с утра и до полдня, и нашли Олега под трупами; вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополк, плакал над ним и сказал Свенельду: «Смотри, этого ты и хотел!» И похоронили Олега в

поле у города Овруча, и есть могила его у Овруча и до сего времени. И наследовал власть его Ярополк. У Ярополка же была жена гречанка, а перед тем была она монахиней, в свое время привел ее отец его Святослав и выдал ее за Ярополка, красоты ради лица ее. Когда Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и владел один Русскою землею.

В год 6486 (978). В год 6487 (979).

В год 6488 (980). Владимир вернулся в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: «Идите к брату моему и скажите ему: «Владимир идет на тебя, готовься с ним биться». И сел в Новгороде.

И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять себе в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?» Она же ответила: «Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка». Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды — дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов — варягов, славян, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены.

И пошел на Ярополка. И пришел Владимир к Киеву с большим войском, а Ярополк не смог выйти ему навстречу и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом, и стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче — между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду — воеводе Ярополка — с лживыми словами: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись

этого, выступил против него». И сказал Блуд послам Владимировым: «Буду с тобой в любви и дружбе». О злая ложь человеческая! Как говорит Давид: «Человек, который ел хлеб мой, поднял на меня ложь». Этот же обманом задумал коварство против своего князя. И еще: «Языком своим льстили. Осуди их, боже, да откажутся они от замыслов своих; по множеству нечестия их отвергни их, ибо прогневали они тебя, господи». И еще сказал тот же Давид: «Муж скорый на кровопролитие и коварный не доживет и до половины дней своих». Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие; безумцы те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить жизнь своего князя; хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь: потому и виновен он в крови той. Засел Блуд в осаду вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, так как, опасаясь горожан, открыто его убить он не мог. Сам же Блуд не мог никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: «Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: «Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка». Беги же из города». И послушался его Ярополк, выбежал из Киева и затворился в городе Родне в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был там жестокий голод, так что ходит поговорка и до наших дней: «Беда как в Родне». И сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим», — так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: «Пусть так!» И послал Блуд к Владимиру со словами: «Сбылась-де мысль твоя, приведу-де к тебе Ярополка: приготовься убить его». Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором

мы уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И говорил Блуд Ярополку: «Пойди к брату своему и скажи ему: «Что ты мне ни дашь, то я и приму». Ярополк пошел, а Варяжко говорил ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов», и не послушал его Ярополк. И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазуху. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того теремного к печенегам и часто воевал с печенегами против Владимира, с трудом привлек его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание. Владимир же стал жить с женою своего брата — гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов; от Ярополка и от Владимира.

Однажды, уже после, сказали варяги Владимиру: «Это наш город, мы его захватили, — хотим взять выкуп с горожан по две гривны с человека». И сказал им Владимир: «Подождите с месяц, пока соберут вам куны». И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варяги: «Обманул нас, так отпусти в Греческую землю». Он же ответил им: «Идите». И выбрал из них мужей добрых, умных и храбрых и роздал им города; остальные же отправились в Царьград к грекам. Владимир же еще прежде них отправил послов к царю с такими словами: «Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного».

И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Пе-

руна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот. Но преблагий бог не хочет гибели грешников, и на том холме стоит ныне церковь святого Василия, как расскажем об этом после. Теперь же возвратимся к прежнему. Владимир посадил Добрыню, своего дядю, в Новгороде. И, придя в Новгород, Добрыня поставил кумира над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы как богу.

Был же Владимир побежден вожделением, и вот какие были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится селцо Предславино, от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини — Вышеслава, а еще от одной жены — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба, а наложниц было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести на Берестове, в селце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было семьсот жен и триста наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение. «Велик господь, и велика крепость его, и разуму его нет конца!» Женское прельщение — зло; вот как, покаявшись, сказал Соломон о женах: «Не внимай злой жене; ибо мед каплет с уст ее, жены любодейной; мгновение только наслаждает гортань твою, после же горче желчи найдешь его... Сближающиеся с ней пойдут после смерти в ад. По пути жизни не идет она, распутная жизнь ее неблагоприятна». Вот что сказал Соло-

мон о прелюбодейках; а о добрых женах сказал он так: «Дороже она многоценного камня. Радуется на нее муж ее. Ведь делает она жизнь его счастливой. Достав шерсть и лен, делает все необходимое руками своими. Она, как купеческий корабль, занимающийся торговлей, издалека собирает себе богатство, и встает еще ночью, и раздает пищу в доме своем и урочное рабыням своим. Увидев поле — покупает: от плодов рук своих насадит пашню. Крепко подпоясав стан свой, укрепит мышцы свои на дело. Она чувствует, что трудиться хорошо, и не угасает светильник ее всю ночь. Руки свои протягивает к полезному, локти свои устремляет к веретену. Руки свои протягивает бедному, плод подает нищему. Не заботится муж ее о доме своем, потому что, где бы он ни был, — все домашние ее одеты будут. Двойные одежды сделает мужу своему, а червленые и багряные одеяния — для самой себя. Муж ее замечен всем у ворот, когда сядет на собрании со старейшинами и жителями земли. Покрывала сделает она и отдаст в продажу. Уста же свои открывает с мудростью, когда следует говорить языком своим. В силу и в красоту облеклась она. Милости ее превозносят дети ее и ублажают ее; муж хвалит ее. Благословенна разумная жена, ибо похвалит она страх божий. Дайте ей от плода уст ее, и да прославят мужа ее у ворот».

В год 6489 (981). Пошел Владимир на поляков и захватил города их, Перемышль, Червен и другие города, которые и доныне под Русью. В том же году победил Владимир и вятичей и возложил на них дань — с каждого плуга, как и отец его брал.

В год 6490 (982). Поднялись вятичи войною, и пошел на них Владимир и победил их вторично.

В год 6491 (983). Пошел Владимир против ятвягов, и победил ятвягов, и взял их землю. И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отроков и де-

виц, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам». Был тогда варяг один, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и исповедовал христианскую веру. И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий, по зависти дьявола. Ибо не терпел его дьявол, имеющий власть над всеми, а этот был ему как терние в сердце, и пытался стубить его окаянный и натравил людей. И посланные к нему, придя, сказали: «На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, чтобы мы принесли жертву богам». И сказал варяг: «Не боги это, а простое дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны человеческими руками из дерева. Бог же один, ему служат греки и поклоняются; сотворил он небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и предназначил его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам». Посланные ушли и поведали обо всем людям. Те же схватили оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял на сенях с сыном своим. Сказали ему: «Дай сына своего, да принесем его богам». Он же ответил: «Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?» И кликнули, и подсекли под ними сени, и так их убили. И не ведает никто, где их положили. Ведь были тогда люди невежды и нехристи. Дьявол же радовался тому, не зная, что близка уже его погибель. Так пытался он погубить весь род христианский, но прогнан был честным крестом из иных стран. «Здесь же, — думал окаянный, — обрету себе жилище, ибо здесь не учили апостолы, здесь и пророки ничего не предрекли», не зная, что пророк сказал: «И назову людей не моих моими людьми»; об апостолах же сказано: «По всей земле разошлись речи их, и до конца вселенной — слова их». Если и не

были здесь апостолы сами, однако учения их как трубные звуки раздаются в церквах по всей вселенной: их учением побеждаем врага — дьявола, попирая его под ноги себе, как попрали и эти два праведника, приняв венец небесный наравне со святыми мучениками и праведниками.

В год 6492 (984). Пошел Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста вперед себя, и встретил тот радимичей на реке Пищане, и победил радимичей Волчий Хвост. Оттого и дразнят русские радимичей, говоря: «Пищанцы волчьего хвоста бегают». Были же радимичи от рода ляхов, пришли и обосновались тут и платят дань Руси, повоз везут и донныне.

В год 6493 (985). Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать — пойдем, поищем себе лапотников». И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть». И вернулся Владимир в Киев.

В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует невозбранно предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен

и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание, воздержание от свиного мяса и от питья; и сказал он: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть». Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: «Пришли мы, посланные папой», и обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера наша не похожа на твою, так как наша вера — свет; кланяемся мы богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги — просто дерево». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе; «если кто пьет или ест, то все это во славу божию», — как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир немцам: «Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей веро. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого бога Авраама, Исаака и Иакова». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?» Они же ответили «Обрезываться, не есть свинины и заячины, хранить субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». Снова спросил он: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты богом и рассеяны? Если бы бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Затем прислали греки к Владимиру философа со следующими словами: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру; вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содомы и Гоморры, на которых напустил господь горящий камень и затопил

их, и потонули, так вот и этих ожидает день погибели их, когда придет бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверны. Ибо, подмывшись, вливают эту воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и еще даже бóльшую...» Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечисто это дело». Сказал же философ: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима проповедовать у вас веру свою. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: «Сие есть тело мое, ломимое за вас...» Так же и чашу взял и сказал: «Сия есть кровь моя нового завета». Те же, которые не творят этого, неправильно веруют». Сказал же Владимир: «Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого они распяли». Философ ответил: «Во истину веруем в того; их же самих пророки предсказывали, что родится бог, а другие — что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, когда сошел он на землю, был он распят и, воскреснув, поднялся на небеса, ожидал бог покаяния от них сорок шесть лет, но не покаялись, и тогда послал на них римлян, и римляне разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве». Владимир спросил: «Зачем же сошел бог на землю и принял такое страдание?» Ответил же философ: «Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем бог сошел на землю». Владимир же сказал: «Рад послушать». И начал философ говорить... И, сказав это, философ показал Владимиру занавес, на котором написано было судилище господне, направо указал ему на праведных, в веселии идущих в рай, а налево — грешников, идущих на

мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева». Философ же сказал: «Если хочешь с праведниками справа стать, то крестись». Владимиру же запала на сердце мысль эта, и сказал он: «Подожду еще немного», желая разузнать о всех верах. И дал ему Владимир многие дары и отпустил его с честью великою.

В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь в самом деле разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, какая у них служба и кто как служит богу». И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их». Они же отправились, и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил их: «Зачем пришли?» Они же рассказали ему все. Услышав их рассказ, царь обрадовался и в тот же день сотворил им честь великую. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему:

«Пришли русские испытывать веру нашу, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила возожгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дяконов и рассказав им о служении богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цари Василий и Константин, и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними», — и обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо».

И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушались его. Владимир же, изготавив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. И когда насыпали они, корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю, и носили ее себе в город, и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это, — крещусь!» И тотчас же повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своею и послал к царям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цари, и послали ему весть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное восприимешь, и с нами единовверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И рады были цари, услышав это, и упростили сестру свою, именем Анну, и послали

к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Придите с сестрою вашею и тогда крестите меня». И послушались цари и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела идти, говоря: «Иду, как в полон, лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит тобою бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же если не пойдешь, то сделают и нам то же». И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами и не видел ничего, и скорбел сильно и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избудешь недуга своего». Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел Владимир. Владимир же, ощутив свое внезапное исцеление, прославил бога: «Теперь узнал я истинного бога». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсунни посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем. По крещении же Владимира привели царицу для совершения брака. Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят — в Васильеве, а другие и по иному скажут...

После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные и иконы на благословение себе. Поставил и церковь в Корсуну на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи; стоит церковь та и донныне. Отправляясь, захватил он и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы и про которых невежды думают, что они мраморные, Корсунь же отдал грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идола — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, — чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, господи, и чудны дела твои!» Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его». А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья отмель, как зовется она и до сих пор. Затем послал Владимир по всему городу сказать: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, — будет мне врагом». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими

на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стеная: «Увы мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не буду уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, господи, познать тебя, истинного бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу». И сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых.

Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные, и ясен будет язык косноязычных». Не слышали они раньше учения книжного, но по божьему устройению и по милости своей помиловал их бог; как сказал пророк: «Поми-

люю, кого хочу». Ибо помиловал нас святым крещением и обновлением духа, по божьему изволению, а не по нашим делам. Благословен господь Иисус Христос, возлюбивший Русскую землю и просветивший ее крещением святым. Вот почему и мы поклоняемся ему, говоря: «Господь Иисус Христос! Чем смогу воздать тебе за все, что воздал нам грешным? Не знаем, какое воздаяние дать тебе за дары твои»...

И просветился Владимир сам, и сыновья его, и земля его. Было же у него двенадцать сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове. Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил в нем Ярослава, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянской земле, Всеволода во Владимире, Мстислава в Тмуторокани. И сказал Владимир: «Нехорошо, что мало городов около Киева». И стал ставить города по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей и ими населил города, так как была война с печенегами. И воевал с ними и побеждал их.

В год 6497 (989). Затем жил Владимир в христианском законе, и задумал создать церковь пресвятой богородице, и послал привести мастеров из Греческой земли. И начал ее строить, и, когда кончил строить, украсил ее иконами, и поручил ее Анастасу Корсунянину, и поставил служить в ней корсунских священников, дав ей все, что взял перед этим в Корсуну: иконы, сосуды и кресты.

В год 6499 (991). Владимир заложил город Белгород, и набрал для него людей из иных городов, и свел в него много людей, ибо любил город тот.

В год 6500 (992). Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли пе-

ченеги по той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четьрьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, — испытай меня: нет ли большого и сильного быка?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили быка. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Где же муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И раз-

мерили место между обоими войсками и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

В год 6502 (994). В год 6503 (995).

В год 6504 (996). Увидел Владимир, что церковь построена, вошел в нее и помолился богу, говоря так: «Господи боже! Взгляни с неба, и воззри. И посети сад свой. И охрани то, что насадила правая рука твоя — новых людей этих, сердце которых ты обратил к истине познать тебя, бога истинного. Взгляни на церковь твою, которую создал я, недостойный раб твой, во имя родившей тебя матери приснодевы богородицы. Если кто будет молиться в церкви этой, то услышь молитву его, заступление ради пречистой богородицы». И, помолившись богу, сказал он так: «Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов». И уставил так, написав завет в церкви этой в следующих словах: «Если кто отменит это, — да будет проклят». И дал десятую часть Анастасу Корсунянину. И устроил в тот день праздник великий боярам и старцам градским, а бедным роздал много богатства.

Затем пришли печенеги к Васильеву, и вышел против них Владимир с небольшою дружиною. И схватились, и не смог устоять против них Владимир, побежал и стал под мостом, едва укрывшись от врагов. И дал тогда Владимир обещание поставить церковь в Васильеве во имя святого Преображения, ибо было в тот день, когда произошла та сеча, Преображение господне. Избегнув опасности, Владимир, точно, по-

строил церковь и устроил великое празднование, наварив меду триста мер. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов и всяких людей много, и роздал бедным триста гривен. Праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев в день Успенья святой богородицы, и здесь вновь устроил великое празднование, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его христиане, радовался душой и телом. И так делал постоянно. И так как любил книжное чтение, то услышал он однажды Евангелие: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут»; и еще: «Продайте именья ваши и раздайте нищим»; и еще: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на небе, где моль не истребляет их и воры не крадут»; и слова Давида: «Благословен человек, который милует и займы дает»; слышал он и слова Соломона: «Благотворящий бедному дает займы богу». Слышав все это, повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньгами. Устроил он и такое: сказав, что «неможные и больные не могут добраться до двора моего», приказал снарядить телеги и, наложив на них хлеба, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?» И раздавали тем все необходимое. И еще нечто большее делал он для людей своих: каждое воскресенье решил он на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридям, и сотским, и десятским, и лучшим мужам — и при князе и без князя. Бывало там множество мяса — говядины и дичины, — было в изобилии всякое яство. Когда же, бывало, подопьются, то начнут роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, Владимир повелел ис-

ковать серебряные ложки, сказав так: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра». Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны, и жил в мире с окрестными князьями — с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андрихом Чешским. И были между ними мир и любовь. Владимир же жил в страхе божьем. И сильно умножились разбой, и сказали епископы Владимиру: «Вот умножились разбойники; почему не наказываешь их?» Он же ответил: «Боюсь греха». Они же сказали ему: «Ты поставлен богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе наказывать разбойников, но по проверке». Владимир же отверг виры и начал наказывать разбойников, и сказали епископы и старцы: «Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и на коней». И сказал Владимир: «Пусть так». И жил Владимир по заветам отца и деда.

В год 6505 (997). Пошел Владимир к Новгороду за северными воинами против печенегов, так как была в это время непрерывная великая война. Узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было много множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? — Сдадимся печенегам — кого пусть оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: «Зачем было вече?» И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что

хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром и вылили в латки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские и подивились. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси.

- В год 6506 (998). В год 6507 (999).
 В год 6508 (1000). Преставилась Малфрида. В то же лето преставилась и Рогнеда, мать Ярослава.
 В год 6509 (1001). Преставился Изяслав, отец Брячислава, сын Владимира.
 В год 6510 (1002).
 В год 6511 (1003). Преставился Всеслав, сын Изяслава, внук Владимира.
 В год 6512 (1004). В год 6513 (1005). В год 6514 (1006).
 В год 6515 (1007). Перенесены святые в церковь святой Богородицы.
 В год 6516 (1008). В год 6517 (1009). В год 6518 (1010).
 В год 6519 (1011). Преставилась Владимирова царица Анна.
 В год 6520 (1012). В год 6521 (1013).
 В год 6522 (1014). Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав не давал этого в Киев отцу своему. И сказал Владимир: «Расчищайте пути и мостите мосты», ибо хотел идти войною на Ярослава, на сына своего, но разболелся.
 В год 6523 (1015). Когда Владимир собрался идти против Ярослава, Ярослав, послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего; но бог не дал дьяволу радости. Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис. Между тем половцы пошли походом на Русь, Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день. Умер он на Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили веревками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам когда-то построил. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем — бояре как по заступнике страны, бедные же

как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, похоронили тело его, блаженно-го князя, с плачем.

То новый Константин великого Рима; как тот крестился сам и людей своих крестил, так и этот поступил так же. Если и обращался он прежде к скверной страсти, однако после усердствовал в покаянии, по слову апостола: «Где умножится грех, там преизобилует благодать». Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле, крестив ее. Мы же, став христианами, не воздаем ему почестей, равных его делу. Ибо если бы он не крестил нас, то и ныне бы еще пребывали в заблуждении дьявольском, в котором и прародители наши погибли. Если бы имели мы усердие и молились за него богу в день его смерти, то бог, видя наше усердие к нему, прославил бы его: нам ведь следует молить за него бога, так как через него познали мы бога. Пусть же господь воздаст тебе по желанию твоему и все просьбы твои исполнит — о царствии небесном, которого ты и хотел. Пусть даст тебе господь царство небесное вместе с праведными, услаждение пищей райской и ликование с Авраамом и другими патриархами, по слову Соломона: «Со смертью праведника не погибнет надежда».

Вот почему память его чтут русские люди, вспоминая святое крещение, и прославляют бога молитвами, песнями и псалмами, воспевая их господу, новые люди, просвещенные святым духом, ожидая надежды нашей, великого бога и Спаса нашего Иисуса Христа; он придет воздать каждому по трудам его неизреченную радость, которую предстоит получить всем христианам.

Об убиении Бориса. Святополк сел в Киеве по смерти отца своего, и созвал киевлян, и стал давать им подарки. Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом. Когда Борис уже возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: «Отец у тебя умер».

И плакался по отце горько, потому что любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты. Сказала же ему дружина отцовская: «Вот у тебя отцовская дружина и войско. Пойди, сядь в Киеве на отцовском столе». Он же отвечал: «Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца». Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался стоять с одними своими отроками. Между тем Святополк, исполнившись беззакония, воспринял мысль Каинову и послал сказать Борису: «Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к полученному от отца владению», но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: «Преданы ли вы мне всем сердцем?» Отвечали же Путша с вышгородцами: «Согласны головы свои сложить за тебя». Тогда он сказал им: «Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса». Те же обещали ему немедленно исполнить это. О таких сказал Соломон: «Спешат они на пролитие крови без правды. Ибо принимают они участие в пролитии крови и навлекают на себя несчастья. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, ибо нечестием изымают свою душу». Посланные же пришли на Альту ночью, и когда подступили ближе, то услышали, что Борис поет заутреню, так как пришла ему уже весть, что собираются погубить его. И, встав, начал он петь: «Господи! За что умножились враги мои! Многие восстают на меня»; и еще: «Ибо стрелы твои вонзились в меня; ибо я готов к бедам, и скорбь моя предо мною»; и еще говорил он: «Господи! Услышь молитву мою и не входи в суд с рабом твоим, потому что не оправдается пред тобой никто из живущих, так как преследует враг душу мою». И, окончив шестопсалмие и увидев, что пришли посланные убить его, начал петь псалмы: «Обступили меня тельцы туч-

ные... Скопище злых обступило меня»; «Господи, боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонителей моих избавь меня». Затем начал он петь канон. А затем, кончив заутреню, помолился и сказал так, смотря на икону, на образ владыки: «Господи Иисусе Христе! Как ты в этом образе явился на землю ради нашего спасения, собственною волею дав пригвоздить руки свои на кресте, и принял страдание за наши грехи, так и меня сподобь принять страдание. Я же не от врагов принимаю это страдание, но от своего же брата, и не вмени ему, господи, это в грех». И, помолвившись богу, возлег на постель свою. И вот напали на него, как звери дикие, из-за шатра, и наставили на него копья, и пронзили Бориса, а вместе с ним пронзили и слугу его, который, защищая, прикрыл его своим телом. Ибо был он любимец Бориса. Был отрок этот родом венгр, по имени Георгий; Борис его сильно любил, и возложил он на него гривну золотую большую, в которой он и служил ему. Убили они и многих других отроков Бориса. С Георгия же с этого не могли они быстро снять гривну с шеи, и отсекли голову его, и только тогда сняли гривну, а голову отбросили прочь; поэтому-то впоследствии и не обрели тела его среди трупов. Убив же Бориса, окаянные завернули его в шатер, положили на телегу и повезли, а он еще дышал. Святополк же окаянный, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его. Когда те пришли и увидели, что он еще жив, то один из них извлек меч и пронзил его в сердце. И так скончался блаженный Борис, приняв с другими праведниками венец вечной жизни от Христа бога, сравнившись с пророками и апостолами, пребывая с сонмом мучеников, почивая на лоне Авраама, видя неизреченную радость, распевая с ангелами и веселясь со святыми. И положили тело его в церкви Василия, тайно принеся его в Вышгород. Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, точ-

но хвалу возымеv от людей, беззаконники. Вот имена этих законопреступников: Путша, Талец, Еловит, Ляшко, а отец им всем сатана. Ибо такие бывают слуги-бесы; бесы ведь посылаются на злое, ангелы же посылаются для добрых дел. Ангелы ведь не творят человеку зла, но добра ему желают постоянно, особенно же помогают христианам и защищают их от супостата-дьявола; а бесы уловляют человека на злое, завидуя ему; и так как видят, что человек от бога в чести, — потому и завидуют, а посылаемые на злое — скоры на его выполнение. Злой человек, усердствуя злomu делу, хуже беса, ибо бесы бога боятся, а злой человек ни бога не боится, ни людей не стыдится; бесы ведь и креста господня боятся, а человек злой и креста не боится.

Святополк же окаянный стал думать: «Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба?» И, замыслив Каиново дело, послал, обманывая, гонца к Глебу, говоря так: «Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен». Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле споткнулся конь его на рытвине и повредил себе немного ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко, и стал на Смядыне в насаде. В это же время пришла от Предславы весть к Ярославу о смерти отца и послал Ярослав сказать Глебу: «Не ходи: отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком». Услыхав это, Глеб громко возопил со слезами, плачась по отце, но еще больше по брате, и стал молиться со слезами, говоря так: «Увы мне, господи! Лучше было бы мне умереть с братом, нежели жить на свете этом. Если бы видел я, брат мой, лицо твое ангельское, то умер бы с тобою: ныне же зачем остался я один? Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу тихого твоего наставления. Если доходят молитвы твои к богу, то помолись обо мне, чтобы и я

принял ту же мученическую кончину. Лучше бы было мне умереть с тобою, чем в свете этом обманчивом жить». И когда он так молился со слезами, внезапно пришли посланные Святополком погубить Глеба. И тут вдруг захватили посланные корабль Глебов, и обнажили оружие. Отроки же Глебовы пали духом. Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба. Повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка. Так был принесен он в жертву богу, вместо благоуханного фимиама жертва разумная, и принял венец царствия божия, войдя в небесные обители, и увидел там желанного брата своего, и радовался с ним неизреченною радостью, которой достиг своим братолюбием. «Как хорошо и как прекрасно жить братьям вместе!» Окаянные же возвратились назад, как сказал Давид: «Да возвратятся грешники в ад». Когда же они пришли, сказали Святополку: «Сделали приказанное тобою». Он же, услышав это, возгордился еще больше, не ведая, что Давид сказал: «Что хвалишься злодейством, сильный? Весь день беззаконие... умышляет язык твой».

Итак, Глеб был убит, и был он брошен на берегу между двумя колодами, затем же, взяв его, увезли и положили его рядом с братом его Борисом в церкви святого Василия.

И соединились они телами, а сверх того и душами, пребывая у владыки, царя всех, в радости бесконечной, в свете неизреченном и подавая дары исцеления Русской земле и всех приходящих с верою из иных стран исцеляя: хромым давая ходить, слепым давая прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, темницам отверзение, печальным утешение, гонимым избавление. Заступники они за Русскую землю, светильники сияющие и вечно молящиеся владыке богу о своих людях. Вот почему и мы должны достойно восхвалять страстотерпцев этих Хри-

стовых, прилежно молясь им со словами: «Радуйтесь, страстотерпцы Христовы, заступники Русской земли, подающие исцеление приходящим к вам с верою и любовью. Радуйтесь, небесные обитатели, были вы ангелами во плоти, единомысленными служителями богу, единообразной четой, святым единокорной; поэтому и подаете вы исцеление всем страждущим. Радуйтесь, Борис и Глеб богомудрые, источаете вы как бы струи из колодца живоносной воды исцеления, истекают они верным людям на выздоровление. Радуйтесь, поправшие коварного змея, явившиеся подобно лучам светозарным, как светила, озаряющие всю Русскую землю, всегда тьму отгоняющие верою непреклонною. Радуйтесь, заслужившие незасыпающее око, души свои к исполнению святых божьих заповедей в сердцах своих склонившие, блаженные. Радуйтесь, братья, вместе пребывающие в местах светозарных, в селениях небесных, в неувядаемой славе, обладания которой удостоились. Радуйтесь, явно для всех осиянные божественным светом, весь мир обошедшие, бесов отгоняющие, недуги исцеляющие, светильники добрые, заступники теплые, с богом пребывающие, божественными лучами всегда озаряемые, мужественные страстотерпцы, просвещающие души верным людям. Возвысила вас светоносная небесная любовь; через нее вы и наследовали все красоты небесного жития, славу и райскую пищу, и свет разума, прекрасные радости. Радуйтесь, потому что наполняете вы все сердца, горести и болезни отгоняете, страсти злые исцеляете; каплями крови своей святой обагрили вы багряницу, прославленные, ибо, ее нося прекрасно, с Христом царствуете всегда, молясь за новых христианских людей и сродников своих. Благословилась земля Русская кровью вашею и мощами, покоящимися в церкви, просвещаете вы церковь эту духом божественным, в ней же с мучениками, как мученики, молитесь вы за людей своих. Радуйтесь, свет-

лые звезды, утром восходящие! Христолюбивые же страстотерпцы и заступники наши! Покорите поганых под ноги князьям нашим, молясь владыке богу нашему, чтобы пребывали они в мире, в единении и в здравье, избавляя их от усобных войн и от пронырства дьявола, удостоите и нас того же, поющих вам и почитающих ваше славное торжество, во вся веки до скончания мира».

Святополк же окаянный и злой убил Святослава, послав к нему к горе Угорской, когда тот бежал в Угры. И стал Святополк думать: «Перебыю всех своих братьев и стану один владеть Русскою землею». Так думал он в гордости своей, не зная, что «бог дает власть кому хочет, ибо поставляет всевышний цесаря и князя, каких захочет дать». Если же какая-нибудь страна станет угодной богу, то ставит ей бог цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судью, судящего суд. Ибо если князь справедлив в стране, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло насылает бог на страну ту, потому что князь глава земли. Ибо так сказал Исайя: «Согрешили от головы и до ног», то есть от цесаря и до простых людей. «Горе городу тому, в котором князь юн», любящий пить вино под звуки гуслей вместе с молодыми советниками. Таких князей дает бог за грехи, а старых и мудрых отнимает, как сказал Исайя: «Отнимет господь у Иерусалима крепкого исполина и храброго мужа, и судью, и пророка, и смиренного старца, и дивного советника, и мудрого художника, и разумного, живущего по закону». «И дам им юношу князя, и обидчика поставлю обладать ими».

Святополк же окаянный стал княжить в Киеве. Созвав людей, стал он им давать кому плащи, а другим деньгами, и роздал много богатства. Ярослав же не знал еще об отцовской смерти и было у него множество варягов, и творили они насилие новгородцам и же-

нам их. Новгородцы восстали и перебили варягов во дворе Поромоньем. И разгневался Ярослав и пошел в село Ракомо, сел там во дворе. И послал к новгородцам сказать: «Мне уже тех не воскресить». И призвал к себе лучших мужей, которые перебили варягов, и, обманув их, перебил в свой черед. В ту же ночь пришла ему весть из Киева от сестры его Предславы: «Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, а на Глеба послал, берегись его очень». Услышав это, печален был Ярослав и об отце, и о братьях, и о дружине. На другой день, собрав остаток новгородцев, сказал Ярослав: «О милая моя дружина, которую я вчера перебил, а сегодня она оказалась нужна». Утер слезы и обратился к ним на вече: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и убивает братьев своих». И сказали новгородцы: «Хотя, князь, и иссчены братья наши, — можем за тебя бороться!» И собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов сорок тысяч, и пошел на Святополка, призвав бога в свидетели своей правды и сказав: «Не я начал избивать братьев моих, но он; да будет бог мстителем за кровь братьев моих, потому что без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба. Пожалуй, и со мной то же сделает? Рассуди меня, господи, по правде, да прекратятся злодеяния грешного». И пошел на Святополка. Услышав же, что Ярослав идет, Святополк собрал бесчисленное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу на тот берег Днепра, а Ярослав был на этом.

Начало княжения Ярослава в Киеве. В год 6524 (1016). Пришел Ярослав на Святополка, и стали по обе стороны Днепра, и не решались ни эти на тех, ни те на этих, и стояли так три месяца друг против друга. И стал воевода Святополка, разъезжая по берегу, укорять новгородцев, говоря: «Что пришли с хромцом этим? Вы ведь плотники. Поставим вас хоромы наши рубить!» Слыша это, сказали новгородцы Яро-

славу, что «завтра мы переправимся к нему; если кто не пойдет с нами, сами ударим на него». Наступили уже заморозки. Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиной своей. Ярослав же с утра, исполчив дружину свою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, оттолкнули ладьи от берега, и пошли против неприятелей, и сошлись в схватке. Была сеча жестокая, и не могли из-за озера печенеги помочь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили на лед, и подломился под ними лед, и стал одолевать Ярослав, видел же это, Святополк побежал, и одолел Ярослав. Святополк же бежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском. И было тогда Ярославу двадцать восемь лет.

В год 6525 (1017). Ярослав пошел в Киев, и погорели церкви.

В год 6526 (1018). Пришел Болеслав на Ярослава со Святополком и с поляками. Ярослав же, собрав русь, и варягов, и словен, пошел против Болеслава и Святополка и пришел к Вольню, и стали они по обеим сторонам реки Буга. И был у Ярослава кормилец и воевода, именем Буда, и стал он укорять Болеслава, говоря: «Проткнем тебе колом брюхо твое толстое». Ибо был Болеслав велик и тяжек, так что и на коне не мог сидеть, но зато был умен. И сказал Болеслав дружине своей: «Если вас не оскорбляет попрек этот, то погибну один». Сев на коня, въехал он в реку, а за ним воины его, Ярослав же не успел исполчиться, и победил Болеслав Ярослава. И убежал Ярослав с четырьмя мужами в Новгород. Болеслав же вступил в Киев со Святополком. И сказал Болеслав: «Разведите дружину мою по городам на покорм»; и было так. Ярослав же, прибежав в Новгород, хотел бежать за море, но посадник Константин, сын Добрыни, с новгородцами рассек ладьи Ярославовы, говоря: «Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком». Стали собирать деньги от мужа по четыре куны, а от ста-

рост по десять гривен, а от бояр по восемнадцати гривен. И привели варягов и дали им деньги, и собрал Ярослав воинов много. Когда же Болеслав сидел в Киеве, окаянный Святополк сказал: «Сколько есть поляков по городам, избивайте их». И перебили поляков. Болеслав же побежал из Киева, забрав богатства и бояр Ярославовых и сестер его, а Анастаса — попа Десятинной церкви — приставил к этим богатствам, ибо тот обманом вкрался ему в доверие. И людей множество увел с собою, и города Червенские забрал себе, и пришел в свою землю. Святополк же стал княжить в Киеве. И пошел Ярослав на Святополка, и бежал Святополк к печенегам.

В год 6527 (1019). Пришел Святополк с печенегами в силе грозной, и Ярослав собрал множество воинов и вышел против него на Альту. Ярослав стал на место, где убили Бориса, и, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего вопиет к тебе, владыка! Отомсти за кровь праведника сего, как отомстил ты за кровь Авеля, возложив на Каина стенание и трепет: так возложи и на этого». Помолился и сказал: «Братья мои! Хоть и отошли вы телом отсюда, но молитвою помогите мне против врага сего — убийцы и гордеца». И когда сказал так, двинулись противники друг на друга, и покрыло поле Альтинское множество воинов. Была же тогда пятница, и всходило солнце, и сошлись обе стороны, и была сеча жестокая, какой не бывало на Руси, и, за руки хватаясь, рубились, и сходились трижды, так что текла кровь по низинам. К вечеру же одолел Ярослав, а Святополк бежал. И когда бежал он, напал на него бес, и расслабили все члены его, и не мог он сидеть на коне, и несли его на носилках. И бежавшие с ним принесли его к Берестью. Он же говорил: «Бегите со мной, гонятся за нами». Отроки же его посылали посмотреть: «Гонится ли кто за нами?» И не было никого, кто бы гнался за ними, и дальше бежали с ним. Он же лежал немощен и, привставая, говорил: «Вот уже

гонятся, ой, гонятся, бегите». Не мог он вытерпеть на одном месте и пробежал он через Польскую землю, гонимый Божиим гневом, и прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией, и там бедственно окончил жизнь свою. «Праведный суд постиг его, неправедного, и после смерти принял он муки окаянного: показало очевидно... посланная на него богом пагубная кара безжалостно предала его смерти», и по отшествии от сего света, связанный, вечно терпит муки. Есть могила его в том пустынном месте и до сего дня. Исходит из нее смрад ужасен. Все это бог явил в поучение князьям русским, чтобы если еще раз совершат такое же, уже слышав обо всем этом, то такую же казнь примут, и даже еще большую той, потому что совершат такое злое убийство, уже зная обо всем этом. Семь казней принял Каин, убив Авеля, а Ламех семьдесят, потому что Каин не знал, что придется принять мщение от бога, а Ламех совершил убийство, уже зная о казни, постигшей прародителя его. «Ибо сказал Ламех женам своим: «Мужа убил во вред мне и, юношу убив, нанес сам себе беду, потому, сказал он, и семьдесят мщений положено мне, что, зная обо всем, сотворил я это». Ламех убил двух братьев Еноховых и взял себе жен их; этот же Святополк — новый Авимелех, родившийся от прелюбодеяния и избивший своих братьев, сыновей Гедеоновых; так и свершилось. Ярослав же сел в Киеве, утер пот с дружиною своею, показав победу и труд велик.

В год 6528 (1020). Родился у Ярослава сын, и нарек имя ему Владимир.

В год 6529 (1021). Пришел Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, на Новгород, и взял Новгород, и, захватив новгородцев и имущество их, пошел к Полоцку снова. И когда пришел он к Судомири-реке, и Ярослав из Киева на седьмой день нагнал его тут. И победил Ярослав Брячислава, и новгородцев воротил в Новгород, а Брячислав бежал к Полоцку.

В год 6530 (1022). Пришел Ярослав к Берестью. В то же время Мстислав находился в Тмуторокани и пошел на касогов. Услышав же это, князь касожский Редедя вышел против него. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради погубим дружины? Но сойдемся, чтобы побороться самим. Если одолеешь ты, возьмешь богатства мои, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое все». И сказал Мстислав: «Да будет так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, но борьбою». И схватились бороться крепко, и в долгой борьбе стал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая богородица, помоги мне! Если же одолею его, воздвигну церковь во имя твое». И, сказав так, бросил его на землю. И выхватил нож, и зарезал Редедю. И, пойдя в землю его, забрал все богатства его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, придя в Тмуторокань, заложил церковь святой Богородицы и воздвиг ту, что стоит и до сего дня в Тмуторокани.

В год 6531 (1023). Пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами.

В год 6532 (1024). Когда Ярослав был в Новгороде, пришел Мстислав из Тмуторокани в Киев, и не приняли его киевляне. Он же пошел и сел на столе в Чернигове; Ярослав же был тогда в Новгороде. В тот же год восстали волхвы в Суздале; по дьявольскому наущению и бесовскому действию избивали старшую чадь, говоря, что они держат запасы. Был мятеж великий и голод по всей той стране; и пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба, и так ожили. Ярослав же, услышав о волхвах, пришел в Суздаль; захватив волхвов, одних изгнал, а других казнил, говоря так: «Бог за грехи посылает на всякую страну голод, или мор, или засуху, или иную казнь, человек же не знает, за что». И, возвратившись, пришел Ярослав

в Новгород и послал за море за варягами. И пришел Якун с варягами, и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан. И пришел к Ярославу, и пошел Ярослав с Якуном на Мстислава. Мстислав же, услышав, вышел против них к Листвену. Мстислав же с вечера исполнил дружину и поставил северян прямо против варягов, а сам стал с дружиною своею по обеим сторонам. И наступила ночь, была тьма, молния, гром и дождь. И сказал Мстислав дружине своей: «Пойдем на них». И пошли Мстислав и Ярослав друг на друга, и схватилась дружина северян с варягами, и трудились варяги, рубя северян, и затем двинулся Мстислав с дружиною своею и стал рубить варягов. И была сеча сильна, и когда сверкала молния, блистало оружие, и была гроза велика и сеча сильна и страшна. И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море. Мстислав же чуть свет, увидев лежащими посеченных своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела». И послал Мстислав за Ярославом, говоря: «Садись в своем Киеве: ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона Днепра». И не решился Ярослав идти в Киев, пока не помирились. И сидел Мстислав в Чернигове, а Ярослав в Новгороде, и были в Киеве мужи Ярослава. В тот же год родился у Ярослава еще сын, и нарек имя ему Изяслав.

В год 6534 (1026). Ярослав собрал воинов многих, и пришел в Киев, и заключил мир с братом своим Мстиславом у Городца. И разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту. И начали жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране.

В год 6535 (1027). Родился третий сын у Ярослава, и дали имя ему Святослав.

- В год 6536 (1028). Знамение змиево явилось в небе, так что видно было его по всей земле.
- В год 6537 (1029). Мирно было.
- В год 6538 (1030). Ярослав Белз взял. И родился у Ярослава четвертый сын, и дал имя ему Всеволод. В тот же год пошел Ярослав на чудь, и победил их, и поставил город Юрьев. В то же время умер Болеслав Великий в Польше, и был мятеж в земле Польской: восстав, люди перебили епископов и попов и бояр своих, и был среди них мятеж.
- В год 6539 (1031). Ярослав и Мстислав, собрав воинов многих, пошли на поляков, и вновь заняли Червенские города, и повоевали землю Польскую, и много поляков привели, и поделили их. Ярослав же посадил своих поляков по Роси; там они живут и по сей день.
- В год 6540 (1032). Ярослав начал ставить города по Роси.
- В год 6541 (1033). Мстиславич Евстафий умер.
- В год 6542 (1034). В год 6543 (1035).
- В год 6544 (1036). Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер. И положили его в церкви святого Спаса, которую сам заложил; были ведь при нем выведены стены ее в высоту, сколько можно, стоя на коне, достать рукою. Был же Мстислав дебел телом, прекрасен лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей. После того завладел всей его областью Ярослав и стал самовластцем в Русской земле. Пошел Ярослав в Новгород и посадил сына своего Владимира в Новгороде, а епископом поставил Жидяту. В это время родился у Ярослава сын, нарекли имя ему Вячеслав. Когда Ярослав был в Новгороде, пришла к нему весть, что печенеги осадили Киев. Ярослав собрал воинов многих, варягов и словен, пришел к Киеву и вошел в город свой. А было печенегов без числа. Ярослав выступил из города, и исполнил дружину, и поставил варягов посредине, а на правой стороне — киевлян, а на ле-

- вом крыле — новгородцев; и стал пред градом. Печенеги пошли на приступ и схватились на месте, где стоит ныне святая София, митрополия русская: было здесь тогда поле вне града. И была сеча жестокая, и едва к вечеру одолел Ярослав. И побежали печенеги врозь и не знали, куда бежать, одни, убегая, тонули в Сетомли, иные же в других реках, а остаток их бегают где-то и до сего дня. В тот же год посадил Ярослав брата своего Судислава в темницу, во Пскове — был тот оклеветан перед ним.
- В год 6545 (1037). Заложил Ярослав город великий, у того же града Золотые ворота; заложил и церковь святой Софии, митрополию, и затем церковь на Золотых воротах — святой Богородицы благовещения, затем монастырь святого Георгия и святой Ирины. И стала при нем вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри появляться. И любил Ярослав церковные уставы, попов любил немало, особенно же черноризцев, и книги любил, читая их часто и ночью и днем. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество, ими же поучаются верующие люди и наслаждаются учением божественным. Как если бы один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую, — так и этот. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное.
- Велика ведь бывает польза от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь — реки, наполняющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержания. Велика есть мудрость; ведь и Соломон, прославляя ее, говорил: «Я, премудрость, вселила свет и разум, и

смысл я призвала. Страх господень... Мои советы, моя мудрость, мое утверждение, моя сила. Мною цесари царствуют, а сильные узаконяют правду. Мною вельможи величаются и мучители управляют землею. Любящих меня люблю, ищущие меня найдут благодать». Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей. Ибо кто часто читает книги, тот беседует с богом или со святыми мужами. Тот, кто читает пророческие беседы, и евангельские и апостольские поучения, и жития святых отцов, получает душе великую пользу.

Ярослав же, как мы уже сказали, любил книги и, много их написав, положил в церкви святой Софии, которую создал сам. Украсил ее золотом, серебром и сосудами церковными, и возносят в ней к богу положенные песнопения в назначенное время. И другие церкви ставил по городам и по местам, поставляя попов и давая от богатств своих жалованье, веля им учить людей, потому что им поручено это богом, и посещать часто церкви. И умножились пресвитеры и люди христианские. И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей христианских, а враг сетовал, побеждаемый новыми людьми христианскими.

В год 6546 (1038). Ярослав пошел на ятвягов.

В год 6547 (1039). Освящена была митрополитом Феопемптом церковь святой Богородицы, которую создал Владимир, отец Ярослава.

В год 6548 (1040). Ярослав пошел на литву.

В год 6549 (1041). Пошел Ярослав на мазовшан в ладьях.

В год 6550 (1042). Пошел Владимир Ярославич на Ямь и победил их. И пали кони у воинов Владимировых; так, что и с еще дышащих коней сдирали кожу: такой был мор на коней!

В год 6551 (1043). Послал Ярослав сына своего Владимира на греков и дал ему много воинов, а воеводство поручил Вышате, отцу Яня. И отправился Владимир в ладьях, и приплыл к Дунаю, и направился к Царь-

граду. И была буря велика, и разбила корабли русских, и княжеский корабль разбил ветер, и взял князя в корабль Иван Творимирич, воевода Ярослава. Прочих же воинов Владимировых, числом до шести тысяч, выбросило на берег, и, когда они захотели было пойти на Русь, никто не пошел с ними из дружины княжеской. И сказал Вышата: «Я пойду с ними». И высадился к ним с корабля и сказал: «Если буду жив, то с ними, если погибну, то с дружиной». И пошли, намереваясь дойти до Руси. И была весть грекам, что море разбило ладьи руси, и послал царь, именем Мономах, за русью четырнадцать ладей. Владимир же, увидев с дружиною своею, что идут за ними, повернув, разбил ладьи греческие и возвратился на Русь, сев на корабли свои. Вышату же схватили вместе с выброшенными на берег, и привели в Царьград, и ослепили много русских. Спустя три года, когда установился мир, отпущен был Вышата на Русь к Ярославу. В те времена выдал Ярослав сестру свою за Казимира, и отдал Казимир, вместо свадебного дара, восемьсот русских пленных, захваченных еще Болеславом, когда тот победил Ярослава.

В год 6552 (1044). Выкопали из могил двух князей, Ярополка и Олега, сыновей Святослава, и окрестили кости их и положили их в церкви святой Богородицы. В тот же год умер Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, отец Всеслава, и Всеслав, сын его, сел на столе его, мать же родила его от волхвования. Когда мать родила его, на голове его оказалась сорочка, и сказали волхвы матери его: «Эту сорочку навяжи на него, пусть носит ее до смерти». И носит ее на себе Всеслав и до сего дня; оттого и не милостив на кровопролитие.

В год 6553 (1045). Заложил Владимир святую Софию в Новгороде.

В год 6554 (1046).

- В год 6555 (1047). Ярослав пошел на мазовшан, и победил их, и убил князя их Моислава, и покорил их Казимиру.
- В год 6556 (1048). В год 6557 (1049).
- В год 6558 (1050). Преставилась княгиня, жена Ярослава.
- В год 6559 (1051). Поставил Ярослав Илариона митрополитом, русского родом, в святой Софии, собрав епископов...
- В год 6560 (1052). Преставился Владимир, старший сын Ярослава, в Новгороде и положен был в святой Софии, которую воздвиг сам.
- В год 6561 (1053). У Всеволода родился сын от дочери царской, гречанки, и нарек имя ему Владимир.
- В год 6562 (1054). Преставился великий князь русский Ярослав. Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им: «Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск». И так разделил между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и сгонять со стола, и сказал Изяславу: «Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают». И так наставлял сыновей своих жить в любви. Сам уже он был болен тогда и, приехав в Вышгород, сильно расхворался. Изяслав тогда был... а Святослав во Владимире. Всеволод же был тогда при отце, ибо любил его отец больше всех

- братьев и держал его всегда при себе. И приспел конец жизни Ярослава, и отдал душу свою богу в первую субботу поста святого Федора. Всеволод же обрядил тело отца своего, возложив на сани, повез его в Киев в сопровождении попов, певших положенные песнопения. Плакали по нем люди; и, принеся, положили его в гроб мраморный в церкви святой Софии. И плакали по нем Всеволод и весь народ. Жил же он всех лет семьдесят и шесть.
- Начало княжения Изяслава в Киеве. Придя в Киев, Изяслав сел на столе, Святослав же в Чернигове, Всеволод в Переяславле, Игорь во Владимире, Вячеслав в Смоленске. В тот же год зимою пошел Всеволод на торков к Воиню и победил торков. В том же году приходил Болуш с половцами, и заключил мир с ними Всеволод, и возвратились половцы назад, откуда пришли.
- В год 6564 (1056).
- В год 6565 (1057). Преставился Вячеслав, сын Ярослава, в Смоленске, и посадили Игоря в Смоленске, выведя его из Владимира.
- В год 6566 (1058). Победил Изяслав голядь.
- В год 6567 (1059). Изяслав, Святослав и Всеволод освободили дядю своего Судислава из поруба, где сидел он двадцать четыре года, взяв с него крестное целование; и стал он чернецом.
- В год 6568 (1060). Преставился Игорь, сын Ярослава. В том же году Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав собрали воинов бесчисленных и пошли походом на торков, на конях и в ладьях, без числа много. Прослышав об этом, торки испугались, и обратились в бегство, и не вернулись до сих пор, — так и перемерли в бегах, Божиим гневом гонимые, кто от стужи, кто от голода, иные от мора и судом Божиим. Так избавил бог христиан от поганых.
- В год 6569 (1061). Впервые пришли половцы войною на Русскую землю; Всеволод же вышел против них меся-

- ца февраля во 2-й день. И в битве победили Всеволода и, повоевав землю, ушли. То было первое зло от поганых и безбожных врагов. Был же князь их Искал.
- В год 6570 (1062).
- В год 6571 (1063). Судислав преставился, брат Ярослава, и погребли его в церкви святого Георгия. В тот же год в Новгороде Волхов тек в обратном направлении пять дней. Знаменье же это было недоброе, ибо на четвертый год пожег Всеслав город.
- В год 6572 (1064). Бежал Ростислав, сын Владимиров, внук Ярославов, в Тмуторокань, и с ним бежали Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского. И, придя, выгнал Глеба из Тмуторокани, а сам сел на его место.
- В год 6573 (1065). Пошел Святослав на Ростислава к Тмуторокани. Ростислав же отступил из города — не потому, что испугался Святослава, но не желая против своего дяди оружия поднять. Святослав же, придя в Тмуторокань, вновь посадил сына своего Глеба и вернулся назад. Ростислав же, придя, снова выгнал Глеба, и пришел Глеб к отцу своему, Ростислав же сел в Тмуторокани. В том же году Всеслав начал войну.
- В те же времена было знаменье на западе, звезда великая, с лучами как бы кровавыми; с вечера всходила она на небо после захода солнца, и так было семь дней. Знамение это было не к добру, после того были усобицы многие и нашествие поганых на Русскую землю, ибо эта звезда была как бы кровавая, предвещая крови пролиться. В те же времена ребенок был брошен в Сетомль; этого ребенка вытащили рыбаки в неводе, и рассматривали мы его до вечера и опять бросили в воду. Был же он такой: на лице у него были срамные части, а иного нельзя и сказать срама ради. Перед тем временем и солнце изменилось и не стало светлым, но было как месяц, о таком солнце невежды говорят, что оно объедено. Знаменья эти бывают не к добру, мы потому так думаем, что имен-

- но так случилось в древности, «при Антиохе, в Иерусалиме: внезапно по всему городу в течение сорока дней стали являться в воздухе всадники скачущие, с оружием, в золотых одеждах, полки обеих сторон являлись, потрясая оружием: и это предвещало нападение Антиоха, нашествие рати на Иерусалим. Потом при Нероне цесаре в том же Иерусалиме над городом воссияла звезда в виде копья; это предвещало нашествие римского войска. И снова так было при Юстиниане цесаре: звезда воссияла на западе, испускавшая лучи, и прозвали ее лампадой, и так блистала она дней двадцать; после же того было звездотечение на небе с вечера до утра, так что все думали, будто падают звезды, и вновь солнце сияло без лучей: это предвещало крамолы, болезни людям, смерти. Снова, уже при Маврикии цесаре, было так: жена родила ребенка без глаз и без рук, а к бедрам у него рыбий хвост прирос; и пес родился шестиногий; в Африке же двое детей родилось: один о четырех ногах, а другой о двух головах. Потом же было при царе Константине Иконоборце, сыне Леона, звездотечение на небе, звезды срывались на землю, так что видевшие думали, что конец мира; тогда же воздухотечение было сильное; в Сирии же было землетрясение великое, так что земля разверзлась на три поприща, и, дивно, из земли вышел мул, говоривший человеческим голосом и предсказывавший нашествие иноземцев, как и случилось потом»: напали сарацины на Палестинскую землю. Знаменья ведь на небе, или в звездах, или в солнце, или в птицах, или в чем ином не к добру бывают; но знаменья эти ко злу бывают: или войну предвещают, или голод, или смерть.
- В год 6574 (1066). Когда Ростислав был в Тмуторокани и брал дань с касогов и с других народов, этого так испугались греки, что с обманом подослали к нему котопана. Когда же он пришел к Ростиславу, — он вошел к нему в доверие, и Ростислав почтил его. Одна-

жды, когда Ростислав пировал с дружиною своею, котопан сказал: «Князь, хочу выпить за тебя». Тот же ответил: «Пей». Он же отпил половину, а половину дал выпить князю, опустив палец в чашу, а под ногтем был у него яд смертельный, и дал князю, обрекая его на смерть не позднее седьмого дня. Тот выпил, котопан же, вернувшись в Корсунь, поведал там, что именно в этот день умрет Ростислав, как и случилось. Котопана этого побили камнями корсунские люди. Был Ростислав муж доблестный, воинственный, прекрасен сложением и красив лицом и милостив к убогим. И умер февраля в 3-й день и положен там в церкви святой Богородицы.

В год 6575 (1067). Поднял рать в Полоцке Всеслав, сын Брячислава, и занял Новгород. Трое же Ярославичей, Изяслав, Святослав, Всеволод, собрав воинов, пошли на Всеслава в великий мороз. И подошли к Минску, и минчане затворились в городе. Братья же эти взяли Минск и перебили всех мужей, а жен и детей захватили в плен и пошли к Немиге, и Всеслав пошел против них. И встретились противники на Немиге месяца марта в 3-й день; и был снег велик, и пошли друг на друга. И была сеча жестокая, и многие пали в ней, и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежал. Затем месяца июля в 10-й день Изяслав, Святослав и Всеволод, поцеловав крест честной Всеславу, сказали ему: «Приди к нам, не сотворим тебе зла». Он же, надеясь на их крестоцелование, переехал к ним в ладье через Днепр. Когда же Изяслав вошел первый в шатер, тут схватили Всеслава, на Рши у Смоленска, преступив крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его в темницу и двух сыновей его.

В год 6576 (1068). Пришли иноплеменники на Русскую землю, половцев множество. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод вышли против них на Альту. И ночью пошли друг на друга. Навел на нас бог поганых за грехи

наши, и побежали русские князья, и победили половцы... Когда Изяслав со Всеволодом бежали в Киев, а Святослав — в Чернигов, то киевляне прибежали в Киев, и собрали вече на торгу, и послали к князю сказать: «Вот, половцы рассеялись по всей земле, дай, княже, оружие и коней, и мы еще сразимся с ними». Изяслав же того не послушал. И стали люди роптать на воеводу Коснячка; пошли на гору с веча и пришли на двор Коснячков и, не найдя его, стали у двора Брячислава и сказали: «Пойдем освободим дружину свою из темницы». И разделились надвое: половина их пошла к темнице, а половина их пошла по Мосту, эти и пришли на княжеский двор. Изяслав в это время на сених совет держал с дружиною своею, и заспорили с князем те, кто стоял внизу. Когда же князь смотрел из оконца, а дружина стояла возле него, сказал Туку, брат Чудина, Изяславу: «Видишь, князь, люди расшумелись; пошли, пусть постерегут Всеслава». И пока он это говорил, другая половина людей пришла от темницы, отворив ее. И сказала дружина князю: «Злое содеялось; пошли ко Всеславу, пусть, подозвав его обманом к оконцу, пронзят мечом». И не послушал того князь. Люди же закричали и пошли к темнице Всеслава. Изяслав же, видя это, побежал со Всеволодом со двора, люди же освободили Всеслава из поруба — в 15-й день сентября — и прославили его среди княжеского двора. Двор же княжий разграбили — бесчисленное множество золота и серебра, в монетах и слитках. Изяслав же бежал в Польшу.

Впоследствии, когда половцы воевали по земле Русской, а Святослав был в Чернигове, и когда половцы стали воевать около Чернигова, Святослав, собрав небольшую дружину, вышел против них к Сновску. И увидели половцы идущий полк, и приготовились встретить его. И Святослав, увидев, что их множество, сказал дружине своей: «Сразимся, некуда нам уже деться». И стегнули по коням, и одолел Святослав со

своими тремя тысячами, а половцев было двенадцать тысяч; и так их побили, а другие утонули в Снови, а князя их руками взяли в 1-й день ноября. И возвратился с победою в город свой Святослав.

Всеслав же сидел в Киеве; в этом бог явил силу креста, потому что Изяслав целовал крест Всеславу, а потом схватил его: из-за того и навел бог поганых, Всеслава же явно избавил крест честной! Ибо в день Воздвижения Всеслав, вздохнув, сказал: «О крест честной! Так как верил я в тебя, ты и избавил меня от этой темницы». Бог же показал силу креста в поученье земле Русской, чтобы не преступали честного креста, целовав его; если же преступит кто, то и здесь, на земле, примет казнь и в будущем веке казнь вечную. Ибо велика сила крестная; крестом бывають побеждаемы силы бесовские, крест князьям в сражениях помогает, крестом охраняемы в битвах, верующие люди побеждают супостатов, крест же быстро избавляет от напастей призывающих его с верою. Ничего не боятся бесы, только креста. Если бывають от бесов видения, то, осенив лицо крестом, их отгоняют. Всеслав же сидел в Киеве семь месяцев.

В год 6577 (1069). Пошел Изяслав с Болеславом на Всеслава; Всеслав же выступил навстречу. И пришел к Белгороду Всеслав, и с наступлением ночи тайно от киевлян бежал из Белгорода в Полоцк. Наутро же люди, увидев, что князь бежал, возвратились в Киев, и устроили вече, и обратились к Святославу и Всеволоду, говоря: «Мы уже дурное сделали, князя своего прогнав, а он ведет на нас Польскую землю: идите же в город отца своего; если не хотите, то поневоле придется поджечь город свой и уйти в Греческую землю». И сказал им Святослав: «Мы пошлем к брату своему; если пойдет с поляками погубить вас, то мы пойдем на него войною, ибо не дадим губить города отца своего; если же хочет идти с миром, то пусть придет с небольшой дружиной». И утешили киевлян.

Святослав же и Всеволод послали к Изяславу, говоря: «Всеслав бежал, не веди поляков на Киев, здесь ведь врагов у тебя нет; если хочешь держать Киев и погубить город, то знай, что нам будет жаль отцовского стола». Слышав то, Изяслав оставил поляков и пошел с Болеславом, взяв немного поляков, а вперед себя послал к Киеву сына своего Мстислава. И, придя в Киев, Мстислав перебил киевлян, освободивших Всеслава, числом семьдесят человек, а других ослепил, а иных без вины умертвил без следствия. Когда же Изяслав шел к городу, вышли к нему люди с поклоном, и приняли князя своего киевляне; и сел Изяслав на столе своем, месяца мая во 2-й день. И распустил поляков на покорм, и избавили их тайно; и возвратился Болеслав в Польшу, в землю свою. Изяслав же перегнал торг на гору и, выгнав Всеслава из Полоцка, посадил сына своего Мстислава в Полоцке; он же вскоре умер там. И посадил на место его брата его Святополка, Всеслав же бежал.

В год 6578 (1070). Родился у Всеволода сын, и нарекли имя ему Ростислав. В тот же год заложена была Всеволодом церковь святого Михаила в монастыре.

В год 6579 (1071). Воевали половцы у Ростовца и Неятина. В тот же год выгнал Всеслав Святополка из Полоцка. В тот же год победил Ярополк Всеслава у Голотическа. В те же времена пришел волхв, обольщенный бесом; придя в Киев, он рассказывал людям, что на пятый год Днепр потечет вспять и что земли начнут перемещаться, что Греческая земля станет на место Русской, а Русская на место Греческой, и прочие земли переместятся. Невежды слушали его, верующие же смеялись, говоря ему: «Бес тобою играет на погибель тебе». Что и сбылось с ним: в одну из ночей пропал без вести.

Бесы ведь, подстрекая людей, во зло их вводят, а потом насмеваются, ввергнув их в погибель смертную, поду-

чив их говорить; как мы сейчас и расскажем об этом бесовском наущении и деянии.

Однажды во время неурожая в Ростовской области явились два волхва из Ярославля, говоря, что «мы знаем, кто запасы держит». И отправились они по Волге и куда ни придут в погост, тут и называли знатных жен, говоря, что та жито прячет, а та — мед, а та — рыбу, а та — меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу и убивали многих жен, а имущество их забирали себе. И пришли на Белоозеро, и было с ними людей триста. В это же время случилось Яню, сыну Вышатины, собирая дань, прийти от князя Святослава; повели ему белозерцы, что два кудесника убили уже много жен по Волге и по Шексне и пришли сюда. Янь же, расспросив, чьи смерды, и узнав, что они смерды его князя, послал к тем людям, которые были около волхов, и сказал им: «Выдайте мне волхов, потому что смерды они мои и моего князя». Они же его не послушали. Янь же пошел сам без оружия, и сказали ему отроки его: «Не ходи без оружия, осрамят тебя». Он же велел взять оружие отрокам и с двенадцатью отроками пошел к ним к лесу. Они же исполчились против него. И вот, когда Янь шел на них с топориком, выступили от них три мужа, подошли к Яню, говоря ему: «Видишь, что идешь на смерть, не ходи». Янь же приказал убить их и пошел к оставшимся. Они же кинулись на Яня, и один из них промахнулся в Яня топором. Янь же, оборотив топор, ударил того обухом и приказал отрокам рубить их. Они же бежали в лес и убили тут Янева попа. Янь же, войдя в город к белозерцам, сказал им: «Если не схватите этих волхов, не уйду от вас весь год». Белозерцы же пошли, захватили их и привели к Яню. И сказал им: «Чего ради погубили столько людей?» Те же сказали, что «они держат запасы, и если истребим их, будет

изобилие; если же хочешь, мы перед тобою вынем жито, или рыбу, или что другое». Янь же сказал: «Поистине ложь это; сотворил бог человека из земли, составлен он из костей и жил кровяных, нет в нем больше ничего, никто ничего не знает, один только бог знает». Они же сказали: «Мы знаем, как человек сотворен». Он же спросил: «Как?» Они же отвечали: «Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. И заспорил сатана с богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а бог душу в него вложил. Вот почему, если умрет человек, — в землю идет тело, а душа к богу». Сказал им Янь: «Поистине прельстил вас бес; какому богу веруете?» Те же ответили: «Антихристу!» Он же сказал им: «Где же он?» Они же сказали: «Сидит в бездне». Сказал им Янь: «Какой это бог, коли сидит в бездне? Это бес, а бог на небесах, восседает на престоле, славимый ангелами, которые предстоят ему со страхом и не могут на него взглянуть. Один из ангелов был свергнут — тот, кого вы называете антихристом; низвергнут был он с небес за высокомерие свое и теперь в бездне, как вы и говорите; ожидает он, когда сойдет с неба бог. Этого антихриста бог свяжет узами и посадит в бездну, схватив его вместе со слугами его и теми, кто в него верует. Вам же и здесь принять муку от меня, а по смерти — там». Те же сказали: «Говорят нам боги: не можешь нам сделать ничего!» Он же сказал им: «Лгут вам боги». Они же ответили: «Мы станем перед Святославом, а ты не можешь сотворить ничего». Янь же повелел бить их и выдергивать им бороды. Когда их били и выдирали распещом бороды, спросил их Янь: «Что же вам молвят боги?» Они же ответили: «Стать нам перед Святославом». И повелел Янь вложить рубли в уста им и привязать их к мачте лодки и пустил их перед собою в ладье, а сам пошел за ними. Остановились на устье Шексны, и сказал им Янь: «Что же вам теперь боги

молвят?» Они же сказали: «Так нам боги молвят: не быть нам живым от тебя». И сказал им Янь: «Вот это то они вам правду поведали». Волхвы же ответили: «Но если наспустишь, много тебе добра будет; если же нас погубишь, много печали примешь и зла». Он же сказал им: «Если вас пушу, то плохо мне будет от бога, если же вас погублю, то будет мне награда». И сказал Янь гребцам: «У кого из вас кто из родни убит ими?» Они же ответили: «У меня мать, у того сестра, у другого дочь». Он же сказал им: «Мстите за своих». Они же, схватив, убили их и повесили на дубе: так отмщение получили они от бога по правде! Когда же Янь отправился домой, то на другую же ночь медведь взлез, загрыз их и съел. И так погибли они по наущению бесовскому, другим пророчествуя, а своей гибели не предвидя. Если бы ведь знали, то не пришли бы на место это, где им предстояло быть схваченными; а когда были схвачены, то зачем говорили: «Не умереть нам», в то время, когда Янь уже задумал убить их? Но это и есть бесовское наущение: бесы ведь не знают мыслей человека, а только влагают помыслы в человека, тайны его не зная. Бог один знает помышления человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо немощны они и скверны видом.

Вот и еще расскажем о виде их и о наваждениях их. В то же время, в те же годы, случилось некоему новгородцу прийти в землю Чудскую, и пришел к кудеснику, прося волхования его. Тот же по обычаю своему начал призывать бесов в дом свой. Новгородец же сидел на пороге того дома, а кудесник лежал в оцепенении, и вдруг ударил им бес. И, встав, сказал кудесник новгородцу: «Боги не смеют прийти, — имеешь на себе нечто, чего они боятся». Он же вспомнил, что на нем крест, и, отойдя, положил его вне дома того. Кудесник же начал вновь призывать бесов. Бесы же, тряся его, поведали то, ради чего пришел новгородец. Затем новгородец стал спрашивать кудесника:

«Чего ради бесы боятся того, чей крест на себе мы носим?» Он же сказал: «Это знамение небесного бога, которого наши боги боятся». Новгородец же сказал: «А каковы боги ваши, где живут?» Кудесник же сказал: «В безднах. Обличьем они черны, крылаты, имеют хвосты; взбираются же и под небо послушать ваших богов. Ваши ведь боги на небесах. Если кто умрет из ваших людей, то его возносят на небо, если же кто из наших умирает, его несут к нашим богам в бездну». Так ведь и есть: грешники в аду пребывают, ожидая муки вечной, а праведники в небесное жилище водворяются с ангелами.

Такова-то бесовская сила, и обличие их, и слабость. Тем-то они и прельщают людей, что велят им рассказывать видения, являющиеся им, нетвердым в вере, одним во сне, а другим в мечтании, и так волхвуют научением бесовским. Больше же всего через жен бесовские волхования бывают, ибо искони бес женщину прельстил, она же мужчину, потому и в наши дни много волхвуют женщины чародейством, и отравой, и иными бесовскими кознями. Но и мужчины неверные бывают прельщаемы бесами, как это было в прежние времена. При апостолах ведь был Симон Волхв, который заставлял волшебством собак говорить по-человечески и сам оборачивался то старым, то молодым или кого-нибудь оборачивал в иной образ, в мечтании. Так творили Ананий и Мамврий: они волхвованием чуда творили, противоборствуя Моисею, но вскоре уже ничего не могли сделать равное ему; так и Куноп напускал наваждение бесовское, будто по водам ходит, и иные наваждения делал, бесом прельщаем, на погибель себе и другим.

Такой волхв объявился и при Глебе в Новгороде; говорил людям, притворяясь богом, и многих обманул, чуть не весь город, уверяя, будто наперед знает все, что произойдет, и, хуля веру христианскую, уверял, что «перейду по Волхову перед всем народом». И был

мятеж в городе, и все поверили ему и хотели погубить епископа. Епископ же взял крест в руки и надел облачение, встал и сказал: «Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же верует богу, пусть ко кресту идет». И разделились люди надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И начался мятеж великий между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошел к волхву и спросил: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?» Тот ответил: «Знаю все». И сказал Глеб: «А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?» — «Чудеса великие сотворю», — сказал. Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мертв, и люди разошлись. Так погиб он телом, а душою предался дьяволу.

В год 6580 (1072). Перенесли святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Собрались Ярославичи — Изяслав, Святослав, Всеволод — митрополит же тогда был Георгий, епископ Петр Переяславский, Михаил Юрьевский, Феодосий игумен Печерский, Софроний игумен монастыря святого Михаила, Герман игумен святого Спаса, Никола игумен Переяславского монастыря и все игумены, — и устроили праздник, и праздновали светло, и переложили тела в новую церковь, построенную Изяславом, что стоит и поныне. И сначала Изяслав, Святослав и Всеволод взяли Бориса в деревянном гробу и, возложив гроб на плечи свои, понесли, черноризцы же шли впереди, держа свечи в руках, а за ними дьяконы с кадилами, а затем пресвитеры, за ними епископы с митрополитом; за ними же шли с гробом. И, принеся его в новую церковь, открыли раку, и наполнилась церковь благоуханием, запахом чудным; видевшие же это прославили бога. И митрополита объял ужас, ибо не твердо верил он в них (Бориса и Глеба); и пал ниц, прося прощения. Поцеловав мощи Борисовы, уложили их в гроб каменный. После того, взяв Глеба в каменном гробу, поставили на сани и, схватившись за веревки,

повезли его. Когда были уже в дверях, остановился гроб и не шел дальше. И повелели народу зывать: «Господи помилуй», и повезли его. И положили их месяца мая во 2-й день. И, отпев литургию, обедали братья сообща, каждый с боярами своими, в любви великой. И управлял тогда Вышгородом Чудин, а церковью Лазарь. Потом же разошлись восвояси.

В год 6581 (1073). Воздвиг дьявол распрю в братии этой — в Ярославичах. И были в той распре Святослав со Всеволодом заодно против Изяслава. Ушел Изяслав из Киева, Святослав же и Всеволод вошли в Киев месяца марта 22-го и сели на столе в Берестовом, преступив отцовское завещание. Святослав же был виновником изгнания брата, так как стремился к еще большей власти; Всеволода же он прельстил, говоря, что «Изяслав сговорился со Всеславом, замышляя против нас; и если его не опередим, то нас прогонит». И так восстановил Всеволода на Изяслава. Изяслав же ушел в Польшу со многим богатством, говоря, что «этим найду воинов». Все это поляки отняли у него и выгнали его. А Святослав сел в Киеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отца, а больше всего божью. Велик ведь грех — преступать заповедь отца своего: ибо в древности покусились сыновья Хамовы на землю Сифову, а через четыреста лет отщипление приняли от бога; от племени ведь Сифова пошли евреи, которые, избив хананейское племя, вернули себе свою часть и свою землю. Затем преступил Исав заповедь отца своего и был убит, нехорошо ведь вступать в предел чужой! В этот же год основана была церковь Печерская игуменом Феодосием и епископом Михаилом, а митрополит Георгий был тогда в земле Греческой, Святослав же в Киеве сидел.

В год 6582 (1074). Феодосий игумен Печерский преставился...

В год 6583 (1075). Начата была церковь Печерская над основанием Стефаном игуменом; основание ее начал

Феодосий, а над основанием продолжил Стефан; и окончена была она на третий год, месяца июля в 11-й день. В тот же год пришли послы от немцев к Святославу; Святослав же, гордясь, показал им богатство свое. Они же, увидев бесчисленное множество золота, серебра и шелковых тканей, сказали: «Это ничего не стоит, ведь это лежит мертво. Лучше этого войны. Ведь мужи добудут и больше того». Так похвалился Иезекия, царь иудейский, перед послами ассирийского царя, у которого все было взято в Вавилон: так и по смерти Иезекии все имущество его пропало.

В год 6584 (1076). Ходил Владимир, сын Всеволода, и Олег, сын Святослава, в помощь полякам против чехов. В этом же году преставился Святослав, сын Ярослава, месяца декабря 27-го, от разрезания желвака, и положен в Чернигове, у святого Спаса. И сел после него на столе Всеволод, месяца января в 1-й день.

В год 6585 (1077). Пошел Изяслав с поляками, а Всеволод вышел против него. Сел Борис в Чернигове, месяца мая в 4-й день, и было княжения его восемь дней, и бежал в Тмуторокань к Роману. Всеволод же пошел против брата Изяслава на Волынь; и сотворили мир, и, придя, Изяслав сел в Киеве, месяца июля в 15-й день, Олег же, сын Святослава, был у Всеволода в Чернигове.

В год 6586 (1078). Бежал Олег, сын Святослава, в Тмуторокань от Всеволода, месяца апреля в 10-й день. В этом же году убит был Глеб, сын Святослава, в Заволочье. Был же Глеб милостив к убогим и любил странников, радел о церквах, горячо веровал, был кроток и лицом красив. Тело его было положено в Чернигове за Спасом, месяца июля в 23-й день. Когда сидел вместо него в Новгороде Святополк, сын Изяслава, Ярополк сидел в Вышгороде, а Владимир сидел в Смоленске, — привели Олег и Борис поганых на Русскую землю и пошли на Всеволода с половцами. Всеволод же вышел против них на Сожицу, и победили половцы

Русь, и многие убиты были тут: убит был Иван Жирославич и Туки, Чудинов брат, и Порей, и иные многие, месяца августа в 25-й день. Олег же и Борис пришли в Чернигов, думая, что победили, а на самом деле земле Русской великое зло причинили, пролив кровь христианскую, за которую взыщет бог с них, и ответ дадут они за погубленные души христианские. Всеволод же пришел к брату своему Изяславу в Киев; поздоровались и сели совещаться. Всеволод же поведал о всем происшедшем. И сказал ему Изяслав: «Брат, не тужи. Видишь ли, сколько всего со мной приключилось: не выгнали ли меня сначала и не разграбили ли мое имущество? А затем, в чем провинился я во второй раз? Не был ли я изгнан вами, братьями моими? Не скитался ли я по чужим землям, лишенный имения, не сделав никакого зла? И ныне, брат, не будем тужить. Если будет нам удел в Русской земле, то обоим; если будем лишены его, то оба. Я сложу голову свою за тебя». И, так сказав, утешил Всеволода и повелел собирать воинов от мала до велика. И отправились в поход Изяслав с Ярополком, сыном своим, и Всеволод с Владимиром, сыном своим. И подошли к Чернигову, и черниговцы затворились в городе. Олега же и Бориса там не было. И так как черниговцы не отворили ворот, то приступили к городу. Владимир же приступил к восточным воротам от Стрижени, и захватил ворота, и взял внешний город, и пожег его, люди же вбежали во внутренний город. Изяслав же и Всеволод услышали, что Олег с Борисом идут против них, и, опередив их, пошли от города против Олега. И сказал Олег Борису: «Не пойдем против них, не можем мы противостать четырем князьям, но пошлем лучше с просьбой о мире к дядьям своим». И сказал ему Борис: «Смотри, я готов и стану против всех». Похвалился он сильно, не ведая, что бог гордым противится, а смиренным дает благодать, чтобы не хвалился сильный силою своею. И по-

шли навстречу, и когда были они у села на Нежатиной ниве, соступились обе стороны и была сеча жестокая. Первым убили Бориса, сына Вячеслава, похвалившегося сильно. Когда же Изяслав стоял среди пеших воинов, внезапно кто-то подъехал и ударил его копьем сзади в плечо. Так убит был Изяслав, сын Ярослава. Сеча продолжалась, и побежал Олег с небольшой дружиной и едва спасся, убежав в Тмуторокань. Убит был князь Изяслав месяца октября в 3-й день. И взяли тело его, привезли его в ладье и поставили против Городца, и вышел навстречу ему весь город Киев, и, возложив тело на сани, повезли его; и с песнопениями понесли его попы и черноризцы в город. И нельзя было слышать пения из-за плача великого и вопля, ибо плакал о нем весь город Киев, Ярополк же шел за ним, плача с дружиною своею: «Отче, отче мой! Сколько пожил ты без печали на свете этом, много напастей приняв от людей и от братьи своей. И вот погиб не от брата, но за брата своего положил главу свою». И, принеся, положили тело его в церкви святой Богородицы, вложив его в гроб мраморный. Был же Изяслав муж красив видом и телом велик, незлобив нравом, ложь ненавидел, любя правду. Ибо не было в нем хитрости, но был прост умом, не воздавал злом за зло. Сколько ведь зла сотворили ему киевляне: самого выгнали, а дом его разграбили, — и не воздал им злом за зло. Если же кто скажет вам: «Воинов порубил», то не он это сделал, а сын его. Наконец, братья прогнали его, и ходил он по чужой земле, скитаясь. И когда вновь сидел на столе своем, а Всеволод побежденный пришел к нему, не сказал ему: «Сколько от вас натерпелся?», не воздал злом за зло, но утешил, сказав: «Так как ты, брат мой, показал мне любовь свою, возвел меня на стол мой и нарек меня старейшим себя, то не припомню тебе прежнего зла: ты мне брат, а я тебе, и положу голову свою за тебя», — как и было. Не сказал ведь

ему: «Сколько зла сотворили мне, и вот теперь с тобою случилось то же», не сказал: «Это не мое дело», но взял на себя горе брата, показав любовь великую, следуя словам апостола: «Утешайте печальных». Поистине, если и сотворил он на свете этом какое прегрешение, простится ему, потому что положил голову свою за брата своего, не стремясь ни к большому владению, ни к большому богатству, но за братню обиду. О таких-то господь сказал: «Кто положит душу свою за други своя». Соломон же говорил: «Братья в бедах помогают друг другу». Ибо любовь превыше всего. Также и Иоанн говорит: «Бог есть любовь; пребывающий в любви — в боге пребывает, а бог в нем пребывает». Так совершается любовь, чтобы имели мы что в день судный, чтобы и мы на свете этом были такие же, как он. Боязни нет в любви, настоящая любовь отвергает ее, так как боязнь есть мученье. «Боящийся не совершенен в любви». Если кто говорит: «Люблю бога, а брата своего ненавижу», это — ложь. Ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить бога, которого не видит? Эту заповедь получили от него, чтобы любящий бога любил и брата своего. В любви ведь все совершается. Любви ради и грехи исчезают. Любви ради и господь сошел на землю и распял себя за нас грешных; взяв грехи наши, пригвоздил себя к кресту, дав нам крест свой, чтобы отгонять им ненависть бесовскую. Любви ради мученики проливали кровь свою. Любви же ради князь сей пролил кровь свою за брата своего, исполняя заповедь господню.

Начало княжения Всеволода в Киеве. Всеволод же сел в Киеве, на столе отца своего и брата своего, приняв власть над всей Русской землей. И посадил сына своего Владимира в Чернигове, а Ярополка во Владимире, придав ему еще и Туров.

- В год 6587 (1079). Пришел Роман с половцами к Воиню. Всеволод же стал у Переяславля и сотворил мир с половцами. И возвратился Роман с половцами назад, и убили его половцы, месяца августа во 2-й день. И доселе еще лежат кости его там, сына Святослава, внука Ярослава. А Олега хазары, захватив, отправили за море к Царьграду. Всеволод же посадил в Тмуторокани посадником Ратибора.
- В год 6588 (1080). Поднялись торки переяславские на Русь, Всеволод же послал на них сына своего Владимира. Владимир же, пойдя, победил торков.
- В год 6589 (1081). Бежал Давыд Игоревич с Володарем Ростиславичем, месяца мая в 18-й день. И пришли они к Тмуторокани, и схватили Ратибора, и сели в Тмуторокани.
- В год 6590 (1082). Умер Осень, половецкий князь.
- В год 6591 (1083). Пришел Олег из Греческой земли к Тмуторокани, и схватил Давыда и Володаря Ростиславича, и сел в Тмуторокани. И иссек хазар, которые советовали убить брата его и его самого, а Давыда и Володаря отпустил.
- В год 6592 (1084). Приходил Ярополк к Всеволоду на Пасху. В это же время побежали два Ростиславича от Ярополка и, придя, прогнали Ярополка, и послал Всеволод Владимира, сына своего, и выгнал Ростиславичей, и посадил Ярополка во Владимире. В тот же год Давыд захватил греков в Олешьи и отнял у них имущество. Всеволод же, послав за ним, привел его и дал ему Дорогобуж.
- В год 6593 (1085). Ярополк же хотел идти на Всеволода, послушав злых советников. Узнав это, Всеволод послал против него сына своего Владимира. Ярополк же, оставив мать свою и дружину в Луцке, бежал в Польшу. Когда же Владимир пришел к Луцку, сдались лучане. Владимир же посадил Давыда во Владимире на место Ярополка, а мать Ярополка, и жену его, и дружину его привел в Киев и имущество его взял.

- В год 6594 (1086). Пришел Ярополк из Польши и сотворил мир с Владимиром, и пошел Владимир назад к Чернигову. Ярополк же сел во Владимире. И, переждав немного дней, пошел к Звенигороду. И, не дойдя до города, пронзен был проклятым Нерадцем, наученным дьяволом и злыми людьми. Он лежал на возу, и пронзил его саблею с коня месяца ноября в 22-й день. И тогда поднялся Ярополк, выдернул из себя саблю и возопил громким голосом: «Ох, поймал меня враг тот». Бежал Нерадец треклятый в Перемышль к Рюрику, а Ярополка взяли отроки его, Радко, Вонкина и другие, и везли его перед собой на коне к Владимиру, а оттуда в Киев. И вышел навстречу ему блаженный князь Всеволод со своими сыновьями, Владимиром и Ростиславом, и все бояре, и блаженный митрополит Иоанн с черноризцами и с пресвитерами. И все киевляне великое оплакивание сотворили над ним, с псалмами и молитвами проводили его до святого Дмитрия, убравши тело его, с честью положили его в гроб мраморный месяца декабря в 5-й день, в церкви святого апостола Петра, которую сам когда-то начал воздвигать. Многие беды испытав, безвинно прогнанный братьями своими, обиженный, ограбленный, затем и смерть горькую принял, но вечной жизни и покоя сподобился. Так был блаженный князь этот тих, кроток, смирен и братолюбив, десятину давал святой богородице от всего своего достояния ежегодно и всегда молил бога, говоря: «Господи, боже мой! Прими молитву мою и дай мне смерть такую же, как и братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки, да омою грехи свои все своею кровью и избавлюсь от суетного этого света и мятежного, от сети вражеской». Просимого им не лишил его милостивый бог: получил он блага те, каких ни око не видело, ни ухо не слышало, ни сердце человека не предугадало, какие уготовал бог любящим его.
- В год 6595 (1087).

В год 6596 (1088). Освящена была церковь святого Михаила в монастыре Всеволодовом митрополитом Иоанном, а игумен того монастыря был тогда Лазарь. В том же году пошел Святополк из Новгорода в Туров жить. В том же году умер Никон, игумен Печерский. В тот же год взяли волжские болгары Муром.

В год 6597 (1089). Освящена была церковь Печерская святой Богородицы в Феодосиевом монастыре Иоанном митрополитом и Лукою, белгородским епископом, Исаем, черниговским епископом, при благородном, державном князе Русской земли Всеволоде и детях его, Владимире и Ростиславе, когда воеводство киевской тысячи держал Янь, а игуменство держал Иоанн. В том же году преставился Иоанн митрополит. Был же Иоанн сведущ в книгах и в учении, милостив к убогим и вдовицам, ласков ко всякому, богатому и убогому, смиренен же и кроток, молчалив, речист, от святых книг утешая печальных; такой не был прежде на Руси, и после него не будет такой. В тот же год пошла в Греческую землю Янка, дочь Всеволода, о которой говорилось прежде. И привела Янка митрополита Иоанна, скопца, про которого видевшие его люди говорили: «Это мертвец пришел». Пробыв год, умер. Был же этот человек не книжен, но умом прост и прост речью. В тот же год освящена была церковь святого Михаила Переяславская Ефремом, митрополитом той церкви, которую он создал великою, ибо прежде была в Переяславле митрополия, и обстроил ее большою пристройкою, украсив ее всяческой красотою, церковными сосудами. Этот Ефрем был скопец, высок телом. Много он тогда зданый воздвиг; dokonчил церковь святого Михаила, заложил церковь на воротах городских во имя святого мученика Федора, и затем церковь святого Андрея у ворот, и строение каменное, чего не было раньше на Руси. И город заложил каменный от церкви святого

мученика Федора и украсил город Переяславский зданиями церковными и прочими зданиями.

В год 6599 (1091). Игумен и черноризцы, сотворив совещание, сказали: «Не годится лежать отцу нашему Феодосию вне монастыря и вне церкви своей, ибо он и церковь основал и черноризцев собрал». Посоветавшись, повелели устроить место, где положить мощи его...

В тот же год знамение было на солнце, как будто бы должно было оно погибнуть и совсем мало его осталось, как месяц стало, в час второй дня, месяца мая в 21-й день. В тот же год, когда Всеволод охотился на зверей за Вышгородом и были уже закинута тенета и кличане кликнули, упал превеликий змей с неба, и ужаснулись все люди. В это же время земля стукнула, так что многие слышали. В тот же год волхв объявился в Ростове и вскоре погиб.

В год 6600 (1092). Предивное чудо явилось в Полоцке в наваждении: ночью стоял топот, что-то стонало на улице, рыскали бесы, как люди. Если кто выходил из дома, чтобы посмотреть, тотчас невидимо уязвляем бывал бесами язвою и оттого умирал, и никто не осмеливался выходить из дома. Затем начали и днем являться на конях, а не было их видно самих, но видны были коней их копыта; и уязвляли так они людей в Полоцке и в его области. Потому люди и говорили, что это мервецы бьют полочан. Началось же это знамение с Друцка. В те же времена было знамение в небе — точно круг посреди неба превеликий. В тот же год засуха была, так что изгорала земля, и многие леса возгорались сами и болота; и много знамений было по местам; и рать великая была от половцев и отовсюду: взяли три города, Песочен, Переволоку, Прилук, и много сел повоевали по обеим сторонам. В тот же год ходили войною половцы на поляков с Васильком Ростиславичем. В тот же год умер Рюрик, сын Ростислава. В те же времена многие люди умирали от различных недугов, так что говорили продающие гробы, что

«продали мы гробов от Филиппова дня до мясопуста семь тысяч». Это случилось за грехи наши, так как умножились грехи наши и неправды. Это навел на нас бог, веля нам покаяться и воздерживаться от греха, и от зависти, и от прочих злых дел дьявольских.

В год 6601 (1093), индикта в 1-й год, преставился великий князь Всеволод, сын Ярослава, внук Владимиров, месяца апреля в 13-й день, а погребен был в 14-й день; неделя была тогда страстная и день был четверг, когда он положен был в гробу в великой церкви святой Софии. Сей благоверный князь Всеволод был с детства боголюбив, любил правду, оделял убогих, воздавал честь епископам и пресвитерам, особенно же любил черноризцев и давал им все, что они просили. Он и сам воздерживался от пьянства и похоти, за то и любим был отцом своим, так что говорил ему отец его: «Сын мой! Благо тебе, что слышу о твоей кротости, и радуюсь, что ты покоишь старость мою. Если бог даст тебе получить стол мой после братьев своих по праву, а не насильем, то когда бог пошлет тебе смерть, ложись, где я лягу, у гроба моего, потому что люблю тебя больше братьев твоих». И сбылось слово отца его, сказанное ему. Получил он после всех своих братьев стол отца своего, по смерти брата своего, и сел княжить в Киеве. Были у него огорчения большие, чем тогда, когда он сидел в Переяславле. Когда княжил в Киеве, горе было ему от племянников его, так как начали они ему досаждать, один желая одной волости, а тот другой; он же, чтобы замирить их, раздавал им волости. В этих огорчениях появились и недуги, а за ними приспела и старость. И стал он любить образ мыслей младших, устраивая совет с ними; они же стали наущать его, чтобы он отверг дружину свою старшую, и люди не могли добиться правды княжой, начали эти молодые грабить и продавать людей, а князь того не знал из-за болезней своих. Когда же он совсем разболелся, по-

слал он за сыном своим Владимиром в Чернигов. Владимир, приехав к нему и увидев его совсем больного, заплакал. В присутствии Владимира и Ростислава, сына своего меньшего, когда пришел час, Всеволод преставился тихо и кротко и присоединился к предкам своим, княжив в Киеве пятнадцать лет, а в Переяславле год и в Чернигове год. Владимир же, оплакав его, с Ростиславом, братом своим, убрали тело его. И собрались епископы, и игумены, и черноризцы и попы, и бояре, и простые люди, и, взяв тело его, со всеми полагающимися песнопениями положили его в церкви святой Софии, как уже сказали мы раньше.

Владимир же стал размышлять, говоря: «Если сяду на столе отца своего, то буду воевать со Святополком, так как стол этот был его отца». И, размыслив, послал он Святополка в Туров, а сам пошел к Чернигову, а Ростислав к Переяславлю. И после Пасхи, по прошествии праздничной недели, в день антипасхи, месяца апреля в 24-й день пришел Святополк в Киев. И вышли навстречу ему киевляне с поклоном, и приняли его с радостью, и сел на столе отца своего и дяди своего. В это время пошли половцы на Русскую землю; услышав, что умер Всеволод, послали они послов к Святополку договориться о мире. Святополк же, не посоветовавшись со старшею дружиною отцовскою и дяди своего, сотворил совет с пришедшими с ним и, схватив послов, посадил их в избу. Услышав же это, половцы начали воевать. И пришло половцев множество и окружили город Торческ. Святополк же отпустил послов половецких, хотя мира. И не захотели половцы мира, и наступали половцы, воюя. Святополк же стал собирать воинов, собираясь против них. И сказали ему мужи разумные: «Не пытайся идти против них, ибо мало имеешь воинов». Он же сказал: «Имею отроков своих семьсот, которые могут им противостать». Стали же другие неразумные говорить: «Пойди, князь». Разумные же говорили: «Если бы вы-

ставил их и восемь тысяч, и то было бы не плохо: наша земля оскудела от войны и от продаж. Но пошли к брату своему Владимиру, чтобы он тебе помог». Святополк же, послушав их, послал к Владимиру, чтобы тот помог ему. Владимир же собрал воинов своих и послал он Ростислава, брата своего, в Переяславль, веля ему помогать Святополку. Когда же Владимир пришел в Киев, встретились они в монастыре святого Михаила, затеяли между собой распри и ссоры, договорившись же, целовали друг другу крест, а половцы между тем продолжали разорять землю, — и сказали им мужи разумные: «Зачем у вас распри между собою? А поганые губят землю Русскую. После уладитесь, а сейчас отправляйтесь навстречу поганым — либо с миром, либо с войною». Владимир хотел мира, а Святополк хотел войны. И пошли Святополк, и Владимир, и Ростислав к Треполю и пришли к Стугне. Святополк же, и Владимир, и Ростислав созвали дружину свою на совет, собираясь перейти через реку, и стали совещаться. И сказал Владимир, что «пока за рекою стоим, под угрозой, заключим мир с ними». И присоединились к совету этому разумные мужи, Янь и прочие. Киевляне же не захотели принять совета этого, но сказали: «Хотим биться, перейдем на ту сторону реки». И понравился совет этот, и перешли Стугну-реку. Сильно вздулась она тогда водою. Святополк же, и Владимир, и Ростислав, исполнив дружину, выступили. И шел на правой стороне Святополк, на левой Владимир, посредине же был Ростислав. И, миновав Треполь, прошли вал. И вот половцы пошли навстречу, а стрельцы их перед ними. Наши же, став между валами, поставили стяги свои, и двинулись стрельцы из-за вала. А половцы, подойдя к валу, поставили свои стяги, и налегли прежде всего на Святополка, и взломили полк его. Святополк же стоял крепко, и побежали люди его, не стерпев натиска половцев, а после побежал и Святополк. По-

том налегли на Владимира, и был бой лютый; побежали и Владимир с Ростиславом, и воины его. И побежали к реке Стугне, и пошли вброд Владимир с Ростиславом, и стал утопать Ростислав на глазах у Владимира. И захотел подхватить брата своего и едва не утонул сам. И утонул Ростислав, сын Всеволодов. Владимир же перешел реку с малою дружиной — ибо много пало людей из полка его и бояре его тут пали, — и перейдя на ту сторону Днепра, плакал по брате своем и по дружине своей и пошел в Чернигов сильно опечаленный. Святополк же вбежал в Треполь, и заперся тут, и был тут до вечера, и в ту же ночь пришел в Киев. Половцы же, видя, что победили, пустились разорять землю, а другие вернулись к Торческу. Случилась эта беда в день Вознесения господ нашего Иисуса Христа, месяца мая в 26-й день. Ростислава же, поискав, нашли в реке и, взяв, принесли его к Киеву, и плакала по нем мать его, и все люди печалились о нем сильно, юности его ради. И собрались епископы, и попы, и черноризцы, отпев обычные песнопения, положили его в церкви святой Софии около отца его. Половцы же между тем осадили Торческ, а торки противились и крепко бились из города, убивая многих врагов. Половцы же стали налегать и отвели воду, и начали изнемогать люди в городе от жажды и голода. И прислали торки к Святополку, говоря: «Если не пришлешь еды, сдадимся». Святополк же послал им, но нельзя было пробраться в город из-за множества воинов неприятельских. И стояли около города девять недель, и разделились надвое: одни стали у города, борясь с противником, а другие пошли к Киеву и сделали набег между Киевом и Вышгородом. Святополк же вышел на Желань, и пошли друг против друга, и сошлись, и поднялось сражение. И побежали наши от иноплеменников, и падали раненые перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, чем у Треполя. Свя-

тополк же пришел в Киев сам-третей, а половцы возвратились к Торческу. Случилась эта беда месяца июля в 23-й день. Наутро же 24-го, в день святых мучеников Бориса и Глеба, был плач великий в городе, а не радость, за грехи наши великие и неправды, за умножение беззаконий наших.

Это бог напустил на нас поганых, не их милуя, а нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел. Наказывает он нас нашествием поганых; это ведь бич его, чтобы мы, опомнившись, воздержались от злого пути своего...

Половцы повоевали много и возвратились к Торческу, и изнемогли люди в городе от голода и сдались врагам. Половцы же, взяв город, запалили его огнем, и людей поделили, и много христианского народа повели в вежи к семьям своим и сродникам своим; страждущие, печальные, измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и беде, с осунувшимися лицами, почерневшим телом, в неизвестной стране, с языком воспаленным, голые бродя и босые, с ногами, опутанными тернием, со слезами отвечали они друг другу, говоря: «Я был из этого города», а другой: «А я — из того села»; так вопрошали они друг друга со слезами, род свой называя и вздыхая, взоры возводя на небо к вышнему, ведающему все сокровенное.

Да никто не дерзнет сказать, что ненавидимы мы богом! Да не будет! Ибо кого так любит бог, как нас возлюбил? Кого так почтил он, как нас прославил и превознес? Никого! Потому ведь и сильнее разгневался на нас, что больше всех почтены были и хуже всех совершили грехи. Ибо больше всех просвещены были, зная волю владычную, и, презрев ее, как подобает, больше других наказаны. Вот и я, грешный, много и часто бога гневлю и часто согрешаю во все дни!

В тот же год скончался Ростислав, сын Мстислава, внук Изяслава, месяца октября в 1-й день; а погребен был 16 ноября, в церкви святой Богородицы Десятинной.

В год 6602 (1094). Сотворил мир Святополк с половцами и взял себе в жены дочь Тугоркана, князя половецкого. В тот же год пришел Олег с половцами из Тмуторокани и подошел к Чернигову, Владимир же затворился в городе. Олег же, подступив к городу, пожег вокруг города и монастыри пожег. Владимир же сотворил мир с Олегом и пошел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навел он поганых на землю Русскую, его же грех да простит ему бог, ибо много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям. В тот же год пришла саранча на Русскую землю, месяца августа в 26-й день, и поела всякую траву и много жита. И не слышано было в земле Русской с первых ее дней того, что видели очи наши, за грехи наши. В том же году преставился епископ владимирский Стефан, месяца апреля в 27-й день в шестой час ночи, а прежде был игуменом Печерского монастыря.

В год 6603 (1095). Ходили половцы на Греческую землю с Девгеневицем, воевали по Греческой земле; и царь захватил Девгеневица и приказал его ослепить. В тот же год пришли половцы, Итларь и Кыган, к Владимиру мириться. Пришел Итларь в город Переяславль, а Кыган стал между валами с воинами; и дал Владимир Кыгану сына своего Святослава в заложники, а Итларь был в городе с лучшей дружиной. В то же время пришел Славята из Киева к Владимиру от Святополка по какому-то делу, и стала думать дружина Ратиборова с князем Владимиром о том, чтобы погубить Итлареву чадь, а Владимир не хотел этого делать, так отвечая им: «Как могу я сделать это, дав им клятву?» И отвечала дружина Владимиру: «Княже! Нет тебе в том греха: они ведь всегда, дав тебе клятву, губят землю Русскую и кровь христианскую про-

ливают непрестанно». И послушал их Владимир, и в ту ночь послал Владимир Славяту с небольшой дружиной и с торками между валов. И, выкрав сперва Святослава, убили потом Кытана и дружину его перебили. Вечер был тогда субботный, а Итларь в ту ночь лежал у Ратибора на дворе с дружиною своею и не знал, что делали с Кытаном. Наутро же в воскресенье, в час заутрени, изготовил Ратибор отроков с оружием и приказал вытопить избу. И прислал Владимир отрока своего Бяндюка за Итларевой чадью, и сказал Бяндюк Итларю: «Зовет вас князь Владимир, а сказал так: «Обувшись в теплой избе и позавтракав у Ратибора, приходите ко мне». И сказал Итларь: «Пусть так». И как вошли они в истопку, так и заперли их. Взлезши на избу, прокопали крышу, и тогда Ольбер Ратиборич, взяв лук и наложив стрелу, попал Итларю в сердце, и дружину его всю перебили. И так бедственно окончил жизнь свою Итларь, в неделю сыропустную, в часу первом дня, месяца февраля в 24-й день. Святополк же и Владимир послали к Олегу, веля ему идти на половцев с ними. Олег же, обещая и выйдя, не пошел с ними в общий поход. Святополк же и Владимир пошли на вежи, и взяли вежи, и захватили скот и коней, верблюдов и челядь, и привели их в землю свою. И стали гнев держать на Олега, что не пошел с ними на поганых. И послали Святополк и Владимир к Олегу, говоря так: «Вот ты не пошел с нами на поганых, которые губили землю Русскую, а держишь у себя Итларевича — либо убей, либо дай его нам. Он враг нам и Русской земле». Олег же не послушал того, и была между ними вражда.

В тот же год пришли половцы к Юрьеву и простояли около него лето все и едва не взяли его. Святополк же замирил их. Половцы же пришли за Рось, юрьевцы же выбежали и пошли к Киеву. Святополк же приказал рубить город на Витичевском холме, по своему имени назвал его Святополчим городом и приказал

епископу Марину с юрьевцами поселиться там и засаковцам, и другим из других городов; а покинутый людьми Юрьев сожгли половцы. В конце того же года пошел Давыд Святославич из Новгорода в Смоленск; новгородцы же пошли в Ростов за Мстиславом Владимировичем. И, взяв, привели его в Новгород, а Давыду сказали: «Не ходи к нам». И воротился Давыд в Смоленск и сел в Смоленске, а Мстислав в Новгороде сел. В это же время пришел Изяслав, сын Владимиров, из Курска в Муром. И приняли его муромцы, и посадника схватили Олегова. В то же лето пришла саранча, месяца августа в 28-й день, и покрыла землю, и было видеть страшно, шла она к северным странам, поедая траву и просо.

В год 6604 (1096). Святополк и Владимир послали к Олегу, говоря так: «Иди в Киев, да заключим договор о Русской земле перед епископами, и перед игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед людьми городскими, чтобы оборонили мы Русскую землю от поганых». Олег же, исполнившись дерзких намерений и высокомерных слов, сказал так: «Не пристойно судить меня епископу, или игуменам, или смердам». И не захотел идти к братьям своим, послушав злых советников. Святополк же и Владимир сказали ему: «Так как ты не идешь на поганых, ни на совет к нам, то, значит, ты злоумышляешь против нас и поганым хочешь помогать, — так пусть бог рассудит нас». И пошли Святополк и Владимир на Олега к Чернигову. Олег же выбежал из Чернигова месяца мая в 3-й день, в субботу. Святополк же и Владимир гнались за ним, Олег же вбежал в Стародуб и там затворился; Святополк же и Владимир осадили его в городе, и бились крепко осажденные из города, а те ходили приступом на город, и раненых было много с обеих сторон. И была между ними брань лютая, и стояли около города дней тридцать и три, и изнемогали люди в городе. И вышел Олег из города, прося мира, и дали ему мир, говоря

так: «Иди к брату своему Давыду, и приходите в Киев на стол отцов наших и дедов наших, ибо то старейший город в земле во всей, Киев; там достойно нам сойтись на совещание и договор заключить». Олег же обещал это сделать, и на том целовали крест.

В то же время пришел Боняк с половцами к Киеву, в воскресенье вечером, и повоевал около Киева, и пожег на Верестове двор княжеский. В то же время воевал Куря с половцами у Переяславля и Устье сжег, месяца мая в 24-й день. Олег же вышел из Стародуба и пришел в Смоленск, и не приняли его смоленцы, и пошел к Рязани, Святополк же и Владимир пошли во свояси. В тот же месяц пришел Тугоркан, тесть Святополков, к Переяславлю, месяца мая в 30-й день, и стал около города, а переяславцы затворились в городе. Святополк же и Владимир пошли на него по этой стороне Днепра, и пришли к Зарубу, и там перешли вброд, и не заметили их половцы, бог сохранил их, и, исполчившись, пошли к городу; горожане же, увидев, рады были и вышли к ним, а половцы стояли на той стороне Трубежа, тоже исполчившись. Святополк же и Владимир пошли вброд через Трубеж к половцам, Владимир же хотел выстроить полк, они же не послушались, но ударили по коням и бросились на врага. Увидев это, половцы побежали, а наши погнались вслед воинам, рубя врагов. И содейл господь в тот день спасение великое: месяца июля в 19-й день побеждены были иноплеменники, и князя их убили Тугоркана, и сына его, и иных князей; и многие враги наши тут пали. Наутро же нашли Тугоркана мертвого, и взял его Святополк как тестя своего и врага, и, привезя его к Киеву, похоронили его на Берестовом, между путем, идущим на Берестово, и другим, ведущим к монастырю. И 20-го числа того же месяца, в пятницу, в первый час дня, снова пришел к Киеву Боняк безбожный, шелудивый, тайно, как хищник, внезапно, и чуть было в город не ворвались полов-

цы, и зажгли предградье около города, и повернули к монастырю, и выжгли Стефанов монастырь, и деревни, и Германов. И пришли к монастырю Печерскому, когда мы по кельям почивали после заутрени, и кликнули клич около монастыря, и поставили два стяга перед воротами монастырскими, а мы бежали задами монастыря, а другие взбежали на хоры. Безбожные же сыны Измаиловы вырубili врата монастырские и пошли по кельям, высекая двери, и выносили, если что находили в келье; затем выжгли дом святойладычицы нашей богородицы, и пришли к церкви, и зажгли двери на южной стороне, и вторые — на северной, и ворвавшись в притвор у гроба Феодосиева, хватая иконы, зажигали двери и оскорбляли бога нашего и закон наш. Бог же терпел, ибо не пришел еще конец грехам их и беззакониям их, а они говорили: «Где есть бог их? Да поможет им и спасет их!», и иные богохульные слова говорили на святые иконы, насмехаясь, не ведая, что бог учит рабов своих напастями ратными, чтобы делались они как золото, испытанное в горне: христианам ведь через множество скорбей и напастей предстоит войти в царство небесное, а эти поганые и оскорбители на этом свете имеют веселие и довольство, а на том свете примут муку, с дьяволом обречены они огню вечному. Тогда же зажгли двор Красный, который поставил благоверный князь Всеволод на холме, называемом Выдубицким: все это окаянные половцы запалили огнем. Потому-то и мы, вслед за пророком Давидом, взываем: «Господи, боже мой! Поставь их как колесо, как огонь перед лицом ветра, что пожирает дубравы, так погонишь их бурю твою; исполни лица их досадой». Ибо они осквернили и сожгли святой дом твой, и монастырь матери твоей, и трупы рабов твоих. Убили ведь несколько человек из братии нашей оружием, безбожные сыны Измаиловы, посланные в наказание христианам.

Вышли они из пустыни Етравской между востоком и севером, вышло же их четыре колена: торкмены и печенеги, торки, половцы. Мефодий же свидетельствует о них, что восемь колен убежали, когда иссек их Гедеон, да восемь их бежало в пустыню, а четыре он иссек. Другие же говорят: сыны Амоновы, но это не так; сыны ведь Моава — хвалисы, а сыны Амона — болгары, а сарацины от Измаила, выдают себя за сыновей Сары, и назвали себя сарацины, что значит: «Сарины мы». Поэтому хвалисы и болгары происходят от дочерей Лота, зачавших от отца своего, потому и нечисто племя их. А Измаил родил двенадцать сыновей, от них пошли торкмены, и печенеги, и торки, и куманы, то есть половцы, которые выходят из пустыни. И после этих восьми колен, при конце мира, выйдут заклепанные в горе Александром Македонским нечистые люди...

Теперь же хочу поведать, о чем слышал четыре года назад и что рассказал мне Гюрята Рогович новгородец, говоря так: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду. И пришел отрок мой к ним, а оттуда пошел в землю Югорскую. Югра же — это люди, а язык их непонятен, и соседят они с самоядью в северных странах. Югра же сказала отроку моему: «Дивное мы нашли чудо, о котором не слышали раньше, а началось это еще три года назад; есть горы, заходят они в луку морскую, высота у них как до неба, и в горах тех стоит клик великий и говор, и секут гору, стремясь высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож ли или секиру, они вместо того дают меха. Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не всегда доходим до них; идет он и дальше на север». Я же сказал Гюряте: «Это люди, заклепанные Александром, царем Македонским», как говорит о них Мефодий Па-

тарский: «Александр, царь Македонский, дошел в восточные страны до моря, до так называемого Солнечного места, и увидел там людей нечистых из племени Иафета, и нечистоту их видел: ели они скверну всякую, комаров и мух, кошек, змей, и мертвецов не погребали, но поедали их, и женские выкидыши, и скотов всяких нечистых. Увидев это, Александр убоился, как бы не размножились они и не осквернили землю, и загнал их в северные страны в горы высокие; и по божию повелению сошлись за ними горы великие, только не сошлись горы на двенадцать локтей, и тут воздвигались ворота медные и помазались синклитом; и если кто захочет их взять, не сможет, ни огнем не сможет сжечь, ибо свойство синклита таково: ни огонь его не может спалить, ни железо его не берет. В последние же дни выйдут восемь колен из пустыни Етравской, выйдут и эти скверные народы, что живут в горах северных по повелению божию».

Но мы к предыдущему возвратимся, — о чем ранее говорили. Олег обещал пойти к брату своему Давыду в Смоленск, и прийти с братом своим в Киев, и договор заключить, но не хотел того Олег сделать, а, придя в Смоленск и взяв воинов, пошел к Мурому, а в Муроме был тогда Изяслав Владимирович. Пришла же весть к Изяславу, что Олег идет к Мурому, и послал Изяслав за воинами в Суздаль, и в Ростов, и за белозерцами и собрал воинов много. И послал Олег послов своих к Изяславу, говоря: «Иди в волость отца своего к Ростову, а это волость отца моего. Хочу же я, сев здесь, договор заключить с отцом твоим. То ведь он меня выгнал из города отца моего. А ты ли мне здесь моего же хлеба не хочешь дать?» И не послушал Изяслав слов тех, надеясь на множество воинов своих. Олег же надеялся на правду свою, ибо прав был в этом, и пошел к городу с воинами. Изяслав же исполнился перед городом в поле. Олег же пошел на него полком, и сошлись обе стороны, и бы-

ла сеча лютая. И убили Изяслава, сына Владимирова, внука Всеволодова, месяца сентября в 6-й день, прочие же воины его побежали, одни через лес, другие в город. Олег же вошел в город, и приняли его горожане. Изяслава же взяли и положили в монастыре святого Спаса, и оттуда перенесли его в Новгород, и положили его в церкви святой Софии, на левой стороне. Олег же по взятии города перехватил ростовцев, и белозерцев, и суздальцев, и заковал их, и устремился на Суздаль. И когда пришел в Суздаль, сдались ему суздальцы. Олег же, замирив город, одних похватал, а других изгнал и имущество у них отнял. Пошел к Ростову, и ростовцы сдались ему. И захватил всю землю Муромскую и Ростовскую, и посадил посадников по городам, и дань начал собирать. И послал к нему Мстислав посла своего из Новгорода, говоря: «Иди из Суздаля в Муром, а в чужой волости не сиди. И я с дружиною своею пошлю просить к отцу моему и помирю тебя с отцом моим. Хоть и брата моего убил ты, — не удивительного то: в бою ведь и цари и мужи погибают». Олег же не пожелал его послушать, но замышлял еще и Новгород захватить. И послал Олег Ярослава, брата своего, в сторожу, а сам стал на поле у Ростова. Мстислав же посоветовался с новгородцами, и послали Добрыню Рагуиловича вперед себя в сторожу; Добрыня же прежде всего перехватал данщиков. Узнал же Ярослав, стоя на Медведице в стороже, что данщики схвачены, и побежал в ту же ночь, и прибежал к Олегу, и поведал ему, что идет Мстислав, а сторожи схвачены, и пошел к Ростову. Мстислав же пришел на Волгу, и поведали ему, что Олег повернул назад к Ростову, и пошел за ним Мстислав. Олег же пришел к Суздалью и, услышав, что идет за ним Мстислав, повелел зажечь Суздаль город, только остался двор монастырский Печерского монастыря и церковь тамошняя святого Дмитрия, которую дал монастырю Ефрем вместе с селами. Олег же

побежал к Мурому, а Мстислав пришел в Суздаль и, сев там, стал посылать к Олегу, прося мира: «Я младше тебя, посылай к отцу моему, а дружину, которую захватил, вороти; а я тебе буду во всем послушен». Олег же послал к нему, притворно прося мира; Мстислав же поверил обману и распустил дружину по селам. И настала Федорова неделя поста, и пришла Федорова суббота, и когда Мстислав сидел за обедом, пришла ему весть, что Олег на Клязьме, подошел, не сказавшись, близко. Мстислав, доверившись ему, не расставил сторожей, — но бог знает, как избавлять благочестивых своих от обмана! Олег же расположился на Клязьме, думая что, испугавшись его, Мстислав побежит. К Мстиславу же собралась дружина в тот день и в другой, новгородцы, и ростовцы, и белозерцы. Мстислав же стал перед городом, исполнив дружину, и не двинулся ни Олег на Мстислава, ни Мстислав на Олега, и стояли друг против друга четыре дня. И пришла к Мстиславу весть, что «послал тебе отец брата Вячеслава с половцами». И пришел Вячеслав в четверг после Федорова воскресенья, в пост. А в пятницу пришел Олег, исполнившись, к городу, и Мстислав пошел против него с новгородцами и ростовцами. И дал Мстислав стяг Владимиров половчанину, именем Кунуй, и дал ему пехотинцев, и поставил его на правом крыле. И Кунуй, заведя пехотинцев, развернул стяг Владимиров, и увидел Олег стяг Владимиров и испугался, и ужас напал на него и на воинов его. И пошли в бой обе стороны, и пошел Олег против Мстислава, а Ярослав пошел против Вячеслава. Мстислав же перешел через пожарище с новгородцами, и сошли с коней новгородцы, и соступились на реке Кóлокше, и была сеча крепкая, и стал одолевать Мстислав. И увидел Олег, что двинулся стяг Владимиров и стал заходить в тыл ему, и, убоявшись, бежал Олег, и одолел Мстислав. Олег же прибежал в Муром и затворил Ярослава в Муроме, а сам

пошел в Рязань. Мстислав же пришел к Мурому, и сотворил мир с муромцами, и взял своих людей, ростовцев и суздальцев, и пошел к Рязани за Олегом. Олег же выбежал из Рязани, а Мстислав, придя, заключил мир с рязанцами и взял людей своих, которых заточил Олег. И послал к Олегу, говоря: «Не убегай никуда, но пошли к братии своей с мольбою не лишать тебя Русской земли. И я пошлю к отцу просить за тебя». И обещал Олег сделать так. Мстислав же, возвратившись в Суздаль, пошел оттуда в Новгород, в свой город, по мольбе преподобного епископа Никиты. Это было на исходе 6604 года, индикта 4-го наполовину.

В год 6605 (1097). Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег, и собрались на совет в Любече для установления мира, и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир — Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав — Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду — Владимир, Ростиславичам же: Володарю — Перемышль, Васильку — Теревовль». И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская». И, попросившись, пошли восвосяси.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады были люди все, но только дьявол огорчен был их любовью. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они говорить Давыду Игоревичу, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а те-

перь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове». Святополк же сильно смутился и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду. «Коли правду говоришь, бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, бог тебе судья». Святополк же пожалел о брате своем и про себя стал думать, не правда ли это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке, а Василько этого не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк. И пришел Василько 4 ноября, и перевезся на Выдобечь, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинали тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся в обоз свой. И на другое же утро прислал к нему Святополк, говоря: «Не ходи от именин моих». Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старшего». И не захотел Василько послушаться. И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли — не помнит о тебе, ходя под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет все твои города — Туров, Пинск и другие города твои. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне». И послушался его Святополк, и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь остаться до именин моих, то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил на него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил его отрок его и сказал ему: «Не езди, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, помышляя: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и ска-

зал: «Воля господня да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор, и вышел к нему Святополк, и пошли в избу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел как немой. И сказал Святополк: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряджусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман имел в сердце. И, посидевши немного, спросил Давыд: «Где брат?» Они же сказали ему: «Стоит на сених». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел вон. И как скоро вышел Давыд, заперли Василька, — 5 ноября, — и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует беречь голову свою; если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет месть от бога и отвечает перед богом». И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал подушать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Белгород — небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в избу малую. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к богу с плачем великим

и со стенами. И вот влезли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко, и не смогли его повалить. И вот влезли другие, и повалили его, и связали его, и сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитр и не могли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, держа нож, и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись глаза, перерезал его лицо, и видна рана та у Василька поныне. И затем ударил его в глаз и исторг глаз, и потом — в другой глаз и вынул другой глаз. И был он в то время как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу как мертвого, повезли во Владимир. И когда везли его, остановились с ним, перейдя Воздвиженский мост, на торговище и стащили с него сорочку, всю окровавленную, и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, надела на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадья как мертвого. И услышал плач, и сказал: «Где я?» И ответили ему: «В Воздвиженске городе». И попросил воды, они же дали ему, и испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал сорочку, и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той сорочке кровавой смерть принял и предстал бы в ней перед богом». Те же, пообедав, поехали с ним быстро на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» — грудень, то есть ноябрь. И прибыли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл же и Давыд с ним, точно некий улов ловив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, услышав, что схвачен был Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: «Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла». И тут тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо нож в нас брошен. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и плакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору; Владимир же и Давыд и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и бросил в нас нож? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами. А, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так. А теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое». И сказал Святополк: «Поведал мне Давыд Игоревич: «Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире». А мне поневоле свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе». И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоём городе взят и ослеплен». И, сказав это, разошлись. На следующее утро собрались они перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и

братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую оборонили отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру, и молили его, и поведали мольбу киевлян — заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину отцы наши и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить». И преклонился Владимир на мольбу княгинину, которую почитал как мать, памяти ради отца своего, ибо сильно любил он отца своего и при жизни его и по смерти не ослушивался его ни в чем; потому и слушал он ее как мать свою и митрополита также чтит за сан святительский, не ослушался мольбы его.

Владимир был полон любви: любовь имел он и к митрополитам, и к епископам, и к игуменам, особенно же любил монашеский чин и монахинь любил, приходивших к нему кормил и поил, как мать детей своих. Когда видел кого шумным или в каком постыдном положении, не осуждал того, но ко всем относился с любовью и всех утешал. Но вернемся к своему повествованию.

Княгиня же, побывав у Владимира, вернулась в Киев и поведала все, сказанное Святополку и киевлянам, что мир будет. И начали слать друг к другу мужей и помирились на том, что сказали Святополку: «Это козни Давыда, так ты иди, Святополк, на Давыда и либо схвати, либо прогони его». Святополк же согласился на это, и целовали крест друг другу, заключив мир.

Когда же Василько был во Владимире, в прежде указанном месте, и приближался Великий пост, и я был тогда во Владимире, однажды ночью прислал за мной князь Давыд. И пришел к нему; и сидела около него

дружина его, и, посадив меня, сказал мне: «Вот молвил Василько сегодня ночью Улану и Колче: «Слышу, что идут Владимир и Святополк на Давыда; если бы Давыд меня послушал, чтобы я послал мужей своих к Владимиру с просьбой воротиться, ибо я знаю, что сказать ему, — и он не пойдет дальше». И вот, Василий, посылаю тебя, иди к Васильку, тезке твоему, с этими отроками и молви ему так: «Если хочешь послать мужей своих и если Владимир воротится, дам тебе любой город, который тебе люб, — либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемышль». Я же пошел к Васильку и поведал ему все речи Давыда. Он же сказал: «Того я не говорил, но надеюсь на бога. Пошлю к Владимиру, чтобы не проливали ради меня крови. Но тому мне дивно, что дает мне город свой, но мой Теревовль — мое владение и ныне и в будущем», что и сбылось, ибо вскоре он получил владение свое. Мне же сказал: «Иди к Давыду и скажи ему: «Пришли мне Кульмея, да пошлю его к Владимиру». И не послушал его Давыд, и послал меня опять сказать ему: «Нет тут Кульмея». И сказал мне Василько: «Посиди немного». И повелел слуге своему идти вон, и сел со мною, и стал мне говорить: «Вот слышу, что хочет меня выдать полякам Давыд; мало он насытился моей кровью, — хочет еще больше насытиться, отдав меня им. Ибо я много зла сделал ляхам и еще хотел сделать и мстить за Русскую землю. И если он меня выдаст полякам, не боюсь я смерти, но скажу тебе по правде, что бог на меня послал это за мою гордость: пришла ко мне весть, что идут ко мне берендеи, и печенеги, и торки, и сказал я себе: если у меня будут берендеи, и печенеги, и торки, то скажу брату своему Володарю и Давыду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь. И подумал: землю Польскую буду завоевывать зимою и летом, и завладею землею Польскою, и отомщу за Русскую землю. И потом хотел захватить болгар дунайских и поса-

дить их у себя. И затем хотел отпроситься у Святополка и у Владимира идти на половцев — да либо славу себе буду иметь, либо голову свою сложу за Русскую землю. Другого замышления в сердце моем не было ни на Святополка, ни на Давыда. И вот, клянусь богом и его пришествием, что не замышлял я зла братии своей ни в чем. Но за мое высокомерие низложил меня бог и смирил».

Потом же, с приходом Пасхи, пошел Давыд, собираясь захватить Василькову волость; и встретил его Володарь, брат Васильков, у Божеска. И не посмел Давыд пойти против Василькова брата Володаря и затворился в Божеске, и Володарь осадил его в городе. И стал Володарь говорить: «Почему, сотворив зло, не каешься в нем? Вспомни наконец, сколько зла натворил». Давыд же стал обвинять Святополка, говоря: «Разве я это сделал, разве в моем это было городе? Я сам боялся, чтобы и меня не схватили и не поступили со мной так же. Поневоле пришлось мне пристать к заговору и подчиниться». И сказал Володарь: «Бог свидетель тому, а нынче отпусти брата моего, и сотворю с тобою мир». И, обрадовавшись, послал Давыд за Васильком, и, приведя его, выдал Володарю, и был заключен мир, и разошлись. И сел Василько в Теревовле, а Давыд пришел во Владимир. И когда настала весна, пришли Володарь и Василько на Давыда и подошли ко Всеволожу, а Давыд затворился во Владимире. Стали они около Всеволожа, и взяли город приступом, и запалили его огнем, и побежали люди от огня. И повелел Василько иссечь их всех, и сотворил мщение над людьми неповинными, и пролил кровь невинную. Затем же пришли к Владимиру, и затворился Давыд во Владимире, а те обступили город. И послали к владимирцам, говоря: «Мы не пришли на город ваш, ни на вас, но на врагов своих, на Туряка, и на Лазаря, и на Василя, ибо они подговорили Давыда, и их послушал Давыд и сотворил

это злодейство. А если хотите за них биться, то мы готовы, либо выдайте врагов наших». Горожане же, услышав это, созвали вече, и сказали Давыду люди: «Выдай мужей этих, не будем биться из-за них, а за тебя биться можем. Иначе отворим ворота города, а ты сам позаботься о себе». И поневоле пришлось выдать их. И сказал Давыд: «Нет их здесь»; ибо он послал их в Луцк. Когда же они отправились в Луцк, Туряк бежал в Киев, а Лазарь и Василь воротились в Турийск. И услышали люди, что те в Турийске, кликнули люди на Давыда и сказали: «Выдай, кого от тебя хотят! Иначе сдадимся». Давыд же, послав, привел Василя и Лазаря и выдал их. И заключили мир в воскресенье. А на другое утро, на рассвете, повесили Василя и Лазаря, и расстреляли их стрелами Васильковичи, и пошли от города. Это второе отмщение сотворил он, которого не следовало сотворить, чтобы бог был только мстителем, и надо было возложить на бога отмщение свое, как сказал пророк: «И воздам мечь врагам и ненавидящим меня воздам, ибо за кровь сынов своих мстит бог и воздает отмщение врагам и ненавидящим его». Когда же те ушли от города, сняли тела их и погребли.

Святополк же, обещав прогнать Давыда, пошел к Берестью к полякам. Услышав об этом, Давыд пошел в Польшу к Владиславу, ища помощи. Поляки же обещали ему помогать и взяли у него золота пятьдесят гривен, сказав ему: «Пойди с нами к Берестью, ибо зовет нас Святополк на совет, и там помирим тебя со Святополком». И, послушав их, Давыд пошел к Берестью с Владиславом. И стал Святополк в городе, а поляки на Буге, и стал переговариваться Святополк с поляками, и дал дары великие за Давыда. И сказал Владислав Давыду: «Не послушает меня Святополк, иди снова». И пошел Давыд во Владимир, и Святополк, посоветовавшись с поляками, пошел к Пинску, послав за воинами. И пришел в Дорогобуж, и дождал-

ся там своих воинов, и пошел на Давыда к городу, и Давыд затворился в городе, надеясь на помощь от поляков, ибо сказали ему, что «если придут на тебя русские князья, то мы тебе будем помощниками»; и солгали ему, взяв золото и у Давыда, и у Святополка. Святополк же осадил город, и стоял Святополк около города семь недель; и стал Давыд проситься: «Пусти меня из города». Святополк же обещал ему, и целовали они крест друг другу, и вышел Давыд из города, и пришел в Червен; а Святополк вошел во Владимир в великую субботу, а Давыд бежал в Польшу.

Святополк же, прогнав Давыда, стал умышлять на Володаря и Василька, говоря, что «это волость отца моего и брата»; и пошел на них. Услышав это, Володарь и Василько пошли против него, взяв крест, который он целовал им на том, что «на Давыда пришел я, а с вами хочу иметь мир и любовь». И преступил Святополк крест, надеясь на множество своих воинов. И встретились в поле на Рожни, исполнились обе стороны, и Василько поднял крест, сказав: «Его ты целовал, вот сперва отнял ты зрение у глаз моих, а теперь хочешь взять душу мою. Да будет между нами крест этот!» И двинулись друг на друга в боевом порядке, и сошлись полки, и многие люди благоверные видели крест, высоко поднятый над Васильковыми воинами. Во время великого сражения, когда многие падали из обеих войск, Святополк, увидев, какой идет лютой бой, побегал и прибежал во Владимир. Володарь же и Василько, победив, остались стоять тут же, говоря: «Надлежит нам на своем рубеже стать», и не пошли никуда. Святополк же прибежал во Владимир, и с ним два его сына, и Ярополчича два, и Святоша, сын Давыда Святославича, и прочая дружина. Святополк же посадил во Владимире сына своего Мстислава, который был у него от наложницы, а Ярослава послал в Венгрию, приглашая венгров на Володаря, а сам пошел к Киеву. Ярослав же, сын Святополка, пришел с

венграми, и король Коломан, и два епископа, и стали около Перемышля по Вагру, а Володарь затворился в городе. Ибо Давыд в то время вернулся из Польши и посадил жену свою у Володаря, а сам пошел в Половецкую землю. И встретил его Боняк, и воротился Давыд, и пошли на венгров. Когда же они шли, остановились на ночлег; и когда наступила полночь, встал Боняк, отъехал от воинов и стал выть по-волчьи, и волк ответил воем на вой его, и завыло множество волков. Боняк же, вернувшись, поведал Давыду, что «победа у нас будет над венграми завтра». И наутро Боняк исполнил воинов своих, и было у Давыда воинов сто, а у самого триста; и разделил их на три полка и пошел на венгров. И пустил Алтунопу нападать с пятьюдесятью людьми, а Давыда поставил под стягом, а своих воинов разделил на две части, по пятьдесят человек на каждой стороне. Венгры же исполнились в несколько рядов, ибо было их сто тысяч. Алтунопа же, подскакав к первому ряду и пустив стрелы, бежал от венгров, венгры же погнались за ним. На бегу они промчались мимо Боняка, и Боняк погнался за ними, рубя их с тыла, а Алтунопа возвратился обратно, и не пропустил венгров назад, и так, во множестве избивая их, сбили их в мяч. Боняк же разделил своих на три полка, и сбили венгров в мяч, как сокол сбивает галок. И побежали венгры, и многие утонули в Вагре, а другие в Сане. И бежали они вдоль Сана в ту гору, и спихивали друг друга, и гнались за ними два дня, рубя их. Тут же убили и епископа их Купана и из бояр многих, говорили ведь, что погибло их сорок тысяч.

Ярослав же бежал в Польшу и пришел в Берестье, а Давыд, захватив Сутейск и Червен, пришел внезапно и захватил владимирцев, а Мстислав затворился в городе с засадою из берестьян, пинчан, выгошевцев. И стал Давыд, обступив город, и делал частые приступы. Однажды подступили к городу под башни, те же бились

с городских стен, и была стрельба между ними, и летели стрелы, как дождь. Мстислав же, собираясь выстрелить, внезапно ранен был под пазуху стрелой, стоя на забралах стены, в скважину между досок, и свели его вниз, и в ту же ночь умер. И скрывали это три дня, а на четвертый день поведали на вече. И сказали люди: «Вот, князь убит; и если сдадимся, Святополк погубит нас всех». И послали к Святополку, говоря: «Вот, сын твой убит, а мы изнемогаем от голода. Если не придешь, люди хотят сдать, не могут стерпеть голода». Святополк же послал Путятю, воеводу своего. Путята же с воинами пришел в Луцк к Святоше, сыну Давыдову, и там были мужи Давыдовы у Святоши, ибо поклялся Святоша Давыду: «Если пойдет на тебя Святополк, то поведаю тебе». И не сотворил того Святоша, но похватал мужей Давыдовых, а сам пошел на Давыда. И пришли Святоша и Путята, августа в 5-й день, в полдень, когда Давыдовы воины облегли город, а Давыд спал; и напали на них и начали рубить. И горожане выскочили из города и тоже стали рубить воинов Давыдовых, и побежали Давыд и Мстислав, племянник его. Святоша же и Путята взяли город и посадили посадника Святополкова Василия. И пришел Святоша в Луцк, а Путята в Киев. Давыд побежал в Половецкую землю, и встретил его Боняк. И пошли Давыд и Боняк на Святошу к Луцку, и осадили Святошу в городе, и сотворили мир. И вышел Святоша из города и пришел к отцу своему в Чернигов. А Давыд захватил Луцк и оттуда пришел во Владимир, посадник же Василь выбежал, а Давыд перехватил Владимир и сел в нем. А на второй год Святополк, Владимир, Давыд и Олег приманили Давыда Игоревича и не дали ему Владимира, но дали ему Дорогобуж, где он и умер. А Святополк перехватил себе Владимир и посадил в нем сына своего Ярослава.

В год 6606 (1098). Пришли Владимир, и Давыд, и Олег на Святополка и стали у Городца, и сотворили мир, как я сказал уже под предыдущим годом.

В год 6607 (1099). Вышел Святополк на Давыда к Владимиру и прогнал Давыда в Польшу. В этот же год побиты были венгры у Перемышля. В тот же год убит Мстислав, сын Святополков, во Владимире, месяца июня в 12-й день.

В год 6608 (1100). Вышел Мстислав от Давыда на море, месяца июня в 10-й день. В тот же год братья сотворили мир между собою, Святополк, Владимир, Давыд, Олег в Уветичах, месяца августа в 10-й день. Того же месяца в 30-й день в том же месте собрались на совет все братья — Святополк, Владимир, Давыд, Олег, — и пришел к ним Игоревич Давыд и сказал им: «Зачем призвали меня? Вот я. У кого на меня обида?» И ответил ему Владимир: «Ты сам прислал к нам: «Хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды». Вот ты и пришел, и сидишь с братьями своими на одном ковре — почему же не жалуешься? На кого из нас у тебя жалоба?» И не отвечал Давыд ничего. И стали братья на конях; и стал Святополк со своей дружиной, а Давыд и Олег каждый со своею отдельно. А Давыд Игоревич сидел в стороне, и не подпустили они его к себе, но особо совещались о Давыде. И, порешив, послали к Давыду мужей своих, Святополк Путятю, Владимир Орогостя и Ратибора, Давыд и Олег Торчина. Посланные же пришли к Давыду и сказали ему: «Так говорят тебе братья: «Не хотим тебе дать стола Владимирского, ибо бросил ты нож в нас, чего не бывало еще в Русской земле. И мы тебя не схватим и никакого зла тебе не сделаем, но вот что даем тебе — отправляйся и садись в Божском остроге, а Дубен и Чарторыйск дает тебе Святополк, а Владимир дает тебе двести гривен, и Давыд с Олегом двести гривен». И тогда послали послов своих к Володарю и Васильку: «Возьми брата своего Василька

к себе, и будет вам одна волость, Перемышль. И если то вам любо, то сидите там оба, если же нет, то отпусти Василька сюда, мы его прокормим здесь. А холопов наших выдайте и смердов». И не послушались этого ни Володарь, ни Василько. А Давыд сел в Божске, и затем дал Святополк Давыду Дорогобуж, где он и умер, а город Владимир отдал сыну своему Ярославу.

В год 6609 (1101). Преставился Всеслав, полоцкий князь, месяца апреля в 14-й день, в девять часов дня, в среду. В тот же год поднял войну Ярослав Ярополчич в Берестье, и пошел на него Святополк, и застал его в городе, и схватил его, и заковал, и привел его в Киев. И просили за него митрополит и игумены, и умолили Святополка, и взяли с него клятву у гроба святых Бориса и Глеба, и сняли с него оковы, и пустили его. В том же году собрались на Золотче все братья: Святополк, Владимир, и Давыд, и Олег, Ярослав, брат их. И прислали половцы послов от всех князей ко всем братьям, прося мира. И сказали им русские князья: «Если хотите мира, соберемся у Сакова». И послали за половцами, и собрались на совет у Сакова, и сотворили мир с половцами, и обменялись заложниками, месяца сентября в 15-й день, и разошлись в разные стороны.

В год 6610 (1102). Выбежал Ярослав Ярополчич из Киева, месяца октября в 1-й день. Того же месяца на исходе обманул Ярослав Святополчич Ярослава Ярополчича, схватил его на Нуре и привел его к отцу Святополку, и оковали его. В том же году, месяца декабря в 20-й день, пришел Мстислав, сын Владимира, с новгородцами, ибо Святополк с Владимиром имел договор, что Новгороду быть за Святополком и посадить там сына своего, а Владимиру посадить сына своего во Владимире. И пришел Мстислав в Киев, и сели совещаться в избе, и сказали мужи Владимировы: «Вот прислал Владимир сына своего, а вот сидят новгородцы, пусть возьмут сына твоего и идут в Нов-

город, а Мстислав пусть идет во Владимир». И сказали новгородцы Святополку: «Вот мы, княже, присланы к тебе, и сказали нам так: «Не хотим ни Святополка, ни сына его. Если же две головы имеет сын твой, то пошли его; а этого дал нам Всеволод, сами вскормили себе князя, а ты ушел от нас». И Святополк много спорил с ними, но они не захотели и, взяв Мстислава, пришли в Новгород. В тот же год было знаменье в небе, месяца января в 29-й день, и было три дня, стояло точно зарево пожара с востока, и юга, и запада, и севера, и был такой свет всю ночь, как от полной светящейся луны. В тот же год было знаменье в луне, месяца февраля в 5-й день. Того же месяца в 7-й день было знаменье в солнце: огородилось солнце тремя дугами, и были другие дуги, хребтами одна к другой. И, видя эти знамения, благоверные люди с воздыханием молились богу и со слезами, чтобы бог обратил эти знамения к добру: знамения ведь бывают одни к злу, другие же к добру. На следующую год вложил бог мысль добрую русским князьям: задумали дерзнуть на половцев, пойти в землю их, что и сделали, как скажем после, под следующим годом. В этот же год преставился Ярослав Ярополчич, месяца августа в 11-й день. В тот же год повели дочь Святополка Сбыславу в Польшу за Болеслава, месяца ноября в 16-й день.

В год 6611 (1103). Вложил бог в сердце князьям русским, Святополку и Владимиру, и собрались на совет в Долобске. И сел Святополк с дружиною своею, а Владимир со своею в одном шатре. И стала совещаться дружина Святополкова и говорить, что «не годится ныне, весной, идти, погубим смердов и пашню их». И сказал Владимир: «Дивно мне, дружина, что лошадей жалеете, которыми пахут; а почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчанин застрелит его стрелою, а лошадь его заберет, а в село его приехав, возьмет жену его, и де-

тей его, и все его имущество? Лошади вам жаль, а самого не жаль ли?» И ничего не смогла ответить дружина Святополка. И сказал Святополк: «Вот я готов уже». И встал Святополк, и сказал ему Владимир: «Это ты, брат, великое добро сотворишь земле Русской». И послали к Олегу и Давыду, говоря: «Пойдите на половцев, да будем либо живы, либо мертвы». И послушал Давыд, а Олег не захотел того, сказав причину: «Нездоров». Владимир же, попрощавшись с братом своим, пошел в Переяславль, а Святополк за ним, и Давыд Святославич, и Давыд Всеславич, и Мстислав, Игорев внук, Вячеслав Ярополчич, Ярополк Владимирович. И пошли на конях и в ладьях, и пришли пониже порогов, и стали в порогах у острова Хортицы. И сели на коней, а пехотинцы, выйдя из ладей, шли полем четыре дня и пришли на Сутень. Половцы же, услышав, что идет русь, собрались без числа много и стали совещаться. И сказал Урусоба: «Попросим мира у руси, так как крепко они будут биться с нами, ибо много зла сотворили мы Русской земле». И сказали Урусобе молодые: «Ты боишься руси, но мы не боимся. Перебив этих, пойдем в землю их и завладеем городами их, и кто избавит их от нас?» Русские же князья и воины все молились богу и обеты давали богу и матери его, кто кутьею, кто милостынею убогим, другие же пожертвованиями в монастыри. И когда они так молились, пришли половцы и послали перед собою в сторожах Алтунопу, который славился у них мужеством. Также и русские князья послали сторожей своих. И подстерегли русские сторожа Алтунопу, и, обступив его, убили Алтунопу и тех, кто был с ним, и ни один не спасся, но всех перебили. И пошли полки как лес, конца им не было видно, и русь пошла против них. И великий бог вложил ужас великий в половцев, и страх напал на них и трепет от лица русских воинов, и оцепенели сами, и у коней их не было быстроты в ногах. Наши

же с весельем на конях и пешие пошли к ним. Половцы же, увидев, как устремились на них русские, не дойдя, побежали перед русскими полками. Наши же погнались, рубя их. В день 4-го апреля совершил бог великое спасение, а на врагов наших дал нам победу великую. И убили тут в бою двадцать князей: Урусобу, Кчия, Арсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочих князей их, а Белдюзя захватили. После того сели братья совещаться, победив врагов своих, и привели Белдюзя к Святополку, и стал Белдюзь предлагать за себя золото, и серебро, и коней, и скот. Святополк же послал его к Владимиру. И когда он пришел, начал спрашивать его Владимир: «Знай, это клятва захватила вас! Ибо сколько раз, дав клятву, вы все-таки воевали Русскую землю? Почему не учил ты сыновей своих и род свой не нарушать клятвы, но проливали кровь христианскую? Да будет кровь твоя на голове твоей!» И повелел убить его, и так разрубили его на части. И затем собрались братья все на совет, и сказал Владимир: «Вот день, который сотворил господь, возрадуемся и возвеселимся в этот день, ибо бог избавил нас от врагов наших, и покорил врагов наших, и «сокрушил головы змеинные и передал достояние их людям» русским». Ибо взяли тогда скот, и овец, и коней, и верблюдов, и вежи с добычей и с челядью, и захватили печенегов и торков с вежами. И вернулись на Русь с полоном великим, и со славою, и с победою великою. В том же году пришла саранча, августа в 1-й день. Того же месяца в 18-й день пошел Святополк и срубил город Юрьев, который сожгли половцы. В том же году бился Ярослав с мордвою, месяца марта в 4-й день, и побежден был Ярослав.

В год 6612 (1104). Повели дочь Володареву за царевича Алексинича, в Царьград, месяца июля в 20-й день. В том же году повели Предславу, дочь Святополка, в Венгрию за королевича, августа в 21-й день. В том же

году пришел митрополит Никифор на Русь, месяца декабря в 6-й день. Того же месяца в 13-й день представился Вячеслав Ярополчич. В том же месяце, в 18-й день, Никифор митрополит посажен на столе. Расскажем же и это: на исходе того же года послал Святополк Путятю на Минск, а Владимир — сына своего Ярополка, а Олег сам пошел на Глеба, взяв Давыда Всеславича; и, ничего не успев, возвратились. И родился у Святополка сын, и нарекли имя ему Брячислав. В тот же год было знаменье: стояло солнце в круте, а посредине круга крест, и посредине креста солнце, а вне круга по обе стороны два солнца, а над солнцем вне круга дуга, рогами на север; такое же знаменье было и в луне, такого же вида, месяца февраля в 4-й, 5-й и 6-й день, днем три дня, а ночью, в луне, три ночи.

В год 6613 (1105). Поставил митрополит епископом Анфилофия во Владимир, месяца августа в 27-й день. В том же году поставил Лазаря в Переяславль, ноября в 12-й день. В том же году поставил Мину в Полоцке, декабря в 13-й день.

В год 6614 (1106). Воевали половцы около Зареческа, и послал на них Святополк Янь и Ивана Захарьича, козарина, и прогнали половцев и полон отняли. В тот же год преставился Янь, старец добрый, прожив девяносто лет, в старости маститой; жил по закону божию, не хуже был первых праведников. От него же и я много рассказов слышал, которые и записал в летописание этом, от него услышав. Был он муж благ, и кроток, и смирен, избегая всякого зла; гроб его находится в Печерском монастыре, в притворе, там лежит тело его, положенное месяца июня в 24-й день. В тот же год постриглась Евпраксия, Всеволодова дочь, месяца декабря в 6-й день. В тот же год прибежал Избыгнев к Святополку. В тот же год постригся Святослав, сын Давыдов, внук Святославов, месяца февраля в 17-й день. В тот же год победила зимигола

Всеславичей, всех братьев, и дружины их перебила девять тысяч.

В год 6615 (1107), индикта, круга луны 4-й год, а солнечного круга 8-й год. В этот же год преставилась жена Владимирова месяца мая в 7-й день. В том же месяце воевал Боняк и захватил коней у Переяславля. В том же году пришли Боняк и Шарукан старый и другие князья многие и стали около Лубна. Святополк же, и Владимир, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк пошли на половцев к Лубну, и в шестом часу дня перешли вброд через Сулу и кликнули на них. Половцы же ужаснулись, со страху не могли и стяга поставить и бежали, похватав коней, а иные бежали пешие. Наши же стали рубить, гоня их, а другие руками хватать, и гнали чуть не до Хорола. Убили же Таза, Бонякова брата, а Сутра захватили и брата его, а Шарукан едва убежал. Покинули половцы и обоз свой, который взяли русские воины месяца августа в 12-й день, и вернулись русские восвояси с победой великой. Святополк же пришел в Печерский монастырь на заутреню на Успенье святой богородицы, и братия приветствовала его с радостью великою, говоря, что враги наши побеждены были молитвами святой богородицы и святого отца нашего Феодосия. Такое обыновение имел Святополк: когда шел на войну или куда-нибудь, то сперва поклонившись гробу Феодосиеву и молитву взяв у игумена печерского, только тогда уже отправлялся в путь свой. В тот же год преставилась княгиня, мать Святополка, месяца января в 4-й день. В том же году, в том же месяце, пошел Владимир, и Давыд, и Олег к Аепе и ко другому Аепе и сотворили мир. И взял Владимир за Юрия Аепину дочь, Осеневу внучку, а Олег взял за сына Аепину дочь, Гиргеневу внучку, месяца января в 12-й день. А февраля 5-го тряслася земля ночью перед рассветом.

В год 6616 (1108). Заложена была церковь святого Михаила, Златоверхая, Святополком князем, 11 июля.

И закончили трапезницу Печерского монастыря при Феоктисте игумене, который ее и заложил по повелению Глеба на его пожертвования. В тот же год вода была велика в Днепре, и в Десне, и в Припяти. В том же году вложил бог в сердце Феоктисту, игумену Печерскому, и стал говорить князю Святополку, чтобы вписал Феодосия в синодик. И тот, обрадовавшись, обещал и исполнил, повелел митрополиту вписать его в синодик. И повелел вписывать его по всем епископиям, и все епископы с радостью вписали, и повелел поминать его на всех соборах. В тот же год преставилась Катерина, дочь Всеволода, месяца июля в 11-й день. В тот же год кончили верх святой Богородицы на Клове, заложеной Стефаном, игуменом Печерским.

В год 6617 (1109). Преставилась Евпраксия, дочь Всеволода, месяца июля в 10-й день, и положена была в Печерском монастыре у дверей, которые к югу. И сделали над ней божницу, там, где лежит тело ее. В тот же год месяца декабря во 2-й день Дмитр Иворович захватил вежи половецкие у Дона.

В год 6618 (1110). По весне ходили на половцев Святополк, и Владимир, и Давыд. И, дойдя до Воиня, воротились. В тот же год было знаменье в Печерском монастыре в 11-й день февраля месяца: явился столп огненный от земли до неба, а молния осветила всю землю, и в небе прогремело в первый час ночи, и все люди видели это. Этот же столп сперва стал над трапезницей каменной, так что не видно было креста, и, постояв немного, перешел на церковь, и стал над гробом Феодосиевым, и потом перешел на верх церкви, как бы к востоку лицом, а потом стал невидим. Но то был не огненный столп, а явление ангельское: ибо ангел так является — иногда столпом огненным, иногда пламенем. Как сказал Давид: «Обращая ангелов своих в духов и слуг своих в огонь палящий», посылает их повелением божьим, куда хочет владыка и творец всех. Ангел же приходит туда, где есть благие

места и молитвенные дома, и тут чуть являет свой вид, чтобы можно было людям увидеть его; ибо людям невозможно видеть естество ангельское, как и Моисей великий не смог видеть ангельского естества: ибо водил его днем столп облачный, а ночью столп огненный, но это не столп водил их, но ангел шел перед ними ночью и днем. Так и это предсказывало некоторое явление, которому предстояло быть и которое сбылось на второй год, ибо не этот ли ангел был вождем на иноплеменников и супостатов, как сказано: «Ангел тебе предшествует», и еще: «Ангел твой да будет с тобой».

Игумен Сильвестр святого Михаила написал книгу эту, летописец, надеясь от бога милость получить, при князе Владимире, когда княжил он в Киеве, а я в то время игуменствовал у святого Михаила в 6624 (1116) году, индикта в 9-й год. А кто читает книги эти — помолись за меня.

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Древнерусский текст

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНААГО ОТЬЦА НАШЕГО
ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРЬСКАГО

Господи, *благослови отъче.*

Благодарю тя, владыко мой, господи Иисусе Христе, яко сподобил мя еси недостойнааго споведателя быти святым твоим вгодником, се бо испърва писавшу ми о житие и о погублении и о чудесъ святою и блаженою страстотръпцю Бориса и Глеба, понудихся и на другое исповедание приити, еже выше моя силы, ему же и не бех достоин — груб сы и неразумичьн. К сим же яко и не бех учен *никогѣждо* хытрости, и вспомянух, господи, слово твое, рекшее: «Аще имате веру яко и зрно горушьно и речете горе сей: преиди и вьврзися в море, и абие послушает вас». Си на уме аз грешный Нестер приим и оградився верою и упованиемъ, яко вся возможна от тебе суть, начатк слову списания положих, еже о житии преподобнааго отъца нашего Феодосия, бывша игумена манастыря сего святыя владычице наша богородице, его же и день успение ныне празднующе память творим. Се же якоже, о братие, воспоминающю ми житие преподобнааго, не сущю же списану ни от *кого* же, печалию по вся дни сдръжим бех и *моляхся богу*, да сподобить мя по ряду списати о житии богоноснааго отъца нашего Феодосия. Да и по нас сущей чьрноризци, *примъше писание и почитающей, тако видяще мужа доблестъ, всхвалять бога, и вгодника его прославляюще*, на прочия подвигы укрепляются, наипаче же яко и в стране сей так сий муж явися и угольник

божий. О семь бо и сам господь прорече: «Яко мнози приидуть от восток и запад и възягутъ с Авраамъ и с Исакъ и Ияковъ в царствии небеснемъ» и пакы: «Мнози будутъ последнийи *прѣши*», ибо сии последнийи вящии прѣвых отьць явися, житиемъ бо подражая святааго и прѣвааго начальника чьрньчьскууму образу, великааго меню Антония чьрньчьскууму образу. И се же чюднее, якоже пишеть в отьчьскихъ книгахъ: «Слабу быти последьному роду»; сего же Христос в последьнимъ роде семь такого себе сдельника показа и пастуха инокимъ, бе бо измолода житиемъ чистмъ украшен, добрыми делесы, верою же и смыслмъ паче. Его же ныне отсюду уже начьну сноведати еже от уны вьрсты житие блаженааго *Феодосия*.

Н послушайте, братие, с вьсяцемъ прилежаниемъ, испльнъ бо есть пользы слово се вьсемъ слушающимъ. Молю же вы, о възлюблении: да не зазьрите пакы грубости моея, сдрьжимъ бо сый любвию еже к преподобьнууму, сего ради окусихся списати вься си яже о святемъ, к симъ же и блудый, да не к мне речено будетъ: «Злый рабе ленивый, подобаше ти дати сребро мое тржьникомъ, и азъ *пришед* быхъ с лихвою истязалъ е». Темъже якоже и несть лепо, братие, таити чюдесъ *божиихъ наипаче богу* рекшюуму ученикомъ своимъ: «Яко еже глаголю вамъ, поведите на свете и еже в уши слышаете, проповедите в домхъ». Си на успех и на устроение беседующимъ списати хоцю, и о сихъ бога славяще, мьзды отдание примете. Хотяцю же ми исповедати начати, прже молюся господеву, глаголя сиче: «Владыко мой, господи, вьседрьжителю, благымъ подателю, отче господа нашего Исус Христа, прииди на помощь мне и просвети сьрдце мое на разумение заповедий твоихъ и отвьрзи устье мои на исповедание чюдесъ твоихъ и на похваление святааго вьгодника твоего, да прославитья имя твое, яко ты еси помощникъ всемъ уповающимъ на тя в веки. Аминъ».

Градъ есть отстоя отъ Кыева, града стольнааго, 50 попрыщъ, *именемъ Васильевъ*. В томъ беста родителя святаго в вере кръстьяньстей живуща и вьсячьскимъ благочьстиемъ украшена. Родиста же блаженаго детища сего, таче в осмый днь принесоста ѥ к святителю божию, якоже обычай есть кръстьяномъ, да имя детищю нарекуть. Прозвутер же, видевъ детища и сьрьдьчьнымъ очима прозьря, еже о немъ, яко хоцеть измлада богу датися, Феодосиемъ того *нарицаеть*. Таче же, яко и минуша 40 дньни детищю, крыщениемъ того освятиша. Отроча же ростяше, кьрмимъ родителема своимъ, и благодать божия с нимъ, и духъ святый измлада вьселися в нь.

Кто исповестъ милосьрдие божие! Се бо не избьра отъ премудрыхъ философъ, ни отъ властелинъ градъ пастуха и учителя инокимъ, н — да о семь прославитья имя господне — яко грубъ сы и невежа премудрей философъ явися. О утасния тайно! Яко отнюдуже не бе начаятиса, оттудуже всна намъ деньница пресветла, якоже отъ всехъ странъ видевше свьтение ея, тещи к ней, вься презревъше, тоя единая света насытитиса. О благности божия! Еже бо испьрва место назнаменовъ и благословивъ, пажить створи, на немъ же хотяше паствитиса стадо богословесньныхъ овьць, дондеже пастуха избьра.

Бысть же родителема блаженаго преселитиса в ин градъ Курьскъ нарицаемый, князю *тако повелевшю*, паче же реку — богу сиче изволившю, да и тамо добляаго отрока житие просияеть, иамъ же, якоже есть лепо, от востока дньница възидеть, собираючи окрьстъ себе ины многы звезды, ожидаючи солнца правьдьянааго, Христа бога, и глаголюща: се азъ, владыко, и дети яже вьспитахъ духовьнымъ твоимъ брашьнымъ; и се, господи, ученици мои, се бо сия ты приведохъ, иже научихъ вься житийская презрети и тебе, единого бога и господа, възлюбити. Се, о владыко, стадо богословесньныхъ твоихъ овьць, и имъ же мя бе пастуха створилъ и еже упасохъ на бжьствьней твоей пажити, и сия ты приве-

дох, блююд чисты и непорочьны. Таче господь к нему: «Рабе благый, верьне умноживый преданный талант, темже приими уготованный тебе веньць и вниди в радость господя своего». И к учеником его речеть: «Придете, благое стадо, добляго пастуха богословесная овьчата, иже мене ради алкавьше и трудивьшеся примете уготованое вам царствие от сложения миру».

Темже и мы, братие, потщимся рвыштеле быти и подражателе житию преподобнааго Феодосия и учеником его, их же тогда пред собою к господу посла, да тако сподобимся слышати глас он, еже от владыкы и вседрьжителя речеться: «Придете убо, благословлени отьца моего, примете уготованое вам царствие».

Мы же паки поидем на прьвое исповедание святааго сего отрока. Растый убо телмь и душею влеком на любовь божию, и хожаше по вся дьни в църковь божию, послушая божьствьных книг с всем вниманием. Еще же и к детьм играющим не приближашеся, якоже обычай есть уным, н и гнушашеся играм их. Одежа же его бе худа и сплатана. О сем же многашьды родителема его нудящема и облещися в одежу чисту и на игры с детьми изити. Он же о сем не послушааше ею, н паче изволи быти яко един от убогих. К сим же и датися *веля* на учение божьствьных книгь единому от учитель; якоже и створи. И вскоре извыче вся граматикия, и якоже всем чюдитися о премудрости и разуме детища и о скоремь его учении. Покорение же его и повиновение кьто исио-весть, еже стяжа в учении своемь не ткмо же к учителю своему, н и к всем учащимься с ним?

В то же время отьць его житию коньць прият. Сущю же тгда божьствьному Феодосию 13 лет. Отголе же начат на труды паче подвижьней бывати, якоже исходити ему с рабы на село и делати с всякымь смере-нием. Мати же его оставляше и, не велящи ему тако творити, моляше и паки облачитися в одежу светьлу

и тако исходити ему с свьрьстышкы своими на игры. Глаголаше бо ему, яко, тако ходя, укоризну себе и роду своему твориши. Оному о томь не послушающю ея, и *такоже* многашьды ей от великыя ярости разгневатися на нь и бити и, бе бо и телмь крепка и сильна, якоже и мужь. Аще бо кто и не виде ея, ти слышааше ю беседующю, то начьянше мьнети мужа ю суца.

К сим же паки божьствьный уноша мысляше, како и кымь образмь спастеся. Таче слыша паки о святых местех, идеже господь наш Иисус Христос плтию походи, и жадаше тамо походити и поклонитися им. И моляшеся богу, глаголя: «Господи Иисус Христе мой! Услыши молитву мою и сподоби мя сходити в святая твоя места и с радостию поклонитися им». И тако многашьды молящюся ему, и се приидоша страньници в град т, иже и виде я божьствьный уноша и рад быв, тек, поклонися им, и любьзно целова я, и вьроси я, откуда суть и камо идуть. Онем же рекшем, яко от святых мест есм, и, аще богу велящю, хоцем вспять уже ити. Святый же моляше я, да и помуть в след себе и спутьника и *творяют* с собою. Они же обещаашася пояти и с собою и допроводити и до святых мест. Таче се слышав блаженый *Феодосий*, еже обещаашася ему, рад быв, иде в дом свой. И егда хотяху страньнии отьити, взвестиша уноши свой отход. Он же, встав нощю и не ведущю никомуже, *тай* изиде из дому своего, не имый у себя ничсоже, разве одежа, в ней же хожаше, и та же худа. И тако изиде в след страньных. Благый же бог не попусти ему отьити от страны сея, его же ищрева матерья и пастуха быти в стране сей богогласньных овьць на знамена, да не пастуху убо отшьдшю, да опустеет пажить, юже бог благослови, и тьрние и вьлчьць вздратеть на ней, и стадо разидеться.

По трьх убо дньх уведевши мати его, яко с страньными отиде, и абие погна в след его, ткмо единого сына своего поимьши, иже бе мьнии блаженааго Феодо-

сия. Таче же, яко гнаста путь мног, ти тако пристигша, яста ѱ, и от ярости же и гнева мати его имши ѱ за власы, и поврже ѱ на земли, и своима ногама пхашети ѱ, и страньяныя же много коривши, взратися в дом свой, яко некоего злодея ведущи связана. Тольми же гневъм одржима, яко и в дом ей пришьдши, бити ѱ, дондеже изнеможе. И по сих же, введши ѱ в храм и ту привяза ѱ, и затворыни, и тако отъиде. Божьствный же уноша вься си с радостию приимаше, и бога моля, благодаряше о вьсех сих. Таче пришедши мати его по двою дньню отреша ѱ и подасть же ему ясти, еше же гневъм одржима сущи, взложи на нозе его железа, ти тако повеле ему ходити, блюдущи, да не паки отбежитъ от нея. Тако же створи дьни многы ходя. По томъ же паки умилосрьдившися на нь, нача с мольбою увещавати ѱ, да не отбежитъ от нея, любляше бо ѱ зело паче инех и того ради не тьрпяше без него. Оному же обещавшюся ей не отити от нея, сня железа с ногу его, повелевъши же ему по воли творити, еже хоцеть. Блаженный же Феодосий на првьый подвиг взратися и хожаше в църквь божию по вся дьни. Ти видяше, яко многашьды лишаеме сущи литургии, проскурнааго ради непеченя, жаляшеси о томъ зело и умысли же сам своимъ смерениемъ отлучитися на то дело. Еше и створи: начат бо пещи проскуры и продаяти, и еже аше прибудяше ему к цене, то дадыше нищим. Ценою же паки купяше жито и, своима рукама измл, паки проскуры творяше. Се же тако богу изволивъшю, да проскуры чисты приносяться в църквь божию от непорочнааго и несквьрньнааго отрока. Сице же пребысть двенадесяте лете или боле творя. Вьси же сврьстьнии отроци его ругающеса ему, укаряхути ѱ о такомъ деле, и тоже врагу научающю я. Блаженный же вься си с радостию приимаше, с млчаниемъ и с смерениемъ.

Ненавидя же испърва добра золодей враг, видя себе побежаема смерениемъ богословеснааго отрока, и не

почиваше, хотя отвратити ѱ от таковаго дела. И се начат матеръ его поущати, да ему взбранитъ от таковааго дела. Мати убо, не тьрпящи сына своего в такой укоризие суща, и начат глаголати с любовью к нему: «Молю ти ся, чадо, останися таковааго дела, хулу бо наносиши на род свой, и не тьрплю бо слышати от вьсех укаряему ти сущю о такомъ деле. И несть бо ти лепо, отроку сущю, таковааго дела делати». Таче с смерениемъ божьствный уноша отвешавааше матери своей, глаголя: «Послушай, о мати, молю ти ся, послушай! Господь бо Иисус Христос, сам поубожися я смерися, нам образ дая, да и мы его ради смеримся. Паки же поруган бысть и опльван и заушаем, и вься претьрпев нашего ради спасения. Кольми паче лепо есть нам тьрпети, да Христа приобрящем. А еже о деле моемъ, мати моя, то послушай: егда господь нашъ Иисус Христос на вечери възлеже с ученикы своими, тгда приим хлеб и благословив и преломль, даыше учеником своим, глаголя: «Приимете и ядите, се есть тело мое, ломимое за вы и за многы в оставление грехов». Да аше сам господь нашъ плть свою нарече, то кольми паче лепо есть мне радоватися, яко съдельника мя сподоби господь плти своей быти». Си слышавъши мати его и чюдившися о премудрости отрока и отътоле нача оставатися его. Н враг не почиваше, остря ю на *взбранение* отрока о такомъ его смерении. По лете же единомъ паки видевши его пекуща проскуры и учьрнившася от ожьжения пещнааго, сжалиси зело, паки начат оттоле бранити ему овогда ласкою, овогда же грозою, другоици же биючи ѱ, да ся останеть таковааго дела. Божьствный же уноша вь скрби велице бысть о томъ, и недумея, чьто створити. Тгда же, встав нощию отай *изиде* из дому своего, и иде в ин град, не далече сущь *оттоле*, и обита у прозвугера, и делааше по обычаю дело свое. Потомъ же мати его, яко его искавши в граде своемъ и не обрете его, сжалиси по немъ. Таче... по

днѣхъ мнозехъ слышавши, кде живеть, и абие устръми-ся по нь с гневмъ великмъ, и пришедши в прежерече-ный град и, искавши, обрете ѿ в дому презвутерове, и имши, влечаше ѿ в град свой биющи. И в дом свой приведши и запрети ему, глаголющи, яко «к тому не имаша отити мене; елико бо аще камо идеши аз, шедши и обретши тя, связана биющи приведу в сий град». Тогда же блаженный Феодосий моляшеся богу, по вся дньи ходя в църквь божию, бе же смирен сьрдцьмъ и покорив к вьсемъ.

Якоже и властелин града того, видево отрока в такомъ смиренни и покорении суца, възлюби ѿ зело и повеле же ему, да *пребываетъ* у него в църкви, *вдасть* же ему и одежу светьлу, да ходитъ в ней. Блаженный же Феодосий пребыть в ней ходя мало дньий, *яко* некую тяжестъ на себе нося, тако пребываше. Таче сньм ю, отдасть ю нищим, сам же в худыя прты облкса, ти тако хожаше. Властелин же, видево ѿ тако ходяща, и пакы ину *вдасть* одежу, *вдещю* пьрвыя, моля ѿ да ходитъ в ней. Он же сньм и ту отда. Сице же многашьды створи, якоже судии то уведевшю, большимъ начат любити ѿ, чюдясь смиреннию его. По сих же божьствьный Феодосий шед к единому от кузньць, повеле ему железо съчепито съковати, иже и възьм и препоясая имъ в чресла сзоя, и тако хожаше. Железу же узьку суццю и грызущюся в тело его, он же пребываше, яко ничсоже скьрбьна от него приемля телу своему.

Таче, яко ишьдшем дньмъ многимъ и бывшю дньи праздничьну, мати его начать велети ему облещися в одежу светьлу на служение вьсемъ бо града того вельможам, в т днь възлежащемъ на обеде у властелина. И повелено бе убо блаженууму Феодосию предстояти и служити. И сего ради поуцашети ѿ мати его, да облещеться в одежу чисту, наипаче же якоже и слышала бе, еже есть створил. Якоже ему облачащюся в одежу чисту, прост же сы умьмъ неже блюдысь ея. Она

же прилежно зряше, хотящи истее видети, и се бо виде на срачици его кровь суццю от вгрызения железа. И раждьгшися гневмъ на нь, и с яростию вставьши и растьрзазьши сорочиццю на немъ, биющи же ѿ, отьга железо от чресл его. Божий же отрок, яко ничьсоже зла прият от нея, облкса и, шед, служаше пред възлежащими с вьсякою тихостию.

Таче по времени пакы некоторемъ слыша в святемъ еуангелии господа глаголюща: «Аще кто не оставитъ отьца или матере и в след мене не идетъ, то несть мене достоинъ». И пакы: «Придете к мене вьси тружашеи и *обременении*, и аз покою вы. Возьмете ярымъ мой на ся и научитесь от мене, яко кртк есмь и смирен сьрдцьмъ, и обрящете покой душамъ вашимъ». Си же слышавъ божьствьный Феодосий и раждьгся божьствьною рьвьностию и любовию, и дышаниемъ божиемъ помышляше, како или кде пострещися и угаитися матере своея. По случаю же божию отьиде мати его на село, и якоже пребыти ей тамо дньи многы. Блаженный же, рад быв, помоливься богу, и изиде отай из дому, не имьмъ у себя ничьсоже, разве одежа, ти мало хлеба немощи деля телесьныя. И тако устрьмися к Киеву городу, бе бо слышал о монастырихъ ту суциихъ. Не ведьмъ же пути, моляшеся богу, да бы обрел спутьники, направляюща ѿ на путь желания. И се по приключаю божшо беша идуще путьмъ *темъ* купьци на возехъ с бремены тяжькы. Уведев же я блаженный, яко в т же град идуть, прослави бога и идящеть в след их издадеча, не являясь им. И онемъ же ставшемъ на ношьнемъ становищи, блаженный же не доида, яко и зьреимо их, ту же опочиваше, единому богу сблюдающю ѿ. И тако идьмъ трьми неделями доиде прежереченааго *града*. *Егда* же пришед и обьходи вся монастыря, хотя быти мних и молясь им, да прият ими будетъ. Они же видево отрока простотъ и ризами же худыми облечена, не рачиша того при-

яти. Сиде же богу изволивши тако, да на место, иде же бе бгмь от уности позван, на то же ведешеся.

Тгда же бо слышав о блаженемъ Антонии, живуциимъ в пещере, и окрилатев же уммь устръмися к пещере. И пришьд к преподобному Антонию, его же виде и, пад, поклонися ему с слъзами, моляся ему, да бы у него был. Великий же Антоний казаше и глаголя: «Чадод, видиши ли пещеру сию, скърбно суще место и теснейше паче инех мест. Ты же ун сын, якоже мню, и не имаша тръпети на месте семь скрби». Се же не ткмо искушая ѝ глаголаше, н и прозорочькыма очима прозря, яко т хотяше взградити сам мест то и манастырь славы створити на събъране множьству чърнць. Богодхновеный же Феодосий отвеща ему с умилениемъ: «Вежь, чьстьный отъче, яко проразумьник всячьских бог приведе мя к святости твоей и спасти мя веля, темъже, елико ми велиши створити, створю». Тгда глагола ему блаженный Антоний: «Благословен бог, чадод, укрепивый тя на се тьщание, и се место — буди в немь». Феодосий же, паку пад, поклонися ему. Таче благослови ѝ старьць и повеле великому Никону острещи ѝ, прозвутеру тому сущю н чрноризьцю искусну, иже и поим блаженаго Феодосиа и по обычаю святых отъць остригы и облече ѝ в мьнишьскую одежу.

Отъць же нашъ Феодосий предавсья богу и преподобному Антонию, и оттоле подаяшеся на труды телесныя, и бдяше по вся ноци в словословлении божи, сньную тягость *отърг*, к въздръжанию же и плтию своею тружаяся, рукама дело свое делая и вспоминая по вся дньи псалмское оно слово: «Вижь смирение мое и труд мой и остави вся грехы моя». Темъ въсь с въсемъ въздръжаниемъ душу смеряше, тело же паку трудми подвижаниемъ дручааше, яко дивитися преподобному Антонию и великому Никону смирению его, и покорению, и толику его в уности благодрав-

ству, и укреплению, и бдрости. И вельми о въсемъ прослависта бога.

Мати же его много искавши в граде своемъ и в окръстных градах и яко не обрете его, плакашеся по немь люте, биючи в пьрси своя яко и по мрътвемь, И заповедано же бысть по всей стране той, аще где видеши такого отрока, да пришьдше възвестите матери его и велику мзду примуть о взвещении его. И се пришьдше от Кыева и поведаша ей, яко преже сих 4 лет видехомы ѝ в нашемъ граде ходяща и хотяща острещися в единомъ от манастырев. И то слышавши она и не обленившия и тамо ити. И нимало же помьдльивши, ни длготы же пути убоявшия в прежереченый град иде на възискание сына своего. Иже и пришедши в град т, и обходи вся манастыря, ищющи его. Последи же поведаша ей, яко в пещере есть у преподобнаго Антония. Она же и тамо иде, да ѝ тамо обрящеть. И се начат старьца льстию вызывати, глаголющи, яко да речете преподобному да изидеть. «Се бо мног путь гнавши приидох, хотящи беседовати к тебе и поклонитися святыни твоей, и да благословлена буду и аз от тебе». И взвещено бысть старьцю о ней, и се изиде к ней. Его же видевши и поклонися ему. Таче седшема има, начат жена простирати к нему беседу многу, последи же обави вину, ея же ради прииде. И глаголаше же: «Молю ти ся, отъче, повежь ми, аще сде есть сын мой. Много же си жалю его ради, не ведуци, аще убо жив есть». Старьць же съй прост уммь и, не разумев льсти ея, глагола ей, яко «сде есть сын твой, и не жалиси его ради, се бо жив есть». То же она к нему: «То чьто, отъче, оже не вижю его? Мног бо путь шьствовавши, придох в сий град, ткмо же да вижю си сына своего. Ти тако възвращюся в град свой». Старьць же к ней отвеща: «То аще хочещи видети ѝ да идеши ныне в дом, и аз, шед, увещаю ѝ, не бо рачить видети кого. Ти в утрей днь пришедши, видиши ѝ». То же слы-

шавши, она отиде, чаючи в приидуший днь видети ѱ. Преподобный же Антоний, вшед в пещеру, възвѣсти вся си блаженууму Феодосію, иже ѱ слышав, съжалиси зело, яко не може утаитися ея. В другой же днь прииде паки жена, старьць же много увѣщаваше блаженааго изити и видети матеръ свою. Он же не всхоте. Тогда же старьць, ишьд, глагола ей, яко «много молихы ѱ, да изидеть к тебе, и не рачить». Она же к тому уже не с смерениемъ начат глаголати к старьцю, с гневмъ великмъ впіяше о нуже старьца сего, яко имый сына моего и скрывый в пещере, не рачить ми его явити. «Изведи ми, старьче, сына моего, да си его вижю. И не трыплю бо жива быти, аще не вижю его! Яви ми сына моего, да не зле умьру, се бо сама ся погублю пред двьрьми пещеры сея, аще ми не покажеши его». Тогда Антоний, в скрби велице быв и вьшед в пещеру, моляше блаженааго Антоний, да изидеть к ней. Он же не хотя ослушатися старьца и изиде к ней. Она же видевьши сына своего в таковой скьрби суца, бе бо уже лице его изменилося от многааго его труда и въздържания, и охопившися емь плакашеса горко. И одва мало утешивьшися, седе и начат увѣщавати Христова слугу, глаголюци: «Поиди, чадо, в дом свой, и еже ти на потребу и на спасение души, да делаеши в дому си по воли своей, ткмо же да не отлучайся мене. И егда ти умьру, ты же погребеши тело мое, ти тогда възвратишися в пещеру сию, якоже хочеши. Не трыплю бо жива быти не видящи тебе». Блаженный же рече к ней: «То аще хочеши видети мя по вся дньи, иди в сій град, и вьшдши в един манастырь жен и ту остризися. И тако, приходящи семо, видиши мя. К сим же и спасение души приимеши. Аще ли сего не твориши, то — истину ти глаголю — к тому лица моего не имаши видети». Сичеми же и инеми многими наказани пребываше по вся дньи, увѣщавая матеръ свою. Онъй же о томъ не хотящи, ни поне послушати его. И егда отьхожаше

от него, тогда блаженный, вшед в пещеру, моляшеса богу прилежно о спасении матери своей и обращении сьрьдца ея на послушание. Бог же услыша молитву угодьника своего. О семь бо еловеси рече пророк: «Близ господь призывающимъ истину и волю боящимся его творить, и молитву их услышитъ, и спасеть я». В един бо днь пришьдши матери ему глаголя: «Се, чадо, велимая вся *тобою створю*, и к тому не возвращюся в град свой, н яко богу *волящю*, да иду в манастырь жен, и ту остригшися прочая пребуду дньи своя. Се бо от твоего учения разумех, яко ничтоже есть свет сій маловременный». Си слышав, блаженный Феодосій вздрадовася духмъ и вьшд споведа великому Антонию, иже, и услышав, прослави бога, обратившааго сьрьдце ея на такавое покаяние. И шьд к ней и много поучив ю, еже на пользу и на спасение души, и, взвестив о ней княгыни, пусти ю в манастырь женьскый, именуемъ святааго Николы. И ту пострижене ей быти, и в мьнишьскую одежу облечене ей быти, и поживши же ей в добре исповедании лета многа, с мирмъ успе.

Се же житие блаженааго отьца нашего Феодосія от уны вьрсты до сде, дондеже прииде в пещеру, матери же его снооведа единому от братия, именемъ Феодору, иже бе келарь при отьци нашемъ Феодосіи. Аз же от него вся си слышав, оному споведающю ми, и вписав на память всемъ почитающимъ я. Обаче и на прочее сказание отрока исправления поиду, сврьшение же глагол ми укажется благоисправляющю богу и словослову.

Сій убо отьць нашъ Феодосій святой победоносць показася в пещере на злыя духы. По острижени же матери своей и по отвьржении всякая мирьскыя печали большими труды паче начен подвизатися на рьвение божие. И бе видети светила три суца в пещере разгоняща тьму бесовьскую молитвою и алканиемъ: меню же преподобнааго Антония, и блаженааго Феодосія и великааго Никона. Си беша в пещере моляще бога,

и бог же бе с ними; «иде бо, — рече, — 2 или трие свкуплени в имя мое, ту есмь посреде их».

В то же время иже бе пръвый у князя в болярех имьньмь Иоан. И того сын часто прихожаше к преподобным, наслажая медоточных тех словес, иже исхожааху из уст отьць тех, и възлюби же я зело и яко всхотети ему жити с ними и вься презьрети в житии семь, славу и богатство ни в что же положив. Прикосну бо ся емь слово господне, рекшее, «яко удобее есть вельбуду сквозе иглине уши проити, нежели богату в царствие небесное внити». Тгда же поведа единому Антонию мысль свою, глаголя: «Хотел бых, отьче, аще богу годьно, мних быти и жити с вами». Глаголя ему старьць: «Благо хотение твое, чадо, и помысл исплнен благодати, и блюди, чадо, да не богатство и слава мира сего взврати тя вспять. Господу рекшу: «Никтоже възложь руки своя на рало и зря вспять, управлен есть в царствии небеснемь», тако и мних взвращаяся к миру мыслию и пекыися мирьских не имать управитися в жизнь вечную». И *ина* многа старьць беседова к отроку и оному же сьрьдце боле остряшеся на любовь божию и тгда отиде в дом свой.

И в другый же днь одевся в одежду светьлу и славну и тако вьсед на конь поеха к старцю, и отроци беша окрест его едуще и другыя коня в утвари ведуше пред ним, и тако в славе велице приеха к печере отець тех. Онемь же изшедшим и поклонившимся ему, якоже есть лепо велможам, он же накы поклонися им до земля, потомь же снем с себе одежду болярскую и положи ю пред старцемь, и також коня, суща в ютвари, и постави пред нимь, глаголя: «Се вся, отче, красьянаа прельсть мира сего суть, и якоже хоцещи, тако створи о них, аз бо уже вся си презрех и хошу мних быти и с вами жити в печере сей, и к тому не имам взвратитися в дом свой». Старець же рече к нему: «Блюди, чадо, к кому обещаваешися и чий винь хоцещи быти, се бо невидимо предстоят аггели божи, прием-

люще обещания твоя. Но егда како отець твой пришед с многою властью и изведет тя отсюду, нам же не могущим помощи ти, ты же пред богом явишися, якож ложь и отметникь его». И глаголя ему отрок: «Верую богу моему, отче, яко аще и мучити мя начнеть отець мой, не имам послушати его, еже взвратити мя к миру. Молю же ти ся, отче, да вскоре острыжешь мя». Тогда повеле преподобный Антоние великому Никону, да пострижеть его и обличеть в мнишескую одежду. Он же, по обычаю, молитвовавь, и остриже его, и в мнишеския ризы облече его, Варлаам имя тому нарець.

Тогда же приде каженик некто от княжа дому, иже бе любим князем и предржа у него вся, и моляшеся старцю Антонию, и той хотя быти чрноризець. Его же поучив старець еже о спасении души, и предасть его Никону, да того острыжеть. Он же и того остригь, облече его в мнишескую одежду и Ефрем имя тому нарець. Несть же лепо таити, еже нанесе врагь скрбь на преггодобныя ею ради. Ненавидяй же добра врагь, да диавол, видя себе побеждаема от святаго стада и разумевь, яко отголе хотяше прославленно быти место то, плакашеся своя погыбели. Начат же злыми своими козными раждизати сердце князю на преподобныя, да поне тако то святое стадо распудити, но ни тако възможе, но сам посрамлень бысть молитвами их и впадеша в яму, юже створи. «Обратитя болезнь его на главу его и на верх его сниде неправда его».

И уведавь убо князь Изяславь бывшее о болярине и о каженице его, разгневався зело и повеле единого от них привести пред ся, дрзнувша таковаа створити. И ту абие, скоро шедше, великаго Никона приведоша предо нь. Князь же, со гневом взрев на Никона, глаголя ему: «Ты ли еси остригый болярина и каженика без повеления моего?» Никон же отвеща: «Благодатию божиею аз есм остригь их повелением небеснаго царя и призвавшаго их Исуса Христа на таковый под-

вигь». Князь же рече то: «Или увещавь их в дом свой пойти, или на заточение послю ты и суцаа с тобою, и пещеру вашу раскопаю». К симь же Никонь отвеща се: «Еже есть, владыко, угодно пред очима твоима, тако створи, мне же несть лепо отвратити винь от царя небеснаго». Антоний же и иже с ним, возьме одежда своа, отидоша от места своего, хотяще отити в ину область. Князю же еще гневающюся и укоряющю Никона, и се единь от отроков, вшед, поведаше, яко Антоний и иже с нимь отходить от града сего в ину область. Тогда глагола ему жена его: «Послушай, господи, и не гневайся. Яко тако же бысть и в стране нашей, отбежавшем некоеа беды ради чрьньцем, много зла створися в земли той их ради, и блюди, господи, да не тако в области твоей будеть». То же слышав князь и убоявся гнева божия, отпусти великааго Никона, повелев ему ити в пещеру свою. По оных же посла, рекый, да с мольбою взвратятся вспять. Иже едва по три дньи увещани быша взвратитися в свою пещеру, яко се некотории храбри от брани, победивше супостата своего *врага*. И беша *вину молящеся дн и ноц* к господу богу. И ни тако не почиваше враг, борясь сними. Тогда бо уведев болярин Иоан, яко никоегоже им зла не створи христоролюбивый князь Изяслав и раждься на ня гневьм, сына ради своего, и поим отроки многы, и иде на святое стадо, иже и распудив я, и вшед в пещеру, и им сына своего божьствьнааго Варлаама извлече и вн, таче сньм с него святую мантию, и вврже ю в дьбрь, такоже и шлемь спасения, иже бе на главе его, сньм, заврже и. И тогда же и облече в одежду славьну и светьлу, якоже е лепо боляром. Он же сврже ю долу, не хотя ни видети ея, и тако створи многашьды. Тоже повеле отць его с гневьм связати ему руце и одети и в прежереченую одежду, ти тако ити ему сквозе град в дом свой. Он же, иже поистине теплый душею на божию любовь Варлам, идый путьм узре распали-

ну, калну сущю, и скоро вшьд в ню и божиею помощю сврже одежду с себе, и своима ногама попирашеть ю в кале, попирая с теми и злыя помыслы и лукаваго врага. Таче по сих пришедьшем им в дом, повеле отець его сести с нимь на трепезе. Оному же седшю, и ничьсоже вькуси от брашьна, и пребывааше нича и долу зря. По отядении же отпусти и в своя храмы, приставив отроки блюсти, да не отьидеть; повеле же и жене его утворитися в утварь всякую на прельщение отрока и служити пред нимь. Раб же Христов Варлам вшед в едину клеть, седе в угле ея. Жена же его, якоже бе ей повелено, хожаше пред нимь и моляшети и сести на одре своемь. Видев же он неистовство жены и разумев, яко на прельщение ему уготова отць, моляшеся в тайне сьрдьца своего к милосьрдуму богу, могущуму спасти от прельсти тоя. Пребысть же на месте томь седа три дньи, не встав от него, ни брашьна же вкушая, ни в одежду облечеся, и в единой свите си пребывааше. Преподобный же Антоний и с сущиими с нимь и с блаженнымь Феодосиемь беша в печали мнозе его ради и моляхуться богу за нь. Бог же услыша молитву их: «взваша бо, — рече, — правьдни, и господь услыша я и от вьсех печалий их избавить я. Близь господь скрушенныхь сьрдьцьмь и смеренныхь духмь спасть».

Видев убо благый бог тьрпение и смерение отрока, обрати жестокое сьрдьце отьца его на милость к сыну своему. Тогда убо взвестиша ему отроки, глаголюще, яко «се уже четвертый днь имать не вкушая брашьна, ни в одежду рачить облещися». То же слышав, отць его сжалиси зело его ради, блюдый, да не гладьм и зимою умереть. Призвав же и любьзно целовав и отпусти и. Бы же тогда вещь пречюдьна и плачь велик, яко и по мрьтвемь. Рабы и рабыня плакахуться господина своего и яко отхожааше от них, иде жена, мужа лишающися плакашеся, отць и мати сына своего плакастася, яко отлучашеся от них и тако с плачьмь ве-

ликмь проважахути ѿ. Тгда Христов воин ишед из дому своего, яко птица ис пругла истъргышися или яко сърна от тенета, тако скоро текый, и доиде пещеры оной. Его же видевше отьци ти взрадовашася радостию великою и ставше прославиша бога, яко услыша молитву их. То уже отголе многым приходящем в пещеру благословления ради еже от отьць тех и друзии от ких бывааху чръньци божиею благодатию.

Тгда же великий Никон и другый чръньць святаго Мины монастыря, боярина тако наречем, свещавъшася, тако отъидоста, хотяща особе сести. И пришьдша над море, ту же и разлучистася от себе, якоже се апостола Павъл и Варнава на проповедание Христово, якоже пишеться в Деяних апостол. Боярин же идый к Костянтиню граду обрете остров среде моря и ту вселися в ньмь. Поживе лета *многа*, тръпя зиму и глад, и тако успе с мирмь. Се же и доньне остров т зовом есть Боляров. Великий же Никон отиде в остров Тьмутороканьский, и ту обрет место чисто близ града, седе на немь. И божиею благодатию взрасте место то и цркъвь святаыя богородица взгради на немь, и бысть монастырь славын, иже и доньне есть, приклад имый в сий Печерский монастырь.

По сих же паки Ефрем каженик отиде в Костянтинь град и ту живяше в единомъ монастыри. Послеже же изведен бысть и в страну сию и поставлен бысть митрополитмь в городе Переяслави. Се же уже многими наказании предложение слову створихом, обаче отселе на предълежащее слово възвратимъся, где бо се все мину и по отходе отьць тех.

Тгда же блаженный отьць нашъ Феодосий поставлен бысть презвутермь повелениемъ преподобнааго Антония и бе по вся дньи божьствную службу свършая с всякымъ смерениемъ, бяше бо кротк нравмь, и тих смыслмь, и прост уммь, и духовьныя всея мудрости исплнен. Любовь же непорочну имея к всей братии, бе бо уже свкупилося братия яко до пятнадцате.

Преподобный же Антоний, якоже бе обыкл едины жити и не тръпя всякого мятежа и млы, затворися в единой келии пещеры, поставив в себе место братии блаженаго Варлаама, сына боярина Иоана. И оттуда паки преселися на ин хлм Антоний и, ископав пещеру, живяше, не излазя из нея, идеже и доньне чстьное тело его лежить. Тгда же божествный Варлам постави над пещерою малу црквицю в имя святаыя богородица, веля, да ту братия собираются на божьствное словословие. То уже всем явлено бысть место то, бе бо мноземи суще преже не ведомо.

А еже испърва житие их в пещере, и елико скрби и печали прияша, тесноты ради места того, богу единому съведущю, а устомъ человекьскомъ не мощно исповедати. К сим же и ядь их бе ржан хлеб ткмо, ти вода. В субботу же ти в неделю сочива въкушахуть; многашды же и в та дньи не обретьшюся сочиву, зелие сваривше едино и то ядаху. Еще же и рукама своима делахуть дело: ово ли копытыца плетуше и клобуки, и ина ручная дела строяще и тако, носяше в град, продаяху и темь жито купяху, и се разделяхуть, да кждо в нощи свою част измеляшеть на строение хлебом. Таче по томь начатк пению заутрнюуму творяху и тако паки делаху ручное свое дело. Другоици же в ограде копяхуть зелиинааго ради растения, дондеже будяше год божьствнууму славословию, и тако вси вкупе спешешя в цркъвь, пеня часом творяхухуть, таче святую службу свършивше, и тако вкусивше мало хлеба и паки деле ся своемъ кждо имяшеть. И тако по вся дньи трудящася, пребывахуть в любви божи.

Отъць же нашъ Феодосий смиренмъ смыслмъ и *послушаниемъ* вся преспевааше, трудмъ и подвижаниемъ и делмъ телеснымъ, бяше бо и телмъ благ и крепк и с спешествмъ всемъ служаше, и воду нося и дрва из леса на свою плещю, бдя же по вся нощи в славословении божи. И братии же на опочители суще, блаженный же възмъ разделеное жито и когождо часть из-

мъл и поставляше на своемъ месте. Другоици же, оваду сущу многу и комаром, в нощи излез над пещеру и, обнажив тело свое до пояса, сядяше, прядый вълну на съплетение копытьцем и псалтырь же Давыдову поя. От множества же овада и комара все тело его покръвено будяше, и ядыху плоть его о немъ, пиюще кровь его. Отыць же нашъ пребываше неподвижим ни въстая от места того, дондеже год будяше утрышй, и тако преже всехъ обреташеся в църкви. И став на своемъ месте непоступн сы, ни мятыйся умъмъ, божьствное славословие съврынаше, ти тако пакы ицъркве послезе всехъ излажааше. И сего ради вьси любляхути ѝ зело и яко отьца имяхути ѝ, зело дивяшеся смерению его и нокорению.

Таче по сих божествный Варлаам, игумен сы братии в пещере, изведен бысть княземъ повелениемъ в манастирь святаго мученика Димитрия и ту игуменмъ поставлен. Тгда же братия ту сушая в пещере сбравшеся, изволениемъ всехъ, взвестивше преподобьному Антонию, блаженааго отьца нашего Феодосия игуменмъ себе нарекоша, яко и чьрньчьскую жизнь управивъша и божия известно заповеди излиха ведуща.

Отыць же нашъ Феодосий, аще и старейшинство приим, не измени смерения своего правила, на памяти господа имея, рекша: «Иже аще кто в вас хоцеть быти старей, буди всехъ убо мьний и всемъ слуга». Темъ же смеряшеся, мьний всехъ ся творя и всемъ служа, и собою образъ всемъ дая, и на дело преже всехъ исходя и в чину святаго литургия. И оттоле цвьтяше и множашеся место то правьдника молитвою. «Правьдникъ бо, — рече, — яко и фуникъ процвьтеть и яко и кедр, иже в Ливане, умножиться». Умножаху бо ся оттоле братия и цвьтяше место то добрыми нравы и молитвами ихъ и инеми благочьстивыми нравы. И многымъ от вельмржь приходити к нему благословения ради, и от имений своихъ малу некаку часть подаючи им. Преподобный же отыць нашъ, иже поистине земль-

ный ангел и небесный человек, Феодосий видя место скьрбно суще и тесно и еще же и скудно при всемъ, и братии множащися, църкви же мале сущи на свкупление им, и николиже впаде о томъ в печаль, ни поскрбе о томъ, и по вся дньи братию всю утешая, учаще и никакоже попечися о плтьнемъ, но господень глас вспоминаше, им глаголя: «Не пыцетесь, чьто пием, или что ем, или в что облечемся: вестъ бо отыць вашъ небесный, яко требуетъ вься си, обаче ищете цесарьства небеснаго и си вься приложатся вамъ». Блаженный же сице помышляше, бог же все на потребу нескудно подаваше ему.

Тгда бо сий великий Феодосий обрет место чисто, недалече от пещеры суще, и разумев, яко довьлно есть на възгражение манастиря, и разбогатеv *благодатию* божиею и оградивъся верою и упованиемъ, испълнив же ся духа святаго, начат подвизатися вселити место то. И якоже богу помагающую ему, в мало время възгради църквь на месте томъ в имя святаго и преславныа богородица и приснодевица Мария, и оградив и постави келие многы, и тгда преселися от пещеры с братиею на место то в лето 6570. И оттоле божиею благодатию въздрате место то, и бысть манастирь славын, се же и доньне есть Печерський наричем, иже от святаго отьца нашего Феодосия сставлен бысть.

По сихъ же посла единого от братия в Костянтинь град к Ефрему скопцью, да вьсь устав Студийскааго манастиря, испьсав, прислеть ему. Он же преподобнааго отьца нашего повеленая ту абие и створи, и вьсь устав манастирьский испьсав, и посъла к блаженому отьцю нашему Феодосию. И его же приим отыць нашъ Феодосий, повеле почисти предъ братию, н оттоле начат в своемъ манастири вся строити по уставу манастиря Студийскааго, якоже и доньне есть, ученикомъ его сице сврьшаемъ. Вьсякому же хоцящу быти чьрноризьну и приходящему к нему, не отриваше ни

убога, ни богата, н вся приимаше с всякымъ усърдиемъ, бе бо и сам в искушении томъ был, якоже и выше речеся: егда бо приде от града своего, хотя быти мних, якоже объходящу тому вся манастиря, не рачахуть бо того прияти — богу тако створыню на искушение ему. Се бо си въспоминая благый, какова скръдь бываетъ человеку, тогда хотящюму острещися, и сего ради вся с радостию приходящая приимаше. Н не ту абие постригаше его, н повелеваше ему в своей одежи ходити, дондеже извыкнеше всь устрой манастирьскый, таче по сих облечашети ѿ в мьнишьскую одежду и тако паки въ всех служьбахъ искушашети ѿ, ти тогда остригы, и оболочашети ѿ в мантию, дондеже паки будяше чьрньць искусьн житиємъ чистьмъ си, ти тогда сподобяшети ѿ прияти святую скиму.

По вся же дьни святыхъ мясопуць святыѿ отьць нашъ Феодосий отхожаше в святую свою пещеру, идеже и чьстное тело его положено бысть. Ту же затворяшеся един до врьбьныя неделя, и в пятък тоя неделя, в год вечерьня, прихожааше к братии и, став в двьрхъ цьрквьныхъ, учааше вся и утешая, подвига ради и пощения их. Себе же недостойна творя, якоже ни единой неделе, поне достигнути противу трудомъ их. Многу же скръдь и мьчатание зьлии дуси творяхуть ему в пещере той; еще же и раны наносяше ему, якоже и о святемъ и велицемъ Антонии пишеться. Н явивьйся оному, дрьзати веля т, и сему невидимо с небесе силу подасть на победу их.

Кто бо не почюдиться убо блаженууму сему, еже в такой тьмьне пещере пребывая един, множества плковъ невидимыхъ бесовъ не убояся, н крепко стоя, яко храбръ силън, бога моляше и господа Иисусъ Христа на помощь себе призывающа. И тако победи я Христовою силою, яко к тому не смети имъ ни приблизити ся, н и еще издавеча мьчты творящемъ ему. По вечерьнимъ убо пении седшю ему и хотящю опочинуть, не бо николиже на ребрехъ своихъ ляжашеть, н аще

коли хотящю ему опочинуть, то сед на столе, и тако, мало поспав, встанеше паки на ноцьное пение, и поклонение коленомъ творя. Седшю же ему, якоже речеся, и се слышааше глас хлопота в пещере от множества бесовъ, якоже се имъ на колесницахъ едущемъ, другимъ же в бубьны биющемъ, и инемъ же в сопели сопущемъ, ги тако всемъ кличущемъ, якоже трястися пещере от множества плища злыхъ духовъ. Отьць же нашъ Феодосий, вся си слышавъ, не убояся духмъ, ни ужасеся сьрьдцьмъ, н оградився крьстьнымъ оружиємъ и, встав, начатъ пети псалтырь Давидову, И ту абие многый трус не слышимъ бывааше. Таче по молитве седшю ему, се паки бесчисльныхъ бесовъ глас слышаашеся, якоже и преже. И преподобьнууму же Феодосию ставшю и начьншю оно псалмское пение, глас онъ абие ищазааше. Сиче же, по многы дьни и ноци творяхуть ему злии дуси, яко не дати ему ни мало опочинуть, дондеже благодатию Христовою победи я, и взятъ от бога власть на них, якоже отьтоле не смети имъ ни прикоснутися ни к месту тому, идеже блаженный молитву творяше.

Се бо паки бысть пакость творящемъ бесомъ в храме, идеже хлебы братия творяху: овогда муку расыпающе, овогда же положеный квасъ на сстроение хлебомъ разливааху и ину многу пакость творяще беша. Тогда же старей пекущимъ, шьд, споведа блаженууму Феодосию пакости нечистыхъ бесовъ. То же съ уповая, яко взятъ власть на нихъ от бога, вставъ вечер и иде в храмъ т, и затворивъ двьри о себе, ту же пребысть в немъ до утрьня, молитвы творя. Якоже от того часа не явитися бесомъ на томъ месте, ни пакости никоеяже творити имъ, запрещениємъ преподобьнааго и молитвою.

Имеаше же обычай сичь великийъ отьць нашъ Феодосий, якоже по вся ноци обиходити ему келие мниховы все, хотя уведети кождо ихъ како житие. Егда бо услышааше кого молитву творяща, ти тогда, ставъ, прославяше о немъ бога, егда же паки кого слышаа-

ше беседуяща дѣва ли или трие шедшея вкупе, то же ту, ударив своею рукою в дѣври ти, тако отхожааше, назнаменов темь свой приход. Таче в утрей днь призвав я, н не ту абие обличааше их, н якоже изда-леча притчами нагоня, глаголааше к ним, хотя уведети, еже к богу тѣщание их. Аще бо будяше брать лѣгкѣм сѣрьдѣцѣм и тепл на любѣвь божию, то сий въскоре разумев свою вину, пад, поклоняшеся, прощения прося от него прияти. Аще ли будяше паки брат *омрачениемъ* бесовьскѣм сѣрьдѣце покрвено имый, то сий станяше, мня, яко о иномеъ беседуютъ, сам чист ся творя, дондеже блаженный обличашети ѿ, и епитимиею того утвѣрдяше, и отпустяше. И тако вся прилежно учааше молитися к господу и не беседовати ни к кому же по павечерный молитве, и не преходити от келие в келию, н в своей келии бога молити, якоже кто можетъ и рукама же своима делати по вся дньи, псалмы Давыдовы в устех своих имуще...

Темь же убо слышаще князи и боляре доброе их житие прихожааху к великууму Феодосию, исповедающе тому грехы своя, иже велику пользу приимыше бо от того, отхожааху, ти тако паки приношааху ему нечѣто мало от имений своих на утешение братии, на сстрое-ние монастырю своему. Друзии же и села въдавающе на попечение им. Наипаче же зело любляаше блаженнаго христолюбивый князь Изяслав, предѣржай тгда стол отьна своего, и часто же ѿ призывааше к собе, множицею же и сам прихожааше к нему и тако духовныхъ техъ словесъ насыщашеся и отъхожааше. Якоже отътоле тако богъ взвеличаше место то, умножая всѣхъ благъгихъ в немь молитвами въгодника своего.

Отъць же нашъ Феодосий беаше сице запретил вратарю, да по отъедении обеда не отвѣрзаетъ вратъ никомуже, и никтоже паки да не входитъ в монастырь, дондеже будущее годъ вечерный, яко да полудньню сущю починуть братия ноцныхъ ради молитв и утрянга пения.

И в един днь полудньню сущю прииде по обычаю христолюбѣць Изяслав с малѣмъ отрокъ: егда хотяше поехати к блаженууму, тгда распустяше вся боляры в домы своя, н ткмо с шестию или с пятию отрокъ прихожааше к нему. Се же, яко рекъхъ, приехав и сседе с коня, ни бо николиже еха на двор монастырьскый, и приступив к вратомъ повеле отвѣрстн, внити хотя. Он же отвѣща ему, яко повеление есть великааго отъца не отвѣрзати вратъ никомуже, дондеже годъ вечерный будетъ. Таче паки христолюбѣць взвѣщяя ему, да увестъ, кто есть. И глаголаше: «Се бо аз есмь, и мне отвѣрзи врата единому». Он же, не ведый, яко князь есть, отвѣщавааше ему сице: «Рехъ ти, яко повелено ми есть от игумена, яко аще и князь приидеть, не отвѣрзи вратъ, то уже аще хочещи, потрѣпи мало, дондеже годъ будетъ вечерный». Он же отвѣща, яко «Аз есмь князь, то или мне не отвѣрзещи». Тгда изник видет, и познав князя его суща, и в страсе быв, не отвѣрзе вратъ, н блаженууму споведать тече, оному же стоящю предъ враты и тѣрпящю, о семь подражающю святаго и вѣрховняаго апостола Петра: изведена бо бывшю тому ангелѣмъ ис тѣмьнице и пришедшю ему к дому, идеже беша ученици его и тлкънувшю ему в врата, и се рабыни изникнувши, виде Петра стояща, и от радости же не отвѣрзе воротъ, н текши поведа ученикомъ приходъ его. Тако же и съ от страха не отвѣрзе вратъ, н скоро тек, поведа блаженууму христолюбѣца. Таче блаженный ишед и виде князя и поклонися ему, и по сихъ начатъ глаголати ему христолюбѣць: «О како, отъче, запрещение твое, еже глаголетъ чьрноризьць сий, яко, аще и князь приидеть, не пустити его». Блаженный же отвѣща: «Сего ради глаголють, владыко благый, повеление то, якоже да в годъ полудньный не исходятъ братия из монастыря, н починуть в то время, ноцнааго ради славословия. Твое же богѣмъ подвижное тѣщание къ святаей владычици нашей богородици благо и души твоей на успех. И мы

же вельми радуемся о прихождении твоём», таче по сих шедшема има в църквь и створив молитву седоста. Ти тако христолюбивый князь насыщашеся медоточных тех словес и иже исхожааху от уст преподобнааго отьца нашего Феодосия и велику пользу приим от него, иде в дом свой слава бога. И от того дьне больниими начать любити ѿ, и тако имяше его, яко единого от прьвых святых отьць и вельми послушааше его и творяше вся повеленая ему от великааго отьца нашего Феодосия.

Божествный же Варлаамий, сын Иоана боярина, игумен же монастыря святаго мученика Дьмитрия, иже възгради христолюбивый князь Изяслав, иде в святыи град Иерусалим. Таче походив святая та места, взвратися в свой монастырь и паки по времени некоторем иде в Костянтинь град, и ту такоже походи вся монастыря и искупив, еже на пользу монастырю своему, и тако поиде на коних в страну свою. Идый же путьмь и уже в странах своих си, въпаде в недуг лют. Таче, яко доиде града Володимирия, въниде в монастырь, ту сущий близ города, иже наричюти и Святая гора, ту же успе с мирмь и житию коньць прият. И заповедав сущим с нимь, да доправять тело его в монастырь святааго и блаженааго отьца нашего Феодосия и ту положить е, и вся сущая, яже бе искупил в Костянтини граде — иконы и ино, еже на потребу, повелев туда, иде же сам, ту же ѿ то повеле въдати блаженууму, якоже заповеда им. Ти тако донесыше тело его, положиша е в монастыри блаженааго и преподобнааго отьца нашего Феодосия на десней стране църкве, идеже и доньне есть гроб его.

Тгда же христолюбивый князь от монастыря великааго отьца нашего Феодосия избьрав единого от братия, иже в чьрньчьемь житии просиявша, Исаию наричемааго, того же извед, игумена постави в монастыри своемь у святааго мученика Димитрия, иже и послеже добрых ради нрав его, поставлен бысть епискупьмь Ростову городу.

Тгда же великий Никон, умьршу Ростиславу князю острова того, умолен бысть от людей тех преити к Святославу князю и молити ѿ, да пустить к ним сы на своего, да сядеть на столе томь. Таче яко и пришьд, прииде в монастырь блаженааго отьца нашего Феодосия, и яко видеста друг друга, падша оба вкупе, поклонистася, и тако паки охопистася, и надълзе плакастася, якоже много время не видевьшася.

По сих же моляшети ѿ святыи Феодосий не отьлучитися ему от него, дондеже еста в плти. Тгда же великий Никон обещася ему, глаголя, якоже «ткмо дошьд тамо и монастырь свой обрядив, и ту абие взвращуся вспячь»; якоже и створи: дошьд бо с князьмь Глебь острова того, и оному седшу на столе в граде томь, Никон же възворотися вспячь. Таче пришед в монастырь великааго отьца нашего Феодосия, и вся своя благая предав блаженууму, сам же бе с всякою радостию покаяся ему, зело же любляшети ѿ богодхновеный Феодосий, яко отьца его себе имеашеть. Темьже, аще и коли кьде отьходя, поручаше тому братию и еже тех съблюдати же и поучати, якоже старейшу тому сущю всех. И егда же паки сам поучаше братию в църкви духовьными его словесы и повелевааше паки великууму Никону, яко се ис книг почитающе поучение *творити* братии, таче и паки преподобьнууму отьцю нашему Стефану, ексиарху тгда сущю, послеже же игумену сущю того монастыря по смьрти блаженааго Феодосия, таче по томь епискупу в Володимирьскую оболость.

Се же и о сих споведах, таче на последце о единомь блаженемь отьци Феодосии словеси поиду и яже о немь достойна своя ему исправления, божию благодатию исповедаея светила просвещенааго отьца нашего Феодосия.

Беаше бо поистине человек божий, светило в вьсемь мире видимое и просиявшее в всемь чьрноризьцемь: смиреньмь, смысльмь и послушаниемь, и прочиими труды подвизаяся, делае по вся дьни, не дада рукама

своима ни ногама покоя. Еще же и в пещьницю часто исхожааше и с пекущими веселяшеся духмь, тесто мешааше и хлебы пека. Беаше бо, и преже рех, крепк тельмь и сильн. Вься же стражющая бе уча и укрепля и утешая, никакоже раслабети в делех своих.

В един же от дньий хотящем им праздьник творити святя богородица, и воде не суци, преже же наменууу Феодору, суцю тгда келарю, иже и многаа ми споведа о преславньемь мужи семь. Т же, шед, поведя блаженууу отьцю нашему Феодосию, яко несть кто воды нося. То же блаженный, с спехмь встав, начат воду носити от кладязя. И се един от братия видевый воду носяща и, скоро шед, взвести неколику братии, иже и с тщаниемь притекше наносиша воды до избытка. И се же паки дрвом неколи приготованом не сущем на потребу варения, шед же келарь Феодор к блаженууу Феодосию глаголя, яко да повелиши единому от братия, суцюууу праздьну, да, вьшед, приготовить дрва, еже на потребу. То же блаженный отвеща ему: «То се аз праздьн есмь, и се поиду». Таче повеле на трапезу братии ити, бе бо год обеду, сам же, взъм сечиво, нача сечи дрва. И се по отьядении излезьше братия, ти видеша преподобьнааго игумена своего сечуца дрва и тако тружающася. И взят кждо сечиво свое, таже тако приговаша дрва, якоже тем довольном им быти на многы дьни. Сиче бо ти бе тыщание к богу блаженааго и духовьнааго отьца нашего Феодосия, имяаше бо съмбрение и кротость велику, о семь подражая Христоса, истиньнааго бога, глаголавшааго: «Навыкнете от мене, яко кртк есмь и смирен сьрьдцьмь». Темьже на таковое подвизание взирая, смеряшеся, последний ся вьсех творя и служьбник, и собою вьсем образ дая. На дело же преже вьсех исходя, и в църкви же преже вьсех обретася, и послеже вьсех излазя. Многашды же паки великууу Никону седящую и делающую книги, и блаженуууу вьскрай того седящую и прядущю нити еже на потре-

бу таковууу делу. Таково ти бе того мужа смирение и простость. И никтоже его николиже виде на ребрех своих лежаща, ли воду възливающа на тело, разве ткмо руце умывающа. А одежда его бе свита власяна остра на теле, извьну же на ней и ина свита. И та же вельми худа суци, и тоже сего ради възволочаше на ся, яко да не явится власяници суци на нем. О сей одежи худей мнози несмыслньи ругахуся ему, укаряюще его. Блаженууу же си с радостию зься приимающую укоризну их, имея убо присно на памяти слово господне и темь утешая веселяшеся: «Блажени бо, — рече, — есте, егда укорять вы, егда рекуть всяк зъл глагол на вы, лъжюще мене ради. Возрадуйтесь в т днь и възиграйте, се бо мьзда ваша многа на небесех». Си вспоминая блаженный и о сих утешаяся, трьпяше укоризну и досаждение от всех.

И се в един днь шедшю великууу отьцю нашему Феодосию некоторааго ради орудия к христоролюбцю князю Изяславу, далече ему суцю от трада. Таче яко и пришьд и до вечера умудивьшю ему орудия ради. И повеле христоролюбць, ношьнааго ради посьпання ему, на возе допроводити ѝ до монастыря его. И яко бысть идьи путьмь и возай его, видевы ѝ в такой одежи суцааго, и мьнев, яко един от убогих есть, глагола ему: «Чьрноризьче! Се бо ты по вься дьни нороздьн еси, аз же трудьн сый. Се не могу на кони ехати. Н сиче створиве: да аз ти лягу на возе, ты же могый на кони ехати». То же блаженный с вьсякымь смирениемь встав, седе на кони, а оному же легшю на возе, и идяше путьмь, радуяся и славя бога. И егда же вздремаашеся, тгда же съсед, тек, идяше вскрай коня, доьдеже трудяшеся, ти тако паки на конь всядяше. Таче же уже зорям възходящем и вельможам едушем к князю, и издалеча познавше блаженааго и съседьше с конь, поклоняхухуся убо блаженууу отьцю нашему Феодосию. Тгда же глагола отроку: «Се уже, чадо, свет есть! Всяди на конь свой». Он же виде, еже тако вьси по-

кланяхуться ему, и ужасеся в уме и, *трепетен сын*, вста и въседе на конь. Ти тако поиде путьмь, а преподобнууму Феодосию на возе сидящу. Всеи же боляре, съретъше, поклоняхуся ему. Таче дошъдъшию ему манастыря, и се ишедъше въся братия поклонихася ему до земля. То же отрок больми ужасеся, помышляя в себе: кто съ есть, еже тако вси поклоняются ему? И емы ѱ за руку, въведе ѱ в трапезницу, таче повеле ему дати ести и пити, елико хошетъ, еще же и кунами тому дав, отпусти ѱ. Си же споведа сам братии повозник т, а блаженууму о семь никомуже явившу, н сиче бе убо по вся дъни о сих уча братию, не вноситися ни о чемъ же, н смирену быти мниху, а самому мьныню всех творитися и не величатися, н к въсем покориву быти. «И ходяще *же* — глаголаше им — руке сгбене на прьсх своих кждо да имате, и никтоже вас да не преходить в смиренни *же* вашемъ, да ся поклоняете кждо друг к другу, якоже есть лепо мниху, и не преходити *же* от келие в келию, н в своей келии кждо вас да молить бога». Сицими *же* и инеми словесы по вся дъни не престая их наказааше, и аще паки слышааше от братия, комуже сущю от мьчтаный бесовьских, то сия призвав и, яко в въсех искушених быв, учааше и наказааше стати крепие противу диволем кзньм, никакоже поступати, ни раслабетися от мьчтаный и бесовьскыя напасти, не отходити им от места того, н постмъ и молитвою оградитися и бога часто призывати на победу злааго беса. Глаголаше *же* и се к ним, яко тако и мне бе испърва. «Единой бо нощи поующу ми в кели обычныя псалмы, и се пьсчърн ста пред мною, якоже имь мне нельзе ни поклонитися. Стоящу *же* ему на мног час пред мною, се *же* аз постречен быв, хотех ударити ѱ, и се невидим бысть от мене. Тгда *же* страх и трепет обият мя, якоже хотети ми бежати от места того, яко аще не бы господь помогл ми. Се бо малы въспранув от ужаста, начах прилежно бога молити и часто *поклонение* ко-

леном творити, и тако отбеже от мене страх т, якоже от того часа не бояти ми ся их, аще пред очима моима являхуть ми ся». К сим *же* и ина многа словеса глаголааше, крепя я на зълыя духы. И тако отпушааше я, радующася и славя бога о такомемъ наказании добляаго наставника и учителя их.

И се исповеда ми един от братия, именъмъ Иларион, глаголя, яко многу ми пакость творяху в келии злии беси. Егда бо ему легъшию на ложи своемъ, и се множество бесов пришьдше и за власы имше ѱ, и тако пьхающе, влачахути ѱ, и друзии *же*, стену подымше, глаголааху: «Семо да влечен будетъ, яко стеною подавленъ». И тако по вся нощи творяхуть ему, и уже не могый тьрпети, шед, споведа преподобному отьцу Феодосию пакость бесовьскую. И хотя отъити от места того в ину келию. То *же* блаженный моляшети ѱ, глаголя: «Ни, брате, не отходи от места того, да не *како* похваляться *тобою* злии дуси, яко победивше тя и беду на тя створыне, и оттоле паки больше зъло начьнути ти творити, яко власть приимше на тя. Н се да молишися богу в келии своей, да и бог видя твое тьрпение, подасть ти победу на ня, якоже не смети им ни приблизитися к тебе». Он *же* паки глаголаше ему: «Молю ти ся, отъче, *яко* отселе не могу пребывати в келии множества ради живущих бесов в ней». Тгда *же* блаженный, прекрестивы ѱ, таче глагола ему: «Иди и буди в келии своей, и отселе не имуть ти никоея *же* пакости створити лукавии беси, не бо видети их имаши». Он *же* веру им и, поклонився святууму, отъиде, и тако в ту ношь лег в келии своей, спа сладко. И оттоле проныривии беси не смеша ни приблизитися к месту тому, молитвами бо преподобнаго отьца нашего Феодосия отгоними сущи и бежаще отидоша.

И се паки т *же* чьрньць Иларион споведа ми. Бяше бо и книгам хьтър псати, сий по вся дъни и нощи писааше книги в келии у блаженааго отьца нашего Феодосия, оному *же* псалтырь усты поующу тихо и рукама пряду-

ща вълну, или кое ино дело делающа. Тако же в един вечер делающема има кждо свое дело, и се вниде иконом, глаголя блаженому, яко в утрий днь не имам купити, еже на ядь братии и на ину потребу. То же блаженный глагола ему: «Се, якоже видиши, уже вечер сущь, и утрий днь далече есть. Темьже иди и потррпи мало, моляся богу, некли т помилуеть ны и попечеться о нас, якоже сам хочеть». И то слышав, иконом отъиде. Таче, *встав*, блаженъгй иде в келию свою петк по обычаю обанадесяте псалма. Тако же и по молитве, шьд, седе делая дело свое. И се паки вниде иконом, то же глаголя. Тгда отвеща ему блаженный: «Рех ти, иди и помолися богу. В утрий днь шед в град и у продающих да взъмеши взаим, иже ти на потребу братии, и последь, егда *благодеевшу* богу, отдамы длг от бога, таче верьн есть глаголай: «Не пыдетеса утрейшимь, и т не имать нас сстави». Таче отшешю иконому, и се влезе светъл отрок в воиньстей одении и поклонився, и ничьсоже рекый, и положив же на стълпе гривну злата и тако паки млча излезе вьн. Тгда же встав блаженный, и взъм злато, и с слъзами помолися в уме своемь. Таче вратаря възъвав, ныташе й, еда кьто к воротом приходи в сию ноць. Он же с клятвою извещася, яко и еще свете затвореном сущем *воротом*, и *оттоле* несъм их отвръзал, и никтоже ириходил к ним. Тгда же блаженный, призвав иконома, подасть ему гривну злата глаголя: «Чьто глаголеши, брате Анастасе, яко не имам чимь купити братии требования? Н сиче, шьд, купи еже на потребу братии. В утрей же паки днь бог да попечеться нами». Тгда же иконом, разумеv, пад, поклонися ему. Блаженный же учааше и глаголя: «Николиже не отъчаися, н в *вере* крепяся, вьсю печаль свою възвръзи к богу, яко т попечеться нами, якоже хочеть. И створиши братии праздьник велик дньесь». Бог же паки нескудно подаваше ему еже на потребу божествьнууму тому стаду.

Блаженный же о сих всех по вся ноци бесна пребываше, *моля* бога с плачьмь и часто к земли колене прекляняя, якоже и многашьды слышаша църквьнии строителе, вьнегда бо год будяше заутрьнюму пению и онем хотящем благословление възяти от него. И един от них тихы шед и, став, послушааше, ти слышашети й молящася и вельми плачющася и главою часто о землю биюща, таче мало отъступив и се начьняше рамяно шьствовать и, якоже слышааше тутьн, умлкьняше, творяся, еже мнети оному, яко съпить. Оному же тлкнувшю и рекшю: «Благословести, отьче!» Блаженный же млчаше, якоже оному дотрийкрат сиче тлкънувъшю и глаголавъшю: «Благослови, отьче!» То же сий, яко от съна вспранув, глаголааше: «Господь наш Исус Христос да благословить тя, чадо», и тако же паки преже всех обретаашеся в църкви. Сиче же паки по вся ноци споведахути й творяща. И бе в манастыри его един некто чьрноризць, саньмь прозвутер, имьньмь Дамиан, иже *рвъньнем* подражааше житию и смерению преподобнаго своего отьца Феодосия. О немь же мнози съведетельствують о добремь его смерении и о житии и *послушании* и еже к вьсем покорение сътяжа. Наипаче же бывшей с темь в келии ти видевше кротость его и несъпанье по вся ноци, и почитающа с прилежаниемь святыя книги, и учащяща паки на молитву; сии же ина многа споведаху о мужи томь. Тому же неколи болящю и при коньци уже сый, моляшеся богу с слъзами, глаголя: «Господи мой, Исус Христе, съподоби мя собьшнику быти славы святых твоих и с теми причаститися царствию твоему и не отлучи мене, молю ти ся, владыко, отьца и наставьника моего преподобнаго Феодосия, н с темь убо причьти мя в свете томь, еже еси уготовал правьдником». Сиче же ему пребывающю и молящюся, и се внезапно предста у одра его блаженный Феодосий, иже и пад на пьрсх его и любьзно целуя и глаголааше к нему: «Се, о, чадо, о немь же молися

господеви, се ныне посла мя известити ти, яко сице по прошению твоему будеть ти, и с святымн причьтен будеши и с *тми* в царствии у небеснааго владыкы обьщник будеши. И егда паки господь бог повелит ми от света сего преставитися и приити ми к тебе, и тогда не имаве разлучитися от себе, н вкупе будеве в свете ономь». И се рек, незидим бысть от него. Тогда же т разумев, яко явление от бога бысть ему, не бо его виде двьрми излезша, ни паки двьрми влезша, н на немь же месте явився, на томь же паки и невидим бысть. И вскоре же пригласив служащааго ему и послав по блаженааго Феодосия. Тому же векорв пришедшу, и глагола ему он весельм лицьмь: «Се, отьче, буде ли тако, якоже ныне явивься обеща ми ся». Блажекый же, яко не ведый того, отвеща: «Ни, чадо, яко не вемь того, еже глаголеши обещание». Тогда же споведа ему, како молися и како явися ему т сам преподобный. То же услышав богодхновеный отьць нашъ Феодосий, ослабивься лицьмь и мало просльзивься глаголеть тому: «Ей, чадо! Будеть ти, якоже ти ся обеща ангел, явивься в образе моемь. Аз же, грешный, како могу обьщник быти славы оная, еже уготована есть правьдником?» Обаче он, слышав обещание, рад бысть. И тако братии малу сбравшюся, целова вься и сице с мирмь предасть в руце душно пришедыним по нь ангелом. Тогда блаженный повеле ударити в било, да сберуться братия, и тако с лепотьною чьстиею и с пением погребоша чьстное тело его, идеже и всю братию погребяху.

По сих же множащися братии, и нужда бысть славьному отьцю нашему Феодосию распространити монастырь на поставление келий, множества ради приходящих и бывающим мнихом. И бе сам с братиею делаея и города двор монастырьский. И се же разгражену бывшу монастырю и онем не стрегущемся, и се в едину ночь, тьме сущи велице, приидоша на ня разбойници. Глаголаху, яко в полатах църквьных, ту есть име-

ние их скрвено, да того ради не идоша ни к одиноый же келии, н църкви устрьмишася. Исеуслышаша глас поющих в църкви. Си же, мьневше, яко братии павечерняя молитвы поющим, отидоша. И мало помьдливше в лесе, таче мьнеша, яко уже копьчану быти пению, паки придоша к църкви. И се услышаша т же глас и видеша свет пречюдн в църкви сущь, и благоухание исхожаше от църкве, ангели бо беша поюще в ней. Онем мнящем, яко братии полуношьное пение свьршающем, и тако паки отидоша, чающе, дондеже сии сконьчают пение, и тогда, вшьдше в църквь, поемлють вься сущая в й. И тако многашьды приходящем им, и т глас аньгельский слышашем. И се год бысть утрьнюму пенню, и пономонареви биющю в било. То же они, отшьдше мало в лес и седше, глаголаху: «Чьто створим? Се бо мьниться нам, привидение бысть в църкви? Н се да егда сберуться вьси в църквь, тогда, шьдше и от двьрии аступивше, вься я погубим и тако имение их взьмем». То же тако врагу на то острящю я, хотящю тем *святое* то стадо искоренити от места того, н обаче ни *како* возможе, н обаче сам от них побежеи бысть, богу помагающю молитвами преподобнааго отьца нашего Феодосия. Тогда бо злии ти человеци, мало помудивше, и преподобьнууму тому стаду сбравшюся в църквь с блаженнымь наставникмь и пастухмь своимь Феодосиемь и поющем утрьняя псалмы, *устрьмишася* на ня, акы зверие дивии. Таче яко придоша, и се внезапно чюдо бысть страшно: от земля бо взятся църкы и с сущиими в ней взиде на вздусе, яко не мощи им дострелити ея. Сущей же в църкви с блаженнымь не разумеша, ни чюша того. Они же, видевше чюдо се, ужасошася и, трепетьни бывше, взвратисася в дом свой. И оттоле умилишася никомуже зла створити, якоже и старейшине их с инеми трьми пришьдшем к блаженому Феодосию покаятися того и исповедати ему бывшее. Блаженный же, то слышав, прослави бога, спасааго я

от таковыя смърти. Он же поучив я, еже о спасении души, и тако отпусти я, славяща и благодаряща бога о всьех сих.

Сицево же чудо о църкви той и ингда паки виде един от боляр христоролюбца Изяслава. Яздящю тому неколи в нощи на поли, яко 15 попърищю от монастыря блаженааго. И се виде църквь у облака сушу. И в ужастн бив, погна с отрокуы, хотя видети, кая то ест църкы. И се яко доиде монастыря блаженааго Феодосия, тгда же, оному зрящю, сступи църкы и ста на своемь месте. Оному же тлъкнувшю в врата, и вратарю отвъръзшю ему врата, вниде и поведа блаженому бывшее. И оттоле часто приходяше к нему и насыщаяся от него духовных тех словес, подаваше же и от имени своего на състроение монастырю.

И се же паки ин болярин того же христоролюбца идый неколи с князьм своимь христоролюбцьм на ратьныя, хотящем им брань створити, обещася в уме своемь, глаголя, яко «аще возвращюся здрав в дом свой, то дамь святей богородици в монастырь блалсенааго Феодосия 2 гривне золота, еще же и на икону святыя богородиця веньць окую». Таче бывшю снятию и многом от бою оружиемь падшем. Послеже побеже ни бывше ратьнии, си же спасени взвратишася в дома своя. Болярин же забысть еже дасть святей богородици. И се по дньх неколицех, спящю ему в полудне в храмине своей, и се приде ему глас страшн, именемь того зовущь его: «Клименте!» Он же вспрянув и седе на ложи. Ти виде икону святыя богородиця, иже бе в монастыри *блаженааго*, пред одрмь его стоящю. И глас от нея исхожааше сице: «*Почто се, Клименте, еже обеща ми ея дати, и неси ми дал? Н се ныне глаголюти: потщися свършити обещание свое!*» Си же рекши, икона святыя богородиця невидима бысть от него. Тгда же болярин т, в страсе бив, таче взъм, имь же бе обещался, нес в монастырь, блаженому Феодосию вдасть, такоже и веньць святыя

богородиця на иконе окова. И се же паки по дньх немнозех умысли т же болярин дати евангелие в монастырь блаженааго. Таче, яко приде к великууму Феодосию в монастырь, имый под пазухою скрвено святое евангелие, и по молитве хотящема има сести оному не еще явившю еуангелия, глагола тому блаженный? «Първее, брате Клименте, изнеси си святое еуангелие, еже имаши в пазусе своей и еже обещал еси дати святей богородици, ти тгда сядем». Се слышав он ужасеся о проповедании преподобьнааго, не бе бо никомуже о томь взвестил. И тако изнес святое то евангелие, вдасть блаженому на руже, и тако сед и духовных тоя беседы насытився, взвратися в дом свой. И оттоле велику любовь имяаше к блаженому Феодосию и часто прихожааше к нему, и велику пользу принимаше от него.

И егда же сии прихожааху к нему, то же си и тако по божьствнемь томь учении представляаше тем тряпезу от брашнь тех монастырьскихых: хлеб, сочиво и мало рыб. Многашды же и христоролюбцю Изяславу и таковых брашнь вкушающю, якоже и веселяся, глаголаше блаженому Феодосию: «Се, якоже веси, отъче, всьех благных мира сего исплнися дом мой, то же несмь тако сладка брашньна вкушал, якоже ныше съде. Многашды бо рабом моим *устроившим* различная и многоценная брашньна, ти не суть така сладка. Н млю ти ся, отъче, повежь ми, откуда ест сладость си в брашньне вашем?» Тгда же богодхновеный отъць Феодосий, хотя уверити того на любовь божию, глагола ему: «То аще, благый владыко, сия уведети хочеши, послушай нас, и поведе ти. Егда бо братии монастыря сего хотящем варити, или хлебы печи, или кую ину службу творити, тгда же първое шьд един от них взьметь благословение от игумена таче по сих поклониться пред святымь олтарьмь три краты до земля, ти тако свеццю вжьжеть от святаго олтаря и от того огонь взгнетить. И егда паки воду вливая в котъл,

глаголеть старейшине: «Благослови, отче!» И оному рекущо: «Бог да благословить тя, брате!» И тако вься служба их с благословением свьршяеться. Твои же раби, и якоже рече, делаютъ сваряеще и шегающе и кльнуще друг друга, многашьды же и биими суть от приставышк. И тако же вься служба их с грехмъ стваряеться». То же слышав, христороубць глагола: «Поистиие, отче, тако есть, якоже глагола».

А иже преподобный отць нашъ Феодосий, иже поистине исплнен духа святааго, темьже и божия таланта умножив, иже населив место множествмъ чьрноризьць, иже пусто суще, манастырь славн створи. Темьже не хотяше никакоже прилога творити в немь, н бе верою и надежею к богу вскланяся, якоже паче не имети упования *имнем*. Темьже и тако сего ради многашьды хожаше по келиям ученик своих, и аще чьто обряцааше у кого, ли брашьно снедьно, ли одежею лише уставьныя одежа, или от имения чьто, сия взьм, в пещь вметаше, якоже вражию часть сущю и преслушание греху. И сиче же глаголаше им: «Несть лепо нам, братие, мьником сущем и отвьрзьшемся мирьскихъ, сбьрание паки творити имению в келию свою. Како же можем молитву чисту приносить к богу, скровища имению дьржаще в келии своей? О семь слыша господа рекуща, яко «иде скровища ваша, ту и сьрьдца ваша», и паки о собирающихъ: «Безумьне, в сию ночь душу твою изьму, а яже сбьра — кому будутъ?» Темьже, братие, довльни будем о уставьныхъ одежах наших и о брашьне предложенемъ на трапезьници от келаря, а в келии от сичевьих не имуще ничьтоже, да тако с вьсякымъ усьрьдиемъ и вьсею мыслию молитву свою чисту приносим к богу». И се же и ина многа увещавааше я с вьсякымъ смерениемъ и с сльзами учаше вься. Не бо николиже бе напрасн, ни гневьлив, ни яр очима, н милосьрд и тих, и милость имеа к вьсем. Темьже и аще кто от святааго стада расслабел бе сьрьдцьмъ, отидяше от манасты-

ря, то же блаженный его ради в велице печали и скрби будяше и моляся к богу, дабы отблудившееся овьча от стада его взвратил вспять. И такоже по вься дьни пребываше плача и моля бога его ради, дондеже брат т взвратяшеся вспять. То же того блаженный с радостию приим учаше и никакоже расслабети вражиями кзьными, ни попустити им на ся, н крепе стати. Се бо глаголаше яко «не мужьскыя есть душа, еже расслабети печальными сими напастьми». Си и ина многа глаголав, утешив того, отпустьяше в келию его с мирмъ.

Бе же ту един брат слаб сы, иже и часто отбегаше от блаженаго манастыря, и егда паки приидяше, то же блаженный с радостию его приимаше, глаголаше бо, яко не имать бо его оставити тако, да кроме манастыря сего сконьчаеться. Се бо аще и многашьды отходя есть от нас, н сь имать в манастыри семь коньць житию прияти. И *моляше* с плачьмъ бога о немь, прося тьрпения ему. Таче по мноземъ исхожению ему, приде единою к манастырю, моляся великому Феодосию, дабы прият был. То же, иже поистине милостивый и, яко овьча от заблужения пришьдшее, тако того с радостию прият и причьте к стаду своему. Тгда же чьрноризьць т, иже бе своима рукама делая, стяжал имения мало, бе бо платьна делая, сия принес, пред блаженнымъ положи. То же святыи глагола ему: «Аще хоцеши чьрноризьць свьршен быти, взьм сия, яко ослушания дело есть, ввьрзи в пещь горущу». Он же, иже тепл сьй на веру, нес, по повелению блаженаго ввьрже в пещь, и тако изгоре. Сам же оттоле живяше в манастыри томь, прочая дьни своя проводя, и тако ту по проречению блаженаго успе с мирмъ. Сичева ти бе любы блаженаго, и сичево милосьрдие к учеником своим имяше, дабы ни един от стада его отлучился, н вься вкупе, яко пастух добрый, паки пасяше, уча и утешая и словесы увещаваая душа их, кьрмляше и напаяя не престаяше. Темьже и многы

на божий разум наводяше и к небесыгаму царствию направляше. Н се паки на прокое отселе споведание отца нашего Феодосия поидем.

Се бо в един от дний приде келарь к сему блаженому глаголя, яко в сий днь не имам, что предложити на ядь, се бо ни сварити чьто имам. Глагола тому блаженный: «Иди, потърпи мало, моля бога, некли т попечеться нами. Аще ли же, то да сваривше пыненицу, ти ту, смят с медь, представиши на трапезе братии, да едят. Обаче же надеюся на бога, иже в пустыни людъм непокоривым хлеб небесный оджди и источи крастели. Т и нам дньсь мощьн есть пищю подати». То слышав келарь отиде. И блаженный моляше бога о сих. И се прежереченый он болярин, богу ему възложышо на ум, се бо наплнив три возы брашьна: хлеб, и сыр, и рыб, сочиво же и пыпеко, еще же и мед, и то посла к блаженому в манастырь. И еже виде, блаженный прослави бога и глагола келарю: «Видиши ли, брате Феодоре, яко не имать нае бог оставити, аще надеемся на нь всемь срьдцьмь. Н иди и створи обед братии велик в сий днь се бо посещение божие есть». И тако блаженный взвеселися с братиею на обеде веселиемь духовьнымь, бе же сам еда хлеб сух и зелие варено без масла и воду иия — се же ед его бе всегда. И николиже его бе видети дряхла или сьньзшася на обеде сядяща с братиею, н всегда весело лице имуща и благодатию божиею бе утешася.

К сему же блаженому неколи приведоша разбойники связаны, их же беша яли в единомь селе манастырьске, хотяща красти. Блаженный же, виде я связаны и в такой скрби суца, сжалися зело и, просльзився, повеле раздрешити я и дати же тем ести и пити. И тако паки тех учаше много, еже никогоже преобидети и никомуже зла створити. Подасть же тем от имениа довьльное, еже на потребу, и тако тех с мирм отпусти, славяща бога, якоже отголе тем умилитися н никомуже зла створити, н своими делы довьльном быти.

Таково бо бе милосьрьдие великааго отца нашего Феодосия, аще бо видяше нища или убога, в скрби суца и в одежи худе, жаляшеси его ради и вельми тужаше о семь и с плачьмь того миноваше. И сего ради створи двор близь манастыря своего и църквь взгради в немь святааго пьрвомученика Стефана, ту же повеле пребывати нищим и слепым и хромьим и трудоватым, и от манастыря подаваше им еже на потребу и от всего суцааго манастырьскааго десятую часть даяше им. И еще же и по вся суботы посылаше в потребу воз хлеб суциим в узах.

В един же от днии приде к преподобьному Феодосию прозвутер от града, прося вина на службу святя литургия. И ту абие блаженный, призвав строителя църквьнаго, повеле наляти вина, юже ношаше викию, и дати ему. Он же глагола, яко «мало имам вина, еже ткмо довлеет на 3, или на 4 днии святаей литургии». Блаженный же отвеща ему: «Излей все человеку сему, и нами бог да попечеться». Он же отшдь и преобидев святааго повеления, вляя ему в викию мало вина, оставив на утрия църквьней службѣ. Прозвутер же, нес, еже мало ему вда, показа блаженому Феодосию. И паки призвав пономонаря, глагола ему: «Рех ти, излей все и о утрейшьниимь дне не пьцися, не бо имать бог оставити църкве сея в утрий днь бесслужьбы, н се в сий днь подасть нам вина до избытка». Тгда же, шьд, пономонарь излия все вино прозвутерови и тако й отпусти. Таче по отьедении к вечеру сядящем им, и се по проречению блаженаго привезоша 3 возы плны суце крчаг с виньмь, их же посла жена некая, иже бе предьрѣжащи вся в дому благоверьнааго князя Всеволода. Си же виде, парамонарь прослави бога, чюдяся проповеданию блаженаго Феодосия, еже якоже рече: «В сий днь вина до избытка бог подасть нам», — такоже и бысть.

Бывшю же неколи днии святаго и великаго Димитрия, в нь же Христа ради мучению коньць прият, препо-

добьному же Феодосию с братиею идушу в монастырь святаго Димитрия, и се принесоша ему хлебце не от кых зело чисты, их же повеле келарю предложить на ядь оставшии ту братии. И то же он, преслушався того, помысли в себе, глаголя, яко «в утрей днь, пришьдши вьсей братии, предложю сия хлебы на едь им; ныне же монастырьскый хлеб и да предложю сей братии». Якоже помысли, такоже и створи. И в утрей днь седшем им на обеде, хлебом же тем издрезаном сущем, таче блаженный презьрев ивиде хлебы такы суца, и, пригласив келаря, впрашаше его, откуда си суть хлебы. Он же отвещева, яко «вьчера принесени суть, н сего ради вьчера малу сущю братии, помыслих в сий день вьсей братии предложить на ядь». Тгда же блаженный глагола ему: «Лепо бе не пещися о приходящимь дьни, н по повелению моему створити. И ныне бы господь наш и присно печеться нами, большими попеклся и подал нам еже на потребу». Таче повеле единому от братие сбрати в кошь укрупы ты и, несше, посреде реки всыпати е, оного же епитимиею утвьрди, якоже преслушание створьша.

Сицимь же образь творяше, еже аще слышаше кое дело творимо благословению пьрвое не взяту бывшу, не бо хотяше, да святое стадо того таковаго брашна вкусити, еже не благословениемь створено и от преслушания суща, н се яко вражию часть сущю повелеваше овгда в пещь *горуццю* вметати, овгда же в речьныя струя вврещи.

Се же якоже по смьртьи блаженаго отьца нашего Феодосия сицева некака от преслушания вещь бысть, еже аще несть лепо съде споведати ея, имь же на вспомновение того приидохом и сему подобно слово кслову приложим.

Се бо по изгнании еже от монастыря преподобнааго иашаго игумена Стефана и великому *Никону* игуменьство преимшу, приспевшем же дньм святааго и великаго поста. И в 1-ю неделю таковаго вздрьжания

и яко добрым подвижником потрудившемся в ту неделю, темже уставлено бысть преподобнымь отьцьмь нашимь Феодосиемь, в пяток тоя неделя да бывають им хлебы чисти зело, друзии же от них с медьмь и с макьмь творени. То же тако позелевшу *Никону* по обычаю творити келарю, он же преслушанию творя, слга, рекуй яко «муки не имам настворение такимь хлебом». Н обаче бог не презьре труда и молитвы преподобных своих, и да паки не разориться уставленное божьствнымь Феодосиемь. Се бо по святаей литургии идушем тем на постыныя ты обеда, се отнюду же бе не начаятиса тоже, тако ти привезоша воз таковых хлеб. Еже видевше братия прославиша бога, чюдящеса, како присно бог печеться ими, подавая вься им, еже на потребу, молитвами преподобнааго им отьца и наставышка Феодосия. Таже но двою дньню повелевшю келарю, да по обычаю хлебы братии испекуть в муце той, ея же бе иреже рекл «не имам», то же пекущим готовящем и тесто мящем и паки им леущем укроп в не, и се обреться ту жаба, якоже той варене быти в таковой воде и такоже то тем осквьрни, иже от преслушания твореное дело. Богу сице извольшу на сблюдение святаго стада, иже и таков подвиг створьше в святую ту неделю, то же да не таковых хлеб вкусят. Н се, яко вражию часть сущю, гадьмь осквьрыш сию бог, якоже на показание тому быти. Еже о семь да не зазреть ми никтоже от вас, яко сии съде вписах и пресечение слову створих: се бо сего ради си вписах, да разумете, яко несть лепо нам ни в чемь же ослушатиса наставника игумена своего, ведуще, яко аще чьто утаим от него, н от бога несть потаено ничьтоже, и т имать вскоре мьсть створити о немь, его же постави нам старейшину и пастуха, яко да вьси послушають его и по повелению его вься створим.

Обаче же уже на пьрвое споведание взвратимся, яже о блаженемь Феодосии исповедающе.

Се бо приспевшю неколи празднику Успения пресвятыя богородицы, беша же и църкви творяще праздник в т днь, маслу же не сущю древяному в кандила на влияние в т днь. Помысли строитель църквннй в семени льянемь избити масла, и то, влиявше в кандила, вжещи. И впросив о томь блаженаго Феодосия, и оному повелевшю створити тако, якоже помысли. И егда всхоте лияти в кандило масло то, и се виде мышь впадцю в не, мъртву плавающу в немь. Таче екоро шьд, споведа блаженому, глаголя, яко «с всякымь утвьрженеемь бех покрыл ссуд т с масльмь, и не веде, откуда влезе гад т и утопе». То же блаженный помысли, яко божие есть смотрение се. Похулив же свое неверство, глагола тому: «Лепо бы нам, брате, надежю имти к богу уповающе, яко мощьн есть подати нам на потребу, его же хожем. А не тако, неверствовавше, створити, его же не бе лепо. Н иди и пролей масло то на землю. И мало потьрпим, моляще бога, и т имать нам дати в сий днь до избытка древянаго масла». Таче уже бывшю году вечерньому, и се некто от богатых принесе крчагу велику зело, плну масла древянааго. Ю же виде, блаженный прослави бога, яко *т* вскоре услыша молитву их. И тако налияша кандила вся, и избыся его больная часть. И тако створиша на утрей днь праздышк светъл святъя богородицы.

Боголюбивый же князь Изяслав, иже поистине бетепл на веру, яже к господу нашему Исусу Христу и к пречистой матери *его*, иже послеже положи душу свою за брата своего по господню гласу, сь любовь имея, якоже речеся, не просту к отьцю нашему Феодосию, и часто приходя к нему, и духовных тех словес насыщаяся от него. И тако в един от дньй пришьдшю тому, и в църкви сидящема има на божьствней тои беседе, и год бысть вечерный. Тако же сий христолюбьць обретесе ту с блаженнымь и с чьстною братиею на вечернымь славословии. И абие божиею волею

ждю велику леющюся, блаженный же, видев тако наложение дждю, призвав же келаря, глагола ему: «Да пригостиши на вечерю брашьна на ядь князю». Тгда же приступи к нему ключарь, глаголя: «Господи отьче! Меду не имам, еже на потребу пити князю и сущим с гшмь». Глагола тому блаженный: «Ни ли мало имаши?» Отвеща он: «Ей, отьче, яко ни мало не имам, беаше бо, якоже рече, опроверотил таковый ссуд тьщ и ниць положил». Глагола тому паки блаженный: «Иди и смотри истее, еда осталось или мало чьто от него будеть». Он же отвещаваше рекый: «Ими ми веру, отьче, яко и ссуд т, в немь же бе таковое пиво, опровератих и тако ниць положих». То же блаженный, иже поистине испльнен духовныхь благодети, глагола тому сь: «Иди по глаголу моему и в имя господа нашего Исуса Христа обрящещи мед в ссуде томь». Он же, веру им блаженому, отиде, и пришьд в храм, и по словеси святааго отьца нашего Феодосия обрете бчьвь ту праве положену и плну сущю меду. В страсе же быв и вскоре шьд, споведа блаженому бывшее. Глагола тому блаженный: «Мльчи, чадо, и не рыци никомуже о томь слова, и иди и носи, елико ти на потребу князю и сущим с нимь; и еще же и братии подай от него, да пияють. Се бо благословление божие есть». Таче паки дждю преставшю, отиде христолюбьць в дом свой. Бысть же тако благословление в дому томь, якоже на многы дњи довьльном им темь быти.

В един же паки от дньй от единоа вьси приде мьних монастырьский к блаженому отьцю нашему Феодосию, глаголя, яко «в хлевине, идеже скот затварям, жилище бесом есть, темьже и многу пакость ту творять в немь, якоже не дадуще тому ясти. Многашьды же и прозвутер молитву творить и водою святою покрапляя, то же *никако*: осташася злии ти беси, творяще муку и доселе скоту». Тгда же отьць нашъ Феодосий оружився на ня постмь и молитвою по господню гласу, еже рече: «Сь род изгониться ничимьже,

ткмо молитвою и постмь». Темьже уповая блаженный, яко имать прогнати я от места того, якожедревлеот месильница. И прииде в село то и вечер вниде един в хлевину ту, идеже беси жилище имяхуть, и, затворив дври, ту же пребысть до утрянья, молитву творя. Якоже от того часа не явится бесом на то место, се же ни в дворе пакости творити никомуже. Молитвами преподобнааго отьца нашего Феодосия, яко се оружием отгнани быша от вьси тоя. И тако паки блаженный приде в монастырь свой, яко храбр сильн, победив злыя духы, пакостьствующа в области его.

Паки же неколи в един от дний к сему блаженому и преподобному отьцу нашему Феодосию приде старей пекущим, глаголя, яко «муки не имам на испечение хлебом братии». Глагола тому блаженный: «Иди, сглядай в сусеце, еда како мало муки обрящеш в немь, дондеже паки господь попечеться нами». Он же ведяшеса, яко и помел бе сусек т и в един угл мало отруб, яко се с трое или с четверы пригрще, темьже глаголаше: «Истину ти вещаю, отьче, яко аз сам пометох сусек т, и несть в немь ничьсоже, разве мало отруб в угле единомь». Глагола тому отьць: «Веру ми ими, чадо, яко мощн есть бог, и от тех малых отруб наплннить нам сусек т муки, иже якоже и при Илии створи вдовици оной, умножив от единех пригрщ муки множество, якоже препитатися ей с чады своими в гладное время, дондеже гобино бысть в людх. Се бо ныне т же есть, и мощн есть и такоже и нам от мала много створити. Н иди и смотри, еда благословление будет на сусеце томь». То же слышав, он отиде, и яко вниде в храм т, ти виде сусек т, иже бе пръвее тщ, и молитвами преподобнааго отьца нашего Феодосиа плн суць муки, якоже пресыпатися ей чрес стену на землю. Тгда же в ужасты бысть, видя таковое преславное чюдо и, вспятився, блаженому споведа. То же святыи к тому: «Иди, чадо, и не яви никомуже сего, н створи по обычаю братии

хлебы. Се бо молитвами преподобныя братия наша посла бог милость свою к нам, подая нам вься на потребу, его же аще хоцем».

Тако ти тщание бе к богу надежа преподобнаго *Феодосиа* и тако упование имяаше к господу нашему Иисусу Христу, якоже не имети надежа о земьных никоеяже, ни уповати же ни о чемь же в мире семь, н бе вьсею мыслию и вьсею душею к богу вскланяся и на того вьсе упование взложь, никакоже пекыйся о утрьнимь дьне и господень глас по вься дни имяаше на памяти сьрдця своего, еже рече: «Не пыдетеса ни о чемь же и смотри же птицъ небесных, како не сеють, ни жнють, ниже собирають в житьница своя, н отьць небесный питаеть я, колыми паче тех уныне есте вы». Темьже по вься ноци моляшеса к богу с слъзами о стаде своемь глаголя: «Яко ты ныне еси, владыко, свкупил в место се, и аще годе ти есть жити нам в немь, буди нам помощник и податель вьсем благым. Се бо в имя пресвятыя матере твоея взгражен бысть дом сий. Мы же паки в твое имя сьбраны в нь, и ты сблуди ны иохрани от вьсякого света вьселукавааго врага и сподоби ны получитьи вечную жизнь. Присно же влагай в сьрдця наша страх твой, яко да темь причастим благая она, яже уготова правьдником». И тако паки по вься дни пребывааше, братию уча, и утешая, и запрещаая же никакоже расслабети, н крепе быти на вься труды чьрьньчскыя. И тако прилежаниемь стадо свое пасяше, блюды й, еда некако злокъзньный влък, вшьд, распудитъ божьстьвное то стадо.

Темьже о семь, якоже и человеку некоему христоролюбиву и боящюся бога явлениемь открыся еже о блаженемь и преподобнемь отьци нашемь Феодосии и о пречистей того и непорочней молятве, еще же и о святемь того монастыри, и от того паки показуя ино место, якоже тем ту преселитися.

Есть бо мала гора, надлежащи над монастырьмь темь, и человеку тому туда въ нощи по ней едуць, и се виде-

ти тому чюдо исплнь ужастн. Ношн бо сущн тьмне, свет же пречюдн ткмо над манастырьмь блаженааго, и се, яко взррев, виде преподобнааго Феодосн я в свете томь, посреде манастыря пред църквню стояща, руже же на небо вздевшю и молитву к богу прилежно творяща. Таче тому зрящю и чюдящюся о томь, и се ино чюдо явльшеся тому: пламень велик зело от вьрха църквнааго ишд и, акы комара створився, преиде на другый хлм, и ту темь коньцьмь ста, идеже блаженный отьць нашь Феодосн църквь назнамена, начат зьдати послеже. Се же якоже и доньне есть на месте томь манастырь славын. Снй же тако пламень т явльшеся тому, яко дуга стоя единемь коньцьмь на вьрху църквнемь, тачс и другымь на нареченемь месте, дондеже тому захавшю за гору не видети того. Се же якоже то сам виде, исповеда единому от братн я в манастыри блаженааго, иже истннна сущь. Темьже есть лепо нам с божьствьнымь Ияковьмь рещн, яко есть господь на месте семь и есть свято место се и несть ино, н се дом божнй и сн врата небесная.

И се же пакы подобно есть рещн, еже яко пишеться таково о святемь и велицемь Саве. Се бо в едину ноць такоже тому шьдшю ис келн я свое я молящюся, и се показася тому стлп огньн до небесе сущь. Таче по томь, якоже дошд места того, и обрете в немь пещеру и ту тако в мало дьннй створи манастырь славын. Такоже и сьде разумевати есть, богу знаменавшю место то, еже яко видети есть манастырь славын сущь на месте томь, иже и доньне есть молитвами его цвьтушь.

Снцера тн бе блаженааго отьця нашего Феодосн молитва еже к богу о стаде своемь и о месте томь, н снцера бденне и неспанне по вься ношн, и тако сняше яко светило пресветьло в манастыри томь.

Темьже тако того молитвами благый бог ино пакы чюдо показа о святемь томь месте человекомь близь ту живу-

щем, иже якоже и послеже споведаша вьсей братнн бывшее. В едину бо ноць слышаша глас бещнслно поющнх. То же яко тн слышаша глас т, всташа от ложь своих и, ишдше ис храм и на высоце месте ставше, смотряху гласа того. Сняше бо и свет велик над манастырьмь блаженааго, и се видеша множество чьрнорнзньць исходящь от ветхн я църкве и бяхуть грядуще на нареченое место, носяху же предн икону святн я богороднця. Вьсн иже тн в следь идуще, пояху, и вьсн в руках свеще горуще нмяхуть, пред нмн я идяше преподобный отьць нх и наставьннк Феодосн. Таче дошдше места того, ту же пенне и молитву створьше, возвращахуся вспять. И, якоже тем зрящемь, внндоша пакы поюще в ветхую църквь. Се же не еднн, нн два видеста, н мнозн люднне, нн девше сн я, споведааху. Сн же, якоже разумети есть, аньгеломь снцера явльшнмь бытн, нмь же от братнн нн единому же снх чьвшю, богу снцера извольшю и скрнвшю от нх тайну сню. И якоже послеже слышавше, прославлнша бога, творящааго чюдеса велика и прославляющааго место то и освящающа е молитвами преподобнааго отьця нашего Феодосн я.

Н се пакы лепо есть нам сн я споведавше на прокое похвалене блаженааго сказанне поитн я еже о немь достонная с истнною исповедающе, еже по господн нашемь Исусе Хрнсте того рьвннне. Се бо и снцера обьчай нмяше блаженный, якоже многашьды в ношн встав я отай вьсех исхожааше к жидомь, и тех еже о Хрнсте препнра я, коря же и досажая темь, я яко отьметьннкн я безаконьннкн тех нарицая, жьдаше бо еже о Хрнстове исповеданнн убннен бытн.

И се же якоже бе отходя в постьнн я дьнн в прежереченую пещеру и оттуду пакы многашьды, якоже того не ведущю ннкому же, в ношн встав и, богу того сблудящю, отходяше еднн на село манастырско, и ту уготоване сущн пещере в скрвене месте, и ннкому же того ведущю, пребывааше в ней еднн до вьрбьннн я

неделя, и такоже паки преидяше на ны в нощи в прежереченую пещеру, и оттуда в пятък вьрьбьныя неделя к братии излазаше, якоже тем мьнети, ту ему пребывшю в постыныя дньи. И тако пребывааше, не дадый себе покоя бдениемь и молитвами вьсеми ношьными о стаде своемь, моля бога и того призывая помощника им быти о всякомь подвизе их, и по вся нощи обиходя двор манастырскый и молитву творя, и тою огражая и яко градмь твьрдмь стрегый, яко да не вшьд змий лукавый пленить кого от ученик его. И тако бе оградил вся области его манастырскыя.

Се бо неколи ятом бывшем мужем разбой творящем от неких стрегущих дому своего, и бысть связаном им сущем и ведомом в град к судии. И се по изволеню божию случися им миновати мимо едино село манастырское, и един от злодей тех связанных, покывав главою на село то, глаголаше якоже «неколи в едину ношь приидохом к двору тому, разбой хотяще творити и поимати вся сущая, и видехом град сущь высок зело, яко не мощи нам приблизитисья». Сице бо бе благый бог оградил невидимо вся та сдържания молитвами правьднааго и преподобнааго сего мужа. Темьже и божьствьный Давыд о семь предъизвеща, рекый: «Очи господни на правьдныя и уши его в молитву их». Присно бо владыка, сздавый ны, прикладает слуха своя на послушание призывающим и вистину, и такоже молитву их услышав, спасе я. Съде же по воли их и прошению вся творить, им же упвающим на нь.

Сицево преподобному и преблаженому отьцю нашему Феодосию пасущю стадо свое с всякымь благочьстиемь и чистотою и еще же и житие свое с вздържаниемь и подвигомь исправляющю, бысть в то время смятение некако от вьселукавааго врага в трьх князых, братии сущем по плти, якоже двема брань створити на единого старейшааго си брага, христолюбца, иже

поистине боголюбца Изяслава. То же тако т прогнан бысть от града стольнааго, и онама, пришьдшема в град т, посылаета же по блаженааго отьца нашего Феодосия, бедяща того прити к тема на обед и причетатися неправьднемь томь свете. То же, иже бе испленен духа святаго, преподобный же Феодосий разумевь, еже неправьдно суща изгнание, еже о христолюбци, глаголеть посланому, яко не имам ити на тряпезу Вельзавелину и причаститися брашьна того, испльнь суща крови и убийства. И ина же многа укоризьна глаголав, отпусти того, рекый, яко да взвестиши вся си пославшим тя.

Н обаче она, аще и слышаста си, н не взмогоста прогневатися на нь, видяста бо правьдна суща человека божия, ни паки же послушаста того, н устрьмистася на прогнание брата своего, иже от вьсея тоя области отгнаста того, и тако взвратистася вспять. И единому седшю на столе томь брата и отьца своего, другому же взвративьшюся в область свою.

Тгда же отьць наш Феодосий, наплнивсь святаго духа, начат того обличати, яко неправьдно створивша и не по закону седша на столе томь, и яко отьця си и брата старейшаго прогнавша. То же тако обличаше того, овгда епистолия пиша, посылаше тому, овгдаже вельможам его, приходящем к нему, обличаше того о неправьднемь прогнании брата, веля тем поведати тому. Се же и послеже вписа к нему епистолию велику зело, обличая того и глаголя: «Глас крве брата твоего впиеть на тя к богу, яко Авелева на Каина». И инех многих дrevьних гонитель, и убойник, и братоненавидьник приводя, и притчами тому вся еже о немь указав и тако вписав, посла. И яко т прочьте епистолию ту, разгневался зело, и яко льв рикнув на правьднааго, и удари тою о землю. И якоже оттоле промчеса весть, еже на поточение осужену быти блаженому. Тоже братия в велице печали быша и моляху блаженааго остатися и не обличати его. Тоже

такоже и от боляр мнози приходяще поведахуть ему гнев князь на того сущ и моляхуть ѿ не супротивитися ему. «Се бо, — глаголаху, — на заточение хочетья послати». Си же слышав блаженный, яко о заточении его реша, взрадовася духмь и рече к тем: «Се бо о семь вельми ся радую, братие, яко ничьсоже ми блаже в житии семь: еда благодатьство имению лишение нудить мя? Или детей отлучению и сел опечалуеть мя? Ничьсоже от таковых принесохом в мир сь, н назн родихомся, такоже подобаеть нам нагом проити от света сего. Темьже готов есмь или на смьрьть». И оттоле начат того укаряти о братоненавидении, жадааше бо зело, еже поточену быти.

И обаче он, аще и вельми разгневался бе на блаженааго, н не дьръзну ни единого же зла и скьрьбьиа створити тому, видяше бо мужа преподобьна и правьдьна суща его. Якоже преже многашьды его ради завидяше брату своему, еже такого светильника имать в области своей, якоже споведаше, слышав от того, чьрнорызць Павьл, игумен сый от единого монастыря, сущих в области его.

Блаженный же отць нашъ Феодосий, много молим быв от братье и от вельможь, наипаче же разумев, яко ничьсоже успешно сими словесы тому, остася его, и оттоле не укаряше его о томь, помыслив же в себе, яко уне есть мольбою того молити, да бы взвратил брата си в область свою.

Не по мнозех же дньх разумев благый князь т преложение блаженааго Феодосия от гнева и утешение, еже от обличения того, взрадовася зело, издавна бо жадааше беседовати с нимь и духовьных словес его насытитися. Таче посылаеть к блаженому, аще повелить тому прити в монастырь свой или ни? Оному же повелевшу тому приити. То же сий, с радостию встав, приде с боляры в монастырь его. И великому Феодосию с братиею ишьдшу ис цьркве и по обычаю сретшю того и поклоньнемася, якоже е лепо князю, и то-

му же целовавшю блаженаго. Таче глаголаше се: «Отцье, не дьръзнях приити к тебе, помышляя, еда како гневаяся на мя и не впустиши нас в монастырь». То же блаженный отвеща: «Чьто бо, благый владыко, успееть гнев нашъ еже на дьръжаву твою. Н се нам подобаеть обличити и глаголати вам еже на спасение души. И вам лепо есть послушати того». И тако же вшьдшема в цьрквь и бывши молитве седоста, и блаженому Феодосию начьншю глаголати тому отсвятых книг, и много указавшю ему о любви брата. И оному паки многу вину износящю на брата своего, и того ради не хотящю тому с темь мира створити. И такоже паки по мнозей той беседе отиде князь в дом свой, славя бога, яко сподобися с таковыимь мужьмь беседовати, и оттоле часто приходяше к нему и духовьнаго того брашьна насыщаяся паче меду и ста: се же суть словеса блаженааго, яже исходяхуть от медоточьных уст тех. Многашьды же великий Феодосий к тому хожаше и тако вспоминаше тому страх божий и любовь еже к брату.

И в един от дньий шьдшю к тому благому и богоносному отцью нашему Феодосию, и яко вниде в храм, ндеже бе князь седа, и се виде многы играюща пред нимь: овы гусльныя гласы испущающем, другыя же органьныя гласы поющем, и инем замарьныя пискы гласящем, и тако вьсем играющем и веселящемся, якоже обычай есть пред князьмь. Блаженный же, бе вскрай его седа и долу нича и яко малы всклонивься, рече к тому: «То будеть ли сице на ономь свете?» То же ту абие он с словмь блаженааго умилися и малы просльзиси, повеле тем престати. И оттоле, аще коли приставяше тья играти, ти слышааше блаженаго пришьдша, то повелевааше тем престати от таковыя игры.

Многашьды же паки, егда взвествяхуть приход тому блаженаго, то же, тако ишьд, того среташе, радуясь, пред двьрьми храму, и тако внидоста оба в храм. Се же, якоже веселяся, глаголаше преподобьному: «Се,

отъче, истину ти глаголю: яко аще быша ми взвестили отъця вставша от мъртвых, не бых ся тако радовал, яко о приходе твоём. И не бых ся того тако боял или сумнел, яко же преподобныя твоя душа». Блаженный же тоже: «Аще тако боишися мене, то да створи волю мою и взврати брата своего на стол, иже ему благоверный отъць *твоей* предасть». Он же о семь умлче, не могый чьто отвецати к сим, тольми бо бе и враг раждьгл гневмь на брата своего, яко ни слухмь хотяше того слышати. Отъць же нашъ Феодосий бе по вся дньи и нощи моля бога о христолюбци Изиславе, и еще же и в ектении веля того поминати, яко стольному тому князю и старейшу всех, сего же, якоже рече, чрес закон седшу на столе томь, не веляше поминати в своемь монастыри. О семь же едва умолен быв от братие, повеле и того с нимь поминати, обаче же пьрвое христолюбца, ти тогда сего благаго.

Великий же Никон, видево такое смятение в князих суще, отиде с инема двема чьрноризьцема в прежереченын остров, идеже бе монастырь сставил, и блаженному Феодосию много того молившу, яко да не разлучитися има, дондеже еста в плти, и не отходити ему от него. Обаче он не послушав его о томь, н, якоже рече, отиде в свое место.

Тгда же отъць нашъ Феодосий, наплнився духа святааго, начат благодатию божиею подвизатися, якоже вселити тому в другое место, помагающу тому святому духу, и църквь же велику камениемь възградити в имя святааго богородиця и приснодевья Мария, пьрвей бо църкви дреяне сущи и мале на приятие братии.

В начатк же таковааго дела сбьрася множество людей, и место на възгражение овем ова кажущем, инем же ино, и всех не бе подобно место князю полю, близь прилежащю. И се по строю божию бе благый князь Святослав туда минуя и, видево мног народ, вприси, чьто творять ту. И якоже уведев, и свратив

коня, приеха к ним, и, яко от бога подвижен, показа тем место на своемь поли, веля ту възградити ту такую църквь. Се же якоже и по молитве тому самому начаткь копанию положити. Беаше же и сам блаженный Феодосий по вся дньи с братиею подвизаяся и тружая о възгражении таковаго дому. Обаче аще и не свьрши его жив сы, н се и по смьрти того, Стефану приимьшу игуменьство и богу помагающу тому молитвами преподобнааго отъця нашего Феодосия, *свьршено* дело и дом сгражен. Ту же братии преселившемся, и ондеже малу их оставшу, и с теми прозвутеру и диякону, якоже по вся дньи и ту святаа литургия свьршяется.

Се же житие преподобнааго и блаженааго отъця нашего Феодосия, еже от уны вьрсты до съде от многоаго мало вписах. Кто бо довльн вся по ряду списати добрая управления сего блаженааго мужа, кто же возможеть по достоянию его похвалити! Аще бо искушюся того достойно противу исправлению его похвалити, н не возмогу — груб сы и неразумичьн.

Многашьды же сего блаженааго князи и епископи хотеша того искусити, осилиюще словесы, н не возмогоша и акы о камык бо приразивьшесе *отскакажу*, огражен бо бе верою и надежею, еже к господу нашему Иисусу Христу, и в себе жилище святааго духа створи. И бысть вдовицам заступник и сирьим помощник и убогим заступник и, спроста рещи, вся приходящая, уча и утешая, отпуцааше, убогим же подавая, еже на потребу и на пищу тем.

Мнози же того от несмыслных укаряхуть, то же сий с радостию та приимааше, се же якоже и от ученик своих многашьды укоризны и досажения тому приимати, н обаче он, бога моля за вся, пребываше. И еще же и о худости ризней мнози от неведглас, усмихающесе тому, ругахуться. Он же и о томь не поскрьбе, н бе радуяся о поругании своемь и о укоризне и вельми веселяся, бога о томь прославляше. Яко-

же бо аще кто не зная того, ти видяше ѿ в такой одежи суца, то не мнѣяше того самого суца блаженааго игумена, н яко единого от варящих. Се бо и в един днь идуцю тому к делателем, идеже беша църквь зи-
 жующеи, сrete и того убога вдовица, яже бе от судии обидима, и глагола тому самому блаженому: «Чьрьно-
 ризьче, повежь ми, аще дома есть игумен вашъ?» Глагола той блаженный: «Чьто требуеши от него, яко т человек есть грешнъ?» Глагола тому жена: «Аще грешнъ есть, не вемь, ткмо се вемь, яко многы изба-
 ви от печали и напасти, и сего ради и аз придох, яко да и мне поможеть, обидиме суци бес правды от судии». Таче блаженный уведев, яже о ней, сжалиси, глагола той: «Жено! Ныне иди в дом свой, и се, егда придетъ игумен нашъ, то же аз взвещю ему, еже о тебе, и т избавить тя от печали тоя». То же слышавши жена отиде в дом свой, и блаженный иде к судии и еже о ней глаголав тому, избави ту от насилия того, якоже тому пославшю взвратити той, имь же бе обидя ю.

Тако же сий блаженный отьць нашъ Феодосий многым заступник бысть пред судиями и князи, избавляя тех, не бо можахуть ни в чемь преслушати его, ведуще ѿ правдына и свята. Не бо его чьстяху чьстных ради прт, или светелья одежда, или имения ради многоаго, н чистаго его ради жития и светелья душа, и поучение того многых, яже кыпяхуть святымь духмь от уст его. Козьлины бо тому беахуть, яко многоценьная и светлая одежда, власяница же, яко се чьстная и цесарская багряница, и тако, темь величаяся, ходяше и житиемь богоугодно пожив.

И уже на коньць жития прешьд, преже уведев, еже к богу свое отшьствие и днь покоя своего: правдынымь бо смьрьть покой есть.

Тгда же уже повеле сбьрати вьсю братию и еже в селех или на ину кую потребу шьли и, вься сьзвав, начат казати тиуны, и приставьники и слугы, еже пребывати комуждо в порученей ему служьбе с вьсякимь

прилежаниемь и с страхмь божиемь, в покорении и любви. И тако пакы вься с сльзами учааше, еже о спасении души и богоугоднемь житии и о пощении, и еже к църкви тщание, и в той с страхмь стояние, и о братолюбии, и о покорении, еже не ткмо к старейшинам, н и к свьрьстьнымь себе любовь и покорение имети. Глаголав, отпусти я, сам же, влез в келию, начат плакаться, бия в пьрси своя, припадая к богу и моляся ему о спасении души, и о стаде своемь и о месте томь. Братия же, ишьдше вьн, глаголаху к себе: «Чьто убо сий сицево глаголетъ? Еда, кде отшьд, скрытиса хоцеть в тайне месте, ти жити един и нам не ведущем его», — якоже многашьды вьсхоте тако створити, н умолен бывааше о томь от князя и от вельможь, братии о томь паче молящися. И такоже и ту тако тем мнѣяшемь.

Таче по сих блаженаго зиме взгрозивши и огню уже люте распальпу ѿ, и не могый к тому ничьтоже, взлеже на одре, рек: «Воля божия да будеть, и якоже изволися ему о мне, тако да створить! Н обаче молю ти ся, владыко мой, милостив буди души моеи, да не срящеть ея противьных лукавство, н да примуть ю ангели твои, проводяще ю сквозе пронырьство тьмьных гех *мьтарств*, приводяще ю к твоего милосьрдия свету». И си рек, умлче, к тому не могый ничьтоже.

Братии же в велице скрьби и печали суцем его ради. Потомь он 3 дњи не може ни глаголати к кому, ниже очию провести, яко многымь мьнети, якоже уже умрет, ткмо же малы видяхуть и еже суцю душу в немь. Таче по трьх дньх встав, и братии же вьсей сбьравшися, глагола им: «Братие моя и отьци! Се, яко уже вемь, время житию моему коньчаваеться, якоже яви ми господь в постыное время, суцю ми в пещере, изити от света сего. Вы же помыслите в себе, кого хоцете, да аз поставлю ѿ вам в себе место игумена». То же слышавше, братия в велику печаль и плачь впадоша, и по сих излезше вн и сами в себе свет

створиша, и якоже с света вьсех Стефана игумена в себе нарекоша быти, деместика суца църквнааго.

Таче паки в другый днь блаженный отьць нашъ Феодосий, призвав вьсю братию, глагола им: «Чьто, чада, помыслисте ли в себе, еже достойну быти в вас игумену?» Они же вьси рекоша, яко «Стефану достойну быти по тебе игуменьство прияти». Блаженный же, того призвав и благословив, игумена им в себе место нарече. Оны же много поучив, еже покаяться тому, и тако отпусти я, нарек им днь преставления своего, яко «в субботу, по взитии слньца, душа моя отлучиться от телесе моего». И паки же призвав Стефана единого, учааше ѿ, еже о пастве святааго того стада, се бо и не отлучашеся от него, служа тому с смирениемъ, бе бо уже болезнию лютою одьржимь.

И якоже пришьдши суботе и дњи освитающу, послав, блаженный призва вьсю братию, и тако по единому вься целова, плачущася и кричаща о разлучении таковааго им пастуха. Блаженный же глагола им сице: «Чада моя любимая и братия! Се бо и утробою вься вы целую, яко отхожу к владыце, господу нашему Иисусу Христу. И се вам игумен, его же сами изволисте. Того послушайте, и отьця того духовьнааго себе имейте, и того бойтеся, и по повелению его вься творите. Бог же, юке вься словмь и премудростию створи, т вас благослови и снабди от проныриваго без беды, и неподвижиму и твьрьду яже к тому веру вашю да сблюдетъ в единоумии и в единой любви до последняаго издыхания вкупе суще. Дай же вам благодать, еже работати тому бес прирока, и быти вам в единомъ теле и единемъ духмь в смирении суцем и в послушании. Да будете свьрьшени, якоже и отьць вашъ небесьный свьрьшен есть. Господь же буди с вами! И о семь же молю вы и заклинаю: да в ней же есмь одежи ныне, в той да положите мя тако в пещере, идеже постьнья дыш пребываах, ниже омывайте убогаго моего тела, и да никтоже от людей мене, и

вы едина сами да погребете в прежереченемъ месте тело се». Си же слышавше братия от уст святаго отьца плачь и слъзы из очию испущааху.

Блаженный же паки утешая глаголаше: «Се обещаюся вам, братия и отьци, аще и телмь отхожу от вас, и духмь присно буду с вами. И се, елико же вас в монастыри семь умьреть, или игуменмь кде отслан, аще и грехы будетъ кто створил, аз имам о томь пред богмь отвещати. А иже отидеть кто о себе от сего места, то же аз о томь орудия не имам. Обачео семь разумеите дьрзновение мое, еже к богу: егда видите вься благая умножающаяся в монастыри семь, ведите, яко близъ владыкы небесьнааго ми суццю. Егда ли видите скудение суще и вьсемь умаляющеся, тгда разумеите, яко далече ми бога быти и не имуща дьрзновения молитися к нему».

Таче по глаголах сих отпусти я вн вься, ни единого же у себе оставив. Един же от братие, иже вьсегда служааше ему, малу створь скважню, смотряше ею. И се блаженный встав и ниць лег на колону, моляше с слъзами милостивааго бога о спасении душа своя, вься святаыя призывая на помощь и наипаче же — святую владычицю нашу богородицю, и тою господа бога спаса нашего Иисус Христа моля о стаде своемъ, и о месте томь. И тако паки по молитве взлеже на месте своемъ и, мало полежав, таче взьрев на небо, и великмь гласмь, лице весело имьй, рече: «Благословлен бог, аще тако есть то: уже не боюся, и паче радуяся отхожу света сего!» Се же, якоже разумети есть, яко обавление некое виде, сице издрече. Яко по томь опрятався, и нозе простьр, и руце на пьрьсхъ крьстообразне положь, предасть святую ту душу в руце божии и преложися к святаим отьцем.

Тгда же братия створиша над нимь плачь велик и тако, възмше того, несоша в црквь, и по обычаю святое пение створиша. Тгда же, акы не от коего божьствнааго явления, подвижесе верьных множество, и с усъ-

рьдиемь сами придоша и беша пред враты сидяще и ожидающе, дондеже блаженааго изнесутъ. Благоверный же князь Святослав бе не далеце от монастыря блаженааго стоя, и се виде стлпъ огньн, до небесе сушь над монастырьмь темь. Сего же ин никтоже виде, и ткмо князь един, и якоже от того разумети представление блаженаго, и глагола сущим с нимь: «Се, якоже мню, дньсь блаженный Феодосий умьре». Бе бо преже того дьне был у него и видел болость его тяжьку суцю. Таче послав и уведев истее представление, плакася по томь много.

Братии же врата затворившем и никогоже иустящем по повелению блаженааго, и беша присядяще над нимь и ожидающе, дондеже разидуться людие, и тако того погребуть, якоже сам повеле. Беша же и боляре мнози пришьли, и ти пред враты стояще. И се по смотрению божию пооблачилось небо, и сниде джд. То же ти тако разбегосася. И абие паки дждь преста и слньце всяя. И тако того несше в прежереченую пещеру, положиша ѳ, и запечатьлевше и отидоша, и без брашьна вьсь днь пребьша.

Умрет же отць нашъ Феодосий в лето 6 и 582, месяца маия в 3, в субботу, якоже прорече сам, всявшю слньцю.

Перевод

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРСКОГО

Господи, благослови, отче!

Благодарю тебя, владыко мой, господи Иисусе Христе, что сподобил меня, недостойного, поведать о твоих святых подвижниках; сначала написал я о житии и о погублении и чудесах святых и блаженных мучеников твоих Бориса и Глеба; побудил я себя взяться и за другое повествование, которое превыше сил моих и не достоин я его, ибо невежда я и недалек умом, не обучен к тому же я никакому искусству, но вспомнил я, господи, слово твое, вещающее: «Если имеете веру с горчичное зерно и скажете горе: сойди с места и низвергнись в море, тотчас же повинуется вам». Вспомнил я об этом, грешный Нестор, и, укрепив себя верой и надеясь, что все возможно, если есть на то божья воля, приступил к повествованию о житии преподобного Феодосия, бывшего игумена этого монастыря святой владычицы нашей богородицы, которого ныне чтим и поминаем в день преставления его. Я же, братья, вспоминая о жизни преподобного, никем не описанной, всякий день предавался печали и молил бога, чтобы сподобил меня описать по порядку всю жизнь богоносного отца нашего Феодосия. Пусть же и будущие черноризцы, взяв писание мое и прочитав его, также узнают о доблести этого мужа, восхвалят бога и, угодника его прославляя, укрепляют души свои для новых подвигов; ведь именно в нашей земле такой муж явился и угодник божий. Об этом и

сам господь возвещал: «Многие придут с востока и с запада и починут с Авраамом и с Исааком в царствии небесном», и еще: «Многие из последних да станут первыми», ибо сей Феодосий в наши дни превзошел древних праведников, в жизни своей последуя тому, кто положил начало монашескому житию — говорю я о великом Антонии. И вот что дивно: ведь как пишется в книгах святых отцов: «Ничтожен будет последний род»; а сего Христос и в последнем роде сделал своим сподвижником и пастырем иноков, ибо с юных лет отличался он безупречной жизнью, добрыми делами, но особенно — верою и разумом. О нем же и начну теперь повествовать — с самых юных лет поведаю жизнь блаженного Феодосия.

Но послушайте, братья, со всяческим вниманием, ибо слово это исполнено пользы для всех слушающих. И молю вас, возлюбленные: не осудите невежества моего, ибо исполнен я любви к преподобному и только потому решился написать все это о святом, к тому же хочу, чтобы не сказали обо мне: «Дурной раб ленивый, подобало тебе отдать серебро мое в рост, и я бы, вернувшись, получил его с прибытком». Поэтому и не следует, братья, скрывать чудеса божьи, — вспомните, как он обратился к ученикам своим: «Все, что говорю вам во тьме, поведайте другим при свете, и все, что скажу вам на ухо, — разглашайте по всем домам». Для успеха и блага тех, кто продолжит беседу мою, хочу писать, и, славя за это бога, вы удостоитесь награды. Прежде чем начать повествование, обращаюсь к богу со словами: «Владыка мой, господь вседержитель, щедрый к благочестивым, отец господя нашего Иисуса Христа, приди на помощь мне и просвети сердце мое, чтобы понял я смысл заповедей твоих, и дай мне силу поведать о чудесах твоих и похвалить святого угодника твоего; да прославится имя твое, ибо ты помощник всем, кто во всякий день надеется на тебя. Аминь».

В пятидесяти поприщах от стольного города Киева есть город по названию Васильев. В нем и жили родители святого, исповедуя веру христианскую и славясь всяческим благочестием. Родили они блаженное чадо свое и затем, на восьмой день, принесли его к священнику, как это подобает христианам, чтобы дать ребенку имя. Священник же, взглянув на отрока, провидел сердечными очами, что смолоду тот посвятит себя богу, и назвал его Феодосием. Потом же, когда исполнилось чаду 40 дней, окрестили его. Рос отрок, окружен родительским попечением, и благодать божественная пребывала на нем, и дух святой от рождения вселился в него.

Кто постигнет милосердие божье! Вот ведь не избрал он пастуха и учителя инокам среди мудрых философов или вельмож городских, но — да прославится за это имя господне — неискушенный в премудрости оказался мудрее философов! О тайна тайн! Откуда не ожидали — оттуда и воссияла нам утренняя звезда пресветлая, так что всем странам видно сияние ее, и собрались к ней, все презрев, лишь бы только светом ее насладиться. О милосердие божие! Сперва место указав и благословив, создал бог поле, на котором будет пастись стадо богословесных овец, пока он им пастуха не избрал.

Случилось же родителям блаженного переселиться в другой город, именуемый Курском, по повелению князя, но я бы сказал — бог так повелел, чтобы и там просияла жизнь доблестного отрока, а нам, как и должно быть, с востока взошла бы утренняя звезда, собирая вокруг себя и другие многие звезды, ожидая восхода солнца праведного — Христа — и глаголя: «Вот я, владыка, и дети, которых воспитал я духовной твоею пищей; и вот они, господи, ученики мои, привел я их к тебе, научив презреть все мирское и возлюбить одного тебя, бога и господина. Вот, о владыко, стадо богословесных твоих овец, к которому ты приставил

меня пастухом, и я взрастил их на божественном твоём поле и к тебе привел, сохранив их чистыми и непорочными». И так ответил господь ему: «Раб достойный, как должно умноживший данный тебе талант, за это прими уготованный тебе венец и приходи к радости господя своего». И ученикам его сказал: «Придите, благое стадо, доблестного пастуха богословесные овцы, ради меня терпевшие голод и трудившиеся, примите уготованное вам от сотворения мира царство». Так и мы, братья, станем следовать и подражать жизни преподобного Феодосия и учеников его, которых он пред собой послал к господу, и да сподобимся услышать слово владыки и вседержителя, вещающее: «Придите, благословенные отцом моим, и примите уготованное вам царство».

Мы же снова обратимся к рассказу о святом этом отроке. Рос он телом, а душой тянулся к любви божьей, и ходил каждый день в церковь божью, со всем вниманием слушая чтение божественных книг. Не приближался он к играющим детям, как это в обычае у малолетних, но избегал их игр. Одежду носил старую и залатанную. И не раз уговаривали его родители одеться почище и пойти поиграть с детьми. Но он не слушал этих уговоров и по-прежнему ходил словно нищий. К тому же попросил он отдать его учителю поучиться божественным книгам, что и сделали. Скоро постиг он всю грамоту, так что поражались все уму его и способностям и тому, как быстро он всему научился. А кто расскажет о покорности и послушании, какими отличался он в учении не только перед учителем своим, но и перед учащимися с ним? В это время истекли дни жизни отца его. А было тогда божественному Феодосию 13 лет. И с тех пор стал он еще усерднее трудиться и вместе со смердами выходил в поле и работал там с великим смирением. Мать же удерживала его и, не разрешая работать, снова упра-

шивала его одеться почище и пойти поиграть со сверстниками. И говорила ему, что своим видом он и себя срамит, и семью свою. Но тот не слушал ее, и не раз, придя в ярость и гнев, избивала она сына, ибо была телом крепка и сильна, как мужчина. Бывало, что кто-либо, не видя ее, услышит, как она говорит, и подумает, что это мужчина.

А тем временем божественный юноша все размышлял, как и каким образом спасет он свою душу. Услышал он как-то о святых местах, где провел свою земную жизнь господь наш Иисус Христос, и сам захотел посетить те места и поклониться им. И молился богу, взывая: «Господи Иисусе Христе! Услышь молитву мою и удостой меня посетить святые места твои и с радостью поклониться им!» И много раз молился он так, и вот пришли в его город странники, и, увидев их, обрадовался божественный юноша, подойдя к ним, поклонился, поприветствовал их сердечно и спросил, откуда они и куда идут. Они же отвечали, что идут из святых мест и снова, по божественному повелению, хотят туда возвратиться. Святой же стал упрашивать их, чтобы разрешили ему пойти вместе с ними, приняли бы его себе в попутчики. Они пообещали взять его с собой и проводить до святых мест. Услышав обещание их, блаженный Феодосий радостный вернулся домой. Когда же собрались странники в путь, то сообщили юноше о своем уходе. Он же, встав ночью, тайно от всех вышел из своего дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, что была на нем, да и та ветха. И так отправился вслед за странниками. Но милостивый бог не допустил, чтобы он покинул свою страну, ибо еще от рождения предназначтал ему быть в этой стране пастырем разумных овец, а не то уйдет пастырь, и опустеет пажить, благословенная богом, и зарастет тернием и бурьяном, и разбредется стадо.

Спустя три дня узнала мать Феодосия, что он ушел с паломниками, и тотчас же отправилась за ним в погоню, взяв с собой лишь своего сына, который был моложе блаженного Феодосия. Немалый проделала она путь, прежде чем догнала его, и схватила, и в гневе вцепилась ему в волосы, и, повалив его на землю, стала пинать ногами, и осыпала упреками странников, а затем вернулась домой, ведя Феодосия, связанного, точно разбойника. И была она в таком гневе, что, и придя домой, била его, пока не изнемогла. А после ввела его в дом и там, привязав, заперла, а сама ушла. Но божественный юноша все это с радостью принимал и, молясь богу, благодарил за все перенесенное. Через два дня мать, придя к нему, освободила его и покормила, но, еще гневаясь на него, возложила на ноги его оковы и велела в них ходить, опасаясь, как бы он опять не убежал от нее. Так и ходил он в оковах много дней. А потом, сжалившись над ним, снова принялась с мольбами уговаривать его, чтобы не покидал ее, ибо очень его любила, больше всех других, и не мыслила жизни без него. Когда же Феодосий пообещал матери, что не покинет ее, то сняла с его ног оковы и разрешила ему делать что захочет. Тогда блаженный Феодосий вернулся к прежнему своему подвижничеству и каждый день ходил в божью церковь. И, узнав, что часто не бывает литургии, так как некому печь просфоры, очень опечалился и задумал сам со смирением приняться за это дело. Так и поступил: начал он печь просфоры и продавать, а прибыль от продажи раздавал нищим. На остальные же деньги покупал зерно, сам же молот и снова пек просфоры. Это уж бог так пожелал, чтобы чистые просфоры приносились в церковь божию от рук безгрешного и непорочного отрока. Так и провел он лет двенадцать или более. Все отроки, сверстники его, издевались над ним и порицали его занятие, ибо враг научал их этому. Но блаженный все упреки принимал с радостью, в смиренном молчании.

Искони ненавидящий добро злой враг, видя, что побеждаем он смирением божественного отрока, не дремал, помышляя отвлечь Феодосия от его дела. И вот начал внушать его матери, чтобы запретила она ему дело это. Мать и сама не могла смириться с тем, что все осуждают ее сына, и начала говорить ему с нежностью: «Молю тебя, чадо мое, брось ты свое дело, ибо срамишь ты семью свою, и не могу больше слышать, как все потешаются над тобой и твоим делом. Разве пристало отроку этим заниматься!» Тогда божественный юноша смиренно возразил матери: «Послушай, мати, молю тебя, послушай! Ведь сам господь Иисус Христос подал нам пример унижения и смирения, чтобы и мы, во имя его, смирились. Он-то ведь и поругания перенес и оплеван был, и избиваем, и все вынес нашего ради спасения. А нам и тем более следует терпеть, тогда и приблизимся к богу. А что до дела моего, мати моя, то послушай: когда господь наш Иисус Христос возлег на вечере с учениками своими, то, взяв в руки хлеб и благословив его, разломил и дал им со словами: «Возьмите и ешьте, это — тело мое, преломленное за вас и за многих других, чтобы очистились вы все от грехов». Если уж сам господь наш хлеб назвал плотью своею, то как же не радоваться мне, что сподобил он меня приобщиться к плоти своей». Услышав это, подивилась мать мудрости отрока и с тех пор оставила его в покое. Но и враг не дремал, побуждая ее воспрепятствовать смирению сына. И как-то спустя год, снова увидев, как он, почерневший от печного жара, печет просфоры, опечалилась она и с той поры опять принялась убеждать сына то ласкою, то угрозою, а иногда и избивая его, чтобы бросил он свое занятие. Пришел в отчаяние божественный юноша и не знал, что же ему делать. И вот тогда ночью тайно покинул свой дом, ушел в другой город, находившийся неподалеку, и, поселившись у священника, принялся за свое обыч-

ное дело. Мать же, поискав его в своем городе и не найдя, горевала о нем. Когда же много дней спустя узнала, где он живет, то тотчас же в гневе отправилась за ним, и, придя в упомянутый город и поискав, нашла его в доме священника, и с побоями повела назад. Приведя домой, заперла его, сказав: «Теперь уж не сможешь убежать от меня, а если куда уйдешь, то я все равно догоню и разыщу тебя, свяжу и с побоями приведу обратно». Тогда блаженный Феодосий снова стал молиться богу и ежедневно ходить в церковь, ибо был он смирен сердцем и покорен нравом. Когда же властелин этого города узнал о смирении и послушании отрока, то полюбил его, и повелел постоянно находиться у себя в церкви, и подарил ему дорогую одежду, чтобы ходил в ней. Но блаженный Феодосий недолго в ней пребывал, ибо чувствовал себя так, как будто носит какую-то тяжесть. Тогда он снял ее и отдал нищим, а сам оделся в лохмотья и так ходил. Властелин же, увидев, в чем он ходит, подарил ему новую одежду, еще лучше прежней, упрасывая ходить в ней. Но он и эту снял с себя и отдал. Так поступал он не раз, и когда властелин узнал об этом, то еще больше полюбил Феодосия, дивясь его смирению. А божественный Феодосий некоторое время спустя пошел к кузнецу и попросил его сковать железную цепь и опоясал ею чресла свои, да так и ходил. Узок был пояс этот железный, вгрызался в тело его, а он ходил с ним так, словно не чувствовал боли. Прошло еще немало дней, и настал праздник, и мать велела отроку переодеться в светлые одежды и пойти прислуживать городским вельможам, созданным на пир к властелину. Велено было и блаженному Феодосию прислуживать им. Поэтому мать и заставила его переодеться в чистую одежду, а еще и потому, что слышала о его поступке. Когда же стал он переодеваться в чистую одежду, то, по простодушию своему, не поостерегся. А она не спускала с него глаз, желая узнать всю правду,

и увидела на его сорочке кровь от ран, натертых железом. И, разгневавшись, в ярости набросилась на него, разорвала сорочку и с побоями сорвала с чресл его вериги. Но божественный отрок, словно никакого зла не претерпел от нее, оделся и отправился с обычным смирением прислуживать возлежащим на пиру.

Некоторое время спустя привелось ему услышать, что говорит господь в святом Евангелии: «Если кто не оставит отца или мать и не последует за мной, то он меня недостоин». И еще: «Придите ко мне, все страдающие и обремененные, и я успокою вас. Возложите бремя мое на себя, и научитесь у меня кротости и смирению, и обретете покой душам вашим». Услышал это боговдохновенный Феодосий, и воспылав ревнением и любовью к богу, и исполнился божественного духа, помышляя, как бы и где постричься и скрыться от матери своей. По воле божьей случилось так, что мать его уехала в село и задержалась там на несколько дней. Обрадовался блаженный и, помолившись богу, тайком ушел из дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, да немного хлеба для поддержания сил. И направился он к городу Киеву, так как слышал о тамошних монастырях. Но не знал он дороги и молился богу, чтобы встретились попутчики и показали бы ему желанный путь. И случилось по воле божьей так, что ехали той же дорогой купцы на тяжело груженных подводах. Блаженный, узнав, что и они направляются в тот же город, прославил бога и пошел следом за ними, держась поодаль и не показываясь им на глаза. И когда останавливались они на ночлег, то и блаженный, остановившись так, чтобы издали видеть их, ночевал тут, и один только бог охранял его. И вот после трех недель пути достиг он упомянутого города. Придя туда, обошел он все монастыри, желая постричься в монахи и упрасывая принять его. Но там, увидев простодушного отрока в бедной одежде, не соглашались его принять. Это уж бог

так пожелал, чтобы пришел он на то место, куда бог призвал его еще с юности.

Вот тогда и услышал Феодосий о блаженном Антонии, живущем в пещере, и, окрыленный надеждой, поспешил в пещеру. Придя к преподобному Антонию и увидев его, пал ниц и поклонился со слезами, умоляя разрешить остаться у него. Великий Антоний, указывая ему на пещеру, сказал: «Чадо, разве не видишь пещеру эту: уныло место и непригляднее всех других. А ты еще молод и, думается мне, не сможешь, живя здесь, снести все лишения». Это он говорил, не только испытывая Феодосия, но и видя прозорливым взором, что тот сам создаст на этом месте славный монастырь, куда соберется множество чернецов. Боговдохновенный же Феодосий отвечал ему с умилением: «Знай, честной отец, что сам бог, все предвидящий, привел меня к святости твоей и велит спасти меня, а потому, что повелишь мне исполнить — исполню». Тогда отвечал ему блаженный Антоний: «Благословен бог, укрепивший тебя, чадо, на этот подвиг. Вот твое место, оставайся здесь!» Феодосий снова пал ниц, поклонившись ему. Тогда благословил его старец и велел великому Никону постричь его; был тот Никон священником и умудренным черноризцем, он и постриг блаженного Феодосия по обычаю святых отцов, и облек его в монашескую одежду.

Отец же наш Феодосий всей душой отдался богу и преподобному Антонию, и с тех пор стал истязать плоть свою, целые ночи проводил в беспрестанных молитвах, преодолевая сон, и для изнурения плоти своей трудился, не покладая рук, вспоминая всегда, что говорится в псалмах: «Посмотри на смирение мое и на труд мой и прости все грехи мои». Так он душу смирял всяческим воздержанием, а тело изнурял трудом и подвижничеством, так что дивились преподобный Антоний и великий Никон его смирению и покорности и

такому его — в юные годы — благонаравию, твердости духа и бодрости. И неустанно славил за все это бога. Мать же Феодосия долго искала его и в своем городе, и в соседних и, не найдя сына, горько плакала, бия себя в грудь, как по покойнике. И было объявлено по всей той земле, что если кто видел отрока, то пусть придет и сообщит его матери и получит за известие о нем большую награду. И вот пришли из Киева и рассказали ей, что четыре года назад видели его в нашем городе, когда собирался он постричься в одном из монастырей. Услышав об этом, она не поленилась поехать в Киев. И нимало не медля и не побоявшись долгого пути, отправилась в упомянутый город разыскивать своего сына. Достигнув того города, обошла она в поисках его все монастыри. Наконец сказали ей, что он обитает в пещере у преподобного Антония. Она и туда пошла, чтобы найти его. И вот стала хитростью вызывать старца, прося сказать преподобному, чтобы он вышел к ней. «Я, мол, долгий путь прошла, чтобы побеседовать с тобой, и поклониться святости твоей, и получить от тебя благословение». Поведали о ней старцу, и вот он вышел к ней. Она же, увидев его, поклонилась. Потом сели оба, и начала женщина степенно беседовать с ним и лишь в конце разговора упомянула о причине своего прихода. И сказала: «Прошу тебя, отче, поведай мне, не здесь ли мой сын? Уж очень горюю я о нем, ибо не знаю, жив ли он». Простодушный старец, не догадавшись, что она хитрит, отвечал: «Здесь твой сын, и не плачь о нем — жив он». Тогда она снова обратилась к нему: «Так почему же, отче, не вижу его? Немалый путь проделав, дошла я до вашего города, чтобы только взглянуть на сына своего. И тогда возвращусь восвояси». Старец же отвечал ей: «Если хочешь повидаться с ним, то сейчас иди домой, а я пойду и уговорю его, ибо он не хочет никого видеть. Ты же завтра придешь и повидаться с ним». Послушалась она и ушла,

надеясь, что на следующий день увидит сына. Преподобный Антоний, вернувшись в пещеру, рассказал обо всем блаженному Феодосию, а тот, услышав обо всем, очень опечалился, что не смог скрыться от матери. На другой день женщина снова пришла, и старец долго уговаривал блаженного выйти и повидаться с матерью. Он же не захотел. Тогда вышел старец и сказал ей: «Долго я упрашивал его выйти к тебе, но не хочет». Она же теперь обратилась к старцу уже без прежнего смирения, в гневе крича и обвиняя его, что силою захватил ее сына и скрыл в пещере и не хочет его показать. «Выведи ко мне, старче, сына моего, чтобы я смогла повидаться с ним. Не смогу я жить, если не увижу его! Покажи мне сына моего, а не то умру страшной смертью, сама себя погублю перед дверьми вашей пещеры, если только не покажешь мне сына!» Тогда Антоний опечалился и, войдя в пещеру, стал упрашивать блаженного выйти к матери. Не посмел тот послушаться старца и вышел к ней. Она же, увидев, каким изможденным стал сын ее, ибо и лицо его изменилось от непрестанного труда и воздержания, обняла его и горько заплакала. И, насилу успокоившись немного, села и стала уговаривать слугу Христова, причитая: «Вернись, чадо, в дом свой и все, что нужно тебе или на спасение души — то и делай у себя дома как тебе угодно, только не покидай меня. А когда умру, ты погребешь тело мое и тогда, если захочешь, вернешься в эту пещеру. Но не могу я жить, не видя тебя». Блаженный же отвечал ей: «Если хочешь видеть меня постоянно, то оставайся в нашем городе и постригись в одном из женских монастырей. И тогда будешь приходить сюда и видеться со мной. Притом и душу свою спасешь. Если же не сделаешь так, то — правду тебе говорю — не увидишь больше лица моего». И так, и другие доводы приводя, всякий день уговаривал он свою мать. Она же не соглашалась и слушать его не хотела. А когда

уходила от него, то блаженный, войдя в пещеру, усердно молился богу о спасении матери своей и о том, чтобы дошли слова его до ее сердца. И услышал бог молитву угодника своего. Об этом так говорит пророк: «Рядом господь с теми, кто искренне зовет его и боится волю его нарушить, и услышит их молитву, и спасет их». И вот однажды пришла мать к Феодосию и сказала: «Чадо, исполню все, что ты мне велишь, и не вернусь больше в город свой, а, как уж бог повелел, пойду в женский монастырь и, постригшись, проведу в нем остаток дней своих. Это ты меня убедил, что ничтожен наш кратковременный мир». Услышав эти слова, возрадовался духом блаженный Феодосий и, войдя в пещеру, поведал великому Антонию, и тот, услышав, прославил бога, обратившего сердце ее на покаяние. И, выйдя к ней, долго поучал ее на пользу и для спасения души ее, и поведал о ней княгине, и послал ее в женский монастырь святого Николы. Там постриглась она, облеклась в монашеское одеяние и, прожив много лет в искреннем покаянии, мирно скончалась.

Об этой жизни блаженного отца нашего Феодосия с детских лет и до той поры, когда пришел он в пещеру, поведала мать его одному из братии, именем Федору, который был келарем при отце нашем Феодосии. Я же от него все это услышал — он рассказывал мне — и записал, чтобы узнали все, почитающие Феодосия. Однако обращусь я к дальнейшему рассказу о подвигах отрока, а нужное слово укажет мне бог, дарующий благо и словослов.

Тот отец наш святой Феодосий вышел победителем в борьбе со злыми духами в пещере. После пострижения матери своей отвергся он от всего мирского и еще с большим усердием начал отдаваться служению богу. И было тогда три светила в пещере, разгоняющих тьму бесовскую молитвою и постом: говорю я о преподобном Антонии, и блаженном Феодосии, и вели-

ком Никоне. Они пребывали в пещере в молитвах богу, и бог был с ними; ибо сказано: «Где двое или трое собрались служить мне, тут и я среди них».

В это же время был некто по имени Иоанн, первый из княжеских бояр. Сын же его часто приходил к преподобным, наслаждаясь медоточивыми речами, истекшими из уст отцов тех, и полюбил их, и захотел жить с ними, отринув все мирское, славу и богатство ни во что не ставя. Ибо дошло до слуха его слово господне, вещающее: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царство небесное». Тогда поведал он одному лишь Антонию о своем желании, сказав ему: «Хотел бы, отец мой, если это угодно богу, стать монахом и поселиться с вами». Отвечал ему старец: «Благое желание твое, чадо, и мысль твоя исполнена благодати, но остерегайся, чадо, вдруг богатство и слава мира сего позовут тебя назад. Господь говорит: «Никто, возложивший руки свои на плуг и озирающийся, не найдет себе места в царствии небесном»; так же и монах, если помыслы его возвращаются к мирской жизни и печется он о мирских делах, не удостоится жизни вечной». И долго еще беседовал старец с отроком, а сердце того еще более разгоралось любовью к богу, с тем и вернулся он в дом свой.

И на другой же день оделся в праздничные и богатые одежды и, сев на коня, поехал к старцу, и отроки его ехали подле него, а другие вели перед ним коня в богатой упряжи, и вот так торжественно подъехал он к пещере тех отцов. Они же вышли и поклонились ему, как подобает кланяться вельможам, а он в ответ поклонился им до земли, потом снял с себя одежду боярскую и положил ее перед старцем, и также коня в богатом убранстве поставил перед ним и сказал: «Все это, отче, — красивые соблазны мира сего, и сделай с ними что хочешь, я же от всего этого уже отрекся, и хочу стать монахом, и с вами поселиться в

пещере этой, и поэтому не вернусь в дом свой». Старец же сказал ему: «Помни, чадо, кому обещаешься и чьим воином хочешь стать, ведь невидимо предстоят тебе ангелы божии, принимая обещания твои. А что если отец твой, придя сюда во всей силе власти своей, уведет тебя отсюда? Мы же не сможем тебе помочь, а ты перед богом явись лжецом и отступником его». И отвечал ему отрок: «Верю богу моему, отче; если даже начнет истязать меня отец мой, не послушаю его и не вернусь к мирской жизни. Молю я тебя, отче, поскорее постриги меня». Тогда велел преподобный Антоний великому Никону постричь отрока и облечь его в монашескую одежду. Тот же, как требует обычай, прочел молитву, постриг его, и одел в монашеское одеяние, и имя нарек ему Варлаам.

В это же время пришел некий скопец из княжеского дома; был он любим князем и всем управлял в его дому; и стал умолять старца Антония, желая стать черноризцем. Старец же, наставив его о спасении души, передал его Никону, чтобы тот постриг его. Никон же и того постриг, облек его в монашескую одежду и нарек имя ему Ефрем. Не следует скрывать, что из-за них двух навлек враг беды на преподобных. Ненавидящий все доброе враг наш, дьявол, видя, что побеждаем он святым стадом, и понимая, что с этих пор прославится то место, оплакивал свою погибель. И начал он злыми кознями разжигать гнев князя на преподобных, чтобы таким образом разогнать святое стадо, но ни в чем не преуспел, и сам был посрамлен молитвами их, и пал в яму, которую сам же выкопал. «На его же голову обратится злоба его, и на темя его обрушатся ухищрения его».

Когда же узнал князь Изяслав, что произошло с боярином и со скопцом его, то страшно разгневался и приказал привести к себе того, кто дерзнул все это сделать. Тотчас же пошли и привели великого Никона к князю. Князь же, в гнев обратившись к Никону, спро-

сил его: «Ты ли тот, кто постриг боярина и скопца без моего повеления?» Никон же отвечал: «По благодати божьей я постриг их, по повелению небесного царя и Иисуса Христа, призвавшего их на такой подвиг». Князь же отвечал так: «Или убеди их вернуться по домам, или же и ты заточен будешь, и те, кто с тобою, а пещеру вашу засыплю». На это Никон отвечал так: «Если, владыка, угодно тебе так поступить — делай, а мне не подобает совращать воинов царя небесного». Антоний же и все, кто были с ним, взяв одеяния свои, покинули свое место, намереваясь уйти в другую землю. В то время, когда разгневанный князь еще укорял Никона, пришел один из его отроков и поведал, что Антоний и все остальные уходят из их города в другую землю. Тогда обратилась к князю жена его: «Послушай, господин, и не гневайся. Вот так же случилось и в нашей стране: когда из-за какой-то беды покинули ее черноризцы, то много напастей претерпела та земля, так остерегайся же, господин, чтобы не случилось того же в твоей земле». Услышав это, князь устранился гнева божьего и отпустил великого Никона, повелев ему вернуться в свою пещеру. За остальными же послал, передав им, чтобы с молитвами возвращались бы назад. Их же почти три дня убеждали, прежде чем вернулись они в свою пещеру, словно герои после битвы, победив противника своего дьявола. И снова зажили там, молясь день и ночь господу богу. Но не дремал и враг, борющийся с ними. Ибо как только узнал боярин Иоанн, что никакого зла не причинил монахам христоролюбивый князь Изяслав, то воспылал на них гневом из-за сына своего, и, взяв с собой множество отроков, двинулся на святое стадо, и, разогнав монахов, вошел в пещеру, и вывел из нее сына своего, божественного Варлаама, тут же снял с него святую мантию, бросил ее в ров, сорвав, швырнул и шлем спасения, что был на голове у него. И тотчас же одел сына в богатые и

красивые одежды, в каковых подобает ходить боярам. Но тот сорвал их с себя и швырнул на землю, не желая и видеть их; и так повторялось не один раз. Тогда отец его, разгневавшись, приказал связать ему руки и одеть в те же одежды и в них провести через весь город до своего дома. Он же — поистине исполненный любви к богу Варлаам, — увидев по дороге грязную рытвину, прыгнул в нее, и с божьей помощью сорвал с себя одежду, и стал топтать ее в грязи, вместе с ней попирая и злые помыслы и лукавого врага. Когда же они пришли домой, велел отец ему сесть с ним вместе за трапезу. Тот сел, однако ни крошки не вкусил из яств, а сидел опустив голову и глядя в землю. После обеда отпустил отец сына в его покои, приставив отроков следить, как бы он не ушел; а жене его приказал нарядиться в разные одежды, чтобы прельстить отрока, и во всем угождать ему. Раб же Христов Варлаам, войдя в один из покоев, сел в углу. Жена его, как ей было приказано, расхаживала перед ним и умоляла его сесть на постели своей. Он же, видя неистовство жены и догадавшись, что отец послал ее, чтобы прельстить его, в душе своей молился милосердному богу, могущему спасти от такого искушения. И просидел на одном месте три дня, не вставая с него, не беря в рот ни крошки и не одеваясь — так и сидел в одной рубашке. Преподобный же Антоний со всеми бывшими с ним и с блаженным Феодосием очень печалились о Варлааме и молили за него бога. И бог услышал молитву их: «Воззвали, — как говорится, — праведные, и господь услышал их, и от всех печалей избавит их. Близок господь сокрушенным сердцем и спасет смиренных душой».

Бог же благой, видя терпение и смирение отрока, смягчил жестокое сердце отца его и обратил его на милость к сыну. Тогда как раз сказали ему отроки, что уже четвертый день не принимает он пищи и одежду

не хочет одевать. Услышав об этом, сжалился отец его, страшась, как бы он не умер от голода и холода. Призвал его к себе и, облобызав, разрешил ему покинуть дом. И было тогда нечто дивное, и плач стоял словно по мертвом. Слуги и служанки оплакивали господина своего как уходящего от них, с плачем шла следом жена, ибо лишалась мужа, отец и мать рыдали о своем сыне, ибо уходил от них, и так с громкими стенаниями провожали его. Тогда воин Христов вышел из дома своего, словно птица вырвавшаяся из сети или серна из западни, и чуть ли не бегом достиг пещеры. Увидев его, отцы те возрадовались великой радостью и, встав, прославили бога, услышавшего их молитву. И с этого времени многие приходили в пещеру за благословением отцов тех, а другие по божьей благодати становились чернецами.

Тогда великий Никон и другой чернец из монастыря святого Мины, в прошлом боярин, посовещавшись, ушли из пещеры, желая поселиться отдельно от других. И пришли на берег моря, и там разлучились, как прежде апостолы Павел и Варнава разошлись проповедовать слово Христово, как пишется об этом в Деяниях апостольских. Боярин отправился к Константинополю, и по пути встретился ему остров среди моря, на котором он и поселился. Прожил там лет немало, переноса холод и голодая, и почил там же с миром. Сей же остров и донныне называют Бояров. Великий же Никон отправился в остров Тмутароканский, и там нашел место свободное вблизи города, и обосновался здесь. И по божьей благодати прославилось место то, построил он там церковь святой Богородицы и основал монастырь славный, который существует и донныне, почитая за образец себе Печерский монастырь.

После этого и Ефрем скопец отправился в Константинополь и поселился там в одном из монастырей. Впоследствии был он возвращен в страну нашу и постав-

лен митрополитом в городе Переяславле. Вот уже много сказали мы о том, что случилось в дальнейшем, однако сейчас вернемся к прежнему рассказу — о том, что произошло после ухода тех отцов.

Тогда блаженный отец наш Феодосий по повелению преподобного Антония был поставлен священником и во все дни со всяческим смирением совершал божественную службу, ибо был кроток и тих, не изощрен умом, но духовной мудрости исполнен. И братию всю любил чистой любовью; собралось уже в то время до пятнадцати монахов. Преподобный же Антоний привык один жить, ибо не любил всяческих ссор и разговоров, и затворился в одной из келий пещеры, а игуменом поставил вместо себя блаженного Варлаама, сына боярина Иоанна. Оттуда впоследствии переселился Антоний на другой холм и, выкопав пещеру, жил в ней, никуда не выходя, и поныне там покоится его честное тело. Тогда же блаженный Варлаам построил над пещерой небольшую церквушку во имя святой Богородицы, чтобы братия собиралась в ней для молитвы. Это место уже всем известно, а до тех пор многие о нем и не ведали.

А какова была сперва их жизнь в пещере, и сколько скорби и печали испытали они из-за всяких невзгод в том месте — это одному богу ведомо, а устами человеческими невозможно и рассказать. К тому же и еда их была — один ржаной хлеб и вода. В субботу же и в воскресенье ели чечевицу, но зачастую и в эти дни не было чечевицы, и тогда ели одни вареные овощи. При этом и трудились непрестанно: одни обувь плели или шили клобуки, и иным ремеслом занимались, и носили сделанное в город, продавали, и на вырученные деньги покупали зерно, и его делили между собой, чтобы каждый ночью свою долю помолол для печения хлеба. Потом служили заутреню, а затем снова принимались за свое дело. Другие же в огороде копались, выращивая овощи, пока не наставал час

новой молитвы, и так все вместе сходились в церковь, отпевали положенные часы и совершали святую службу, а затем, поев немного хлеба, снова обращались каждый к своему делу. И так трудились день за днем в неугасимой любви к богу.

Отец же наш Феодосий смирением и послушанием всех превосходил, и трудолюбием, и подвижничеством, и делами, ибо телом был могуч и крепок и с удовольствием всем помогал, воду нося и дрова из леса на своих плечах, а ночи все бодрствовал, славя в молитвах бога. Когда же братия почивала, блаженный, взяв выделенную каждому часть зерна, молот за них и относил на то место, откуда взял. Иногда же, когда было особенно много оводов и комаров, ночью садился на склоне возле пещеры и, обнажив свое тело до пояса, сидел, прядя шерсть для плетения обуви и распевая Давидовы псалмы. Оводы и комары покрывали все его тело, и кусали его, и пили его кровь. Отец же наш пребывал недвижим, не вставая со своего места, пока не наступал час заутрени, и тогда раньше всех приходил в церковь. И, став на своем месте, не двигался и не предавался праздным мыслям, совершая божественное славословие, и также самым последним выходил из храма. И за это все любили его и чтили, как отца, и не могли надивиться смирению его и покорности. Вскоре после этого божественный Варлаам, игумен братии той, обитавшей в пещере, по княжескому повелению был поставлен игуменом в монастыре святого мученика Дмитрия. Тогда же монахи, жившие в пещере, собрались и по всеобщему решению возвести преподобному Антонию, что они поставили себе игуменом блаженного отца нашего Феодосия, ибо он и жизнь монастырскую оставил по чину, и божественные заповеди знал, как никто другой.

Отец же наш Феодосий, хотя и стал старшим над всеми, не изменил своего обычного смирения, помня о словах господних, вещающих: «Если кто из вас хочет

быть наставником другим, то пусть будет скромнее всех и всем слуга». Поэтому и он оставался смиренным, словно был младше всех и всем услужал, и для всех был образцом, и на всякое дело выходил первым, и на святую литургию. И с той поры стало процветать и умножаться черноризцами место то по молитвам праведника. Ведь говорится: «Праведник, словно пальма, процветет и возрастет, словно кедр ливанский». И с той поры умножалось число братии и процветало место то добронравием их, и молитвами их, и всяческим благочестием. И многие вельможи приходили в монастырь за благословением и отдавали ему какую-то долю своих богатств. Преподобный же отец наш Феодосий — поистине он земной ангел и небесный человек, — видя, что место, где жили они, и печально, и тесно, и всем скудно, и возросшей числом братии уже трудно было вмещаться в церкви, никогда из-за этого не печалился и не предавался скорби, но всякий день братию утешал и поучал, чтобы не заботились они о земном, но напоминал им господни слова, говоря: «Не думайте о том, что пьем, или что едим, или во что одеты: ибо знает отец ваш небесный, в чем нуждаетесь вы; но ищите царства небесного, а все прочее придет к вам». Блаженный так думал, а бог щедро давал ему все, в чем была нужда.

В то время великий Феодосий присмотрел свободное место недалеко от пещеры, и рассчитал, что достаточно оно для сооружения монастыря, и собрал средства по благодати божественной, и, укрепившись верой и надеждой и духом святым исполнившись, начал готовиться к переселению на то место. И с божьей помощью в недолгое время построил на том месте церковь во имя святой и преславной богородицы и приснодевы Марии, и окружил стеной место то, и построил множество келий, и переселился туда из пещеры с братией в год 6570 (1062). И с того време-

ни по божественной благодати возвысилось то место, и существует монастырь славный, который и донныне называем мы Печерским и который устроен отцом нашим Феодосием.

Некоторое время спустя послал Феодосий одного из братии в Константинополь, к Ефрему скопцу, чтобы тот переписал для него устав Студийского монастыря и прислал бы ему. Он же без промедления выполнил волю преподобного отца нашего, и весь устав монастырский переписал, и послал его к блаженному отцу нашему Феодосию. Получив его, отец наш Феодосий повелел прочесть его перед всей братией и с тех пор устроил все в своем монастыре по уставу монастыря Студийского, правила те и донныне ученики Феодосиевы блюдут. Если же кто приходил к нему, чтобы стать монахом, не прогонял ни бедняка, ни богатого, но всякого принимал со всем радушием, ибо сам на себе все это испытал, как поведали мы об этом выше: когда пришел он из города своего, желая постричься в монахи, и обходил один за другим все монастыри, не хотели его принимать — богом так было задумано для его искушения. И вот, вспоминая все это, как трудно может быть человеку, желающему стать монахом, блаженный всегда с радостью принимал приходивших к нему. Но не сразу такого постригал, а давал ему пожить, не снимая мирской одежды, пока не привыкал тот к уставу монастырскому, и только после этого облакал его в монашеское одеяние; и также испытывал его во всех службах, и лишь после этого постригал и облачал в мантию: когда станет тот искушенным чернецом, безупречным в житии своем, тогда и удостоится принятия монашеского чина.

На все дни святого мясопуста отец наш Феодосий уходил в святую пещеру свою, где и было потом погребено его честное тело. Тут затворялся он один вплоть до вербной недели, а в пятницу той недели, в час вечерней молитвы, приходил к братии и, остано-

вившись в дверях церковных, поучал всех, и утешал в подвижничестве их и в посте. О себе же говорил, как о недостойном, что ни в одну из недель не смог он сравняться с ними в подвижничестве. И много раз злые духи досаждали ему, являясь в видениях в той пещере, а порой и раны ему наносили, как пишут и о святом и великом Антонии. Но явился к Феодосию тот, и велел ему дерзать, и невидимо с небес даровал ему силу для победы над ними.

Кто не подивится блаженному, как он, оставаясь один в такой темной пещере, не утратился множества полчищ невидимых бесов, но выстоял в борьбе с ними, как могучий храбрец, молясь богу и призывая себе на помощь господу Иисуса Христа. И так победил их силой Христовой, что не смели они и приближаться к нему и лишь издали являлись ему в видениях. После вечернего пения садился он подремать, ибо никогда не ложился, а если хотел поспать, то садился на стульце и, подремав так немного, снова вставал на ночное пение и коленопреклонение. Когда же садился он, как мы говорили, то тут же слышал в пещере шум от топота множества бесов, как будто одни из них ехали на колесницах, другие били в бубны, иные дудели в сопели, и так все кричали, что даже пещера тряслась от страшного гомона злых духов. Отец же наш Феодосий, все это слыша, не падал духом, не ужасался сердцем, но, оградив себя крестным знаменем, вставал и начинал распевать псалмы Давидовы. И тотчас же страшный шум этот затихал. Но как только, помолвившись, он садился, снова, как и прежде, раздавались крики бесчисленных бесов. Тогда снова вставал преподобный Феодосий и снова начинал распевать псалмы, и тотчас же смолкал этот шум. Вот так много дней и ночей вредили ему злые духи, чтобы не дать ни минуты сна, пока не одолел он их с божьей помощью и не приобрел от бога власть над

ними, так что с тех пор не смели они даже приблизиться к тому месту, где блаженный творил молитву. А еще пакостили бесы в доме, где братья хлеба пекли: то муку рассыпали, то разливали закваску для печения хлеба, и много разных иных пакостей творили. Тогда пришел старший над пекарями и рассказал блаженному Феодосию о проделках нечистых бесов. Он же, надеясь, что приобрел от бога власть над ними, отправился вечером в тот дом и, запершись, остался там до заутрени, творя молитвы. И с того часа не появлялись на том месте бесы и не озорничали, страшась запрещения преподобного и его молитвы.

Великий отец наш Феодосий имел обыкновение каждую ночь обходить все монашеские кельи, желая узнать, как проводят монахи время. Если слышал, как кто-то молится, то и сам, остановившись, славил о нем бога, а если, напротив, слышал, что где-то беседуют, собравшись вдвоем или втроем в келье, то он тогда, стукнув в их дверь и дав знать о своем приходе, проходил мимо. А на другой день, призвав их к себе, не начинал тут же обличать, а заводил разговор издалека, притчами и намеками, чтобы увидеть, какова их приверженность к богу. Если брат был чист сердцем и искренен в любви своей к богу, то такой, скоро осознав свою вину, падал ниц и, кланяясь, просил прощения. А бывало, что у иного брата сердце омрачено наваждением бесовским, и такой стоит и думает, что говорят о другом, и не чувствует себя виноватым, пока блаженный не обличит его и не отпустит, укрепив его епитимьей. Вот так постоянно учил он молиться богу, и не беседовать ни с кем после вечерней молитвы, и не бродить из кельи в келью, а в своей келье молиться богу, а если кто может — заниматься постоянно каким-либо ремеслом, распевая при этом псалмы Давидовы...

Поэтому, услышав о славном их житии, князья и бояре приходили к великому Феодосию, исповедовались ему

в грехах и уходили от него с великой для себя пользой, а также приносили ему что-либо от своих богатств, даря на утешение братии и на устройство монастыря. Другие даже села свои дарили монастырю. Но особенно любил блаженного христоробивый князь Изяслав, сидевший тогда на столе отца своего, и часто призывал он к себе Феодосия, а нередко и сам приходил к нему и, насытившись духовной беседой с ним, возвращался восвояси. С тех пор прославил бог место то, умножая все благое в нем по молитвам своего угодника.

Отец же наш Феодосий повелел привратнику, чтобы после обеда не отворял бы никому ворот и никто бы не входил в монастырь до самой вечерни, так как в полуденные часы братия отдыхает для ночных молитв и утренней службы.

И вот как-то в полуденное время пришел, по обыкновению христоробец князь Изяслав с несколькими отроками: когда собирался ехать к блаженному, то распускал по домам всех бояр своих и отправлялся к нему с пятью или шестью отроками. И вот, как я сказал, приехал он и сошел с коня, ибо никогда не въезжал верхом на двор монастырский, и, подойдя к воротам, приказал открыть их, намереваясь войти. Привратник же отвечал ему, что есть повеление великого отца не отворять ворот никому, пока не наступит час вечерни. Тогда христоробец снова обратился к нему, чтобы тот понял, с кем говорит. И сказал: «Это же я, и открой мне одному ворота». Тот же, не зная, что перед ним князь, отвечал ему так: «Сказал тебе: повелено мне игуменом, что если и сам князь придет, — не отворяй ворот; и если хочешь, то подожди немного, пока не наступит час вечерни». Тот в ответ: «Я же князь, неужели и мне не откроешь?» Тогда привратник выглянул и, узнав князя, испугался, но не открыл ворот, а побежал предупредить блаженного, князь же в то время стоял перед воротами и ожидал, уподо-

бившись святому верховному апостолу Петру: когда извел его ангел из темницы, и пришел он к дому своему, где находились ученики его, и постучался в ворота, рабыня, выглянув, увидела стоящего перед нею Петра и от радости не отворила ворот, но побежала сообщить ученикам о его приходе. Так же и привратник от страха не открыл ворот, а побежал и сообщил блаженному о христоролюбце; блаженный тотчас же вышел и, увидев князя, поклонился ему, и тогда обратился к нему христоролюбец: «Вот каков, отче, запрет твой, как сказал этот черноризец: если и князь придет — не пускать его». Блаженный же отвечал: «Потому говорят, добрый наш владыка, об этом повелении моем, чтобы в полуденное время не выходили братья из монастыря, но почивали бы в эти часы ради ночных молитв. Но твоя богом подвигаемая забота о святой владычице нашей богородице — благо есть, и твоей душе на пользу. И мы всегда очень рады приходу твоему». И после этого пошли они в церковь и, помолвившись, сели. И так христоролюбивый князь наслаждался медоточивыми речами, проистекавшими из уст преподобного отца нашего Феодосия, и великую пользу приобрел от беседы с ним, и отправился в дом свой, славя бога. И с того дня еще больше полюбил его и почитал его, словно одного из святых отцов древности, и всегда слушался его и исполнял все, что повелевал ему великий отец наш Феодосий.

Божественный же Варлаам, сын Иоанна боярина, игумен монастыря святого мученика Дмитрия, построенного христоролюбивым князем Изяславом, отправился в святой город Иерусалим. И, обойдя там все святые места, возвратился в свой монастырь, а некоторое время спустя отправился в Константинополь, и там также обошел все монастыри, и, накупив всего, необходимого для своего монастыря, на конях двинулся в свою страну. По пути, уже в пределах земли своей, он тяжело заболел. И, добравшись до города Влади-

мира, остановился в пригородном монастыре, именуемом Святая Гора, и тут почил с миром, придя к концу жизненного пути. И завещал своим спутникам, чтобы тело его перевезли в монастырь святого и блаженного отца нашего Феодосия и там бы положили, и все то, что накупил он в Константинополе — иконы и другую необходимую утварь, — повелел отправить туда же, куда и его самого, и все, как заповедал он, передать блаженному. Спутники тело его доставили в монастырь блаженного и преподобного отца нашего Феодосия, и положено было оно в церкви, по правой стороне, где и доньше находится его гробница.

В то же время христоролюбивый князь избрал в монастыре великого отца нашего Феодосия одного из братии, особенно прославленного своей монашеской жизнью, по имени Исайю, и того поставил игуменом в своем монастыре святого мученика Дмитрия; он впоследствии за достоинства свои был поставлен епископом города Ростова.

Когда умер Ростислав, князь острова того, жители его умолили великого Никона отправиться к князю Святославу и просить его, чтобы он отпустил своего сына к ним и тот бы занял княжеский стол. Придя оттуда, Никон посетил монастырь блаженного отца нашего Феодосия, и когда встретились они, то, оба упав на колени, поклонились друг другу до земли, потом обнялись и долго плакали, ибо давно уже они не видались.

И потом стал умолять Никона святой Феодосий, чтобы не покидал его, пока они оба живы. Тогда великий Никон пообещал ему, сказав: «Только дойду туда, и в монастыре своем все устрою, и тотчас же возвращусь назад»; так и сделал он: доехал с князем Глебом до острова того, и, когда князь сел на столе княжеском в том городе, Никон вернулся назад. Пришел он снова в монастырь великого отца нашего Феодосия и все, что было у него, отдал блаженному, а сам со всей радостью подчинился ему; очень любил его и бого-

вдохновенный Феодосий, почитая словно отца. Поэтому если уходил куда из монастыря, то поручал братьев Никону — чтобы заботился о них и поучал их, ибо был он среди них самый старший. И когда сам поучал братию в церкви духовными словами, то просил великого Никона прочесть что-либо из книг в наставление братии; также поручал это и преподобному отцу нашему Стефану, бывшему тогда экзархом, а позднее ставшему игуменом того монастыря после смерти блаженного Феодосия, а затем — епископом во Владимирской земле.

Вот я и об этих поведал, теперь же напоследок поведаю речь об одном лишь блаженном отце Феодосии, о достойных его делах, по божественной благодати повествуя о светлом и просвещенном отце нашем Феодосии.

Был же он поистине человек божий, светило, всему миру видимое и всем освещающее путь черноризцам: смирением, и разумом, и покорностью, и прочим подвижничеством; все дни трудясь, не давая ни рукам, ни ногам своим покоя. Часто ходил он в пекарню, с радостью помогая пекарям месить тесто и выпекать хлебы. Он ведь был, как я говорил прежде, телом крепок и силен. А страждущих всех наставлял, укреплял и утешал, чтобы не знали усталости в своих трудах.

Однажды, когда готовились к празднику святой богородицы, не хватило воды, а келарем был тогда уже упомянутый Федор, который многое поведал мне о преславном этом муже. И вот пошел тот Федор к блаженному отцу нашему Феодосию и сказал, что некому наносить воды. А блаженный поспешно встал и начал носить из колодца воду. Тут увидел его, носящего воду, один из братии и поспешил поведать об этом нескольким монахам, и те, с готовностью прибежав, наносили воды с избытком. А в другой раз не оказалось наколотых дров для приготовления пищи, и келарь Федор, придя к блаженному Феодосию, попро-

сил его: «Прикажи, чтобы кто-либо из свободных монахов пошел и приготовил бы дров сколько потребуется». Блаженный же отвечал ему: «Так вот я свободен и пойду». Затем повелел он братии идти на трапезу, ибо настал час обеда, а сам, взяв топор, начал колоть дрова. И вот, отобедав, вышли монахи и увидели, что преподобный их игумен колет дрова и так трудится. И взялся каждый за свой топор, и столько они наколоты дров, что хватило их на много дней.

Таково было усердие к богу духовного отца нашего, блаженного Феодосия, ибо отличался он смирением и необыкновенной кротостью, во всем подражая Христу, истинному богу, вещавшему: «Учитесь у меня, как кроток я и смирен сердцем». Поэтому, взирая на подвижничество такое, смирялся Феодосий, недостойнейшим изо всех себя ставя, и служа всем, и являясь для всех образцом. На работу он выходил прежде всех, и в церковь являлся раньше других, и последним из нее выходил. Сидит бывало великий Никон и пишет книги, а блаженный, присев с краю, прядет нитки для их переплетания. Вот каковы были смирение и простота этого мужа. И никто никогда не видел, чтобы он прилег или чтобы водой омыл свое тело — разве только руки и мыл. А одеждой ему служила власяница из колючей шерсти, сверху же носил другую свиту. Да и та была ветха, и одевал он ее лишь для того, чтобы не видели одетой на нем власяницы. И многие неразумные издевались над этой убогой одеждой, попрекая его. А блаженный с радостью выслушивал их укоры, постоянно помня слово божье, которым утешал и подбадривал себя: «Блаженны вы, — говорится, — когда порицают вас, когда поносят вас словом грубым, клевета на вас за приверженность ко мне. Возрадуйтесь и возвеселитесь в тот день, ибо ждет вас за это награда великая на небесах». Вспоминая эти слова и утешаясь ими, сносил блаженный все упреки и оскорбления.

Как-то однажды отправился великий отец наш Феодосий по какому-то делу к христолюбивому князю Изяславу, находившемуся далеко от города. Пришел и задержался по делам до позднего вечера. И приказал христолюбец, чтобы смог Феодосий поспать ночь, довести его до монастыря на телеге. И уже в пути возница, видя, как он одет, решил, что это простой монах, и сказал ему: «Черноризец! Вот ты всякий день без дела, а я устал. Не могу на коне сидеть. Но сделаем так: я лягу в телегу, а ты можешь и на лошади ехать». Блаженный же Феодосий смиренно поднялся и сел на коня, а тот лег в телегу, и продолжал Феодосий свой путь, радуясь и славя бога. Когда же одолевала его дремота, то сходил с коня и шел рядом с ним, пока не уставал, а затем вновь садился верхом. Стало рассветать, и начали им встречаться в пути вельможи, едущие к князю, и издали узнав блаженно, сойдя с коня, кланялись они блаженному отцу нашему Феодосию. Тогда он сказал отроку: «Вот уже рассвело, чадо! Садись на своего коня». Тот же, видя, как все кланяются Феодосию, пришел в ужас и в страхе вскочил и сел на коня. Так и продолжали они путь, а преподобный Феодосий сидел в телеге. И все бояре, встречая их, кланялись ему. Так доехал он до монастыря, и вот вышла навстречу вся братия, кланяясь ему до земли. Отрок же тот испугался еще больше, думая про себя: кто же это, что все так кланяются ему? А Феодосий, взяв его за руку, ввел в трапезную и велел досыта накормить и напоить и, дав ему денег, отпустил. Все это рассказал братии сам возница, а блаженный никому не обмолвился о случившемся, но все так же постоянно учил братию не зазнаваться, а быть смиренными монахами, и самих себя считать недостойнейшими из всех, и не быть тщеславными, но быть покорными во всем. «И когда ходите, — говорил он им, — руки держите скрестив на груди, и пусть никто не превзойдет вас в смирении

вашем, и кланяйтесь друг другу, как подобает монахам, и не ходите из кельи в келью, но пусть каждый из вас молится в своей келье». Вот такими и иными словами поучал он их каждый день беспрестанно, и если снова слышал, что кто-либо страдает от наваждения бесовского, то призывал его к себе, и так как сам испытал все искушения, поучал его, и убеждал противостоять дьявольским козням, ни в чем им не уступая, не ослабеть от видений и бесовских напастей, и не оставлять своей кельи, но ограждать себя постом и молитвой, и призывать бога, чтобы помог он одолеть злого беса. И говорил им: «Все это и со мной бывало прежде. Вот как-то ночью распевал я в келье положенные псалмы, и вдруг встал передо мной черный пес, так что не мог я и поклониться. И долго он так стоял, но как только, им подстрекаемый, хотел я его ударить — тут же стал невидим. Тогда охватил меня страх и трепет, так что хотел я уже бежать оттуда, если бы господь не помог мне. И вот, немного оправившись от страха, начал я прилежно молиться, часто преклоняя колени, и постепенно оставил меня страх, так что с тех пор перестал я бояться бесов, даже если являлись они передо мною». К сказанным словам добавлял он и многие другие, укрепляя братию в борьбе со злыми духами. И так отпускал их, радостно славящих бога за такие наставления доблестного наставника и учителя их.

А вот что поведал мне один из монахов, по имени Иларион, рассказывая, как много зла причиняли ему в келье злые бесы. Как только ложился он на своей постели, появлялось множество бесов и, схватив его за волосы, тащили и толкали, а другие, приподняв стену, кричали: «Сюда волоките, придавим его стеною!» И творили такое с ним каждую ночь, и, уже не в силах терпеть, пошел он к преподобному отцу Феодосию и поведал ему о пакостях бесов. И хотел из этого места перейти в другую келью. Но блаженный стал

упрашивать его, говоря: «Нет, брат, не покидай этого места, а не то станут похваляться злые духи, что победили тебя, и причинили тебе горе, и с тех пор начнут еще больше зла тебе причинять, ибо получают власть над тобою. Но молись ты богу в келье своей, и бог, видя твое терпение, дарует тебе над ними победу, так что не посмеют и приблизиться к тебе». Тот же снова обратился к нему: «Молю тебя, отче, не могу больше находиться в келье из-за множества живущих в ней бесов». Тогда блаженный, перекрестив его, снова сказал: «Иди и оставайся в келье своей, и отныне не только не причинят тебе никакого зла коварные бесы, но и не увидишь их более». Он поверил, и, поклонившись святому, пошел в свою келью, и лег, и выспался сладко. И с тех пор коварные бесы не смели больше приблизиться к тому месту, ибо были отогнаны молитвами преподобного отца нашего Феодосия и обратились в бегство.

И вот еще что рассказал мне тот же чернец Иларион. Был он искусным книгописцем и дни и ночи переписывал книги в келье у блаженного отца нашего Феодосия, а тот тихо распевал псалмы и пряд шерсть или иным чем занимался. Так же вот в один из вечеров заняты они были каждый своим делом, и тут вошел эконоом и сказал блаженному, что завтра не на что купить ни еды для братии, ни чего-либо иного, им потребного. Блаженный же отвечал ему: «Сейчас, видишь, уже вечер, а до утра далеко. Поэтому иди, потерпи немного, молясь богу: может быть, помилует он нас и позаботится о нас, как ему будет угодно». Выслушал его эконоом и ушел. А блаженный снова вернулся в свою келью распевать по обычаю двенадцать псалмов. И, помолившись, сел и принялся за свое дело. Но тут снова вошел эконоом и опять заговорил о том же. Тогда отвечал ему блаженный: «Сказал же тебе: иди и помолись богу. А наутро пойдешь в город и попросишь в долг у торговцев, что нужно для бра-

тии, а потом, когда смилуется бог, с его помощью отдадим долг, ибо истинны слова: «Не заботься о завтрашнем дне, и бог нас не оставит». Как только удался эконоом, в сиянии явился отрок в воинской одежде, поклонился Феодосию, и, ни слова не говоря, положил на стол золотую гривну, и также молча вышел. Тогда встал блаженный, и взял золото, и со слезами помолился про себя. Тут же позвал он привратника и спросил его: «Разве кто-нибудь приходил этой ночью к воротам?» Но тот поклялся, что еще за светло заперты были ворота, и с той поры не открывал их никому, и никто не подходил к ним. Тогда блаженный позвал к себе эконоома и отдал ему гривну золота со словами: «Что скажешь, брат Анастасий? Не на что купить нужное для братии? Так иди же и купи все, что нужно для братии. А завтра бог снова позаботится о нас». Тогда понял все эконоом и, пав ниц, поклонился ему. Блаженный же стал поучать его, говоря: «Никогда не предавайся отчаянию, но будь крепок в вере, обратись с печалью своей к богу, чтобы он позаботился о нас, как ему будет угодно. И ныне устрой для братии великий праздник». Бог же и в дальнейшем щедро подавал ему все, что было нужно тому божественному стаду.

Блаженный же все ночи проводил без сна, с плачем молясь богу о братии и часто преклоняя колени, как это не раз слышали служащие в церкви, в тот час, когда перед заутреней приходили они к Феодосию за благословением. Когда кто-нибудь из них тихо подходил к его келье, то слышал, как он молился, и горько плакал, и головой бился о землю; тот же поспешно отходил, а Феодосий, услышав шаги, замолкал, делая вид, будто спит. Пришедший же стучался и восклицал: «Благослови, отче!» Блаженный в ответ молчал, и тому приходилось по три раза стучать и просить: «Благослови, отче!» Только тогда Феодосий, словно бы проснувшись, отвечал: «Господь наш Иисус Хри-

стос да благословит тебя, чадо», и тут же раньше всех оказывался в церкви. Вот так, говорили они, делал он каждую ночь.

Был в монастыре его один черноризец, священник саном, по имени Дамиан, который ревностно подражал житию и смирению преподобного отца своего Феодосия. Многие рассказывали о великом его смирении, и о житии его, и покорности, и о том, как он всех слушался. Особенно те, кто бывал в его келье, видели кротость его, и как он бодрствовал целые ночи, как с прилежанием читал святые книги и часто принимался молиться; и многое еще поведали они о муже том. Когда же заболел он и настал его смертный час, то обратился к богу, со слезами говоря так: «Господи мой, Иисусе Христе! Сподобь меня приобщиться к славе святых твоих и вместе с ними войти в царство твое, и не разлучи меня, молю тебя, владыка, с отцом и наставником моим преподобным Феодосием, но вместе с тем прими меня на том свете, который уготовал ты для праведников». Во время этой его молитвы вдруг внезапно предстал перед ложем его блаженный Феодосий, припал к груди его и, целуя, сказал ему: «О чадо, господь послал меня ныне поведать тебе, что все, о чем ты молился богу, так и будет исполнено по просьбе твоей, и со святыми принят будешь, и вместе с ними явишься в царство небесного владыки. Когда же господь бог повелит мне покинуть этот свет и прийти к тебе, тогда уже не разлучимся, но вместе пребудем на том свете». И, сказав это, вдруг исчез. Тогда Дамиан понял, что это было явление от бога, ибо не видел, ни как тот выходил в дверь, ни как входил, и на каком месте появился, на том же снова и стал невидимым. Он же немедля позвал прислуживавшего ему и послал его за блаженным Феодосием. Когда тот поспешно пришел, то Дамиан, с веселым лицом, обратился к нему и сказал: «Что, отче, будет ли так, как ты, только что прихо-

див, пообещал мне?» Блаженный же, не зная ни о чем, отвечал: «Но, чадо, я не знаю, о каком ты говоришь обещании». Тогда тот рассказал ему, как молился и как явился ему сам преподобный. Услышав об этом, боговдохновенный отец наш Феодосий улыбнулся и, прослезившись, сказал ему: «О чадо! Будет все так, как обещал ангел, явившийся в образе моем. Я же, грешный, как могу разделить ту славу, которая уготована праведникам?» Но Дамиан, услышав то обещание, обрадовался. И когда собрались к нему некоторые из братии, поцеловал их всех и так в мире предал душу в руки пришедшим за ним ангелам. Тогда блаженный приказал ударить в било, чтобы собралась вся братия, и с подобающими почестями и с пением погребли честное его тело там, где погребали и других монахов.

К тому времени возросла числом братия, и стало необходимо отцу нашему Феодосию расширять монастырь и строить новые кельи: слишком много стало монахов и приходящих в монастырь. И он сам с братией строил и огораживал двор монастырский. И когда разрушена была монастырская ограда и не сторожил никто монастырь, однажды, темной ночью, пришли в монастырь разбойники. Говорили они, что в церкви скрыто богатство монастырское, и потому не пошли по кельям, а устремились к церкви. Но тут услышали голоса поющих в церкви. Разбойники, подумав, что это братия поет вечерние молитвы, отошли. И переждав некоторое время в лесу, решили, что уже окончилась служба, и снова пошли к церкви. И тут услышали те же голоса и увидели чудный свет, льющийся из церкви, и благоухание из нее исходило, ибо ангелы пели в ней. Разбойники же подумали, что это братия поет полунощные молитвы, и снова отошли, ожидая, когда они закончат пение, чтобы тогда войти в церковь и забрать все в ней хранящееся. И так еще не раз приходили они и слышали все те

же ангельские голоса. И вот уже настал час заутрени, и уже пономарь ударил в било. Разбойники же, зайдя немного в глубь леса, присели и стали рассуждать: «Что же будем делать? Кажется, видение было в церкви! Но вот что: когда соберутся все в церковь, подойдем и, не выпустив никого из дверей, перебием всех и захватим их богатства». Это враг их так научал, чтобы с их помощью изгнать с этого места святое стадо. Но не только не смог этого совершить, но и сам побежден был братией, ибо бог помогал ей по молитвам преподобного отца нашего Феодосия. Тогда злодеи, подождав немного, пока преподобное стадо собралось в церкви с блаженным наставником и пастухом своим Феодосием и запело утренние псалмы, двинулись на них словно дикие звери. Но едва приблизились, как внезапно свершилось дивное чудо: отделилась от земли церковь и вместе со всеми бывшими в ней вознеслась в воздух, так что и стрела не могла бы до нее долететь. А бывшие с блаженным в церкви не знали об этом и ничего не почувствовали. Разбойники же, увидев такое чудо, пришли в ужас и в страхе возвратились к себе домой. И с той поры, раскаявшись, никому больше не причиняли зла, и даже главарь их с тремя другими разбойниками приходил к блаженному Феодосию покаяться и рассказать обо всем случившемся. Услышав это, блаженный прославил бога, спасшего их от такой смерти. А разбойников поучил о спасении души и отпустил их, так же славящих и благодарящих за все бога.

Такое же чудо с той же церковью видел потом и один из бояр христороубца Изяслава. Как-то ночью ехал он по полю в 15 поприщах от монастыря блаженного Феодосия. И вдруг увидел церковь под самыми облаками. В страхе поскакал он со своими отроками, желая посмотреть, что это за церковь. И когда доскакал до монастыря блаженного Феодосия, то прямо на его глазах опустилась церковь и стала на своем месте.

Боярин же постучал в ворота, и, когда отпер ему привратник, вошел, и рассказал о виденном блаженному. И с тех пор часто приходил к нему, и насыщался духовной беседой с ним, и жертвовал от своего богатства на нужды монастыря.

А некий другой боярин того же христороубца Изяслава как-то, отправляясь с князем своим христороубцем против вражеской рати, уже изготовившейся к битве, пообещал в мыслях своих: «Если вернусь домой невредимым, то пожертвую святой богородице в монастырь блаженного Феодосия две гривны золота и оклад прикажу сковать на икону святой богородицы». Потом была битва, и многие пали в бою. Но все же враги были побеждены, а наши благополучно вернулись домой. И забыл боярин об обещанном в дар святой богородице. И вот несколько дней спустя, когда спал он днем в своем доме, вдруг раздался страшный голос, зовущий его по имени: «Климент!» Он же вскочил и сел на ложе. И увидел перед ложем своим икону святой богородицы, бывшую в монастыре блаженного. И голос от иконы исходил: «Почему же, Климент, не даровал ты мне того, что обещал? Но вот теперь говорю тебе: поспеши выполнить свое обещание!» Изрекла это икона святой богородицы и исчезла. Тогда тот боярин, испугавшись, взял, что было им обещано, понес в монастырь и отдал блаженному Феодосию, а также и оклад сковал для иконы святой богородицы. И вот некоторое время спустя задумал тот же боярин принести в дар монастырю блаженного Евангелие. Пришел он к великому Феодосию, спрятав Евангелие за пазухой, и после молитвы собрались они сесть, и тот еще не достал Евангелия, как вдруг сказал ему блаженный: «Прежде всего, брат Климент, достань святое Евангелие, которое держишь у себя за пазухой и которое пообещал ты в дар святой богородице, тогда и сядем». Услышав это, ужаснулся боярин прозорливости преподобного, ибо никому не

говорил о своем намерении. И достал то святое Евангелие и отдал блаженному в руки, затем сели они, и, насытившись духовной беседой, возвратился боярин домой. И с той поры полюбил он блаженного Феодосия, и часто приходил к нему, и немалую пользу получал от бесед с ним.

И когда приходил кто-нибудь к Феодосию, то после духовной беседы угощал он пришедших обедом из монастырских припасов: подавали хлеб, чечевицу и немного рыбы. Не раз вот так же обедал и христоробец Изяслав и, радуясь душой, говорил блаженному Феодосию: «Вот, отче, ты же знаешь, что всех благ мира полон дом мой, но никогда я не ел таких вкусных яств, как у тебя сегодня. Слуги мои постоянно готовят разнообразные и дорогие кушанья, и все же не так они вкусны. И прошу тебя, отче, поведай мне, отчего так вкусны яства ваши?» Тогда боговдохновенный отец Феодосий, желая укрепить благочестие князя, сказал ему: «Если хочешь узнать это, добрый владыка, так послушай, что расскажу тебе. Когда братия монастырская хочет варить, или хлеба печь, или другое что-либо делать, то прежде всего идет один из них за благословением игумена, после этого трижды поклонится перед святым алтарем до земли, и зажжет свечу от святого алтаря, и уже от той свечи разжигает огонь. И потом, когда воду наливает в котел, говорит старшему: «Благослови, отче!» И тот отвечает: «Бог да благословит тебя, брат!» И так все дела их совершаются с благословением. А твои слуги, как известно, делают все ссорясь, подсмеиваясь, переругиваясь друг с другом, и не раз бывают побиты старшими. И так вся служба их в грехах проходит». Выслушав его, христоробец промолвил: «Поистине так, отче, как ты сказал».

Преподобный отец наш Феодосий поистине был исполнен святого духа, потому и смог умножить божественное богатство, и, населив прежде пустое место мно-

жеством черноризцев, создал славный монастырь. Но никоим образом не хотел собирать в нем сокровищ, но с верою и с надеждою уповал на бога и никогда не придавал значения богатству. Именно поэтому постоянно обходил он кельи учеников своих, и если что-либо находил у кого — или пищу какую, или одежду, помимо предписанной уставом, или имущество какое, то изымал это и бросал в печь, считая за дело рук дьявольских и за повод для греха. И так говорил им: «Не следует, братия, нам, монахам, отвергшимся всего мирского, держать имущество в кельях своих. Как же можем мы с чистой молитвой обращаться к богу, имея в кельях своих сокровища? Послушайте, что об этом говорит господь: «Где сокровища ваши, там и сердца ваши»; и еще о тех, кто собирает их: «Безумный, в эту ночь душу твою возьму, а собранное тобой кому достанется?» Поэтому же, братия, будем довольствоваться одеждами, разрешенными уставом, и пищей, что получаем в трапезной от келаря, а в кельях ничего подобного не будем хранить, и тогда со всем усердием и всей душой устремимся на чистую молитву к богу». И такими и иными словами постоянно убеждал их и поучал их со всем смирением и со слезами. И никогда не бывал он несправедлив или гневен, не посмотрел ни на кого сердито, но был всегда милосерд, и тих, и жалостлив ко всем. Поэтому, если даже кто-либо из святого стада, ослабев душой, покидал монастырь, блаженный печалился и скорбел о нем и молился богу, чтобы заблудшая овца его стада возвратилась бы назад. И так все дни плакал и молил за него бога, пока тот брат не возвращался обратно. Тогда блаженный, с радостью приняв его,ставлял никогда впредь не поддаваться дьявольским козням, не давать им возобладать над собою, но держаться крепко. И говорил, что не мужская та душа, которая может ослабеть от печальных этих напастей.

Таковыми и иными словами утешив брата, отпускал его с миром в келью.

Был же там один брат, слабый духом, который часто покидал монастырь блаженного, а когда снова возвращался, то блаженный встречал его с радостью, говоря при этом, что не может допустить, чтобы тот скончался где-то вне стен монастырских. Хотя и много раз уходил он от нас, но суждено ему в этом монастыре встретить свой последний час. И с плачем молил за него бога, прося снисхождения. И вот как-то, после того как уже не раз покидал монастырь, вернулся тот, умоляя великого Феодосия принять его, Феодосий же — поистине милосердный — словно овцу, заблудшую и вернувшуюся, принял того с радостью и вновь ввел в свое стадо. Тот черноризец своими трудами накопил небольшой достаток, ибо ткал полотно, и тут принес все это и положил перед блаженным. А святой сказал ему: «Если хочешь быть беспорочным черноризцем, возьми все, ибо все это — плод твоего послушания, и брось в горящую печь». Тот же, горячо веруя в бога, по повелению блаженного отнес и бросил в печь, где все и сгорело. Сам же с тех пор жил в монастыре, все оставшиеся дни свои в нем провел и тут же, как и предвещал ему блаженный, почил с миром. Такова была любовь блаженного, и таково милосердие его к ученикам своим, и забота, чтобы ни один от стада его не отбил, но всех вместе, словно хороший пастух, пас, учил и утешал, успокаивая души их, и насыщая и утоляя духовную жажду. И этим многих приводил к осознанию мудрости божьей и указывал им путь в небесное царство. Но сейчас снова обратимся к дальнейшему рассказу об отце нашем Феодосии.

Как-то в один из дней пришел келарь к блаженному, говоря: «Сегодня нет у меня никакой еды для братии и нечего мне для нее сварить». Отвечал тому блаженный: «Иди, подожди немного, моля бога, чтобы поза-

ботился о нас. Или же, на крайний случай, сварил пшеницу и, смешав кашу с медом, предложи братии на трапезе, пусть едят. Но надеюсь я, однако, на бога, который в пустыне на него ропщущим людям хлеб небесный низвел дождем и одарил их перепелами. Тот бог и нам ныне может пищу подать». Услышав это, келарь ушел. И блаженный стал молиться богу о братии. И тут помянутый нами боярин, по наставлению божью, нагрузил три телеги съестным: хлебом и сыром, и рыбой, чечевицей и пшеном, и медом к тому же, и все то послал блаженному в монастырь. И, увидев это, блаженный прославил бога и обратился к келарю: «Вот видишь, брат Федор, что не оставляет нас бог, если надеемся на него всем сердцем. Так иди же и приготовь для братии обед обильный в этот день, ибо это посещение божье». И так блаженный радовался с братией на обеде весельем духовным, сам же ел только хлеб сухой и овощи вареные без масла, запивая водой, — такова была его ежедневная еда. Но никогда не видели его унылым или понурым на трапезе с братией, но всегда сидел с лицом радостным и утешался благодатью божьей.

К тому блаженному как-то привели связанных разбойников, схваченных в одном из сел монастырских, когда они собирались там красть. Блаженный же, увидев их, связанных и в унынии, сжалился над ними и, прослезившись, приказал развязать их и дать им еды и питья. А затем долго поучал их, чтобы никому не причиняли зла. Дал им и немало денег на все необходимое и отпустил их с миром, славящих бога; и с тех пор они раскаялись и никому больше не причиняли зла, но жили своим трудом.

Таково было милосердие великого отца нашего Феодосия, что, когда видел нищего, или калеку, или скорбящего, или бедно одетого, жалел его, и очень печалился о нем, и со слезами проходил мимо. И поэтому построил двор около своего монастыря и церковь там во имя

святого первомученика Стефана, и тут велел находить-ся нищим, и слепым, и хромым, и больным, из монастыря велел приносить им все необходимое — от всего имущества монастырского десятую часть отдавал им. И еще каждую субботу посылал воз хлеба узникам.

В один из дней пришел к преподобному Феодосию священник из города, прося дать вина для служения святой литургии. Блаженный тут же, призвав пономаря, велел налить вина в принесенный тем сосуд и отдать ему. Но пономарь сказал, что мало у него вина и хватит его только на три или четыре дня святой литургии. Блаженный же отвечал ему: «Налей все, что есть, человеку этому, а о нас бог позаботится». Тот ушел, но, нарушив повеление святого, налил в сосуд немного вина, оставив для утреннего богослужения. Священник же, ибо мало ему дали, принес и показал блаженному Феодосию. Тот снова призвал пономаря и сказал ему: «Говорил тебе, вылей все и о завтрашнем дне не заботься, не оставит бог церкви этой завтра без службы, но сегодня же подаст нам вина в избытке». Тогда пошел пономарь, налил все вино в сосуд священнику и так отпустил его. После ужина вечером сидели они, и вдруг, как и было предсказано блаженным, привезли три воза, наполненных корчагами с вином, которые послала некая женщина, ведшая все хозяйство в доме благоверного князя Всеволода. Увидев это, пономарь прославил бога, удивляясь предвидению блаженного Феодосия, ибо как сказал тот: «В этот день подаст нам бог вина до избытка», — так и случилось.

Как-то в день святого и великого Дмитрия, в который пришел конец мучениям его за Христа, преподобный Феодосий с братией отправились в монастырь святого Дмитрия, а тут принесли от кого-то белые хлебцы, и Феодосий повелел келарю подать их на стол оставшейся братии. Тот же не послушался, решив так: «Завтра, когда придет вся братия, подам им на обед

эти хлебы, а сейчас монастырский хлеб предложу братьям». Как решил, так и сделал. И на другой день, когда сели все обедать, и те принесенные хлебы были нарезаны, блаженный посмотрел на стол и увидел хлебцы, и, позвав келаря, спросил его, откуда они. Он же отвечал, что они вчера принесены, но из-за того, что вчера оставалось мало братьев, решил он сегодня всей братии подать их на стол. Тогда блаженный сказал ему: «Следовало бы не заботиться о будущем дне, а сделать так, как я повелел. И сегодня бы господь наш, постоянно о нас заботящийся, еще больше бы позаботился и подал бы нам, что потребно». Тут же повелел одному из братии собрать в корзину ломти те и высыпать их в реку, а того келаря наказал епитимьею за непослушание.

Так же поступал он, когда слышал, что какое-либо дело делается без благословения, ибо не хотел, чтобы святое стадо вкусило еды, приготовленной без благословения или без повеления его, и такую еду — как плод дьявольский — повелевал или в печь горящую бросить, или высыпать в струи речные.

Так же и после смерти блаженного отца нашего Феодосия случилось нечто таковое же от непослушания, и хотя не к месту здесь рассказывать об этом, все же вспомним о том и к нашим словам прибавим несколько слов о подобном же.

Итак, после ухода из монастыря преподобного игумена нашего Стефана, когда игуменство принял великий Никон, пришло время святого и великого поста. И было установлено еще преподобным отцом нашим Феодосием, что в пятницу первой недели этого воздержания, когда все потрудятся, как подобает истинным подвижникам, подадут им белые хлебы, а другие — испеченные с медом и с маком. Так же повелел и Никон келарю сделать все по обычаю, но тот, послушавшись его, солгал, говоря, что нет у него муки для печения таких хлебов. Но, однако, бог не оставил труда

и молитв преподобных своих, чтобы не было поправно установленное божественным Феодосием. После святой литургии все отправились на постный обед, но прежде чем он начался, прислали им воз именно таких хлебов. Видя это, братия прославилла бога, удивляясь, как постоянно он заботится о них, подавая им все необходимое по молитвам преподобного отца и наставника их Феодосия. Два дня спустя после этого приказал келарь, чтобы братия, как положено, испекла бы хлебы из той муки, про которую он прежде сказал, что ее нет; когда же пекари приготовились, и уже месили тесто, и заливали его горячей водой, то вдруг увидели жабу, сварившуюся в той воде и осквернившую ее, ибо дело то было плодом ослушания. Случилось же то по изволению божию для спасения святого стада, чтобы после того, как совершили братья подвиг в святую ту неделю, не испробовали бы таковых хлебов. Но как дело дьявольское — гадом осквернил его бог, чтобы указать на это. Пусть никто из вас не осудит меня за то, что я здесь написал об этом и прервал свое повествование: сделал я того ради, чтобы знали вы, как не следует нам ни в чем ослушаться наставника, игумена своего, помня, что если и утаим от него что-либо, то от бога ничего не скроется, и он тотчас же заступится за того, кого поставил старшим над нами и Пастухом, чтобы все слушались его и творили все по его повелению.

Однако возвратимся к прежнему повествованию о блаженном Феодосии.

Настали как-то дни праздника Успения святой богородицы, и в церкви готовился праздник в тот день, но не хватило деревянного масла, чтобы залить в лампы. И решил пономарь надавить масла из льняного семени, и, разлив то масло по лампадам, возжечь их. И спросил на это разрешение у блаженного Феодосия, и тот велел ему сделать так, как задумал. И когда уже собрался разливать масло по лампадам, то уви-

дел, что в нем плавает упавшая туда мертвая мышь. Пospешил он к блаженному и сказал: «Уж с каким старанием накрывал я сосуд с маслом и не пойму, как пролез этот гад и утонул!» Но блаженный понял, что это — проявление божьей заботы. И, укорив себя за неверие, сказал пономарю: «Следовало бы нам, брате, возложить надежду на бога, ибо он может подать нам все, чего ни пожелаем. А не так как мы, потерявшие веру, делать то, что не следует. Так иди же и вылей то масло на землю. И подождем немного, помолимся богу, и он подаст нам сегодня деревянного масла с избытком». Уже настал вечер, когда неожиданно кто-то из богатых принес огромную корчагу, полную деревянного масла. И, увидев это, прославил блаженный бога, так скоро внявшего его молитвам. И заправили все лампы, и осталось еще много масла. И так справили на следующий день светлый праздник святой богородицы.

Боголюбивый же князь Изяслав, который искренне и горячо верил господу нашему Иисусу Христу и пречистой его матери, тот, который сложил впоследствии голову свою за брата по призыву господню, он, как говорили, искренне любил отца нашего Феодосия, и часто навещал его, и насыщался духовными беседами с ним. Вот так однажды пришел князь, и сидели они в церкви, беседа о божественном, а время было уже вечернее. Так и оказался тот христоробец с блаженным и честной братией на вечерней молитве. И вдруг, по воле божьей, полил сильный дождь, и блаженный, видя, что раздождилось, призвал келаря и сказал ему: «Приготовь ужин для князя». Тогда пришел к нему ключник со словами: «Господи отче! Нет у меня меда, чтобы предложить князю и спутникам его». Спросил его блаженный: «Нисколько нет?» Тот ответил: «Да, отче! Нисколько не осталось, я же, как уже сказал, перевернул пустой сосуд и положил набок». Блаженный же снова посылает его: «Пойди и

посмотри лучше, вдруг осталось что-нибудь или немного наберется». Тот же говорит в ответ: «Поверь мне, отче, что я и сосуд тот, где было это питье, перевернул и положил набок». Тогда блаженный, поистине исполненный духовной благодати, сказал ему так: «Иди, и по слову моему и во имя господя нашего Иисуса Христа найдешь мед в том сосуде». Он же, поверив блаженному, вышел и отправился в кладовую; и по слову святого отца нашего Феодосия стоит опрокинутый прежде бочонок и доверху полон меда. Испуганный ключник тотчас вернулся к блаженному и поведал ему о случившемся. Отвечал ему блаженный: «Молчи, чадо, и не говори об этом никому ни слова, а иди и носи, сколько нужно будет князю и спутникам его; да и братии подай, пусть пьют. Все это — благословение божье». Тем временем дождь перестал и христоробец князь отправился домой. И таково было благословение на монастыре том, что и впредь на много дней еще хватило меда.

Однажды к блаженному отцу Феодосию пришел из некоего села монастырский монах, рассказывая, что в хлеву, где стоит скот, живут бесы, и немало вреда приносят они там, не давая скоту есть. Много раз уже священник молился и кропил святой водой, но все напрасно: остались там злые бесы и по сей день мучают скот. Тогда отец наш Феодосий вооружился для борьбы с ними постом и молитвой, ибо сказал господь: «Ничем не истребится этот род бесовский, только молитвой и постом». Поэтому и надеялся блаженный, что сможет изгнать бесов из хлева, как прежде прогнал из пекарни. И пришел в то село, и вечером, один войдя в хлев, где обитали бесы, запер двери и остался там до утра, творя молитвы. И с тех пор они больше там не появлялись, и во дворе никому уже не вредили. Так молитвами преподобного отца нашего Феодосия, словно оружием, изгнаны были бесы из того села. И снова возвратился блаженный в

свой монастырь, точно могучий воин, победив злых духов, вредивших в области его.

Некоторое время спустя пришел как-то к блаженному и преподобному отцу нашему Феодосию старший над пекарями и сказал, что не осталось муки, для того чтобы испечь братии хлебы. Ответил ему блаженный: «Пойди, посмотри в сусеке, а ну, как найдется в нем немного муки на то время, пока господь снова не позаботится о нас». Тот же помнил, что подмел сусек и замел все отруби в один угол, да и тех немного — с три или четыре пригоршни, — и поэтому сказал: «Правду тебе говорю, отче, сам вымел сусек, и нет там ничего, разве только отрубей немного в одном углу». Отвечал ему отец Феодосий: «Поверь мне, чадо, что велик бог и от той пригоршни отрубей наполнит нам сусек мукой, как сделал и при Илье, превратив одну пригоршню муки в множество, чтобы смогла некая вдовица перебиться с детьми в голодное время, пока не пришла пора собирать урожай. Вот так и ныне, может бог также из малого многое сотворить. Так пойди же и посмотри: вдруг осенило благословение и тот сусек». Услышав эти слова, вышел пекарь, а когда вошел в дом тот, то увидел, что сусек, прежде пустой, по молитвам преподобного отца нашего Феодосия наполнен мукой, так что даже пересыпается она через стенку на землю. Пришел он в ужас, видя такое преславное чудо, и, вернувшись, рассказал обо всем блаженному. Святой же в ответ: «Иди, чадо, и, никому не говоря, испеки, как обычно, хлебы для братии. Это по молитвам преподобной нашей братии ниспослал нам бог свою милость, подав нам все, чего ни пожелаем».

Такова была искренняя надежда на бога у преподобного Феодосия, так уповал он на господя нашего Иисуса Христа, что никаких надежд не возлагал на мирское, не рассчитывал ни на что в мире этом, но всеми мыслями и всей душой устремлялся к богу, и, на того все

надежды возложив, совершенно не заботился о завтрашнем дне, и постоянно держал в памяти сердца своего глас господень, вещающий: «Не заботьтесь ни о чем, посмотрите на птиц небесных, как они не сеют, не жнут, не собирают в житницы свои, но отец небесный питает их, насколько же вы лучше их». Поэтому он еженощно со слезами молил бога о стаде своем, говоря: «Как уже ныне, владыка, собрал ты нас в месте этом, и если угодно, чтобы мы жили здесь, то будь нам помощник и податель всех благ. Ведь во имя пресвятой матери твоей возведен дом этот. И мы тоже во имя твое собраны в нем, и сбереги и сохрани нас от всяческих козней лукавейшего врага и сподобь нас обрести вечную жизнь. Постоянно внушай сердцам нашим трепет перед тобой, ибо только этим удостоимся мы благ, уготованных праведникам». И так день за днем учил он братию, и утешал, и удерживал их, чтобы не ослабели духом, но твердыми были бы во всех подвигах монашеских. И так прилежно пас стадо свое и берег его, чтобы злокозненный волк, напав, не разогнал бы божественное то стадо.

А теперь о том, как человеку некоему, христоробивому и боящемуся бога, было видение о блаженном и преподобном отце нашем Феодосии и о пречистой и непорочной его молитве, а еще и о святом монастыре его — и так указано было то место, куда суждено будет братии переселиться.

Есть над монастырем невысокая горка, и тот человек ехал по ней ночью и вдруг увидел чудо, повергшее его в ужас. Ночь была темной, но над монастырем блаженного сиял чудесный свет, и вот, присмотревшись, увидел тот человек в сиянии этом преподобного Феодосия, стоящего посередине монастыря перед церковью, воздев руки к небу и прилежно молящегося богу. Пока смотрел тот, дивясь увиденному, явилось ему и другое чудо: из купола церкви поднялся ог-

ненный столб и, изогнувшись наподобие свода, достиг другого холма, и на том месте оказался конец его, где блаженный отец наш Феодосий указал место для церкви, которую и начал строить впоследствии. Вот и донныне на этом месте стоит славный монастырь. И этот пламень, словно дуга, стоявшая одним концом на куполе церковном, а другим на описанном выше месте, виден был человеку тому, пока не захал тот за гору. Обо всем этом, что он видел, поведал тот одному из братьев в монастыре блаженного как истинную правду. Поэтому и нам следует возгласить вместе с божественным Иаковом, что сам господь пребывает на месте том, и свято место то, и нет другого подобного, но здесь и есть дом божий и врата небесные.

И стоит еще сказать, что такое же чудо упоминается и в житии святого и великого Саввы. Однажды ночью он также вышел из кельи своей помолиться, и вдруг предстал перед ним огненный столп до самого неба. Когда же он дошел до места того, то обнаружил там пещеру и в скором времени построил там славный монастырь. Так и здесь следует понимать, что бог указал то место, на котором находится монастырь славный, и по сей день цветущий по молитвам Феодосия.

Такова молитва к богу блаженного отца нашего Феодосия о стаде своем и о месте том, и таково его бдение и бодрствование во все ночи, и так сиял он, как светило пресветлое, в монастыре том.

Его же молитвами благой бог и иное чудо показал близ живущим людям, знаменуя святое то место, а они уже после рассказали обо всем братии. В одну из ночей услышали они множество поющих голосов. Услышав это пение, встали люди с постелей своих и, выйдя из домов и взойдя на высокое место, стали смотреть оттуда в сторону поющих. И видели сияющий яркий свет над монастырем блаженного и множество черноризцев, выходящих из старой церкви и направляющихся к тому месту, о котором шла речь, а впереди

них несли икону святой богородицы. Все же, кто шли следом за ней, пели, и все держали в руках по горящей свече, а перед ними шел преподобный отец их и наставник Феодосий. Дойдя до места того, постояли там с песнопениями и молитвами и вернулись назад. И на глазах у тех людей снова вошли с пением в старую церковь. И это видел не один, и не двое, но многие люди, видевшие это, рассказывали. Как мы думаем, это являлись ангелы, но из братии никто не знал о случившемся, так уж по воле божьей скрыта была от них эта тайна. Когда же впоследствии узнали они обо всем, то прославили бога, творящего великие чудеса, и прославляющего место то, и освящающего его по молитвам преподобного отца нашего Феодосия.

Но теперь, рассказав об этом, подобает нам снова вернуться к дальнейшему повествованию о блаженном, прославляя его, о достойных делах его правдиво повествуя и о рвении его за господа нашего Иисуса Христа. Еще и такой обычай имел блаженный: нередко вставал ночью и тайно уходил к евреям, спорил с ними о Христе, укоряя их, и этим им досаждая, и называя их отступниками и беззаконниками, и ожидая, что после проповеди о Христе он будет ими убит.

А еще, когда уходил он в дни поста в упоминавшуюся ранее пещеру, то часто втайне от всех вставал ночью и уходил оттуда, хранимый богом, в село монастырское, где была у него в скрытном месте вырыта пещера, и, втайне от всех, пребывал в ней до вербной недели, а затем снова возвращался ночью в упомянутую ранее пещеру и оттуда — в пятницу вербной недели — выходил к братии, так что они думали, будто он провёл здесь все дни поста. И так пребывал он, изнуряя себя бодрствованием и ночными молитвами о стаде своем, моля бога и призывая его помочь им в их подвигах; и каждую ночь обходил двор монастырский, и творил молитву, и ею ограждал, и, словно стеною твердой, оберегал монастырь, чтобы не проник змий

лукавый прельстить кого-либо из учеников его. И так же ограждал и все земли монастырские.

Как-то однажды были схвачены во время грабежа некие люди стерегущими дома свои, и повели их связанных в город к судье. И так случилось по воле божьей, что проводили их мимо одного из сел монастырских, и один из тех связанных злодеев, показав кивком головы на село, промолвил: «Как-то ночью пришел я к тому двору, собираясь вынести все имущество из него, и увидел стену высокую, так что невозможно было нам и приблизиться к нему». Это ведь благой бог невидимо оградил все находившееся там по молитвам праведного и преподобного сего мужа. Потому и божественный Давид об этом вещал: «Очи господни устремлены на праведных, и уши его внимают молитвам их». Постоянно ведь владыка, создавший нас, склоняет слух свой, внимая искренне призывающим его, и, услышав молитву их, спасет их. Здесь же по желаниям и по просьбам братии, уповающей на него, все творит.

В то время, когда преподобный и преблаженный отец наш Феодосий пас стадо свое со всяческим благочестием и чистотою и свою жизнь проводил в воздержании и подвигах, начался раздор — по наущению лукавого врага — среди трех князей, братьев по крови: двое из них пошли войной на третьего, старшего своего брата, христолюбца и поистине боголюбца Изяслава. И был изгнан он из своего стольного города, а они, придя в город тот, послали за блаженным отцом нашим Феодосием, приглашая его прийти к ним на обед и приобщиться к несправедному их союзу. Но тот, исполненный духа святого, преподобный Феодосий, видя, что несправедливо изгнан христолюбец, ответил посланному, что не пойдет на пир Иезавелин и не прикоснется к яствам, пропитанным кровью убиенных. И долго еще укорял и, отпуская посланного, наказал ему: «Передай мои слова пославшим тебя».

Они же, хотя и выслушали его и не посмели прогневаться на него, ибо правду сказал человек божий, не вняли ему, а двинулись на брата своего, изгнали его из его земли и вернулись назад. Один из них сел на престоле брата и отца своего, а другой отправился в свой удел.

Тогда же отец наш Феодосий, исполнившись духа святого, стал укорять князя, что несправедливо он поступил и не по закону сел на престоле, изгнав старшего брата своего, бывшего ему вместо отца. И так обличал его, то письма ему посылая, а то осуждая незаконное изгнание брата перед приходившими к нему вельможами и веля им передать слова его князю. А после написал ему большое послание, осуждая его в таких словах: «Голос крови брата твоего взывает к богу, как крови Авелевой на Каина!» И приведа в пример многих других притеснителей, убийц и братоненавистников прежних времен и в притчах поступок его изобличив, обо всем этом написал и послал. Когда же прочел князь это послание, то пришел в ярость и, словно лев, рыкнув на праведного, швырнул письмо его на землю. И тогда облетела всех весть, что грозит блаженному заточение. Братия же в великой печали умоляла блаженного отступить и больше не обличать князя. И многие из приходивших к нему бояр говорили о княжеском гневе и умоляли не противиться князю. «Он ведь, — говорили, — хочет заточить тебя». Услышав речи о своем заточении, блаженный воспрянул духом и сказал: «Это очень радует меня, братья, ибо ничто мне не мило в этой жизни: разве тревожит меня, что лишусь я благоденствия или богатства? Или опечалит меня разлука с детьми и утрата сел моих? Ничего из этого не принес я с собой в мир сей: нагими рождаемся, так подобает нам нагими же и уйти из мира сего. Поэтому готов я принять смерть». И с тех пор по-прежнему обличал братоненавидение князя, всей душой желая оказаться в заточении.

Однако князь, как сильно ни гневался на блаженного, не дерзнул причинить ему ни зла, ни печали, чтя в

нем мужа преподобного и праведного. Недаром же он прежде постоянно завидовал брату своему, что есть такой светоч в земле Изяславовой, как рассказывал об этом слышавший такие слова от Святослава черноризец Павел, игумен одного из монастырей, находившихся в его уделе.

А блаженный отец наш Феодосий после многих просьб братии своей и вельмож, а особенно когда понял, что ничего не достиг обличением своим, оставил князя в покое и с тех пор уже более не укорял его, решив про себя, что лучше будет со слезами умолять князя, чтобы тот возвратил своего брата в принадлежавшую ему область.

Некоторое время спустя заметил благой тот князь, что утих гнев блаженного Феодосия и что перестал тот обличать его, и обрадовался, ибо давно жаждал побеседовать с ним и насытиться духовной беседой. Тогда посылает он к блаженному, вопрошая, не разрешит ли тот прийти к себе в монастырь? Феодосий же велел ему прийти. Обрадовался князь и прибыл с боярами в монастырь. И великий Феодосий с братией вышел из церкви и по обычаю встретил его и поклонился, как подобает кланяться князю, а князь поцеловал блаженного. Потом же сказал он: «Отче! Не решался прийти к тебе, думая, что гневаешься на меня и не вступишь нас в монастырь». Блаженный же отвечал: «А что может, благой владыка, гнев наш против власти твоей? Но подобает нам обличать вас и поучать о спасении души. А вам следует выслушивать это». И так вошли они в церковь и после молитвы сели, и начал блаженный Феодосий приводить примеры из Священного писания и много говорил князю о братолюбии. Но тот снова возлагал вину на брата своего и из-за этого не хотел с ним примириться. И после долгой беседы вернулся князь домой, слава бога за то, что сподобился беседовать с таким мужем; и с тех пор часто приходил к нему и насыщался духовной пищей более чем медом и сытой, таковы

были слова блаженного, исходившие из медоточивых уст его. Много раз и великий Феодосий посещал князя и напоминал ему о страхе божьем и о любви к брату. Однажды пришел к князю благой и богоносный отец наш Феодосий и, войдя в княжеские палаты, где находился князь, увидел множество музыкантов, играющих перед ним: одни бренчали на гуслях, другие били в органы, а иные свистели в замры, и так все играли и веселились, как это в обычае у князей. Блаженный же сел рядом с князем, опустив очи долу, и, склонившись к нему, спросил: «Вот так ли будет на том свете?» Тот же растрогался от слов блаженного, и прослезился, и велел прекратить музыку. И с тех пор, если приглашал к себе музыкантов, то, узнав о приходе блаженного, приказывал им прекратить игру.

И много раз впоследствии, когда сообщали князю о приходе блаженного, то он выходил и радостно встречал его перед дверями хором своих, и так оба входили в дом. Князь же как-то сказал преподобному с улыбкой. «Вот, отче, правду тебе говорю: если бы мне сказали, что отец мой воскрес из мертвых, и то бы не так обрадовался, как радуюсь твоему приходу. И не так я боялся его и смущался перед ним, как перед твоей преподобной душой». Блаженный же возразил: «Если уж так боишься меня, то исполни мою волю и возврати своему брату престол, который поручил ему твой благоверный отец». Промолчал князь, не зная, что отвечать, так ожесточил его враг против брата, что и слышать о нем не хотел. А отец наш Феодосий дни и ночи молил бога за христолюбца Изяслава и в ектении велел упоминать его как киевского князя и старшего надо всеми, а Святослава — как мы говорили, против закона севшего на престол — не велел поминать в своем монастыре. И едва умолила его братия, и тогда повелел поминать обоих, однако же первым — христолюбца, потом же и этого, благого.

А великий Никон, видя княжеские распри, удалился с двумя черноризцами на упомянутый выше остров, где

в прошлом основал монастырь, хотя много раз умолял его блаженный Феодосий не разлучаться с ним, пока оба живы, и не покидать его. Но не послушал его Никон и, как я сказал, отправился в свой монастырь.

Тогда же отец наш Феодосий, исполненный духа святого, задумал по благодати божьей перенести монастырь на новое место и, с помощью святого духа, построить большую каменную церковь во имя святой богородицы и приснодевы Марии, ибо старая церковь была деревянной и не могла вместить всей братии.

Начать же таковое дело собралось множество людей, и одни указывали одно место, где построить церковь, другие — другое, и не было места лучше, чем на находящемся вблизи княжеском поле. И вот, по воле божьей, проезжал мимо благой князь Святослав и, увидев множество народа, спросил, что здесь происходит. А когда узнал, то повернул коня, и подъехал к ним, и, словно богом подвигнут, показал им на то самое место на своем поле, веля здесь и построить церковь. И тут же, после молитвы, сам первый начал копать. И сам блаженный Феодосий каждый день трудился с братией, возводя храм. Но, однако, не закончил его при жизни, а после смерти его, при игуменстве Стефана, с божьей помощью по молитвам отца нашего Феодосия, закончено было дело и построено здание. Переселилась туда братия, а на прежнем месте осталось их немного, и с ними — священник и дьякон, так что всякий день и здесь совершалась святая литургия.

Вот какова жизнь преподобного и блаженного отца нашего Феодосия, которую — от юных лет и до старости — описал я, поведав из многого малое. А кто сможет по порядку описать все мудрое управление этого блаженного мужа, кто сможет похвалить его по заслугам! Хотя и пытаюсь я воздать достойную хвалу делам его, но не могу — невежда я и неразумен.

Много раз князья и епископы хотели искутить того блаженного, в словопрении одолеть, но не смогли и отскакивали, словно ударившись о камень, ибо огражден он был верой и надеждой на господя нашего Иисуса Христа и святой дух пребывал в нем. И был он заступник вдовиц, и помощник сирот, и нищих заступник, и, попросту говоря, всех приходивших к нему отпускал, поучив и утешив, а нищим подавал, в чем нуждались они, и на пропитание.

Многие из неразумных укоряли его, но с радостью сносил он все попреки, как сносил не раз укоры и досаждения от своих учеников, все равно, однако, молясь за всех богу. И еще, насмехаясь над ветхой одеждой его, издевались над ним невежды. И об этом он не печалился, но радовался и поруганию и укоризнам и в веселье великом славил за это бога. Когда кто-нибудь, не знающий Феодосия, видел его в такой одежде, то не мог и подумать, что это и есть тот самый блаженный игумен, а принимал его за одного из поваров. Так, однажды шел он к строителям, возводившим церковь, и встретила его нищая вдова, обиженная судьей, и обратилась к самому блаженному: «Черноризец, скажи мне, дома ли игумен ваш?» Спросил и ее блаженный: «Что ты хочешь от него, ибо человек он грешный?» Отвечала ему женщина: «Грешен ли он, не знаю, но только знаю, что многих избавил он от печалей и напастей, того ради и я пришла за помощью, ибо обижена я судьей не по закону». Тогда, расспросив обо всем, пожалел ее блаженный и сказал ей: «Иди, женщина, сейчас домой, и когда придет игумен наш, то расскажу ему о тебе, и избавит он тебя от печали». Услышав это, женщина отправилась домой, а блаженный пошел к судье и, поговорив с ним, избавил ее от притеснений, так что судья сам вернул ей то, что отнял.

Вот так блаженный отец наш Феодосий заступался за многих перед судьями и князьями, избавляя их, ибо не смел никто его ослушаться, зная праведность его и

святость. И чтили его не ради дорогих нарядов или светлых одежд, и не ради великого богатства, но за непорочную его жизнь и за светлую душу, и за многие поучения, святым духом кипящие в устах его. Козлиная шкура была ему многоценной и светлой одеждой, а власяница — почетной багрянницей царской, и в них оставаясь великим, богоугодно провел он дни свои.

И вот настал конец жизни его, и уже заранее узнал он день, когда отойдет к богу и настанет час успокоения его, ибо смерть — покой для праведника.

Тогда повелел он собрать всю братию и тех, кто в села ушел или по каким иным делам, и, созвав всех, начал наставлять тиунов, и приставников, и слуг, чтобы каждый исполнял порученное ему дело со всяческим прилежанием и со страхом божьим, с покорностью и любовью. И опять поучал всех со слезами о спасении души, и о жизни богоугодной, и о посте, и о том, как заботиться о церкви и стоять в ней с трепетом, и о братолюбии, и о покорности, чтобы не только старших, но и сверстников своих любить и покоряться им. Поучив же, отпустил их, а сам вошел в келью и начал плакать, и бить себя в грудь, кланяясь богу и молясь ему о спасении души, и о стаде своем, и о монастыре. Братья же, выйдя от него, стали говорить промеж себя: «Что такое он говорит? Или, уйдя куда-нибудь, хочет скрыться от нас в неизвестном месте и жить один?» Ибо не раз уже собирался он так сделать, но уступал мольбам князя и вельмож и особенно мольбам братии. И теперь они подумали о том же.

А блаженный тем временем трясся в ознобе, и пылал в жару, и, уже совсем обессилев, лег на постели своей, и промолвил: «Да будет воля божья, что угодно ему, то пусть то и сделает со мной! Но, однако, молю тебя, владыка мой, смилуйся над душой моей, пусть не встретит ее коварство дьявольское, а примут ее ангелы твои и сквозь препоны адских мук приведут ее к свету твоего милосердия». И, сказав это, замолк, ибо оставили его силы.

Братия же была в великой скорби и печали из-за его болезни. А потом он три дня не мог ни слова сказать, ни взглядом повести, так что многие уже подумали, что он умер, и мало кто мог заметить, что еще не покинула его душа. После этих трех дней встал он и обратился ко всей собравшейся братии: «Братья мои и отцы! Знаю уже, что истекло время жизни моей, как объявил мне о том господь во время поста, когда был я в пещере, и настал час покинуть этот свет. Вы же решите между собой, кого поставить вместо меня игуменом». Услышав это, опечалились братья и заплакали горько, потом, выйдя на двор, стали совещаться и по общему согласию порешили, что быть игуменом у них Стефану, начальнику хора церковного.

На другой день блаженный отец наш Феодосий, снова призвав к себе всю братию, спросил: «Ну, чада, решили вы, кто же достоин стать вашим игуменом?» Они же все отвечали, что Стефан достоин принять после него игуменство. И блаженный, призвав к себе Стефана и благословив, поставил его вместо себя игуменом. А братию долго поучал, слушаться его веля, и отпустил всех, назвав им день смерти своей: «В субботу, после восхода солнечного, оставит душа моя тело мое». И снова, призвав к себе одного Стефана, поучал его, как пасти святое то стадо, и тот уже больше не отлучался от него и смиренно прислуживал ему, ибо был он уже тяжело болен.

Когда же настала суббота и рассвело, послал блаженный за всей братией и стал целовать их всех, одного за другим, плачущих и вопиющих о разлучении с таким пастырем. А блаженный им говорил: «Чада мои любимые и братия! Всем сердцем прощаюсь с вами, ибо отхожу я к владыке, господу нашему Иисусу Христу. И вот вам игумен, которого вы сами пожелали. Так повинуйтесь же ему, и пусть будет он вам отцом духовным, бойтесь его и делайте все по его повелению. Бог же, тот, кто все сотворил словом своим и премудростью, пусть благословит вас, и защитит от лука-

вого, и сохранит веру вашу нерушимой и твердой, в единомыслии и взаимной любви, чтобы до последнего вздоха вы были вместе. Да будет на вас благодать — служить безупречно богу, и быть всем, как одно тело и одна душа, в смирении и послушании. И будьте же вы совершенны, как совершенен и ваш отец небесный. Да пребывает господь с вами! И вот о чем прошу вас и заклинаю: в какой одежде я сейчас, в той и положите меня в пещере, где провел я дни поста, и не обмывайте ничтожное тело мое, и пусть никто из чужих не хоронит, но только вы сами похороните меня на месте, которое я вам указал». Братья же, слыша слова эти из уст святого отца, плакали, обливаясь слезами.

А блаженный снова утешал их, говоря: «Вот обещаю вам, братья и отцы, что хотя телом и отхожу от вас, но душою всегда останусь с вами. И знайте: если кто-либо из вас умрет здесь, в монастыре, или будет отослан куда-нибудь игуменом, то, если даже и согрешит в чем, все равно буду я за того отвечать перед богом. А если же кто по своей воле уйдет из монастыря, то до такого мне дела нет. И так вы узнаете о дерзновении моем перед богом: если увидите, что процветает монастырь наш — знайте, что я возле владыки небесного; если же когда-либо увидите оскудение монастыря и в нищету упадет он, то знайте, что далек я от бога и не имею дерзновенья ему молиться».

После этих слов отослал всех от себя, никого у себя не оставив. Лишь один монах, который всегда прислуживал ему, проделав небольшую дырочку в двери, смотрел в нее. И вот встал блаженный, и преклонил колени, и пал ниц, молясь со слезами к милостивому богу о спасении души своей, всех святых призывая на помощь, а всего более — святую владычицу нашу богородицу, и молил ее именем господя бога, спасителя нашего Иисуса Христа, о стаде своем и монастыре. И снова, помолившись, лег на постель свою, и, немного полежав, вдруг взглянул на небо и восклик-

нул громко и радостно: «Благословен бог, что так свершилось, вот уже не страшно мне, но радуюсь я, что отхожу от света сего!» И можно думать, что сказал он это, увидев явление некое. Ибо потом выпрямился, вытянул ноги, и руки крест-накрест сложил на груди, и предал свою святую душу в руки божьи, и приобщился к святым отцам.

Тогда горько заплакали братья над телом его, а потом, подняв, понесли его в церковь и отпели как подобает. И тут же, словно повинувшись божественному указанию, собралось отовсюду множество благочестивых людей, все с готовностью сами пришли и уселись перед воротами монастырскими, ожидая, когда вынесут блаженного. А благоверный князь Святослав, находившийся недалеко от монастыря блаженного, вдруг увидел огненный столп, поднявшийся над тем монастырем до самого неба. И никто больше этого не видел, только князь один, и поэтому догадался он, что умер блаженный, и сказал окружавшим его: «Вот сейчас, кажется мне, умер блаженный Феодосий». Был он незадолго перед тем у Феодосия и видел его тяжело больным. Тогда, послав и услышав, что и вправду умер Феодосий, горько заплакал о нем князь.

Братья же заперли ворота и никого не впускали, как повелел блаженный, и сидели возле тела его, ожидая, когда разойдутся люди, чтобы тогда и похоронить его, как он сам повелел. И немало бояр пришло и стояло перед воротами. И вот по воле божьей затянуло небо облаками, и пошел дождь. И разошлись люди. И тотчас же перестал дождь, и засияло солнце. И так отнесли Феодосия в пещеру, о которой мы говорили прежде, и положили его, и, запечатав гроб, разошлись, и весь день пребывали без пищи.

Умер же отец наш Феодосий в год 6582 (1074) — месяца мая на третий день, в субботу, как и сам предсказал, после восхода солнечного.

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

Древнерусский текст

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ
АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

В лето 6683. Убыен бысть великий князь Аньдреи Суждальский, сына Дюрдева, внук Володимеря Мономаха месяца июня въ 28-й день на канун святых апостол. День бе тогда субота. Создал же бяшетъ себе город камен, именовъ Боголюбьи, толь далече, якоже Вышегород от Кыева, тако же и Боголюбьи от Володимеря. Сии благоверныи и христолюбивыи князь Аньдреи от млады верьсты Христа возлюбив и пречистую его мать, смысл бо оставив и ум, яко полату красну душу украсив всеми добрыми нравы, уподобися царю Соломану, яко дом господу богу и церковь преславному святыя Богородица рождества посреде города камени создав Боголюбом и удиви ю паче всех церкви; подобна тое святая святых, юже бе Соломон царь премудрыи создал, тако и сии князь благоверныи Андреи и створи церковь сию в память себе и украси ю иконами многоценьными, златом и каменьем драгым, и жемчюгом великим безценьным, и устрой е различными цятами и аспидными цатами украси и всякими узорочьи, удиви ю светлостью же, не како зрети, зане вся церкви бяше золота. И украсив ю и удивив ю сосуды златыми и многоценьными, тако яко и всем приходящим дивитися, и вси бо видивше ю не могутъ сказати изрядныя красоты ея, и златом и финигом, и всякою добродетелью, и церковнымъ строеньемъ украшена и всякими сосуды церковными, и ерусалим златъ с каменьи драгими и репидии многоценьными, канделы различными *извну* церкви от

верха и до долу, и по стенам, и по столпом ковано золотом, и двери же и ободверье церкви золотом же ковано. Бяшетъ же и сень золотомъ украшена от верха и до деисиса и всею добродетелью церковною исполнена, изъмечтана всею хытростью.

Князь же Андреи бе город Володимерь *силенно устроил*, к нему же ворота золотая доспе, а другая серебром учини, и доспе церковь камену сборную святых Богородица, пречюдну велми, и всеми различными видами украси ю от золота и сребра, и 5 верхов ея позолоти, двери же церковныя трое золотом устрои. Камнем дорогымъ и жемчюгом украси ю многоценьным, и всякими узорчьи удиви ю, и многими поникаделы золотыми и серебряными просвети церковь, и онбон от золота и сребра устрои, а служебных *суд* и рипидьи и всего строенья церковнаго золотом и камнемъ драгим и жемчюгом великим велми много, а трие ерусалим велми велиции, иже от золота чиста, от камня многоценьна устрои: и всеми видами и устроеньемъ подобна быста удивлению Соломонове святая святых. И въ Боголюбом, и в Володимере городе верх бо золотомъ устрои и комары позолоти и пояс золотом устрои, камнемъ усвети, и столп позлати, и изовну перкви и по комаром же поткы золоты и кубькы, и ветрила золотом устроена постави, и по всеи церкви и по комаром около.

Посемь же иньи церкви многы камены постави различные и монастыре многы созда, на весь бо церковныи чин и на церковники отверзл бяше бог сердечне очи. Не помрачи ума своего пьянствомъ, и кормитель бяшетъ чернцемъ и черницам, и убогим, и всякому чину яко възлюбленный отецъ бяшетъ, паче же милостынею бяше милостив, слыша господа глаголюща: «Аще створите братьи менынии моеи, то мне створисте», и паки Давид глаголетъ: «Блажен муж милуя и дая весь день, о госпде не поткнется». Мужество и ум в нем

живяше, правда же истина с нимъ ходяста. И иногo добродейния много в нем бяше, и всяк обычаи доброиравен имаяшетъ: в ночь входяшетъ в церковь и свищи вжигивашеть сам и, *видя* образ божии, на иконах написан, взирая, яко на самага творца; и вси святее написаны на иконах видя, смиряя образ свои скрушеномъ сердцем и уздыханье от сердца износя, и слезы от очью испущая, покаянье Давидово принимая, плачяся о грисехъ своих, възлюбив нетленая иаче гленьных и небесная паче временных и царство с святыми у вседержителя бога паче притекущаго сего царства земльного, и всею добродетелью бе украшен, вторый мудрый Соломон бяшетъ же.

И сию добродетель имая: веляшетъ по вся дни возити по городу брашно и питие разноличное болным и нищим на потребу, и, видя всякого нища приходящего к собе просить, подавая им прошенья их, глаголя тако, еда «се есть Христос пришед испытать мене», и тако принимаше всякого приходящего к нему, яко же Христос заповеда, рече: «Аще симъ меньшим створисте братьи моеи, то мне створисте», и то помняше слово в сердци всегда. Темъ достойно от бога победный венець приял еси, княже Андрею, мужеству тезоимените братама благоумныма, святыма страстотервцема въследовал еси, кровью умы вся страдания ти. Аще бо не напасть, то не венець, аще ли не мука, то ни дарове: всякыи бо держася добродетели, не можетъ бо безо многих враг быти. Князь же Андреи, вражное убиство слышав напередо до себе, духом разгореся божественным, и ни во что же вмени, глаголя: «Господа бога моего вседержителя и творца своего възлюблении людье на кресте пригвоздиша, глаголюще: «Кровь его буди на нас и на чадех наших»; и паки глаголющее слово усты святых еуангелист: «Аще кто положить душу свою за друг свои, можетъ мой ученик быти». Сеи же боголюбивии князь не за

друга, но за самого творца, создавшего всяческая от небытия в бытие, душу свою положи, темь в памкть убьеня твоего, стратотерпче княже Андрею, удившася небеснии вои, видяще кровь, пролизаему за Христа, рыдает же множество *правоверных*, зряще отца сирым и кормителя, омрачным звезду светоносну помрачаему; оканенные же убице огнемь крестятся кокечнымь, и зажигаеть всякого греха купину, рекше деянья. Ты же, стратотерпче, молися ко всемогущому богу о племени своемь и о сродницех, и о земле руськой дати миру, мир. Мы же на преднее взвратимся.

Се же бысть в пятницу на *обедни свет* лукавыи пагубоубиистьвенныи. И бе у него Яккм, слуга, възлюблены им. И слыша от некого, аже брата его князь велел казнить, и устремися дьяволимь научениемь и тече, вопия къ братьи своей, к злым светником, якоже Июда к жидом, тсняся угодити отцю своему сотоне, и почаша молвити: «Днесь того казнил, а нас завутра, а промыслимы о князе семь». И свещаша убииство на ночь, якоже Июда на господа.

И пришедши нощи, они же устремившеся, поймавше оружья, поидоша на нь, яко зверье сверьпии, и идущим им к ложници его, и прия е страх и трепет. И бежаша съ сении, шедше в медушу и пиша вино. Сотона же веселяшеть е в медуши и, служа им невидимо, поспевая и крепя е, яко же ся ему обещали бяхуть. И тако упившеся вином, поидоша на сени. Началник же убицам бысть Петр, Кучьков зять, Анбал, ясин ключник, Якимь, *кучьковичи*, а всих неверныхь убице 20 числом, иже ся бяху *спали* на оканьнии свет томь дни у Петра у Кучкова зятя, постигши бо ночи суботнии на память святуго апостола Петра и Павла.

Вземше оружье, яко зверье дивии, пришедшим им к ложници, идеже блаженныи князь Андреи лежить, и рече один стоя у двери: «Господине, господи-

не...» — и князь рече: «Кто *есты*», и он же рече: «Прокопья», и рече князь: «О, паробьче, не Прокопья!» Они же, прискочивше къ дверем, слышавше слово княже, и почаша бити въ двери и силою выломиша двери. Блаженныи же вскочи, хоте взяти мечь, и не бе ту меча, бе бо том дни вынялы Амбал ключник, его то бо мечь бяшеть святого Бориса. И вскочиша два оканья и яетася с нимь, и князь поверже одиного под ся и, мневше князя повержена и уязвиша и свои друг, и по семь, познавша князя, и боряхуся с нимь велми, бяшеть бо силен. И секоша и мечи и саблями, и копиинья язвы даша ему, и рече им: «О, горе вам, нечестивии, что уподобистеся Горясеру? что вы зло учиних? Аще кровь мою прольясте на земле, да бог отомститъ вы и мои хлеб!» Си же нечестивии, мневьша его убиена до конца, и въземше друга своего и несоша вон, трепещущи отидоша. Он же в оторопе вскочив по них, и начат ригати и глаголати, и въ болезни сердца иде под сени. Они же, слышавше глас, возвратишася опять на иь. И стоящим им, и рече один, стоя: «Видих *окномь* князя идуща съ сении доловь». И рекоша: «Глядайте его!» — и текоша позоровати его, оже нетуть, идеже его отошли, убивше. И рекоша тоть: «Есме погибохом! Вборзе ищите его!» И тако възегше свещи, налезоша и по крови.

Князь же, узрев я, идуща к себе, и въздев рuce на небо, помолися богу, глаголя: «Аще, господи, и в семь *осужен* конецъ, приимаю. Аще и много согреших, господи, заповеди твоя не схранив, но ведев, яко милостив еси плачуща видиши и противу течеша, обращаю блуднаго». И въздохнув из глубины сердечныи и прослезися, и помяну вся Йовова, и размышляше въ сердци своемь, и рече: «Господи, аще во время живота моего мало и полно труда и злых дел, но отпушение ми даруй и сподоби мя, господи, недостойнаго

приятн конець сеи, якоже вси святии, тако и толики страсти и различныя смерти на праведники находилы суть и яко святии пророци и апостоли с мученики венчашася, по господе крови своя прольяха и яко и святии священномученици и приподобнии отци и горькыя муки различныя смерти прияша и скрушени быша от дьявола, яко злато в горниле, их же молитвами, господи, избраном твоём стаде с десными овцами причти мя, и яко святии правовернии цари прольяха крови, стражуеще за люди своя, и еще же и господь наш Иисус Христос искупи мира от прельсти дьявола чьстною кровью своею». И тако глаголя тешашеся, пакы же глаголаше: «Господи, призри на немощь мою и вижь смиренье мое, и злую мою печаль, и скорбь мою, одержающую мя ныне! Да уповая терплю о всех сих. Благодарю тя, господи, яко смирил еси душу мою, и в царьствии твоём причастника мя створи! И се ныне, господи, аще и кровь и мою прольють, и причти мя въ лики святых мученик твоих, господи!»

И то ему глаголавшу и молившыюся о гресех своих к богу и сидящу ему за столпом вьсходнымь, и на долзе ищущим его, и узреша и сидяща, яко агня непорочно. И ту оканьни прискочиха и *прикончаше его*, Петр же оття ему руку десную. Князь же възрев на небо и рече: «Господи, в руке твои предаю тебе дух мой» — и тако успе. Убьен же бысть в субботу на ночь, и о свете заутра в неделю, на память 12 апостолу.

Оканьши же оттуда шедше, убиша Прокопья, милостьника его, и оттуда идоша на сени и выимаша золото и камень дорогое, и жемчюг, и всяко узорочье, и до всего любимаго имения, и вьскладаше на милостьные коне, послаша до света прочь. А сами, воземьше на ся оружья княже милостное, почаша совокупити дружину кь себе, ркуче: «Ци жда на нас приедуть дружина Володимиря?» — и скупиша полк, и послаша кь

Володимерю: «Ти что помышляете на нас? А хочем ся с вами коньчати, не кас бо одиных дума, но и о вас суть же в той же думе!» И рекоша володимерьци: «Да кто с вами в думе, то буди вам, а нам не надобе» — и разидошася, и вьлегоша грабит, страшно зрети.

И тече на место Кузмище киянин: «Оли нетуть князя, убиен!» И почаша прошати Кузмище: «Кде есть убит господин?» — и рекоша: «Лежить ти выволочен в огород, но не мози имати его! Тако ти молвят, вси хочемы и выверечи псом! Оже ся кто приметъ по нь, тот нашъ есть ворожьбитъ и того убьем!» И нача плакати над нимъ Кузмище: «Господине мой! Како еси не очютил скверных и нечестивых, пагубоубиственныхъ ворожьбитъ своих, идущих к тебе? Или како ся еси не домыслил победити их, иногда побежая полкы поганых болгар?» — и тако плакася и. И прииде Амбал ключник, ясин родом, тот бо ключь держашеть у всего дому князя и надо всими волю ему дал бяшеть. И рече, възревъ на нь, Кузмище: «Амбале, вороже! Сверзи ковер ли, что ли, что постьлати или чим прекрыти господина нашего». И рече Амбал: «Иди прочь! Мы хочем выверечи псомъ». И рече Кузмище: «О, еретиче! уже псом выверечи! Помнишь ли, жидовине, вь которыхъ порьтехъ пришел бяшеть? Ты ныне в оксамите стоиши, а князь нагъ лежить, но молю ти ся: сверзи ми что любо!» — и сверже ковер и корзно. И, обертев и, и несе и в церковь, и рече: «Отмкнете ми церковь!» — и рекоша: «Порини и ту вь притворе, печаль ти им!» — уже бо пьяни бяхуть. И рече Кузмище: «Уже тебе, господине, поробьци твои тебе не знаютъ; иногда бо аче и гость приходил изь Царягорода, и от *иных* стран, изь русской земли, аче латинин, и до всего христьяньства, и до всее погани, и рече: *введете* и вь церковь и на *полаты*, да видять истинное христьяньство — и крестятся и болгаре, и жидове, и вся погань,

видивше славу божию, и украшение церковное! И те болма плачють по тебе, а сии ни въ церковь не велять вложити!»

И тако положивы и въ притворе у церкви, прикрывы и корьзномъ, и лежа ту 2 дни и ночи. На третии день приде Арьсени, игумен святую Кузмы и Демьяна, и рече и: «Долго нам зревшим на стареишие игумени, и долго сему князю лежати? Отомькните ми церковь, да отпою надъ ним, вложимы и любо си в буди гроб. Да коли престанеть злоба си, да тогда, пришед из Володимеря, и понесуть и тамо». И пришедше клирошани боголюбьскыи, взявше и, внесоша и в церковь, и вложиша и въ гроб камен, отпевше над ним погребальное со игуменомъ Арсенемъ.

Горожане же боголюбьци розграбиша дом князь и делатели, иже бяху пришли к делу, — золото и серебро, порты и наволоки, имение, емуже не бе числа. И много зла створися въ волости его: посадников и тивунов дома пограбиша, а самех и детские его, и мечники избиша, а дома их пограбиша, не ведуще глаголемаго: «Идеже закон, ту и обид много». Грабители же и ись сел приходяче *грабяху*. Тако же и Володимири, оли же поча ходити Микулица со святою Богородицею в ризах по городу, тожь почаша не грабити. Пишетъ апостол Павел: «Всяка душа влаstem повинуется», власти бо от бога учинены суть; естеством бо царь земным подобен есть всякому человеку, властью же сана вышши, яко бог. Рече великий Златоустецъ: «Иже кто противится власти, противится закону божию. Князь же не туне носить мечъ божию, ибо слуга есть».

Мы же на преднее взвратимся.

В 6 день, в пятницу, рекоша володимерце игумену Феодулови и Луце демествянику святое Богородице: «Нарядита носилице, ать поедомъ возьмемъ князя, а господина своего Андрея». А Микулице рекоша: «Сбе-

ри попы, вси, оболоске в ризы, выидете жь перед Серебряная ворота с святою Богородицею — ту князя дождеши». И створи тако *Феодул*, игумен святое Богородице Володимерьской, с крилошаны и с володимерце ехаша по князь во Боголюбое и, взявше тело его, привезоша Володимерю со честию с плачем великим.

И бысть по мале времени, поча выступати стяг от Боголюбого, и людье не могоша ся ни мало удержати, но вси вопьяхуть, от слез же не можаху прозрити, и вопль далече *бьаше* слышати. И поча весь народ плача молвити: «Уже ли Киеву поеха, господине, в ту церковь, теми Золотыми вороты, ихже делат послал бьаше тои церкви на велицемъ дворе на Ярославле, а река: «Хочю создати церковь таку же, ака же ворота си золота — да будетъ память всему отечеству моему!» И тако плакася по немъ весь град и, спрятавше тело его, с честию и с писньми благохвальными положиша его у чудное, хвалы *достойнои*, у святое Богородице златоверхой, юже бе сам создал.

Се бо князь Андрей не вда в животе своемъ телу своему покоя и очима своима дреманья — донеле же обрете дом *истинныи*, приближище всим христьяном: царици небесных чинов и госпожи всея вселенная всякого человека и многими путями ко спасенью приводящи. Яко же апостол учить: «Его же любить господь, того же и казнить, и бьеть же всякого сына, его же приемлеть; аще бо наказанья терпите, яко сыномъ вам обретается богъ». Не постави бо бог прекраснаго солнца на единомъ месте, и доволеюща и *оттуду* и всю вселеную осветяща, но створи ему усток и полдне, и запад. Тако и угодника своего, Андрея князя, не привел его к собе туне, а могущаго таковымъ жьтиемъ и тако душу спасти, но кровью мученьскою умывся пригрешении своих, и со братома своима с Романом и с Давидом единодушно ко Христу богу притече. И в

раистии пици водворяся неизреченью с нима, их же око не виде, ни ухо слыша, ни на сердце человеку възъиде, яже уготова бог любящим его, техъ благодобився видети, в веки радуешися, Андрею княже великыи. Дерзновенье имея ко всемогущему и богатых богатешему на высокихъ седящему богу молися помилovati братью свою, подасть им победу на противные и мирную державу и царство честно и многолетно во вся веки веком. Амин.

Перевод

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ
АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

В год 1175. Убит был великий князь Андрей Суздальский, сын Юрия, внук Владимира Мономаха, июня месяца в 28-й день, в канун праздника святых апостолов. И была тогда суббота. Создал же он себе городок каменный, под названием Боголюбово, столь же далеко Боголюбово от Владимира, как и Вышгород от Киева. Благоверный и христоролюбивый князь Андрей с юных лет Христа возлюбил и пречистую его мать; суетное знание же отринув и рассужденья, и, как хоромы чудесные, душу украсив всеми благими желаньями, уподобился царю Соломону, когда, храм господу богу и церковь преславную Рождества святой богородицы посреди Боголюбова в камне создав, разукрасил ее больше всех церквей: подобна она той Святой Святым, которую царь Соломон премудрый создал; так и этот князь, благоверный Андрей, создал церковь такую на память о себе, и украсил ее драгоценными иконами, золотом и дорогими камнями, и жемчугом крупным бесценным, и снабдил украшениями разными, и украсил плитами из яшмы, и всяким узорным литьем, — блеском осыпав ее так, что больно смотреть, ибо вся она в золоте стала. И украсил ее, и осыпал утварью золотой, драгоценной, всем входящим на удивленье, так, что всякий, видевший это, не может выразить словом невероятной ее красоты; золотом и эмалью, и всякими драгоценностями, и церковным имуществом украшенной, и всякой церковной утварью — золотая дарохранительница с

дорогими каменьями, с опахалами ценными и кадилами разными, и снаружи от верха до пола по стенам и столбам тоже золотом крыто, и двери, и своды у церкви также золотом крыты, и купол златом украшен от верха до Деисуса, и разным церковным добром переполнена, украшена всяким художеством!

Князь Андрей и город Владимир неприступным сделал, к нему он ворота золотые соорудил, а другие — серебром отделал, и создал соборную каменную церковь в честь святой Богородицы, прекрасную очень, и разными украшениями осыпал ее из золота и серебра, и пять куполов ее вызолотил, а все три церковные двери золотом выложил и дорогими каменьями, и жемчугом украсил ее драгоценным, и всяким узорным литьем расцветил, и обильем светильников золотых и серебряных ее осветил, и амвон из золота и серебра поставил, а служебные сосуды и опахала и другие украшения церковные — все золотом и драгоценным камнем, и жемчугом крупным в обилье осыпал. Три же дарохранительницы, очень большие, из чистого золота, из камней драгоценных поставил: и видом своим, и работой до удивленья подобны они Святая Святых Соломона. И в Боголюбове, и в городе Владимире купола золотые поставил, и своды позолотил, и стены внутри камнем по злату осыпал, столбы позлатил, и снаружи ее и по сводам птиц золотых, и кубки, и паруса, из золота литые, поставил по церкви по всей и по сводам кругом.

Но, кроме того, и другие он многие церкви поставил различные в камне, и монастыри он создал, почему на весь церковный чин и на церковников всех и обратил бог свой взор; и не отягчил своей памяти пьянством, и кормильцем был для монахов и монахинь, и нищих, и всякого звания людям он был как любимый отец, но больше всего он милостив был подаянием, слыша голос господень: «Все, что творите вы малым сим, то мне вы творите». А также Давид говорит:

«Блажен помогающий нищим, дающий всегда — от господа он не отступится», сила и разум в нем жили, и верная правда ходила с ним рядом. И прочих достоинств много в нем было, и все привычки его были достойны: ночами входил он в церковь и свечи заправлял сам, и, видя образ божий, на иконах написанный, вглядывался как в самого творца, и изображенья святых на иконах встречая, смирялся духом, сокрушенный сердцем, испуская вздохи из глубины и слезы из глаз испуская, в раскаянье Давиду подражал, оплакивая множество грехов своих, возлюбив бессмертное выше тленного и небесное более, чем кратковременное, и жизнь со святыми у вседержителя бога больше этого царства земного, он всяким достоинством, точно мудрый второй Соломон, был украшен.

И такое достоинство имел: велел каждый день возить по городу еду и питье различное, больным и нищим на пользу, и, видя всякого нищего, к нему приходящего с просьбой, подавал им по прошению их, так говоря, будто «это Христос, пришедший проверить меня», — и так принимал он любого, к нему приходящего, как Христос завещал, сказавший: «Если малым сим сотворите — то мне вы сотворите!» И держал то слово в сердце всегда, потому и достойно от бога смертный венец воспринял ты, княже Андрей, мужеством тезоименный братьям, благоразумным святым страсто-терпцам равный последовал ты, кровью омыв страдания свои. Ибо если бы не беда — не было б венца, если бы не мука — не было бы благодати: всякий, живущий добродетельно, не может быть без множества врагов. Князь же Андрей, о готовящемся злодейском убийстве своем узнав заранее, духом воспламенился священным и ни на что не рассчитывал, говоря: «Господа бога, моего вседержителя и творца своего, избранный народ на кресте пригвоздил, сказав: «Пусть кровь его будет на нас и на детях наших», а также и слово, сказанное устами святых евангелистов: «Если кто по-

ложит душу свою за други своя — может учеником моим быть». Этот же боголюбивый князь не за друга, но за самого творца, возведшего все из небытия в бытие, душу свою положил. Потому-то, узнав об убийстве твоём, страстотерпец княже Андрей, изумились небесные силы, глядя на кровь, за Христа проливаемую; рыдает народ православный, видя отца сирот и кормильца, омраченную тьмою звезду светоносную; а убийцы проклятые огнем окрещаются вечным, что пожигает тернье любого греха, то есть любое деянье. Ты же, страстотерпец, проси всемогущего бога за потомство свое, и за родичей, и за Русскую землю — миру мир даровать.

Мы же к прежнему возвратимся.

Итак, состоялся в пятницу на обедне коварный совет злодеев преступных. И был у князя Яким, слуга, которому он доверял. Узнав от кого-то, что брата его велел князь казнить, возбудился он по дьявольскому наущению и примчался с криками к друзьям своим, злым сообщникам, как когда-то Иуда к евреям, стремясь угодить отцу своему, сатане, и стал говорить: «Сегодня его казнил, а завтра — нас, так промыслим о князе этом!» И задумали убийство в ночь, как Иуда на господа.

Как настала ночь, они, прибежав и схвативши оружие, пошли на князя как дикие звери, но, пока шли они к спальне его, пронзил их и страх, и трепет. И бежали с крыльца, спустясь в погреба, напились вина. Сатана возбуждал их в погребе и, служа им незримо, помогал укрепиться в том, что они обещали ему. И так, упившись вином, взошли они на крыльцо. Главарем же убийц был Петр, зять Кучки, Анбал, яс родом, ключник, да Яким, да Кучковичи — всего числом двадцать зловредных убийц, вошедших в греховный заговор в тот день у Петра, у Кучкова зятя, когда настала субботняя ночь на память святых апостолов Петра и Павла.

Когда, схватив оружие, как звери свирепые приблизились они к спальне, где блаженный князь Андрей возлежал, позвал один, став у дверей: «Господин мой! Господин мой...» И князь отозвался: «Кто здесь?» — тот же сказал: «Прокопий...», но в сомненье князь произнес: «О, малый, не Прокопий...» Те же, подскочив к дверям и поняв, что князь здесь, начали бить в двери и силой выломали их. Блаженный же вскочил, хотел схватить меч, но не было тут меча, ибо в тот день взял его Анбал-ключник, а был его меч мечом святого Бориса. И ворвались двое убийц, и набросились на него, и князь швырнул одного под себя, а другие, решив, что повержен князь, впотьмах поразили своего; но после, разглядев князя, схватились с ним сильно, ибо был он силен. И рубили его мечами и саблями, и раны копьем ему нанесли, и воскликнул он: «О, горе вам, бесчестные, зачем уподобились вы Горясеру? Какое вам зло я нанес? Если кровь мою прольете на земле, пусть бог отомстит вам за мой хлеб!» Бесчестные же эти, решив, что убили его окончательно, взяв раненого своего, понесли его вон и, вздрагивая, ушли. Князь же, внезапно выйдя за ними, начал рыгать и стонать от внутренней боли, пробираясь к крыльцу. Те же, услышав голос, воротились снова к нему. И пока стояли они так, сказал один: «Стоя там, я видел в окно князя, как шел он с крыльца вниз». И воскликнули все: «Ищите его!» — и бросились все взглянуть, нет ли князя там, где, убив его, бросили. И сказали: «Теперь мы погибли! Скорее ищите его!» И так, запалив свечи, отыскиали его по кровавому следу.

Князь же, увидев, что идут к нему, воздев руки к небу, обратился к богу, говоря: «Если, боже, в этом сужден мне конец — принимаю его... Хоть и много я согрешил, господи, заповедей твоих не соблюдая, знаю, что милостив ты, когда видишь плачущего, и навстречу спешешь, направляя заблудшего». И, вздох-

нув от самого сердца, прослезился, и припомнил все беды Иова, и вникнул в душу свою, и сказал: «Господи, хоть при жизни и сотворил я много грехов и недобрых дел, но прости мне их все, удостой меня, грешного, боже, конец мой принять, как святые принимали его, ибо такие страдания и различные смерти выпадали праведникам; и как святые пророки и апостолы с мучениками получили награду, за господу кровь свою проливая; как и святые мученики и преподобные отцы и горькие муки, и разные смерти приняли, и сломлены были дьяволом, и очистились, как золото в горниле. Их же молитвами, господи, к избранному тобой стаду с праведными овцами причти меня, ведь и святые благоверные властители пролили кровь, пострадав за народ свой, как и господь наш Иисус Христос спас мир от соблазна дьявольского священной кровью своею». И, так говоря, ободрялся, и вновь говорил: «Господи! взгляни на слабость мою и смотри на смирение мое, и злую мою печаль, и скорбь мою, охватившую ныне меня! Пусть, уповая, стерплю я все это... Благодарю тебя, господи, что смирил ты душу мою и в царстве твоём сонаследником сделал меня! Вот и ныне, господи, если кровь мою и прольют, то причти меня к лику святых твоих мучеников, господи!»

И пока он так говорил и молился о грехах своих богу, сидя за лестничным столбом, заговорщики долго искали его — и увидели сидящим подобно непорочному агнцу. И тут проклятые подскочили и прикончили его. Петр же отсек ему правую руку. А князь, на небо взглянув, сказал: «Господи, в руки тебе передаю душу мою» — и умер. Убит был с субботы в ночь, на рассвете, под утро уже воскресенья — день памяти двенадцати апостолов.

Проклятые же, возвращаясь оттуда, убили Прокопия, любимца его, оттуда прошли в палаты и забрали золото, и дорогие камни, и жемчуг, и всякие украше-

ния, — все, что дорого было князю. И погрузив на лучших его лошадей, до света еще отослали себе по домам. А сами, схватив заветное княжье оружие, стали собирать воинов, говоря: «Ждать ли, пока пойдет на нас из Владимира дружина?» — и собрали отряд, и послали к Владимиру весть: «Не замышляете ли чего против нас? Хотим мы с вами уладить: ведь не только одни мы задумали так, и среди вас есть наши сообщники». И ответили владимирцы: «Кто ваш сообщник — тот пусть будет с вами, а нам нет нужды» — и разошлись, и ринулись грабить: страшно глядеть!

Прибежал на княжий двор Кузьма-киевлянин: «Уже нету князя: убит!» И стал расспрашивать Кузьма: «Где убит господин?» — и ответили ему: «Вон лежит, вывоточен в сад! Но не смей его брать, все решили бросить его собакам. Если же кто приступит к нему — тот враг нам, уьем и его!» И начал оплакивать князя Кузьма: «Господин мой! Как ты не распознал мерзких и бесчестных врагов своих, идущих тебя убить? И как это ты не сумел победить их, некогда побеждавший полки неверных болгар?» — и так оплакивал он князя. И подошел ключник Анбал, родом яс, управитель всего княжьего дома, надо всеми власть ему дал князь. И сказал, взглянув на него, Кузьма: «Анбал, вражий сын! Дай хоть ковер или что-нибудь, чтобы постлать или чем накрыть господина нашего». И ответил Анбал: «Ступай прочь! Мы хотим бросить его собакам». И сказал Кузьма: «Ах, еретик! уже и собакам бросить! Да помнишь ли ты, жид, в каком платье пришел ты сюда? Теперь стоишь ты в бархате, а князь лежит наг, но прошу тебя честью: сбрось мне что-нибудь!» И сбросил тот ковер и плащ. И, обернув ими тело, понес Кузьма в церковь и сказал: «Отоприте мне церковь!» — и ответили: «Брось его тут, в притворе, что тебе за печаль!» — ибо все уже были пьяны. И подумал Кузьма: «Уже, господин, и холопы твои знать тебя не хотят; бывало, купец приходил из

Царьграда иль из иной стороны, из Русской земли, и католик, и христианин, и язычник любой, и ты говорил: «Введите в церковь его и в палаты, пусть видят истинное христианство!» — и принимали крещение и болгары, и евреи, и любые язычники, увидев славу божью и украшение церковное! И те теперь больше оплачут тебя, а эти и в церковь не дадут положить».

И так положил его в притворе, накрыв плащом, и лежало тут тело два дня и две ночи. На третий день пришел козьмодемьянский игумен Арсений и сказал: «Хотя мы и долго взирали на старших игуменов, но долго ли этому князю лежать так?! Отоприте мне церковь, отпою его, и положим в гроб. А когда уляжется эта смута, то, придя из Владимира, перенесут туда князя». И пришли клирошане боголюбские, взявши, внесли тело в церковь и вложили в каменный гроб, отпев над ним погребальные песни с игуменом Арсением вместе.

Жители же Боголюбова разграбили княжеский дом и строителей, которые сошлись на строительство зданий, — золото, и серебро, и одежды, и ткани, и добро, которому нет числа. И много случилось бед в его области: дома посадников и управителей пограбили, а самих их, и слуг, и стражей убили, дома их пограбили, не ведая сказанного: «Где закон — тут и обид много». Грабители приходили грабить и из деревень. Грабежи начались и в самом Владимире, пока не стал ходить Микула с образом святой Богородицы в ризах по городу — тогда пресеклись грабежи. Пишет апостол Павел: «Всякая душа властям повинуется», ибо власти богом поставлены; природой земной царь подобен любому человеку, но властью сана он выше — как бог. Сказал великий Иоанн Златоуст: «Если кто противится власти — противится закону божьему. Князь не напрасно носит меч — он ведь божий слуга».

Мы же вернемся к прежнему.

На шестой день, в пятницу, сказали владимирцы игумену Феодулу и Луке, начальнику хора в храме святой Богородицы: «Приготовьте носилки, да поедем — возьмем князя и господина своего Андрея». А Микуле сказали: «Собери священников, все, облачась в ризы, выходите за Серебряные ворота с иконой святой богородицы — тут князя дожدهшься». И сделал так Феодул, игумен храма святой Богородицы Владимирской, с клирошанами и с владимирцами поехали за князем в Боголюбово и, взяв тело его, привезли во Владимир с честью и с плачем великим.

И так, через некое время, как стало шествие двигаться из Боголюбова, народ не мог никак удержаться, но все вскричали, от слез же не могли и смотреть, а вопли их издалека было слышно. И начали все люди, рыдая, говорить: «Уже ведь не к Киеву, господин наш, ты поехал! В ту церковь Владимирскую над Золотыми воротами, которую сделать велел подобно той, что стоит на великом дворе Ярославлеве, сказав: «Построю церковь такой золотой же, как и ворота — пусть будет во славу всей моей родине!» И так плакал по нем весь город, и, тело его убрав, с честью и с песнями, хвалящими бога, положили его в дивной, достойной похвал, церкви святой Богородицы златоверхой, которую сам он создал.

Так вот князь Андрей при жизни не дал телу своему покоя и глазам своим сна — пока не обрел настоящего дома, прибежища всех христиан: царица небесных собраний и госпожа всей вселенной всякого человека разным путем ко спасенью приводит. Как учит апостол: «Кого любит бог — того и наказывает, и побивает всякого сына, какого приемлет; ибо коль наказанья претерпите — точно сыном становитесь богу». Ибо бог не поставил прекрасного солнца на месте одном, чтоб оттуда могло освещать всю вселенную, но устроил ему восхождение, зенит и заход. Точно так и слугу своего, князя Андрея, — не взял к себе князя Андрея

безмездно, а дал ему подвигом душу спасти, кровью омыв прегрешенья свои, и с братьей своей, с Романом, с Давыдом, согласно к богу пришел. И, в блаженство рая вселяясь безмолвно с ними, которых око не видит и ухо не слышит (сердцем нельзя осознать, что бог приготовил для верных своих), те блага сподобившись видеть, вечно радуйся ты, Андрей, князь великий. Дерзай всемогущего, из богатейших богатого, на высоких престолах сидящего бога просить, чтоб простил он братий твоих, победу им дал над врагами и мирное царство, правленье почетное и многолетнее, во веки веков — да будет!

СЛОВО О КНЯЗЬЯХ

Древнерусский текст

Слово о князьях

Неделя 18 по всех святых

Слышите князи противящися старейшей братьи и рать
вдвигуще и поганья на свою братию возводяще, не-
обличил ти есть бог на страшнем судищи. Како свя-
тыи Борис и Глеб претерлеста брату своему не токмо
отъятие власти но отъятие живота. Вы же до слова
брату стерпети не можете и за малу обиду вражду
смертоносную вдвигете, помощь приемлете от пога-
ных на свою братию. Неколи чающимъ израильтяном
рати халденскыя на Иерусалим послаша к фараону Егу-
петь помощи просяще да быша халдеи не пленили
Иерусалима. Бог посла пророка къ израильтяном гла-
голя: «Понеже не уповасте на бога сздавшего вы, но
надежу всю возложивше на егуптяны, халдея же от-
вожду от вас но от егуптян пленени будете на них же
уповасте, от тех погыбнути вы велю», якоже и бысть.
Апостолу Павлу глаголющу: «Братия, тако ли не има-
те веры межю собою, и могуща вы родити яко пред
неверныя грядете на суд собе». И еуангелисту Иоан-
ну глаголющу: «Аще кто глаголитъ, яко бога люблю, а
брата своего ненавижу, ложь есть». Сам же господь
рече: «О сем знаютъ вси яко мои есте ученици, аще
любовь имате между собою», познаите князи свое
величество и свою честь. Князя деда иматъ святаго
Володимера, приведше к богу тысяща тысящами и
тъмы тъмами душъ праведных. Каку братию имате
сия великыя чудотворца Бориса и Глеба. Сима по-
ревнуите сею образ имейте, сима накажетесь. Аще ли
сотона коли вражду ввержетъ между братьею да по-
мянеть сею святою како смерть улюбита паче при-

яти, нежели вражду удержати. И то кто претерпеть и мир прежде начнеть то сима от бога равну мзду прииметь. Скажу же вы притчю о сем, не в чуже стране бывшу. Давид Святославич а Святослав Ярославич святого Бориса и Глеба брат, тот Давид ни с кем не имел вражды. Аще кто на нь рать вздвигнет, он же покорением своим рать уставляше, княжаше в Чернигове в большем княженьи, понеже бо старии братьи своеи. Аще кто кривду створяше к нему от братьи он же все на себе притираше. Кому ли крест целоваше, в весь животь свои не ступаше. Аще кто к нему не исправляше целования, он же одинако исправляше, никого приобиде ни зла створи. Братья же его видяще тако суца, вса слушахуть его, яко отца, и покоряются ему, яко господину. В велице тишине бысть княжение его. Егда же изволи бог пояти душу его от тела и болевшу ему недолго, позна епископ Фектист, яко уже князь преставитися хоцеть, повеле пети канун кресту, единою расседся верх теремцю, и вси ужасошася. И влете голубь бел, и седе ему на грудех. И князь душу испусти, голубь же невидим бысть. И наполни храм благыя воня. И несоша князя в Спас святыи долго по вечерке. Пришедши звезда ста над крестом. Оттоле несоша и в церковь Бориса и Глеба созданую от него, звезда же от Спаса преступи над мученическую церковь. Певшу епископу над князем гроб недокончан бысть. Епископу рекшу: «Се уже солнце заходить, заутра похороним и». Всем сидящим над князем, шедьше в церковь поведаша епископу: «Солнце не заходить но во едином месте стоить». Епископ же удивився и похвали бога. Дондеже камень сровнаша и князя вложиша в гроб, тогда солнце заидеть.

Разумеите чядо, како бог прославляет своа угодники и ходящая в повелениях его и сде таковыми чюдесы: аггел явися в голубине образе, благоухание от тела, явися звезда с небеси пришедши, над телом ста,

солнце зайти не смеаше повелением владычным, дондеже в гроб тело святое вложено бысть. Каку славу приемлет на небеси!

Речеть ли кто, яко жены не име, но и дети имелаше. Преподобнии Никола Святоша его сын бе и ина два сына. Или речеть кто, яко дому не име, того ради заповедь господню исправити возможе? Многажды бо слышах некая невегласы глаголюща: «С женою и с чяды своими не можем спастися». Се бо князь не един дом имелаше но многи, князь всеи земли черниговской. Заповедь владычню исправи в сем животе своем, ни с кем вражды име. Постыдитесь враждующи па братию свою и на единоверники своя. Встрепещете, всплачете пред богом паки слазы отпадаете за едино злопомнение. Но не даи же вы господь, се слышавшим отпасти славы с сима страсотерпцема, ею же днесь убиения празднуем, ею же чюдеса пред очима вашима предлежит. Сею прославим и сею взвеличим, сима вспоим. Приди, Давиде, и рци: «Радуитесь, праведнии о господе». Воспой, Соломане: «Праведници в веки живут и от господа мзда их». Се бо сам бог прославляет сею святою, глаголя: «Праведници просветятся яко солнце в славе отца их Иде же буду аз, и ти будут с мною. Где Христос с отцем на престоле и си святая у престола с архаггелы без престани поють песнь аггельскую: «Свят отец, свят сын и пресвятыи дух в единомъ божестве в бесконечныя веки».

Перевод

Слово о князьях

ВОСКРЕСЕНЬЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ
ПОСЛЕ ДНЯ ВСЕХ СВЯТЫХ

Одумайтесь, князья, вы, что старшей братии своей противитесь, рать воздвигаете и поганых на братью свою призываете, — пока не обличил вас бог на Страшном своем суде! Как святые Борис и Глеб претерпели от брата своего старшего не только лишение власти, но и смерть. Вы же и слова единого от брата старшего стерпеть не можете, за малую обиду вражду смертоносную воздвигаете, помощь от поганых принимаете на свою братию. Некогда израильтяне, рати ожидая халдейской на Иерусалим, послали в Египет к фараону просить помощи, чтобы халдеи не попледали Иерусалима. Тогда бог послал пророка к израильтянам и велел сказать им: «За то, что вы не уповали на бога, создавшего вас, но всю надежду возложили на египтян, — халдеев я от вас отведу, но в плен будете взяты египтянами: от тех, на кого уповаете, и погибнете». Так и было. Павел-апостол спрашивает: «Разве нет среди вас, братья, ни одного верного, кто мог бы рассудить вас, что идете вы на суд перед неверными?» А евангелист Иоанн говорит: «Кто скажет, что бога любит, а брата своего ненавидит, — лжец тот». И сам господь говорит: «О том, что вы мои ученики, узнают все, если любовь иметь между собою будете». Познайте, князья, свое величество и честь свою. Князя деда имеете святого Владимира, который к богу привел тысячи тысяч и тьмы тем душ праведных! Вспомните и о том, каких братьев имеете — великих чудотворцев Бориса и Глеба! Им подра-

жайте и следуйте, их примером научитесь! Когда сатана посеет вражду между братьями, помяните этих святых, — как предпочли они лучше смерть принять, чем держать вражду против брата. Кто из вас обиду стерпит и первый мира будет искать, тот равную с ними награду от бога получит. Еще скажу вам притчу о том, что не в чужой земле приключилось. Давыд Святославич, сын Святослава Ярославича, брат святых Бориса и Глеба, — Давыд этот ни к кому не имел вражды. Когда кто рать на него воздвигал, он рать ту покорностью своей умирал. Княжил в Чернигове он, в большом княжении, ибо старший был меж братией своей. Если кто кривду какую ему чинил из братьев, он вину на себя перелагал. Когда крест кому целовал, крепко держал слово. Когда кто нарушал целованье крестное, он и тогда клятвы не преступал, никого не обижал и зла не творил. Братья, видя такое его беззлобие, слушались его, как отца, и покорялись ему, как господину своему. В великой тишине княжил он. Когда же порешил бог взять душу его от тела, епископ Феокист, видя, что князь — недолго он болел — уже преставиться хочет, повелел петь канон кресту, — и вдруг верх терема расселся, и ужаснулись все. Влетел в терем голубь белый, сел князю на грудь. И князь испустил душу, голубь невидим стал. А терем наполнился благоуханием. И после вечерни понесли князя в святой Спас. Появилась звезда и стала над крестом. Когда перенесли князя в построенную им церковь Бориса и Глеба, — звезда перешла от Спаса к церкви мучеников святых. Отпел епископ князя, а гроб ему еще не был готов. Сказал тогда епископ: «Уже солнце заходит, — завтра похороним его». Услышав эти слова, сидящие у князя вышли и, назад вернувшись в церковь, поведали епископу: «Солнце не заходит, но во едином месте стоит». Подивился епископ и восхвалил бога. Когда камень сровняли и положили князя в гроб, — тогда солнце зашло.

Видите, дети мои, как бог и здесь, на земле, прославляет угодников своих, исполняющих повеления его. Такие чудеса творил он: ангел божий в образе голубином явился, терем благоуханием от тела наполнился, явилась звезда, с небес пришедшая, и над телом стала, солнце повелением владыки нашего зайти не посмело, пока не положено было тело святое во гроб. Какую славу получит он на небесах!

Может, кто скажет, что князь Давид жены не имел? Но он и детей имел. Блаженный Никола Святоша был сын его; и еще два сына было у него. Или скажет кто, что дома не имел он, потому заповедь господню и исполнил? Не раз слышал я, как невежи некие говорят: «С женою-де и с детьми своими спастись невозможно». Этот князь не один дом имел, а много — всей земли Черниговской был он князем. А заповедь господню исполнил, в своей жизни земной ни с кем никогда не враждовал он. Постыдитесь же вы, враждующие с братией своей, с единоверцами своими! Вострепещите, восплачьте пред богом, — бог отымет славу за единое злопамятство. Да поможет вам бог и да не отпадете вы, все это слышавшие, от славы, уготованной тем святым братьям, день убиения которых мы нынче поминаем и чудеса которых явны очам нашим. Прославим же их, возвеличим и воспоем хвалу им. Приди, Давид песнотворец, и воспой: «Радуйтесь, праведные, о господе!» Скажи, Соломон: «Праведные живут вечно, и в господе награда их». А вот и сам господь прославляет святых этих, говоря: «Праведники просветятся, как солнце, во славе отца своего. Где я буду, там и они будут со мною». Где Христос с отцом на престоле, там и эти святые с архангелами непрестанно поют у престола песнь ангельскую: «Свят, отец, свят, сын и пресвятой дух во едином божестве, всегда и во веки бесконечные!»

ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ КНЯЗЯ ИГОРЯ

Древнерусский текст

ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ
О ПОХОДЕ КНЯЗЯ ИГОРЯ

ИЗ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В лето 6691, Месяца февраля в 23 в 1-ю неделю поста придоша измалтяне безбожнеи половци на Русь воеват ко Дмитрову с оканьным Кончаком и с Глебом Тириевичемъ, и божьемъ заступлениемъ и не бысть пакости от них. Князь же Святославъ Всеволодичь, сгадав со сватом своим Рюриком, поидоша на половец и сташа у Олжичь, ожидающе Ярослава из Щернигова. И устрете я Ярослав и рече им: «Ныне, братья, не ходите, но срекше веремя, оже дасть бог, на лето поидемъ». Святослав же и Рюрик, послушавша его, возвратишася. Святослав же посла сыны своя с полкы своими *подем* ко Игореву, веля ему ехати в себе место, а Рюрик посла Володимера Глебовича с полкы своими. Володимер же Глебовичь посла ко Игореву, прося у него ездити напереди полком своимъ: князи бо русции *дали* бяхуть наперед ездити в Руской земли. Игорь же не да ему того. Володимеръ же розгневався и возвратися. И отголе идя, иде на северьские города, и взя в них много добыток. Игорь же возвороти киевскийи полки и пристави к ним Олга, сыновца своего Святослава, абы како довести полк цел, а сам еха, поима со собою брата своего Всеволода, и Святославича Всеволода, и Андрея с Романом, и неколко от черного клобука с Кулдюремъ и с Кунтвудемъ, и придоша к реке к Хырии. И бысть тоие ночи тепло и дождь рамян, и умножися вода, и не бысть им куда переехати, а половец, котории утягли переити вежами, спасошася, а котореи не утягли, а тех

взяша; рекоша же, ако в ту рать веже и кони и скоти мнози потопли суть в Хирии, бегающе перед русью... Того же лета бог вложи в сердце Святославу, князю Киевскому и великому князю Рюрикови Ростиславичю ... пойти на половце. И посласта по околние князи, и совкупишася к нима Святослазича Мьстислав и Глебь, и Володимер Глебовичь ис Переяславля, Всеволод Ярославичь из Лучьска с братом Мьстиславом, Романовичь Мьстислав, Изяслав Давыдовичь и Городеньский Мьстислав, Ярослав, князь Пиньский с братом Глебом, из Галича от Ярослава помочь, а своя братья на идоша, рекуще: «Далече ны есть ити в низ Днепра, не можемь своее земле пусты оставити; но еже поидеши на Переяславль, то совокупимся с тобою на Суле». Святослав же, не любуя на свою братью, поиде, поспешая путь свой и поущаемь божиим промыслом, темь старейшии его сынове не утягоша от Черниговьской стороне. Идущю же ему по Днепру, и ста ту, идеже нарецається Инжирь брод, и ту перебродися на ратьную сторону Днепра и 5 дней искаша их. Ту же отряди моложынее князе перед своими полки: отряди же Володимера Переяславьского, и Глеба, и Мстислава, сына своего, и Романовича Мьстислава и Глеба Гюрговича, князя Дубровицьского, и Мьстислава Володимерича и берендеев с нимь было 2100. Половци же, узревше Володимерь полк, крепко идуць на них, и побегоша, гоними гневом божиим и святей Богородице. Оним же, схавшим по них, не постигше, возвратишася русь, и стояша на месте, нарецаемемь Ерель, егоже русь зоветь Угол.

Половецкий же князь Кобяк, мнев толко руси, возвратися и погна во след их. Идушим же им по них, узреша полци рустей, начаша ся стреляти о реку и начаша межи собою перегонити, и бысть им того надолзе. Слышав же Святослав и Рюрик и пустиста им большие полки на помочь, а сама пойдоста за ними поспевающа. Якоже узреша половци помочныя пол-

кы и мнеша ту Святослава и Рюрика, абые поскочиша. Русь же, приимше помощь божию и въвертешася в не, и начаша е сечи и имати. И тако створи господь милость хрестьяном, в тый же день возвеличи бог князя Святослава и Рюрика за веру ею.

И ту яша Кобяка Карлыевича со двеима сынома, Билюковича Изая и Товлья с сыном, и брата его Бокмиша, Осалука, Барака, Тарха, Данила и Сдвака Кулобичкого яша жь, и Корязя Калотановича ту убиша и Тарсука, а инех бещисла. Створи же бог победу сю месяца июля в 30 в понедельник, в память святого Ивана Воиника. Великий же князь Святослав Всеволодичь и Рюрик Ростиславичь приемше от бога на поганья победу и возвратишася восвоися с славою и честью великою.

Того же лета слышав Игорь Святославличь, оже шел Святослав на половце, призва к себе брата своего Всеволода и сыновця Святослава и сына своего Володимера, молвяшеть бо ко братьи и ко всей дружине: «Половци оборотилися противу руским княземь, и мы без них кушаимся на вежах их ударити». Да яко бысть за Мерломь, и сретеса с половци, поехал бо бьяше Обовлы Костуковичь в четырехстех воеват к Руси, и ту абые пустиша к ним кони. Половци же побегоша божьим повеленьемь, и русь погнаша е, и ту победиша е, и возвратишася восвоися.

В то же время Володимер Ярославичь Галичкий, шюрин Игорев, бьяшеть у Игоря, зане выгнан бьяшеть отцемь своим из Галича. То же Володимер приде преже ко Володимеру к Романови. Роман, блюдыся отца его, не да ему опочити у себе. Оттоле же иде ко Иньгварови Дорогобужю, и тот, блюдыся отца его, и не прия его. И он оттоле еха ко Святополку Турову, и тый такоже отпусти его; ко Давыдови Смоленську—Давыд же отпусти, в Суждаль ко Всеволоду, уеви своему, Володимер же Галичкий ни тамо обрете себе покоя, приде к зяти своему Путивлю, ко Игореви

Святославичю. Той же прия с любовью и положи на немь честь велику, и за две лете держа ѿ у себе, и на третье лето введе ѿ в любовь со отцемь его и посла с ним сына своего, зятя Рюрикова, Святослава...

В лето 6692. Пошел бяше оканьный и безбожий и треклятый Кончак со множествомь половець на Русь, похупаяся, яко пленити хотя грады рускые и пожещи огоньмь, бяше бо обрел мужа такового бесурменина, иже стреляше живымь огоньмь. Бяху же и у них луци тузи самострелнии, одва 50 муж можашеть напращи. Но всемилостивый господь бог гордым противиться и светы их раздруши. Пришед бо, ста на Хороле, послал же бяшетъ с лестью ко Ярославу Всеволодичю, мира прося. Ярослав же, не ведь: лести их, посла к ним муж сзой Ольстина *Олексича*. Святослав же Всеволодичь слашетъ к Ярославу, река: «Брате, не ими им веры, ни своего мужа шли, яз на ны поиду». Святослав же Всеволодичь и Рюрик Ростиславичь со всеми своими полкы, не стряпя, поиде противу им. Рюрик же и Святослав отрядиста Володимера Глебовича, врядиша в *навороп*, и Мьстислава Романовича, а сам Рюрик и Святослав поидоста заде их. Едущим же им, и устретоста гости, идущь противу себе ис Половецъ, и поведаша им, яко половци стоять на Хороле. Святослав же и Рюрик то слышавша и рада быста, и поидоста к ним. Володимер же и Мьстислав, слышавше, придоша к месту тому, идеже указаша гостье. Пришедши же на место то, идеже *стояли*, и не видиша никогоже, шли бо бяхуть на ино место възле Хорол. Наворопници же, перешедше Хорол, взиидоша на шоломя, глядающе, кде узрять е. Коньчак же стоял у лузе. Его же, едуще по шоломени, оминуша, иные же *ватаггы* узревше, удариша на них. Кончак же то видив, за не утече черес дорогу, и мьншицю его яша и оного бесурменина яша, у негоже бяшетъ живый огонь. То и того ко Святославу приведоша со устрое-

ным, прочая же воя их — оних избиша, а коне и орудье многое множество и ополонишася.

В лето 6693. Сдея господь спасение свое — дасть победу князема рускыма — Святославу Всеволодичю и великому князю Рюрикови Ростиславичю месяца марта в 1 день. Уведавша же Кончака бежавша, посласта по Немь Кунтугдыя в 6000. Тот же, гнав, самого не обрете, бяшетъ бо тала стопа за Хоролом. Святослав же и великий князь Рюрик победу приемша молитвами *святою* мученику Бориса и Глеба и поидоша кождо восвосяи, славяще бога во троице — отца и сына и святаго духа.

Князь же Ярослав Черниговский не шел бяше с братомъ, со Святославом, молвяшетъ бо тако: «Аз есмь послал к ним мужа своего Ольстина Олексича, а не могу на свой муж поехать», темь отречеса брату своему Святославу. Игорь же молвяшетъ Святославу мужеву: «Не дай бог, на поганые езда, ся отрещи: поганы есть всим нам обьчий ворог!» Потом же гада Игорь с дружиною, куды бы переехать полкы Святославу. Рекоша ему дружина: «Княже, потьскы не можешь перелетети: се приехал к тебе муж от Святослава в четверг, а сам идетъ в неделю ис Киева, то како *можеши*, княже, постигнути?» Игореву же бяшетъ не любо, оже ему тако молвятъ дружина, хоте же ехать полемь перек, возле Сулу. И бяшетъ серен велик, акоже вои не можахуть зреима переити днемь до вечера, темь никуда же не може пути себе налести ехать по Святославе.

Тое же весне князь Святослав посла Романа Нездиловича с берендичи на поганее половеце. Божиею помощью взяша веже половецькеи, много полона и коний, месяца априля в 21, на самый Велик день. Тогда же Святослав князь иде в вятиче х Корачеву орудей дея своих.

В то же время Святославичь Игорь, внук Олгов, поеха из Новагорода месяца априля в 23 день, во вторник, поимяи со собою брата Всеволода ис Трубечка, и

Святослава Олговича, сыновця своего, из Рыльска, и Володимера, сына своего, ис Путивля. И у Ярослава испроси помочь — Ольстина Олексича, Прохорова внука, с коуи черниговьскими. И тако идяхуть тихо, собираюче дружину свою, бяхуть бо и у них кони тучни велми. Идущим же им к Донцю реки в год вечерний, Игорь жь возрев на небо и виде солнце стояще яко месяц. И рече бояром своим и дружине своей: «Видите ли? Что есть знамение се?» Они же узреше и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: «Княже! Се есть не на добро знамение се», Игорь же рече: «Братья и дружино! Тайны божия никтоже не весть, а знамению творець бог и всему миру своему. А нам что створить бог или на добро, или на наше зло, а то же нам видити».

И то рек, перебреле Донець и тако приида ко Осколу, и жда два дни брата своего Всеволода: тот *блше* шел инемь путем ис Курьска. И оттуда поидоша к Салнице. Ту же к нимь и сторожеви приехаша, ихже бяхуть послале языка ловит, и рекоша, приехавше: «Видихомся с ратными, ратници ваши со... доспехом ездять, да или поедете борзо, или *возворотимся* домовь, яко не наше есть веремья». Игорь же рече с братьею своею: «Оже ны будеть не бившиися возворотитися, то сором ны будеть пуще и смерти; но како ны бог дасть». И тако угадавше, и ехаша черес ночь.

Заутра же, пятку наставшу, во обеднее веремья, усретоша полкы половецькие, бяхуть бо до них доспеле — веже свое пустили за ся, а сами собравшеса от мала и до велика, стояхуть на оной стороне реки Сюрлия. И ти изрядиша полков 6: Игорев полк середе, а по праву брата его — Всеволожь, а по леву — Святославль, сыковця его, на переде ему, сын Володимерь и другой полк Ярославль, иже бяху с Ольстином коуеве, а третий полк напереди же — стрелци, иже бяхуть от всих князий выведени. И гако изрядиша полкы своя. И рече Игорь ко братьи своей: «Братья! Се-

го есмы искале, а потягнемь!» И тако поидоша к ним, положаче на бозе упование свое. И яко быша к реце ко Сюрлию, и выехаша ис половецьких полков стрелци и путивше по стреле на русь, и тако поскочиша. Русь же бяхуть не переехале еще реке Сюрлия, поскочиша же и ти *полци* сплы половецькийи, которие же далече реки стояхуть.

Святослав же Олговичь, и Володимерь Игоревичь, и Ольстин с коуи стрелци поткоша по них, а Игорь и Всеволод помалу идяста, не распустяста полку своего. Переднии же ти русь биша е, имаша. Половце же пробегоша веже, и русь же дошедше вежь и ополонишася. Друзии же ночь приехаша к полком с полоном. И яко собращася *полци* вси, и рече Игорь ко братома и к мужемь своим: «Се бог силою своею возложил на врагы наша победу, а на нас честь и слава. Се ясе видихом полки половецькийи, оже мнози суть, ту же ни вся си суть совокупили. Ныне же поедемы черес ночь, а кто ноедеть заутра по нас, то ци вси поедуть, но лучшия коньници переберуться, а самими как ны бог дасть». И рече Святослав Олговичь строема своима: «Далече есмь гонил по половцех, а кони мои не могут, аже ми будеть ныне поехати, то толико ми будеть на дорозе остати». И поможе ему Всеволод, якоже облечи ту. И рече Игорь: «Да не дивно есть разумеющи, братья, умрети». И облегоша ту.

Светаючи же суботе, начаша выступати полци половецькийи, ак борове. Изумешася князи рускийи, кому их которому поехати: бысть бо их бецисленое множество. И рече Игорь: «Се ведаюче собрахом на ся землю всю — Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича, Колобича, и Етебича и Терьтробича». И тако угадавше, вся соседоша с коний, хотяхуть бо бьющеса дойти реки Донця; молвахуть бо, «оже побегнемь — утечемь сами, а черныя люди оставим, то от бога ны будеть грех: сих выдавше, поидемь. Но или умремь, или живи будемь на единомь месте». И та рекше, вси соседо-

ша с коней и поидоша бьючеся. И тако божиим попу-щениемъ уязвиша Игоря в руку и умрвиша шюицу его. И бысть печаль велика в полку его. И воеводу имяхуть — тот напереди язвен бысть. И тако бишася крепко ту днину до *вечера*, и мнози ранени и мертви быша в полках русских.

Наставши же ноци субботнии, и поидоша бьючися. Бысть же светающе неделе, взятошася ковуеве з полку, побегоша. Игорь же бяшетъ в то время на коне, зане ранен бяше, поиде к полку их, хотя возворотити к полком. Уразумев же, яко далече шел есть от людий, и, соимя шолом, погнаше опять к полком, того *деля*, что быша познали князя и возворотилися быша. И тако не *возворотися* никтоже, но токмо ... Михалко Гюрговичь, познав князя, возворотися. Не бяхуть бо добре смялися с ковуи, но мало от простых, или кто от отрок боярьских, добри бо вси бяхуться, идуше пеши, и посреди их Всеволод не мало мужьство *показа*. И яко приближися Игорь к полком своим, и перешаша поперек и ту яща, един перестрел одале от полку своего. Держим же Игорь виде брата своего Всеволода крепко борюася, и проси души своей смерти, яко дабы не видел падения брата своего. Всеволод же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста. И бяху бо ся, идуше в круг при езере.

И тако во день святаго воскресения наведе на ня господь гнев свой, в радости место наведе на ны плачь, и во *веселии* место желю на реце Каялы. Рече бо деи Игорь: «Помянух аз грехы своя пред господомъ богом моим, яко много убийство, кровопролитье створи в земле крестьяньстей, якоже бо аз не пощадех крестьян, но взях на щит город Глебов у Переяславля. Тогда бо не мало зло подяша безвиннии крестьяни: отлучаеми отецъ от рожений своих, брат от брата, друг от друга своего, и жены от подружий своих, и дшери от материй своих, и подруга от подруги своей. И все смятено пленом и скорбью тогда бывшую,

живии мертвым завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святеи, огнемъ от жизни сея искушение приемши. Старце норевахуться, уноты же лютыя и *немилостивыя* раны подяша, мужи же пресекаеми и расекаеми бывають, жены же оскверняеми. И та вся створив аз, — рече Игорь, — не достойно ми бяшетъ жити! И се ныне вижю отместье от господа бога моего: где ныне возлюбленный мой брат? где ныне брата моего сын? где чадо рожения моего? где бояре думающеи? где мужи храборьствующеи? где ряд полчный? где кони и оружья многоценная? Не ото все-го ли того обнажихся! И *связана* преда мя в руки безаконьным темь. Се возда ми господь по безаконию моему и по злобе моей на мя, и снидоша днесь греси мои на главу мою. Истинен господь, и прави суди его зело. Аз же убо не имам со живыми части. Се ныне вижю другая мучения веньца приемлюще; почто аз един повинный не приях страсти за вся си? Но, владыко господи боже мой, не *отрини* мене до конца, но яко воля твоя, господи, тако и милость нам, рабом твоим».

И тогда *кончавшюся* полку, розведени быша, и поиде *кождо* во своя вежа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, муж именовъ Чилбук, а Всеволода, брата его, ял Роман Кзичь, а Святослава Олговича — Елдечюк в Вобурцевичех, а Володимера — Копти в Улашевичих. Тогда же на польчищи Кончак поручися по свата Игоря, зане бяшетъ ранен. От толиких же людий мало их избысть некаком получениимъ, не бяшетъ бо лзе ни бегающим утечи, зане, яко стенами силнами, огорожени бяху полкы половецьскими. *Но наших руси* с 15 муж утекши, а ковуемъ мнее, а прочии в море истопоша.

В то же время великий князь Всеволодичь Святослав шел бяшетъ в Корачев и собирашетъ от Верхних земель вой, хотя ити на половци к Донови на все лето. Яко возворотися Святослав и бысть у Новагорода Северь-

ского, и слыша о братъи своей, оже шли суть на половци, утаившися его, и не любо бысть ему. Святослав же идяше в лодьях, и яко приде к Чернигову, и во т год прибеже Беловолод Просовичь, и поведа Святославу бывшее о половцех. Святослав же, то слышав и вельми воздохнув, утер слез своих и рече: «О, любя моя братья, и сынове и муже земле Руское! Дал ми бог притомити поганья, но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю. Воля господня да будет о всемь! Да како жаль ми бяшетъ на Игоря, тако ныне жалую болми по Игорю, брате моемь».

Посем же Святослав посла сына своего Олга и Володимера в Посемье. То бо слышавше, възмятошася городи посемьские, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемь Посемьи и в Новегороде Северьском и по всей волости Черниговской: князи изымани и дружина изымана и избита. И мятхуться, акы в мутви, городи воставахуть, и не мило бяшетъ тогда кому жло свое ближнее, но мнозе тогда отрекахуся душъ свои, жалующе по князих своих. Посем же посла Святослав ко Давыдови Смоленьску, река: «Рекли бяхом ь поити на половци и летовати на Доне, ныне же половцы се победили Игоря и брата его и с сыном, а поеди, брате, постережи земле Руское». Давыд же приде по Днепру, придоша же ины помочи, и стаха у Треполя, а Ярослав в Чернигове, совокупив вои свои, стояшетъ.

Поганьи же половци, победивше Игоря с братьею, и взяша гордость велику и скупиша всь язык свой на Рускую землю. И бысть у них котора; молвяшетъ бо Кончак: «Поидем на Киевьскую сторону, где суть избита братья наша и великий князь нашъ Бонякъ», а Кза молвяшетъ: «Поидем на Семь, где ся остале жены и ... дети: готов нам полон собран, емлем же городы без опасы». И тако разделишася надвое: Кончак поиде к Переяславлю и оступи город, и бишася ту всь день. Володимер же Глебовичь бяше князь в Переяс-

лавле, бяше же дерз и крепок к рати, выеха из города и потче к ним. И по немь мало дерзьнув дружине. И бися с ними крепко, и обступиша мнозии полове. Тогда прочии, видивше князя своего крепко бьющися, выринушася из города и тако отьяша князя своего, язвена сущи тремя копыи. Сий же добрый Володимер язвен, труден вежа во город свой, и утре мужественаго *поту* своего за очину свою ... Володимер же слашеть кой Святославу и ко Рюрикови и ко Давыдови и рече им: «Се половеци у мене, а помозите ми». Святослав же слашеть ко Давыдови, а Давыд стояшетъ у Треполя со смолняны. Смолняне же почаша вече десяти рекуще: «Мы пошли до Киева, даже бы была рать, билися быхом, нам ли иное рати искати, то не можемь, уже ся есмы изнемогле». Святослав же с Рюриком и со инеми помочьми влегоша во Днепръ противу половецемь, а Давыд возвратися опять со смолняны. То слышавше половци и возвратишася от Переяславя. Идущи же мимо, приступиша к Римови. Римовичи же затворишася в городе и възлезше на забороле, и тако божиим судом летеста две городници с людми тако к ратным. И на прочая гражаны наиде страх, да котореи же гражаке выидоша из града и бяхуться, ходяще по Римьскому болоту, то те и избыша плена, а кто ся остал в городе, а те вси взяти быша. Володимер же слашеться ко Святославу Всеволодкчю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая их к собе, да быша ему помогле. Он же опоздися, скидающе Давыда с смолняны. И тако князе руские опоздишася и не заехаша их. Половци же, взявше город Римов, и ополонишася полоня и поидоша восвояси, князи же возворотишася в домы своя, бяхуть бо печални и со сыном своим Володимером Глебовичем, зане бяшетъ ранен велми язвами смертьными, и хрестьян плененых от поганых.

И се бог, казня ны грех ради наших, наведе на ны поганья, не аки милая их, но нас казня и обращающа ны к

покаянью, да быхом ся востягнули от злых своих дел. И сим казнить ны нахождением поганых, да некли *смирившеса* воспомянемся от злаго пути.

А друзии половце идоша по оной стороне к Путивлю. Кза у ... силах тяжьких и повоевавши волости их и села их пожгоша. Пожгоша же и острог у Путивля и возвратишася восвояси.

Игорь же Святославличь тот год бяшет в Половцех, и глаголаше: «Аз по достоянью моему восприях победу от повеления твоего, владыко господи, а не поганская дерзость обломи силу раб твоих. Не жаль ми есть за свою злобу прияти нужнай вся, ихже есмь приял аз». Половци же, аки стыдящеса воеводства его, и не творяхуть ему, но приставиша к нему сторожов 15 от сынов своих, а господичичев пять, то тех всех 20, но волю ему даяхуть: где хочеть, ту ездяшет и ястрябом ловяшет, а своих слуг с 5 и с 6 с ним ездяшет. Сторожеве же те слушахуть его и чьстяхуть его, и где послашеть кого — бес иря творяхуть повеленое им. Попа же бяшет привель из Руси к себе со святою службою, не ведяшет бо божия промысла, но творяшется тамо и долъго быти. Но избави и господь за молитву хрестьянску, имже мнозе печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него.

Будущю же ему в половцех, тамо ... налезеса мужь, родом половчин, именем Лавор. И тот приим мысль благу и рече: «Поиду с тобою в Русь». Игорь же исперва не имяшет ему веры, но держаше мысль высоко своея уности, мышляшет бо, емше мужь, и бежати в Русь, молвяшет бо: «Аз славы деля не бежах тогда от дружины, и ныне неславным путем не имам пойти». С ним бо бяшет тысяцкого сын и конюший его, и *та* нудяста и глаголюща: «Поиди, княже, в *землю* Рускую, аще *восхоцет* бог — избавить тя». И не угодися ему время таково, какого же искашет. Но якожепреже рекохом, возвратишася от Переяславля половци, и рекоша Игореву думци его: «Мысль высоко

и не угодну господеву имеешь в собе: ты ищещи няти мужа и бежати с ним, а о семь чему не разгадаешь, оже приедуть половци с войны, а се слышахом, оже избити им князя и вас и всю русь. Да не будет славы тебе, ни живота». Князь же Игорь приим во сердце свет их, уполошася приезда их, и возиска бежати.

Не бяшет бо ему лзе бежати в день и в ночь, имже сторожеве стрежахуть его, но токмо и верема таково обрете в заход солнца. И посла Игорь к Лаврови конюшого своего, река ему: «Перееди на ону сторону Тора с конем поводным», бяшет бо свечал с Лавром бежати на Русь. В то же время половци напилися бяхуть кумыза. А и бы при вечере пришед конюший поведа князю своему Игореву, яко ждеть его Лавор. Се же вставъ» ужасен и трепетен, и поклонися образу божию и кресту честному, глаголя: «Господи сердцевидче! Аще спасеши мя, владыко, ты недостойнаго!» И возмя на ся крест и икону, и подоима стену, и лезе вон, сторожем же его играющим и веселящимся, а князя творяхуть спяща. Сий же пришед ко реце, и перербред, и вседе на конь, и тако поидоста сквозе вежа. Се же избавление створи господь в пяток в вечере. И иде пешь 11 ден до города Донця, и оттоле иде во свой Новгород, и обрадовашася ему. Из Новагорода иде ко брату Ярославу к Чернигову, помощи прося на Посемье. Ярослав же обрадовася ему и помощь ему ... обеща. Игорь же оттоле еха ко Киеву, к великому князю Святославу, и рад бысть ему Святослав, также и Юрий, сват его.

Перевод

ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ
О ПОХОДЕ КНЯЗЯ ИГОРЯ

ИЗ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В год 6691 (1183). Месяца февраля в двадцать третий день, в первую неделю поста, измаилтяне, безбожные половцы, пришли войной на Русь, к Дмитрову, с окаянными Кончаком и с Глебом Тириевичем, но по божьему заступничеству не принесли они беды. Князь же Святослав Всеволодич посоветовался со сватом своим Рюриком, и пошли они против половцев и остановились у Олжич, поджидая Ярослава из Чернигова. Встретил их Ярослав и сказал им: «Сейчас, братья, не ходите, но, сговорившись о времени, если бог даст, пойдем на них летом». Святослав же и Рюрик, послушавшись его, возвратились. Святослав послал сыновей своих с полками своими степью к Игорю, велел ему ехать вместо себя, Рюрик же послал со своими полками Владимира Глебовича. А Владимир Глебович послал к Игорю, спрашивая у него разрешения выйти вперед со своим полком, ибо князь русские поручали ему передовые полки в Русской земле. Но Игорь не разрешил ему этого. Разгневался Владимир и возвратился. И идя оттуда, напал на города северские и захватил в них большую добычу. Игорь же повернул назад киевские полки и поставил над ними Олега и племянника своего Святослава, чтобы довели они войско без потерь, а сам поехал, взял с собой брата своего Всеволода и Всеволода Святославича, и Андрея с Романом, и некоторое число воинов из черных клобуков с Кулдюрем и с Кунтудеем, и пришли они к реке Хоролу. И было в ту

ночь тепло, шел сильный дождь, и поднялась вода, и не удалось им найти брода, а половцы, которые успели переправиться со своими шатрами — те спаслись, а какие не успели — тех взяли в плен; говорили, что во время этого похода и бегства их от русских немало шатров, и коней, и скота утонуло в реке Хороле...

В том же году побудил бог Святослава, князя Киевского, и великого князя Рюрика Ростиславича пойти войной на половцев. И послали они к соседним князьям, и собрались к ним Мстислав и Глеб Святославичи, и Владимир Глебович из Переяславля, Всеволод Ярославич из Лучьска с братом Мстиславом, Мстислав Романович, Изяслав Давыдович и Мстислав Городенский, Ярослав, князь Пинский, с братом Глебом, и из Галича пришла помощь от Ярослава, а свои братья не пришли, говоря: «Далеко нам идти к низовьям Днепра, не можем свою землю оставить без защиты, но если пойдешь через Переяславль, то встретимся с тобой на Суле». Святослав же, рассердившись на братьев своих, поспешно отправился в путь, побуждаемый божественным промыслом; потому-то старшие сыновья его и не успели из Черниговщины. Двинулся он вдоль Днепра и достиг того места, которое называется Инжир-бродом, и тут перешел на вражеский берег Днепра и пять дней искал половцев. Тогда отправил младших князей перед своими полками: послал Владимира Переяславского, и Глеба, и Мстислава, сына своего, и Мстислава Романовича, и Глеба Юрьевича, князя дубровицкого, и Мстислава Владимировича, и берендеев было с ним две тысячи сто. А половцы, увидев отряд Владимира, смело идущий им навстречу, побежали, гонимые гневом божьим и святой богородицы. Русские, погнавшись за ними, не догнали, возвратились и остановились на месте, называемом Орель, которое на Руси зовется Угол.

Половецкий же князь Кобяк, решив, что это и есть все русское войско, возвратился и стал преследовать его. Когда половцы, преследуя, увидели полки русские, то начали перестреливаться через реку и старались обойти друг друга, и так продолжалось немалое время. Узнав об этом, Святослав и Рюрик отправили им на помощь основные силы, а сами спешно двинулись следом. Когда же половцы увидели полки, пришедшие на помощь, то решили, что с ними и Святослав и Рюрик, и тотчас же повернули назад. Русские же, укрепившись божьей помощью, прорвали их строй и начали их сечь и пленить. И так проявил господь милость свою христианам, в тот день возвеличил бог Святослава и Рюрика за благочестие их.

И взяли в плен тогда Кобяка Карлыевича с двумя сыновьями, Билюковича Изая, и Товлыя с сыном, и брата его Бокмиша, Осалука, Барака, Тарха, Данила и Содвака Кулобичского также пленили, и Корязя Калотановича тут убили и Тарсука, а прочих — без счета. Даровал бог победу эту месяца июля в тридцатый день, в понедельник, в день памяти святого Ивана Воиника. А великий князь Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич, получив от бога победу над погаными, возвратились по домам со славой и с честью великой.

В это же время Игорь Святославич, услышав, что Святослав отправился на половцев, призвал к себе брата своего Всеволода, и племянника Святослава, и сына своего Владимира и обратился к братии своей и ко всей дружине: «Половцы выступили против русских князей, и мы без них попытаемся напасть на их вежи». И когда переправились за Мерлу, встретились с половцами — ехал Обовлы Костукович с четырьмястами воинами воевать на Русь, и тут помчались им навстречу на конях. Половцы же, по повелению божь-

ему, обратились в бегство, и русские погнались за ними, и победили их тут, и возвратились восвояси.

В это же время Владимир Ярославич Галицкий, шурин Игорев, находился у Игоря, так как был изгнан отцом своим из Галича. Тот Владимир прежде всего отправился во Владимир к Роману, но Роман, боясь его отца, не разрешил ему поселиться у себя. Оттуда направился к Ингварю в Дорогобуж, и тот, из страха перед отцом его, не принял Владимира. И он оттуда поехал в Туров, к Святополку, и тот также не пустил его, к Давыду в Смоленск — и Давыд его не пустил, в Суздаль к Всеволоду, дяде своему. Но и там Владимир Галицкий не обрел покоя и пришел в Путивль, к зятю своему Игорю Святославичу. Тот же встретил его радушно и с честью великою и два года держал у себя, а на третий год примирил его с отцом и послал с ним сына своего, зятя Рюрикова, Святослава...

В год 6692 (1184). Двинулся окаянный и безбожный и трижды проклятый Кончак с бесчисленными полками половецкими на Русь, надеясь захватить и пожечь огнем города русские, ибо нашел он некоего мужа басурманина, который стрелял живым огнем. Были у них и луки-самострелы, едва пятьдесят человек могли натянуть у них тетиву. Но всемилостивый господь бог противится гордецам и козни их разрушает. Кончак же, придя, стал на Хороле и послал с хитростью к Ярославу Всеволодовичу, предлагая ему мир. Ярослав же, не подозревая обмана, направил к половцам мужа своего Ольстина Олексича. А Святослав Всеволодович послал к Ярославу, говоря ему: «Брат мой, не верь им и своего мужа не посылай, я на них войной иду». Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич со всеми полками своими без промедления двинулись на половцев. Рюрик и Святослав отрядили Владимира Глебовича в передовой полк и Мстислава Романовича с ним, а сами Рюрик и Святослав двину-

лись следом за ними. Когда они были в пути, встретились им купцы, шедшие навстречу из Половецкой земли, и сказали, что половцы стоят на Хороле. Святослав и Рюрик, услышав об этом, обрадовались и направились туда. А Владимир и Мстислав, узнав об этом, пришли на место, указанное купцами. Но когда пришли туда, где стояли половцы, то не увидели никого, ибо те перешли на другое место на берегу Хорола. Передовой же полк, переправившись через Хорол, поднялся на холм, чтобы оттуда заметить врага. А Кончак стоял в долине. И ехавшие по холмам миновали его, а другие полки половецкие — увидели и напали на них. Кончак же за их спиной бежал на ту сторону дороги, и лишь наложницу его захватили и того басурманина, у которого был живой огонь. И привели его к Святославу со всем устройством, а прочих воинов их кого перебили, а кого взяли в плен, с конями и со множеством всякого оружия.

В год 6693 (1185). Даровал господь избавление — дал победу русским князьям, Святославу Всеволодовичу и великому князю Рюрику Ростиславичу, месяца марта в первый день. Узнав о бегстве Кончака, послали за ним следом Кунтугдыя с шестью тысячами воинов. Но тот, преследуя, не смог его догнать, ибо помешала распутица за Хоролом. Святослав же и великий князь Рюрик одержали победу по молитвам святых мучеников Бориса и Глеба и пошли каждый восвояси, славя бога в троице — отца и сына и святого духа.

А князь Ярослав Черниговский не пошел с братом своим Святославом, говоря так: «Я послал к половцам мужа своего Ольстина Олексича и не могу пойти войной на своего мужа»; этим и оправдался перед братом своим Святославом. Игорь же отвечал Святославову мужу: «Не дай бог отказаться от похода на поганых: поганые всем нам общий враг!» Потом стал совещаться Игорь с дружиной: каким путем поехать,

чтобы соединиться с полками Святослава. Отвечала ему дружина: «Князь наш, не сможешь ты перелететь как птица: вот приехал к тебе муж от Святослава в четверг, а сам он идет из Киева в воскресенье, то как же ты сможешь, князь, догнать его?» Игорю не по душе пришлись эти слова дружины, хотел он ехать по степи напрямиком, по берегу Сулы. Но была распутица, так что войско за целый день не смогло бы преодолеть и поля от края и до края, поэтому Игорь и не мог выступить со Святославом.

А на ту же весну князь Святослав послал Романа Нездоловича с берендеями на поганых половцев. С божьей помощью захватили вежи половецкие, много пленных и коней, двадцать первого апреля, на самый Великий день. В ту пору князь Святослав отправился по своим каким-то делам в землю вятичей, к Корачеву.

А в это время Игорь Святославич, внук Олегов, выступил из Новгорода месяца апреля в двадцать третий день, во вторник, позвав с собой брата Всеволода из Трубчевска, и Святослава Ольговича, племянника своего, из Рьльска, и Владимира, сына своего, из Путивля. И у Ярослава попросил на помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с ковуями черниговскими. И так двинулись они медленно, на раскормленных конях, собирая войско свое. Когда подходили они к реке Донцу в вечерний час, Игорь, взглянув на небо, увидел, что солнце стоит словно месяц. И сказал боярам своим и дружине своей: «Видите ли? Что значит знамение это?» Они же все посмотрели, и увидели, и понурили головы, и сказали мужи: «Князь наш! Не сулит нам добра это знамение!» Игорь же отвечал: «Братья и дружина! Тайны божественной никто не ведает, а знамение творит бог, как и весь мир свой. А что нам дарует бог — на благо или на горе нам, — это мы увидим».

И, сказав так, переправился через Донец, и пришел к Осколу, и ждал там два дня брата своего Всеволода: тот шел другой дорогой из Курска. И оттуда пришли к Сальнице. Здесь приехали к ним разведчики, которых посылали ловить языка, и сказали, приехав: «Видели врагов, враги ваши во всем вооружении ездят, так что либо поезжайте без промедления, либо возвратимся домой: неудачное сейчас для нас время». Игорь же обратился к братии своей: «Если нам придется без битвы вернуться, то позор нам будет хуже смерти; так будет же так, как нам бог даст». И, так порешив, ехали всю ночь.

Наутро же, в пятницу, в обеденное время, встретились с полками половецкими; успели подготовиться половцы: вежи свои отправили назад, а сами, собравшись от мала до велика, стали на противоположном берегу реки Сьюрлий. А наши построились в шесть полков: Игорев полк посередине, а по правую руку — полк брата его Всеволода, по левую — Святослава, племянника его, перед этими полками — полк сына его Владимира и другой полк, Ярославов, — ковуи с Ольстином, а третий полк впереди — стрелки, собранные от всех князей. И так построили полки свои. И обратился Игорь к братии своей: «Братья! Этого мы искали, так дерзнем же!» И двинулись на половцев, возложив на бога надежды свои. И когда приблизились к реке Сьюрлию, то выехали из половецких полков стрелки и, пустив по стреле на русских, ускакали. Еще не успели русские переправиться через реку Сьюрлий, как обратились в бегство и те половецкие полки, которые стояли поодаль за рекой.

Святослав же Ольгович, и Владимир Игоревич, и Ольстин с ковуями-стрелками бросились их преследовать, а Игорь и Всеволод двигались медленно, держа строй своих полков. Передовые полки русские избивали половцев и хватали пленных. Половцы пробе-

жали через вежи свои, а русские, достигнув веж, захватили там большой полон. Некоторые с захваченными пленниками лишь ночью вернулись к своим полкам. И когда собрались все полки, обратился Игорь к братии своей и к мужам своим: «Вот бог силой своей обрек врагов наших на поражение, а нам даровал честь и славу. Но видим мы бесчисленные полки половецкие — чуть ли не все половцы тут собрались. Так поедем же сейчас, ночью, а кто утром пустится преследовать нас, то разве все смогут: лишь лучшие из половецких конников переправятся, а нам самим — уж как бог даст». Но сказал Святослав Ольгович дядьям своим: «Далеко гнался я за половцами и кони мои изнемогли; если мне сейчас ехать, то отстану по дороге». Согласился с ним Всеволод и предложил заночевать здесь. И сказал Игорь: «Неудивительно, братья, все обдумав, нам и смерть будет принять». И заночевали на том месте.

Когда же занялся рассвет субботнего дня, то начали подходить полки половецкие, словно лес. И не знали князья русские, кому из них против кого ехать — так много было половцев. И сказал Игорь: «Вот думаю, что собрали мы на себя всю землю Половецкую — Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича, Колобича, и Етебича, и Тертробича». И тогда, посоветовавшись, все сошли с коней, решив, сражаясь, дойти до реки Донца, ибо, говорили: «Если поскачем — спасемся сами, а простых людей оставим, а это будет нам перед богом грех: предав их, уйдем. Но либо умрем, либо все вместе живы останемся». И сказав так, сошли с коней и двинулись с боем. Тогда по божьей воле ранили Игоря в руку, и омертвела его левая рука. И опечалились все в полку его: был у них воевода, и ранили его прежде других. И так ожесточенно сражались весь день до вечера, и многие были ранены и убиты в русских полках.

Когда же настала ночь субботняя, все еще шли они сражаясь. На рассвете же в воскресенье вышли из повиновения ковуи и обратились в бегство. Игорь же в это время был на коне, так как был ранен, и поспешил к ним, пытаясь возвратить их к остальным полкам. Но заметив, что слишком отдалился он от своих, сняв шлем, поскакал назад к своему полку, ибо уже узнали (бежавшие) князя и должны были вернуться. Но так никто и не возвратился, только Михалко Юрьевич, узнав князя, вернулся. А с ковуями не бежал никто из бояр, только небольшое число простых воинов да кое-кто из дружинников боярских, а все бояре сражались в пешем строю, и среди них Всеволод, показавший немало мужества. Когда уже приблизился Игорь к своим полкам, половцы, помчавшись ему наперерез, захватили его на расстоянии одного перестрела от воинов его. И уже схваченный, Игорь видел брата своего Всеволода, ожесточенно бьющегося, и молил он у бога смерти, чтобы не увидеть гибели брата своего. Всеволод же так яростно бился, что и оружия ему не хватало. И сражались, обходя вокруг озеро.

И так в день святого воскресения низвел на нас господь гнев свой, вместо радости обрек нас на плач, и вместо веселья — на горе на реке Каялы. Воскликнул тогда, говорят, Игорь: «Вспомнил я о грехах своих перед господом богом моим, что немало убийств и кровопролития совершил на земле христианской: как не пощадил я христиан, а предал разграблению город Глебов у Переяславля. Тогда немало бед испытали безвинные христиане: разлучаемы были отцы с детьми своими, брат с братом, друг с другом своим, жены с мужьями своими, дочери с матерями своими, подруга с подругой своей. И все были в смятении: тогда были полон и скорбь, живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, что они, как святые мученики,

в огне очистились от скверны этой жизни. Старцев пинали, юные страдали от жестоких и немилостивых побоев, мужей убивали и рассекали, женщин оскверняли. И все это сделал я, — воскликнул Игорь, — и не достоин я остаться жить! И вот теперь вижу отмщение от господа бога моего: где ныне возлюбленный мой брат? где ныне брата моего сын? где чадо, мною рожденное? где бояре, советники мои? где мужи-воители? где строй полков? где кони и оружие драгоценное? Не всего ли этого лишен я теперь! И связанного предал меня бог в руки беззаконникам. Это все воздал мне господь за беззакония мои и за жестокость мою, и обрушились содеянные мною грехи на мою же голову. Неподкупен господь, и всегда справедлив суд его. И я не должен разделить участи живых. Но ныне вижу, что другие принимают венец мученичества, так почему же я один виноватый — не претерпел страданий за все это? Но, владыка господи боже мой, не отвергни меня навсегда, но какова будет воля твоя, господи, такова и милость нам, рабам твоим».

И тогда окончилась битва, и разлучены были пленники, и пошли половцы каждый к своим вежам. Игоря же взял в плен муж именем Чилбук из Тарголовцев, а Всеволода, брата его, захватил Роман Кзич, а Святослава Ольговича — Елдечук из Вобурцевичей, а Владимира — Копти из Улашевичей. Тогда же на поле битвы Кончак поручился за свата своего Игоря, ибо тот был ранен. И из стольких людей мало кто смог по счастливой случайности спастись, невозможно было скрыться беглецам — словно крепкими стенами окружены были полками половецкими. Но наших русских мужей пятнадцать убежало, а ковуев и того меньше, а остальные в море утонули.

В это время великий князь Святослав Всеволодович отправился в Карачев и собирал в Верхних землях воинов, намереваясь на все лето идти на половцев к До-

ну. Когда уже на обратном пути оказался Святослав у Новгорода Северского, то услышал о братьях своих, что пошли они втайне от него на половцев, и был он этим очень раздосадован. Святослав в то время плыл в ладьях; когда же прибыл он в Чернигов, прибежал туда Беловод Просович и поведал Святославу о случившемся в Половецкой земле. Святослав, узнав об этом, вздохнул тяжело и сказал, утирая слезы: «О дорогая моя братия, и сыновья, и мужи земли Русской! Даровал мне бог победу над погаными, а вы, не удержав пыла молодости, отворили ворота на Русскую землю. Воля господня да будет во всем! И как я только что досадовал на Игоря, так теперь оплакиваю его, брата своего».

После этого послал Святослав сына своего Олега и Владимира в Посемье. Узнав о случившемся, пришли в смятение города посемские, и охватила их скорбь и печаль великая, какой никогда не бывало во всем Посемье, и в Новгороде-Северском, и во всей земле Черниговской: князья в плену, и дружина пленена или перебита. И метались люди в смятении, в городах брожение началось, и не милы были тогда никому и свои близкие, но многие забывали и о душе своей, печальясь о своих князьях. Затем послал Святослав к Давыду в Смоленск, со словами: «Сговаривались мы пойти на половцев и лето провести на берегах Дона, а теперь половцы победили Игоря, и брата его, и сына; так приезжай же, брат, охранять землю Русскую». Давыд же приплыл по Днепру, пришли и другие на помощь, и расположились у Треполя, а Ярослав с полками своими стоял в Чернигове.

Поганые же половцы, победив Игоря с братией, немало возгордились и собрали всех людей своих, чтобы пойти на Русскую землю. И начался у них спор; говорил Кончак: «Пойдем к Киеву, где была перебита братия наша и великий князь наш Боняк»; а Гза гово-

рил: «Пойдем на Сейм, где остались (их) жены и дети: там для нас готовый полон собран, будем города забирать, никого не опасаясь». И так разделились на двое: Кончак пошел к Переяславлю, и окружил город, и бился там весь день. Владимир же Глебович, князь Переяславля, был храбр и силен в бою, выехал он из города и напал на врагов. И лишь немногие из дружины решились ехать за ним. Жестоко бился он и окружен был множеством половцев. Тогда остальные переяславцы, видя, как мужественно бьется их князь, выскочили из города и выручили князя своего, раненного тремя копьями. А славный воин этот, Владимир, тяжело раненный, въехал в город свой, утер мужественный пот за отчину свою. И послал Владимир к Святославу, и к Рюрику, и к Давыду с просьбой: «Половцы у меня, так помогите же мне». Святослав послал к Давыду, а Давыд стоял у Треполя со смоленцами. Смоленцы же начали совещаться и сказали так: «Мы пришли к Киеву, если бы была там сеча — сражались бы, но зачем нам другой битвы искать, не можем — устали уже». А Святослав с Рюриком и с другими, пришедшими на помощь, пошли по Днепру против половцев, Давыд же возвратился назад со своими смоленцами. Половцы, услышав об этом, отступили от Переяславля. И проходя мимо Римова, осадили его. Римовичи затворились в городе и заполнили все заборолы, и, по воле божьей, рухнули две городницы с людьми на сторону осаждавших. На остальных же горожан напал страх, кто из них выбежал из города и бился в болотах подле Римова, те и спаслись от плена, а кто остался в городе — тех всех пленили. Владимир же посылал к Святославу Всеволодичу и к Рюрику Ростиславичу, призывая их к себе на помощь. Но Святослав задержался, ожидая Давыда со смоленцами. И так опоздали князья русские и не догнали половцев. Половцы же, взяв город Римов,

с полоном отправились восвояси, а князья вернулись по своим домам, печалась о сыне своем Владимире Глебовиче, получившем тяжелые смертельные раны, и о христианах, взятых в полон погаными.

Вот так бог казнит нас за грехи наши, привел на нас поганых не для того, чтобы порадовать их, а нас наказывая и призывая к покаянию, чтобы мы отрешились от своих дурных деяний. И наказывает нас набегами поганых, чтобы мы, смирившись, опомнились и сошли с пагубного своего пути.

А иные половцы двинулись по другой стороне (Сулы) к Путивлю. Гза с большим войском разорил окрестности его и села пожег. Сожгли половцы и острог у Путивля и вернулись восвояси.

Игорь же Святославич в то время находился у половцев, и говорил он постоянно: «Я по делам своим заслужил поражение и по воле твоей, владыка господь мой, а не доблесть поганых сломила силу рабов твоих. Не стою я жалости, ибо за злодеяния свои обрек себя на несчастья, которые я и испытал». Половцы же, словно стыдясь доблести его, не чинили ему никакого зла, но приставили к нему пятнадцать стражей из числа своих соплеменников и пять сыновей людей именитых, и всего их было двадцать, но не ограничивали его свободы: куда хотел, туда ездил и с ястребом охотился, а своих слуг пять или шесть также ездило с ним. Те стражи его слушались и почитали, а если посылал он кого-либо куда-нибудь, то беспрекословно исполняли его желания. И попа привел из Руси к себе с причтом, не зная еще божественного промысла, но рассчитывая, что еще долго там пробудет. Однако избавил его господь по молитвам христиан, ибо многие печалились о нем и проливали слезы.

Когда же был он у половцев, то нашелся там некий муж, родом половчин, по имени Лавр. И пришла тому мысль благая, и сказал он Игорю: «Пойду с тобою в

Русь». Игорь же сначала не поверил ему, к тому же лелеял он дерзкую надежду, как это свойственно юности, замышляя бежать в Русь вместе со своими мужами, и говорил: «Я, страшась бесчестия, не бросил тогда дружину свою, и теперь не могу бежать бесславным путем». С Игорем же были сын тысяцкого и конюший его, и те убеждали князя, говоря: «Беги, князь, в землю Русскую, если будет на то божья воля — спасешься». Но все не находилось удобного времени, какого он ждал. Однако, как говорили мы прежде, возвратились половцы из-под Переяславля, и сказали Игорю советчики его: «Не угоден богу твой дерзкий замысел: ты ищешь случая бежать вместе с мужами своими, а что же об этом не подумаешь: вот приедут половцы из похода, и, как слышали мы, собираются они перебить и тебя, князь, и мужей твоих, и всех русских. И не будет тебе ни славы, ни самой жизни». Запал князю Игорю в сердце совет их; испугавшись возвращения половцев, решил он бежать.

Но нельзя ему было бежать ни днем, ни ночью, потому что стерегли его стражи, но показалось ему самым удобным время на заходе солнца. И послал Игорь к Лавру конюшего своего, веля передать: «Переезжай на тот берег Тора с конем поводным», ибо решился он бежать с Лавром в Русь. Половцы же в это время напились кумыса. Когда стало смеркаться, пришел конюший и доложил князю своему Игорю, что ждет его Лавр. Встал Игорь в страхе и в смятении, поклонился образу божьему и кресту честному, говоря: «Господи, в сердцах читающий. О, если бы ты спас меня, владыка, недостойного!» И, взяв с собой крест и икону, поднял стену шатра и вылез из него, а стражи тем временем забавлялись и веселились, думая, что князь спит. Он же, подойдя к реке, перебрался

на другой берег, сел на коня, и так поехали они с Лавром через вежи.

Принес ему господь избавление это в пятницу вечером.

И шел Игорь пешком до города Донца одиннадцать дней, а оттуда — в свой Новгород, и все обрадовались ему. Из Новгорода отправился он к брату своему Ярославу в Чернигов, прося помочь ему в обороне Посемья. Обрадовался Игорю Ярослав и обещал помощь. Оттуда направился Игорь в Киев, к великому князю Святославу, и рад был Игорю Святослав, а также и Рюрик, сват его.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Древнерусский текст

СЛОВО О ПЛКУ ИГОРЕВЕ, ИГОРЯ,
СЫНА СВЯТСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Не лепо ли ны бяшет, братие,
начяти старыми словесы
трудных повестий о плку Игореве,
Игоря Святславлича?
Начати же ся тѣй песни
по былинамъ сего времени,
а не по замышлению Бояню.
Боян бо вещей,
аще кому хотяше песнь творити,
то растекашется мыслию по древу,
серым влком по земли,
шизым орлом под облакы.
Помняшеть бо, рече,
първых времянь усобице.
Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедей:
которые дотечаше,
та преди песнь пояше —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
иже зареза Редедю пред пълкы касожьскими,
красному Романови Святславличю.
Боян же, братие, не 10 соколовъ
на стадо лебедей пушаше,
н своя вещиа прѣсты
на живая струны вскладаше;
они же сами князем славу рокотаху.
Почнем же, братие, повесть сию
от стараго Владимирера до нынешняго Игоря,
иже истягну умь крепостию своею
и поостри сердца своего мужеством;

наплънився ратнаго духа,
наведе своя храбрѣя плъкы
на землю Половецкую
за землю Руськую.

Тогда Игорь взре
на светлое солнце
и виде от него тьмою
вся своя воя прикрыты.

И рече Игорь
к дружине своей:
«Братие и дружино!
Луце ж бы потяту быти,
неже полонену быти;
а всядем, братие,
на свои брзѣя комони,
да позрим
синего Дону».
Спала князю умь
похоти
и жалость ему знамение заступи
искусити Дону великаго.
«Хошу бо, — рече, — копие приломити
конецъ поля Половецкаго;
с вами, русици, хошу главу свою приложити,
а любо испити шелоомь Дону».

О Бояне, соловию стараго времени!
Абы ты сѣя плъкы ущекотал,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умом под облакы,
свивая слазы оба полы сего времени,
рища в тропу Трояню
чрес поля на горы.

Пети было песнь Игоревѣ,
того внуку:
«Не буря соколы занесе
чрез поля широкая —
галици стады бежать
к Дону великому».

Чи ли вспети было,
вещей Бояне,
Велесовь внуче:
«Комони ржуть за Сулою —
звенить слава в Кыеве;
трубы трубятъ в Новеграде —
стоять стязи в Путивле!»

Игорь ждет мила брата Всеволода.
И рече ему буй тур Всеволод;
«Один брат,
один свет светлый —
ты, Игорю!
оба есве Святславличя!
Седлай, брате,
свои брзѣи комони,
а мои ти готови,
оседлани у Курьска напередѣ.
А мои ти куряни сведоми кмѣти:
под трубами повити,
под шелома възлелеяни,
конецъ копѣя вскрмлени,
пути имь ведоми,
яругы имь знаѣми,
луци у них напряжени,
тули отворени,
сабли изострени;
сами скачють, акы серѣи влци в поле,
ищучи себе чти, а князю славе».

Тогда вступи Игорь князь в злат стрѣмень
и поеха по чистому полю.
Солнце ему тмою путь заступаше;
ночь стонуци ему грозою птичь убуди;
свист зверин вста,
збѣися див —
кличет врху древа,
велит послушати — земли незнаѣме,

Влзе,
и Поморию,
и Посулию,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебе, Тьмутороканьский блванъ!
А половци неготовами дорогами
побегоша к Дону великому:
крычат телеги полунощы,
рци, лебедн распужени.

Игорь к Дону вои ведеть!

Уже бо беды его пасет птиць
по дубию;
влци грозу всрожат
по яругам;
орли клетком на кости звери зовут;
лисици брешут на чрленя щиты.

О Руская земле! уже за шеломянем еси!
Длго ночь мръкнет.
Заря свет запала,
мгла поля покрыла.
Щекот славий успе;
говор галичь убуди.

Русичи великая поля чрылеными щиты прегородиша,
ищучи себе чти, а князю — славы.

С зарания в пяток
потопташа поганяя плъкы половецкыя
и рассушясь стрелами по полю,
помчаша красныя девкы половецкыя,
а с ними злато,
и паволокы,
и драгяя оксамиты.
Орьтмами,
и япончицами,
и кожухы

начашя мосты мостити по болотом
и грязивым местом,
и всякыми узорочьи половецкыми.
Чрылен стяг,
бела хорюговь,
чрылена чолка,
сребрено стружие —
храброму Святславличю!

Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо,
Далече залетело!
Не было оно обиде порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, чрный ворон,
поганый половчине!

Гзак бежит серым влком,
Кончак ему след править к Дону великому.

Другаго дни велми рано
кровавья зори свет поведают;
чрныя тучя с моря идут,
хотят прикрыти 4 солнца,
а в них трепещуть синии млнии,
Быти грому великому,
Итти дождю стрелами с Дону великаго!
Ту ся копием приламатн,
ту ся саблям потручяти
о шеломя половецкыя,
на реце на Каяле,
у Дону великаго!

О Руская земле! уже за шеломянем еси!

Се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами
на храбрыя плкы Игоревы.
Земля тутнет,
рекы мутно текуть,
пороси поля прикрывають,

стязи глаголют:
половци идуть от Дона,
и от моря,
и от всех стран Руския плкы оступиша.
Дети бесови кликом поля прегородиша,
а храбрии русици преградиша чрлеными щиты,

Яр туре Всеволоде!
Стоиши на борони,
прыщещи на вои стрелами,
гремлещи о шеломы мечи харалужными!
Камо, тур, поскочяше,
своим златым шеломом посвечивая,
тамо лежат поганья головы половецкыя.
Поскепаны саблями калеными шеломы
оварьскыя

от тебе, яр туре Всеволоде!
Кая раны дорога, братие, забыв чти и живота,
и града Чрнигова отня злата стола,
и своя милыя хоти, красныя Глебовны
свычая и обычая?

Были вечи Трояни,
минула лета Ярославля;
были плци Олговы,
Ольга Святъславличя.
Тъй бо Олег мечем крамолу коваше
и стрелы по земли сеяше.
Ступает в злат стремень в граде Тьмуторокане,
той же звон слыша давный великий Ярославь,
а сын Всеволожь, Владимир,
по вся утра уши закладаше в Чернигове.
Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе
и на Канину зелену паполому постла
за обиду Олгову,
храбра и млада князя.
С тоя же Каялы Святоплк полелея отца своего
между угорьскими иноходьци
ко святей Софии к Киеву.

Тогда, при Олзе Гориславличи,
сеяшется и растяшетъ усобицами,
погибашеть жизнь Даждьбожа внука;
в княжих крамолах вечи человекомъ скратишась,
Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть,
н часто врани граяхуть,
трупиа себе деляче,
а галици свою речь говоряхуть,
хотять полетети на уедие.

То было в ты рати и в ты плкы,
а сицей рати не слышано!
С зарания до вечера,
с вечера до света
летят стрелы каленыя,
grimлют сабли о шеломы,
трещат копиа харалужныя
в поле незнаеме,
среди земли Половецкыи.
Чрна земля под копыты костьюи была посеяна,
а кровию поляна:
тугою въздоша по Руской земли.

Что ми шумить,
что ми звенить —
далече рано пред зорями?
Игорь плкы заворочаетъ:
жаль бо ему мила брата Всеволода,
Бишася день,
бишася другый;
третьяго дни к полуднию падоша стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не доста;
ту пир докончаша храбрии русичи:
сваты попоиша, а сами полегоша
за землю Рускую.
Ничить трава жалошцами,
а древо с тугою к земли преклонилося.

Уже бо, братие, не веселая година встала,
уже пустыни силу прикрыла.
Встала обида в силах Дажьбожа внука,
вступила девою на землю Трояню,
всплескала лебедиными крылы
на синем море у Дону;
плещучи, упуди жирня времена.
Усобица князем на поганья погыбе,
рекоста бо брат брату:
«Се мое, а то мое же».
И начяша князи про малое
«се великое» мlvити,
а сами на себе крамолу ковати.
А погании с всех стран приходяду с победами
на землю Рускую.

О, далече зайде сокол, птиць бя, — к морю!
А Игорева храбраго плку не кресити!
За ним кликну Карна, и Жля
поскочи по Руской земли,
смагу людем мычючи в пламяне розе.
Жены руския въсплакашась, аркучи:
«Уже нам своих милых лад
ни мыслию смыслити,
ни думою сдумати,
ни очима съглядати,
а злата и сребра ни мало того потрепати».

А встона бо, братие, Киев тугою,
а Чернигов напастьми.
Тоска разлияся по Руской земли;
печаль жирна тече средь земли Рускыи,
А князи сами на себе крамолу коваху,
а погании сами,
победами нарищуще на Рускую землю,
емляху дань по беле от двора.

Тии бо два храбрая Святславлича, —
Игорь и Всеволод —
уже лжу убудиста которою,
то баше успил отец их —
Святславъ грозный великий киевский —
грозою:
башеть притрепал своими сильными плкы
и харалужными мечи,
наступи на землю Половецкую,
притопта хлми и яругы,
взмути реки и озера,
иссуши потоки и болота.
А поганого Кобяка из луку моря,
от железных великих плъков половецких,
яко вихр, выторже:
и падеся Кобяк в граде Кieve,
в гриднице Святславли.
Ту немци и венецици,
ту греци и Морава
поют славу Святславлю,
кають князя Игоря,
иже погрузи жир во дне Каялы — реки половецкыя, —
рускаго злата насыпаша.
Тут Игорь князь выседе из седла злата,
а в седло кощиево.
Уныша бо градом забралы,
а веселие пониче.
А Святслав мутен сон виде
в Кieve на горах.
«Си ночь с вечера одевахуть мя, — рече, —
чрною паполомою
на кровати тисове;
чрпахуть ми синее вино,
с трудом смешено;

сыпахуть ми тщами тулы поганых тльковин
 великий женчюгь на лоно
 и негуют мя.

Уже дьскы без кнеса
 в моем тереме златоврьсем.
 Всю ночь с вечера

бусови врани взгряяху у Плесньска,
 на болони беша дебрь Кияня
 и несошася к синему морю».

И ркоша бояре князю:
 «Уже, княже, туга умь полонила:

се бо два сокола слетеста
 с отня стола злата

поискати града Тьмутороканя,
 а любо испити шеломомь Дону.

Уже соколома крыльца припешали
 поганх саблями,

а самаю опуташа
 в путины железны».

Темно бо бе в 3 день:
 два солнца померкоста,
 оба багряная стлпа погасоста,
 и с нима молодая месяца —
 Олег и Святслав —

тмою ся поволокоста
 и в море погрузиста,
 и великое буйство подаста хинови.

На рене на Каяле тьма свет покрыла —
 по Руской земли прострошася половци,
 акы пардуже гнездо.

Уже снесся хула на хвалу;
 уже тресну нужда на волю;
 уже врѣжеся дивь на землю.

Се бо готьскыя красныя девы
 вспеша на брезе синему морю:
 звоня рускым златом,

поют время Бусово,
 делеют месть Шароканю.

А мы уже, дружина, жадни веселия!

Тогда великий Святслав
 изрони злато слово
 с слезами смешено
 и рече:

«О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!
 Рано еста начала Половецкую землю
 мечи цвелити,
 а себе славы искати.

Н нечестно одолесте,
 нечестно бо кровь поганую пролиясте.

Ваю храбрая сердца
 в жестоцем харалузе скована
 а в буети закалена.

Се ли створисте моей сребреней седине?

А уже не вижду власти
 сильного,
 и богатаго,
 и многовая

брата моего Ярослава,
 с черниговьскими былями,
 с могуты,
 и с татраны,
 и с шельбиры,
 и с топчаки,
 и с ревугы,
 и с ольберы.

Тии бо бес щитовь, с засапожники
 кликом плъкы побеждают,
 звонячи в прадедную славу.

Н рекосте: «Мужаимеся сами:
 преднюю славу сами похитим,
 а заднюю си сами поделим!»

А чи диво ся, братие, стару помолодити?
 Коли сокол в мытех бывает,

высоко птиц взбиваетъ:
не даст гнезда своего в обиду.
Н се зло — княже ми непособие:
наниче ся години обратиша.
Се у Рим кричат под саблями половецкими,
а Володимир под ранами.
Туга и тоска сыну Глебову!»

Великий княже Всеволоде!
Не мыслию ти прелетети издалеча
отня злата стола поблюсти?
Ты бо можеша Волгу веслы раскропити,
а Дон шеломы выльяти!

Аже бы ты был,
то была бы чага по ногате,
а кощей по резане.

Ты бо можеша посуху
живыми шерешеры стреляти —
удалыми сыны Глебовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде!
Не ваю ли вои
злачеными шеломы по крови плаваша?

Не ваю ли храбрая дружина
рыкают, акы тури,
ранены саблями калеными
на поле незнаеме?

Вступита, господина, в злата стремь
за обиду сего времени,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буге Святславлича!

Галичкы Осмомысле Ярославе!
Высоко седиши
на своем златокованнем столе,
подпер горы Угорскыи
своими железными плъки,
заступив королеви путь,

затворив Дунаю ворота,
меча бремени чрез облакы,
суды ряда до Дуная.
Грозы твоя по землям текут,
отворяеша Киеву врата,
стреляеша с отня злата стола
сальтани за землями.
Стреляй, господине, Кончака,
поганого кощей,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буге Святславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе!
Храбрая мысль носит ваш ум на дело.
Высоко плаваеша на дело в буести,
яко сокол на ветрех ширяся,
хотя птицю в буйстве одолети.
Суть бо у ваю железны паворзи
под шеломы латиньскыми.

Теми тресну земля,
и многы страны —
Хинова,
Литва,
Ятвязи,
Деремела,
и половци сулицы своя повргоша,
а главы своя подклониша
под тьи мечи харалужныи.

Н уже, княже Игорю,
утре солнцю свет,
а древо не бологом листвие срони:
по Рси и по Сули гради поделиша.
А Игорева храбраго плку не кресити!
Дон ти, княже, кличетъ
и зоветь князи на победу.
Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань...

Ингварь и Всеволод,
и вси три Мстиславичи,
не худа гнезда шестокрилци!
Не победными жребии
 собе власти расхытисте!
Кое ваши златыи шеломы
 и сулицы ляцкыи
 и щиты?

Загородите полю ворота
своими острыми стрелами
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
 буего Святславлича!

Уже бо Сула не течет сребренными струями
 к граду Переяславлю,
и Двина *болотом* течет
 оним грозным полочаном
 под кликом поганых.

Един же Изяслав, сын Васильков,
позвони своими острыми мечи
 о шеломы литовьскыя,
притрепа славу деду своему Всеславу,
а сам под чрлеными щиты
 на кроваве траве
 притрепан литовьскыми мечи
 и с хотию на кров,
 а тьи рекъ:

«Дружину твою, княже,
птиць крилы приоде,
а звери кровь полизаша».

Не бысть ту брата Брючяслава,
ни другаго — Всеволода,
Един же изрони жемчюжну душу
из храбра тела
чрес злато ожерелие.

Уньли голоси,
понице веселие,
трубы трубят городеньский!

Ярослави вси внуце и Всеслави!
Уже понизите стяжи свои,
вонзите свои мечи верезени.
Уже бо вискочисте из дедней славе.
Вы бо своими крамолами
начясте наводити поганыя
 на землю Рускую,
 на жизнь Всеславию.
Котóрою бо беше насилие
 от земли Половецкыи!

На седьмом веце Трояни
врже Всеслав жребий
 о девиню себе любу.
Тъй клюками подпр ся о кони
и скочи к граду Киеву
и дотчеся стружием
 злата стола киевьскаго.

Скочи от них лютым зверем
 в плночи из Белаграда,
обесися сине мъгле утръже вазни,
с три кусы отвори врата Новуграду,
разшибе славу Ярославу,
скочи влком
 до Немиги с Дудуток.

На Немизе снопы стелют головами,
молотят чеи харалужными,
на тоце живот кладут,
веют душу от тела.
Немизе кровави брезе
 не бологом бяхуть посеяни —
 посеяни костьми руских сынов.

Всеслав князь людем судяше,
князем грады рядяше,
а сам в ночь влком рыскаше:
из Києва дорискаше до кур Тмутороканя,
великому Хрсови влком путь прерыскаше.

Тому в Полотьске позвониша заутренюю рано
у святяга Софей в колоколы,
а он в Киеве звон слыша.

Аще и вещь душа в дрзе теле,
и часто беды страдаше.

Тому вещей Боян

и првое припевку, смысленый, рече:

«Ни хытру,
ни горазду,
ни птицю горазду
суда бо жиа не минути».

О, стонати Руской земли,
помянувшю првую годину
и првых князей!

Того стараго Владимира
нельзе бе пригвоздити к горам киевским:
сего бо ныне сташа стязи Рюриковы,

а друзии — Давидовы,
и розно ся им хоботы пашут.
Копиа поют!

На Дунаи Ярославнын глас ся слышит,
зегзицею незнаема рано кычать:
«Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви,
омочю бибрян рукав в Каяле реце,
утру князю кровавыя его раны
на жестоцем его теле».

Ярославна рано плачеть
в Путивле на забрале, аркучи:
«О ветре, ветрило!

Чему, господине, насильно вееша?
Чему мычеша хиновьскыя стрелкы
на своею нетрудною крилицю
на моя лады вои?»

Мало ли ти бяшет горе под облакы веяти,
лелеючи корабли на сине море?»

Чему, господине, мое веселие
по ковылию развеза?»

Ярославна рано плачеть

Путивлю городу на забороле, аркучи:

«О Днепре Словутицю!

Ты пробил еси каменные горы
сквозе землю Половецкую.

Ты лелеял еси на себе Святослави насады
до плку Кобякова.

Взлелей, господине, мою ладу к мне,
а бых не слала к нему слез
на море рано».

Ярославна рано плачет

в Путивле на забрале, аркучи:

«Светлое и тресветлое солнце!

Всем тепло и красно еси:

чему, господине, простре горячую свою лучю
на ладе вои?»

В поле безводне жажду имь лучи спряже,
тугою им тули затче?»

Прысну море полунощи,

идут сморци мъглами.

Игореви князю бог путь кажет

из земли Половецкой

на землю Рускую,

к отню злату столу.

Погасоша вечеру зори.

Игорь спит,

Игорь бдит,

Игорь мыслию поля мерит

от великаго Дону до малаго Донца.

Комонь в полуночи Овлур свисну за рекою;

велить князю разумети:

князю Игорю не быть!

Кликну,

стукну земля,

вшуме трава,

вежи ся половецкыи подвизашася.

А Игорь князь поскочи
горнастаем к тростию
и белым гоголем на воду.

Ввржесь на брз комонь
и скочи с него бусым влком.
И потече к лугу Донца,
и полете соколом под мъглами,
избивая гуси и лебеди
завтроку,
и обеду,
и ужине.

Коли Игорь соколом полете,
тогда Влур влком потече,
труся собою студеиую росу:
претргоста бо своя брзая комоня.

Донец рече:

«Княже Игорю!

Не мало ти величия,
а Кончаку нелюбия,
а Руской земли веселиа».

Игорь рече:

«О Допче!

Не мало ти величия,
лелеявшу князя на влнах,
стлавшу ему зелену траву
на своих сребренных брезех,
одевавшу его теплыми мглами
под сению зелену древу;
стрержаше его гоголем на воде,
чайцами на струях,
чрънядьми на ветрех».

Не тако ти, рече, река Стugna:
худу струю имея,
пожрши чужи ручьи и стругы,
рострена к устью,
уношу князю Ростиславу затворя.

Днепрь темне березе
плачется мати Ростиславля
по уноши князи Ростиславе.
Уныша цветы жалобую,
и древо с тугою к земли преклонилось.

А не сорокы втроскоташа —
на следу Игореве ездит Гзак с Кончаком.
Тогда врани не граахнуть,
галици помлькоша,
сорокы пе троскоташа,
полозие ползаша только.
Дятлове тектом путь к реце кажут,
соловии веселыми песньми
свет поведают.

Млвит Гзак Кончакови:

«Аже сокол к гнезду летит,
соколича ростреляеве
своими злаченными стрелами».

Рече Кончак ко Гзе:

«Аже сокол к гнезду летит,
а ве соколца опутаеве
красною девицею».

И рече Гзак к Кончакови:

«Аще его опутаеве красною девицею,
ни нама будет сокольца,
ни нама красны девице,
то почнут наю птици бити
в поле Половецком».

Рек Боян и Ходына,

Святславля песнотворца
старого времени Ярославля,
Ольгова коганя хоти:

«Тяжко ти головы кроме плечю,
зло ти телу кроме головы» —
Руской земли без Игоря.

Солнце светится на небесе, —
Игорь князь в Руской земли;
девицы поют на Дунаи, —
вьются голоси чрез море до Киева.
Игорь едет по Боричеву
к святей богородици Пирогощей,
Страны ради, гради весели.

Певше песнь старым князем,
а потом молодым пети:

«Слава Игорю Святславичю,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»

Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны
на поганья плки!

Князем слава а дружине
Аминь

Перевод

ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ,
ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе ИгоревоМ,
Игоря Святславича?

Пусть начнется же песнь эта
по былинам нашего времени,
а не по замыслению Бояна.
Ибо Боян вещей,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.

Вспоминал он, как говорил,
первых времен усобицы.
Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей:
какую лебедь настигали,
та первой и пела песнь —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что зарезал Редедю пред полками касожскими,
красному Роману Святславичу.
Боян же, братья, не десять соколов
на стадо лебедей напускал,
но свои вещие персты
на живые струны воскладал;
они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который скрепил ум силою своею
и поострил сердце свое мужеством;

исполнившись ратного духа,
навел свои храбрые полки
на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул
на светлое солнце
и увидел воинов своих
тьмою прикрытых,
И сказал Игорь-князь
дружине своей:
«О дружина моя и братья!
Лучше ведь убитым быть,
чем плененным быть;
сядем же, братья,
на борзых коней
да посмотрим
синий Дон».

Ум князя уступил желанию,
и охота уведать Дон великий
заслонила ему предзнаменование.
«Хочу, — сказал, — копьё преломить
на границе поля Половецкого;
с вами, русичи, хочу либо голову свою сложить,
либо шлемом испить из Дону».

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы те воспел,
скача, соловей, по мысленному древу,
летая умом по подоблачью,
свивая славу обеих половин сего времени,
рыща по тропе Трояна
через поля на горы.

Так бы пришлось внуку Велеса
воспеть песнь Игорю:
«Не буря соколов занесла
через поля широкие —
стаи галок бегут
к Дону великому».

Или так бы начать тебе петь,
вещий Боян,
Велесов внук:
«Кони ржут за Сулой —
звенит слава в Киеве;
трубы трубят в Новгороде —
стоят стяги в Путивле!»
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему буй тур Всеволод:
«Один брат,
один свет светлый —
ты, Игорь!
Оба мы — Святославичи!
Седлай же, брат,
своих борзых коней,
а мои-то готовы,
еще раньше оседланы у Курска.
А мои-то куряне — опытные воины;
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянута,
колчаны отворены,
сабли изобстрены;
сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало;
ночь стонами грозы птиц пробудила;
свист звериный встал,
взбился див —
кличет на вершине дерева,
велит прислушаться — земле неизвестной,

Волге,
и Поморью,
и Посулью,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебе, Тмутороканский идол!
И половцы непроложенными дорогами
побежали к Дону великому:
кричат телеги их в полүночи,
словно лебеди вспугнутые.

А Игорь к Дону воинов ведет!

Уже несчастий его подстерегают птицы
по дубам;
волки угрозу вздымают
по оврагам;
орлы клетком на кости зверей зовут;
лисицы брешут на червленые щиты,

О Русская земля! уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет.
Заря свет уронила,
мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный уснул,
говор галок пробудился.
Русичи великие поля червлеными щитами перегородили,
ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в пятницу
потоптали они поганые полки половецкие
и, рассеявшись стрелами по полю,
помчали красных девушек половецких,
а с ними золото,
и паволоки,
и дорогие оксамиты.
Покрывалами,
и плащами,
и кожухами

стали мосты мостить по болотам
и по топким местам,
и всякими узорочьями половецкими,
Червлен стяг,
белая хоругвь,
червлена челка,
серебряно древко —
храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо.
Далеко залетело!

Не было оно в обиду порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, черный ворон,
поганый половец!

Гзак бежит серым волком,
а Кончак ему путь указывает к Дону великому.

На другой день спозаранок
кровавые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут,
хотят прикрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому,
пойти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьям изломиться,
тут саблям побиться
о шлемы половецкие
на реке на Каяле,
у Дона великого!

О Русская земля! уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.
Земля гудит,
реки мутно текут,
пыль поля покрывает,

стяги говорят:
половцы идут от Дона,
и от моря,
и со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русичи перегородили червленными щитами.

Ярый тур Всеволод!
Незыблем ты в самой передней обороне,
прыщешь на воинов стрелами,
гремишь о шлемы мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,
своим златым шлемом посвечивая,
там лежат поганые головы половецкие.
Расщеплены саблями калеными шлемы аварские
тобою, ярый тур Всеволод!
Какой раны, братгя, побоится тот, кто забыл есть,
и богатство,
и города Чернигова отцов золотой стол,
и своей милой, желанной прекрасной Глебовны
свычай и обычай?

Были века Трояна,
минули годы Ярославовы;
были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.
Вступал в золотое стремя в граде Тмуторокане,
а звон тот уже слышал давний великий Ярослав,
а сын Всеволода, Владимир,
каждое утро уши закладывал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича похвальба до суда довела
и на Канину зеленое погребальное покрывало
постлала
за обиду Олега,
храброго и молодого князя.

С той же Каялы Святополк полелеял отца своего
между венгерскими иноходцами
ко святой Софии к Киеву.

Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалось и разрасталось усобицами,
погибало достояние Дажьбожьего внука;
в княжеских крамолах жизни людям сокращались.
Тогда по Русской земле редко пахари на лошадей
покрикивали,

но часто вороны граяли,
трупы между собой деля,
а галки по-своему переговаривались,
собираясь полететь на добычу.

То было в те рати и в те походы,
а такой рати не слышано!
С раннего утра до вечера,
с вечера до света
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шлемы,
трещат копья булатные
в поле不知емом,
среди земли Половецкой.

Черная земля под копытами костью была засеяна
и кровью полита:

горем взошли они по Русской земле.

Что мне шумит,

что мне звенит —

издалека рано пред збóрами?

Игорь полки поворачивает,
ибо жаль ему милого брата Всеволода.

Билися день,

билися другой;

на третий день к полудню пали стяги Игоревы.

Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы;
тут кровавого вина не достало;

тут пир dokonчили храбрые русичи:
сватов напоили, а сами полегли
за землю Русскую.

Никнет трава от жалости,
а дерево с горем к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселое время настало,
уже пустыня войско прикрыла.
Встала обида в войсках Дажьбожа внука,
вступила девою на землю Трояню,
всплескала лебедиными крыльями
на синем море у Дона;
плескаясь, прогнала времена обилия.
Борьба князей против поганых прервалась,
ибо сказали брат брату:

«Это мое, и то мое же».

И стали князья про малое
«это великое» молвить
и сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех сторон приходили с победами
на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц побивая, — к
морю!
А Игорева храброго полка не воскресить!
По нем кликнула Карна, и Желя
поскакала по Русской земле,
горе людям мыкая в пламенном роге.
Жены русские восплакались, приговаривая:
«Уже нам своих милых лад
ни мыслию не смыслить,
ни думою не сдумать,
ни глазами не повидать,
а злата и сребра совсем не поглядить».

И застонал, братья, Киев от горя,
а Чернигов от напастей.
Тоска разлилась по Русской земле;

печаль обильная потекла посреди земли Русской.
А князи сами на себя крамолу ковали,
а поганые,
с победами нарыскивая на Русскую землю,
сами брали дань по белке от двора.

Ибо те два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
уже коварство пробудили раздором,
а его усыпил было отец их —
Святослав грозный великий киевский —
грозою:

прибил своими сильными полками
и булатными мечами,
наступил на землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота.
А поганого Кобяка от лукоморья,
из железных великих полков половецких,
как вихрь, исторг:
и пал Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святославовой.

Тут немцы и венецианцы,
тут греки и чехи
поют славу Святославу,
корят князя Игоря,
потопившего богатство на дне Каялы — реки
половецкой, —
просыпав русского золота.

Тут Игорь-князь пересел из седла золотого
в седло рабское.
Приуньили у городов забрали,
а веселие поникло.

Святослав смутный сон видел
в Киеве на горах.
«Этой ночью с вечера одевали меня, — говорит, —

черным покрывалом
на кровати тисовой;
черпали мне синее вино,
с горем смешанное;
сыпали мне из пустых колчанов поганых иноземцев
крупный жемчуг на грудь
и нежили меня.
Уже доски без князька
в моем тереме златоверхом.
Всю ночь с вечера
серые вороны граяли у Плесеньска,
в предградье стоял лес Кияни,
и понеслись они, вороны, к синему морю».
И сказали бояре князю:
«Уже, князь, горе ум полонило;
это ведь два сокола слетели
с отчего престола золотого
добыть города Тмутороканя
или испить шлемом Дона.
Уже соколам крыльца подсекли
сабли поганых,
а самих опутали
в пугы железные».

Темно было в третий день:
два солнца померкли,
оба багряные столпа погасли,
и с ними два молодых месяца —
Олег и Святослав —
тьмою заволоклись
и в море погрузились,
и великую смелость возбудили в хиновах.
На реке на Каяле тьма свет покрыла —
по Русской земле простерлись половцы,
точно выводок гепардов.
Уже пал позор на славу;
уже ударило насилие на свободу;
уже бросился див на землю.

И вот готские красные девы
запели на берегу синего моря:
звеня русским золотом,
воспевают время Бусово,
лелеют месть за Шарукана.
А мы уже, дружина, остались без веселья!
Тогда великий Святослав
изронил золотое слово,
со слезами смешанное,
и сказал:
«О мои дети, Игорь и Всеволод!
Рано начали вы Половецкой земле
мечами обиду творить,
а себе славы искать.
Но без чести для себя вы одолели,
без чести для себя кровь поганую пролили.
Ваши храбрые сердца
из крепкого булата скованы
и в смелости закалены.
Это ли сотворили вы моей серебряной седине?
А я не вижу уже могущества
сильного,
и богатого,
и обильного воинами
брата моего Ярослава,
с черниговскими боярами,
с воеводами,
и с татра́нами,
и с шельб́ирами,
и с топчакáми,
и с реву́гами,
и с ольб́ерами.
Те ведь без щитов, с засапожными ножами
кликem полки побеждают,
звоня в прадедовскую славу.
Но сказали вы: «Помужествуем сами:
прошлую славу себе похитим,

а будущую сами поделим!»
 А разве дивно, братья, старому помолодеть?
 Когда сокол в линьке бывает,
 высоко птиц взбивает:
 не дает гнезда своего в обиду.
 Но вот зло — князя мне не пособляют:
 худо времена обернулись.
 Вот у Римова кричат под саблями половецкими,
 и Владимир под ранами.
 Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод!
 Неужели и мыслию тебе не прилететь издалека
 отчий златой стол поблюсти?
 Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать,
 а Дон шлемами вылить!
 Если бы ты был здесь,
 то была бы раба по ногате,
 а раб по резане.
 Ты ведь можешь посуху
 живыми копьями стрелять —
 удалыми сыновьями Глебовыми.

Ты, буйный Рюрик, и Давыд!
 Не ваши ли воины
 золочеными шлемами в крови плавали?
 Не ваша ли храбрая дружина
 рыкают, как туры,
 ранены саблями калеными
 на поле незнаемом?
 Вступите же, господа, в золотые стремяна
 за обиду сего времени,
 за землю Русскую,
 за раны Игоревы,
 буйного Святославича!
 Галицкий Осмомысл Ярослав!
 Высоко сидишь ты
 на своем златокованом престоле,

подпер горы Венгерские
 своими железными полками,
 заступив королю путь,
 затворив Дунаю ворота,
 меча бремена через облака,
 суды ряда до Дуная.
 Грозы твои по землям текут,
 отворяешь Киеву ворота,
 стреляешь с отчего золотого престола
 салтанов за землями.
 Стреляй же, господин, в Кончака,
 поганого раба,
 за землю Русскую,
 за раны Игоревы,
 буйного Святославича!

А ты, буйный Роман, и Мстислав!
 Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг.
 Высоко взмываешь на подвиг в отваге,
 как сокол на ветрах паря,
 стремясь птицу отважно одолеть.
 Есть ведь у вас железные паворзи
 под шлемами латинскими.
 От них дрогнула земля,
 и многие страны —
 Хинова,
 Литва,
 Ятвяги,
 Деремела,
 и половцы копьа свои повергли,
 а головы свои подклонили
 под те мечи булатные.
 Но уже, о князь Игорь,
 померк солнца свет,
 а дерево не к добру листву обронило:
 по Рóси и по Сулэ города расхватили.

А Игорева храброго полка уже не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет
и зовет князей на победу.

Ольговичи, храбрые князья, подоспели на брань...

Ингварь и Всеволод,
и все три Мстиславича,
не худого гнезда соколы!
Не по праву побед
расхитили вы себе владения!

Где же ваши золотые шлемы
и копья польские
и щиты?

Загородите полю ворота
своими острыми стрелами
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

Уже Сула не течет серебряными струями
для города Переяславля,
и Двина болотом течет
для тех грозных полочан
под кликом поганых.

Один только Изяслав, сын Васильков,
позвенел своими острыми мечами
о шлемы литовские,
прибил славу деда своего Всеслава,
а сам под червлеными щитами
на кровавой траве
был прибит литовскими мечами
на кровь со своим любимцем,
а тот и изрек:

«Дружину твою, князь,
крылья птиц приодели,
а звери кровь полизали».

Не было тут брата Брячислава,
ни другого — Всеволода.

Так в одиночестве изронил он жемчужную душу
из храброго тела
через золотое ожерелье.

Приуныли голоса,
поникло веселие,
трубы трубят городенские!

Ярослава все внуки и Всеслава!
Склоните стяги свои,
вложите в ножны свои мечи поврежденные,
ибо лишились вы славы дедов.

Вы ведь своими крамолами
начали наводить поганых
на землю Русскую,
на богатства Всеслава.

Из-за усобицы ведь настало насилие
от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна
кинул Всеслав жребий
о девице ему милой.

Он хитростями оперся на коней
и скакнул к городу Киеву
и коснулся древком

золотого престола киевского.

Скакнул от них лютым зверем
в полночь из Белгорода,
объятый синей мглой, добыл он счастье,
в три попытки отворил ворота Новгорода,
расшиб славу Ярославу,
скакнул волком

до Немиги с Дудуток.

На Немиге снопы стелют головами,
молотят цепами булатными,
на току жизнь кладут,
веют душу от тела.

У Немиги кровавые берега
не добром были посеяны —
посеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил,
 князьям города рядил,
 а сам в ночи волком рыскал:
 из Киева дорыскивал до петухов Тмутороканя,
 великому Хорсу волком путь перерыскивал.
 Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано
 у святой Софии в колокола,
 а он в Киеве звон тот слышал.
 Хоть и вещая душа у него в храбром теле,
 но часто от бед страдал.
 Ему вещий Боян
 давно припевку, разумный, сказал:
 «Ни хитрому,
 ни умелому,
 ни птице умелой
 суда божьего не миновать».

О, стонать Русской земле,
 вспоминая первые времена
 и первых князей!
 Того старого Владимира
 нельзя было пригвоздить к горам киевским:
 теперь же встали стяги Рюриковы,
 а другие — Давыдовы,
 но врозь у них полотнища развеваются,
 Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос слышится,
 кукушкою безвестною рано кукует;
 «Полечу, — говорит, — кукушкою по Дунаю,
 омочу шелковый рукав в Каяле-реке,
 утру князю кровавые его раны
 на могучем его теле».

Ярославна рано плачет
 в Путивле на забрале, приговаривая:
 «О ветер, ветрило!
 Зачем, господин, веешь ты навстречу?
 Зачем мчишь хиновские стрелочки

на своих легких крыльницах
 на воинов моего милого?
 Разве мало тебе было под облаками веять,
 лелея корабли на синем море?
 Зачем, господин, мое веселье
 по ковылю ты развеял?»

Ярославна рано плачет
 в Путивле-городе на забрале, приговаривая:
 «О Днепр Словутич!
 Ты пробил каменные горы
 сквозь землю Половецкую.
 Ты лелеял на себе Святославовы насады
 до стана Кобякова.
 Прилелей же, господин, моего милого ко мне,
 чтобы не слала я к нему слез
 на море рано».

Ярославна рано плачет
 в Путивле на забрале, приговаривая:
 «Светлое и трижды светлое солнце!
 Всем ты тепло и прекрасно:
 зачем, владыко, простерло ты горячие свои лучи
 на воинов моего лады?
 В поле безводном жаждою им луки скрутило,
 горем им колчаны заткнуло?»

Приснуло море в полуночи,
 идут смерчи тучами.
 Игорю-князю бог путь указывает
 из земли Половецкой
 в землю Русскую,
 к отчему золотому столу.

Погасли вечером зори.
 Игорь спит,
 Игорь бдит,
 Игорь мыслью поля мерит
 от великого Дона до малого Донца.

Коня в полночь Овлур свистнул за рекою;
 велит князю разуметь:
 князю Игорю не быть в плену!
 Кликнула,
 стукнула земля,
 зашумела трава,
 вежи половецкие заколыхались.
 А Игорь-князь поскакал
 горностаем к тростнику
 и белым гоголем на воду.
 Вскочил на борзого коня
 и соскочил с него серым волком.
 И побежал к излучине Донца,
 и полетел соколом под облаками,
 избивая гусей и лебедей
 к завтраку,
 и обеду,
 и ужину.
 Коли Игорь соколом полетел,
 тогда Овлур волком побежал,
 стряхивая собою студеную росу:
 оба ведь надорвали своих борзых коней.

Донец говорит:
 «О князь Игорь!
 Немало тебе величия,
 а Кончаку нелюбия,
 а Русской земле веселия».
 Игорь говорит:
 «О Донец!
 Немало тебе величия,
 лелеяв князя на волнах,
 постлав ему зеленую траву
 на своих серебряных берегах,
 одевая его теплыми туманами
 под сенью зеленого дерева;
 ты стерег его гоголем на воде,

чайками на струях,
 чернядями на ветрах».
 Не такова-то, говорит он, река Стугна:
 скудную струю имея,
 поглотив чужие ручьи и потоки,
 расширенная к устью,
 юношу князя Ростислава заключила.
 На темном берегу Днепра
 плачет мать Ростислава
 по юноше князе Ростиславе.
 Уныли цветы от жалости,
 и дерево с тоской к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали —
 по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.
 Тогда вороны не граяли,
 галки примолкли,
 сороки не стрекотали,
 только полозы ползали.
 Дятлы стуком путь кажут к реке
 да соловьи веселыми песнями
 рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку:
 «Если сокол к гнезду летит,
 расстреляем соколенка
 своими золочеными стрелами».
 Говорит Кончак Гзаку:
 «Если сокол к гнезду летит,
 то опутаем мы соколенка
 красною девицей».

И сказал Гзак Кончаку:
 «Если его опутаем красной девицей,
 не будет у нас ни соколенка,
 ни красной девицы,
 и станут нас птицы бить
 в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына,
Святославовы песнотворцы
старого времени Ярослава,
Олега-князя любимцы:

«Тяжко голове без плеч,
беда телу без головы» —
так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе,
а Игорь-князь в Русской земле;
девицы поют на Дунае, —
вывают голоса их через море до Киева.
Игорь едет по Боричеву
ко святой богородице Пирогошей.
Села рады, грады веселы.

Спевши песнь старым князьям,
потом и молодым петь:

«Слава Игорю Святославичу,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»

Здравы будьте, князья и дружина,
борясь за христиан
против нашествий поганых!

Князьям слава и дружине!
Аминь.

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

Древнерусский текст

СЛОВО ДАНИЛА ЗАТОЧЕНИКА, ЕЖЕ НАПИСА
СВОЕМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВОЛОДИМЕРОВИЧЮ

Вструбим, яко во златокванья трубы, в разум ума своего и начнем бити в сребренья органы возвитие мудрости своеа. Встани слава моя, встани в псалтыри и в гуслех. Востану рано, исповем ти ся. Да разверзу в притчах гадания моя и провещаю в языцех славу мою. Сердце бо смысленаго укрепляется в телеси его красотою и мудростию.

Бысть язык мой трость книжника скорописца, и уветлива уста, аки речная быстрость. Сего ради покушахся написати всяк суз сердца моего и разбих зле, аки древняя младенца о камень.

Но боюся, господине, похулениа твоего на мя.

Аз бо есмь, аки она смоковница проклятая: не имею плода покаянию; имею бо сердце, аки лице без очию; и бысть ум мой, аки нощный вран на нырици, забдех; и расыпаса живот мой, аки ханаонский царь буетистию; и покрыи мя нищета, аки Чермное море фараона.

Се же бе написах, бежа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры госпожа своеа.

Но видих, господине, твое добросердие к себе и притекох к обычней твоеи любви. Глаголеть бо в Писании: просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишен будеши царствия небеснаго; писано бо есть: возверзи на господа печаль свою, и той тя препитаеть в веки.

Аз бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застении, на ню же ни солнце сияеть, ни дождь идет; тако и аз всем обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоеа, яко плодом твердым.

Но не взри на мя, господине, аки волк на ягня, но зри на мя, аки мати на младенец. Возри на птица небесныя, яко тии ни орють, ни сеют, но уповають на милость божиго; тако и мы, господине, жалаем милости твоея.

Зане, господине, кому Боголюбиво, а мне горе лютое; кому Бело озеро, а мне чернеи смоль; кому Лаче озеро, а мне на нем седя плачь горкии; и кому ти есть Новгород, а мне и углы опадали, зане не процвите часть моя.

Друзи же мои и ближнии мои и тии отвргошася мене, зане не поставих пред ними трепезы многообразных брашен. Мнози бо дружатся со мною, погнетающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обретаются и паки помагающе подразити нози мои; очима бо плачутся со мною, а сердцем смеют ми ся. Тем же не ими другу веры, ни надеися на брата.

Не лгал бо ми Ростислав князь: лепше бы ми смерть, ниже Курское княжение; тако же и мужеви: лепше смерть, ниже продолжен живот в нищети. Яко же бо Соломон рече: ни богатства ми, ни убожества, господи, не даи же ми: аще ли буду богат — гордость восприиму, аще ли буду убог — помышляю на татбу и на разбой, а жены на блядню.

Тем же вопию к тебе, одержим нищетою: помилуй мя, сыне великаго царя Владимирера, да не восплачюся рыдая, аки Адам рая; пусти тучю на землю художества моего.

Зане, господине, богат муж везде знаем есть и на чужеи стране друзи держать; а убог во своей ненавидим ходить. Богат възглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облак; а убогии възглаголеть — вси на нь кликнуть. Их же ризы светлы, тех речь честна.

Княже мои, господине! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимаго ястреба, яко овца от уст лвов.

Аз бо есмь, княже, аки древо при пути: мнозии бо посещают его и на огонь мечють; тако и аз всем обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоеа.

Яко же бо олово гинеть часто разливаемо, тако и человек, приемля многия беды. Никто же может соли зобати, ни у печали смыслити; всяк бо человек хитрить и мудрить о чужеи беди, а о своей не может смыслити. Злато скрушается огнем, а человек напастыми; пшеница бо много мучима чист хлеб являет, а в печали обретаеть человек ум свръшен. Молеве, княжи, ризы едят, а печаль человека; печалну бо мужу насыщють кости.

Аще кто в печали человека призрит, как студеною водою напоить во зноинныи день. Птица бо радуется весни, а младенець матери; весна украшает цветы землю, а ты оживляеши вся человеки милостию своею, сироты и вдовици, от велможь погружаемы.

Княже мои, господине! Яви ми зрак лица своего, яко глас твои сладок и образ твои красень; мед истачают устне твои, и послание твое аки рай с плодом.

Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлеб ядуша; или пиеши сладкое питие, а мене гюмяни, теплу воду пиюща от места незаветрена; егда лежиши на мякких постелях под собольими одеялы, а мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевыми аки стрелами сердце пронизающе.

Да не будет, княже мои, господине, рука твоа согбена на подание убогих: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманием твоего дому истощити. Яко же бо невод не удержит воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не удержи злата, ни сребра, но раздаваи людем.

Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являет; тако и ты, княже, многими людми честен и славен по всем странам. Яко же бо похвалися Езекии

царь послом царя Вавилонскаго и показа им множество золота и серебра; они же реша: нашъ царь богатеи тебе не множеством золота, но множеством воя; зане мужи золота добудуть, а золотом мужей не добыти. Яко же рече Святослав князь, сын Ольжин, ида на Царьград с малою дружиною, и рече: братиа! нам ли от града погинути, или граду от нас пленену быти? Яко же бог повелитъ, тако будетъ: поженет бо един сто, а от ста двинется тма. Надеаяся на господа, яко гора Сион не подвижится в веки.

Дивиа за буйном кони паствити, тако и за добрым князем воевати. Многожды безнарядием полци погибають. Видих: велик зверь, а главы не имеет; тако и многи полки без добра князя.

Гусли бо страются персты, а тело основається жилами; дуб крепок множеством кореня; тако и град нашъ твоею државою.

Зане князь щедр отецъ есть слугам многиим: мнозии бо оставляють отца и матеръ, к нему прибегают. Доброму бо господину служба, дослужится слободы, а злу господину служба, дослужится болшеи работы. Зане князь щедр, аки река, текуща без брегов сквози дубравы, напаяюще не токмо человеки, но и звери; а князь скуп, аки река в брезех, а брезии камены: нелзи пити, ни коня напоити. А боярин щедр, аки кладяз сладок при пути напаяетъ мимоходящих; а боярин скуп, аки кладязь слан.

Не имей собе двора близ царева двора и не држи села близ княжа села: тивун бо его аки огонь трепетицею накладен, и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искор не можеша устречися и сождения порт.

Господине мои! Не лиши хлеба нища мудра, ни вознесе до облак богата несмыслена. Нищъ бо мудр, аки злато в кални судни; а богат красен и не смыслитъ, то аки паволочито изголовие соломы наткано.

Господине мои! Не зри внешняя моя, но возри внутренняя моа. Аз бо, господине, одением оскуден есмь, но разумом обилен; ун возраст имею, а стар смысл во мне. Бых мыслию паря, аки орел по воздуху.

Но постави сосуд скуделничъ под лепок капля языка моего, да накаплють ти слажше меду словеса уст моих. Яко же Давид рече: сладка сут словеса твоя, паче меда устом моим. Ибо Соломон рече: словеса добра сладостью напаяють душу, покрывають же печаль сердце безумному.

Мужа бо мудра посылай и мало ему кажи, а безумнаго посылай, и сам не ленися по нем ити. Очи бо мудрых желают благых, а безумнаго дому пира. Лепше слышати прение умных, нижели наказания безумных. Даи бо премудрому вину, премудрие будетъ.

Не сеи бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумных. Безумных бо ни сеють, ни орють, ни в житницу собирают, но сами ся родят. Как в утел мех лити, так безумнаго учити; псом бо и свиниам не надобе злато, ни серебро, ни безумному драгии словеса; ни мертвеца росмешити, ни безумнаго наказати. Коли пожретъ синица орла, коли камене всплавлет по воде, и коли иметь свиния на белку лаяти, тогда безумный уму научится.

Или ми речеши: от безумиа ми еси молвил. То не видал есмь неба полстяна, ни звизд лутовяных, ни безумнаго, мудрость глаголющъ. Или ми речеши: слгал еси аки пес. Добра бо пса князи и бояре любят. Или ми речеши: слгал еси аки тать. Аще бых украсти умел, то толко бых к тебе не скорбил. Девица бо погубляетъ красу свою бляднею, а муж свое мужество татбою.

Господине мои! То не море топить корабли, но ветри; не огонь творитъ ражежение железу, но надымание мешное; тако же и князь не сам впадаетъ в вещь, но думци вводятъ. З добрым бо думцею думая, князь вы-

сока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меньшего лишен будеть.

Глаголеть бо в мирских притчах: не скот в скотех коза; ни зверь в зверех ожь; ни рыба в рыбах ракъ; ни потка в потках нетопырь; не муж в мужех, иже ким своя жена владееть; не жена в женах, иже отсвоего мужа блядеть; не работа в работах под жонками повоз возити.

Дивней дива, иже кто жену поймаеть злообразну прибытка дея.

Видех жену злообразну, причинюще к зеркалу и мажущися румянцем, и рех ей: не зри в зеркало, видевше бо нелепоту лица своего, зане болшую печаль приимеши.

Или ми речеши: женися у богата тьстя чти великиа ради; ту пии и яжь. Ту лучше ми вол бур вести в дом свои, неже зла жена поняти: вол бо ни молвить, ни зла мыслить; а зла жена бьема бесеться, а кротима выситя, в богатестве гордость приемлеть, а в убожестве иных осужаеть.

Что есть жена зла? Гостинница неуповаема, кощунница бесовская. Что есть жена зла? Мирский мятежь, ослепление уму, началница всякой злобе, в церкви бесовская мытница, поборница греху, засада от спасения.

Аще который муж смотреть на красоту жены своеа и на я, и ласковая словеса и льстива, а дел ея не испытать, то даи бог ему тряскею болети, да будеть проклят.

Но по сему, братиа, рассмотрите злу жену. И рече мужу своему: господине мой и свете очию моею! Аз на тя не могу зрети: егда глаголеши ко мне, тогда взираю и обумираю, и въздержат ми вся уды тела моего, и поничю на землю.

Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: крест есть глава церкви, а муж жене своеи. Жены же церкви стоите молящися богу и святей богородици;

а чему ся хотите учити, да учитесь дома у своих мужей. А вы, мужи, по закону водите жены свои, понеже не борзо обрести добры жены.

Добра жена венець мужу своему и безпечалие; а зла жена лютая печаль, истощение дому. Червь древо тлить, а зла жена дом мужа своего теряеть. Лутче есть утли лодии ездети, нежели зле жене таинны поведати: утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубить. Лепше есть камень долоти, нижели зла жена учити; железо уваришь, а злы жены не научишь.

Зла бо жена ни учения слушаеть, ни церковника чтить, ни бога ся боить, ни людеи ся стыдить, но всех укоряет и всех осужаеть.

Что лва злеи в четвероногих, и что змии лютеи в ползущих по земли? Всего того злеи зла жена. Несть на земли лютеи женской злобы. Женою сперва прадед наш Адам из рая изгнан бысть; жены ради Иосиф Прекрасный в темници затворен бысть; жены ради Данила пророка в ров ввергоша, и лви ему нози лизаху. О злое, острое оружие диаволе и стрела, летящей с чемерем!

Не у кого же умре жена; он же по матерных днех нача дети продавати. И люди реша ему: чему дети продаешь? Он же рече: аще будуть родилися в мать, то, возрошыпи, мене продадут.

Еще возвратимся на предняя словеса. Аз бо, княже, ни за море ходил, ни от философ научихся, но бых аки пчела, падая по розным цветом, совокупляя медвеный сот; тако и аз, по многим книгам исбирая сладость словесную и разум, и съвокупих аки в мех воды морския.

Да уже не много глаголю. Не отметаи безумному прямо безумию его, да не подобен ему будеши. Уже бо престану с ним много глаголати. Да не буду аки мех утел, роня богатство в руци неимушим; да не уподоблюся

жорновом, яко тии многи люди насыщают, а сами себе не могут насытитися жита; да не взненавидим буду миру со мноюю беседою, яко же бо птиця, частяще песни своя, скоро взненавидима бывает. Глаголеть бо в мирских притчах: речь продолжена не добро, добро продолжена паволока.

Господи! Даи же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разум, мудрость Соломоню и хитрость Давидову и умножи, господи, вся человеки под нози его, Богу нашему слава и ныне, и присно, и в век.

Перевод

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА, НАПИСАННОЕ ИМ
СВОЕМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВЛАДИМИРОВИЧУ

Вострубим, как в златокованные трубы, во все силы ума своего и заиграем в серебряные органы гордости своею мудростью. Восстань, слава моя, восстань в псалтыри и в гусях. Встану рано и расскажу тебе. Да раскрою в притчах загадки мои и возведу в народах славу мою. Ибо сердце умного укрепляется в теле его красотою и мудростью.

Был язык мой как трость книжника-сорописца, и приветливы уста мои, как быстрота речная. Того ради попытался я написать об оковах сердца моего и разбил их с ожесточением, как древние — младенцев о камень.

Но боюсь, господине, осуждения твоего.

Ибо я как та смоковница проклятая: не имею плода покаяния; ибо имею сердце — как лицо без глаз; и ум мой — как ночной ворон, на вершинах бодрствующий; и закончилась жизнь моя, как у ханаанских царей, бесчестьем; и покрыла меня нищета, как Красное море фараона.

Все это написал я, спасаясь от лица бедности моей, как рабыня Агарь от Сарры, госпожи своей.

Но видел, господине, твое добросердечие ко мне и прибеж к всегдашней любви твоей. Ибо говорится в Писании: просящему у тебя дай, стучащему открой, да не отвергнут будешь царствия небесного; ибо писано: возложи на бога печаль свою, и тот тебя пропитает вовеки.

Ибо я, княже господине, как трава чахлая, растущая под стеною, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не дождит; так и я всеми обижаем, потому что не огражден я страхом грозы твоей, как оплотом твердым.

Не смотри же на меня, господине, как волк на ягненка, а смотри на меня, как мать на младенца. Посмотри на птиц небесных — не пашут они, не сеют, но уповают на милость Божию; так и мы, господине, ищем милости твоей.

Ибо, господине, кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне оно смолы чернее; кому Лачеозеро, а мне, на нем живя, плач горький; кому Новгород, а у меня в доме и углы завалились, так как не расцвело счастье мое.

Друзья мои и близкие мои отказались от меня, ибо не поставил перед ними трапезы с многообразными яствами. Многие ведь дружат со мной и за столом тянут руку со мной в одну солонку, а в несчастье становятся врагами и даже помогают поставить мне подножку; глазами плачут со мною, а сердцем смеются надо мной. Потому-то не имей веры к другу и не надейся на брата.

Не лгал мне князь Ростислав, когда говорил: «Лучше мне смерть, нежели Курское княжение»; так и мужи говорят: «Лучше смерть, чем долгая жизнь в нищете». Как и Соломон говорил: «Ни богатства, ни бедности не дай мне, господи: если буду богат, — гордостью вознесусь, если же буду беден, — задумаю воровство или разбой», как женки распутство.

Вот почему взываю к тебе, одержим нищетою: помилуй меня, потомок великого царя Владимира, да не восплачусь, рыдая, как Адам о рае; пусти тучу на землю убожества моего.

Ибо, господине, богатый муж везде ведом — и на чужбине друзей имеет, а бедный и на родине ненавидим ходит. Богатый заговорит — все замолчат и после возне-

сут речь его до облак; а бедный заговорит — все на него закричат. Чьи одежды богаты, тех и речь чтима.

Княже мой, господине! Избавь меня от нищеты этой, как серну из сетей, как птицу из западни, как утенка от когтей ястреба, как овцу из пасти львиной.

Я ведь, княже, как дерево при дороге: многие обрубают ему ветви и в огонь кидают; так и я всеми обижаем, ибо не огражден страхом грозы твоей.

Как олово пропадает, когда его часто плавят, так и человек, когда он много бедствует. Никто ведь не может ни пригоршнями соль есть, ни в горе разумным быть; всякий человек хитрит и мудрит о чужой беде, а в своей не может рассудить. Злато плавится огнем, а человек напастями; пшеница, хорошо перемолотая, чистый хлеб дает, а человек в напасти обретает ум зрелый. Моль, княже, одежду ест, а печаль — человека; печаль человеку кости сушит.

Если кто в печали человеку поможет, то как студеной водой его напоит в знойный день.

Птица радуется весне, а младенец матери; весна украшает землю цветами, а ты оживляешь людей милостию своею, сирот и вдовиц, вельможами обижаемых.

Княже мой, господине! Покажи мне лицо свое, ибо голос твой сладок и образ твой прекрасен; мед источают уста твои, и дар твой как плод райский.

Когда услаждаешься многими яствами, меня вспомни, хлеб сухой жующего; или когда пьешь сладкое питье, вспомни меня, теплую воду пьющего в укрытом от ветра месте; когда же лежишь на мягкой постели под собольими одеялами, меня вспомни, под одним платком лежащего, и от стужи оцепеневшего, и каплями дождевыми, как стрелами, до самого сердца пронзаемого.

Да не будет сжата рука твоя, княже мой, господине, на подаяние бедным: ибо ни чашею моря не вычерпать, ни нашими просьбами твоего дому не истощить. Как не-

вод не удерживает воды, а только рыб, так и ты, княже, не удерживай злата и серебра, а раздавай людям.

Паволока, расшитая разноцветными шелками, красоту свою показывает; так и ты, княже, множеством своей челяди честен и славен во всех странах являешься. Некогда ведь похвалился царь Иезекииль перед послами царя вавилонского и показал им множество злата и серебра; они же сказали: «Наш царь богаче тебя не множеством золота, но множеством воинов; ибо воины золото добудут, а золотом воинов не добыть». Как сказал князь Святослав, сын Ольгин, когда шел на Царьград с небольшою дружиною: «Братья! нам ли от этого города погибнуть или городу от нас быть пленену?» Как бог повелит, так и будет; погонит один сто, а от ста побегут тысячи. Тот, кто надеется на господа, не дрогнет вовек, как гора Сион.

Славно за бугром коней пасти, так и в войске хорошего князя воевать. Часто из-за отсутствия порядка полки погибают. Видел: огромный зверь, а головы не имеет, так и многие полки без хорошего князя.

Гусли ведь настраиваются перстами, а тело крепится жилами; дуб силен множеством корней, так и град наш — твоим управлением.

Ибо щедрый князь — отец многим слугам: многие ведь оставляют отца и мать и к нему приходят. Хорошему господину служба, дослужиться свободы, а злому господину служба, дослужиться еще большего рабства. Ибо щедрый князь — как река, текущая без берегов через дубравы, поит не только людей, но и зверей; а скупой князь — как река в берегах, а берега каменные: нельзя ни самому напиться, ни коня напоить. Боярин щедрый — как колодезь с пресной водой при дороге; прохожих поит; а боярин скупой — как колодезь соленый.

Не имей себе двора близ царева двора и не держи села близ княжого села: ибо тиун его — как огонь, на осине разожженный, а рядовичи его — что искры. Если

от огня и устережешься, то от искр не сможешь устечься и одежду прожжешь.

Господине мой! Не лиши хлеба нищего мудрого, не вознеси до облак глупого богатого. Ибо нищий мудрый — что золото в грязном сосуде, а богатый разодетый да глупый — что шелковая подушка, соломой набитая.

Господине мой! Не смотри на внешность мою, но посмотри, каков я внутри. Я, господине, хоть одеянием и скуден, но разумом обилен; юн возраст имею, а стар смысл во мне. Мыслию бы парил, как орел в воздухе.

Но поставь сосуд гончарный под капельницу языка моего, да накаплет тебе слаще меду слова уст моих. Как Давид сказал: «Сладки слова твои, лучше меда они устам моим». Ибо и Соломон сказал: «Слова добрые сладостью напоят душу, покрывает же печаль сердце безумного».

Ибо мудрого мужа посылай — и мало ему объясняй, а глупого посылай — и сам вслед не ленись пойти. Очи мудрых желают блага, а глупого — пира в доме. Лучше слушать спор умных, нежели совета глупых. Наствь премудрого, и он еще мудрее станет.

Не сей на межах жита, ни мудрости в сердцах глупых. Ибо глупых не сеют, не жнут, ни в житницу не собирают, но сами себя родят. Как в дырявые меха лить, так и глупого учить; ибо псам и свиньям не нужно ни золота, ни серебра, а глупому — мудрых слов; мертвеца не рассмешишь, а глупого не научишь. Коли пожрет синица орла, коли поплывет камень по воде и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится.

Неужели скажешь мне: от глупости все мне это наговорил? Не видел ты неба холстяного, ни звезд из лучинок, ни глупого, говорящего мудро. Неужели скажешь мне: солгал как пес? Но хорошего пса князь и бояре любят. Неужели скажешь мне: солгал как вор?

Если бы украсть умел, то к тебе бы и не жаловался. Девица ведь губит красоту свою прелюбодейством, а муж свое мужество — воровством.

Господине мой! Ведь не море топит корабли, но ветры; не огонь раскаляет железо, но поддувание мехами; так и князь не сам впадает в ошибку, но советчики его вводят. С хорошим советчиком совещаюсь, князь высокого стола добудет, а с дурным советчиком и меньшего лишится.

Говорится ведь в мирских пословицах: ни скот в скотах коза, ни зверь в зверях еж, ни рыба в рыбах рак, ни птица в птицах нетопырь, ни муж в мужах, если над ним жена властвует, ни жена в женах, если от своего мужа прелюбодействует, ни работа в работах — для женок повоз возить.

Дивней дивного, кто в жены возьмет уродину прибытка ради. Видел жену безобразную, прикинувшую к зеркалу и мажущуюся румянами, и сказал ей: «Не смотришь в зеркало — увидишь безобразие лица своего и еще больше обозлишься».

Неужели скажешь мне: «Женись у богатого тестя, чести ради великой; у него пей и ешь»? Лучше бы уж мне вола бурого ввести в дом свой, чем злую жену взять: вол ведь не говорит, ни зла не замышляет, а злая жена, когда ее бьешь, бесится, а когда кроток с ней — заносится, в богатстве гордой становится, а в бедности других злословит.

Что такое жена злая? Торговка плутоватая, кощунница бесовская. Что такое жена злая? Людская смута, ослепление уму, заводила всякой злобе, в церкви сборщица дани для беса, защитница греха, заграда от спасения.

Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и льстивые слова, а дел ее не проверяет, то дай бог ему лихорадкой болеть, и да будет он проклят.

Вот и распознайте, братия, злую жену. Говорит она мужу своему: «Господине мой и свет очей моих! Я на тебя и взглянуть не могу: когда говоришь со мной, тогда смотрю на тебя, и обмираю, и слабеют все члены тела моего, и падаю на землю».

Послушайте, жены, слова апостола Павла: крест — глава церкви, а муж — жене своей. Жены, стойте же в церкви и молитесь богу и святой богородице, а чему хотите учиться, то учитесь дома у своих мужей. А вы, мужья, в законе храните жен своих, ибо нелегко найти хорошую жену.

Хорошая жена — венец мужу своему и беспечалие, а злая жена — горе лютое и разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом своего мужа истощает. Лучше в дырявой ладье плыть, нежели злой жене тайны поведать: дырявая ладья одежду замочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубит. Лучше камень бить, нежели злую жену учить; железо переплавишь, а злой жены не научишь.

Ибо злая жена ни ученья не слушает, ни священника не чтит, ни бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает.

Что злее льва среди четвероногих и что лютее змеи среди ползающих по земле? Всех тех злее злая жена. Нет на земле ничего лютее женской злобы. Сперва из-за жены прадед наш Адам из рая был изгнан; из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу был заключен; из-за жены пророка Даниила в ров ввергли, где львы ему ноги лизали. О, злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!

У некоего человека умерла жена, он же по смерти ее начал продавать детей. И люди сказали ему: «Зачем детей продаешь?» Он же ответил: «Если родились они в мать, то, как подрастут, меня самого продадут».

Но вернемся к прежнему. Я, княже, ни за море не ездил, ни у философов не учился, но был как пчела — припадая к разным цветам и собирая мед в соты; так и я

по многим книгам собирал сладость слов и смысл их и собрал, как в мех воды морские.

Скажу не много еще. Не запрещай глупому глупость его, да не уподобишься сам ему. Не стану с ним много говорить. Да не буду как мех дырявый, роняя богатство в руки неимущих; да не уподоблюсь жерновам, ибо те многих людей насыщают, а сами себя не могут насытить житом; да не окажусь ненавистным миру много-словною своею беседою, подобно птице, частящей свои песни, которую вскоре же ненавидеть начинают. Ибо говорится в мирских пословицах: длинная речь не хороша, хороша длинная паволока.

Господи! Дай же князю нашему силу Самсона, храбрость Александра, разум Иосифа, мудрость Соломона, искусность Давида и умножь, господи, всех людей под пятою его. Богу нашему слава, и ныне, и присно, и вовеки.

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК

Древнерусский текст

ПАТЕРИК ПЕЧЕРСКИЙ, ИЖЕ О СОЗДАНИИ
ЦЕРКВИ, ДА РАЗУМЕЮТЬ ВЪСИ, ЯКО САМОГО
ГОСПОДА ПРОМЫСЛОМ И ВОЛЕЮ И ЕГО
ПРЕЧИСТЫА МАТЕРЕ МОЛИТВОЮ И ХОТЕНИЕМЪ
СЗДАСЯ И СВРШИСЯ БОГОЛПНАА, НЕБЕСИ
ПОДОБНАЯ, ВЕЛИКАА ЦЕРКВИ БОГОРОДИЧИНА,
АРХИМАНДРИТИА ВСЕЯ РУСКЫА ЗЕМЛЯ, ЕЖЕ ЕСТЬ
ЛАВРА СВЯТАГО И ВЕЛИКАГО ОТЦА НАШЕГО
ФЕОДОСИА

Слово 1. Благослови, отче

Бысть в земли Варяжской князь Африкан, брат Якуна Слепаго, иже отбеже от златыа луды, биася полком по Ярославе с лютым Мьстиславом. И сему Африкану бяше два сына: Фрианд и Шимон. По смерти же отца ею изгна Якун обою брату от области ею. Прииде же Шимон к благоверному князю нашему Ярославу; его же приим, в чести имяше и дасть его сынови своему Всеволоду, да будеть старей у него; приат же велику власть от Всеволода. Вина же бысть такова любве его к святому тому месту.

При благоверном и великом князи Изяславе в Киеве ловцем пришедшим на Рускую землю, в лето 6576, и изыдоша трие Ярославичи в сретение им: Изяслав, Святослав и Всеволод, имый с собою и сего Шимона. Пришедши же им ко великому и святому Антонию, молитвы ради и благословения, старец же отврз неложнаа своа уста и хотящую им быти погыбель ясно исповедаше. И сий же варяг, пад на ногу старца, молящеся сохранену ему быти от таковыа беды. Блаженный же рече тому: «О чадо, яко мнози падуть острием меча, и бежащим вам от супостат ваших, попрани и уязвени будете и во воде истопитесь; ты же, спасен быв, zde имаши положен быти в хотящей сздатися церкви».

Бывшим же имь на Алте, сступишася полци обои, и гневом Божиим побежени быша христиане, и бежашим им, *убьени* быша и воеводы с множеством вои, егда же сступишася. Ту же и Шимон лежаше язвен посреде их. Взрев же горе на небо и виде церков превелику, яко же преже виде на мори, и воспомяну глаголы спасовы и рече: «Господи, избави мя от горька сеа смерти молитвами пречистыа твоеа матере и преподобною отцу Антониа и Феодосиа». И ту абие некаа сила взят его из среды мертвых, и абие исцеле от ран, и вся своа обреть целы и здравы.

Паки взвратися всояси и прииде к блаженному Антонию, сказа ему вещь дивну, тако глаголя: «Отець мой Африкан дела крест и на немь изобрази богомужное подобие Христова написаниемь вапным, ново дело, яко же латына чтуть, велик делом, яко 10 лакот. И сему честь творя, отець мой взложи пояс о чреслах его, имуще веса 50 гривен злата, и венець злат на главу его. Егда же изгна мя Якун, стрый мой, от области моеа, аз же взях пояс с Исуса и венець с главы его, и слышах глас от образа обратився к мне и рече ми: «Никако же сего взложи, человеце, на главу свою, неси же на уготованное место, иде же зиждется церков матере моеа от преподобнаго Феодосиа, и тому в руце вдаждь, да обеситя над жртовником моимь». Аз же от страха падохся и оцепнев лежах акы мертв, и встав, скоро внидох в корабль.

И плувшим нам, бысть буря велиа, яко въсем нам отчаатися живота своего, и начах впити: «Господи, прости мя, яко сего ради пояса днешь погыбаю, понеже взях от честнаго твоего и человекоподобнаго ти образа». И се видех церков горе и помышлях, каа си есть церков. И бысть свыше глас к нам, глаголяй: «Иже хочеть сздатися от преподобнаго во имя божиа матере, в ней же и ты положен имаши быти». И яко же видехом, величеством и высотою, размерив поясом тем златым, 20 в ширину и 30 в дьлину, а 30 в вы-

соту стены, с връхом 50. Мы же вси прославихом бога и утешихомься радостию великою зело, избывше горька смерти. Се же и донине не сведях, где хочеть сздатися показаннаа ми церкви на мори и на Альте, и уже ми при смерти сушу, дондеже слышах от твоих честных уст, яко zde ми положену бытии, в хотящои сздатися церкви». И изем, дасть пояс златый, глаголя: «Се мера и основаиие, сий же венець да обещан будеть над святою трапезою».

Старець же похвали бога о сем, рек варягови: «Чадо, отселе не наречется имя твое Шимон, но Симон будеть имя твое». Призвав же Антоний блаженаго Феодосиа, рече: «Симоне сий хочеть вздвигнути такуюю церков», и дасть ему пояс и венець. И оттоле велику любов имеше ко святому Феодосию, подавая ему имениа многа на вознаграждение монастырю.

Некогда же сему Симонови пришедши к блаженному и по обычной беседе рече к святому: «Отче, прошу у тебе дара единаго». Феодосий же рече к нему: «О чадо, что просить твое величество от нашего смирения?» Симон же рече: «Велика паче и выше моеа силы требую аз от тебе дара». Феодосий же рече: «Свеси, чадо, убожество наше, иже иногда многажды и хлеба не обрестися в дневную пищу, иного же не свем, аще и что имею». Симон же глагола: «Аще хощеша подаси ми, можеша бо по данней ти благодати от господа, иже именована ты преподобным. Егда бо снимах венець с главы Исусовы, т ми рече: «Неси на уготованное место и вдай же в руце преподобному, иже зиждеть церковь матере моеа». И се убо прошу у тебе: да ми даси слово, яко да благословить мя душа твоа яко же в животе, тако и по смерти твоей и моей». И отвечава святыи: «О Симоне, выше силы прошение, но аще узриши мя отходяща отсюду света сего и по моем отшествии сию церковь устроена, и уставы преданнаа свршатся в той, известно ти буди,

яко имам дрзновение к богу; ныне же не свем, аще приата ми есть молитва».

Симон же рече: «От господа сведетельствован еси, сам бо от пречистых уст святого образа слышах о тебе, и сего ради молю ти ся, яко же о своих черноризцех, тако и о мне грешнем помолися и о сыну моем Георгии, и до последних рода моего». Святыи же яко обещаеся и рече: «Не о сих единех молю, но и о любящих место сие святое мене ради». Тогда Симон поклонився до земля и рече: «Не изыиду, отче, от тебе, аще написанием не известиши ми».

Принужен же быв любве его ради преподобный, и пишеть тако, глаголя молитву: «В имя отца и сына и святого духа», иже и донныне влагають умершим в руку такую молитву. И оттоле утвердися таковое написанне полагати умершим, прежде бо сего ин не створи сицевыя вещи в Руси. Пишетъ же и сие в молитве «Помяни мя, господи, егда приидеши в царствии си и вадати хотя комуждо по делом его, тогда убо, владыко, и раба своего Симона и Георгия сподоби одесную тебе стати в славе твоей и слышати благыи твой глас: «Приидете благословении отца моего, наследуйте уготованное вам царство искони мира».

И рече Симонъ: «Рци же и к сим, отче, и да отпустаться греси родителма *моима* и ближним моимъ». Феодосий же вздвиг руке свои и рече: «Да благословить тя господь от Сиона, и узрите благаа Иерусалиму во вся дни живота вашего и до последних рода вашего». Симон же приим молитву и благословление от святого, яко некый бисер многоценный и дар. Иже быв прежде варягъ, ныне же благодатию христовою христианин, научен быв святым отцем нашим Феодосием, оставив латынскую буестъ и истинне веровав в господа нашего Иисуса Христа и со всею домом своим, яко до 3000 душ, и с иереи своими, чудесь ради бывающих от святою Антониа и Феодосиа. И сий убо Симон пръвый положен бысть в той церкви.

Оттоле сын его Георгий велику любовь имеяше к святому тому месту. И бысть послан от Владимера Мономаха в Суждальскую землю сей Георгий, дасть же ему на руже и сына своего Георгия. По летех же мнозех седе Георгий Владимировичь во Киеве, тысяцкому же своему Георгиеви, яко отцу, предасть область Суждальскую. <...>

ПОСЛАНИЕ СМИРЕННАГО ЕПИСКОПА СИМОНА
ВЛАДИМЕРСКАГО И СУЖДАЛЬСКАГО К ПОЛИКАРПУ,
ЧЕРНОРИЗЦУ ПЕЧЕРЬСКОМУ. СЛОВО 14

Брате! Сед в безмолвии, сбери си ум свой и рци к себе: «О убогыи иноче, неси ли мира оставил и по плоти родитель господа ради?» Аще же и zde, пришед на спасение, а не духовнаа твориши, и что ради в чернеческое имя облкся еси? И не избавят тебе муки черныя ризы. Се же вежь, яко блажим еси zde от князь и от боляръ и от всех друговъ своих, глаголють бо «Блаженъ есть, яко взненавиде мира сего и славы сея и к тому не печеться земными, но небесных желаетъ». Ты же не чернечьскый живеши. Велика срамота обдержит мя тебе ради. Аще же блажащеи нас zde предваряют ны в царствии небеснем, и тии в покой обрящуться, мы же горко мучими взопием? И кто помилуетъ тя, самому себе погубившу?

Вспряни, брате, и попецися мыслено о своей души, работай господеву с страхом и с всякою смиреною мудростию. Да днесь кротокъ — и утро яр и зол, в мале молчание — и паки рошание на игумена и на того служебники. Не буди лживь — виною телесною сбора церковнаго не отлучайся: якожде бо дождь растить семя, тако и церкви влечеть душу на добраа детели. Все бо, елико створиши в келии, ничто же суть: аще Псалтырь чтеши или обанадесять псалма поеши, то ни единому «Господи помилуй» — уподобиться сборному. О семь, брате, разумей, яко верховный апо-

столь Петрь, сам церкви сый бога жива, и егда ят бысть от Ирода и всажекъ в темницу, не от церкви ли бывающа молитвы избавиша его от руку Иродову? И Давид бо молиться, глаголя: «Единого прошу у господа, того взыщу, да живу в дому господни вся дъни живота моего, да узрю красоту господню и посещаю церкве святыя его». Сам бо господь рече: «Дом мой — дом молитвы наречеться». «Иде же бо, — рече, — два или три сбрани в имя мое, ту есм посреди их». Аще ли же толик сборъ, боли ста братий сберется, толик паче веруй, яко ту есть бог нашъ. И того божественаго огня тех обед створяеться, его же аз желаю единыя крупица паче всего сущаго иже предо мною обеда. Свидетел ми есть о том господь, яко ничему же бы причаститься иному брашну, разве укрукха хлеба и сочиву, устроенаго на святую ту братию.

Ты же, брате, не днесъ похваля лежащих на трапезе, и утро на варящаго и на служащаго брата ропщещи, и сим старейшине пакость твориши, и обрящещися мотыла ядый, яко же в Отечьнице писано. Егда бо виде он старецъ хулящих брашно мотыла ядущих, а хвалящих — мед ядущи, яко же бо провиде тыйжде старецъ различнаа брашном. Ты же, егда яси или пиеши, благохвали бога, ибо исчезновения себе творить хуляй, по апостолу: «Аще убо ясте или пиете, все в славу божию творите». Терпи же, брате, и досаждение, претерпевый бо до конца, тый спасеться, таковый бо и бес труда спасеться. Аще бо и ключить ти ся озлоблену быти, и пришед некто взвестит ти, яко онъсице потяза тя зле, рци же взвестившему ти: «Аще укори мя, но брат ми есть, и достоин есм того, не о себе же творить, но враг диавол поустилъ есть его на се, да вражду створить межи нами. Господь же да проженеть лукаваго, брата же да помилует». Речеши же, яко в лице ми досади предо всеми: не скорбен о том буди, чадо, ни скоро подвигнися на гнев, но пад наклонися брату до земля, глаголя: «Прости мя, брате».

И исправи в собе прегрешение, и тако победиши всю силу вражию, аще ли потязанъ сопротивишися, сугубо себе досадиши. Ты ли еси больши Давида царя? Ему же Семей досажаше в лице, един же от слуг царевь, не трпя укоризны цареви, «иду, — рече, — отиму главу его, по что песь мертвый проклинает господа моего царя». Но что Давид к нему рече? «О сыну Сарушь, не дей его проклинати Давида, да видит господь смирение мое и vzdast ми благаа клятвы его ради». Помысли, чадо, и больни сих, како господь нашъ смири себе, бывъ послушлив до смерти своему отцю; досаждаем — не прещаше, слышася «бес имаши», по лицу бием и заушаем и оплеваем — не гневашеся, но и о распинающих его моляшеся. Тако и нас научиль есть: «Молите бо, рече, за врагы ваша и добро творите ненавидящим вас, и благословите кленущаа вы».

Довольно же ти буди, брате, твоего круподушиа створенное дело. Тем же ти плакатися подобаеть, яко оставил был еси святыи честный монастырь Печерский святых отецъ Антониа и Феодосиа Печерскихъ и святых отецъ черноризецъ, иже с ними, и ял ся еси игуменити у святую безмезнику Козмы и Дамиана. Нонынедобре еси створил, лишив ся таковаго начинания пустошнаго, и не даль плещу врагу своему, ибо вражие желание погубити тя хотяше. Не веси ли, яко древо, часто не напояемо, паче же пресажаемо, скоро исъхнеть? И ты от послушания отча отлучися и братии своих оставл свое место, вскоре хотяше погыбнути таковый. Овча бо, пребываа в стаде, неврежено бывает, а отлучившееся вскоре погыбает и волкомъ изедено бывает. Подобаше бо ти прежде рассудити, что ради всхотел еси изыити от святаго и честнаго и спасеннаго того места Печерскаго, в нем же дивно есть всякому хотящему спастися. Мню, брате, яко бог створи се, не трпя гордости твоея: низврже тя, яко же преже сатану с отступными силами, за не не всхотель еси служити святу мужу, своему госпо-

дину, а нашему брату, архимандриту Акидину Печерскому. Печерский бо монастырь море есть и не держит в себе гнилаго, но измещеть вьнь.

А еже вписал ми еси досаду свою — люте тебе: погубил еси душу свою! Впрошаю же тя, чимь хочешь спастися? Аще и постникъ еси или трезвитель о всем, и нищ, и безъ сна пребываа, а досажениа не терпя, не узриши спасениа. Но радуется о тебе ныне игумень и вся братиа и мы же, слышавше яже о тебе, и вси утешахомся о тебе и о обретении твоём, яко погыбл бе и обретеса. Попустих же и еще твоей воли быти, а не игумени: всхотель еси паки игуменити у святаго Дмитриа, а не бы тебе принудилъ и князь и азъ, и се яко искусилъ еси. Разумей брате, яко негодно богу твое старейшинство, и сего ради дарова ти господь оскудение очию. Но ты никакo сдрогнуся, иде же бо подоба рещи: «Благо мне, яко смирил мя еси, да научюся оправданием твоим». Разумех бо тя санолубца, и славы ищещи от человекъ, а не от бога. Не веруеши ли, окаанне, написанному: «Никто же взмет чести о собе, но званный от бога». Аще ли апостолу не веруеши, то ни Христу имеши веры. Что от человек сану ищещи, а не от бога, сущим же от бога не хочещи повинутися и мыслиши высокоа? Иже древле такоу с небесь свержени быша. Азь бо, рече, несмы ли достоин уверитися таковому начинанию сана, или худыни есм иконома сего или его брата спеюща? Сам, не получивъ желаниа, мятешися, хочещи же часто исходити от келиа в келию и сваждати брата с братом, глаголя неполезнаа: «Или мнит себе, рече, сиа игумень и сий икономъ, яко zde точию богу угодити и инде же невозможно спастися? А нами что ми не разумеють?» Сиа диавольскаа начинаниа, сии тошна тебе изыщства. Аще же и сам кое предспеание получиши, яко стати ти на вышнем степени то не забывай смиренныа мудрости, да егда прилучит ти ся сступити степени, то обрящещи путь свой смиренный, не впаде-

ши в различныа скорби. Пишетъ же ми княгини Ростиславля Верхослава, хотящу тя поставлену быти епископомъ или Новуграду на Антониево место, или Смоленску на Лазарево место, или Юрьеву на Алексеево место и аще ми, рече, и до 1000 сребра расточити тебе ради и Поликарпа. И рех ей: «Дъщи моа Настасие! Дело не богоугодно хочещи створити, но аще бы пребыл в монастыри неисходно, с чистою съвестию, в послушании игумени всеа братиа, трезвяся о всем, то не токмо в святительскую одежду оболчен, но и вышняго царства достоин бы былъ».

Ты же, брате, епископству ли похотел еси? Добру делу хочещи! Но послушай Павла, глаголюща к Тимофею, и почет разумееш аще еси что от того исправилъ, какову епископу подабаеть быти. Но аще бы ты был достоин такового сана, то не бых тебе пустилъ от себе, но своима рукама спрестольника ты себе поставилъ бых в обе епископы, Владимирю и Суждалю, яко же князь Георгий хотель, но аз ему взбраних, видя твое малодушие. И аще мене преслушаешися, каковей любо власти всхощещи или епископству или игуменству повинешися, буди ти клятва, а не благословение. И к тому не внидеш в святое и честное место, в не же еси остриглся. Яко съсуд непотребень будещи, извержень будещи вкъ и плакатися имаши послезде много безъ успеха.

Не то бо есть свршение, брате, еже славиму быти от всех, но еже исправити житие свое и чиста себе сблюсти. От того, брате, Печерскаго монастыря пречистыа Богоматере мнози епископи поставлени быша, яко же и от самого Христа бога нашего апостоли в всю вселенную послани быша, и яко светила светлаа осветиша всю Рускую землю святым крещением. Первый — Леонтие, епископ ростовский, великий святитель, его же бог прослави нетлением, и се бысть первый престолникъ, его же невернии много мучивше, бивше, и се третий гражданинъ бысть Рускаго

мира, с онема варягома венчася от Христа, его же ради пострада. Илариона же митрополита и сам чел еси в Житии святого Антония, яко от того пострижень бысть и тако священства сподоблень. По сем же: Николае и Ефрем — Переяславлю, Исаиа — Ростову, Германь — Новуграду, Стефан — Владимиру, Нифонт — Новуграду, Маринь — Юрьеву, Мина — Полотску, Никола — Тьмутороканю, Феокисть — Чернигову, Лаврентий — Турову, Лука — Белуграду, Ефрем — Суждалю. И аще хоцещи вся уведати, почти летописца старого Ростовьскаго, есть бо всех боле 30, а иже потом и до нас грешных, мню, близь 50.

Разумей же, брате, колька слава и честь монастыря того! И постыдевся и покайся, изволи си тихое и безмятежное житие, к нему же господь призвал тя есть. Аз бы рад оставил свою епископию и работал игумену в том святем Печерском монастыри. И се же глаголю ти, брате, не сам себе величаа, но тебе възвещаа. Святительства нашего власть сам веси. Кто не весть мене, грешнаго епископа Симона, сея сборныа церкви, красоты Володимерскыа, и другыа Суждальскыа церкви, ю же сам сздах? Колико имееа градовь и сел, и десятнну собирают по всей земли той, — и тем всем владеет наша худость. И сия вся бых оставил, но веси, какова велиа вещь духовнаа обьдержити мя, и молюся господеву, да подаст ми благо время на управление.

И свесть тайнаа господь: истинно глаголю ти, яко всю сию слазу, и честь вскоре яко кал вменил бых, и аще бы ми *трескою торчати за враты или смети*ем помятену быти в Печерском монастыри и попираему чловеку, или едину быти от убогих пред враты честныа тоя лавры и створитися просителю, — то лучши бы ми временныа сея чести. Единь день в дому божиа матере паче тысяща леть, и в нем изволил бых пребывати паче, нежели жити ми в селех грешничих. В истинну глаголю ти, брате Поликарпе: где слыша сих дивнейших бывших в том святем монастыри Печерь-

ском чудес? Что ли блаженейши сих отцев, иже в конца вселенныа просиявше подобно лучам солнечным? О них же достоверно поведая ти настоащем писанием к сим же, иже к тебе реченным. И се ти, брате, скажу, что ради мое тщание и вера к святому Антонню и Феодосию.

СКАЗАНИЕ СИМОНА, ЕПИСКОПА ВЛАДИМЕРЬСКАГО И СУЖДАЛЬСКАГО, О СВЯТЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ, ЧТО РАДИ ИМЕТИ ТЩАНИЕ И ЛЮБОВЬ К ПРЕПОДОБНЫМ АНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ, ОТЦЕМЬ ПЕЧЕРСКИМ. СЛОВО 15

Слышах вещь предивну от блаженных тех старець, яко реша слышавше от самовидець тех таковаго чудеси, бывшаго при игуменстве Пиминове в Печерском святемь монастыри.

Бысть муж свершень в всякой добродетели, именемь Онисифор, презвитер саном, и прозорлива дара исподобися от бога, еже видети на всяком чловеце сгрешения. И ина исправления того поведуют, но се едино скажу.

Бысть сему блаженому Онисифору сын духовный, черноризець некто, другь по любви, иже не истинною подражаше житие того святого, постник сый являся лжею и целомудр ся творя, в тайне же ядый и пиа и скврно живой. И тако препроводи лета своа. Се же утаися духовнаго того мужа, и ни един же от братиа сего разуме.

В един же день, здрав сый, напрасно умре. Не можаше же ни единь телеси его приблизитися смрада ради бывающаго от него. Прият же страх вся, и нуажу сего извлекше, и не можаху пеня над ним створити смрада ради. Положивше того особ и ставше издалеча, пение обычное створше, неции же, заимше ноздри своа. И, сего внесше внутрь печере, положиша, и толми всмерьдеса, яко же и безсловесным бегати тоя печеры. Многажды же и вопль слышашеса горекь, яко неции мучаще того.

И явися святыи Антоние презвитеру Онисифору, с прещением глаголя: «Почто се створил еси? Таковаго сквернаго, и нечистаго, и незаконнаго, и многогрешнаго зде положил, яко же таков не бысть положень никто же, иже оскврнил есть святое место сие», Взбнув же от видения и пад на лица своем, моляшеся богу, глаголя: «Господи, что ради скрыл еси от мене дела человека сего»? И приступль, аггель глаголя ему: «На показание всемь сгрешающимь и не каощимься бысть се, да видевше, покаются». И сие рек, невидим бысть. Тогда презвитер шед, взвести вся сиа игумену Пимину. И паки в другую ночь тожде виде: «Изверзи его, — рече, — вонь вскоре на снадение псом, недостоинь бо есть пребывания зде». Презвитер же паки на молитву обратися, и бысть к нему глас, глаголя: «Аще хочещи, помози ему».

Свет же створше с игуменомь, да нужею приведут некая, извлекут вон и ввергнуть ѿ в воду, волею бо никто не можаше горе той приблизитися, иде же бе пещера. Паки же явися им святыи Антоние, глаголя: «Смили ми ся душа брата сего, понеже не могу преступити обета моего, еже к вам обещахся, яко всякъ положеный зде помилован будеть, аще и грешень есть. Не суть бо хуждыпии, иже с мною зде в пещере отци, бывших прежде закона и по законе угодивших богу. Молих бо ся господу богу моему и пречистой его матере, да ни единь от сего монастыря осуждены будеть в муку. Господь же рече ми, яко же слышати ми глас его: «Аз есмь рекый Аврааму: двадесяти ради праведникъ не погублю града сего, — то колми паче тебе ради и иже сущих с тобою помилую и спасу грешника; аще зде постигнетъ умрети, в покой будеть». Сиа же слышавъ Онисифор от святаго, вся виденная и слышанная възвести игумену и всей братии. От них же азъобретох одинаго, иже исиеведа ми вещь сию от тех первых черноризецъ.

Пимин же игумен, в мнозе недоумении бывъ о страшней сей вещи, с слезами моляше бога о спасении души братней. И бысть ему явление некое от бога, тако глаголюще: «Понеже зде мнози грешнии положени быша, вси прощени быша ради угодивших ми святых, иже в пещере, и сего же окааннаго душу помиловах Антония ради и Феодосиа, рабу моею, и сущих с нима святых черноризецъ молитвою. И се ти знамение буди изменению: смрад бо на благовоние преложися». И сие слышав, игумен радости исполнився, сзва всю братию, сказа им явление и иде с ними к пещере видети бывшаго, и обоняша вси благоухания от телеси его, злосмрадие же и вопль никако же слышашеся. Все насладившеся добровониа, прославиша бога и святаго его угодники, Антония и Феодосиа, о спасении братне.

И сего ради аз грешный, епископ Симон, тужу и скорблю и плачу, да бых точию положен был в божественей той персти и малу отраду приал бых многих ми грехов, молитв ради святых отецъ о Христе Исусе, о господе нашем, ему же слава ныне.

О БЛАЖЕНЕМ ЕВСТРАТИИ ПОСТНИЦ. СЛОВО 16

Некий человек прииде с Киева в пещеру, хотя быти черноризецъ; и повеле игумен его пострици и нарече имя ему *Евстратие*. Он же раздав все имение свое убогим, мало нечто оставивъ ближним своим, да по нем раздают. Бысть же сий черноризецъ Евстратий постник и послушник ко всем.

Тойжде блаженный с иними христианы пленень бысть и продан быв некоему жидовину с иними многими. Уча и моля пленники, наказоваше, глаголя: «Братие, елико вас крестися и в бога веровасте, не будем отметници своего обета, еже в святем крещении. Христос бо ны искупи от клятвы и породе водою и духом, сыны и наследники нас створи: то аще умрем — господеву умрем, аще ли живем — бытию долъжнаа

послужим, аще за Христа умрем — смертию животь купим, и тѣй животь вечный дасть нам».

Не по мнозех же дньех изомроша от глада и истаавшаа жажду: овии по трех дньех, инии же по четырех дньех, инии же по семи дньех, крепции же по 10 дньех, скончашася вси гладом и жажею. Бе же их числом 50: от монастырьских работников 30, от Киева 20.

Минувшим же днем 14, оста мних един жив, бе бо постник от младых ноготь. Видев же жидовинь, яко сий мних вина бысть погыбели злата его, еже на плененых вдасть, и сдеа на нем Пасху свою. Наставшу же дню воскресения Христова, поругание створи святому Еустрагию: по писанному в Еуангелии, иже створиша на господа нашего Исус Христа и поругашася ему, тако и сего блаженана пригвоздиша к кресту. И благодаряше бога на немь, и живь бысть 15 дньий. Жидове же решя ему: «Ныне насытиса законныа пища, безумне, да живь будеши, ибо Моисий, закон прием от бога, нам дасть, и се в книгах речено бысть: «Проклят всякъ, висяй на древе». Мних же рече: «Великы благодати сподобил мя естъ бог днесь пострада. И рече ми, яко и разбойнику: «Днесь с мною еси в раи», самъ бо разори клятву законную и въведе благословение. О нем же рече Моисий: «Узрите живот вашъ, висящъ прямо очима вашима»; Давид же: «Пригвоздиша руце мои и нозе» и пакы: «Разделиша ризы моя собе и о матизме моей меташа жребиа». О сем же дњи глаголетъ: «Сий день, иже створи господь, возрадуемса и взвеселимса в нь». Ты же и иже с тобою жидове днесь всплачете и взрыдаете, яко прииде на вы ответъ от бога, крове ради моя и всех христиан, яко субот ваших ненавидит господь и преложи праздники ваша в сетование, яко убиен бысть началник вашого безакониа».

Слышав же сиа жидовин, яко распят сый поносителю, и взем копие, прободе его, и тако предасть душу свою господеву. И бе видети душу преподобнаго, носиму

на колесници огнене, и кони огнени, и глас бысть глаголя греческыи: «Се добрый небеснаго града гражданин нареченны!» И сего ради протостратор зоветься в поминании вашем.

И ту абие вестъ бысть от царя на жида том дњи, да ижденуть вся жида, имениа их отъемше, а старейшины их избияють. Бысть убо сицева вещь. Некто от жидов крестися, богат сый и храбор вельми, и сего ради приать его царь, по малех же дньех створи его епархом. Он же, получивъ сан, в тайне бывает отметник Христа и его веры, и дасть дерзновение жидом по всей области Греческаго царства, да купят христианы в работу себе. Обличен же бывъ нечестивый сей епарх, и убиен бысть, по словеси блаженана Еустратиа, и ту суцаа жида, иже озимствоваша в Корсуну, и имениа отимше того жидовина, и сдеавшаго на блаженана повесиша: «Обратиса болезнь его на главу его, и на врх его неправда снидет».

Тело же святаго в море вержено бысть, иде же множество чудес створяеться. Поискани же быша верными святаго его мощи, и не обретены, не всхоте бо святый от человек славы, но от бога. Окааннии же жидове, видевше чудо страшно, и крестишася,

О СМИРЕННЕМ И МНОГОТЕРПЕЛИВЕМ НИКОНЕ ЧЕРНОРИЗЦЕ. СЛОВО 17

Другый же мних, именем Никон, в пленении сый, окован држим бяше. И прииде некто от Киева искупити его. Сий же не ради о том, бе бо от великих града. Той же христороубецъ искупи многы пленники, взвратився. Слышавше же, свои ему с многым имением идоша искупити его. Мних же рече к ним: «Никако же всуе истощите имениа вашего. Аще бы хотел господь свободна мя имети, не бы мя предал в руце безаконным сим и лукавейшим паче всея земля. Той рече: «Аз есм предаа священники в плен». Благаа ли

всприяхом от руки господня, — злых ли не терпим?» Сии же, укоривше его отидоша, носяще с собою богатства много.

Половци же, видевше лишение своего желаниа, начаша мучити мниха велми немилостивно. За 3 лета по вся дњи озлобляем и вяжем, на огни пометаемъ, ножи разрезаем, окованне имый руце и нозе на солнци пребываа жгом, от глада и от жажи скончаваем, овогда бо чресь день, овогда же чресь два дњи или за 3 дњи ничто же вкушаа. И благодаряше бога о всех сих, и молящеса безпрестани. Зиме же на снегу и ка студени пометаем. Се же все творяхут ему окаании половцы, да дасть на собе искуп мног. Он же глаголаше к ним, яко: «Христос избавит мя туне от рук ваших, уже бо извещение приах, яви бо ми ся брат мой, его же продасте жидом на распятие. И тин бо осудяться с рекшими: «Взми, взми, распни его, кров его на нас и на чадах наших», — вы же, окааннии, с Иудею мучими будьте в веку, яко предатели нечестивии и безаконници. Тако бо ми рече святой Герасим, яко: «В третий день имаши в монастыри быти, молитв ради святых Антониа и Феодосиа и святых черноризецъ, и иже с ними». Слышав же половчинь, мневь, бежати хочет, и подреза ему лыста, да не убежит, и стражахуть его крепко. В третий же день, всем приседящим у него в оружии, в б же час абие невидкм бысть, и слышаша глас глаголющъ: «Хвалите господа с небесь!»

И тако в церковь Печерскую пресятя Богородица прииесен бысть невидимо в время, егда начаша кинаникъ пети. Вся же братиа стекошася к нему и впрошаху его, како семо прииде. Он же исперва хотя утаити преславное тое чудо. Видевше же на нем железа тяжка и раны иеисцелны, и все тело сгнившеса ранами, и са« мого суца в юзах, и еще крови каплющи от пререзаниа лыстов, — и не яша веры.

Последи же яви им истинну, и не дасть отняти железа от руку и от ногу. Игумен же рече: «Брате, аще бы хотель господь в нужди тя имети, не бе тя извель отгуду; ныне повинися воли нашей». Снемше с него и сковаша еже на потребу олтареви.

По дньех же мнзех прииде он половчинь в Киев мира ради, иже државый блаженаго сего, и вниде в монастырь Печерский. Видев же старца, и сказа игумену все и братии, иже о нем, и к тому не взратися вспять, но крестися и бысть мних, и с родом своим, и ту живот свой скончаша в покаании, работающе пленнику своему, суть положени в своем притворе.

Многа же и ина исправления того блаженаго Никона поведуютъ, о них же несть ныне время писати, но се едино ти скажу. Егда бе в пленении блаженный сей, разболевшимься некогда пленником от глада и от нужа. Запева им блаженный не вкусити ничто же от поганых, сам же, сый в юзах, молитвою вся исцели и бежати створи невидимо.

Паки же тому половчину умрети хотящу, запева женам своим и детем, да сего мниха распнуть над ним. Сий же блаженный помолився и исцели и: прозре того последнее покаание, себе же избави горкыя смерти. Сий же убо Никон «Сухый» именується в поминании нашем: истек кровию и изгнив от рань, и исхну.

К Поликарпу. Како возмогу, брате, исповедати святых мужь, бывших в честнем том и блаженнем монастыри Печерском! Их же ради добродетельнаго житиа и погауии крестися и быша мниси, яко же онога ради блаженаго, предреченаго Христова мученика Герасима жидове крестися, сего же ради страсто-терпѣца Никона половци быша черноризци. Многа же и паче сих елышаль еси от мене, грешнаго епископа Симона, и хуждышаго в епископех, недостойна суца тех святых чрноризецъ подножиа, им же, мноу, и весь мирь не достоин, ни тому самому писателю, исписати могущу тех чудесь. К тем бо рече господь:

«Тако да просветится свет вашь пред человеки, да видят добраа ваша дела и прославят отца нашего, еже есть на небесех». Что же убо и бысть изменение нашего обещания и претворение жития от такового высоты в глубину житейскую впадшим? Начальники и наставники имамы, равны бесплотным, первыя же молитвенники и ходатаа к творцю, подобни бо суть аггелом и мученичьскими уязени венцы.

О СВЯТЕМ СВЯЩЕННОМУЧЕНИЦЕ КУКШИ
И О ПИМЕНЕ ПОСТНИЦЕ. СЛОВО 18

Волею како премину сего блаженаго и священномученика, тогожде монастыря Печерьскаго черноризца, Кукшу, его же вси сведают, како бесы прогна, и вятичи кръсти, и дождь с небеси съведе, и озеро исьсуши, и многа чудеса створивь, и по многих муках усечен бысть с учеником своим. С нима и Пиминь, блаженный постник, в единь день скончася, проуведевь свое отхождение к господу прежде двою лету, и многа ина пророчествовав, недужныа исцели. И посреде церкви велегласно рекь: «Братъ нашъ Кукша противу свету убиен бысть». И то рек, преставися в един час с тема святыма.

К Поликарпу прилогь. Оставлю убо много глаголати еже о святых. Аще ли недовлеетьи моа беседа, иже слыша от уст моих, то ни самое писание на уверение тя приведет; аще ли же сим не веруеши, то аще от мертвых кто воскреснетъ, не имеши веры.

О СВЯТЕМ АФАНАСИИ ЗАТВОРНИЦЕ, ИЖЕ УМЕР
И ПАКЫ В ДРУГИЙ ДЕНЬ ОЖИВЕ И ПРЕБЫТЬ ЛЕТЬ 12.
СЛОВО 19

Бысть убо и се в том же святем монастыри. Братъ единь, живый свято и богоугодно житие, именованъ Афанасие, болевь много, умре. Два же брата отерше тело его мертво и отидоста, увивше его, якожде подобаеть

мертваго. По прилучаю же пришедше неции, видевша того умерша, и отидоша. Пребысть же мертвый весь день не погребен, бе бо убогъ зело и не имеа ничто же мира сего, и сего ради небрегом бысть: богатым бо всякъ тыщиться послужити и в животе и при смерти, да наследит что.

В нощи же явися некто игумену, глаголя: «Человек божий сей имат два дъни непогребен, ты же веселишися». И уведав же игумен о сем, в утрий день с всею братиею прииде к умершему, и обретоша его седяща и плачуща. Ужасошася, яко видевше того оживша, и въпрошахут того, глаголюще: «Како оживе или что виде?» Сей же не отвещаваше ничто же, точию: «Спаситесь!» Они же моляхуться ему услышати чтб от него, да и мы, рече, пользуемся. Он же рече к ним: «Аще вы реку, не веруете ми». Братиа же к нему с клятвою реша, яко: «Схраним все, еже аще речеши нам», Он же рече им: «Имейте послушание в всем к игумену, и кайтеся на всяк час, и молитесь господу Иисусу Христу и пречистой его матери и преподобнымъ Антонию и Феодосию, да скончаете живот свой zde и с святыми отци погребены быти сподобитесь в печере. Се бо болей всех вещей три сиа вещи суть, аще ли кто постигнет сиа вся исправити по чину, — точию не вносятся. И к тому не въпрошайте мене, но молю вы ся, простите мя».

Шед же в печеру и заградив о себе двери, и пребысть, не глаголя никому же ничто же, дванадесать лет. Егда же хотяше преставитися, призвавъ всю братию, тожде им глаголаше, еже исперва, о послушании и о покаянии, глаголя: «Блаженъ есть, иже zde сподобивыйся положен быти». И сие рекъ, почи с миром о господе.

И бе некто братъ единь, боляй лядвиами от лет мног, и принесень бысть надо нь; обоим же тело блаженаго, и исцеле от того часа, и дажде до дъне смерти своя никакожде поболе лядвиами, ниже ином чим. Сему же исцелевшему имя Вавила. И тый сказа братии сице:

«Лежашу ми, рече, и вѣпующу от болезни, и абие видех сий блаженный и глаголя ми: «Прииди, исцелю тя». Аз же хотя того впрашати, когда и коли семо прииде, он же абие невидим бысть». И оттоле разумеша вси, яко угоди господеву, никогда же бо изыйде и виде солнца в 12 лет, и плачася не преста день и ношь, ядася бо мало хлеба и воды поскуду пиаше, и то чресъ день. И се слышах от того Вавилы, исцеленнаго им.

Аще ли кому неверно мнится се написание, да почтет житиа святых отец наших Антониа и Феодосиа, началника рускым мнихом, и тако да верует. Аще ли ни тако преминиться, неповинни суть, подобает бо сбытиса притъче, реченней господомъ: «Изыйде сеяи сеяти семени своего, и ова паде при пути, и другое в тернии» — иже печальми житийскими подавляются, о них же пророк рече: «Одебеле сердце людий сих, ушима тяжко слышаша»; другой же: «Господи, кто верова слуху нашему?»

К Поликарпу. Ты же, брате и сыну, сим не вследуй, не тех бо ради пишу сие, но да тебе приобретаю. Свет же ти даю: благочестием утвердися в святем том монастыри Печерском, не всхощи власти, ни игуменьства, ни епископства, и доволеет ти к спасению, еже кончати жизнь свою в нем. Веси сам, яко могу сказати всех книгъ подобна, уне ми, и тебе полезна, еже от того божествнаго и святаго монастыря Печерскаго сдеанна и слышанна от многих мало сказати.

О ПРЕПОДОБНОМ СВЯТОШИ,
КНЯЗИ ЧЕРНИГОВСКОМ. СЛОВО 20

Сей блаженный и благоверный князь Святоша, именем Николае, сын Давидов, внук Святославль, помысли убо прелесть житиа сего суетнаго и яко вся, яже и zde, мимо текут и мимо ходять, будуща же блага не проходима, вечна суть, и царство небесное бесконеч-

но, еже уготова бог любящим его, — остави княжение, честь и славу и власть, и вся та ни в что же вменив, и пришед в Печерский монастырь, и бысть мних, в лето 6614, февраля 17.

Его же вси сведают ту сущии черноризци добродетельное его житие и послушание. Пребысть же убо в поварнии 3 лета работаа на братию, и своима рукама древо секаше на потребу сочиву, многажды же и с берега на своєю раму ношаше дрова, и едва отстависта брата его Изяслав и Владимир от таковаго дела. Сей же истинный послушник с молбою испроси, да едино лето еще в поварни поработает на братию. И тако сий яко искусен и свершен в всем, и по сем приставиша его к вратом монастыря, и ту пребысть 3 лета, не отходя никамо же, разве церкви. И оттуду бо повелено бысть ему служити на трапезе. И тако игуменовою волею и всея братиа, принужен бысть келию себе имети, юже створи, яже и доньне есть зовома «Святошина», и оград, его же своима рукама насади.

Глаголют же о нем и се, яко вся лета чернечства его не виде его николи же никто праздна, но всегда имяше рукоделие в руках своих, и сим доволне быти одежи его от таковаго рукоделиа. В устех же всегда имяше молитву Исусову беспрестани: «Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй мя». Не вкуси же иного ничто же, токмо от монастырьския яди питашеся; аще и много имяше, но та вся на потребу странным и нищим подаваше, и на церковна строение. Суть же и книги его многыя и доньне.

Имеа же блаженный князь Святоша, еще в княженьи сый, лечьца хитра вельми, именем Петра, родом сирянина, иже прииде с ним в монастырь. Видев же сего Петръ волную нищету, в поварници же и у врат приседяща, лишився его и живяше в Киеве, врачюя многы. Прихождаше же часто к блаженому, видя сего в мнозе злострадании и безмернем пощении, увещаваше его, глаголя: «Княже, достоит ти смотрити о

своём здравии, да не тако погубиши плоть свою многым трудом и вздержанием, иже иногда изнемогшу ти, не мощи имати понести наложеннаго ти ярма, его же еси изволил бога ради. Не хошет бо бог чресъ силу поста или труда, но точию сердца чиста и скрушена, ниже обыкл еси той нужди, юже твориши работаа, яко нужный рабъ. Но и благочестиваа твоа братиа Изяслав и Владимир велику укоризну имеета собе нищетою твоєю. Како от таковыа славы и чести в последнее убожество прииде, еже уморяти тело свое и датися в недугъ неподобныа пища. Дивлюся уробней ти влазе, иже иногда отягчене бывши от сладкыа пища, ныне же убо суровое зелие и сухой хлеб приемлющи терпять. Блюди, да не когда недугъ всюду сбрався и не имущу ти крепости, скоро живота гонънеши, мне же не могущу ти помощи, и оставиши плачь неутешим братома своима. Се бо и боляре, иногда служившии тебе, мнящеся велиции быти и славнии тебе ради, ныне же, лишени твоа любве, желетве: дома великы створше, н седять в них в мнозе унынии. Ты же не имаши где главы подклонити, на сметьшици сем седя, и мнать тя яко изумевшася. Кый убо князь се створи? Ли блаженный отецъ твой Давыд, или дед твой Святославъ, или кто в болярех се створи, или сего пути вжеле, разве Варлама, игумена бывшаго zde? И аще мене преслушаешися, прежде суда суд приимеши».

Се же и многожды глаголаше ему, овогда в поварни с нимъ седя, иногда же у вратъ, научеи быв братома его. И отвеща блаженный: «Брате Петре! Многожды смотрих и рассудих не пощадети плоти моеа, да не паки вставлю брани на ся, да сгнетаема многым трудом, смириться. Силе бо, — рече, — брате Петре, в немощи подобно съвершиться. Не суть бо страсти нынешняго времени точны будущей славе, хотящей явитися в нас. Благодарю же господа, яко свободил мя есть от мирскыа работы и сътворил мя есть слу-

гу рабом своим, блаженным симъ черноризцем. Брата же моа да внимаета себе, кождо бо свое время понесет, и довлеетъ има моа власть. Сиа же вся Христа ради оставих: жену и дети, дом и власть, и братию, и другы, рабы и села, и того ради чаю жизни вечныа наследникъ быти. Обьнищах же — бога ради, да того приобрящу. И ты убо, егда врачуюеши, не гнушати ли ся велиши брашен? Мне же умрети за Христа — приобретение есть, а еже на сметьшици седети — с Иевом ся *твооря* царствуа. Аще ки единъ князь сего не створил преже мене, — предвождай да явлюся им: кто же ли поревнуеть сему, и да вследуетъ сему и мне. Прочее же внимай себе и научившим тебе». И егда убо разболяшеся сий блаженный, и видев же его, лечецъ приготавлиет зелие на потребнаа врачевания, на кийждо недугъ, когда беаше или огненное жежение или теплота кручиннаа, и преже пришествиа его здрав бываше князь, никако же дадый себе врачевати. И се многожды створися. Некогда же тому Петрови разболевшуся, посла к нему Святоша, рече: «Аще не пиеши зелиа, скоро исцелееши; аще ли мене преслушаешися, много имаши пострадати». Он же, хытр ся творя и болезни гонъзнути хотя, мало живота не погрешит, растворниа вкусивъ. Молитвою же святаго исцеле.

Паки же сему разболевшуся, наречие посылаетъ к тому святой, глаголя, яко: «В 3 дньи исцелееши, аще не врачуюешися». Послушав же его сурианин, в 3 день исцеле, по словеси блаженаго. Призвав же его, святой глаголя ему остришися: «По трех бо месяцев, рече, отхождо света сего». Се же рече, назнаменуя ему смерть. Сириянин же не разумев хотящаа ему быти, сий же Петр пад пред ногами его, с слезами глаголя: «Увы мне, господине мой и добродетелю мой и драгий мой животе! Кто призритъ на страньствие мое, и кто напитаеть многую чадь требующих, и кто заступитъ от обидимых, кто помилуетъ нищих? Не рех ли, о княже, оставити имаши плачь неутешимый братома си? Не

рех ли ти, о княже, не тако ли мя словом Божиим исцели и силою, яко же твоею молитвою? Где ныне отходиши, пастырю добрый? Повеждь мне, рабу своему, язву Смертную, да аще аз не изврачюю, да будет глава моа за главу твою и душа моа за душу твою. Не молча отиди от мене, но яви ми, господине, откуда ти таковаа весть, да дам животь свой за тя. Аще же извстил ти есть господь о том, моли его, да аз умру за тя. Аще ли же оставляеши мя, то где сяду и плачюся своего лишения, на сметьищи ли сем, или в вратех сих, иде же пребываши? Что ли имам наследовати твоего имени? Самому ти нагу сушу, но и отходящу ти, в сих исплатаных рубищах положень будеши. Даруй ми твою молитву, яко же древле Илия Иелиссови милоть, да раздражю глубину сердечную и проиду в места райскаа крова дивна дому божиа. Весть же и зверь по взшествии солнца обратися и на ложах своих лягут, и бо птица обрете себе храмину, и горлица гнездо себе, иде же положи птенца своя; ты же 6 лет имаши в монастыри и места своего не позна».

Блаженный же рече к нему: «Добро есть уповати на господа, нежели надеатися на человека; весть же господь, како препитати всю тварь, могый заступати и спасати бедныа. Брата же моа, не плачита мене, но плачита себе и чад своих. Врачевания же в животе не требовах, мертвии бо живота не имут видети, ни врачеве могут воскресити». Исходя же с ним в пещеру, ископа гроб себе и рече сириянину: «Кто наю паче възлюбит гроб сий?» Сириянин же рече: «Веде, яко аще кто хоцеть, но ты живи еще, а мене zde положи». Блаженный же рече: «Буди тебе, яко же хоцещи». И тако остригся, пребысть плачася день и ноць не престаа за 3 месяци. Блаженный же утешаа его, глаголаше: «Брате Петре, хоцещи ли, да поиму тя с собою?» Он же с плачем рече к нему: «Хоцу, да мене пустиши, и аз за тя умру, ты же моли за мя». И рече к нему блаженный: «Држай, чадо, готов буди,

в 3 бо день отидеши». И тако, причастився божественых и животворящих, тайн бесмертных, и взлег на одре, и опрятався, и простер нозе, предасть душу в руце господеви.

Блаженный же князь Святоша по том пребысть лет 30, не исходя из монастыря, дондеже преставися в вечный живот. И в день преставления его мало не весь град обретеса.

И се уведав брат его, прислав с мольбою к игумену, глаголя, прося себе на благословение креста, иже у парамандии его, и взглавница и кладкы его, на ней же кланяшеса. Игумень же дасть ему, рек: «По вере твоей буди тебе». Сей же, прием, честно имяше, и вдасть игумену 3 гривны злата, да не туне взмет знамение братьне. Сему же Изяславу некогда разболевшюся, и уже в нечаании от всех бывша, и при смерти суца того видевше, приседяху ему жена его и дети, и вси боляре. Сий же, мало всклонився, проси воды Печерьскаго кладезя, и тако онеме. Пославше же и взяша воды; отерше гробь святого Феодосиа, дасть же игумен и власеницю Святошину, брата его, да облекуть его в ню. Прежде дажде не вниде носяй *воду и власяницу, и абие* проглагола князь: «Изыдете скоро пред град на сретение преподобныа Феодосию и Николе». Вшедшу же посланному с водою и с власяницею, и взопи князь: «Никола, Никола Святоша!» И давшу ему пити, и облекша его в власяницу, и абие здрав бысть. И вси прославиша бога и угодникы его. Ту же власяницу взимаше на ся, егда разболяшеса, и тако здравь бываше. В всяку рать сию власяницу на себе имеша, и тако без вреда пребываше. Сгрешившю же ему некогда, не сме възяти ея на себе, и тако убиень бысть в рати, и заповеда в той положитися.

Многа же ина исправления о том мужи поведають. Иже и донныне сведають ту сущии черноризци о блаженнем князи Святоши.

К Поликарпу. И пакы обрящу к тебе слово. Что ты таковое сдея? Богатство ли остави? — но не име его. Славу ли? — но не постиже ея, но от убожества в славу прииде и все благое. Помысли сего князя, его же ни един князь в Руси створи, волею бо никто же вниде в чернечество. В истинну сей болей всех князей русских. Како же сравнается твоя укоризна того властияничи? Ты бо в наготу позванъ еси — и се ризами красными украшаешися, и сих ради обнажень имаша быти и нетленныя одежда и, яко не имеа брачныя ризы, сиречь смирения, осудишися. Но что пишеть блаженный Иоан иже в Лествици: «Жидовин жадает брашна, да празднуеть по закону». Ты же, сим подобиая, попечение твориши о питии и о ядении, и сим славен сятвори. Послушай блаженнаго Евагрия: «Мних, аще сгрешить, праздника на земли не имать». Не питай тела своего, да не супостат ти будет, ни выше меры начни высокых: егда не возмог, укоризну себе приимеши. Буди подражатель святых отец, да не будеши лишень божественныя славы тоя. Аще не достигнеши с совершенными венчанъ быти, поне с угодившими похвален быти потычишия. Вчера пришел еси в чернечество, и уже обещаваеши и прежде навькновения епископству хоцещи, и законодавецъ крепокъ показуешися, и прежде своего покорения всех смирити хоцещи, мудрствуеши высокоаа, с тордыми повелеваа, спротивно отвещаваа. Сиа вся навькох от усть твоих, яже помышляеши о земных, а не о небесных, о плотских, а не о духовных, о похотех, а не о вздержании, о богатстве, а не о нищете. Света отступи, а в тьму дал ся еси, жизнь отврг и муку себе вечную уготоваль еси, и приим оружие на врага, и то в свое сердце взиль еси. Вспряни, брате, и разумей опасно о своем житии, неподвижну мысль имея и ум от святаго места того. Но се ти, брате, исповем подобно твоему тыщанию о Еразме черноризце.

О ВРАЗМЕ ЧЕРНОРИЗЦЕ, ИЖЕ ИСТРОШИ ИМЕНИЕ СВОЕ
К СВЯТЫМ ИКОНАМ И ТЕХ РАДИ СПАСЕНИЕ ОБРЕТЕ.

СЛОВО 21

Бысть черноризецъ именем Еразм в том же Печерском монастыри, имеа богатство много, и все, еже имеа, на церковную потребу истроши, и иконы многы окова, иже и доньне суть у вас над олтарем. И сий обнища велми, и небрегом бысть никым же, в нечаание себе зврг, яко не имети ему мзды истрошеннаго ради ему богатства, еже в церковь, яко не в милостыню створи. Сиа диаволу ему вложившю в сердце, нача нерадением жити, в всяком небрежении и бещино дъни своа проводи.

Разболевся зело и наконецъ пребысть нем и не зря 8 дъни, и мало дыхание в персех имый. В 8 же день приидоша к нему вся братиа, и видяще страшное издыхание, чюдящися глаголаху: «Горе, горе души брата сего! Яко в лености и в всякомъ гресе пожит, и ныне нечто видить и мятеться, не могый изыти».

Сей же Еразм, яко же николи же больвь, востаъ, и седе, и рече им: «Братие и отци, послушайте, в истинну тако есть. Яко же вси вы весте, яко грешникъ есмь и не покаахся и доньне. И се днесъ явиста ми ся святаа Антоние и Феодосие, глаголюще ми: «Молиховесе к богу, и дарова тебе господь время покаашию». И се видех святую богородицу, имущу на руку сына своего, Христа бога нашего, и вси святии с нею. И глагола ми: «Еразме! понеже ты украси церковь мою и иконами взвеличи, и аз тя прославлю в царствии сына моего, убогыя бо всегда имате с собою. Но встав и покайся, и приими великий аггельскый образ, и в 3 день поиму тя чиста к себе, възлюблешего благолепие дому моего».

И сиа рек братии, нача исповедати грехы своа, елико створи, пред всеми нестыдно, радуая о господе, и пострыжен бысть в схиму, и 3 день к господе отиде в добре исповедании. Се слышах от тех и свидетель святых и самовидецъ, блаженных старецъ.

К Поликарпу. Да се ведый, брате, не мни: «Все истрошив еже име», яко все пред богом изочтено есть и до медници. Чай от бога милости труда ради твоего. Двои двери доспелъ еси той святей велицей церкви святыа Богородица Печерская, и та отверзеть ти двери милости своя, ибо иереи впиють о такихъ всегда в той церкви: «Господи, освяти любящаа благолепие дому твоего и тыя прослави божественною силою твоею». Помяни же и оного патрикия, иже крестъ повеле сковати от злата чиста. Ему же взревнована юноша, и мало своего элата приложивъ, наследникъ бысть всему имению его. Ты же, аще изнуриши сущее на славу божию и пречистой его матери, не погубиши мзды своя, но рци с Давидом: «Приложу на всяку похвалу твою», да к тебе речеть господь: «Прославляющаа мя прославлю». Понеже сам ми рек: «Уне ми, еже имею, то все на церковную потребу истрошу, да не напрасно ратию или татьми или огнем взято будет». Аз же похвалих доброе произволение твое. «Обещайтесь бо ся, — рече, — и въздадите». Уне бо есть не обещатися, нежели обещавшуся, не въздати. Аще ли что такому уллучиться когда ли ратию, ли татьми окрадену быти, никако же похули, ни смутися, но благохвали бога о сем, с Иевомъ рци: «Господь дастъ, господь възять». И еще ти к сему исповемъ о Арефе чрноризце.

О АРЕФЕ ЧЕРНОРИЗЦЕ, ЕМУ ЖЕ ТАТЬМИ УКРАДЕННОЕ
ИМЕНИЕ В МИЛОСТИНЮ ВМЕНИСЯ,
И СЕГО РАДИ СПАСЕСЯ. СЛОВО 22

Бысть убо чрноризецъ в том же Печерскомъ монастыри именемъ Арефа, родомъ полочанин. Много богатство име в келии своей и никогда же подаде ни единое цыты убогому, ниже хлеба, и тольма бе скупъ и немилосерд, яко и самому гладом умирати.

В едину же ночь пришедше татие и покрадоша все имение его. Сий же Арефа от многыа скрби, яже от злата, хотя сам ся погубити, и тяжесть велику възложи на неповинныа и многы мучив бес правды. Мы же вси молихомся ему престати от възсканиа, он же никоже послушаше. Старци же блаженнии тии, утешающе его, глаголаху: «Брате, взверзи на господа печаль свою, и тый тя препитаеть». Сий же жестокими словесы всемъ досаждаше.

По малех же днехъ впаде в недугъ люот, и уже при концы быв, и ни тако преста от роптания и хулы. Но иже всехъ господь, хотяй всехъ спасти, и показа ему аггельское пришествие и бесовский полк, и начатъ звати: «Господи, помилуй! Господи, сгреших, — твое есть, не жалю си». Устрабивъ же ся от болезни, сказаше намъ явление. «Егда, — рече, — приидоша аггели, внидоша же и беси, и начаша стязатися о украденномъ богатстве, и глаголаша беси: «Яко не похвали, но похули, и се нашъ есть и намъ преданъ бысть». Аггеломъ же глаголющимъ къ мне: «О окаанный человече, аще бы еси благодарилъ бога о сем, и се бы ти вменилося, яко же Иеву. Аще бо кто милостиною творитъ — велие предъ богомъ есть, но своею волею створи; а взятое насиліемъ аще благодаритъ бога, болий милостини есть: хотель убо диаволъ в хулу вврещи человека, се створивъ, той же богови все предасть, и сего ради паче милостини есть с благодарениемъ». Сиа аггеломъ рекшимъ къ мне, и азъ въздохъ: «Господи, помилуй! Господи, простя! Господи, сгреших! Господи, твое есть, не жалю си». И ту абне беси ищезоша, и аггели възрадовашеся, и вписавше ми в милостиною погыбшее сребро».

Мы же, сиа слышавше, прославихомъ бога, известившаго намъ си. Рассудивше блаженнии тии старци, и реша: «В истинну достойно и праведно при всемъ благодарити бога». Мы же того по вся дни видяще славяща и хваляще бога, и удивихомся пременению того ума же и нрава: иже прежде никто же можаше его отвратити

от хулы, ныне же присно Иевов глас зоветь: «Господь даст, господь взять; яко господеви годе, тако и бысть. Буди имя господне благословено в векъ». И аще не бы видел аггелскаго явления и слышал тех словесъ, никако же бы престаль ропща, и мы веровахом истинней быти вещи. И аще бы се было мало, не бы он старецъ, иже в Патерине молился богови, да приидут на нь разбойници и вся его възмут: услышан же быв, и вся суцаа в руне их предасть.

К Поликарпу. И се уже, брате, всяцми наказании наказах тя. Проси у господа бога, да ту жизнь свою скончаеши в покаании и послушании игумена своего Акинѣдина. Сиа 3 вещи болеи всех добродетелий суть, яко же Афанасие Затворник свидетельства.

И се ти еще ино дивно чюдо скажю, еже сам видех. Сице убо створися в том же святемь монастыри Печерском.

О ДВОЮ БРАТУ, О ТИТЕ ПОПЕ И ЕВАГРИИ ДИАКОНЕ,
ИМЕВШИМ ВРАЖДУ МЕЖДУ СОБОЮ. СЛОВО 23

Два брата беста по духу: Евагрий диакон, Тить же поп. Имяста любов велику и нелицемерну межди собою, яко всем дивитися единоумию их и безмерней любви. Ненавидяй же добра диавол, иже всегда рыкаеть, яко лев, ища кого поглотити, и створи има вражду, и тако ненавнсть вложи има, яко и в лице не хотяху видети друг друга. Многажды же братиа моливше ею, еже смиритися има межди собою, они же ни слышати хотяху.

Егда же стояше Евагрий в церкви, идушу Титови с кадилницею, отбегаше Евагрий фимиана; егда же ли не бежаше, то преминоваше его Тит, не покадив. И пребыста много время в мраце греховнем. Тить убо служаше, прощения не взя, Евагрий же комкаше гневаася. На се врагу оруживше их.

Некогда же сему Титови разболевшуся вельми и уже в нечаании лежашу, нача плакаться своего лишения, и

посла с умилиением к диакону, глаголя: «Прости мя, брате, бога ради, яко гневахся на тя». Сей же жестокими словесы проклинаше его. Старци же тии, видевше Тита умирающа, влечааху Евагрия нуждею, да проститься с братом. Больный же, видев брата, мало всклонься, паде ниць пред ногама его, с слезами глаголя: «Прости мя, отче, и благослови». Он же, немилостивый и лютый, отвержеся пред всеми нами, глаголя: «Николи же хошу с ним прощения имети, ни в сий век, ни в будущий», исторгся от руку старецъ тех, а абие падеся. И хотевшимь нам вставить его, и обретохомь его умрша, и не могохом ему ни руки протягнути, ни уст свести, яко давно уже умерша. Больный же скоро встав, и яко николи же болев.

Мы же ужасохомся о напрасной смерти его и о скорем исцелении сего, и много плакавше, погребохом Евагрия, отверьсты имый уста и очи, и руце растяжене.

Впросихом же Тита: «Что се створися?» Тит же сказаше нам, глаголя: «Видех, — рече, — аггелы отступилше от мене и плачущася о души моей, беси же радующеся о гневе моем, и тогда начах молити брата, да простит мя. Егда же его приведосте к мне, и видех аггела немилостива, держаще пламенное копие, и егда же не прости мене, удари его, и падеся мертв, мне же подасть руку и встави мя». Мы же, сиа слышавше, убояхомься бога рекшаго: «Оставьте — и оставяться вам». Рече бо господь: «Всяк, гневаайся на брата своего без ума, повинень есть суду». Ефрем же: «Аще кому случиться в вражде умрети, неизмолим суд обрящют таковии».

Аще ли же сий святых ради Антония и Феодосиа отрады не приметь, люте человеку тому, сичевою страстию побежену быти.

К Поликарпу. От нея же и ты, брате, блюдися, не дай же места гневливому бесу, ему же бо кто повинеться, тому и поработиться, но скоро падь поклонися враждующему на тя, да не предань будеши аггелу немилостивому.

стивому, да и тебе съхранить господ от всякого гнева. Тъй бо рече: «Да не зайдет солнце в гневѣ вашем». Тому слава с отцем и с святым духом ныне и присно.

ВТОРАГО ПОСЛАНИЯ, ЕЖЕ К АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРЬСКОМУ АКИДИНУ, О СВЯТЫХ И БЛАЖЕННЫХ ЧЕРНОРИЗЦЕХ ПЕЧЕРЬСКИХ, БРАТИИ НАШЕЙ, СПИСАНО ПОЛИКАРПОМ, ЧЕРНОРИЗЦЕМ ТОГО ЖЕ ПЕЧЕРЬСКАГО МАНАСТЫРЯ.

СЛОВО 24

Господу поспешествующу и слову утверждающе, к твоему благоумию, пречестный архимандрите всея Руси, отче и господине мой Акидине. Подай же ми благоприатнаа твоа слуха, да в ня възглаголю дивных и блаженых муж житиа, деаниа и знамениа, бывших в святем семь монастыри Печерьском, еже слышах о них от епископа Симона Владимерьскаго и Суждальскаго, брата твоего, черноризца бывшаго того же Печерьскаго монастыря, иже сказа мне грешному о святем и велицем Антонии, бывшаго начальника руским мнихом, и о святем Феодосии, и иже по них святых и преподобиых отец житиа и подвигы, сконъчавшихся в дому пречистыа божиа матере. Да слышит твое благоразумие моего младоумиа и иесвершенна смысла.

Вспросиль мя еси некогда, веля ми сказати о тех черноризецъ сдеаннаа; сведый мою грубость и *неизящное* нрава, иже всегда с страхом в всякой повести бесеद्यю пред тобою, — то како могу ясно изрещи створеннаа ими знамениа и чудеса преславнаа? И мало нечто сказах ти от тех преславных чудес, а множайшаа забых от страха, стыдяся твоего благочестиа, неразумно исповедах. Понудихся писанием известити тебе, еже о святей блаженней братии нашей, да и сущии по нас черноризци уведят благодать божию, бывшую в святем сем мести и прославят отца небеснаго, показавшаго такового светилники в Руской земли, в Печерьском святем монастыри.

О НИКИТЕ ЗАТВОРНИЦЕ, ИЖЕ ПО СЕМ БЫСТЬ ЕПИСКОП НОВУГРАДУ. СЛОВО 25

Бысть в дни преподобнаго игумена Никона братъ единый, Никита именем. Сей, желаа славим быти от человек, дело велие не бога ради замыслив, нача просити игумена, да в затвор внидет. Игумен же възбраниаше ему, глаголя: «О чадо, несть ти пользы праздну седети, понеже юн еси; уне ти есть, да пребудеши посреде братиа и работаа темь, не погресиши мзды своея. Самь видель еси брата нашего, святаго Исакиа Печерника, како прелщень бысть от бесов. Аще не бы велиа благодать божиа спасла его и молитв ради преподобных отец Антониа и Феодосиа, иже и донине чудеса многа творят». Никита же глаголаше: «Никако же прелщюся таковою вещию. Прошу же у господа бога, да и мне подасть чудотворения дар». Отвещав же Никон рече: «Выше силы прошение твое; блюди, брате, да не взнесся, ниспадешися. Велит ти наше смирение служити на святую братшо, их же ради венчан имаши быти за послушание твое». Никита же никако же внят глаголемым от игумена, но еже всхоте, то и створи, заздавъ о себе двери и пребысть не исходя.

Не по мнозех же днех прельщен бысть от диавола. В время бо пениа своего слышаше глас молящся с ним и обоняше благоухание неизреченно, и сим прельстился, глаголя в себе: «Аще не бы сей аггель был, не бы молился с мною, ни духа святаго обоняние бы было». И нача прилежно молитися, глаголя: «Господи, яви ми ся сам разумно, да вижю тя». Тогда глас бысть к нему: «Не являюся тебе, зане юн еси, да не взнесся, ниспадешися». Затворник же с слезами рече: «Никако же, господи, прельщюся, научен бо бых от игумена моего не внимати прельсти диаволи, тобою же вся велимаа ми створю». И тогда душепагубный змий приим область над ним и рече: «Не възможно человеку, в плоти сущу, видети мене, и се посылаю аггел мой, да пребудет с тобою, и ты буди волю его творя».

И абие ста пред ним бесь в образе аггела. Пад убо мних, поклонися ему, аки аггелу. И глагола ему бесь: «Ты убо не молися, но буди почитаа книги, и сими обрящешися с богом беседа, да от них подаси слово полезно приходящим к тебе. Аз же присно буду моля о спасении твоём творца своего». Прельстив же ся, мних никако же помолися, но прилежаше чтению и поучению, беса же видяше беспрестани молящеся о нем, и радовашеся яко аггелу, творящу молитву за нь. Беседоваше же о пользе души приходящим к нему, и нача пророчествовати, и бысть о нем слава велика, яко всем дивитися сбытшо словес его.

Посылаеть же Никита к князю Изяславу, глаголя, яко: «Днесь убиен бысть Глеб Святославичь в Заволочии, скоро посли сына своего Святополка на стол Новуграду». И яко же рече, тако и бысть: по малех же днех уведана бысть смерть Глебова. И от сего прослу затворникъ, яко пророк есть; велми послушаху его князи и боляре.

Бесь убо приходящаго быти не весть, но еже сам сдея и научи злыа человеки, или убити, ли украсти, сиа взвещаеть. Егда бо прихождаху к затворнику словеси утешения слышати от него, бес же, мнимый аггел, поведаше ему вся случившаася им, тый же пророчествоваше — и бываше.

Не можаше же никто же истязатися с ним книгами Ветхаго закона, весь бо изоуст умеаше: Бытие, и Исход, Левгыты, Числа, Судии, Царства и вся Пророчества по чину, и вся книги жидовския сведаше добре. Еуаггелиа же и Апостола, яже в благодати преданныа нам святыа книги на утвржение наше и на исправления, сих николи же всхоте видети, ни слышати, ни почитати, ни иному дасть беседовати к себе. И бысть разумно всем от сего, яко прельщень есть от врага.

И сего не трпяще преподобнии тии отци: Никон игумень, Иоан, иже по нем бысть игумен, Пимин Постник, Исаиа, иже бысть епископ граду Ростову, Мат-

фей Прозорливецъ, Исакий святыи Печерникъ, Агапит Лечець, Григорий Чюдотворецъ, Никола, иже бысть епископ Тмутороканю, Нестер, иже написа Летописецъ, Григорий, творецъ каноном, Феоктист, иже бысть епископ Черниговский, Онисифор Прозорливецъ. Сии вси богоносци приидоша к прелщенному и помольшеся богови, отгнаша беса от него, и к тому не виде его. Изведоша же его вон и впрошаху его от Ветсемь законе, хотяще слышати от него что. Сий же кленяшеся, яко николи же читав книг: иже прежде умеаше изоуст жидовския книги, иныне же ни единого слова не свесть, и спроста рещи, ни единого слова знаяше. Сии же преблажении отци едва научиша его грамоте.

И оттуду дасть себе на вздржание и послушание и чистое и смиренное житие, яко превзыти ему всех добродетелию; его же последе поставиша епископом Новуграду за премногую его добродетель. Иже и многа чюдеса створивъ: некогда бо бездождию бывшу, и помолився богу, дождь с небеси сведе, и пожарь граду угаси. И ныне с святыми чтуть его святаго и блаженнаго Никыту.

О ЛАВРЕНТИИ ЗАТВОРНИЦЕ. СЛОВО 26

По сем ин некто брат, именем Лавреньтий, сей всхоте в затвор внити. Сему же святии отци отинудь не повелеша сего створити. Сий же Лаврентий шед к святому Дмитрию в Изяславль монастырь и затвори себе. И крепкаго ради его житиа дарова ему господь благодать исцелением.

И к сему приведен бысть некий человек от Киева беснуясь, его же не возможе затворник изгнати, бе бо бес лют зело: яко древо, неудобь носимо десятию мужь, он же единъ вземь заверзаше. Пребывшю же ему много время неисцелевшу, и повеле затворник вести его в Печерский монастырь. Тогда бесный нача впити:

«Х кому посылаеши мя? Аз бо не съмею приближитися к пещере, святых ради положеных в ней, в монастыри же тридесятих единех боюся, с прочими же борюся». Влекущий же его ведяху, яко николи же был в Печерском монастыри и никого же знаетъ в нем, впростиша его: «Которыи суть, их же ты боишися?» Бесный же нарече их всех по имени: «Сии 30, рече, словом единым ижденуть мя». Бе бо тогда всех черноризецъ в пещере 100 и 80.

И глаголаша бесному: «Мы хоцемъ в пещере затворити тя». Бесный же рече: «Каа полза мне с мертвыми братися? Тии бо ныне большее дерзновение имуть к богу о своих черноризцех молитися и о приходящих к ним. Но аще хоцете брань мою видети, ведете мя в монастырь». И нача глаголати жидовьскыи и потом латыньскы, таже греческыи, и спроста рещи, всеми языки, их же николи же слышал, яко боятися и водящим его изменению языка и разногласию. И преже вшестъвиа в монастырь исцеле и добре нача смыслети. Прииде игумен с всею братиею, и не знааше игумена исцелевый и ни единого от тех 30, их же нарече бесуайся тогда. Впростиша же того приведшии: «Кто естъ исцеливый тя?» Сий же, взираа на икону Богородичину чудотворную, и глаголаше: «Яко с сею усретоша нас, по имени святии отци 30 числом, и тако исцелех». Имена же всем убо сведаше, самех же ни единого от тех старецъ не знааше. И тако вси купно славу vzdааху богови и пречистой его матери и блаженным угодником его.

И сего ради вписах ти, господине Акиндине, да не покрюю тмою невидения дивнаа чудеса блаженных оных и преподобных отецъ наших знамениа и чудеса и справления. Да и прочии уведятъ святое житие братии нашеа, еже быти тацем мужем в едино время, яко до 30, могущим словомъ изгонити бесы. К пещере же, рече, не смети ни приближитися беснующимся положеных ради в ней святых отецъ Антониа и Фео-

досиа и прочих СЕЯТЫХ черноризецъ, их же имена вписанна суть в книги животныа. Блажен, иже с теми сподобивыйся положен быти, блажен и спасен, иже с теми сподобивыйся написан быти, с ними же и мене господь да сподобитъ милости в день судный молитвами твоими. Аминь.

О СВЯТЕМ И БЛАЖЕНЕМ АГАПИТЕ, БЕЗМЕЗДНОМ ВРАЧИ.

СЛОВО 27.

Бе некто от Киева пострижеса, именем Агапит, при блаженем отци нашем Антонии, иже и последствоваше житию его аггельскому, самовидецъ бывъ исправлением его. Яко же бо он, великий, покрываа свою святость, болныа исцеляше от своая яди: мняся тем врачевное зелие подаваа, и тако здрави бываху молитвою его; тако и сий блаженный Агапит, ревнуа святому тому старцю, помагаше болным. И егда кто от братиа разболяшеса, и тако остави келию свою, приходжаше к болящему брату и служаше ему, — и не бе бо ничто же крадомага в келии его, — подымаа же и полагаа его, и на свою руку износя, и подаваа ему от своая ади, яже варяше зелие, и тако здрав бываше болный молитвою его. Аще ли продолжишеса недугъ его, сице богу благоволящу, да веру и молитву раба своего умножит, сий же блаженный Агапит пребываше неотступно, моля за нь бога непрестанно, дондеже господь здравт подасть болящему молитов ради его. И сего ради прозван бысть Лечець, сему бо дарова господь дар исцеления. И слышано бысть о нем в граде, яко некто в монастыри лечець, мнози болящии приходжаду к нему и здрави бываху.

Бысть же в время сего блаженаго человек некий, арменин родом и верою, хытр же бе врачеванию, яко таков не бе преже его: иже толико видево болящаго, познаваше и поведаше ему смерть нарек ему день и час, — никако же изменяшеса слово его, и сего уже

никако же врачует. От сих един болный принесен бысть в Печерський монастырь, иже первый бысть у князя Всеволода, его же арменин в нечаание введе, прорек ему по осми дышй смерть. Блаженный же Агапит, дав тому зелиа, еже сам ядыше, и здрав створи его. И промчеса о нем слава по всей земли той.

Арменин же уязвен бысть завистною стрелою и нача укоряти блаженаго, и некого осужденна на смерть посла в монастырь, повеле дати тому смертнаго зелиа, да пред ним вкусив, пад умреть. Блаженный же, видев сего умирающа, дасть ему монастырская яди и здрава створи его молитвою своею, и от смерти избави повиннаго смерти. И оттоле вооружается на нь иноверный той арменин, и научи на святаго Агапита единоверьники своя дати ему испити смертоноснаго зелиа, хотя его сим зелием уморити. Блаженный же пиаше без пакости, ничто же зла пострадав, вестъ бо господь благочестивыя от смерти избавляти: «Иже, — рече, — аще смертно что испиют, ничто же их вредит, на недужныя руки взложить, и здрави будут».

В ты же дни разболеса князь Владимир Всеволодович Мономах, и прилежаше ему арменин, врачюя его, и ничто же успе, но паче недуг бываше болий. И уже при конци быв, посылает мольбу к Иоанну, игумену Печерскому, да понудит Агапита прийти до него, бе бо тогда князя в Чернигове. Игумен же, призвав Агапита, велить ему ити в Чернигов. И отвещав блаженный: «Аще к князю иду, то и к всем иду; не буди мне славы ради человечьская пред монастырскаяа изыити врата и преступником быти обета своего, еже обещахся пред богом быти ми в монастыри и до последняго издыхания. Аще ли изгониши мя, иду в ину страну, потом возвращаюся, дондеже вещь си минеть». Не бе бо николи же исходил из монастыря. Видев же посланный от князя, яко не хочеть ити, молит мниха, да поне зелиа дасть. Принужен же бысть игуменом,

дасть ему зелие от своя яди, да дасть болящему. И егда же князь вкуси зелиа, и ту абие здрав бысть.

Прииде же Владимир в Киев и вниде в Печерський монастырь, хотя почтити мниха и видети, кто есть дароваый тому зелие и здравие с богом, — не бе бо его николи же видал, — мня сего именем подарити. Агапит же, не хотя славим быти, съкрыся. Князь же принесенное ему злато дасть игумену. Потом же посла Владимир к блаженному Агапиту единого от боляр своих с многими дары. Его же посланный болярин обрете в келии, к принесъ, положи пред ним принесенныя дары. И отвеща: «О чадо, николи же и ни от кого же что взях, — ныне ли погублю мзду свою злата ради, его же не требую ни от кого же?» И отвеща боляринъ: «Отче, вестъ пославый мя, яко не требуеши сего, но мене ради утеши сына своего, ему же о бозе даровал еси здравие; се приими и дай же нищим». И отвеща старецъ: «С радостию сие прииму тебе ради, яко тебе ми суть. Ръни же пославшему тя: «Все, еже имел еси, чюжа бяху, тебе же отходящу, не могущу взяти ничто же с собою, ныне же раздай все требующим, еже имаши, яко сего ради избавил тя господь от смерти, аз бо ничто же ти бых успел, и не мози послушати мене, да не тожде постраждеши». И взем Агапит принесенное злато, изнес вне келиа, поверже, сам же скрыся. И изшед болярин, видев поверженно принесенное и дары, и взем все, дасть игумену Иоанну, и сказа все князю, еже о старци. И разумеша вси, яко раб божий есть. Князь же не сме преслушати старца, и все имение свое издасть нищим, по словеси блаженаго.

По сих же разболеса снй черноризень Агапит, и прииде к нему пред реченный арменин посетити его. И нача стязатися с ним о врачевней хытлости, глаголя, ким зелием целится какой недуг? И отвеща блаженный: «Им же господь подасть здравие». И разумев же арменин отинуд невежу его суща, и глагола к своим:

«Не умеешь сий ничто же». И ем его за руку, рече, яко в третий день сий умереть. «Се же истинна есть, и не измениться слово мое; аще ли не будет тако, и аз буду мних».

Блаженный же с яростию глагола тому: «Сицева ли суть твоего врачевания образи: смерть ми поведае, а помощи ми не можеш! Аще еси худогы, то дай жеживот, аще ли сим не владееш, то почто мя укаряеш, осуждаа в третий день умерети ми? Мне же известил есть господь в 3-й месяц умерети». Глаголет же ему арменинъ: «Яко се уже разумел ся еси, то уже никако же преидеши третиаго дня», бе бо изболел велми, яко не мощи ему ни двинути собою.

И тогда принесоша некоего болна от Киева, встав же Агапит, яко не болев, взя зелие, еже сам ядыше, показа лечьцю, глаголя: «Се есть зелие, разумей и виждь». Видев же лечець, глагола мниху: «Несть се от наших зелий, но мню, яко се от Александриа приносят». Посмеав же ся блаженный невеждьству его, дасть зелие болящему и того здрава створи. Глаголет же к лечьцю: «Чадю, яж, не жалуй, понеже убози есмы, не имам чим питати тя». Арменин же рече к нему: «Ныне, отче, 4 дни постимся мы сего месяца». Впроси же его блаженный: «Кто еси ты и коея веры еси?» Лечець же рече к нему: «Не слышал ли еси мене, яко арменин есмь?» Блаженный же рече к нему: «То како смел еси знити и оскврнити келию мою и држати за грешную мою руку? Изыйди от мене, иноверне и нечестиве». Осрамлен же быв арменин, и отиде. Блаженный же Агапит, пребыв 3 месяца, мало поболев, к господу отиде.

По смерти же его прииде арменин в манастыр и глагола игумену: «Отселе уже и аз буду черноризець и оставляю арменьскую веру, истинно верую в господа Исус Христа. Яви бо ми ся блаженный Агапит, глаголя: «Обещался еси восприяти мнишескый образ, и аще слжеш, с животом и душою погыбнеш». И тако верую. Но аще бы сий блаженный хотел на много время

жити zde, не бы богъ преставиль его от света сего; аще же и приать его господь, но вечный живот дарова ему, и мню, яко своею волею отыде от нас, небеснаго царства желаа, могый и еще жити с нами. Яко же и аз разумех, 3 дни не бе преити ему, и сего ради приложи собе 3 месяца, и аще бы рекл 3 месяца, но и 3 лета бы пребыл. Но аще и умре сий, но вселися в обители, пребывающиа в вечны живот, и тамо жив есть». Таже и сий арменин пострижеса в Печерском манастыри, и ту живот свой сконча в добре исповедании.

Таковаа и больша сих съдеашася от тех святых черноризець их же вспомянув добродетелное житие, дивлюся, како премолчана быша великаа исправления *преподобнаго отца нашего* Антония? То аще толико светило угасе нашим небрежением, то како от него луча всають, сих мню преподобных отець и братии наших? Но яко же рече господь: «Ни который же пророк приятен есть в отечествии своем».

Аще бых ти написал, честный архимандрите, господине Акиндине, преже назнаменаных святых и преподобных отець овых чудотвориа, инех же исправления, других же крепкое вздржание, овых же послушное, других прозорство, — и сии вси послушествовани верою, знамении и чудесы от твоего черноризца, а от моего господина, епископа Симона. Другым убо неприатна мняты быти глаголемаа величества ради дел, вина же есть неверованию — мене грешнаго сущаго сведять Поликарпа. Но аще повелить твое подобьство написати, их же ум постигнеть и память принесеть. Аще ти непотребно будет, да и сущим по нас пользы ради оставим, яко же блаженный Нестерь в Летописци написа о блаженных отецех, о Дамияне, Иеремии, и Матфеи, и Исакии. В Житии же святаго Антония вся житиа их вписанна суть, аще и вкратце реченна.

Но паче преже реченнии черноризци ясно реку, не в тайне, яко же и преже: аще бо аз премолчу, от мене до конца забвенна будут и к тому не помянуться имена их, яко же было и до сего дъни. Се же речеса в 15 лето твоего игуменства, еже не бысть помяновения за 100 и 60 лет, ныне же, твоя ради любве, утаенна слышанна быша, и память любящим бога присно чтома и хвалима, яко тому угождьшеи от него венчася. Мне же таковыми краситися величие есть, и сим мню ся покрыти студа моего дела: еже токмо вспомяну слышанна, и творю, и мню, яко от мене изысканну быти чудотворию тех.

Яко же бо рече господь, — «Радость бывает на небеси о едином грешнице кающемся», то кольма паче о толлицех праведницех ангелом веселитися, яко тех жити на небеси поживша, и тех славы достоить тем nasledником быти. Аще бо zde о плоти не радиша, но яко бесплотни земнаа преобидеша и вся житийскаа акы уметы вмениша, да единаго Христа приобрящут, того бо единого взлюбиша и любве его привязашася, и тому всю волю свою предаша, да от него обожение примут, и тѣм дарова им на земли противу трудом их чудотвориа дары взездие, и в будущем же неизреченною славою прославить. Без святого бо духа ничто же человеку дасться на земли, аще не будет дано ему свыше.

Тем же и аз грешный Поликарп твоей воли работаа, државный Акиндине, и сиа ти написах. Но рци, и еще ти исповем мало нечто о блаженем и преподобнем отци нашем Григории Чудотворци.

О СВЯТЕМ ГРИГОРИИ ЧУДОТВОРЦИ. СЛОВО 28

Сей блаженный Григорие прииде к святому отцю нашему Феодосию в Печерський монастырь и от него научен бысть житию чернеческому: нестяжанию, смирению, послушанию и прочим добродетелем. Молитвам

же паче прилежаше, и сего ради приать на бесы победу, еже и далече сущим им впити: «О Григорие, изгониши ны молитвою своею!» Имеша бо блаженный обычай по всяком пении запрещалныа творити молитвы.

Не терпя же старый враг прогонения от него, не могый чим инем житию его спону створити, научи злыа человекеы, да покрадут его. Не бе бо иного ничто же имеша разве книг. В едину же ночь приидоша татие и стрежаху старца, да егда изыйдет на утренюю, и шедше взмутъ вся его. Ощутив же Григорие приход их, — всегда бо по вся ноши не спаше, но пояше и моляшеся беспрестани посреде келии своеа. Помоли же ся и о сих, пришедших красти: «Боже, дай же сон рабом твоим, яко утрудисася всеу, врагу угажающе». И спаша 5 дний и 5 ноций, дондеже блажений, призвавъ братию, взбуди их, глаголя: «Доколе стрезете всеу, покрасти мя *хотяще*? Уже отидете в дома своя». Вставше же, и не можаху ити, бяше бо изнемогли от глада. Блаженный же давь им ясти и отпусти их.

И се уедавъ градский властелин и повеле мучити татие ти. Стужив же си Григорие, яко его ради предани суть, и шед, дасть книги властелину, татие же отпусти. Прочаа же книги продав, и раздасть убогим, рек тако: «Да не како в беду впадут хотящии покрасти я». Рече бо господь: «Не скрываюте собе скровища на земли, иде же татие подкопывают и крадут; скрываете же собе сокровище на небесех, иде же ни тля тлить, ни татие крадутъ. Иде же бо скровище ваше, ту и сердца ваша». Татие же тии, покаавшеся чудеси ради бывшего них, и к тому не взвратисася на перваа дела своя, но пришедше в Печерський монастырь, вдашася на роботу братии.

Имеша же сей блаженный мал оградаць, иде же зелие сеяше и древа плодовиа. И на се пакы приидоша татие, и егда взяша бремена своя, *хотяще* отити, и не змогоша. И стояша два дни неподвижими и угнетае-

мы бремены, и начаша впити: «Господине Григорие, пусти ны, уже покаемся грехов своих, и к тому не створим сицевы вещи». Слышавше же черноризци, и пришедше яша их, и не могоша свести их от места того. И вприсиша их: «Когда семо приидосте?» Татие же реша: «Два дьни и две ноци стоим zde». Мниси же реша: «Мы всегда выходяще, и не видехом вас zde», Татие же реша: «Быхом мы видели вась ту, убо молилися быхом вам с слезами, дабы нас пустил. Се уже изнемогше, начахом впити, ныне же молити старца, да пустить нас».

Григорий же пришед и глагола им: «Понеже праздны пребысте весь живот свой, крадуще чюжаа труды, а самк не хотяше тружати, ныне стойте ту праздны прочаа лета до кончины живота своего». Они же с слезами моляху старца к тому не створити им таковаго сгрешения. Старец же умилися о них и рече: «То аще хочете делати и от труда своего инех питати, то уже пуцю вы». Татие же с клятвою реша: «Никако же преслушаемся тебе». Григорий же рече: «Благословен бог! Отселе будете работающе на святую братию, и от своего труда на потребу их приносите». И тако отпусти их. Татие же скончаша живот свой в Печерском монастыри, оград предрержаще; их же, мню, исчадиа и донныне суть.

Иногда же паки приидоша трие неции, хотяще искусити сего блаженнаго. И два от них молиста святаго, ложно глаголюще: «Сий друг нашъ есть, и осужденъ есть на смерть. Молим же тя, потщися избавити его, дай же ему чим искупитися от смерти». Григорин же всплакався жалостию, провиде бо о нем, яко приспе конецъ житию его, и рече: «Люте человеку сему, яко приспе день погыбели его!» Они же реша: «Ты же, отче, аще даси что, то сий не умрет». Се же глаголаху, хотяще у него взяти что, да разделять. Григорий же рече: «И аз дам, а сий умретъ». И вприси их: «Коею смертию осужденъ есть?» Они же реша: «На древе

повешенъ хочеть быти». Блаженный же рече им: «Добре осудите ему, заутра бо сий повеситъся». И паки сниде в погреб, иде же молитву творяще, да не како ум ему слышитъ земнаго что, ниже очи его видита что суетных, — и оттуду изнесъ оставшаа книги, дасть им, рек: «Аще не угодно будетъ, взвратите ми». Они же, взявше книги, начаша смеатися, глаголюще: «Продавше сие, и разделим собе». Видевше же древеса плодовица, и реша к собе: «Приидем в сию ночь и объемлем шюды его».

Наставши же ноци, приидоша сие трие и запроша мниха в погребе, иде же бе моляся. Един же, его же реша на древе повесити, взлезъ горе, нача торгати яблоки, и яся за ветвь: оной же отломльнися, а сии два утравившася отбегоша, сий же летя, яться ризою за другую ветвь и, не имеа помощи, удавился ожерелием.

Григорий бо запреи бе, и не обретеса приити к сущии братии в церков. Изшедше же вон из церкви и вси видеша висяща человека мертва, и ужасошася. Поискавше же Григориа, и обретоша его в погребе затворена. Изшедше же убо оттуду, блаженный повеле сняти мертваго и к другом его глаголаше: «Какое се убо сбытсся ваша мысль! Бог бо непоругаемъ бываетъ. Аще бысте мя не затворили, то аз пришед снял бых его с древа, и не бы сей умерл. Понеже врагъ вы научи храниги суетнаа лжею, тем же милость свою оставили есте». Слышавше же ругателе та сбытсся словесъ его, пришедше, падоша на ногу его, просяще прощения. Григорий же осуди их в работу Печерскому монастырю, да к тому тружающеса, свой хлебъ ядят и доволни будут инех питати от своих трудов. И тако тии скончаша живот свой, и с чады своими работающе в Печерском монастыри рабом пресвятыа богородица и учеником святаго отца нашего Феодосиа.

Подобно же и се сказати о нем, юже претерпе блаженный страсть смертную. Некакова вещь монастырьскаа приключися: от падения животнаго осквернену

быти ссуду, и сего ради преподобный Григорие сниде к Днепру по воду. В той же час приспе князь Ростислав Всеволодичь, хотя ити в Печерьский монастыр молитвы ради и благословения, бе бо идый противу ратным половцем с братом своим Владимиром. Видевше же отроци его старца сего, начаша ругатися ему, метающе словеса срамнаа. Разумев же мних всех при смерти суца, и нача глаголати: «О чада, егда бе тебе умиление имети и многы молитвы искати от всех, тогда же вы паче злое творите, яже богови негодна суть. Но плачитесь своя погыбели и кайтесе своих сгрешений, да поне отраду приимете в страшный день, уже бо вы постиже суд, яко вси вы в воде умрете и с князем вашим». Князь же, страха божиа не имеа, ни на сердци себе положи сего преподобнаго словес, мнивь его пустошь глаголюща, яже пророчествоваше о нем, и рече: «Мне ли поведаеши смерть от воды, умеющу бродити посреди ея?» И тогда разгневася князь, повеле связати ему рuce и нозе и камень на выи его обесити, и вврещи в воду. И тако потоплен бысть. Искавше же его братиа два дни и не обретоша, в третий же день приидоша в келию его, хотяще взяти оставлшаа его, и се мерьтвый обретесе в келии связан, и камень на выи его, ризы же его еще бяху мокры, лице же беаше светло, сам же акы жив. И не обретесе кто принесый его, но и келии заключене суци. Но слава о сем господу богу, творящему дивнаа чудеса своих ради угодник. Братиа же, изьнесше тело его, и положиша в печере честно, иже и за многа лета пребысть цело и нетленно. Ростислав же, не пщевавь вины о гресе и не иде в монастыр от ярости. И не всхоте благословения, и удалися от него; възлюби клятву, и прииде ему. Владимир же прииде в монастыр молитвы ради. И бывшим им у Треполя и полкома снемшимася и побегоша князи наши от лица противных. Владимир же прееха реку, молитв ради святых и благословения. Ростислав же

утопе с всеми своими вои, по словеси блаженаго Григориа: «Им же бе, рече, судом судите — судитесь вам, в ню же меру мерите — взмеритесь вам». Разумейте опасно, обидящий, притчу, реченную господем в святем Еуагелии, судию немилостиваго и вдовицю обидимую, к нему же приходяше часто и стужаше ему, глаголющи: «Мести мене от суперника моего». Глаголю бо вам, яко створить господь вскоре месть рабом своим, тьй бо рече: «Мне месть — и аз отмщю». Глаголеть господь: «Не приобидете единого от сих малых, яко агтели их всегда видять лице отца моего, иже есть на небесех». Яко праведен господь и правду възлюби, и праваа виде лице его. Еже бо человек всееть, то и пожнет. Сицева гордым отмщениа, им же господь противиться, смиренным же дает благодать. Тому слава с отцемь и с святым духом ныне и присно и в веки веком. Аминь.

О МНОГОТЕРПЕЛИВЕМ ИОАННЕ ЗАТВОРНИЦЕ. СЛОВО 29

Подобообразиа и равнострастие имети роженным на земли перваго человека, ибо, видев красоту овоща, не удржася и бога ослушася, и страстьное житие приать. Ибо егда сздан бысть, не име порока на себе, яко божие сздание есть: господь бо бог наш, персть всприим от земля, рукама пречистыма, непорочныма сздав человека блага и удобрена, но он, аки кал, земнаа любя, к сласти ползесе, и сласти ему преложишася, и обладан бысть оттоле род человекь страстию, и в ины сласти уклонися, и боримы есмы всегда. От тех един аз побежаюся, им же и работаю, смущаем помыслы душа моя, и страстне тем касаася и неослабно хотение имый к створению греха, и тем несть мне подобна иже на земли всех за многаа сгрешения моя, в них же и до сего часа пребываю. Но тьй един, иже от всех обрете истину, себе отлучив на божию волю и того заповеди непорочно схранив,

в чистоте же сблюд тело свое и душу кроме всякыя скверны плотскыя и душевныя. Сего меню Иоанна преподобнаго, затворившаго себе в тесном месте единомъ от пещеры. И пребысть в велице воздержании лет 30, и многим постом удручаа и томя тело свое и железа тяжка на всем теле своем нося.

К сему некто от братиа часто приходаше, томим бе от действия диаволя на вждевание плотское, и сей моляше блаженнаго Иоанна молити бога за нь, да господь подасть ему ослабу страстем и утолить хотение плотское. И се многажды приходя глаголаше. Блаженный Иоанн глаголаше тому: «Брате, мужайся и крепися, потрпи господа и потщися схранити пути его, и тый не оставитъ тя в руку его и не предасть нас в ловитву зубом их». И отвеща брат к затворнику: «Веру ими ми, отче, аще не подаси ми ослабы, то не гючию, от места на место прехождая». Блаженный же Иоанн рече к нему: «Почто хочещи себе предати на снѣдь врагу? И уподобишися мужю, стоащю близ пропасти, и егда врагъ его пришед внезапно свержет его долу, и бываетъ падение таковаго люто, яко не мощи ему встати. Аще же zde пребудеши в святем и блаженем монастыри сем, подобен еси мужю, стоящю далеche пропасти, да и врагъ трудиться, влекый тя в ню, и не возможет, дондеже господь изведетъ тя терпением твоим от рова страстей и от брения тименна и поставитъ на камени ноze твои. Но послушай мене, чадо, да ти исповем случившее ми ся от юности мояя.

Много бо пострадах томим на блуд и не вем что, сдеах ради своего спасения: два дни или три пребывах неядый, и тако 3 лета скончах, многажды же и всю неделю ничто же вкушах, и без сна пребывах по вѣя ночи, и жаждѣю многаю уморяхся, и железа тяжкаа на собе нося, и пребых в таком злострадании до трею лет, но ни тако покоя обретох. И идох убо в пещеру, иде же лежить святой отецъ нашъ Антоние, и ту на молитву обратихся, и пребых день и ночь у гроба его

моляся. И слышах его глаголюща к мне: «Иоанне, Иоанне! подобаетъ ти zde затворитися, и невидением и молчанием брань упраздниться, и господь поможетъ ти молитвами преподобныхъ своихъ». Аз же, брате, от того часа zde вселихся в тесное и скорбное сее место, и есть ми се 30-е лето, и в мале лет покой обретох.

Весь же живот свой страстне брався с помыслы телесными. И жестоко пребывах, проводя толико животь свой лищею. И потом, не ведый, что створити, не могый трпети брани плотскыя, и умыслих нагъ жити и брони тяжкы възложити на тело свое, яко же отголе и доньне на мне, студению и железом истончаваем. И ину вещь створих, ея ради пользу обретох. Ископав убо яму, до раму досяжущу, приспевшим же днем святаго поста, и внидох в яму и своима руками осыпався перьстию, яко толико имети свободне руце и главу, и тако угнетаем зле, пребых весь постъ, не могый двинути ни единым сставом, — но ни тако стремление плоти и ражжение телеси преста. Но и к сему врагъ диаволъ страхования ми творя, хотя мя отгуду отгнати, и ощутих его злодейство. Ноze бо мои, иже в яме, изодну възгорешася, яко и жилам скорчитися и костем троскотати, уже пламени досязаючи до утробы мояя, и удова мои изгореша, аз же забых лютую ту болезнь и порадовахся душею, яко та ми чиста сблюденна есть от таковыа скверны, и се изволих изгорети в огни зело господа ради, нежели изыити ми изъ ямы тоа. И се видех змиа страшна и люта зело, всего мя пожрети хотяща, и дышуща пламенем и искрами, пожигаа мя. И се в многы дни творяше ми, хотя мя прогнати. Приспевши же ноци воскресения Христова, внезапно нападе на мя лютой той змий, и главу мою и руце мои в уста своа вложи, и опалеша ми ся и власи на главе и на браде, яко же видиши мя ныне. Аз же уже у гортани бых, и възопих из глубины сердца моего. Молтва: «Господи боже, спасе мой! вскую мя еси оставил, ущедри мя, владыко, яко ты еси един человеколю-

бець. Спаси, мя грешнаго, едине боже безгрешне! Избави мя от скверны безакония моего, да не увязну в сети неприязнене в веки веком. Избави мя от усть врага сего, се бо яко лев рыкаа ходить, хотя мя поглотити. Вздвигни силу твою и прииди, да мя спасеши, блесни молния твоя и иждени, да исчезнет от лица твоего». И яко скончах молитву, и абие бысть молния, и лютый той змий исчезнет от мене, и к тому и не видех его и доньне.

И оттоле свет божественный осиа яко солнце, и слышах глас, глаголющ к мне: «Иоанне, Иоанне! помощь ти бысть, прочее же внимай собе, да не горее тебе что будеть, и постражеша что зло в будущем веце». Аз же поклонився, рех: «Господи, почто мя остави зле мучиму быти?» И отвеща ми, глаголя: «Противу силе терпения твоего наведох на тя, да ижжен будеша яко злато. Не попускает бо бог чресь силу напасти человеку, егда како изнеможеть, но, яко господинь, рабомь крепким и могущим тяжкаа и великаа дела вручаеть, немощным же и слабым худаа и легкаа дела замышляеть. Тако разумей: при брани страстнеи, ея же ради ты молишися, о себе сущему мертвецю помолнся, противу тебе, да ти облегчить от брани блудныа, сей бо болей Иосифа створи и можеть помагати стражющим бедне такую страстию». Аз же, не сведый таковому имени, и начах звати: «Господи, помилуй мя».

Последи же уведах, яко се бысть Моисей, угрин родом. И прииде на мя свет неизреченен, в нем же и ныне есм и не требую свечи в нощи и в дъни; но и вси достойнии насыщаются такового света, приходящей к мне, и зрять яве такового утешения, еже яве ношшо освети, надежа ради оного света. Мы же ум погубили к плотолюбю, и страсть попускает на ны, створяя праведное, Христос, николи же нам плода створшим. Но, брате, азъ ти се глаголю: «Помолився сему преподобному Моисиюви, и тѣй поможеть ти».

И изем же едину кость от мощий его святаго, и вдасть ему, рек: «Да приложиши к телеси своему». И ту абие преста страсть и удове ему омертвеша, и оттоле не бысть ему пакости. Купно же благодаряше бога, прославляющаго святаа своя: еже в житии ему угодиша, сих и по смерти исцелений дары обогати и венцы нетленные украси, и царствию своему сподоби. Ему же слава с отцем и с святым духом ныне и присно и в веки веком. Аминь.

О ПРЕПОДОБНЕМ МОИСИИ УГРИНЕ. СЛОВО 30

Уведано бысть о сем блаженем Моисии Угрина, яко любим бе святым Борисом. Сей бо бысть родом угринь, брат же Георгия, на него же святой Борисъ взложи гривну злату; его же и убиша с святым Борисом на Алте и главу его отрезаша златыа ради гривны. Сей же Моисий един избыв от горькыа смерти и горкаго заколения избежа, и прииде к Предиславе, сестре Ярославли и бысть ту. И в дыш тыи нельзе бе преходити никамо же, и бе моляся богу крепкий той душею, дондеже прииде благочестивый князь наш Ярослав, не стерпев теплоты душевныа еже к братома си, на незаконнаго, и губеди безбожнаго и гордаго и окааннаго Святополка. Сему же бежавшу в Ляхы, и прииде паки с Болеславом и изгна Ярослава, а сам седе в Киеве. И взвращься Болеслав в Ляхы, поять с собою обе сестре Ярославли и изима же и боляре его, с ними же и сего блаженнаго Моисея ведяше окованна по руце и по нозе железы тяжкыми, его же твердо стрежаху, бе бо крепок телом и красен лицом. Сего же видевши жена некаа от великих, красна суци и юна, имущи богатство много и власть велию. И та убо, приимши в уме видения доброту, уязвися в сердци вжделением, еже всхотети сему преподобному. И нача лестными словесы увещати его, глаголющи: «О человеце, всуе таковыа мукы подъемлеша, имеа разум,

им же бы мощно избыти такового окования и страдания». Рече же к ней Моисий: «Богу тако извольну». Жена же рече к нему: «Аще ми покоришися, аз тя избавлю и велика створю в всей Лядской земли, и обладати имаши мною и всею областью моею».

Разумев же блаженный вжделение ея скверное, и рече к ней: «То кый муж, поим жену и покоровся ей, исправился есть? Адам когда првозданный жене покоровся, из раа изгнан бысть. Самсон, силою паче всех преспев и ратным одолев, последи же женою предан бысть иноплемеником. И Соломон премудрости глубину постигъ, жене повинувся, идоломъ поклонися. И Ирод многы победы створивъ, последи же, поработився, Предтечу Иоанна усекну. То како аз, свободый, раб ся створю жене, ея же от рождения не познах?» Она же рече: «Аз тя искуплю и славно сътворю тя, и господина всему дому моему устрою, и мужа ты имети собе хощу, токмо ты волю мою створи и вжделение души моей утеши и подай же ми твоя доброты насладитися. Доволна бо есть твоя похоти, не могу бо терпети красоты твоя, без ума погубляемы, да и сердечный пламень престанеть, пожигая мя. Аз же отраду прииму помыслу моему и почию от страсти, и ты убо насладися мога доброты, и господинь всему стяжанию моему будещи, и наследник моя власти, и старейшина боляром». Блаженный же Моисей рече к ней: «Добре веждь, яко не створу воли твоя, ни власти твоя, ни богатства хочу, но всего сего лучыни душевнаа чистота, паче же и телеснаа. Не буди мне труда погубити 5 лет, еже ми господь дарова терпети в узах сих. Не повинен сый сичевым мукам, их же ради уповаю избавлен быти вечных мук».

Тогда жена, видевши себе лишена таковыа красоты, и на другой свет диаволь приходит, помысливши сиче, яко: «Аще искуплю его, всяко и не волею покорить ми ся». Посылает же к држащому того, да взмет у нея

елико хошет, Моисея же предать ей. Он же видевъ улучшение времени и богатства приобретение, и взя у нея яко до 1000 *гривен сребра*, Моисея же предать ей. И с нужею бестудне влечаше его на дело не преподобно. Яко се власть приимши на немъ и повелевает ему причтатися себе, и раздрешивши же его от уз и в многоценныа ризы его облкши и сладкыми брашны того кормяще, и нуждением любовным того объемлющи, на свою похоть нудящи.

Сей же преподобный, видев неистовство жены тоя, молитве и посту прилежаше паче, вкушаа в бдении, и изволивъ паче сухой хлеб бога ради и воду с чистою, нежели многоценное брашно и вино с скверною. И не токмо себе срачици единая свлече, яко же Иосиф, но и всех ризь себе свлече, и избежа от греха и ничто же вмени житие мира сего, и на такую ярость подвиже жену, яко и голодом уморити его.

Бог же не оставляет раб своих, уповающих к нему. Не которого бо от рабъ жены тоа на милость преклони, и в тайне подаваше ему пищу. Друзии же, того увещающе, глаголаху: «Брате Моисею! Что взбраняеть ти женитися? Еще бо юн еси, и сиа вдова суци, бывши с мужем лето едино, и есть красна паче иных жен, богатство имущи бесчисленно и власть велию в Лясах, и аще бы сиа въсхотела некоему князю, то не бы ея гнушался; ты же, пленник сый и неволен от жены сея, и господин ей быти не хощещи! Аще ли же глаголаше: «Не могу преступити заповеди Христова», то не глаголетъ ли Христос в Еуангелии: «Сего ради оставить человекъ отца своего и мать и прилепиться к жене своей, и будета оба в плоть едину, уже бо несть два, но плоть единая». Апостол же: «Унее есть женитися, нежели раждизатися», вдовицам же велит второму браку причтатися. Ты же, не имеа обычаа мнишеска но свобод сый того, почто злым и горкым мукам вдаешися, или что ради стражеши? Аще ти ся лучить умрети в беде сей, то кою похвалу

имаши? Кто же ли от прьвых и доньне възгнушася жен, разве чернецъ? Авраам и Исаак и Ияков? Иосиф же в мале победив и паки женою побежень бысть. Ты же ныне аще с животом гоньзнеши, женою же паки обладан будеши, и кто не посмееться твоему безумию? Уне ти есть покоритися жене сей и свободну быти, и господину быти всему».

Он же глагола им: «Ей, братие и добрии мои друзи, добре ми свешаваете. Разумею, яко лучши змиина нашептаниа, еже в раи Евзе, словеса предлагаете ми. *Нудите* мя покоритися жене сей, но никако же съвета вашего прииму. Аще ми ся лучить и умрети в юзах сих и горьких муках, всяко чаю от бога милость прияти. Аще и вси праведници спасошася с женами, аз же единъ грешен есмь, не могу с женою спасатися.

Но аще бы Иосиф повинул ся жене Петерфиине, то не бы сий потом царствовал: видев же бог терпение его и дарова ему царство, тем же и в роды хвалим есть, яко целомудр, аще и чада прижит. Аз же не Египетскаго царства желаю прияти и обладати властью, и велику быти в Лясах, и честну явитися в всей Руской земли, — но вышняго ради царства вся си приобидех. Аще же с животом избуду от руки жены сея, то чернецъ буду. Что же убо в Еуангелии Христос рече? «Всяк, иже оставит отца своего и мать и жену и дети и дом, тьй есть мой ученикъ». Христа ли паче послушати или вас? Апостол же глаголетъ: «Оженивыйся печеться, како угодити жене, а не оженивыйся печеться, како угодити богу». Впрошу же бо вас: кому подобаеть паче работати — Христу или жене? Пишет же: «Раби, послушайте господий своих на благое, а не на злое». Буди же разумно вам, держащим мя, яко николи же прельстит мя красота женьскаа, ниже отлучить мене от любве Христовы». Си слышавши жена, помысл лукав в сердци си приимши, въсажаетъ его на кони, и с многыми слугами, и повеле водити его по градом и по селом, яже довлеють ей, глаголю-

щи ему: «Сиа вся твоа суть, яже угодна суть тебе; твори яже хоцещи о всем». Глагола же и к людем: «Се господин ваш, а мой муж, да вси сретающе поклоняйтесь ему». Бяху бо мнози служаще той рабы и рабыня. Посмеяв же ся блаженный безумию жены, и рече ей: «Всуе тружаешися, не можеш бо мене прельстити тленными вещьми мира сего, ни окрасти ми духовнаго богатства. Разумей и не трудися все».

Жена же рече ему: «Не веси ли, како продан ми еси, и кто измет ти от руку мою? И жива тебе никако же отпущу; по многих муках смерти ты предамъ». Он же без страха отвеща ей: «Не боюся еже ми речено, но предавый мя тебе болий грех имать. Аз же отселе, богу волящу, буду мних».

В ты же дньи прииде некто мних от Святыя Горы, сном иерей, богу наставляющу его, и прииде к блаженному и облече и в аггельскый образъ, и много поучив его о чистоте, еже не предати плещий своих врагу и тоа сквернавья жены избавитися, и сиа рек, отиде от него. Взыскан же бысть таковой, и не обретен.

Когда же жена, отчаавшиися своя надежа, раны тяжкы влагаетъ на Моисеа: растягши, повеле бити его жезлом, яко и земли наполнитися крови. И биющи глаголаху ему: «Покорися госпожи своей и створи волю ея. Аще ли преслушаешися, то на уды раздробим телтвое: не мни бо, яко избежиши сих мук, но по многих муках горце предаши душу свою. Но помилуй сам себе и отложи измождальна сиа ризы и облечися в многоценна ризы, и избуди ожидающих тебе мук, донележе не коснемься плоти твоей». И отвеща Моисей: «Братие, повеленное вам творити — творите, никако же медляще. Мне же никако же мощно есть еже отрещися мнишества и любве божиа. Никакое же томление, ни огонь, ни мечь, ни раны не могут мене разлучити от бога и сего великаго аггельскаго образа. И сиа бестуднаа и помраченнаа жена показа свое бестудие, не токмо убоившися бога, но и человеческый

срам преобидевши, без срама нудяци на осквернение и прелюбодеание. Ни ей покорюся, ни тоа окаанна волю створю!» Многу же печаль имущи жена, како бы себе мьстити от срама, посылает к князю Болеславу, сие глаголющи: «Сам веси, яко муж мой убиен бысть на брани с тобою, ты же ми дал еси волю, да его же въсхошу, поиму себе мужа. Аз же взлюбих единого юношу от твоих пленник, красна суца, и испуивши, поях его в дом свой, давши на нем злата много, и все сущее в дому моем злато и сребро и власть всю даровах ему. Он же сиа вся ни в что же въменив. Многажды же и ранами и гладом томящи того, и недовольно бысть ему. 5 летъ окованну бывшу от пленившаго его, и се шестое лето пребысть у мене, и много мучен бысть от мене преслушания ради, еже сам на ся привлече по жестосердию своему; ныне же пострижень бысть не от коего черноризца. Ты же что велиши о нем створити, да створю».

Он же повеле ей приехати к собе и Моисея привести с собою. Жена же прииде к Болеславу и Моисея привеле с собою. Видев же преподобнаго Болеслав и много нудив его пояти жену, и не увеща. И рече к нему: «Кто тако нечувствен, яко же ты, иже толиких благ и чести лишаешися и вдал ся еси в горькыя сиа муки. Отныне буди ведаа, яко животь и смерть предлежити: или, волю госпожа своея створю, от нас чесну быти и велику власть имети, или преслушавшу, по многих муках смерть приати». Глагола же и к жене: «Никто же от купленных тобою пленник буди свобод, но, акы госпожа рабу, створи еже хоцещи, да и прочии не дерзнут преслушати господий своих».

И отвеща Моисей: «Что убо глаголетъ господь: «Каа убо польза человеку, аще и весь миръ приобрящет, а душу свою отцетитъ, или что дасть измену на души своей?» Ты же что ми обещаваеши славу и честь, ея же ты сам скоро отпадеш, и гроб ты примет, ничто же

имуца! И сиа сквернаа жена зле убиена будетъ». Яко же и бысть по проречению преподобнаго.

Жена же, взявши на нем власть болыную, бестудно влечаше его на грех. Единою же повеле его нужею положить на одре своем с собою, лобызаючи и обймаючи, но не може ни сею прелестию на свое желание привлещи его. Рече же к ней блаженный: «Всуде труд твой, не мни бо мя яко безумна или не могуща сего дела створити, но страха ради божиа тебе гнушаюся, яко нечисты». И си слышавши, жена повеле ему по стуран даяти на всяк день, последи же повеле ему тайные уды урезати, глаголющи: «Не пощажю сего доброты, да не насытятся инии его красоты». Моисей же лежаше аки мертв от течения крови и мало дыхания в себе имый.

Болеслав же, усрамявсь величества жены и любве прьвыа, потакви ей творя, вздвиже гонение велие на черноризци и изгна вся от области своея. Бог же створи отмьщение рабом своим вскорее. В едину убо ноць Болеслав напрасно умре, и бысть мятежь велик в всей Лядской земли, и вставше людие избиша епископы своя и боляре своя, яко же в Летописци поведаетъ. Тогда и сию жену убиша.

Преподобный же Моисей, взмог от ран, прииде к святей Богородици в Печерский святыи монастыр, нося на собе мученичьскыя раны и венечъ исповедания, яко победитель храбор Христов. Господь жедарова ему силу на страсти.

Некый бо братъ, борим быв на блуд, и прешед, моляше сего преподобнаго помощи ему: «И аще ми, рече, что речеш, имам съхранити и до смерти таковаго обета».

Блаженный же рече тому: «Да николи же речеш слова никацей жене в животе своем». Он же обещаеся с любовию. Святыи же, имеа жезл в руке своей, бе бо не могый ходити от онех ран, и симь удари его в лоно, и абие омертвеша уды его, и оттоле не бысть пакости брату.

Се же вписанно есть в житии святого отца нашего Антониа, еже о Моисеи, бе бо пришел блаженный в дньи святого Антониа и скончася о господе в добре исповедании, пребыв в монастыри лет 10, а вы пленении страдав в узах 5 лет, бе лето за чистоту.

Помянух же и чернечское изгнание в Лясах преподобнаго ради пострижения, еже вдатися богу, его же възлюби. Сие же вписано есть в житии святого отца нашего Феодосиа. Егда изгнан бысть святыи отец наш Антоние князем Изяславом Варлаама ради и Ефрема, княгыни же его, ляховица сущи, възбрани ему, глаголющи: «Ни мысли, ни створи сего. Сиче бо створися некогда в земли нашей: некое ради вины изгнани быша черноризци от предел земли нашея, и велико зло сдеася в Лясах». Сего ради Моисеа се створися, яко же преди написахом.

И се убо еже постигохом. Сие написахом о Моисеи Угрине и Иоанне Затворнице, еже сдеа ими господь в славу свою, прославляя их, терпения их ради, и дары чудотвориа обогати. И тому слава ныне и *присно и в веки веком. Аминь.*

<...>

Перевод

ПАТЕРИК ПЕЧЕРСКИЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ
СОЗДАНИЮ ЦЕРКВИ, ЧТОБЫ ЗНАЛИ ВСЕ, КАК
САМОГО ГОСПОДА ПРОМЫСЛОМ И ВОЛЕЮ, И ЕГО
ПРЕЧИСТОЙ МАТЕРИ МОЛИТВОЙ И
БЛАГОВОЛЕНИЕМ СОЗДАЛАСЬ И СВЕРШИЛАСЬ
БОГОЛЕПНАЯ, НЕБУ ПОДОБНАЯ, ВЕЛИКАЯ
ПЕЧЕРСКАЯ ЦЕРКОВЬ БОГОРОДИЦЫ,
АРХИМАНДРИТИЯ ВСЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛИ,
КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ ЛАВРОЙ СВЯТОГО И
ВЕЛИКОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ

Слово 1. Благослови, отче

Был в земле Варяжской князь Африкан, брат Якуна Слепого, который в битве потерял свой золотой плащ, сражаясь на стороне Ярослава с лютым Мстиславом. У этого Африкана было два сына — Фрианд и Шимон. Когда умер их отец, Якун изгнал обоих братьев из их владений. И пришел Шимон к благоверному князю нашему Ярославу; тот принял его, держал в чести и отослал его к сыну своему Всеволоду, чтобы был он у него старшим, и принял Шимон великую власть от Всеволода. Причина же любви Шимона такова к святому тому месту.

Во время княжения благоверного и великого князя Изяслава в Киеве, когда пришли в 6576 (1068) году половцы на Русскую землю и пошли трое Ярославичей — Изяслав, Святослав и Всеволод — навстречу им, с ними был и этот Шимон. Когда же пришли они к великому и святому Антонию для молитвы и благословения, старец отверз неложные свои уста и ожидающую их погибель без утайки предсказал. Варяг же этот, пав в ноги старцу, молил, чтобы уберечься ему от такой беды. Блаженный же сказал ему: «О чадо! Многие падут от остря меча, и, когда побежите вы

от врагов ваших, будут вас топтать, наносить вам раны, будете тонуть в воде; ты же, спасенный там, будешь положен в церкви, которую здесь создадут».

И вот, когда они были на Альте, сошлись оба войска, и по божию гневу побеждены были христиане, и, когда обратились в бегство, были убиты воеводы и множество воинов в этом сражении. Тут же и раненый Симон среди них лежал. Взглянул он вверх на небо и увидел церковь превеликую — такую, какую уже прежде видел на море, и вспомнил он слова спасителя и сказал: «Господи! избавь меня от горькой этой смерти молитвами пречистой твоей матери и преподобных отцов Антония и Феодосия!» И тут вдруг некая сила исторгла его из среды мертвецов, он тотчас исцелился от ран и всех своих нашел целыми и здоровыми.

И он вернулся назад, и пришел к блаженному Антонию, и поведал ему историю дивную, так говоря: «Отец мой Африкан сделал крест и на нем изобразил красками богомужное подобие Христа, образ новой работы, как чтут латиняне, большой величины — в десять локтей. И воздавая честь ему, отец мой украсил чресла его поясом, весом в пятьдесят гривен золота, и на голову возложил венец золотой. Когда же дядя мой Якун изгнал меня из владений моих, я взял пояс с Иисуса и венец с головы его и услышал глас от образа; обратившись ко мне, он сказал: «Никогда не возлагай этого венца, человеке, на свою голову, неси его на уготовленное ему место, где созидается церковь матери моей преподобным Феодосием, и тому в руки передай, чтобы он повесил над жертвенником моим». Я же упал от страха и, оцепенев, лежал как мертвый; затем, встав, я поспешно взошел на корабль.

И когда мы плыли, поднялась буря великая, так что все мы отчаялись в спасении, и начал я взывать: «Господи, прости меня, ибо ради этого пояса погибаю за то, что взял его от честного твоего и человекоподобного образа!» И вот увидел я церковь наверху и поду-

мал: «Что это за церковь?» И был свыше к нам голос, говорящий: «Та, что будет создана преподобным во имя божией матери, в ней же и ты положен будешь». И видели мы ее величину и высоту, если измерить ее тем золотым поясом, то двадцать мер — в ширину, тридцать — в длину, тридцать — в высоту стены, а с верхом — пятьдесят. Мы же все прославили бога и утешились радостью великой, что избавились от горькой смерти. И вот доньше не знал я, где создается церковь, показанная мне на море и на Альте, когда я уже находился при смерти, пока не услышал я из твоих честных уст, что здесь меня положат в церкви, которая будет создана». И, вынув золотой пояс, он отдал его, говоря: «Вот мера и основа, этот же венец пусть будет повешен над святым жертвенником».

Старец же восхвалял бога за это и сказал варягу: «Чадо! С этих пор не будешь ты называться Шимоном, но Симон будет имя твое». Призвав же блаженного Феодосия, Антоний сказал: «Симон этот такую вот церковь хочет построить», и отдал ему пояс и венец. С тех пор великую любовь имел Симон к святому Феодосию и давал ему много денег на устройство монастыря. Однажды этот Симон пришел к блаженному и после обычной беседы сказал святому: «Отче, прошу у тебя дара одного». Феодосий же спросил его: «О чадо, что просит твое величие от нашего смирения?» Симон же сказал: «Великого, выше силы моей, прошу я от тебя дара». Феодосий же ответил: «Ты знаешь, чадо, убожество наше: часто и хлеба недостает в дневную пищу, а другого не знаю, что и имею». Симон же сказал: «Если захочешь одарить меня, то сможешь по данной тебе благодати от господина, который назвал тебя преподобным. Когда я снимал венец с главы Иисуса, он мне сказал: «Неси на приготовленное место и отдай в руки преподобному, который строит церковь матери моей». Вот чего прошу я у тебя: дай мне слово, что благословит меня душа твоя как при жизни,

так и по смерти твоей и моей». И отвечал святой: «О Симон, выше силы прошение твое, но если ты увидишь меня, отходящего отсюда, из мира этого, и если по моем отшествии церковь эта устроится и данные ей уставы будут соблюдаться в ней, то, да будет тебе известно, что имею я дерзновение у бога, теперь же не знаю, доходит ли моя молитва».

Симон же сказал: «От господина было мне свидетельство, я сам слышал о тебе это из пречистых уст святого его образа, потому и молю тебя — как о своих черноризцах, так и обо мне, грешном, помолись, и о сыне моем Георгии, и до последних рода моего». Святой же, обещавши ему это, сказал: «Не о них единых молюсь я, но и обо всех, любящих это святое место ради меня». Тогда Симон поклонился до земли и сказал: «Не уйду, отче, от тебя, если писанием своим не удостоверишь меня».

Преподобный же, побуждаемый любовью к нему, написал такую молитву: «Во имя отца и сына и святого духа», что и донныне вкладывают умершим в руку. И с тех пор утвердился обычай класть такое письмо с умершим, прежде же никто не делал этого на Руси. Написано же было и это в молитве: «Помяни меня, господи, когда придешь во царствие твое, чтобы воздать каждому по делам его, тогда, владыка, и рабов своих, Симона и Георгия, сподоби справа от тебя стать, в славе твоей, и слышать благой твой глас: «Придите, благословенные отцом моим, наследуйте уготованное вам царство от создания мира».

И попросил Симон: «Прибавь к этому, отче, чтобы отпустились грехи родителям моим и ближним моим». Феодосий же, воздев руки к небу, сказал: «Да благословит тебя господь от Сиона, и да узрите вы благодать Иерусалима во все дни жизни вашей и до последнего в роду вашем!» Симон же принял молитву и благословение от святого как некую драгоценность и дар великий. Тот, кто прежде был варягом, теперь же бла-

годатью Христовой стал христианином, просвещенный святым отцом нашим Феодосием; оставил он латинское заблуждение и истинно уверовал в господина нашего Иисуса Христа со всем домом своим, около трех тысяч душ, и со всеми священниками своими, ради чудес бывших от святых Антония и Феодосия. Этот Симон был первым погребен в той церкви.

С тех пор сын его, Георгий, великую любовь имел к святому тому месту. Этого Георгия послал Владимир Мономаха в Суздальскую землю и поручил ему сына своего, Георгия. Спустя много лет сел Георгий Владимирович в Киеве; тысяцкому же своему Георгию, как отцу родному, поручил область Суздальскую. <...>

ПОСЛАНИЕ СМЕРЕННОГО ЕПИСКОПА СИМОНА
ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО К ПОЛИКАРПУ,
ЧЕРНОРИЗЦУ ПЕЧЕРСКОМУ. СЛОВО 14

Брат! Сидя в безмолвии, соберись с мыслями и скажи себе: «О, инок убогий, не ради ли господина оставил ты мир и родителей своих?» Если же ты сюда пришел для спасения, а сам не духовное творишь, то ради чего облекся во иноческие ризы? От мук тебя не избавят черные ризы. Знай, что почитают тебя здесь князь, и бояре, и все друзья твои, которые говорят о тебе: «Блажен он, что возненавидел мир сей и славу его, и поэтому уже не печется он о земном, помышляя только о небесном». Ты же не по-иночески живешь. Великий стыд за тебя охватывает меня! Что, если те, которые почитают нас здесь, предвоят нас в царствии небесном и будут они упокоены, а мы в горьких муках возопием? И кто помилует тебя, самого себя погубившего?

Воспрянь, брат, и позаботься мысленно о своей душе, служи господу со страхом и не вознось в уме своем. Не будь таким, что нынче кроток, а завтра яр и зол; немного помолчишь, а потом снова ропщешь на игу-

мена и его служителей. Не будь лжив — под предлогом телесной немощи от церковного собрания не отлучайся: как дождь растит семя, так и церковь влечет душу на добрые дела. Все, что творишь ты в келии, маловажно: Псалтырь ли читаешь, двенадцать ли псалмов поешь, — все это не может сравняться с одним соборным: «Господи, помилуй!» Вот что пойми, брат: верховный апостол Петр сам был церковь бога живого, а когда был схвачен Иродом и посажен в темницу, не молитва ли церкви избавила его от руки Ирода? А Давид молился, говоря: «Одного прошу я у господи и того только ищю, чтобы пребывать мне в доме господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту господню и посещать святой храм его». Сам господь сказал: «Дом мой домом молитвы наречется». «Где, — говорит он, — двое или трое собраны во имя мое, там и я посреди них». Если же соберется такой собор, в котором будет более ста братий, такому еще больше веруй, что тут бог наш. И его божественным огнем готовится пища их, я бы единую крупицу пищи этой предпочел всей моей нынешней трапезе. Свидетель мне в том господь, что не вкусил бы я никакой еды, если б только был у меня ломоть хлеба и чечевица, приготовленные на святую ту братию.

Не делай же ты так, брат, чтобы ныне хвалить сидящих за трапезой, а завтра на повара и на служащего брата роптать, — этим ведь ты старейшему пакость делаешь и окажешься сам нечистоты вкушающим, как об этом в «Отечнике» написано. Ибо дано было увидеть одному старцу, как различалась одна и та же еда: хулящие пищу — ели нечистоты, а хвалящие — мед. Ты же, когда ешь или пьешь, славь бога, потому что себе же вредит хулящий, о чем и апостол сказал: «Едите ли, пьете ли — все во славу божию делайте». Терпи, брат, и досаждения: претерпевший до конца — спасется, такой и без труда спасется. Если случится, что кто-нибудь похулит тебя, а другой придет и расскажет,

что такой-то зло порицал тебя, — ответь сказавшему тебе это: «Хотя он и укорял меня, но он мне брат, видно, я достоин того: он же не от себя делает так, а враг-дьявол подстрекнул его на это, чтобы посеять вражду между нами. Да прогонит господь лукавого, а брата да помилует!» Говоришь, что он хулил тебя перед всеми: не скорби о том, чадо, и не поддавайся скорому гневу, но, падши, поклонись брату до земли и скажи: «Прости меня, брат!»

Исправь свои прегрешения и победишь тем всю силу вражью; если же на укоризны будешь возражать, то только себе досадишь. Или ты больше Давида-царя? Его Семей поносил при всех, и один из слуг царя, не стерпев обиды царю своему, сказал: «Пойду, сниму с него голову: за что он, пес смердящий, проклинает господина моего, царя!» И что же Давид сказал ему? «О сын Саруш! Оставь его проклинать Давида, да увидит господь смирение мое и воздаст мне добром за его проклятия». И больше того: подумай, чадо, как господь наш смирил себя, быв послушным до самой смерти своему отцу: злословили на него, и он не противился; когда говорили, что он одержим бесом, били его по лицу, и зашали его, и оплевывали, — он не гневался, но даже за распинавших его молился. Тому же и нас научил он: «Молитесь, — сказал, — за врагов ваших, и добро творите ненавидящим вас, и благословляйте клянущих вас».

Довольно, брат, и того, что ты по своему малодушию сделал. Тебе теперь следует оплакивать то, что ты оставил было святой честной монастырь Печерский святых отцов Антония и Феодосия Печерских и святых черноризцев, которые с ними, и взялся игуменствовать у святых бессребренников Козьмы и Дамиана. Но ныне хорошо ты сделал, отказавшись от такого суетного начинания, и не поддался врагу своему, ибо это было вражие желание, которое погубило бы тебя. Или ты не знаешь, что дерево, если не поливать

его и часто пересаживать, скоро засыхает? И ты, отлучившись от послушания отца и братии и оставивши свое место, вскоре погиб бы. Овца, пребывая в стаде, в безопасности, а отбившись от него, быстро погибает, и волк съедает ее. Следовало бы тебе сначала рассудить, чего ради хотел ты уйти из святого, и честного, и спасенного того места Печерского, в котором так благодатно всякому желающему спастись. Думаю, брат, что сам бог устроил так, не терпя гордости твоей: он извергнул тебя, как прежде сатану с отступниками, потому что не захотел ты служить святому мужу, своему господину, а нашему брату, архимандриту печерскому Акиндину. Печерский монастырь — это море, не держит оно ничего гнилого, но извергает вон.

А что писал ты ко мне про свою обиду, — горе тебе: погубил ты душу свою! Спрашиваю я тебя, чем ты хочешь спастись? Если и постник ты, и рассудителен во всем, и нищ, и сну не предаешься, а упреков не терпишь, то не узришь спасения. Но ныне радуется за тебя игумен и вся братия, и мы, слышав о тебе, все возрадовались о тебе и обретении твоём: ты пропал и нашелся. И еще раз поступил ты своевольно, а не по благословию игумена: снова захотел игуменствовать — у святого Димитрия, и не принуждал тебя к этому ни князь, ни я, — и вот ты вновь впал в искушение. Пойми же, брат, что не угодно богу твое старейшинство, для того и послал он тебе слабость зрения. Но ты не содрогнулся и не сказал, как бы следовало: «Благо мне, что смирил ты меня, да научусь я уставам твоим!» Убедился я, что ты санолюбен и славы ищешь от людей, а не от бога. Или не веруешь ты, окаянный, написанному: «Никто сам собой не приемлет чести, но призываемый богом». Если же ты апостолу не веруешь, то и Христу не поверишь. Зачем ищешь ты сана от людей, а не от бога, поставленным от бога повиноваться не хочешь и думаешь о себе так

высоко? Таковые в первые времена свержены были с небес. «Разве я, — говоришь ты, — не достоин такого сана, что не могу принять его, или хуже я эконома этого, или его брата, который тоже начальствует?» Сам же, не получив желаемого, смуту сеешь, часто ходишь из келии в келию и ссоришь брата с братом, говоря бесполезное: «Или, — говоришь, — этот игумен и эконом этот думают, что только здесь и можно угождать богу, а в другом месте и спастись нельзя? А мы, что же, ничего уж и не разумеем?» Все это дьявольские начинания, скудоумные твои измышления. Если же и сам ты получишь какую-нибудь почесть и займешь высокое место, не забывай смиренномудрия, и тогда, если случится тебе лишиться этого места, ты снова пойдешь по смиренному пути своему и не впадешь в различные скорби.

Пишет ко мне княгиня Ростиславова, Верхослава, что она хотела бы поставить тебя епископом или в Новгород, на место Антония, или в Смоленск, на место Лазаря, или в Юрьев, на место Алексея. «Я, — говорит, — готова до тысячи серебра издержать для тебя и для Поликарпа». И я сказал ей: «Дочь моя, Анастасия! Дело не богоугодное хочешь ты сотворить: если бы пребывал он в монастыре неисходно, с чистой совестью, в послушании игумена и всей братии, в совершенном воздержании, то не только облекся бы в святительскую одежду, но и высшего царства достоин бы был».

А ты, брат, не епископства ли захотел? Доброе дело! Но послушай, что апостол Павел говорит Тимофею, и, прочитавши, ты поймешь, исполняешь ли ты сколько-нибудь то, что следует епископу. Да если бы ты был достоин такого сана, я не отпустил бы тебя от себя, но своими руками поставил бы сопрестольником себе в обе епископии — во Владимир и в Суздаль, — как и князь Георгий хотел; но я воспрепятствовал ему в этом, видя твое малодушие. И если ты

ослушаешься меня, захочешь власти, сделаешься епископом или игуменом, — проклятие, а не благословение будет на тебе! И после того не войдешь ты в святое и честное место, в котором постригся. Как сосуд непотребный, будешь ты извержен вон, и после много плакаться будешь, но безуспешно.

Не в том совершенство, брат, чтобы славили нас все, но чтобы правильно вести житие свое и чистым себя соблюсти. Поэтому-то, брат, из Печерского монастыря пречистой богоматери многие епископы поставлены были, как от Христа, бога нашего, во всю вселенную посланы были апостолы, и, как светила светлые, осветили они всю Русскую землю святым крещением. Первый из них — Леонтий, епископ ростовский, великий святитель, которого бог прославил нетлением, он был первопрестольник; его, после многих мучений, убили неверные, — это третий гражданин русского мира с теми двумя варягами увенчанный от Христа, ради которого пострадал. Про Илариона же, митрополита, ты и сам читал в житии святого Антония, что им он пострижен был и святительства сподобился. Потом были епископами: Николай и Ефрем — в Переяславле, Исая — в Ростове, Герман — в Новгороде, Стефан — во Владимире, Нифонт — в Новгороде, Марин — в Юрьеве, Мина — в Полоцке, Николай — в Тмуторокани, Феоктист — в Чернигове, Лаврентий — в Турове, Лука — в Белгороде, Ефрем — в Суздале. Да если хочешь узнать всех, читай старую Ростовскую летопись: там их всех более тридцати; а после них и до нас грешных будет, я думаю, около пятидесяти.

Разумей же, брат, какова слава и честь монастыря того! И, устыдившись и покаявшись, возлюби тихое и безмятежное житие, к которому господь призвал тебя. Я бы с радостью оставил свою епископию и стал бы служить игумену в том святом Печерском монастыре. И говорю я это тебе, брат, не для того, чтобы возвеличить самого себя, а чтобы только возвестить тебе об этом. Святительства нашего власть ты сам зна-

ешь. И кто не знает меня, грешного, епископа Симона, и этой соборной церкви, красы Владимира, и другой, Суздальской церкви, которую я сам создал? Сколько они имеют городов и сел, и десятину собирают с них по всей земле той, — и этим всем владеет наше ничтожество. И все бы это оставил я, но ты знаешь, сколь великое дело духовное лежит на мне, и молю господа, да подаст он мне благое время исполнить его.

Но ведает тайное господь: истинно говорю тебе — всю эту славу и честь сейчас же за ничто посчитал бы, лишь бы колом торчать за воротами или валяться сором, попираемым людьми в Печерском монастыре, или быть одним из убогих, просящих милостыню у ворот честной той лавры, — все это лучше было бы для меня временной сей чести. Один день пребывания в доме божьей матери лучше, чем тысяча лет обычной жизни, и в нем хотел бы я находиться, а не жить в селениях грешников. Поистине говорю тебе, брат Поликарп: где слышал ты о более дивных чудесах, чем те, какие свершались в святом Печерском монастыре? Где еще встречались столь блаженные отцы, озарившие все концы вселенной подобно лучам солнечным? О них же достоверно поведаю тебе этим писанием, в добавление к тем, о которых я тебе уже сказывал. И о том тебе, брат, расскажу, почему я имею такое усердие и веру к святым Антонию и Феодосию.

СКАЗАНИЕ СИМОНА, ЕПИСКОПА ВЛАДИМИРСКОГО
И СУЗДАЛЬСКОГО, О СВЯТЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ,
О ТОМ, ПОЧЕМУ ДОЛЖНО ИМЕТЬ УСЕРДИЕ И ЛЮБОВЬ
К ПРЕПОДОБНЫМ АНТОНИУ И ФЕОДОСИЮ,
ОТЦАМ ПЕЧЕРСКИМ. СЛОВО 15

Слышал я предивную вещь от блаженных старцев печерских; они же говорили, что слышали от очевидцев этого чуда, случившегося во времена игуменства Пимена в Печерском святом монастыре.

Был там в это время муж, совершенный во всякой добродетели, именем Онисифор, пресвитер саном, и сподобился он от бога дара прозорливости, так что видел согрешения человека всякого. Рассказывают и о других его подвигах, но я об одном расскажу.

Был у этого блаженного Онисифора сын духовный и любимый друг, некто из черноризцев, который лицемерно подражал житию этого святого: притворялся постником и целомудренником, втайне же ел и пил и жил распутно. И так проводил лета свои. И утаилось это от духовного того мужа, и никто из братий сего не знал.

В один день, совсем здоровый, внезапно он умер. И никто не мог приблизиться к его телу из-за смрада, исходящего от него. И напал страх на всех, и насилу вытащили его, но отпевания из-за смрада не могли над ним свершить. Положили тело в стороне и, ставши поодаль, творили обычное пение, иные же затыкали ноздри свои. И, внесши его внутрь пещеры, положили там, и пошел такой смрад, что и бессловесные твари бегали от той пещеры. Много раз слышался и вопль горький, словно кто-то мучил его.

И явился святой Антоний пресвитеру Онисифору, с гневом говоря ему: «Что это ты сделал? Такого скверного, и порочного, и лживого, и многогрешного здесь положил, какого еще никогда не было положено, так что осквернил он святое место сие». Очнувшись от видения и пав ниц, Онисифор взмолился богу, говоря: «Господи! зачем скрыл ты от меня дела человека этого?» И приступил к нему ангел, и сказал: «В назидание всем согрешающим и непокаявшимся было это, чтобы, видевши, покаяться». И сказав сие, сделался невидим. Тогда пресвитер пошел и возвестил все это игумену Пимену. Потом в другую ночь то же увидел Онисифор: «Выбрось его скорее вон на съедение псам, — сказал Антоний, — недостойн он пребывать здесь». Пресвитер же снова стал молиться, и был к нему голос: «Если хочешь, — помоги ему».

Посоветовавшись с игуменом, решили насильно привести кого-нибудь, чтобы вытащить вон это тело и бросить его в воду, так как добровольно никто не мог приблизиться к той горе, где была пещера. И снова явился святой Антоний, и сказал: «Смиловался я над душой брата этого, потому что не могу нарушить обета моего: я обещался вам, что всякий, положенный здесь, помилован будет, хотя бы и грешен он. Ведь не хуже отцы, положенные со мною в пещере, тех, что были прежде закона и после закона, но угодили богу. Молился я господу моему и пречистой его матери, и потому никто из монастыря этого не будет осужден на муку. Господь говорил ко мне, и я слышал голос его: «Я тот, который сказал Аврааму: «Ради двадцати праведников я не погублю города сего» — тем более тебя ради и тех, которые с тобою, помилюю и спасу грешника: если здесь постигнет его смерть, — спасен будет». Услышав это от святого, Онисифор возвестил все виденное и слышанное игумену и всей братии. Одного из них встретил и я, и он поведал мне историю эту, как слышал от тех первых черноризцев.

Игумен же Пимен в великом недоумении был из-за такого страшного события и со слезами молил бога о спасении души брата. И было ему видение от бога, и слышал он: «Так как уже здесь многие грешные положены были, и все прощены были ради угодивших мне святых, лежащих в пещере сей, и этого окаянного душу помиловал я ради Антония и Феодосия, рабов моих, и молитвою спасшихся с ними святых черноризцев. И вот тебе знамение прощения: смрад в благоволение превратился». Услышав это, игумен исполнился радости, созвал всю братию и, рассказав им о явлении, пошел с ними к пещере, чтобы увидеть случившееся, и обоняли все благоухание от тела умершего, а злосмрадия и вопля никакого не было слышно. И все насладились благоухания и прославили бога и святых его угодников, Антония и Феодосия, за спасение брата.

Оттого-то и я, грешный, епископ Симон, тужу, и скорблю, и плачу, чтобы только там положенным быть, в божественной той земле, и принять малое отдохновение от многих грехов моих, молитв ради святых отцов, о Христе Иисусе, господе нашем. Ему же слава ныне.

О БЛАЖЕННОМ ЕВСТРАТИИ ПОСТНИКЕ. СЛОВО 16

Некий человек пришел из Киева в пещеру, желая стать черноризцем; и повелел игумен его постричь и дал имя ему Евстратий. Он же роздал все имение свое убогим, оставив немного ближним своим, чтобы они за него раздавали. Был же этот черноризец Евстратий постник и послушлив всем.

Этот блаженный с другими христианами взят был в плен, и продали его со многими другими одному иудею. Поучая и умоляя пленников, он наставлял их, говоря: «Братия, вы, которые крестились и в бога веруете, не будьте отступниками от обета, данного при святом крещении. Христос нас искупил от проклятия и освятил водою и духом, сынами и наследниками нас сотворил: так что, если умрем, — в господе умрем; если же жить будем, — исполним службу нашу; если за Христа умрем — то смертью жизнь купим и Христос жизнь вечную даст нам».

Через несколько дней стали умирать пленники, мучимые голодом и жаждой: иные через три дня, иные через четыре, другие через семь дней, крепкие же — через десять, и так все скончались от голода и жажды. Было же их числом пятьдесят: из монастырских работников тридцать, да из Киева двадцать.

По прошествии же четырнадцати дней остался в живых один только Евстратий, потому что был он постником с самых юных лет. Иудей же, видя, что монах этот был виновником утраты золота его, которое он уплатил за пленных, решил принести его в жертву на Пасху свою. Когда наступил день воскресения Хри-

стова, надругался он над святым Евстратием так, как, по писаному в Евангелии, надругались иудеи над господом нашим Иисусом Христом: пригвоздил этого блаженного к кресту. А тот славил бога на кресте и оставался жив и в пятнадцатый день.

Иудеи же говорили ему: «Безумец, прими наш закон и будешь жив: ведь Моисей от бога принял закон, который дал нам, и вот в книгах сказано: «Проклят всякий, висящий на древе». Инок же сказал: «Великой благодати сподобил меня господь — в нынешний день пострадать. И скажет он мне, как разбойнику: «Ныне же будешь со мною в раю». Он сам уничтожил закон и ввел благодать. Это о нем сказал Моисей: «Увидите жизнь вашу, висящую пред очами вашими»; Давид же: «Пригвоздили руки мои и ноги мои», и еще: «Разделили ризы мои между собой и об одежде моей метали жребий». О нынешнем же дне говорит: «Вот день, который сотворил господь! Возрадуемся и возвеселимся в день этот». Ты же и другие иудеи с тобой заплачете ныне и зарыдаете: пришло вам время дать ответ богу за кровь мою и кровь всех христиан, потому что субботы ваши возненавидел господь и предложил праздники ваши в сетование, ибо убит начальник вашего беззакония».

Иудей же, слыша, как распятый поносит его, взяв копье, пронзил его, и тот предал душу свою господе. И видели все, как в огненной колеснице несли душу преподобного огненные кони, и раздавался голос, говоривший по-гречески: «Вот добрый гражданин небесного града!» И потому протостратором зовется он в поминании вашем.

И вдруг в тот же день пришло об иудеях повеление от царя, чтобы изгнать всех иудеев, отнявши у них имение, а старейшин их казнить. Случилось же вот что. Некий иудеянин, богатый и отважный, крестился, и ради этого приблизил его к себе царь и вскоре назначил его епархом. Он же, получив сан, втайне оставал-

ся отступником от Христа и его веры и дал свободу иудеям по всему царству Греческому покупать себе христиан в рабство.

И обличен был этот нечестивый епарх и убит, как предсказал блаженный Евстратий, и с ним все иудеи, которые зимовали в Корсуни; а у того иудея, который замучил блаженного, отняли имение и самого повесили. «Обратилась злоба его на главу его, и на его темя злодейство его пало».

Тело же святого было брошено в море, где множество чудес свершается им. Верные искали его святые мощи, но не нашли, не от людей, а от бога желал славы святой. Окаянные же иудеи, видев страшное чудо, крестились.

О СМИРЕННОМ И МНОГОТЕРПЕЛИВОМ НИКОНЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ. Слово 17

Другой инок, именем Никон, был также взят в плен, и держали его в оковах. И пришел некто из Киева выкупить его. Но он не радел о том, хотя и был из знатных людей города. Христолюбец же тот, выкупив многих других пленников, возвратился домой. Услышавши об этом, родственники Никона со многим богатством пошли выкупать его. Инок же сказал им: «Не тратьте всего богатства вашего. Если бы хотел господь, чтобы я был свободным, то не предал бы он меня в руки этих людей незаконных и самых коварных во всей земле. Господь сказал: «Я предаю в плен и священников». Благое приняв от руки господней, — неужели не стерпим зла?» Родственники же, укоряя его, ушли, унося с собой большое богатство.

Половцы же, видя, что не осуществилось их желание, начали мучить инока без всякой милости. Три года каждый день издевались над ним и связывали его, бросали в огонь, резали ножами, с закованными руками и ногами оставляли под палящим солнцем, голо-

дом и жаждой морили; так что он иногда день, иногда два и три оставался без всякой пищи. И за все это благодарил он бога и молился беспрестанно. Зимой же на снег и на мороз выбрасывали его. Все это делали окаянные половцы, чтобы он дал за себя большой выкуп. Он же сказал им: «Христос даром избавит меня от рук ваших; я уже получил извещение об этом: являлся мне брат мой, которого вы продали иудеям на распятие. Осудятся они со сказавшими: «Возьми, возьми, распни его, кровь его на нас и на детях наших», — вы же, окаянные, вечно будете мучиться с Иудою, как предатели нечестивые и беззаконники. И вот что сказал мне святой Герасим: «Через три дня ты будешь в монастыре по молитвам святых Антония и Феодосия, и святых черноризцев, и всех, кто с ними». Услышав же это, половчанин подумал, что тот бежать хочет, и подрезал ему голени, чтобы он не убежал, и крепко стерегли его. В третий же день все с оружием в руках сидели около него, — вдруг в шестом часу он сделался невидим, и все услышали голос, произнесший: «Хвалите господа с небес!»

И так перенесен был он невидимо в Печерскую церковь пресвятой Богородицы в то время, когда начали петь канон. И стеклась к нему вся братия, и спрашивали его, как он сюда пришел? Он же сперва хотел утаить преславное то чудо. Но все видели на нем железа тяжкие, и раны неисцелимые, и все тело, гноившееся от ран, и сам он был в оковах, и кровь еще капала из перерезанных голеней, и не поверили ему.

Наконец поведал он им истину и не давал снять оков с рук и ног своих. Игумен же сказал: «Брат, если бы хотел господь в беде тебя оставить, то не вывел бы он тебя оттуда, теперь же подчинись воле нашей». И, снявши с него оковы, перековали их на вещи, нужные для алтаря.

Спустя долгое время половчанин, державший в плену этого блаженного, пришел в Киев для переговоров о мире, и зашел он в монастырь Печерский. И увидел тут

этого старца, и рассказал о нем все игумену и братии, и после того уже не вернулся назад, но вместе с родом своим принял крещение и сделался иноком; и здесь, в монастыре, окончили они жизнь свою в покаянии, служба пленнику своему, и положены в своем притворе.

И о многих других деяниях того блаженного Никона рассказывают; о них нет времени теперь писать, но об одном я все же тебе расскажу. Когда был в плену этот блаженный, заболели однажды пленники от голода и нужды. И велел им блаженный ничего не принимать в пищу от поганых, сам же, в узах, молитвою всех исцелил, и бежали они, став невидимыми.

Однажды, когда тот половчанин стал умирать, велел он женам своим и детям распять над его могилой Никона. Тогда блаженный помолился и исцелил его: он провидел его будущее покаяние и себя избавил от горькой смерти. Этот Никон «Сухим» именуется в поминании нашем: истек он кровью, сгнил от ран и иссох.

К Поликарпу. Как смогу я, брат, достойно прославить святых мужей, бывших в честном том и блаженном монастыре Печерском?! Ради добродетельного жития их и поганые крестились, и монахами становились, — так, ради того блаженного Христова мученика Герасима Евстратия иудеи крестились, а ради этого страстотерпца Никона половцы сделались иноками. Много же, и больше этого, слышал ты от меня, грешного епископа Симона, худшего из епископов, недостойного быть подножием тех святых черноризцев; да их, думаю, и весь мир достоин, и нет такого книжника, который бы мог описать все чудеса их. Это им сказал господь: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли отца небесного». Что же может нарушить наш обет, переменить жизнь нашу, с такой высоты в глубину житейскую павших? Ведь мы начальников и наставников имеем, равных бесплотным, первых молитвенников и ходатаев пред творцом, подобных ангелам, мученическими венцами увенчанных!

О СВЯТОМ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКЕ КУКШЕ
И О ПИМЕНЕ ПОСТНИКЕ. СЛОВО 18

Как добровольно можно умолчать об этом блаженном черноризце того же Печерского монастыря, священномученике Кукше, о котором всем известно, как он бесов прогнал, и вятичей крестил, и дождь с неба свел, и озеро иссушил, и много других чудес сотворил, и после многих мучений убит был с учеником своим. В один день с ними скончался и блаженный Пимен Постник, который предсказал за два года свое отшествие к господу, и о многом другом пророчествовал, и недужных исцелял. И вот посреди церкви, во всеуслышание, сказал он: «Брат наш Кукша нынче на рассвете убит». И сказавши это, умер в одно время с теми двумя святыми.

К Поликапу поучение. Не стану я много говорить тебе о святых. Если не довольно тебе моей беседы, того, что ты слышал из уст моих, то и мое писание не убедит тебя; если этому не веруешь, то и тому, что человек из мертвых воскрес, — не поверишь.

О СВЯТОМ АФАНАСИИ ЗАТВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ УМЕР,
А НА ДРУГОЙ ДЕНЬ СНОВА ОЖИЛ И ПРОЖИЛ ПОТОМ
ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ. СЛОВО 19

Вот что еще случилось в том святом монастыре. Брат один, именем Афанасий, проводивший жизнь святою и богоугодною, после долгой болезни умер. Два брата омыли тело его мертвое и ушли, спеленав его, как подобает покойника. Случайно пришли к нему другие иноки, но, увидя, что он умер, также ушли. И остался покойник весь день без погребения: был он очень беден, и никаких сбережений не имел, и потому был в небрежении: богатым-то всякий старается послужить как в жизни, так и при смерти, чтобы получить что-нибудь в наследство.

Ночью же явился некто игумену, говоря: «Человек божий этот второй день лежит непогребенным, а ты веселишься». Узнавши об этом, игумен утром со всею братиею пришел к умершему, и увидели его сидящим и плачущим. И ужаснулись все, видя, что он ожил, и стали спрашивать его: «Как ты ожил и что видел?» Он же не отвечал ничего и повторял только: «Спасайтесь!» Они же умоляли его рассказать о случившемся, говоря, что и им это будет на пользу. Он же сказал им: «Если я вам расскажу, не поверите мне». Братия же поклялась ему: «Соблюдem все, что бы ты ни сказал нам». Тогда он сказал им: «Во всем слушайте игумена, во всякое время кайтесь, молитесь господу Иисусу Христу, и пречистой его матери, и преподобным Антонию и Феодосию, чтобы окончить вам жизнь здесь и сподобиться погребения в пещере, со святыми отцами. Вот три самые важные вещи из всего, если только исполнять все это по чину, не возносясь. Более не спрашивайте меня ни о чем, и молю вас простить меня».

После этого ушел он в пещеру, заложил за собой дверь и пробыл в ней, никогда и ни с кем не говоря, двенадцать лет. Когда же пришло время преставления его, он, призвав всю братию, повторил сказанное прежде о послушании и о покаянии, добавив: «Блажен, кто здесь сподобится положенным быть». И, сказав это, почил с миром о господе.

Был же между братией некто, уже много лет страдавший болью в ногах; и принесли его к умершему; он же обнял тело блаженного и исцелился с того часа, и до самой смерти никогда уже не болели у него ни ноги, ни что другое. Имя этому исцелившемуся — Вавила. И вот что он рассказал братии: «Лежал я, — рассказывал он, — и стонал от боли, и вдруг вошел этот блаженный и сказал мне: «Приди, я исцелю тебя». Я же хотел его спросить, когда и как он сюда пришел, но он мгновенно сделался невидим». И уразумели все

после этого, что угодил он господе: не выходил он из пещеры и не видел солнце двенадцать лет, плакал беспрестанно день и ночь, ел немного хлеба и чуть-чуть пил воды, и то через день. И это слышал я от самого Вавилы, исцеленного им.

Если кому невероятным покажется то, о чем я пишу, пусть прочтет жития святых отцов наших Антония и Феодосия, зачинателей русского монашества, и тогда уверует. Если уже и тогда не переубедится, не его вина: должно сбыться притче, сказанной господом: «Вышел сеятель сеять семя свое, и иное упало при пути, другое в тернии» — в сердца тех, кто лишь заботами житейскими поглощен, о них же пророк сказал: «Окаменело сердце людей сих, и им трудно слышать ушами»; другой же: «Господи, кто поверит слышанному о нас?»

К Поликарпу. Ты же, брат и сын мой, не следуй их примеру; не для них пишу я это, но чтобы тебя приобрести. Совет же даю тебе: благочестием утвердись в святом том монастыре Печерском, не желай власти, ни игуменства, ни епископства: довольно тебе для спасения окончить жизнь свою в нем. Ты сам знаешь, что много подобного могу я рассказать тебе из разных книг; но лучше, и для тебя будет полезнее, если я расскажу даже малое из того многого, что слышал о содеявшемся в том божественном и святом монастыре Печерском.

О ПРЕПОДОБНОМ СВЯТОШЕ, КНЯЗЕ ЧЕРНИГОВСКОМ. СЛОВО 20

Этот блаженный и благоверный князь Святоша, в иночестве Николай, сын Давыда, внук Святослава, уразумев обманчивость этой суетной жизни, и что все, что здесь, протекает и проходит мимо, будущие же блага непреходящи и вечны, и бесконечно царство небесное, приготовленное богом, любящим его, — ос-

тавил княжение, и честь, и славу, и власть, и все то ни во что вменив, пришел в Печерский монастырь и сделался иноком в 6614 (1106) году, февраля 17.

Все бывшие при нем черноризцы были свидетелями его добродетельного жития и послушания. Три года пробыл он на поварне, работая на братию; своими руками колол дрова для приготовления пищи, часто с берега на своих плечах носил дрова; и с трудом братья его, Изяслав и Владимир, отговорили его от такого дела. Однако этот истинный послушник с мольбою упросил, чтобы ему еще один год поработать в поварне на братию. После же этого, так как во всем был он искусен и совершенен, приставили его к монастырским воротам, и пробыл он тут три года, не отходя никуда, кроме церкви. После этого велено ему было служить в трапезной. Наконец волею игумена и всей братии принудили его завести свою келию, которую он сам и построил, и доньше эта келия зовется «Святошиной», как и сад, который он своими руками насадил.

Говорят также о нем и то, что во все годы монашества его никто никогда не видал его праздным: всегда в руках у него было рукоделье, чем он и зарабатывал себе на одежду. На устах же его постоянно была молитва Иисусова, беспрестанно повторяемая: «Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй меня!» Никогда не вкушал он ничего иного, кроме монастырской пищи; хотя он и много имел, но все то на нужды странников и нищих отдавал и на церковное строение. Книги же его многие сохранились и доньше.

Еще во время княжения имел этот блаженный князь Святоша лекаря весьма искусного, именем Петра, родом сирийца, который пришел с ним в монастырь. Но этот Петр, видя его добровольную нищету, службу на поварне и у ворот, ушел от него и стал жить в Киеве, врачую многих. Он часто приходил к блаженному и, видя его во многом злострадании и безмер-

ном пощении, увещевал его, говоря: «Княже, следовало бы тебе подумать о своем здоровье, чтобы не погубить плоть свою безмерным трудом и воздержанием: ты когда-нибудь изнеможешь так, что не в силах будешь нести лежащее на тебе бремя, которое сам принял на себя бога ради. Не угоден ведь богу сверх силы пост или труд, а только от сердца чистого и раскаявшегося; ты же не привык к такой нужде, какую переносишь теперь, работая как подневольный раб. И благочестивым твоим братьям, Изяславу и Владимиру, в великую укоризну нищета твоя. Как ты от такой славы и чести мог дойти до последнего убожества, ведь ты изнуришь тело свое и в болезнь впадешь из-за такой неподходящей пищи. Дивлюсь я твоему чреву, которое раньше отягощалось сладкой пищей, а теперь, сырые овощи и сухой хлеб принимая, терпит. Берегись! Когда-нибудь недуг охватит тебя всего, и ты, не имея крепости, скоро жизни лишишься, и нельзя уже мне будет помочь тебе, и повергнешь ты в плач неутешный братьев своих. Вот также и бояре твои, некогда служившие тебе, думали когда-нибудь сделаться чрез тебя великими и славными; ныне же лишены твоей любви и пеняют на тебя: поставили себе дома большие, а теперь сидят в них в великом унынии. Ты сам не имеешь куда голову приклонить, сидя на этой куче мусора, и многие считают, что ты лишился ума. Какой-нибудь князь поступал так? Блаженный ли отец твой, Давыд, или дед твой, Святослав, или кто из бояр делал это, или хотя желание имел идти по этому пути, кроме Варлаама, бывшего здесь игуменом? И если ты меня не слушаешь, то прежде божьего суда осужден будешь».

Так вот, и неоднократно, говорил он ему, иногда в поварне с ним сидя, иногда у ворот, подученный на это братьями его. Блаженный же отвечал ему: «Брат Петр! Много размышлял я и решил не щадить плоти своей, чтобы снова не поднялась во мне борьба: пусть под

гнетом многого труда смирится она. Ведь сказано, брат Петр, что силе совершаться подобает в немощи. Нынешние страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас. Я же благодарю господа, что освободил он меня от мирских забот и сделал слугой рабам своим, этим блаженным черноризцам. Братья же мои пусть о себе подумают: каждый свое бремя должен нести и довольно с них и моей волости. Все же это: жену, и детей, и дом, и власть, и братьев, и друзей, и рабов, и села, — оставил я ради Христа, чтобы чрез то сделаться наследником жизни вечной. Я обнищал ради бога, чтобы его приобрести. Да и ты, когда врачуешь, не воздерживаться ли велишь в пище! Для меня же умереть за Христа — приобретение, а на мусорной куче сидеть, подобно Иову, — царствование. Если же ни один князь не делал так прежде меня, то пусть я послужу примером им: может быть, кто-нибудь из них поревнует этому и последует за мной. До прочего же тебе и научившим тебя дела нет».

Когда бывал болен этот блаженный, лекарь, видя то, начинал готовить врачевное зелье против той болезни, которая тогда случалась — огненного ли жжения или болезненного жара, но прежде чем он приходил, князь уже выздоравливал и не давал лечить себя. И много раз так бывало. Однажды разболелся сам Петр, и Святоша послал к нему, говоря: «Если не будешь пить лекарства — быстро поправишься, если же не послушаешься меня — много страдать будешь». Но тот, рассчитывая на свое искусство и думая избавиться от болезни, выпил лекарство и едва жизни не лишился. Только молитва блаженного и исцелила его.

Снова разболелся лекарь, и святой послал объявить ему: «В третий день ты выздоровеешь, если не будешь лечиться». Послушался его сириец и в третий день исцелился по слову блаженного. Призвав же его, святой велел ему постричься в монахи и сказал: «Чрез

три месяца я отойду из этого мира». Говорил же он это, предсказывая смерть Петру. Сириец Петр, не уразумев же того, что это с ним должно случиться, пал к ногам князя и со слезами стал говорить: «Увы мне, господин мой и благодетель мой, дороже мне самой жизни! Кто посмотрит на меня, чужеземца, кто напитает многих людей, нуждающихся в пище, и кто будет заступником обиженных, кто помилует нищих? Не говорил ли я тебе, о княже, что оставишь ты по себе плач неутешный братьям своим? Не говорил ли я тебе, о княже, что ты меня не только словом Божиим и силою его исцелил, но и молитвою своею? Куда же теперь отходишь, пастырь добрый? Открой мне, рабу своему, язву смертную, и, если я не вылечу тебя, пусть будет голова моя за голову твою и душа моя за душу твою! Не отходи от меня молча, открой мне, господин мой: откуда тебе такая весть, да отдам я жизнь мою за тебя. Если же известил тебя господь о том, моли его, чтобы я умер за тебя. Если оставляешь ты меня, то где сесть мне, чтобы оплакать свою утрату; неужели на этой мусорной куче, или в воротах этих, где ты живешь? Что достанется мне в наследство из твоего богатства? Ты сам почти наг, и когда умрешь, то положат тебя в этих заплатанных рубищах. Подари же мне твою молитву, как в древности Илия Елисею милость, чтобы проникла она в сердце мое и дошел я до райских мест крова дивного дома божия. Знает и зверь, где скрыться, когда взойдет солнце, и ложится в логовище свое, и птица находит себе дом, и горлица гнездо себе, в котором кладет птенцов своих, — ты же шесть лет живешь в монастыре, и места своего нет у тебя».

Блаженный же сказал ему: «Лучше уповать на господа, нежели надеяться на человека: ведает господь, как пропитать всю тварь, и может защищать и спасать бедных. Братья же мои пусть не обо мне плачут, а о себе и о детях своих. В врачевании же я и при жизни не

нуждался, а мертвые не оживают, и врачи их воскресить не могут». И пошел он с ним в пещеру, вырыл могилу себе и сказал сириянину: «Кто из нас сильнее возжелает могилу сию?» И сказал сириец: «Пусть будет, как кто хочет, но ты живи еще, а меня здесь положи». Тогда блаженный сказал ему: «Пусть будет, как ты хочешь». И так постригся сириец, и три месяца день и ночь пребывал в постоянном плаче. Блаженный же утешал его, говоря: «Брат Петр! Хочешь ли, я возьму тебя с собою?» Он же со слезами отвечал ему: «Хочу, чтобы ты отпустил меня, и я за тебя умру, ты же молись за меня». И сказал ему блаженный: «Держай, чадо, и будь готов: через три дня умрешь». И вот, причастился тот божественных и животворящих, бессмертных тайн, лег на одр свой, оправил одежды свои и, вытянув ноги, предал душу в руки господя.

Блаженный же князь Святоша жил после того тридцать лет, не выходя из монастыря до самого преставления в вечную жизнь. И в день преставления его чуть ли не весь город пришел.

И когда узнал об этом брат Святоши, то прислал с мольбой к игумену, прося себе на благословение крест от парамана Святоши, подушку и кладку его, на которой он преклонял колена. Игумен дал это князю, сказав: «По вере твоей да будет тебе!» Князь же, приняв дар, бережно хранил его и дал игумену три гривны золота, чтобы не безвозмездно взять знамение братнее. Этот Изяслав однажды так разболелся, что все уже отчаялись за него и считали, что он при смерти, и сидели возле умирающего жена его, и дети, и все бояре. Он же, приподнявшись немного, попросил воды из печерского колодца и онемел. Послали и набрали воды; игумен же, взяв власяницу Святошину, отер ею гроб святого Феодосия и велел облечь в нее князя, брата Святоши. И еще прежде чем вошел несший воду и власяницу, князь вдруг проговорил: «Вы-

ходите скорей за город встречать преподобных Феодосия и Николу». Когда же вошел посланный с водой и власяницей, князь воскликнул: «Никола, Никола Святоша!» И дали ему пить, и облекли его во власяницу, и он тотчас выздоровел. И все прославили бога и угодников его. И всякий раз, как Изяслав заболел, то облачался он в эту власяницу и так выздоравливал. Во всех битвах надевал он эту власяницу на себя и оставался невредим. Однажды же, согрешивши, не посмел надеть ее и был убит в битве; и завещал он в той власянице похоронить себя.

И о многих других деяниях этого святого рассказывают. И доньше еще знают черноризцы печерские о блаженном князе Святоше.

К Поликарпу. И опять к тебе обращаю я слово. Свершил ли ты что-нибудь подобное? Богатство ли оставил? — но ты не имел его. Славу ли? — но ты не достиг ее, а от убожества можно к славе прийти и ко всему доброму. Подумай об этом князе — такого ни один князь на Руси не сделал: по своей воле никто не вступил в иночество. Воистину он выше всех князей русских! Что же значат твои обиды перед его власяницей? Ты вот к нищете призван, а нарядными одеждами украшаешься, и за то лишен будешь нетленной одежды и, как не имеющий брачной ризы, то есть смирения, — осудишься. Вот что пишет блаженный Иоанн в своей Лестнице: «Иудей радуется субботе, чтобы по закону отпраздновать ее едой». И ты, подбавь ему, заботишься о питье и о еде, и в том полагаешь свою славу. Послушай блаженного Евагрия: «Монах, если согрешит — не имеет праздника на земле». Не насыщай тела своего, чтобы не стало оно твоим супостатом, но и не начинай подвига выше меры: если не осилишь — только укоризну себе примешь. Подражай святым отцам и не лишишься божественной славы. Если не удостоишься быть увенчанным с совершенными, то хотя бы с угодившими богу старайся

удостоиться похвалы. Вчера вступив в монашество, ты уже даешь обеты и, не привыкнув к иноческой жизни, хочешь епископства, и законодавцем строгим показываешь себя; сам не выучившись покорности, всех смирить хочешь; мудрствуешь о высоком, с гордынею повелевая и с дерзостью возражая. Все это привык я слышать из уст твоих, потому что помышляешь ты о земном, а не о небесном; о плотском, а не о духовном; о страстях, а не о воздержании; о богатстве, а не о нищете. От света отступил ты и во тьму впал; блаженство отверг и муку вечную себе уготовил, и, вооружившись на врага, то оружие в свое сердце вонзил. Воспрянь, брат, и поразмысли внимательно о своей жизни, чтобы мысль твоя и ум твой были твердо обращены к этому святому месту.

Но вот, брат, расскажу я тебе историю о Еразме-черноризце, которая подобна одному твоему благому деянию.

О ЕРАЗМЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КОТОРЫЙ РАСТРАТИЛ ИМЕНИЕ СВОЕ НА СВЯТЫЕ ИКОНЫ И ЗА НИХ СПАСЕНИЕ ПОЛУЧИЛ.

СЛОВО 21

Был в том же монастыре Печерском черноризец, по имени Еразм; он был очень богат, и все, что имел, на церковную утварь истратил и оковал много икон, которые и доныне стоят у вас над алтарем. И дошел он до последней нищеты, и все стали пренебрегать им, и стал он отчаиваться, что не получит награды за истраченное богатство, потому что в церковь, а не на милостыню роздал его. И так как дьявол вложил это ему в сердце, перестал он радеть о житии своем, во всяком небрежении и бесчинстве проводил дни свои. Разболелся он сильно, вконец онемел и ослеп, и лежал так восемь дней, едва дыша. На восьмой же день пришла к нему вся братия, и, видя страшное его мучение, удивлялись и говорили: «Горе, горе душе брата

сего! В лености и во всяком грехе пребывала она и теперь видит что-то, мятется и не может выйти».

Еразм же этот встал, будто никогда и болен не был, сел и рассказал им: «Братия и отцы, послушайте, истинно все так. Как вы все сами знаете, грешен я и доныне не покаялся. И вот сегодня явились мне святые, Антоний и Феодосий, и сказали мне: «Мы молились богу, и даровал тебе господь время покаяться». И вот увидел я святую богородицу, держащую на руках сына своего, Христа, бога нашего, и все святые были с ней. И сказала она мне: «Еразм! За то, что ты украсил церковь мою и иконами возвеличил ее, и я тебя прославлю в царствии сына моего, убогие же всегда рядом с вами. Только, вставши от болезни, покаяйся и прими великий ангельский образ: в третий день я возьму тебя, чистого, к себе, возлюбившего благолепие дома моего».

И, сказав это братии, Еразм начал перед всеми исповедоваться в грехах своих, не стыдясь, а радуясь о господе, и пострижен был в схиму, и в третий день отошел к господу в добром исповедании. Об этом слышал я от святых и блаженных старцев, бывших тому свидетелями и очевидцами.

К Поликарпу. Ведая это, брат, не думай: «Напрасно истратил, что имел», так как перед богом сочтено все, до последнего медяка. Надейся же на милость божию за труд свой. Твоими стараниями сооружено двое дверей в той святой, великой Печерской церкви святой Богородицы, и та otvorит тебе двери милости своей, ибо иереи за таких всегда молятся в той церкви: «Господи, освяти любящих благолепие дома твоего и прославь их божественною твоею силою!» Вспомни также и того вельможу, который велел сковать крест из чистого золота. Один юноша, возревновав ему, приложил немного и своего золота, и за то сделался наследником всего имения его. И ты, если истратишь добро свое на славу бога и пречистой его

матери, не лишишься награды своей, но говори с Давидом: «Буду умножать всякую хвалу тебе», и скажет тебе господь: «Прославляющих меня прославлю». Ты сам мне говорил: «Лучше мне все, что имею, на церковные нужды истратить, чтобы не пропало напрасну от рати, от воров или от огня». И я похвалил доброе желание твое. Сказано: «Если обещали — исполняйте». Лучше не давать обещания, чем, обещавшись, не исполнить. Если же случится, что пропадет что-нибудь от рати или ворами украдено будет, отнюдь не хули и не смущайся, но хвали бога за это и с Иовом говори: «Господь дал, господь и взял». И еще расскажу я тебе об Арефе-черноризце.

ОБ АРЕФЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КАК УКРАДЕННОЕ У НЕГО ВОРАМИ БОГАТСТВО В МИЛОСТЫНЮ ЕМУ ВМЕНИЛОСЬ, БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ ОН ПОЛУЧИЛ СПАСЕНИЕ. СЛОВО 22

Был черноризец в том же Печерском монастыре, именем Арефа, родом полочанин. Много богатства имел он в келии своей, и никогда ни одной цаты, ни даже хлеба не подал убогому, и так был скуп и немилосерд, что и сам почти от голода умирал.

И вот однажды ночью пришли воры и украли все богатство его. Арефа же этот так сильно жалел о потере золота, что хотел сам себя погубить, тяжкие обвинения возвел на неповинных и многих ни за что мучил. Мы все молили его прекратить розыск, но он и слушать не хотел. Блаженные же старцы, утешая его, говорили: «Брат! Возложи на господа печаль свою, и он поддержит тебя». Он же досаждал всем жестокими словами.

Через несколько дней впал он в недуг лютей и уже при смерти был, но и тут не унялся от роптания и хулы. Но господь, который всех хочет спасти, показал ему пришествие ангелов и полки бесов, и начал он звать: «Господи, помилуй! Господи, согрешил я, все

твое, и я не жалуюсь». Избавившись же от болезни, рассказал он нам, какое было ему явление. «Когда, — говорил он, — пришли ангелы, то пришли также и бесы, и начали они спорить об украденном богатстве моем, и сказали бесы: «Так как не обрадовался он, но возроптал, то теперь он наш и нам предан». Ангелы же говорили мне: «О, окаянный человек! Если бы ты благодарил бога о своей потере, то вменилось бы тебе это, как Иову. Если кто милостыню творит, — великое это дело пред богом, но творят по своей воле; если же кто за взятое насилием благодарит бога, то это больше милостыни: дьявол, делая это, хочет довести до хулы человека, а он все с благодарением предает господу, — так вот это более милостыни». И вот, когда ангелы сказали мне это, я воскликнул: «Господи, помилуй, господи, прости! Господи, согрешил я! Господи, все твое, а я не жалуюсь». И тотчас бесы исчезли, и ангелы, возрадовавшись, вписали мне в милостыню пропавшее серебро».

Мы же, услышав это, прославили бога, давшего нам знать о сем. Блаженные же те старцы, рассудивши происшедшее, сказали: «Воистину достойно и праведно за все благодарить бога». Мы же, видевши, что Арефа во все дни славил и хвалил бога, удивлялись изменению его ума и нрава: тот, кого прежде никто не мог отговорить от хулы, ныне же все время с Иовом взывает: «Господь дал, господь и взял; как господу угодно, так и будет. Будь благословенно имя господне вовеки!» Если бы не видел он явления ангелов и не слышал их речей, никак не перестал бы он роптать, и мы веровали, что истинно было так. И если бы было не так, то не было бы и старца, о котором сказано в Патерике, что он молился богу, чтоб пришли к нему разбойники и взяли бы у него все, и услышал его бог, и отдал старец разбойникам все, что у него было.

К Поликарпу. И вот уже, брат, всевозможные наставления дал я тебе. Проси у господа бога, чтобы в этом монастыре жизнь свою окончить, в покаянии и в послушании игумену своему Акиндину. Эти три вещи больше всех добродетелей, как свидетельствовал Афанасий-затворник.

И еще расскажу тебе об ином дивном чуде, которое я сам видел. Вот что случилось в том же святом монастыре Печерском.

О ДВУХ БРАТЬЯХ, О ТИТЕ-ПОПЕ И О ЕВАГРИИ-ДИАКОНЕ,
ВРАЖДОВАВШИХ МЕЖДУ СОБОЙ. СЛОВО 23

Были два брата по духу, Евагрий-диакон и Тит-поп. И имели они друг к другу любовь великую и нелицемерную, так что все дивились единодушию их и безмерной любви. Ненавидящий же добро дьявол, который всегда рыкает, как лев, ища кого поглотить, посеял между ними вражду, и такую ненависть вложил он в них, что они и в лицо не хотели видеть друг друга. Много раз братья молили их примириться между собой, но они и слышать не хотели.

Когда Евагрий стоял в церкви, а Тит в это время шел с кадилом, то Евагрий отбегал от фимиама; если же Евагрий не отбегал, Тит проходил мимо него, не покадив. И так пробыли они много времени в мраке греховном. Приступали к святым тайнам — Тит, не прося прощения, а Евагрий — гневаясь. До того вооружил их враг.

Однажды этот Тит сильно разболелся и, лежа уже при смерти, стал горевать о своем прегрешении, и послал со смирением к диакону, говоря: «Прости меня, брат, ради бога, что я гневался на тебя». Евагрий же отвечал жестокими словами и проклятиями. Старцы же те, видя, что Тит умирает, привели Евагрия насильно, чтобы помирился он с братом. Больной же, увидев брата, встrepенулcя и пал ниц к его ногам, го-

воря со слезами: «Прости меня, отче, и благослови». Он же, немилостивый и лютый, отказался перед всеми нами, сказав: «Никогда не хочу примириться с ним, ни в этой жизни, ни в будущей», и, произнеся это, вырвался из рук старцев и вдруг упал. Хотели мы поднять его, но увидали, что он уже мертв, и не могли мы ему ни рук расправить, ни рта закрыть, как будто он уже давно умер. Больной же вскоре встал, как будто никогда и болен не был.

И ужаснулись мы внезапной смерти одного и скорому исцелению другого, и со многим плачем погребли мы Евагрия, рот и глаза у него так и остались открыты, а руки растянуты.

Тогда спросили мы Тита: «Что случилось?» Тит же рассказал нам так: «Видел я, — говорил он, — ангелов, отступивших от меня и плачущих о душе моей, и бесов, радующихся гневу моему, и тогда начал я молить брата, чтобы он простил меня. Когда же вы привели его ко мне, я увидел ангела немилостивого, держащего пламенное копьё, и, когда Евагрий не простил меня, он ударил его, и тот пал мертвым, мне же он подал руку и поднял меня». Мы же, услышавши это, убоялись бога, сказавшего: «Прощайте — и прощены будете». Ведь сказал господь: «Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». Ефрем же говорит: «Если кому случится во вражде умереть, то немоллимый суд ждет таких».

И если этот Евагрий, ради святых Антония и Феодосия, прощения не получит — горе лютое ему, побежденному такую страстью!

К Поликарпу. Берегись ее и ты, брат, и не дай места бесу гнева: кто подчинится ему, тот и поработен им. Но скорее пойд и поклонись вражду имеющему на тебя, да не будешь предан ангелу немилостивому, пусть и тебя господь сохранит от всякого гнева. Он ведь сказал: «Да не зайдет солнце во гнев вашем». Слава ему с отцом и со святым духом ныне и присно!

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРСКОМУ
АКИНДИНУ О СВЯТЫХ И БЛАЖЕННЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ
ПЕЧЕРСКИХ, БРАТИИ НАШЕЙ, НАПИСАНО ПОЛИКАРПОМ,
ЧЕРНОРИЗЦЕМ ТОГО ЖЕ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ.

СЛОВО 24

С помощью господя, утверждающего слово, к твоему благоумию обращу его, пречестный архимандрит всея Руси, отец и господин мой, Акиндин. Приклони же ко мне благосклонный твой слух, и я стану говорить тебе о жизни, деяниях и знамениях дивных и блаженных мужей, живших в этом святом монастыре Печерском, как слышал я о них от брата твоего Симона, епископа Владимирского и Суздальского, бывшего раньше черноризцем того же Печерского монастыря; он рассказывал мне, грешному, о святом и великом Антонии, положившем начало русскому монашеству, и святом Феодосии, и о житии и подвигах, бывших после них, святых и преподобных отцов, почивших в дому пречистой божией матери. Да послушает твое благоразумие моего младоумия и несовершенного разума.

Вопросил ты меня некогда, велев рассказать о деяниях тех черноризцев; но ты знаешь мою простоту и невежество: ибо всегда со страхом, о чем бы ни шла речь, говорю с тобою, поэтому как же могу я внятно рассказать тебе о сотворенных ими знамениях и преславных чудесах? Кое-что из тех преславных чудес я поведал тебе, но гораздо больше забыл от страха и, стыдясь твоего благочестия, рассказывал невразумительно. И понудил я себя писанием изложить тебе о святой и блаженной братии нашей, чтобы и будущие после нас черноризцы узнали о благодати божьей, бывшей в святом этом месте, и прославили отца небесного, показавшего таких светильников в Русской земле, в Печерском святом монастыре.

О НИКИТЕ ЗАТВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ ПОТОМ БЫЛ
ЕПИСКОПОМ НОВГОРОДА. СЛОВО 25

Был во дни преподобного игумена Никона брат один, Никита именем. Этот инок, желая, чтобы славили его люди, дело великое не бога ради замыслив, начал проситься у игумена войти в затвор. Игумен же не разрешил ему, говоря: «О чадо! нет тебе пользы праздно сидеть, потому что ты еще молод, лучше тебе оставаться среди братии, и, работая на них, ты не лишишься награды своей. Сам ты видел брата нашего, святого Исаакия Пещерника, как прельщен он был от бесов. Только и спасла его великая благодать божия и молитвы преподобных отцов, Антония и Феодосия, которые и донныне чудеса многие творят». Никита же сказал: «Никогда не прельщусь я, как он. Прошу же у господя бога, чтобы и мне подал он дар чудотворения». Никон в ответ ему сказал: «Выше силы прошение твое; берегись, брат; вознесешься и упадешь. Велит тебе наше смирение служить святой братии, ради них и будешь увенчан за послушание твое». Никита же никак не хотел внять словам игумена, но как захотел, так и сделал: заложил за собой дверь и неисходно пребывал в келье.

Прошло несколько дней, и прельстил его дьявол. Во время пения своего услышал Никита голос молящегося с ним, и почувал благоухание неизреченное, и, прельстившись этим, говорил сам себе: «Если бы это был не ангел, то не молился бы со мною и не было бы здесь благоухания духа святого». И стал он прилежно молиться, говоря: «Господи, явись мне сам во очию, чтобы я мог видеть тебя». Тогда был голос к нему: «Не явлюсь тебе, ибо ты еще юн и, вознесшись, падешь». Затворник же со слезами ответил: «Нет, господи, не прельщусь я, ведь игумен мой научил меня не внимать оболъщениям дьявола, все же, что ты повелишь мне, я исполню». И тогда душепагубный змей, приняв власть над ним, сказал: «Невоз-

можно человеку видеть меня и остаться в живых, поэтому посылаю я ангела моего: он пребудет с тобой, и ты станешь исполнять волю его». И тотчас стал перед ним бес в образе ангела. Пав ниц, поклонился ему инок, как ангелу. И сказал ему бес: «Ты не молись, а только читай книги, и таким путем будешь беседовать с богом, и из книг станешь подавать полезное слово приходящим к тебе. Я же постоянно буду молить о спасении твоём творца своего». Прельстившись, монах перестал молиться, а прилежно занимался чтением и книжной премудростью; видя же беса, постоянно молящегося о нём, радовался ему, как ангелу, творящему молитву за него. С приходившими же к нему Никита беседовал о пользе души и начал пророчествовать; и пошла о нём слава великая, и дивились все, что сбываются предсказания его.

Послал однажды Никита к князю Изяславу, говоря: «Нынче убит Глеб Святославич в Заволочье, скорее пошли сына своего Святополка на княжеский стол в Новгород». Как он сказал, так и было: через несколько дней пришла весть о смерти Глеба. И с тех пор прослыл затворник пророком, и охотно слушались его князья и бояре.

Но бес будущего не знал, а то, что сам делал или на что подбивал злых людей — убить ли, украсть ли, — то и возвещал. Когда приходили к затворнику, чтобы услышать от него слово утешения, — бес, мнимый ангел, рассказывал, что случилось его деяниями, а Никита об этом пророчествовал, поэтому сбывалось.

Не мог никто также померяться с ним в знании книг Ветхого Завета, он его весь наизусть знал: Бытие, Исход, Левит, Числа, Книгу Судей, Книгу Царств и всех Пророков по порядку, и все книги иудейские знал хорошо. Евангелия же и Апостола, этих святых книг, господом в благодати переданных нам на наше утверждение и исправление, он не хотел ни видеть, ни слышать, ни читать и другим не разрешал беседовать

с собою о них. И из этого все поняли, что прельщен он врагом.

Не могли стерпеть этого преподобные те отцы: Никон игумен, Иоанн, который после него был игуменом, Пимен Постник, Исаия, что был епископом в Ростове, Матфей Прозорливец, Исакий святой Пещерник, Агапит Целитель, Григорий Чудотворец, Никола, бывший после епископом Тмуторокани, Нестор, который написал Летопись, Григорий, творец канонов, Феоктист, бывший после епископом Черниговским, Онисифор Прозорливец. И все эти богоносцы пришли к прельщенному и, помолившись богу, отогнали беса от него, и после того он не видал его более. Потом вывели его из пещеры и спрашивали о Ветхом Завете, чтобы услышать от него что-нибудь. Никита же клялся, что никогда не читал книг, и тот, кто прежде наизусть знал иудейские книги, теперь не ведал ни одного слова из них, да, попросту сказать, вообще ни одного письменного слова не знал, те блаженные отцы едва его научили грамоте.

После этого предался Никита воздержанию, и послушанию, и чистому и смиренному житию, так что всех превзошел в добродетели; и впоследствии был поставлен епископом Новгорода за премногую его добродетель. И много чудес сотворил он: однажды во время бездождия, помолившись богу, дождь с неба свел, потом пожар в городе загасил. И ныне со святыми чтут его, святого и блаженного Никиту.

О ЛАВРЕНТИИ ЗАТВОРНИКЕ. СЛОВО 26

Потом и другой брат, именем Лаврентий, захотел также в затвор войти. Святые те отцы никак не позволяли ему делать этого. Тогда Лаврентий ушел к святому Дмитрию в монастырь Изяславов, и затворился там. И за твердое житие его даровал ему господь благодать исцеления.

Однажды привели к нему одного бесноватого из Киева, и не мог затворник изгнать от него беса, — очень люто был: бревно, которое десять человек снести не могли, он один, подняв, забрасывал. После того, как он оставался долгое время неизцеленным, велел затворник вести его в Печерский монастырь. Тогда бесноватый начал вопить: «К кому посылаешь меня? Я не смею приблизиться к пещере ради святых, положенных в ней, в монастыре же только тридцати иноков боюсь, а с прочими могу бороться». Ведшим же его было известно, что он никогда в Печерском монастыре не был и никого там не знает, и спросили его: «Кто же те, которых ты боишься?» Бесноватый же назвал их всех по именам: «Эти тридцать, — сказал он, — одним словом могут изгнать меня». Всех же черноризцев в Печерском монастыре было тогда сто восемьдесят.

И сказали бесноватому: «Мы хотим в пещере затворить тебя». Бесноватый же отвечал: «Что мне за польза с мертвецами бороться? Они теперь имеют у бога большее дерзновение молиться за своих черноризцев и за приходящих к ним. Но если хотите борьбу мою видеть, ведите меня в монастырь». И начал он говорить по-еврейски, потом по-латински, потом по-гречески, и, попросту сказать, на всех языках, а прежде никогда и не слышал их, так что испугались ведущие бесноватого такому изменению языка его и тому, что заговорил он на разных наречиях. И не успел он еще подойти к монастырю, как сразу исцелился и стал все хорошо понимать. И пришел игумен со своею братией, исцелившийся же не знал ни игумена и ни одного из тех тридцати, имена которых назвал во время беснования. И спросили его приведшие: «Кто исцелил тебя?» Он же, смотря на чудотворную икону Богородицы, сказал им: «С нею встретили нас святые отцы — и назвал по имени тридцать числом, — и я исцелился». И знал он имена всех их, а самих старцев

тех не знал ни одного. И так все вместе воздали славу богу, и пречистой его матери, и блаженным угодникам его.

Для того и я написал тебе, господин мой Акиндин, чтобы не покрыть тьмою неведения дивные чудеса блаженных и преподобных отцов наших, их знамения, и чудеса, и подвиги. Пусть и другие узнают святое житие братии нашей, и то, что в одно время было в монастыре том до тридцати таких мужей, которые одним словом могли изгонять бесов. К пещере же, сказал бесноватый, он не смел и приблизиться, из-за положенных в ней святых отцов, Антония и Феодосия, и прочих святых черноризцев, имена которых вписаны в книгу жизни.

Блажен, сподобившийся быть положен с ними, блажен и спасен, сподобившийся быть написан с ними, с ними и меня господь да сподобит милости в день судный, молитвами твоими. Аминь.

О СВЯТОМ И БЛАЖЕННОМ АГАПИТЕ, БЕСКОРЫСТНОМ ВРАЧЕ. СЛОВО 27

Некто из Киева, именем Агапит, постригся при блаженном отце нашем Антонии и последовал житию его ангельскому, будучи самовидцем подвигов его. Как тот великий, скрывая свою святость, исцелял больных пищей своей, а они думали, что получают от него врачебное зелье и выздоравливали его молитвою, так и этот блаженный Агапит, подражая святому тому старцу, помогал больным. И когда кто-нибудь из братии заболел, он, оставив келию свою — а в ней не было ничего, что можно было бы украсть, — приходил к болящему брату и служил ему: подымал и укладывал его, на своих руках выносил, давал ему еду, которую варил для себя, и так выздоравливал больной молитвою его. Если же продолжался недуг болящего, что бывало по изволению бога, дабы умножить

веру и молитву раба его, блаженный Агапит оставался неотступно при больном, моля за него бога беспрестанно, пока господь не возвращал здоровья болящему ради молитвы его. И ради этого прозван он был «Целителем», потому что господь дал ему дар исцеления. И слышали в городе, что в монастыре есть некто целитель, и многие больные приходили к нему и выздоравливали.

Был же, во времена этого блаженного, человек некий, армянин родом и верою, столь искусный во врачевании, как еще никто не бывал прежде него: только увидит он больного, сразу узнает и объявит ему смерть, назначив день и час, и не было случая, чтобы не исполнилось слово его, — и такого уже он не лечил. Один из таких больных, первый у князя Всеволода, принесен был в Печерский монастырь: армянин привел его в отчаяние, предсказав ему через восемь дней смерть. Блаженный же Агапит дал ему еды, которой сам питался, и тот выздоровел. И промчалась о нем слава по всей земле той.

Армянин же, уязвленный стрелой зависти, стал укорять блаженного и некоего осужденного на смерть послал в монастырь, повелев дать ему смертного зелья, чтобы тот, принявши яд перед Агапитом, пал мертвым. Блаженный же, видя, как тот умирает, дал ему монастырской пищи, и он стал здоров молитвою его, и так избавил от смерти осужденного на смерть. После этого ополчился на него иноверный тот армянин и наустил на святого Агапита единоверцев своих, чтобы они дали ему выпить смертного зелья, хотя его тем зельем уморить. Блаженный же испил без вреда и никакого зла не претерпел, ибо ведает господь, как благочестивых от смерти избавлять: «Если, — говорит апостол, — что смертоносное выпьют они, не повредит им: возложат они руки на больных, и те здоровы будут».

В те же дни разболелся князь Владимир Всеволодич Мономах, и усердно лечил его армянин, но безуспешно, и только усиливался недуг. Будучи уже при конце жизни, посылает князь молить игумена Печерского Иоанна, чтобы он понудил Агапита прийти к нему, — он княжил тогда в Чернигове. Игумен же, призвав Агапита, велит ему идти в Чернигов. И сказал блаженный: «Если мне к князю идти, то и ко всем идти; нельзя мне ради людской славы выйти за монастырские ворота и нарушителем стать обета, который я дал перед богом, чтобы быть мне в монастыре до последнего вдоха. Если же ты изгонишь меня, я пойду в другое место и возвращусь после того, как минет эта беда». Никогда еще блаженный не выходил из монастыря. Посланный же князя, видя, что не хочет идти инок, стал молить его, чтобы он хотя зелья дал. И тот, будучи принужден игуменом, дал ему для больного зелья от своей еды, чтобы дали болящему. И только что князь принял это зелье, как тотчас выздоровел. После этого, будучи в Киеве, Владимир пошел в Печерский монастырь, желая почтить инока и увидеть того, кто дал ему зелья и возвратил здоровье с помощью божьей — никогда он его не видал, — и хотел одарить его. Агапит же, избегая славы, скрылся. И принесенное для него золото князь отдал игумену. Потом послал Владимир к блаженному Агапиту одного из бояр своих со многими дарами. Посланный боярин нашел его в келии, и принес, и положил перед ним принесенные дары. И сказал инок: «О чадо! никогда и ни от кого ничего не брал я, — неужели теперь губить мне дар свой ради золота, которого ни от кого не требую?» И отвечал боярин: «Отче! знает пославший меня, что не требуешь ты награды, но, для меня, утешь сына своего, которому ты даровал, о боге, здоровье, возьми это и раздай нищим». И отвечал ему старец: «С радостью приму сие ради тебя, как будто бы мне требуется. Пославшему же тебя ска-

жи: «Все, что ты имел, было чужое, и, отходя из этого мира, ты ничего не можешь взять с собой, — раздай же теперь нуждающимся все, что имеешь, ибо ради этого избавил тебя господь от смерти, а я ничего бы не смог сделать, и не думай послушаться меня, чтобы, как прежде, не пострадать». И взял Агапит принесенное золото, вынес вон из келии, бросил его, а сам скрылся. Боярин, вышедши, увидел брошенными принесенные им золото и дары, взял и отдал все игумену Иоанну, и рассказал князю о старце. И поняли все, что то истинный раб божий. Князь же не посмел послушаться старца и все имение свое роздал нищим по слову блаженного.

После этого разболелся Агапит, и пришел посетить его армянин, о котором мы говорили прежде. И начал он беседовать с иноком о врачебном искусстве, спрашивая его, каким зельем какой недуг лечится? И отвечал блаженный: «Каким господь подаст здоровье». Армянин понял, что он нисколько не сведущ в этом, и сказал своим: «Ничего он не знает». Потом взял его руку и сказал, что через три дня он умрет. «И это истинно, — прибавил врач, — и не изменится слово мое; если же будет не так, то я сам стану монахом».

Блаженный же с негодованием сказал ему: «Так вот в чем суть твоего врачевания: смерть мне предсказываешь, а помочь не можешь! Если ты искусен, то дай мне жизнь, а если этим не владеешь, — за что же укоряешь меня, осуждая на смерть через три дня? А меня господь известил, что я через три месяца умру». И сказал ему армянин: «Раз сам ты уже понял, что умрешь, то никак не переживешь третьего дня», а блаженный изболел уже весь так, что сам и двинуться не мог.

В это время принесли одного больного из Киева, и Агапит, встал, как будто вовсе и не болел, взял зелье, которое сам ел, и показал лекарю, говоря: «Вот целебное зелье, смотри и разумей». Лекарь посмотрел и сказал иноку: «Это не из наших зелий, думаю, что его

из Александрии приносят». Посмеялся блаженный невежеству его, дал зелье больному, и тот стал здоров. Потом сказал лекарю: «Сын мой, поешь и ты, но не погневайся: убоги мы, и нечем нам угостить тебя». Армянин же сказал ему: «Теперь, отче, четыре дня этого месяца мы постимся». Блаженный же спросил его: «Кто же ты и какой веры?» Лекарь же ответил ему: «Разве ты не слыхал, что я армянин?» И сказал ему блаженный: «Как же смел ты войти, и осквернить мою келью, и держать мою грешную руку? Иди прочь от меня, иноверный и нечестивый!» Армянин, посрамленный, ушел. Блаженный же Агапит прожил три месяца, потом, немного поболевши, отошел к господу.

После смерти его пришел армянин в монастырь и сказал игумену: «С этих пор и я буду черноризцем, и отрекаюсь от армянской веры, и истинно верую в господа Иисуса Христа. Явился мне блаженный Агапит, говоря: «Ты обещался принять иноческий образ, и если солжешь, то с жизнью и душу погубишь». И так я уверовал. Но если бы этот блаженный захотел долгое время жить здесь, то бог не взял бы его к себе из этого мира, но, принявши его, господь даровал ему жизнь вечную, и думаю я, что отошел он от нас по своей воле, желая небесного царства, а мог бы и еще жить с нами. Так как я узнал, что жить ему не больше трех дней, — он прибавил себе три месяца; а если бы я сказал: три месяца, — он три года бы прожил. Хотя и умер он, но вселился в обители пребывающих в жизни вечной и там жив». И постригся этот армянин в Печерском монастыре, и тут кончил жизнь свою в добром исповедании.

Вот такие дела, — и больше этих, — делались теми святыми черноризцами. Вспоминая же их добродетельное житие, дивлюсь я, почему остались замолчаны великие дела преподобного отца нашего Антония? Если такое светило угасло из-за нашего небрежения, то как же воссияют от него лучи? — разумею препо-

добных отцов и братьев наших. Поистине, как сказал господь: «Никакой пророк не признается в отечестве своем».

Я бы написал тебе, честной архимандрит, господин Акиндин, о прежде упомянутых святых и преподобных отцах: одних — чудотворения, иных — подвиги, других — твердое воздержание, тех — послушание, иных — прозорливость, и все эти знамения и чудеса засвидетельствованы верою твоего черноризца, а моего господина, епископа Симона. Но иные не признают истины моих сказаний из-за величия описанных в них дел, и причина этого недоверия та, что они как грешника знают меня, Поликарпа. Но, если повелит твое преподобие написать это, я исполню, как мой ум постигнет и память припомнит. Если не пригодится тебе, то пусть останется написанное на пользу тем, которые будут после нас, как сделал блаженный Нестор — написал в Летописи о блаженных отцах — о Дамиане, Иеремии, и Матфее, и Исаакии. И в «Житии святого Антония» все их жития вписаны, хотя и вкратце.

Постараюсь я подробнее, чем об упомянутых черноризцах, поведать, ничего не утаивая, как и до этого делал: ведь если я умолчу и предам их полному забвению, то и совсем не вспомнятся имена их, как было и до сего дня. Это говорится в пятнадцатый год твоего игуменства, а за сто шестьдесят лет не вспоминали о них, и только теперь, твоей ради любви, утаенное услышалось, и память любящих бога постоянно почитаемая и хвалимая, так как угодившие ему, они им и увенчаны. Для меня же величие — украшать труд их именами — это, надеюсь, оправдывает недостатки труда моего, я же только вспомнил слышанное и пересказал разысканные мною чудеса их.

Если, как сказал господь, «радость бывает на небесах и об одном грешнике кающемся», то сколь радостнее веселие ангелов о таких праведниках, житие кото-

рых подобно на небесах живущим, и достойны они их славы быть наследниками. Здесь о плоти не радели они, и как бесплотные, земным пренебрегали, и все житейское за ничто вменяли, чтобы единого Христа приобрести; его одного возлюбили они, и к любви его привязались, и ему волю свою предали, чтобы чрез него приблизиться к богу; и он здесь, на земле, в возмездие за труды их дал им дар чудотворения, а в будущем прославит их неизреченною славою. Без духа святого ничто не дается человеку на земле, если не дано это свыше.

Потому и я, грешный Поликарп, покаясь воле твоей, державный отец Акиндин, это и написал тебе. Но повели, и еще расскажу тебе нечто — о блаженном и преподобном отце нашем Григории Чудотворце.

О СВЯТОМ ГРИГОРИИ ЧУДОТВОРЦЕ. СЛОВО 28

Этот блаженный Григорий пришел в Печерский монастырь к святому отцу нашему Феодосию и от него научился житию иноческому: нестяжанию, смирению, послушанию и прочим добродетелям. Особенное прилежание имел он к молитве, и за то получил власть над бесами, так что, находясь даже вдали от него, они вопили: «О Григорий, изгоняешь ты нас молитвою своею!» У блаженного был обычай после каждого пения творить запретительные молитвы.

Не желая более терпеть гонений от инока, древний враг, не в силах ничем навредить ему, наустил злых людей обокрасть его. Он же не имел ничего, кроме книг. Однажды ночью пришли воры и подстерегали старца, чтобы, когда он пойдет к заутрене, войти и взять все его имущество. Но почувял Григорий приход их — обычно он целые ночи проводил без сна, пел и молился беспрестанно, стоя посреди келии своей. Помолился он и о пришедших обокрасть его: «Боже! дай сон рабам твоим, ибо утрудились они все,

врагу угождая». И спали они пять дней и пять ночей, до тех пор, пока блаженный, призвав братию, не разбудил их, говоря: «Долго ли будете вы стеречь напрасно, думая обокрасть меня? Идите теперь по домам своим». Они встали, но не могли идти, так как изнемогли от голода. Блаженный же дал им поесть и отпустил их.

Об этом узнал властитель города и велел наказать воров тех. И затужил Григорий, что из-за него осуждены они; он пошел, отдал свои книги властителю, а воров отпустил. Остальные же книги продал, а деньги роздал убогим, говоря так: «Да не впадет кто-нибудь в беду, думая украсть их». Ведь сказал господь: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небесах, где ни моль не истребляет и где воры не крадут. Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет». Воры же те, ради чуда, бывшего с ними, покаяться и более не возвращались к прежним делам своим, но, пришедши в Печерский монастырь, стали работать на братию.

Имел этот блаженный Григорий маленький палисадник, где выращивал овощи и плодовые деревья. И на это опять позарились воры, и когда, взвалив на себя ношу, хотели идти, то не смогли. И стояли они два дня неподвижно, под гнетом своей ноши, и начали они вопить: «Господин наш Григорий, пусти нас, мы покаемся в грехах своих и не сделаем больше такого». Услышали это монахи, пришли и схватили их, но не могли свести с места. И спросили они их: «Когда пришли вы сюда?» Воры же отвечали: «Два дня и две ночи стоим мы здесь». Монахи же сказали: «Мы все время тут ходим, но вас здесь не видали». Воры же сказали: «Если бы и мы вас видели тут, то со слезами молили бы вас, чтобы он нас отпустил. Но вот, уже изнемогли, начали мы кричать. Попросите теперь старца, чтобы он отпустил нас».

И пришел Григорий, и сказал им: «Так как вы всю жизнь свою пребывали праздными, расхищая чужие труды, а сами не хотите трудиться, то теперь стойте здесь праздно и дальше, до конца жизни». Они же со слезами молили старца, обещая, что больше не совершат такого греха. Старец же смилостивился и сказал: «Если хотите работать и трудом своим других кормить, то я отпущу вас». Воры клятвенно обещались: «Ни за что не слушаемся тебя». Тогда Григорий сказал: «Благословен бог! Отныне будете вы работать на святую братию: приносить от труда своего на нужды ее». И так отпустил их. Воры же эти окончили жизнь свою в Печерском монастыре, занимаясь огородом; потомки их, думаю я, живут еще и доньше.

В другой раз снова пришли трое неизвестных, надеясь обмануть этого блаженного. Двое из них стали молить святого, ложно говоря: «Вот это друг наш, и осужден он на смерть. Молим тебя, помоги спасти его — дай ему, чем откупиться от смерти». Заплакал Григорий от жалости, провидя, что на самом деле приспел конец жизни того, и сказал: «Горе человеку этому, ибо приспел день гибели его!» Они же сказали: «Но если ты, отче, дашь что-нибудь, то он не умрет». Говорили же они это, чтобы получить от него что-нибудь и разделить между собой. Григорий же сказал: «Я дам, но он все равно умрет». И спросил он их: «На какую смерть осужден он?» Они отвечали: «Будет повешен на дереве». Блаженный сказал им: «Точно присудили вы ему, завтра он повесится». После этого сошел он в пещеру — где обыкновенно молился, чтобы не слышать ничего земного и очами не видеть ничего суетного, — и, вынеся оттуда оставшиеся книги, отдал им, сказав: «Если это вам не пригодится, то возвратите мне». Они же, взяв книги, стали смеяться, говоря: «Продадим их, а деньги разделим». И увидели они плодовые деревья, и решили: «Придем нынче ночью и оберем плоды его».

Когда настала ночь, пришли эти трое и заперли инок в пещере, где он был на молитве. Один же из них, тот, о котором они говорили, что его на дереве повесят, взлез на верхушку дерева и начал обрывать яблоки, и ухватился он за одну ветку, а она обломилась; те двое испугались и побежали, а он, падая вниз, зацепился одеждою за другую ветку и, оставленный без помощи, задушился воротом. Григорий же был заперт и не смог прийти в церковь, на молитву со всей братией. Когда стали выходить из церкви, то все увидели висящего на дереве мертвого человека, и ужас напал на них. Стали искать Григория и нашли его в пещере запертым. Вышедши же оттуда, блаженный велел снять мертвого, друзьям же его сказал: «Вот и сбылась ваша мысль! Бога обмануть нельзя. Если бы вы не заперли меня, я пришел бы и снял его с дерева и он бы не умер. Но так как враг научил вас покрывать суетное ложью, то бог не помиловал вас». Обманщики же те, видя, что сбылось слово его, пришли и упали ему в ноги, прося прощенья. И Григорий осудил их на работу Печерскому монастырю, чтобы теперь, трудясь, свой хлеб ели они, и достанет им, чтобы и других питать от своих трудов. И так они и окончили жизнь свою, с детьми своими работая в Печерском монастыре на рабов пресвятой богородицы и учеников святого отца нашего Феодосия.

Подобает же рассказать и о том, как претерпел блаженный муку смертную. Случилось однажды в монастыре, что осквернился сосуд от падения в него какого-то животного; и по этому случаю преподобный Григорий пошел к Днепру за водой. В то же время проходил здесь князь Ростислав Всеволодич, шедший в Печерский монастырь для молитвы и благословения: он, с братом своим Владимиром, шел в поход против воевавших с Русью половцев. Увидели княжеские слуги старца и стали издеваться над ним, выкрикивая срамные слова. Инок же, провидя, что близок их

смертный час, стал говорить им: «О чада! В то время как вам следовало бы быть благочестивыми и призывать всех молиться за вас, вы великое зло творите, — не угодно богу это. Плачьте о своей гибели и кайтесь в своих согрешениях, чтобы хотя в страшный день принять отраду, ведь вас уже постиг суд: все вы и с князем вашим умрете в воде». Князь же, страха божия не имея, не внял сердцем словам преподобного, а подумал, что лишь пустые речи — пророчества его, и сказал: «Мне ли предсказываешь смерть от воды, когда я плавать умею!» И рассердившись, князь велел связать старцу руки и ноги, повесить камень на шею и бросить в воду. Так был он потоплен. Братия же два дня искала его и не находила, на третий же день пришли в келью его, чтобы взять оставшееся после него, и мертвый оказался в келье, связанный, с камнем на шее, одежды же его были еще мокры, лицо же светло и сам, как живой. И не нашли того, кто принес его, а келья была заперта. Слава господу богу, творящему дивные чудеса ради угодников своих! Братья же, вынеся тело преподобного, честно положили его в пещере, и многие годы пребывает оно там цело и нетленно.

Ростислав же не счел за вину греха своего и не пошел в монастырь от ярости. Не захотел он благословения, и оно удалилось от него; возлюбил проклятие, и проклятие пало на него. Владимир же пришел в монастырь для молитвы. И были они у Треполя, и произошло сражение, и побежали князья наши от лица врагов. Владимир, по молитвам и благословию святых, переехал реку, Ростислав же, по слову святого Григория, утонул со всем своим войском. «Каким, — сказано, — судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такую будут мерить и вам».

Подумайте как следует, обидчики, над притчей, сказанной господом в святом Евангелии о судьбе немилостивом и вдове обиженной, как она часто приходила к

нему и докучала ему, говоря: «Защити меня от противника моего». Говорю вам, что вскоре сотворит господь отмщение рабам своим, ибо он сказал: «Мне отмщение, и я воздам». Говорит господь: «Не обижайте ни одного из малых сих, ибо ангелы их на небесах всегда видят лицо отца моего небесного». Ибо праведен господь и правду возлюбил, и праведники увидят лицо его. Что человек посетит, то и пожнет. Таково гордым отмщение, которым господь противится, а смиренным дает благодать. Слава ему с отцом и святым духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О МНОГОТЕРПЕЛИВОМ ИОАННЕ ЗАТВОРНИКЕ. СЛОВО 29

Все рожденные на земле первому человеку подобны образом и все равную с ним страсть приняли, ибо, увидев красоту запрещенного плода, не удержался он, и послушался бога, и был поработен страстями. Когда создан он был, то не имел на себе порока, как божие создание: господь бог наш, взяв прах земной своими руками пречистыми и непорочными, создал человека благого и исполненного добром, но он, из грязи созданный, возлюбил земное, за наслаждениями земными погнался, и наслаждения эти овладели им, и с тех пор страсти владеют родом человеческим, и к новым наслаждениям стремятся люди, и побеждаются ими всегда.

И я один из них — побеждают меня страсти, и поработен я ими, смущают помыслы душу мою, и покоряюсь я им и неодолимое желание влечет ко греху, и нет мне подобного на земле по множеству грехов моих, в которых я и до сего часа пребываю.

Но тот один из всех обрел истину, предав себя божьей воле и заповеди его сохранивши непорочно, в чистоте сохранил он свое тело и душу, чуждый всякой скверны плотской и духовной. Я разумею Иоанна пре-

подобного, затворившегося в тесном месте пещеры. Там пребывал он в великом воздержании тридцать лет, многим постом обуздывая и терзая тело свое и нося на теле своем многие тяжкие вериги.

Часто приходил к нему один из братии, томимый, по действию дьявола, вожделением плотским, и просил он блаженного Иоанна молить бога за него, чтобы господь избавил его от страстей и утолил похоть плотскую. И много раз приходил он с этой просьбой. Блаженный Иоанн говорил ему: «Брат, мужайся и крепись, потерпи господя ради и старайся сохранить пути его, и он не оставит тебя в руках врагов и не предаст нас на растерзание зубов их». И отвечал брат затворнику: «Поверь мне, отче, если не облегчишь муку мою, то я покоя не найду и стану переходить с места на место». Тогда блаженный Иоанн сказал ему: «Зачем хочешь ты предать себя на съедение врагу? Уподобился ты человеку, стоящему на краю пропасти, и когда враг подойдет внезапно, столкнет его вниз, и люто будет падение его, так что не сможет он уже встать. Если же здесь останешься, в святом и блаженном монастыре сем, — подобен будешь мужу, стоящему далеко от пропасти, и враг будет стараться спихнуть тебя в нее и не сможет, пока господь не извлечет тебя терпением твоим из рва страстей и грязной тины, и утвердит на камне ноги твои. Но выслушай меня, чадо: я расскажу тебе все, что случилось со мной в юности моей.

Много страдал я, томимый нечистым желанием, и не знаю, чего только не делал я для своего спасения; по два, по три дня оставался без пищи, и так три года провел, часто и по целой неделе ничего не ел, и без сна проводил все ночи, и жаждою многою морил себя, и тяжкие вериги на себе носил, и провел я в таком злострадании года три, но и тут покоя не нашел. И пошел я в пещеру, где лежит святой отец наш Антоний, стал на молитву и молился день и ночь у гро-

ба его. И услышал я голос его ко мне: «Иоанн, Иоанн! нужно тебе здесь затвориться, и невидением и молчанием борьба прекратится, и господь поможет тебе молитвами преподобных своих». С того часа, брат, поселился я здесь в этом тесном и скорбном месте, и вот уже тридцатый год, как я живу здесь, и только немного лет назад нашел успокоение.

Всю жизнь свою неутомимо боролся я с помыслами плотскими. И сначала жестокой я сделал жизнь свою воздержанием в пище. И потом, не зная, что еще сделать, не в силах терпеть борьбы с плотью, задумал я жить нагим, и надел на себя вериги тяжкие, которые с тех пор и донныне остаются на теле моем, и сушит меня холод и железо. Наконец прибег я к тому, в чем и нашел пользу. Вырыл я яму, глубиною до плеч, и, когда пришли дни святого поста, вошел я в яму и своими руками засыпал себя землей, так что свободны были только руки и голова, и так, под этим тяжким гнетом, пробыл я весь пост, не в силах шевельнуть ни одним суставом, но и тут не утихли желания плоти моей. К тому же враг-дьявол страхи разные наводил на меня, чтобы выгнать меня из пещеры, и ощутил я его злодейство. Ноги мои, засыпанные землей, начали снизу гореть, так что жилы скорчились и кости затрещали, потом пламень достиг до утробы, и загорелись члены мои, я же забыл лютую ту боль и порадовался душою, что она очистит меня от такой скверны, и желал лучше весь сгореть в огне том, господа ради, нежели выйти из ямы той. И вот увидал я змея, страшного и свирепого, который хотел всего меня пожрать, дыша пламенем и обжигая меня искрами. И так много дней мучил он меня, чтобы прогнать из пещеры. Когда же наступила ночь воскресения Христова, вдруг напал на меня лютый тот змей и пастью своей ухватил голову и руки мои, и опалились у меня волосы на голове и бороде, как ты можешь ви-

деть и теперь. Я же уже в пасти змея того был и возопил из глубины сердца своего.

Молитва: «Господи боже, спаситель мой! Зачем ты меня оставил! Сжался надо мной, владыко, так как ты единый человеколюбец. Спаси меня, грешного, единый боже безгрешный! Избавь меня от скверны беззакония моего, да не увязну в сети вражеской во веки веков! Избавь меня от зубов врага сего! Вот он, рыкая как лев, ходит, желая меня поглотить. Воздвигни силу свою и приди, чтобы спасти меня; блесни молнией своей и прогони его: пусть исчезнет он от лица твоего!» И когда я окончил молитву, вдруг блеснула молния, и лютый тот змей исчез от меня, и после того я не видел его и донныне.

Тогда свет божественный, как солнце, осиял меня, и услышал я голос, говоривший мне: «Иоанн, Иоанн! вот тебе помощь, прочее же от тебя зависит: следи за собой, чтобы не было с тобой чего-нибудь горше, и не пострадать бы тебе в будущем веке». Я же поклонился и сказал: «Господи! Зачем же оставил ты меня в такой злой муке?» И отвечал мне, говоря: «По мере силы терпения твоего я навел на тебя искушение, чтобы ты очистился чрез него, как золото в огне. Господь не посылает человеку испытания выше силы, чтобы он не изнемог; но, как хозяин, рабам крепким и сильным тяжкие и большие дела поручает, немощным же и слабым определяет малые и легкие. Знай же вот что: при борьбе с плотской страстью, о которой ты молишься, молись лежащему против тебя мертвецу, чтобы он облегчил тебя от блудной брани; сей более Иосифа сделал и может помогать сильно страждущим такую страстью». Я же, не зная имени, начал взывать: «Господи, помилуй меня!»

Уже потом узнал я, что это Моисей, венгр родом. И пришел на меня свет неизреченный, в котором и ныне пребываю, и не имею нужды в свече ни ночью, ни днем; да и все достойные, приходя ко мне, наслажда-

ются этим светом и ясно видят утешение его, осветившего мне ночь, ради надежды на свет будущей. Мы погубили ум свой плотолюбием, и творящий праведное Христос посылает страсть на нас, погрязших в грехе, чтобы нас испытать. Но, брат мой, я говорю тебе: «Помолись этому преподобному Моисею, и он поможет тебе».

И взявши одну кость от мощей этого святого, Иоанн подал ее брату и сказал: «Приложи ее к телу своему». Тот сделал так, и тотчас утихла страсть, омертвели члены его, и с тех пор не было ему искушения. И возблагодарили они вместе бога, прославляющего святых своих, угодивших ему при жизни, и по смерти наградил он их даром исцеления и венцами нетленными украсил, и царства своего сподобил. Слава ему с отцом и святым духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О ПРЕПОДОБНОМ МОИСЕЕ УГРИНЕ. СЛОВО 30

Вот что известно об этом блаженном Моисее Угрине, которого любил святой Борис. Был он родом венгр, брат того Георгия, на которого святой Борис надел гривну золотую и которого убили со святым Борисом на Альте и отрубили голову из-за золотой гривны. Этот же Моисей один избавился тогда от гибели, избежав горькой смерти, и пришел он к Предславе, сестре Ярославовой, и оставался там. И так как в то время нельзя было никуда пойти, — он, крепкий душою, оставался здесь и пребывал в молитве к богу до тех пор, пока благочестивый князь наш Ярослав, побуждаемый горячей любовью к убитым братьям, не пошел на их убийцу и не победил безбожного, и жестокого, и окаянного Святополка. Но тот бежал в Польшу, и пришел опять с Болеславом, и изгнал Ярослава, а сам сел в Киеве. Болеслав же, возвращаясь в Польшу, захватил с собой обеих сестер Ярославовых

и многих бояр его, с ними же и этого блаженного Моисея, и вели его закованного по рукам и по ногам в железа тяжкие, и крепко стерегли его, потому что он был крепок телом и прекрасен лицом.

И увидела его одна знатная женщина, красивая и молодая, имевшая богатство большое и власть. И поразила ее красоте этого юноши, и уязвилось сердце ее вожделением, и захотела она склонить к тому же преподобного. И стала она увещевать его лъстивыми словами, говоря: «Юноша, зачем ты напрасно переносишь такие муки, когда имеешь разум, который мог бы избавить тебя от этих мук и страданий». Моисей же отвечал ей: «Богу так угодно». Она же сказала ему: «Если мне покоришься, я избавлю тебя и сделаю великим во всей Польской земле, и будешь ты владеть мною и всеми поместьями моими».

Уразумел блаженный вожделение ее нечистое и сказал ей: «Какой муж, взявши женщину и покоровшись ей, спасся? Адам первозданный покорился женщине и из рая изгнан был. Самсон, превзойдя всех силою и всех врагов одолев, после женщиной предан был иноплеменникам. И Соломон постиг глубину премудрости, а, повинувшись женщине, идолам поклонился. И Ирод многие победы одержал, поработившись же женщине, Иоанна Предтечу обезглавил. Как же я, свободный, сделаюсь рабом женщины, если я со дня рождения своего с женщинами не сближался?» Она же сказала: «Я тебя выкуплю, сделаю знатным, господином над всем домом моим поставлю, и будешь ты мужем моим, только исполни мою волю, утоли вожделение души моей, дай мне красотой твоей наслаждаться. Для меня довольно твоего согласия, не могу я перенести, что гибнет даром твоя красота, и сердечный пламень, сжигающий меня, утихнет. И перестанут мучить меня помыслы, и успокоится страсть моя, а ты насладишься моей красотой и будешь господином всему богатству моему, наследником моей вла-

сти, старшим между боярами». Блаженный же Моисей сказал ей: «Твердо знай, что не исполню я воли твоей; я не хочу ни власти твоей, ни богатства, ибо для меня лучше всего этого душевная чистота, а более того телесная. Не пропадут для меня втуне те пять лет, которые господь даровал мне претерпеть в оковах этих. Не заслужил я таких мук и потому надеюсь, что за них избавлен буду мук вечных».

Когда женщина эта увидела, что лишена такой красоты, то, по дьявольскому внушению, пришла к такой мысли: «Если я выкуплю его, он поневоле покорится мне». И послала она к владельцу юноши, чтобы тот взял у нее денег, сколько хочет, только уступил бы ей Моисея. Он же, видя подходящий случай для приобретения богатства, взял у нее около тысячи гривен серебра и уступил Моисея ей. И насильно без всякого стыда повлекли его на дело нечестивое. Получив власть над ним, эта женщина велит ему сочетаться с собой, она освобождает его от оков, в драгоценные одежды одевает, сладкими кушаньями кормит, объятиями и любовными обольщениями понуждает его утолить ее страсть.

Преподобный же, видя неистовство женщины этой, стал еще прилежнее молиться и изнурять себя постом, предпочитая лучше, бога ради, есть сухой хлеб и пить воду с чистотою, нежели драгоценное кушанье и вино со скверною. И не только одну сорочку, как Иосиф, совлек он с себя, но и всю одежду сбросил, избегая греха, и ни во что вменил жизнь здешнего мира; и в такую ярость привел он эту женщину, что хотела она голодом уморить его.

Но бог не оставляет рабов своих, надеющихся на него. Он преклонил на милость одного из слуг женщины той, и тот тайно давал Моисею пищу. Другие же увещевали преподобного, говоря: «Брат Моисей! что мешаешь тебе жениться? Ты еще молод, а эта вдова, прожившая с мужем только один год, прекраснее многих

других женщин, и богатство имеет бесчисленное, и власть великую в Польше; если бы она захотела выйти за какого-нибудь князя, и тот бы ею не погнушался; а ты, пленник и невольник женщины этой, господином ее стать не хочешь! Если же скажешь: «Не могу преступить заповеди Христовой», то не говорит ли Христос в Евангелии: «Оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут оба единой плотью; так что они уже не двое, а одна плоть». И апостол говорит: «Лучше вступить в брак, нежели распалиться». Вдовам же велит вступать во второй брак. Зачем же ты, когда ты не инок и свободен, предаешь себя на злые и горькие муки, чего ради страдаешь? Если придется тебе умереть в беде этой, какая тебе похвала будет? Да и кто же от первых людей доныне гнушался женщин, кроме монахов? Авраам, и Исаак, и Иаков? И Иосиф сначала победил женскую любовь, а потом и он женщине покорился. И ты, если теперь жив останешься, все равно же потом женишься, и кто тогда не посмеется твоему безумию? Лучше тебе покориться женщине этой и стать свободным, и господином быть всему».

Он же отвечал им: «Ей, братья и добрые друзья мои, добрые вы мне советы даете! Понимаю я, что слова ваши слаще тех, что нашептывал змей в раю Еве. Вы убеждаете меня покориться этой женщине, но я никак не приму вашего совета. Если и придется умереть мне в этих оковах и страшных муках — знаю я, что за это от бога милость приму. Пусть все праведники спаслись с женами, я один грешен, и не могу спастись с женой. Ведь если бы Иосиф покорился жене Потифара, то не царствовал бы он после: бог, видя стойкость его, даровал ему царство; за то и прошла слава о нем в поколениях, что остался целомудренным, хотя и детей прижил. Я же не Египетского царства хочу и не власти, не хочу быть великим между поляками, почитаемым во всей Русской земле сде-

латься — ради вышнего царства я всем этим пренебрег. Если же я живой избавлюсь от руки женщины этой, то монахом стану. А что в Евангелии Христос говорит? «Всякий, кто оставит отца своего, и мать, и жену, и детей, и дом, тот есть мой ученик». Христа ли мне больше слушаться или вас? Апостол же говорит: «Женатый печется о том, как угодить жене, а неженатый думает, как угодить богу». Спрошу я вас: кому больше следует служить — Христу или жене? Написано ведь: «Рабы должны повиноваться господам своим на благое, а не на злое». Пусть же будет известно вам, заботящимся обо мне, что никогда не прельстит меня красота женская, никогда не отлучит от любви Христовой».

Услыхала об этом вдова и, затаив в сердце лукавый помысел, повелела предоставить Моисею коней и в сопровождении многочисленных слуг возить его по городам и селам, принадлежащим ей, сказав ему: «Тут все, что тебе угодно, — твое; делай со всем этим что хочешь». Людям же говорила: «Это господин ваш, а мой муж, встречая его, кланяйтесь ему». А в услужении у ней было множество рабов и рабынь. Посмеялся блаженный безумию этой женщины и сказал ей: «Все трудишься: не можешь ты прельстить меня тленными вещами мира сего, ни отнять у меня духовного богатства. Пойми это и не трудись все».

Она же сказала ему: «Или ты не знаешь, что ты мне продан, кто избавит тебя от рук моих? Я ни за что тебя живого не отпущу; после многих мук смерти тебя предам». Он же без страха отвечал ей: «Не боюсь я того, что ты говоришь; но на предавшем меня тебе больше греха. Я же отныне, если богу угодно, стану иноком».

В те дни пришел один инок со Святой Горы, саном иерей; по наставлению божию, пришел он к блаженному и облек его в иноческий образ, и, много поучив его о чистоте, о том, как избавиться от этой скверной жен-

щины, чтобы не предать себя во власть врага, он ушел от него. Стали искать его и нигде не нашли.

Тогда женщина эта, потеряв всякую надежду, подвергла Моисея тяжким истязаниям: распластав его, повелела бить палками, так что и земля напиталась кровью. Избивая его, говорили ему: «Покорись госпоже своей и исполни волю ее. Если не послушаешься, то на куски раздробим тело твое; не думай, что избежишь этих мучений; нет, во многих и горьких муках предашь душу свою. Помилуй сам себя, сбрось эти измочаленные рубища и надень многоценные одежды, избавь себя от ожидающих тебя мук, пока мы еще не начали терзать тело твое». И отвечал Моисей: «Братья, повеленное вам исполнять — исполняйте, не медлите. А мне уже никак нельзя отречься от иноческой жизни и от любви божией. Никакие истязания, ни огонь, ни меч, ни раны не могут отлучить меня от бога и от великого ангельского образа. А эта бесстыдная и безумная женщина показала свое бесстыдство, не только не побоявшись бога, но и человеческий срам презревши, без стыда принуждая меня к осквернению и прелюбодеянию. Не покорюсь я ей, не исполню волю окаянной!»

Много думая о том, как отомстить за свой позор, женщина эта посылает к князю Болеславу, так говоря: «Ты сам знаешь, что муж мой убит в походе с тобою, и ты дал мне волю выйти замуж за кого захочу. Я же полюбила одного прекрасного юношу из твоих пленников, и, заплативши за него много золота, выкупила его, взяла его в свой дом, и все, что было у меня, — золото, серебро и всю власть свою даровала ему. Он же все это ни во что вменил. Много раз и ранами и голодом томила я его, но ему и того мало. Пять лет пробыл он в оковах у пленившего его, и вот шестой год находится у меня и за свое непослушание много мук принял от меня, которые сам на себя навлек из-за непреклонности сердца своего; а теперь какой-то

черноризец постриг его в монахи. Что повелишь ты мне сделать с ним, так я и сделаю».

Князь велел ей приехать к себе и Моисея привезти с собою. Она же пришла к Болеславу и Моисея привела с собою. Увидав преподобного, Болеслав долго принуждал его взять за себя эту вдову и не уговорил его. И сказал он ему: «Можно ли быть таким бесчувственным, как ты; стольких ты благ и какой чести лишаешь себя и отдаешься на горькие муки! Отныне да будет тебе ведомо, что жизнь или смерть ожидают тебя: если волю госпожи своей исполнишь, то от нас в чести будешь и великую власть примешь, если ослушаешься, то после многих мук смерть примешь». Ей же сказал: «Пусть никто из купленных тобою пленных не будет свободен, но делай с ними, что хочешь, как госпожа с рабами, чтобы и прочие не дерзали ослушаться господ своих».

И ответил Моисей: «А что говорит господь: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит или какой выкуп даст человек за душу свою?» Что ты мне обещаешь славу и честь, которых сам ты скоро лишишься, и гроб примет тебя, ничего не имеющего! И эта скверная женщина жестоко убита будет». Так потом и было, как предсказал преподобный.

Женщина же эта, приобретя над ним еще большую власть, бесстыдно влекла его на грех. Однажды велела она насильно положить его на постель с собою, целовала и обнимала его; но и этим соблазном не смогла привлечь его к себе. Блаженный же сказал ей: «Напрасен труд твой, не думай, что я безумный или что не могу этого дела сделать: я, ради страха божия, тебя гнушаюсь, как нечистой». Услышав это, вдова приказала давать ему по сто ударов каждый день, а потом велела отсечь тайные члены, говоря: «Не пощажу его красоты, чтобы не насытились ею другие».

И лежал Моисей, как мертвый, истекая кровью, едва дыша.

Болеслав же, по прежней любви к этой женщине потакавая ей, воздвиг великое гонение на черноризцев и всех их изгнал из земли своей. Но бог скоро отмстил за рабов своих. Однажды ночью Болеслав внезапно умер, и поднялся великий мятеж во всей Польской земле: восставший народ побил своих епископов и бояр, как и в Летописце рассказано. Тогда и эту вдову убили.

Преподобный же Моисей, оправившись от ран, пришел к святой богородице, в святой Печерский монастырь, нося на себе мученические раны и венец исповедания, как победитель и воин Христов. И господь даровал ему силу против страстей.

Некто из братий, одержимый плотской страстью, пришел к этому преподобному и молил его помочь ему, говоря: «Даю обет сохранить до смерти все, что ты велишь мне». Блаженный же сказал ему: «Никогда за всю свою жизнь ни с одной женщиной не говори ни слова». Он же с любовью обещался исполнить это. У святого же в руке был посох, без которого он не мог ходить от тех ран, ударил он им в лоно пришедшего к нему брата, и тотчас омертвели члены его, и с тех пор не было искушения этому брату.

О том, что случилось с Моисеем, записано и в житии святого отца нашего Антония, так как во времена святого Антония пришел блаженный; и скончался он о госпде в добром исповедании, пробыв в монастыре десять лет, а в плену страдал пять лет в оковах, шестой же год за чистоту.

Я упомянул и о изгнании чернецов из Польши, за пострижение преподобного, предавшегося богу, которого он возлюбил. Об этом рассказано в житии святого отца нашего Феодосия. Когда святой отец наш Антоний был изгнан князем Изяславом из-за Варлаама и Ефрема, жена князя, полячка, удерживала его от

этого, говоря: «И не думай поступать так. То же было некогда в нашей земле: некоей ради вины изгнаны были черноризцы из пределов земли нашей, и великое зло тогда сделалось в Польше!» Из-за Моисея это произошло, как уже прежде рассказано. И вот то, что мы узнали, то все и написали о Моисее Угрине и Иоанне Затворнике, о том, что сделал чрез них господь во славу свою, прославляя их за терпение, и дарами чудотворения наделил их. Слава ему, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

<...>

ПРИМЕЧАНИЯ

Все древнерусские тексты, опубликованные в настоящем издании, печатаются с орфографическими упрощениями: полностью воспроизведены слова, написанные в рукописи сокращенно, не употребляемые сейчас буквы («юс малый», «фита», «ижица» и др.) заменены соответствующими им буквами современного алфавита, буквы, «ь» и «е» во всех случаях сохраняются.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

«Повесть временных лет» — летопись, рассказывающая о происхождении Русской земли, о первых русских князьях и о событиях X — начала XII в., — впервые начала изучаться еще в XVIII в. Долгое время ученые полагали, что «Летопись Нестора», как называли тогда «Повесть временных лет», — древнейший памятник русского летописания, и лишь значительно позднее, в конце XIX в., в результате исследования академика А. А. Шахматова было установлено, что «Повести временных лет» предшествовали другие, не дошедшие до нашего времени, летописные своды¹: Древнейший свод (конца 30-х гг. IX в.), Свод Никона (70-х гг. XI в.), Начальный свод (1093—1095), отразившийся в Новгородской первой летописи. Сама же «Повесть временных лет» была написана Нестором, монахом Киево-Печерского монастыря, около 1113 г.

В основу «Повести временных лет» Нестор положил Начальный свод, но значительно переработал его и дополнил. Летописец предположил рассказу об истории Руси обширное ис-

¹ Летопись, как правило, является «сводом», так как в ней соединяется текст предшествующей летописи (или нескольких летописей), а также других произведений (документов, повестей, житий святых и т. д.), с текстом, принадлежащим самому летописцу.

торико-географическое введение, в котором изложил существовавшие тогда взгляды на происхождение славян, на место русских среди других славянских народов; он описал территорию Руси, быт и нравы населявших ее племен. Помимо летописных источников Нестор использовал переводную византийскую хронику — Хронику Георгия Амартола, включил в «Повесть временных лет» тексты договоров русских князей с Византией; он пересказал в своей летописи некоторые народные предания — о сожжении Ольгой древлянского города Искоростеня, о победе юноши-кожемяки над печенежским богатырем, об осаде печенегами Белгорода. Наконец, Нестор продолжил повествование Начального свода описанием событий конца XI — начала XII в. Именно под пером Нестора «Повесть временных лет» превратилась в стройное, подчиненное единой концепции и литературно совершенное произведение о первых веках русской истории.

Текст Нестора в своем первоначальном виде до нас не дошел: в 1116 г. «Повесть временных лет» была переработана монахом Выдубицкого монастыря Сильвестром, при этом перделке подверглась, видимо, лишь заключительная часть «Повести». Так возникла вторая редакция «Повести временных лет», которая читается в составе Лаврентьевской летописи 1377 г., а также в составе Радзивилловской и Московско-Академической летописей XV в.

В 1118 г. создается еще одна — третья редакция «Повести временных лет». Она дошла до нас в составе списков Ипатьевской летописи, старший из которых — Ипатьевский — датируется первой четвертью XV в., а остальные — XVI—XVII вв.

«Повесть временных лет» не только ценнейший источник по истории Руси, но и блестящее литературное произведение. И сам Нестор, и его предшественники — летописец Никон и создатель Начального свода (имени его мы не знаем) — были высокообразованными людьми, прекрасными стилистами, они стремились не только изложить суть исторических событий, но и рассказать о них живо и интересно; поэтический колорит придают «Повести временных лет» и вошедшие в нее пересказы эпических преданий. «Повесть временных лет» занимает почетное место в ряду лучших памятников древнерусской литературы.

Текст «Повести временных лет» второй редакции издается по Лаврентьевской летописи (рукопись Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр F, п. № 2). В этой летописи из-за утраты листов пропущен текст, начиная с середины статьи 898 г. и до статьи 921 г. включительно. Этот пропуск восполняется по Радзивилловской летописи (рукопись Библиотеки Академии наук СССР, шифр 34.5.30), отражающей, как сказано выше, ту же вторую редакцию «Повести временных лет». Многочисленные пропуски и ошибки в тексте Лаврентьевской летописи восполняются по той же Радзивилловской летописи, а в исключительных случаях и по другим летописным сводам. Все добавленные или исправленные слова выделяются курсивом. Пропущенные слова (в основном это слова, ошибочно повторенные писцом) не оговариваются. Смысловые исправления, внесенные в настоящем издании, оговариваются в примечаниях.

Стр. 37. *По потопе три сынове Ноеви разделиша землю, Сим, Хам, Афет.* — О разделе земли после потопа рассказывается в Библии (Книга Бытия). Упомянутые области и страны по преимуществу расположены по берегам Средиземного моря, а также на территории современных Ирака, Ирана и советских среднеазиатских республик.

Словене. — Упоминание о славянах добавлено Нестором (в тексте Амартола оно отсутствует); из статьи 898 г. летописец сделал вывод, что славяне обитали в районе Иллирии (здесь Илюрик), на северо-восточном побережье Адриатического моря, поэтому он вставил упоминание о славянах именно в данном месте.

Стр. 38. *...до Понетского моря...* — Понетское море (Понт) — греческое название Черного моря. С этих слов начинается другой источник, описывающий земли, заселенные славянами и сопредельными с ними народами и племенами. Возможно, что это остаток Начального свода.

...Кавкаисинския горы, рекше Угорьски... — Имеются в виду Карпаты.

...чюдь и вси языци: меря, мурома... любь. — Перечисляются финские и балтийские племена, населявшие районы от Балтийского моря на западе до Верхнего Поволжья на востоке.

Пруси — балтийское племя пруссов, обитавшее на юго-восточном берегу Варяжского (Балтийского) моря.

...до *Волошских*. — Волохами древние славяне называли романские народы; возможно, что здесь имеется в виду Италия.

И умножившемся человеком на земли... — Далее следует пересказ библейской легенды о вавилонском «столпотворении», с помощью которой в Средневековье объясняли возникновение различных языков.

...в дни *Нектана и Фалека*. — Нектан (Иоктан) и Фалек упоминаются в Библии — это братья, сыновья Евера, потомка Сима.

...*5433 локти...* — Локоть — древнерусская мера длины, определявшаяся расстоянием от локтя до конца вытянутого среднего пальца (примерно 46 сантиметров).

Стр. 39. ...*нарци, еже суть словене*. — Нарци (норики) — жители римской провинции Норик, расположенной по течению Дуная. Кем-то из славянских книжников они были отождествлены со славянами.

...*хрватя белли и серебь и хорутане*. — Белые хорваты обитали к востоку от Карпат; серебь и хорутане — предки современных сербов и словенцев.

Волхом бо нашедшем на словени на дунайския... — Речь идет, вероятно, о римлянах.

...*а от тех ляхов прозвашася поляне... или поморяне*. — Здесь речь идет не о поднепровских полянах, а о западнославянском племени полян, занимавшем территорию по среднему течению Одры и Варты. Упомянутые далее лютичи обитали западнее Одры, мазовшане — по берегам Вислы, поморяне — на южном берегу Балтийского моря.

...*сделаша град и нарекоша и Новгород*. — По современным данным, славянские поселения на месте будущего Новгорода возникли в IX—X вв., новгородский «детинец» (кремль) упоминается в летописи впервые под 989 г.

...*и нарекошася север*. — Существует гипотеза, что «север» («северо») — это название племенного союза восточных славян, из которого впоследствии выделились поляне, древляне, дреговичи и т. д. Оно восходит к названию территории, на которой обитало одноименное племенное объединение сармато-алан, вытесненное славянами на юго-восток в начале VIII в. н.э.

...*в озеро великое Нево, и того озера видеть устье в море Варяжское*. — Имеется в виду Ладожское озеро и Балтийское море.

Море Хвалисьское — Каспийское море.

Стр. 40. ...*в Болгары и в Хвалисы...* — Имеются в виду волжские болгары (тюрки по происхождению), обитавшие в районе впадения Камы в Волгу; хвалисы — жители Хорезма, государства, расположенного в нижнем течении Амударьи. В XI—XII вв. между Хорезмом и Русью поддерживались торговые и политические контакты.

Ондрейо учащо в Синопии... поиде по Днепру горе. — В средневековых византийских легендах рассказывалось, как апостол Андрей проповедовал в землях по берегам Черного моря, и в частности в Скифии. Видимо, эти апокрифические предания получили дальнейшее развитие на Руси: апостолу было приписано путешествие из Синопа (город на северном берегу Малой Азии) в Рим, по Днепру, Волхову, Балтийскому морю и далее — вокруг Европы. Каким-то образом к этой легенде был присоединен и рассказ о новгородских банях. Когда легенда об апостоле Андрее была вставлена в текст летописи, сказать трудно: полагают, что это было сделано кем-то из последующих редакторов «Повести временных лет», так как сообщение о посещении апостолом Руси (вернее, земель, на которых впоследствии возникнет Русское государство) противоречит утверждению из статьи 983 г., что в Киеве «и телом апостоли не суть... были».

Корсунь — Херсонес, центр византийской колонии в Крыму. Основанный в 422–421 гг. до н.э., Херсонес просуществовал до середины XV в. В настоящее время на этом месте расположен Севастополь.

...*одва вылезут ле живи...* — в Лаврентьевской летописи «егда влезуть ли живи»; исправлено по Московско-Академической летописи.

И быша 3 браться... и сестра их Лыбедь. — Легенды о наименовании городов по имени их основателей широко распространены в античной и средневековой историографии. Легенда об основании Киева тремя братьями весьма древняя: она зафиксирована армянским историком VII в. Зенобом Глаком. Он рассказывает об основании Куара (Киева) Куаром, Ментеом и Хереаном; имена Куара и Хереана явно напоминают имена Кия и Хорива. Археологи подтверждают, что на месте Киева до конца X в. действительно существовало три поселения, названия которых, вероятно, соотносились с именами их легендарных основателей; впоследствии это явилось поводом для

возникновения легенды о трех братьях. Имя сестры их соотносится с названием речки Лыбедь, протекавшей по территории древнего Киева.

...увоз *Боричев...* — дорога, спускавшаяся с горы, где расположена центральная часть Киева, к Подолу, на низменном берегу Днепра.

Стр. 41. ...на *Клещине озере...* — на Переяславском озере; ныне озеро Плещеево на юге Ярославской области.

Стр. 42. ...от *скуф, рекше от козар...* — Произвольное отождествление скифов, государство которых прекратило свое существование в III в. н.э., и хазар восходит к византийским источникам.

Посемь придоша угри белги, и наследшиа землю словеньску. — Исследователи спорят о том, какой народ имеется здесь в виду. По мнению венгерского ученого Й. Перени, речь идет о тюркском племени «оногуров», в VI–VII вв. вторгшемся на Балканский полуостров. Именно этих «угров» — «оногуров» византийский император Ираклий (610–641) использовал в войне с иранским царем Хосровом II (590–628).

В си же времена быша и обри... мало его не яша. — Авары (подревнерусски — «обры») — союз племен, преимущественно тюркоязычных, образовавших в VI в. так называемый Аварский каганат, пределы которого простирались от Дона на востоке и до Эльбы и Адриатического моря на западе; центром каганата была Паннония (территория современной Венгрии).

...и *примучиша дулебы, суцая словены...* — Полагают, что речь идет о дулебах — славянском племени, обитавшем в Паннонии, где гнет аваров был особенно значительным.

Печенези — союз тюркских племен. В конце IX в. печенеги заняли Северное Причерноморье от Дона до Дуная.

...угри *чернии...* — В отличие от «белых угров» («оногуров») здесь упоминаются собственно угры (венгры), в конце IX в. вытесненные на территорию современной Венгрии из Северного Причерноморья печенегами.

Бяста бо 2 брата в лясех, — Радим, а другий Вятко... — Вероятно, эти легендарные имена приводятся летописцем для объяснения происхождения названий племен (см. выше, о наименовании городов по их основателям; далее название ту-

ровцев возводится к легендарному Туру); археологический материал не подтверждает близости радимичей к западным славянам.

Стр. 43. ...и *взложатъ и на кладу...* — Возможно, следует читать как в Радзивилловском списке — «на краду». Судя по греческому эквиваленту, это слово могло обозначать «погребальный костер», но этот редкий термин в некоторых списках летописи заменили на слово «клада», созвучное и подходящее по смыслу. «Клада» — это гроб, выдолбленный из ствола дерева.

Глаголетъ Георгий в летописаньи. — Далее следует фрагмент из византийской Хроники Георгия Амартола (IX в.), излагавшей всемирную историю от «сотворения мира» до середины IX в., а с дополнением, сделанным Симеоном Логофетом, — до середины X в. Древнерусским переводом этой Хроники не раз пользуется составитель «Повести временных лет».

...у *вактриан, глаголеми врахмане и островъници...* — Вактриане — жители Бактрии (государства, существовавшего в Средней Азии); здесь они отождествлены с рахманами — легендарным народом праведников, обитающим на «островах блаженных». О посещении земли рахманов Александром Македонским рассказывалось в эллинистическом романе об Александре (так называемой Александрии).

...*халдеем...* — Халдеи — племя, обитавшее в низовьях Тигра и Евфрата.

Ии же закон гилиамь... — Возможно, что имеются в виду гелы — скифское племя, обитавшее юго-западнее Каспийского моря.

Стр. 44. *Амазоне* — амазонки, легендарный народ женщин-воительниц.

Ятрови. — Ятровь — сноха, невестка.

...по *смерти братъе ся...* — Кия, Щека и Хорива.

И наидоша я козаре... — Государство хазар (Хазарский каганат) в VII–X вв. располагалось между Доном и нижним течением Волги и южнее, на территории вплоть до северных отрогов Кавказских гор. Приведенная далее легенда, по мнению летописца, свидетельствует, что по божественному предопределению славянские племена не только перестанут в скором времени платить дань хазарам, но и сами станут облагать их данью. Эта же идея побудила летописца привести и

историческую параллель — библейскую легенду о Моисее, которому с божественной помощью удалось покарать египетского фараона.

Стр. 45. *В лето 6360...* — Летосчисление в Древней Руси велось от «сотворения мира»; для перевода на современное летосчисление требуется отнять от древнерусской даты 5509 или 5508 лет.

...индикта 15... — В «Повести временных лет» после слова «индикта» ошибочно добавлено слово «день»; речь должна идти именно о 15-м индикте; индикты — пятнадцатилетние циклы, применявшиеся в византийском летосчислении.

...начению Михаилу царствовать... — Фактически византийский император Михаил III вступил на престол не в 852 (6360) г., а в 842 г.

«От Адама до потопа лет 2242... до Михаила сего лет 542». — Подобные краткие хронологические выкладки широко распространены как в византийской, так и в древнерусской письменности. Временные дистанции в них порой значительно различаются. В данном перечне упомянуты библейские персонажи — Адам, праотец Авраам; «исход» евреев, возглавляемых Моисеем, из Египта; цари Израильско-Иудейского царства — Давид (1004—965 гг. до н.э.) и Соломон (965—928 гг. до н.э.); захват Иерусалима Навуходоносором (597 г. до н.э.); Александр Македонский (336—323 гг. до н.э.), римский император Константин Великий (с 306 г. н.э. — «август», в 324—337 гг. — император) и византийский император Михаил III (842—867). Согласно «Повести временных лет», упоминаемые далее русские князья вступили на великокняжеский стол: Олег в 879 г., Игорь в 913 г., Святослав 946 г., Ярополк в 973 г., Владимир в 980 г., Ярослав в 1019 г. (или в 1016 г.). Как видим, расчеты хронологической выкладки и летописи не совпадают.

...от смерти Ярослави до смерти Святополчи лет 60. — Святополк Изяславич умер в 1113 г. Следовательно, данное место в летописи написано не ранее этого года; полагают, что в 1113 г. и была составлена первая редакция «Повести временных лет».

Стр. 46. *И реша сами в себе: «Поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву».* — Легенда о призвании трех братьев-ва-

рягов (Рюрика, Синеуса и Трувора), приход которых на Русь будто бы положил начало государственности, порождена несколькими факторами. Во-первых, для античной и средневековой историографии было характерно возводить правящую династию к мифическому персонажу или к иноземцу: тем самым устранялась возможность соперничества местных знатных родов. Летописцы, возводя род киевских князей к варягу Рюрику, с одной стороны, укрепляли права потомков Игоря (который, по этой версии, объявлялся сыном Рюрика), а с другой стороны, лишней раз оберегали свои политические права от посягательств Византии. Норманны же, от которых, согласно легенде, ведет начало великокняжеская династия, в XI—XII вв. не представляли какой-либо политической угрозы для Русского государства.

Легенда о призвании варягов возникла сравнительно поздно, видимо, в Своде Никона (полагают, что он услышал ее от новгородца Вышаты). Характерно, что «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона и «Память и похвала князю русскому Владимиру» — памятники первой половины XI в. — возводят киевскую княжескую династию к Игорю. Д. С. Лихачев и Л. В. Черепнин предполагают новгородское происхождение легенды о призвании варягов: именно в Новгороде существовала практика «приглашать» князей.

...ти суть людье новгородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени. — Как полагает Д. С. Лихачев, речь идет здесь о родовой принадлежности, а не родовом происхождении: новгородские славяне этнически таковыми и остались, но теперь во главе их стал варяжский род.

И баста у него 2 мужа, не племени его, но боярина... — Говоря об Аскольде и Дире, летописец специально подчеркивает, что князья, захватившие Киев, всего лишь приближенные Рюрика, но «не племени его». Это должно оправдать убийство Аскольда и Дира Олегом, который действовал от имени Игоря, согласно летописной версии — сына Рюрика.

«...и мы седим, род их, платяче дань козаром». — В Лаврентьевской и Троицкой летописях читается: «...а мы седим платяче дань родом их козаром». Совершенно очевидно, что текст здесь испорчен (в Радзивилловской и Московско-Академической летописях слова «родом их» пропущены): в «Повести временных лет» выше говорится, что Кий, Щек и Хорив происходили из рода полян, и после смерти их «род их» продол-

жал княжить полянами; следовательно, и в данном случае речь идет о потомках («роде») основателей Киева. Поэтому текст исправлен по смыслу на основании Ипатьевской летописи, где говорится: «...седим, роды их, и платимы дань козаром».

Стр. 47. *Иде Асколд и Дир на греки, и прииде в 14 лето Михаила царя.* — Согласно византийским источникам, русские корабли появились под стенами Константинополя в июне 860 г. Имена предводителей похода не указываются; скорее всего, Аскольд и Дир были объявлены руководителями похода лишь в «Повести временных лет»: в Начальном своде эти князья в рассказе о походе не называются.

Царю же отшедшу на огаряны... вратися царь. — Агарянами называли восточные народы, считая, что они происходят от Измаила, сына Агари, наложницы Авраама. Черная река — вероятно, река Мавропотамон, в центральной части полуострова Малая Азия. Эпарх — правитель города (имеется в виду эпарх Константинополя).

...внутрь Суду вшедше... — Константинополь расположен на полуострове, омываемом с юга Мраморным морем, с северо-востока — заливом Золотой Рог (Суд); поэтому и говорится, что русские корабли «оступили», т. е. окружили Константинополь.

...с патрархом с Фотьем... — Фотий — константинопольский патриарх в 858–867 гг.

...к суцней церкви святей богородице Влахерне... — В храме Богоматери во Влахерне (район Константинополя) находилась чудотворная икона, к заступничеству которой и обратился, согласно византийской легенде, патриарх.

Поча царствовати Василий. — Василий I Македонянин вступил на престол в 867 г.

Умерши Рюрикови, предаст княжене свое Олгови... — Предшествующий «Повести временных лет» Начальный свод именуется Олега воеводой Игоря, а литературные источники XI в. называют его князем. Видимо, Олег не был родственником Игоря; поэтому составитель Начального свода, стремясь укрепить версию династической преемственности русских князей (согласно которой Игорь — сын Рюрика), низводит князя Олега в ранг воеводы. Нестор же, убедившись на основании текста договора с Византией, что Олег являлся полноправным князем, возвращает ему княжеское достоинство, но считает его реген-

том при малолетнем Игоре. Но и это построение летописца малоубедительно: даже если мы учтем, что в год смерти Рюрика Игорь был «детеск вельми», все равно окажется слишком продолжительным регентство Олега — в год смерти последнего Игорю было бы более тридцати лет.

...и взя Любець... — В Начальном своде Любеч не упомянут. Нестор вставил его, вероятно, на основании текста договоров с греками, где Любеч упомянут среди главных городов Руси. Город этот расположен на берегу Днепра, к западу от Чернигова.

Стр. 48. *И беша у него варязи и словени и прочи, прозвашася русью.* — Летописец пытается объяснить, почему различные восточнославянские племена, а также наемные дружины варягов, все в совокупности стали именоваться «русью» (именно это собирательное наименование мы встречаем в тексте договоров с Византией). В данном случае возникновение такого собирательного наименования подданных Олега приурочено ко времени перенесения им столицы государства в Киев.

...по щьялгу... — Происхождение и характер этой денежной единицы не выяснены.

И бе обладая Олег поляны, и древяны, и северяны, и радимичи, а с уличи и тевьрци имаше рать. — Летописец пытается очертить пределы подвластных Олегу земель: они простираются от Новгорода до Киева; только уличи и тиверцы, обитавшие к западу от Южного Буга и Днестра, не покорились киевскому князю.

Левон царствова, сын Васильев... царствоваста лет 20 и 6. — Речь идет о византийских императорах: Льве VI (886–912) и соправителе его и преемнике Александре (912–913).

Идоша угри мимо Киев горою, еже ся зоветь ныне Угорское... — Неизвестно, действительно ли угры (венгры), проходившие в X в. через степи Северного Причерноморья на запад, оказались в непосредственной близости от Киева; возможно, что поводом для этого сообщения явилось наименование горы под Киевом «Угорской».

Стр. 49. *Посем же угри прогнаша волхи, и наследиха землю ту, и седоша с словены, покориши я под ся...* — Венгры заняли территорию в бассейне Дуная, вытеснив оттуда авар. Но полагают,

что здесь отразились представления Средневековья, согласно которым славянские земли по Дунаю и на побережье Адриатики (Иллирия) были заняты римлянами (волохами), а затем уже в Паннонию вторглись венгры. Таким образом, славяне оказывались причастными римской культуре (ср. далее утверждение, что апостол Павел проповедовал в Иллирии, где прежде жили славяне). В действительности славянские племена проникли в бассейн Дуная лишь в V в. н.э.

...*Ростислав, и Святополк, и Коцел послаша ко царю Михаилу...* — Ростислав — князь Великоморавского государства (846—870), Святополк (870—894) — его преемник, Коцел — князь Блатенского княжества (в районе озера Балатон). Посольство в Византию было отправлено одним Ростиславом в 863 г.

...*Мефодия и Костянтина.* — Создатели славянской азбуки Мефодий (820—885) и Константин Философ (827—869), принявший монашеское имя Кирилл, были сыновьями военачальника из г. Фессалоники (Солунь). Приглашенный Ростиславом в Моравию для проповеди христианства на славянском языке, Кирилл создал азбуку. Кирилл совместно с Мефодием перевел на славянский язык ряд богослужебных книг, положив таким образом начало славянской письменности.

Стр. 50. *Се же слышав папезь римьский... на книги словенския...* — Папа Адриан II поддержал деятельность Кирилла и Мефодия.

Посем же Коцел князь постави Мефодья епископа в Пании... — Мефодий с начала 70-х гг. был архиепископом Моравии и Паннонии (Блатенского княжества).

...*на столе святого Ондроника апостола, единого от 70, ученика святого апостола Павла.* — Апостолами именовались как 12 учеников Христа, так и 70 первоначальных проповедников христианства, в числе которых был и Андроник.

...*ту бо есть Илюрик...* — Этими словами заканчивается лист 9 Лаврентьевского списка, после которого утрачено 6 листов. Далее текст приводится по Радзивилловской летописи.

Стр. 51. *Семимон* — болгарский царь Симеон (893—927). Война Симеона с Византией происходила в 894—896 гг.

...*и греци замкоша Суд...* — Византийцы перегораживали вход в залив Золотой Рог (Суд) из Мраморного моря цепями. Осаж-

дающие могли, однако, перетаскивать корабли через узкий перешеек и спускать на воду залива непосредственно у стен города. Так поступили, например, турки при осаде Константинополя в 1453 г., так же поступил, по рассказу летописи, и Олег. Но насколько этот рассказ соответствует действительности, сказать трудно.

...*святый Дмитрей...* — Вероятно, имеется в виду Дмитрий Солунский.

...*по 12 гривен на человек...* — Гривна — древнерусская денежная единица.

Стр. 52. *И реша греци: «Чего хочещи, дамы ти»...* — Далее идет текст договора 907 г. Этот фрагмент мы опускаем.

«*Имемся своим толстинам, не даны суть словеном пре паволочиты*». — Последнее слово добавлено по смыслу. Но суть всего эпизода неясна из-за спорного значения термина «кропичные». Ясно лишь, что новгородцы (словене) оскорблены тем, что им не дали для парусов дорогой шелковой материи («паволок») и они вынуждены довольствоваться своими «толстинами» — парусами из грубого полотна.

Явися звезда велика на западе копейным образом. — Комета Галлея, которая в июле 912 г. была наиболее близка к Земле.

...*положити ряд межю Русью и Грекы...* — Далее идет текст договора 912 г. Этот фрагмент мы опускаем.

...*паволоками и фюфудьями...* — Паволоки и фюфудьи (последнее слово значит то же, что «аксамит») — шелковые ткани.

Стр. 53. ...*и погребоша его на горе, еже глаголеться Щеквица...* — На легендарность рассказа о смерти Олега указывает, в частности, тот факт, что в Начальном своде местом захоронения Олега названа Старая Ладога, предание о княжеском коне вообще отсутствует, а версия о смерти от укуса змеи дается с оговоркой: «Друзии же сказуютъ, яко идущю ему за море, и уклону змиа в ногу, и с того умре».

...*во царство Доментяново, некый волхв, именем Аполоний, Тианнин...* — Аполлоний Тианский, греческий философ пифагорейской школы и «чародей», живший во времена римского императора Домициана (81—96).

Антиохия — город на берегу реки Оронт, в северной части современной Сирии.

Великий Настасий — Анастасий Синаит, византийский богослов, патриарх Антиохии в 561—563 гг.

Стр. 54. *Валам, и Саул, и Каиафа* — библейские персонажи: прорицатель Валаам, иудейский царь Саул и первосвященник Каиафа.

...сынове Скевавли. — В Библии рассказывается, как сыновья иудейского первосвященника Скевы безуспешно пытались исцелять заклинаниями «бесноватых».

Фараон. — Имеется в виду один из египетских фараонов, при котором, согласно Библии, Моисей вывел евреев из Египта.

Навходоносор — вавилонский царь Навуходоносор II. По библейской легенде, он видел вещие сны, истолкованные пророком Даниилом.

Симон волхв — философ-гностик I в. н.э., персонаж апокрифических легенд, в которых рассказывалось о его спорах с апостолами Петром и Павлом (см. также статью 1071 г.).

Менандр — философ-гностик I в. н.э., последователь Симона.

Стр. 55. *В се же время поча царьствовати Костянтин, сын Леонтов.* — Константин VII, византийский император (913–959).

В то же лето прииде Семион Болгарьский на Царьград... — Война Византии с Болгарией длилась с 913 по 917 г. Эти события и отразились в статьях 914 и 915 гг.

Град Одрень — Адрианополь.

Поставлен царь Роман в Грекох. — Византийский император Роман I Лакapин вступил на престол в 920 г.

В лето 6430. — С этих слов продолжается текст в Лаврентьевском списке.

...скедий 10 тысяць. — «Скедия» — по-гречески «наскоро построенная лодка, плот»; у Амартола этот термин применен, возможно, для уничижительной характеристики русского флота.

...почаша воевати Вифаньския страны... страну Никомидийскую попленившие... — Нападению руси подверглось северное побережье Малой Азии — провинции Вифиния и Пафлагония. Ираклий — город Ираклия Понтийского, Никомидия — город на восточном берегу Мраморного моря (ныне Измит).

Стр. 56. *Памфир деместик* — Панфирий, «доместик схол востока», командующий императорскими войсками.

Фока патрекый — Варда Фока, знатный сановник, стратиг (полководец).

...Федор же стратилат с фраки... — Стратилат — военачальник; фраки — фракийцы, или жители Фракии, провинции в юго-восточной части Балканского полуострова.

Феофан — патрикий, командовавший флотом, действовавшим против Игоря.

...луцати нача трубами огонь на лодье руския. — Имеется в виду «греческий огонь» — горючая смесь, состоявшая из смолы, серы, селитры и нефти.

Симеон иде на храваты... и умре, оставив Петра князя, сына своего, болгаром. — Симеон умер в 927 г., известие помещено под 942 г. ошибочно; Петр — болгарский царь (927–969).

Игорь же... поиде на Греки в лодьях и на коних, хотя мьстити себе. — Существуют различные мнения о том, состоялся ли этот второй поход Игоря. Но договор с Византией достаточно выгоден для русской стороны. Это позволяет допускать, что после поражения в 941 г. Игорь предпринял какие-то действия, приведшие к заключению такого договора.

Стр. 57. *...и велеша глаголати и псати обоих речи на хоратье...* — Далее идет текст договора. Этот фрагмент мы опускаем.

Стр. 58. *И приспе осень и нача мыслити на древяны, хотя примыслити большую дань.* — Осенью князья с дружиной выходили на «полюдье» — собирали дань с подвластных им племен.

Отроци Свенължи — младшая дружина, вооруженная свита княжеского воеводы Свенельда.

...из града Изкорстена... — Искоростень, главный город древлянской земли (современный Коростень Житомирской области).

...кормилецъ его Асмуд... — дядька, воспитатель княжича.

...перевесище бе вне града... — Перевесище — место для ловли птиц с помощью больших сетей — «перевесов». В древнем Киеве перевесище располагалось, вероятно, в районе нынешнего Крещатика.

Стр. 59. *...вы же рьцете: не едем на конех, ни пеши идем, но понесете ны в лодье...* — Три мести Ольги как бы отражают элементы похоронного обряда: покойника несли в лодке, затем сжигали (этому соответствует сожжение древлянских послов в бане), а после погребения совершалась тризна и, вероятно,

исполнялись ритуальные танцы, имитировавшие битву. Здесь же, на тризне по Игорю, Ольга превращает ритуальные военные игры в действительное избиение древлянских воинов.

Стр. 60. ...над гробом его... — Имеется в виду могила, курган, насыпанный над могилой.

...суну копьем Святослав на древляны... — По обычаю бой начинал сам князь; юный Святослав также бросает копье (хотя, брошенное детской рукой, оно падает у ног его собственного коня); но ритуал соблюден и начинается битва.

Стр. 61. Вышгород — Вышгород, загородная резиденция киевских князей.

...устанавлиючи уставы и уроки... — Видимо, определяя размеры податей в пользу киевских князей.

Стр. 62. ...Олена, якоже и древняя царица, мати Великаго Костянтина. — Елена — мать римского императора Константина I (324—337).

И про крещенны возва ю царь, и рече ей... — Рассказ о сватовстве императора к Ольге легендарен.

Стр. 63. ...Еноха в первыя роды... Давыда от Саула... — Перечисляются персонажи библейских легенд, избежавшие опасности с божественной помощью.

...З отроци от пеци, Данила от зверий... — В Библии, в Книге пророка Даниила, рассказывается о чудесном спасении трех юношей, свергнутых в горящую печь, и о том, как сам пророк остался невредим, проведя ночь во рву с голодными львами.

Се же бысть, якоже при Соломане приде царица эфиопская к Соломану... — Соломон — царь Израильско-Иудейского царства (X в. до н.э.), сын и преемник Давида. По библейской традиции славился особой мудростью, ему приписывается авторство нескольких библейских и апокрифических книг. В Библии (Третья Книга Царств, гл. X) рассказывается, как к царю Соломону приходила Савская царица (из южной части Аравии). Сын ее от Соломона считался в Средневековье родоначальником эфиопских (абиссинских) царей, и сама царица Савская часто именовалась эфиопской царицей.

«Аще ты, рьци, тако же постоиши у мене в Почайне, якоже аз в Суду, то тогда ти дамь». — Почайна — речка под Киевом. Видимо, Ольга не была удовлетворена приемом, оказанным ей в Царьграде, что и нашло отражение в предании о ее ответе византийским посланцам.

Стр. 64. ...и легко ходя, аки пардус... — Пардус — гепард. Охотничьих гепардов держали в Средние века при княжеских и царских дворах. Гепард отличается выносливостью и быстротой бега, отсюда и сравнение с ним Святослава.

Стр. 65. Иде Святослав на Дунай на Болгары. — Первый поход Святослава в Болгарию в 968 г., как полагают, был инспирирован императором Никифором Фокой.

...седе княжа ту в Переяславци, емля дань на гръцех. — Переяславец — город; ныне это село Преслав (возле города Тулча в Румынии), южнее Дуная. Под данью имеется в виду, вероятно, та сумма, которую византийцы выплатили Святославу за поход на болгар. В дальнейшем расстановка сил изменилась: часть болгар выступила на стороне Святослава, а между ним и Византией начался военный конфликт.

Придоша печенези на Руску землю первое... — Имеется в виду первое нападение печенегов на Киев.

Стр. 68. Володимер бо бе от Малуши... и бе Добрына уй Володимеру. — Летопись объясняет нам происхождение излюбленного персонажа русских былин — Добрыни (в былинах обычно Добрыни Никитича): он приходился Владимиру дядей и, видимо, являлся дядькой княжича, а затем его воеводой (см. статьи 980 и 985 гг.).

Приде Святослав в Переяславецъ, и затворишася болгаре в граде. — Следовательно, пока Святослав освобождал Киев от печенежской осады, болгары вновь захватили Переяславец.

Стр. 69. И поиде Святослав ко граду... — т. е. к Константинополю: византийцы называли свою столицу просто «город». Здесь повествуется о событиях лета 978 г.

Стр. 70. ...со всяким великимъ царем гречьским... — «Всяким», вероятно, описка; речь должна идти об императоре Иоанне

Цимисхий (969–976) и сыновьях императора Романа II – Василии и Константине (будущих императорах Василии II и Константине VIII).

Стр. 71. *...град, рекомый Вручий...* – Ныне это г. Овруч, в северной части Житомирской области.

Стр. 72. *«Не хочу розути робичича...»* – Намек на то, что Владимир был сыном Святослава от Малуши, ключницы княгини Ольги; разувание мужа было частью древнерусского свадебного обряда.

...стояше Володимир обрывся на Дорогожичи... – Дорогожич – урочище между Киевом и Вышгородом.

Стр. 74. *Перуна древяна... Симаргла, и Мокошь.* – Перун – бог грома и молнии. Хорс часто упоминается вместе с Перуном, но его функции в мифологии восточных славян неясны; возможно даже, что Хорс был важнейшим из славянских богов. Дажьбог – божество солнца. Стрибог, судя по тексту «Слова о полку Игореве», был богом ветра. Место Симаргла в языческом пантеоне неясно. Мокошь – вероятно, божество женского пола; сведения о славянских языческих божествах крайне скудны, и предположения о их функциях в высшей степени гипотетичны.

Стр. 75. *Зло бо есть женьская прелесть, якоже рече Соломан...* – Далее следуют фрагменты из входящей в Библию Книги притчей Соломоновых, автором которой считался царь Соломон.

Стр. 77. *...и посекоша сени под нима...* – Сени представляли собой крытую галерею на уровне второго этажа. Столбы, которые поддерживали сени, и «посекли» киевляне.

Стр. 78. *Иде Володимир на Болгары с Добрынею...* – Полагают, что имеется в виду поход Владимира на волжских болгар. «Торками», как можно думать, здесь названы нанятые Владимиром отряды печенегов, так как тюркское племя торков появилось в южнорусских степях позднее – в середине XI в.

Придоша болгары веры бохмиче... – последователи Магомета, мусульмане.

...жидове козафьстии... – В Хазарском каганате жили евреи, изгнанные из Ирана и Византии.

Стр. 79. *«...и предана бысть земля наша хрестяномъ».* – Речь идет о Палестине. Иерусалим был взят крестоносцами в 1099 г., следовательно, рассказ этот не мог появиться ранее конца XI в.

...уподоблешесе Содому и Гомору, на ня же пусти господь камень горюще... – По библейской легенде, бог покарал пять палестинских городов (среди них Содом и Гоморру) за безнравственность их жителей: города были сожжены небесным огнем и провалились в бездну.

Стр. 80. *И нача философ глаголати...* – Далее идет текст так называемой «Речи философа» – краткого изложения истории человечества в интерпретации средневековой христианской историографии. Этот фрагмент мы опускаем.

Стр. 81. *И призваша я царя Василий и Костянтин...* – Императоры-соправители – Василий II Болгаробойца (976–1025) и Константин VIII (976–1028).

Стр. 82. *...иде Володимир с вои на Корсунь...* – В 986 или 987 г. византийский император Василий II обратился к Руси за военной помощью: Владимир обещал прислать в Константинополь 6000 воинов, а император отдавал ему в жены свою сестру Анну; Владимир перед браком с греческой царевной должен был креститься. В 988 г. с помощью русского корпуса Василий разгромил войска мятежного вельможи Варды Фоки; опасность миновала, и Анну не спешили отправлять на Русь. Видимо, это и явилось поводом для похода Владимира на византийскую колонию в Крыму – Херсонес (Корсунь). После брака с Анной Владимир возвратил Херсонес Византии.

В лимени – в лимане, херсонесской гавани.

Стрелище – расстояние, равное полету стрелы (приблизительно 60–70 м).

В кубару – в корабль.

Стр. 84. *Се же не сведуще право, глаголють... друзии же инако скажутъ...* — Эта фраза читается и в Начальном своде. Следовательно, уже в XI в. существовали различные версии о том, где крестился Владимир: в Киеве, в Васильеве или в Корсуни. Васильев — город юго-западнее Киева, на берегу реки Стугны. Далее идет текст пространного исповедания веры, переданного князю Владимиру. Этот фрагмент мы опускаем.

Рень — песчаная отмель.

Стр. 86. *Недоумеем противу даром твоимъ въздающа възда-ти...* — Далее идет текст хвалы господе. Этот фрагмент мы опускаем.

Бе бо у него сыновъ 12... — В летописи упоминаются далее лишь Вышеслав (ниже сказано о его смерти), Изяслав (ум. в 1001 г.), Ярослав (ум. в 1054 г.; с 1028 по 1054 г. — великий князь киевский), Святополк — убийца Бориса и Глеба, Мстислав (ум. в 1036 г.), Судислав (ум. в 1063 г.), а также Борис и Глеб, убитые Святополком в 1015 г.

...помысли создати церковь пресвятыя богородица... — Десятинную церковь, остатки которой обнаружены археологами.

...заложити градъ Белгород... — Город на берегу реки Ирпень, южнее Киева, одна из крупнейших русских крепостей с княжеским замком. В дальнейшем Белгород являлся центром епископии.

Стр. 87. *...где ныне Переяславль.* — Рассказ о поединке юноши-кожемяки с печенежским богатырем вставлен в летопись Нестором. В позднейших летописях юноша именуется Яном (Ян Усмошвец). Отмечали, что Переяславль упоминается еще в договоре Олега с Византией и, следовательно, существовал задолго до описываемого события. Однако археологи подтверждают, что крепостные сооружения Переяславля датируются концом X в.

Стр. 88. *...300 провар меду.* — «Провара», возможно, — количество напитка, которое может быть сварено за один раз.

Стр. 89. *...в гриднице пиръ творити...* — Гридница — парадное помещение в княжеском дворце; гриди — дружинники князя.

...с Болеславомъ Лядьскимъ, и с Стефаномъ Угрьскимъ, и съ Андрихомъ Чешьскимъ. — Здесь упоминаются польский князь Болеслав I Храбрый (992–1025; в 1025 г. — король); Стефан (Иштван) — венгерский князь (997–1001) и король (1001–1038); Андрих (Олдржих) — чешский князь (1012–1034).

Стр. 90. *Володимеръ же отвергъ виры...* — Вира — штраф, которым облагался совершивший преступление.

...по верховъние вое... — за воинами из Новгородской или Смоленской земли.

...створити цежь... — Для приготовления цежа овсяную муку заливали водой, давали ей закиснуть, затем процеживали.

Лукно — посудина из гнутого луба; здесь употреблено как мера объема («меду лукно»).

Стр. 91. *...латки.* — Латок — глиняная посуда (типа сковороды или горшка).

Преставися Малфредь. — Полагают, что это имя матери Владимира — Малуши.

Стр. 92. *Умре же на Берестовемъ, и потаиша и, бе бо Святополкъ Къиве.* — Берестово — княжеское село под Киевом. Как полагают, смерть Владимира хранили в тайне, ожидая возвращения Бориса и опасаясь, что находящийся в Киеве Святополк захватит власть.

Ночью же межю двема клетми проиавше помост... възложше и на сани... — Вынос тела через пролом и перевозка покойника на санях (в любое время года) — элементы древнерусского похоронного обряда.

Се есть новъий Костянтинъ великого Рима... — Владимир сравнивается с римским императором Константином Великим, при котором христианство стало государственной религией.

Стр. 93. *...ста на Лъте...* — Лъто (Альта) — река, впадающая в реку Трубеж (к юго-востоку от Киева).

Стр. 95. *...и ста на Смядине в насаде.* — Смядынь — река в Смоленской земле. Насад — боевое судно с приподнятой носовой частью корпуса.

Стр. 98. *Тако бо Исаия рече...* — Цитируется Книга пророка Исаии, входящая в Библию.

...и шед на Раком... — Ракомо — село Ярослава под Новгородом.

Стр. 99. *И собра Ярославъ варяг тысячу, а прочих вой 40 000...* — В Новгородской первой летописи иные и, видимо, более правильные сведения: «...и собра вой 4000: варяг бяшетъ тысяща, а новгородцов 3000».

...изыде противу ему к Любичю об он пол Днепра... — Любеч — город на левом берегу Днепра, западнее Чернигова.

Стр. 100. *Приде Болеслав с Святополкомъ на Ярослава с ляхы...* — Святополк был женат на дочери Болеслава и находился с ним в дружественных отношениях; по сведениям саксонского хрониста Титмара Мерзебургского (975—1018), Святополк еще при жизни Владимира готовил против него заговор с помощью Болеслава.

Стр. 101. *Принесоша и к Берестью...* — Берестье — ныне г. Брест.

«Его же по правде, яко неправедна...» — Здесь цитируется текст Хроники Георгия Амартола; в Хронике рассказывается о страшной болезни царя Иудеи Ирода, тело которого покрывалось гнойными язвами.

Стр. 102. *...новый Авимелех...* — В Библии рассказывается, как Авимелех, сын еврейского правителя Гедеона, убил 70 своих братьев.

В си же времена Мстиславу сузю Тмуторокани, поиде на касоги. — Касоги — предки современных черкесов. Поединок Мстислава с Редедей нашел отражение в «Слове о полку Игореве»: Боян пел славу «храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред плкы касожьскими».

Стр. 103. *И приде Якун с варягы, и бе Якун съ леп, и луда бе у него золотомъ исткана.* — Полагают, что упоминаемый здесь Якун — это предводитель варяжского отряда Хакон; его знают и Эймундова сага, и Киево-Печерский патерик. Говоря о его расшитом золотом плаще, летописец иронически подчеркива-

ет контраст между красотой и богатством одеяния Якуна и его позорным бегством с поля боя.

...к Листвену. — Листвен — урочище недалеко от Чернигова.

Стр. 104. *Знаменьє змиево явися на небеси...* — Видимо, речь идет о крупном метеоре, после падения которого на небе остался огненный змеевидный след.

Белзы — Белз, город на реке Сороке, притоке Западного Буга.

...и постави град Юрьев. — Город Юрьев, названный в честь самого Ярослава; Георгий (Юрий) — христианское имя князя. Теперь этот город называется Тарту.

В се же время умре Болеслав Великий в Лясах, и бысть мятежь в земли Лядьске... — Летописец ошибочно соотнес два факта. Болеслав Великий умер в 1025 г., а восстание, здесь описанное, — это либо восстание 1031 г., либо, как полагает В. Д. Королюк, восстание 1037—1038 гг.

...грады червеньскыя... — Речь идет о пограничном районе между Русью и Польшей, о городах Червен, Луческ, Сутейск, Броды и др. Ныне эти города расположены на территории Польши.

Ярослав поча ставити городы по Ръси. — Рось — правый приток Днепра, впадающий в него южнее Киева; на этой пограничной со степью реке строились городки-крепости.

Стр. 105. *...епископа постави Жидяту.* — Лука Жидята (сокращенное имя от Жидислав) — новгородский епископ, предполагаемый автор «Поучения к братии» — одного из древнейших литературных произведений Киевской Руси.

Заложь Ярослав город великий... — Здесь подводится итог строительной деятельности Ярослава. При нем создается «Ярославов город»; территория Киева, окруженная гигантскими земляными валами с деревянными укреплениями, расширяется в восемь раз сравнительно с «городом Владимира». При Ярославе воздвигается сохранившийся до нашего времени Софийский собор, сооружаются Золотые ворота (главные ворота города) с надвратной церковью Благовещения. Церковь Ирины (Ирина — христианское имя жены Ярослава) и церковь Георгия (Георгий — христианское имя Ярослава) не сохранились.

И собра писце многы и прекладаше от грек на словенское писмо. — Сейчас трудно определить, какие именно переводы были осуществлены при Ярославе, но несомненно, что в XI — начале XII в. были переведены исторические сочинения (Хроника Георгия Амартола, Хроника Иоанна Синкела, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия), Повесть об Акире Премудром, Повесть о Варлааме и Иоасафе, ряд житий и другие памятники византийской литературы.

Стр. 106. *Ярослав иде на ятвягы.* — Ятвяги — древнепрусское племя, обитавшее в районе восточнее современного города Белостока. Этнически ятвяги были близки литовцам.

Стр. 107. *Посла Ярослав сына своего Володимера на Грькы...* — И летописный рассказ об этом походе, и византийские источники содержат немало противоречий. Представляется, что военный конфликт разразился после неудавшихся переговоров Владимира Ярославича с императором Константином Мономахом (1042–1055). Русский флот появился у стен Константинополя в июле. Значительный урон ему был нанесен внезапно разразившимся штормом. Битва с византийскими триерами (здесь они названы «оляди») происходила, видимо, в Босфорском проливе, у входа в Мраморное море.

...вдасть Ярослав сестру свою за Казимира... — Казимир I (ок. 1037–1058), польский князь, женился на дочери Ярослава Марии Добронеги.

*...Всеслав, сын его, седе на столе его, его же роди мати от влхвова-
ня.* — Всеслав, князь Полоцкий, один из героев «Слова о полку Игореве». Характерно, что и летопись и «Слово» связывают Всеслава с потусторонними силами: он рожден от «волхования», у него «веща душа», он за ночь «из Кыева дорискаше до кур Тмуроканя».

Заложы Володимер святую Софью Новегороде. — Софийский собор в Новгороде, построенный на месте сгоревшей деревянной церкви. Считается более точным известие Софийской первой и Новгородской четвертой летописей, согласно которым каменный Софийский собор был заложен в 1049 г.

Стр. 108. *Преставися жена Ярославля княгыни.* — Жена Ярослава — Ирина — Ингигерда, дочь шведского короля Олафа.

Постави Ярослав Лариона митрополитомъ русина... собрав епископы... — В 1051 г. собором русских епископов был поставлен в митрополиты не грек (все предшествующие митрополиты были выходцами из Византии), а «русин» Иларион, бывший до этого священником придворной церкви Ярослава в Берестове. Иларион был выдающимся проповедником; ему принадлежит знаменитое «Слово о Законе и Благодати». Далее идет текст сказания об основании Печерского монастыря. Этот фрагмент мы опускаем.

У Всеволода родися сын, и нарече имя ему Володимер, от царице гръкыне. — Речь идет о Владимире Мономахе; жена Всеволода, как полагают В. Л. Янин и Г. Г. Литаврин, была дочерью византийского императора Константина Мономаха (1042–1055).

«Се же поручаю в собе место стол старейшему сыну моему...» — В этих словах Ярослава провозглашен принцип, согласно которому киевский князь является старшим среди остальных удельных князей.

Стр. 109. *...в субботу 1 поста святого Феодора.* — Первая неделя Великого поста именовалась Федоровой.

...положиша и в раце мороморяне, в церкви святое Софье. — Саркофаг Ярослава сохранился в Софийском соборе в Киеве до настоящего времени.

...к Воиню... — Воинь — город близ устья Сулы.

В семь же лете приходи Болушь с половци... — Это первое военное столкновение Руси с половцами, предводительствуемыми ханом Блушем (Болушем). Половцы — народность тюркской группы. Занимая территорию южнорусских степей от Дуная до Волги (так называемые западные половцы), они активно участвовали в политической и военной жизни русских княжеств, то нападая на Русь, то выступая в качестве союзников одной из сторон в междукняжеских распрях, то заключая союзы с теми или иными князьями (весьма частыми были браки русских князей с половчанками).

Победи Изяслав голяди. — Какая народность именовалась «голядь» — неизвестно.

В се же лето Новегороде иде Волхов вспять дний 5. — Обратное течение Волхова возможно в засушливые годы, когда уровень воды в Ильмене низок.

Стр. 110. ...*Вышата, сын Остромиръ, воеводы Новгородского.* — Вышата — киевский воевода, сын Остромира, новгородского посадника, по заказу которого в 1056—1057 гг. было переписано Евангелие — древнейшая русская рукописная книга, сохранившаяся до нашего времени.

В си же времена бысть знаменье... и пребысть за 7 дней. — Описано появление кометы Галлея (она была наиболее близка к Земле 27 марта 1066 г.).

Пред симь же временемь и солнце пременися... — Упоминается затмение солнца 19 апреля 1064 г.

...якоже древле, «при Антиоце...» — Антиох IV Эпифан, царь государства Селевкидов (175—163 гг. до н.э.); в 168 г. он разграбил Иерусалимский храм.

...при Нероне цесари... — Нерон — римский император (54—68), во время его правления началась Иудейская война (66—73), завершившаяся взятием и разрушением Иерусалима римлянами.

...при Устиньяне цесари... — при византийском императоре Юстиниане (527—565).

Стр. 111. *...при Мафрикии цесари...* — при византийском императоре Маврикии (582—602). Чтение «в Африкии» в летописи ошибочно; следует — «во Фракии».

...при Костянтине иконоборци цари... — Византийский император Константин V Копроним (741—775), как и отец его Лев III Исавр, поддерживал движение иконоборцев, отвергавших почитание икон.

...трий поприщъ... — Поприще — мера длины, равная приблизительно 700 метрам.

...наидоша бо срацини на Палестинскую землю. — В действительности арабы завоевали Палестину не во времена Константина V, а столетием раньше — к 640 г.

...послаша с лествью котопана. — Котопан — глава, руководитель; видимо, речь идет о каком-то византийском должностном лице.

Стр. 112. *Заратися Всеслав... и зая Новгород.* — Именно этот исторический факт вспоминает автор «Слова о полку Игореве»: Всеслав «отвори врата Новуграду».

...ко Меньску... — ныне город Минск.

И совокупишася обои на Немизе... — Немига, речка, на которой стоял Минск, ныне пересохшая. Эта битва описывается в «Слове о полку Игореве»: «На Немизе снопы стелют головами, молотят чеши харалужными...»

...и победиша половци... — Далее идет рассуждение о казнях божиих, посылаемых людям за грехи. Этот фрагмент мы опускаем.

...сташа у двора Брячиславля... — Можно предположить, что речь идет об усадьбе, принадлежавшей ранее Брячиславу, отцу Всеслава (умершему в 1044 г.).

Стр. 113. *...ко Сновьску.* — Сновск — город в Черниговском княжестве на реке Снове; ныне город Седнев.

Стр. 114. *Поиде Изяслав с Болеславомъ на Всеслава...* — Изяслав был женат на Гертруде, тетке польского князя Болеслава II (1058—1077; в 1077—1079 гг. — король). В 1073 г. Изяслава снова свергнут с киевского стола его братья Святослав и Всеволод, и снова он обратится за помощью к Болеславу и с польской помощью вернет себе Киев в 1077 г.

И приде Белугороду Всеслав, и бывши ноци, утаився кыян, бежа из Белагорода Полотьску. — Белгород — городок возле Киева. Этот эпизод отразился в «Слове о полку Игореве»: Всеслав «скочи... лютым зверем в плночи из Белаграда, обесися сине мыгле».

Стр. 115. *Изяслав же възга торг на гору...* — Полагают, что напуганный восстанием киевлян, Изяслав переместил «торг» с Подола в пределы города с тем, чтобы легче было контролировать настроения народа.

...в монастыре Всеволожи — в Михайловском Выдубицком монастыре, основанном Всеволодом Ярославичем.

Воеваша половци у Ростовьця и у Неятина. — Ростовец и Неятин — города к юго-западу от Киева.

...у Голотичьска. — Голотичьск — город в Полоцком княжестве.

...в Ростовьстей области... — Ростов упомянут здесь как центр удела. Волхвы из Ярославля отправились вверх по Волге и далее по Шексне, до озера Белого, где их встретил Ян Вышатич.

...в мечте профезавше за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбу... — Об этом ритуальном действе волхвов может дать представление этнографический материал: съестные припасы, предназначенные для жертвоприношения, кладутся в мешоч-

ки, которые прикрепляются к тесьме и свешиваются за спину. Волхв (или исполняющий его функции) подходит сзади и срывает мешочки.

Стр. 118. *Симон волхв* — см. прим. к с. 672.

Стр. 119. *Аньний и Мамерий* — апокрифические имена египетских волхвов, анонимно упоминаемых в библейских рассказах о Моисее.

...при Глебе... — Глеб Святославич до 1064 г. княжил в Тмутарокани, с 1068 или 1069 г. — новгородский князь.

...Герман игумен святого Спаса... — Вероятно, имеется в виду монастырь Спасо-Берестовский (в селе Берестове).

Стр. 120. *...исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову...* — Вспоминается библейская легенда о сыновьях Ноя Симе, Хаме и Иафете. Сиф — третий сын Адама — считался в средневековой историографии изобретателем «еврейской грамоты»; поэтому евреи названы здесь потомками Сифа.

...избивше Хананейско племя, всприяша свой жребий и свою землю. — Имеется в виду библейская легенда о том, как евреи, предводительствуемые Иисусом Навином, отвоевали Палестину у ханаанейян, потомков Хама.

...преступи Исав заповедь отца своего, и прия убийство... — В Библии рассказывается, как Исав пошел войной на брата своего Иакова, но был убит им.

Стр. 121. *Феодосий, игумен печерский, преставися...* — Далее идет повествование о кончине Феодосия и о первых иноках печерских. Этот фрагмент мы опускаем.

Почата бысть церкви Печерская... и кончана бысть на третье лето, месяца июля 11 день. — Существуют различные понимания этого текста: большинство исследователей считает, что три года следует отсчитывать от продолжения строительных работ при Стефане. Тогда окажется, что Успенский собор Киево-Печерского монастыря строился с 1073 по 1077 или 1078 г.

В се же лето придоша сли из немец к Святославу... — Изгнанный с киевского княжеского стола Изяслав обратился за поддержкой к императору Священной Римской империи Генриху IV. Посольство Генриха во главе с Бурхардом Трирским отправилось в Киев и вернулось оттуда в Германию с богатыми

дарами Святослава. Этой платой был куплен нейтралитет Генриха в междукняжеской борьбе за киевский престол. Что касается слов, будто бы сказанных немецкими послами: «Сего суть кметье луче», то, как полагают, они передают смысл требования Генриха; император угрожал, что Святославу «придется познакомиться с властью и военной мощью немецкого государства». Из этой речи, возможно, проникло в летописный рассказ и слово «кметье» (нем. Kmetier — «дружинники»).

Сице ся похвали Иезекий, царь иудейск, к послом царя асурийска... — Летописец, пересказывая библейский текст, ошибся: Иезекия показывал свои богатства послам вавилонского, а не ассирийского царя.

Сиде Борис Чернигове... — Борис Вячеславич, сын Вячеслава Ярославича, сидевшего после смерти Ярослава Мудрого в Смоленске.

...убьен бысть Глеб, сын Святославль, в Заволочии. — Речь идет о Глебе — тмутароканском, затем новгородском князе; Заволочие — новгородские владения в бассейне реки Северная Двина.

Стр. 122. *...на Сжице...* — Сожица — приток Сулы, полагают, что теперь эта речка именуется Оржица.

...от Стрежени. — Стрижень — река, протекающая возле Чернигова.

...и бывшим им на месте у села на Нежатине ниве... — Нежатиная нива была расположена где-то в районе Чернигова. Эта битва описана в «Слове о полку Игореве».

Стр. 123. *Первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившася велими.* — «Слово о полку Игореве» также рассматривает гибель Бориса как возмездие за похвальбу («Бориса же Вячеславича слава на суд приведе»). Чей сын был Борис? Почему он заявлял свои права на Чернигов? На эти вопросы попытался дать ответ Б. И. Яценко. Согласно его гипотезе, Борис — сын не Вячеслава Ярославича, а сын Вячеслава Владимировича, внук Владимира I Святославича, его отец был князем в Чернигове.

...и поставиша противу Городьцю... — Городец — город на левом берегу Днепра, напротив Киева.

И, принесше, положиша тело его в церкви святых Богородица... — Следовательно, князь был погребен в Десятинной церк-

ви. Но в Софийской первой летописи говорится: «...положиша Изяслава в святей Софии в Киеве»; то же чтение и в Новгородской четвертой летописи. Заметим, что в «Слове о полку Игореве» также говорится, что тело Изяслава везли «ко святей Софии к Киеву».

Стр. 125. *А Ольга емше козаре поточиша и за море Цесарюграду.* — В «Хождении Даниила Игумена» — описании путешествия в Палестину в начале XII в. — имеются сведения, что Олег Святославич «два лета и две зимы» провел на острове Родос, куда был, видимо, выслан из Константинополя. Возможно, что это было сделано по просьбе Всеволода, опасавшегося своего воинственного племянника. На Родосе Олег женился на знатной гречанке Феофано Музалон, что, очевидно, и дало ему возможность уже в 1083 г. вернуться на Русь и захватить Тмуторокань.

Бежа Игоревичъ Давыд с Володаремъ Ростиславичемъ... — Давыд Игоревич — сын Игоря Ярославича, внук Ярослава Мудрого и племянник Всеволода; Володарь Ростиславич — сын Ростислава Владимировича, правнук Ярослава Мудрого.

Приде Олег из Грек Тмутороканю... — Олег останется в Тмуторокани вплоть до 1094 г., когда он с половецкими отрядами появляется под стенами Чернигова, где сидел Владимир Мономах. После этого в летописи Тмуторокань уже не упоминается. В связи с этим высказывалось предположение, что Олег передал город византийцам за помощь, которую они оказали ему в 1083 г., когда он, вернувшись из изгнания, овладел городом, изгнав поставленного Всеволодом посадника Ратибора.

...на убьенье брата его... — Романа Святославича, убитого половецами в 1079 г.

...Давыд зая грькы в Олешы, и зая у них именье. — В Воскресенской летописи вместо «грькы» сказано «гречники», что понимают как наименование купцов, ведших торговлю с Византией. Во всяком случае, ясно, что Давыд Игоревич захватил и разграбил купеческое поселение в устье Днепра.

...посла Всеволод Володимера, сына своего... — Владимир, постоянно упоминаемый в последующих статьях, — Владимир Всеволодович Мономах.

Ярополк же хотяше ити на Всеволода... — Ярополк Изяславич — племянник Всеволода.

...иде Звенигороду. — Имеется в виду, вероятно, Звенигород в Галицкой земле.

Стр. 126. *Бежа Нерадець треклятый Перемышлю к Рюрикови...* — Рюрик Ростиславич — брат Василька и Володаря. Возможно, что Ростиславичами и был подослан убийца Ярополка.

...проводиша и до святого Дмитрея... — до Дмитриевского монастыря в Киеве.

Многы беды приим, без вины изгоним от брата своя... — Следующая далее пышная некрологическая похвала Ярополку объяснима, как полагает Д. С. Лихачев, тем, что Ярополк, его жена и дочь были крупными жертвователями в Печерский монастырь, где и велось летописание.

...церкы святого Михаила монастыря Всеволожа... — см. прим. к с. 115.

Стр. 127. *В се лето иде Янка в Грекы, дщи Всеволожа, речена прже.* — В Лаврентьевской летописи Янка (Анна) упоминается впервые, но в Ипатьевской летописи, в начале статьи 1086 г., говорится: «Всеволод заложи церковь святого Андрея, при Иване преподобном митрополите; створи у церкви тоя монастырь, в нем же пострижеса дщи его девою, именем Янка. Сия же Янка совокупивши черноризичи многи, пребываше с ними по монастырскому чину». Во второй редакции «Повести временных лет» это известие опущено.

...идеже положити моще его... — Далее идет рассказ о перенесении мощей Феодосия Печерского, который находится в составе Киево-Печерского патерика. Этот фрагмент мы опускаем.

В се же лето бысть знаменье в солнци, яко погыбнути ему... — в 1091 г. было кольцеобразное солнечное затмение.

Стр. 128. *...от Дрьютьска...* — Друцк (Дрютеск) — город западнее города Орши в верховьях реки Друть.

...взяша 3 грады: Песочен, Переволоку, Прилук... — города на границе с половецкой степью по берегам Днепра в Переяславском княжестве.

...от Филипова дне до мясопуста... — Филиппов день (14 ноября) — канун Рождественского поста, мясопуст — неделя перед Великим постом.

Стр. 130. ...*в день антипаскы...* — Антипасха — воскресенье, следующее за Пасхой.

«...земля оскудела есть от рати и от продажъ». — Продажи — денежные штрафы за различные преступления; видимо, сбор продаж на деле превращался в произвольные поборы.

...к *Треполю, и придоша к Стугне...* — Стugna — правый приток Днепра южнее Киева; Треполь — город у устья Стугны.

Стр. 131. ...*минувше Треполь, придоша вал.* — Имеются в виду оборонительные валы, воздвигнутые на южной границе Киевского княжества.

...и *плакася по немь мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, уности его ради.* — В «Слове о полку Игореве» также говорится: «...плачется мати Ростиславля по уности князи Ростиславе». Ростислав погиб 23 лет от роду.

Стр. 132. ...*вспомняемя от злаго пути своего...* — Далее идет рассуждение о казнях божьих, посылаемых людям за грехи. Этот фрагмент мы опускаем.

Стр. 133. *Се бо аз грешный и много и часто бога прогневаю, и часто согрешаю по вся дни.* — Полагают, что этими словами завершается текст Начального свода.

Се уже третье наведе поганья на землю Русьскую, его же греха дабы и бог простил, зане же много хрестьянъ изгублено бысть... — Эта оценка действий Олега Святославича напоминает характеристику, данную ему в «Слове о полку Игореве»; «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами; погыбашеть жизнь Дажь-Божа внука...»

Идоша половци на Грькы с Девгеневицем... — По сообщению Анны Комниной в ее «Алексиаде» — историческом сочинении, посвященном деятельности ее отца, императора Алексея I Комнина (1081–1118), «Девгеневиц» был самозванцем, выдававшим себя за Леона (Льва), сына императора Романа Диогена (1068–1071). Сосланный в Херсонес, он бежал оттуда к половцам и с половецкими отрядами напал на Византию. В битве под Адрианополем Девгеневиц был взят в плен и ослеплен.

Стр. 135. ...к *Гургею...* — к Юрьеву, городу на реке Роси.

Стр. 136. *Стародуб* — город в Черниговской земле; ныне это одноименный город Брянской области.

Стр. 137. ...и *вжгоша Стефанов манастырь, и деревне, и Герьмакы.* — Фраза недостаточно ясна; возможно, что речь идет о Влахернском монастыре на Клове, игуменом в котором был одно время Стефан, и Спасо-Берестовском монастыре, где игуменом был Герман.

Стр. 138. ...*сынове Измаилеви...* — см. прим. к с. 138.

...*заклепени в горе Александром Македоньским нечистья человеки.* — Далее в Лаврентьевской летописи следует текст «Поучения» Владимира Мономаха.

Се же хоцю сказати, яже слышах преже сих 4 лет... — Этот фрагмент (до слов «в горах полунощных, по повеленью божию») принадлежит составителю третьей редакции «Повести временных лет».

Стр. 139. «*Си суть людье заклепени Александром, Македоньским цесаремь*», *якоже сказает о них Мефоди Патарийский...* — Мефодию, епископу города Патар в Малой Азии (III–IV вв.), приписывалось анонимное сочинение «Откровение Мефодия Патарского».

...*вещь бо сунклитова сица есть...* — Синклит — легендарное вещество, предохраняющее от сторания и разрушения.

Стр. 140. *И убилша Изяслава, сына Володимеря...* — О гибели своего сына Изяслава Мономах пишет в своем письме к Олегу (см. «Поучение» Владимира Мономаха). Как сказано в летописи, Олег «надеялся на правду свою»: Муром действительно был его уделом, незаконно захваченным Изяславом Владимировичем, сидевшим в Курске. Олег же, победив Изяслава, в свою очередь овладел Ростовом и Суздалем, принадлежавшими другому сыну Мономаха — Мстиславу, и помышлял захватить Новгород. Борьбе Мстислава и Олега и посвящена в основном статья 1096 г.

...*изима даньники.* — Вероятно, речь идет о вооруженных отрядах сборщиков дани.

...*на Медведици...* — Медведица — приток Волги (протекает на территории современной Калининской области).

Стр. 141. ...*узре Олегъ стяг Володимерь, и убояся...* — Стяг Владимира Мономаха, вероятно, привез с собой присланный им Вячеслав; Олег же, видимо, подумал, что в битве участвует и сам князь Мономах.

...*на Кулачьце...* — Кулачьца, по-видимому, река Колокша, приток Клязьмы; битва происходила в этом случае где-то западнее Суздаля.

Стр. 142. *Придоша Святополк и Володимерь...* — Исследователи полагают, что следующий далее рассказ об ослеплении тербовльского князя Василька Ростиславича — отдельное произведение, вставленное, вероятно, при создании второй редакции «Повести временных лет». Автором повести был некто Василий — вероятно, «муж» князя Давыда Игоревича.

...*сняшася Любичи на устроенье мира...* — Княжеский съезд в Любече был одним из нескольких подобных же съездов (в Городце в том же 1097 г., в Витичеве в 1100 г., на Золотчи в 1101 г., на Долобском озере в 1103 г.), на которых князья тщетно пытались укрепить принцип удельной системы «каждый да держит отчину свою», хорошо понимая, какую опасность несут им междоусобные войны перед лицом половецкой опасности; однако эти съезды не достигали своей цели, после краткого замирения феодальные распри вспыхивали с новой силой. Упоминаемый здесь Любеч, как полагают, не город в Черниговском княжестве, а село близ Киева, на левом берегу Днепра.

...*Давыд и Олег и Ярослав... Давыду Володимерь...* — Здесь речь идет о двух Давыдах — Давыде Святославиче, брате Олега, и о Давыде Игоревиче, уделом которого стал Владимир Волынский.

...*Ростиславичема — Перемышль Володареви, Тербовль Василкови.* — Перемышль — город на реке Сан, ныне город Пшемьсль, на территории Польши; Тербовль — на реке Гнезне, левом притоке Серета, ныне город Тербовля Тернопольской области.

И приде Святополк с Давыдом Кыеву... — Речь идет о киевском князе Святополке Изяславиче и князе Давыде Игоревиче.

«*Володимерь сложился есть с Василком на Святополка и на тя*». — «Мужи» говорят о Владимире Мономахе и Васильке Ростиславиче, князе Тербовльском.

Стр. 143. ...*Турова, и Пиньска...* — Туров и Пинск — города по среднему течению реки Припять, на крайнем северо-западе Киевской земли.

Стр. 145. ...*перешедше мост Звиженський...* — Ослепленного Василька везут из Киева во Владимир Волынский, стольный город Давыда Игоревича. Звиждень (видимо, Вздвижень) — город западнее Киева, в верхнем течении реки Здвиж (притока реки Тетерев).

Стр. 146. «*Сего не было в роде нашем*». — На первый взгляд странно, что эта реплика вложена в уста воинственного Олега Святославича и его брата. Но если смерть в бою считалась чем-то обычным («Дивно ли оже муж умерл в полку ти?» — пишет Мономах Олегу, убившему его сына Изяслава), то ослепление представлялось неоправданной жестокостью. Впрочем, в Византии того времени весьма часто прибегали к ослеплению политических противников.

Стр. 147. *И преклонися на молбу княгинину, чтящеть ю акы мать, отца ради своего...* — На основании этих слов исследователи заключают, что Всеволод был женат вторично и речь идет здесь о мачехе Владимира. Это предположение косвенно подтверждается и следующим фактом: Мономах родился в 1053 г., а вдова Всеволода умерла в 1111 г., т. е. в весьма преклонном возрасте, если считать ее матерью Мономаха. К тому же во всех трех упоминаниях «княгини Всеволожей» (в Лаврентьевской летописи, в статье 1097 г. и статье 1111 г. в Ипатьевской летописи) она уже не называется «царицей грекиней», как в записи о рождении Мономаха.

...*а мне ту сущю, Володимери, в едину ноць присла по мя князь Давыд.* — Эти слова указывают на рассказчика, а несколько далее названо и имя его — Василий («Да се, Василию, шлю тя...»).

Стр. 148. *Берендичи* — берендеи, тюркское племя, обитавшее на южных границах Киевского и Переяславского княжеств.

...у *Божьска*... — Божеск (Бужьскъ) — город в верховьях реки Западный Буг.

Стр. 149. ...*послал Лучьску... воротистася Турийску* — Лучьск (Луцк) и Турийск — города в Волынской области.

Стр. 150. ...*иде в Ляхы к Володиславу*... — Владислав — польский князь (1079—1102).

И приде Дорогобужю... — Дорогобуж — город на реке Горыни, восточнее города Ровно.

...*на поли на Рожни*... — Рожне поле — урочище в верховьях Западного Буга.

Стр. 151. *Святополк же прибеже Володимерю, и с ним сына его 2, и Ярополчича 2, и Святоша, сын Давыдов Святославича*... — Здесь упомянуты киевский князь Святополк, его сыновья (видимо, Мстислав и Ярослав), два сына его брата Ярополка (Ярослав и Вячеслав) и Святослав (Святоша), сын Давыда Святославича.

Король Коломан — венгерский король Коломан (1095—1114).

Давыд бо в то чинь пришед из Ляхов... и воротися Давыд, и поидоста на угры. — Здесь описана расстановка сил перед битвой, в которой с одной стороны выступают Святополк Изяславич и союзные ему венгры во главе с королем Коломаном, а с другой — Давыд Игоревич с наемными половецкими полками, возглавляемыми Боняком. Исследователи полагают, что в основе этого рассказа о битве лежит устное предание: на это указывает и эпизод с гаданием Боняка, и явное преувеличение сил противника: против 400 воинов Давыда и Боняка выступает стотысячное венгерское войско, и тем не менее венгры терпят поражение и теряют в бою 40 тысяч.

...*сбиша угры акы в мячь*... — Видимо, окружив, согнали в тесную толпу.

Стр. 152. ...*ударен бысть под пазуху стрелю на заборалех, сквозе дску скважню*... — По верху городской стены устраивался дере-

вянный помост, огражденный дощатым бруствером (забороло), через щель бруствера и пролетела стрела, ранившая Мстислава.

Стр. 153. *А Святополк перея Володимерь, и посади в нем сына своего Ярослава*. — Этими словами заканчивается повесть об ослеплении Василька Тербовльского.

В лето 6606. — В этой статье, а также в статьях 6607 и 6608 гг. рассказывается о тех же событиях, которые были изложены выше, в статье 6605 (1097) г., в повести об ослеплении Василька Тербовльского.

Стр. 155. ...*ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава*... — Речь идет о браке русской княжны и польского князя Болеслава III Кривоустого (с 1097 г. князь Силезии и Малой Польши, с 1106 по 1138 г. — всей Польши).

Стр. 156. ...*придоша на Сутень*. — По предположению К. В. Кудряшева, Сутень — это река Молочная, впадающая в Азовское море (на территории современной Запорожской области).

Стр. 157. ...*и срубил город Гюргев, его же беша пожгли половци*. — Город Юрьев на реке Рось был сожжен в 1095 г.

Ведена дщи Володарева за царевичь за Олексиничь, Цесарюгороду... — Ирина, дочь Володаря Ростиславича, князя перемышльского, была выдана, вероятно, за Исаака, сына византийского императора Алексея I (1081—1118).

Стр. 158. *В се же лето преставися Янь, старець добрый, жив лет 90*... — Речь идет о Яне Вышатиче, киевском воеводе, из бесед с которым Нестор почерпнул многие сведения, введенные им в летопись.

В се же лето пострижеся Еупракси, Всеволожа дщи... — О судьбе Евпраксии мы узнаем главным образом из западных источников. Она была обручена с маркграфом Генрихом Шаденским, но вскоре после свадьбы овдовела. В 1088 г. Евпраксия стала женой императора (с 1084 г.) Священной Римской империи Генриха IV, получив при коронации имя Адельгейды. Она принимала активное участие в политической жизни, но в начале 90-х гг. оставила мужа, отличавшегося крайней безнравственностью, и перешла в стан его противников, высту-

пала с обличениями Генриха на церковных соборах в Константице и Пьяченце. Затем Евпраксия возвращается в Киев. После смерти Генриха в 1106 г. она постригается в монахини; умерла в 1109 г.

...прибеже Избыгнев к Святополку. — Избыгнев (Збигнев) — брат Болеслава Кривоустого; в 1106 г. был побежден им, и Болеслав объединил под своей властью всю страну.

В лето 6615, индикта, круг луны 4 лето, а солнечного круга 8 лето. — То есть 4-й год в 19-летнем лунном цикле и 8-й год в 28-летнем солнечном цикле — различных системах летосчисления.

В се же лето преставися Володимеря... — жена Владимира Мономаха Гита, дочь английского короля Гаральда.

Стр. 159. И поя Володимер за Юргя Аепину дщерь... — За Юрия Долгорукого.

Сенаник — синодик, книга для поминовения во время богослужения.

...святыя богородица на Клове... — Клов — урочище между Киевом и Киево-Печерским монастырем.

Стр. 160. Игумен Сильвестр святаго Михаила написах книги си Летописець... — Приписка Сильвестра, игумена Выдубицкого монастыря.

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

«Житие Феодосия» — инока, а затем игумена Киево-Печерского монастыря — написано в 80-х гг. XI в. монахом той же обители Нестором. Жизнеописание святого, как того требовал жанр произведения, должно было содержать ряд традиционных сюжетных мотивов, которые встречаются и в «Житии Феодосия». Но прежде всего это житие привлекает нас обилием ярких картин мирского и монастырского быта Киевской Руси. Сам Феодосий, в прошлом смиренный нравом отрок, терпеливо сносивший побои матери и издевательства сверстников, становится деловитым хозяином монастыря и смело вмешивается в политическую жизнь страны. Мать Феодосия, вопреки христианскому благочестию, которым, по агиографическому канону, наделил ее Нестор, упорно борется со стрем-

лением сына «датися» богу. Монахи Киево-Печерского монастыря, те, о ком летописец говорит, что они «сияют и по смерти яко светила», предстают перед нами вполне земными людьми: они с трудом примиряются с суровым монастырским уставом, далеко уступают своему игумену в трудолюбии, смирении и благочестии. В описании чудес и видений Нестор проявляет удивительное писательское мастерство: он умеет найти и подать такие выразительные детали, которые создают иллюзию достоверности даже в самых фантастических эпизодах. В то же время, если не считать традиционного для житий вступления, где автор молит бога помочь в написании произведения и сетует на свое «невежество», и некоторых молитв Феодосия, житие лишено риторических рассуждений, оно сюжетно и динамично.

Текст публикуется по списку в составе Успенского сборника (рукопись Государственного Исторического музея в Москве, Синодальное собр. № 1063/4), изданному в кн.: Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. Исправления и дополнения внесены по списку «Жития» в составе Киево-Печерского патерика, изданного в кн.: Дмитро Абрамович. Киево-Печерський патерик. У Київi, 1930. Все исправленные слова выделены курсивом, дополнение оговорено.

Стр. 297. ...писавшию ми о житие... Бориса и Глеба... — Нестором написано также «Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глеба», а в начале XII в. создана новая редакция русской летописи — «Повесть временных лет». Сведения о Киево-Печерском монастыре и о Феодосии в «Повести временных лет» (в статьях 1051, 1074 и 1091 гг.) дополняют рассказ «Жития», но в ряде случаев и противоречат ему.

Стр. 298. ...великааго меню Антония... — Антоний Великий (III—IV вв.) — отшельник, признаваемый церковью основоположником монашества.

Стр. 299. Град есть... именем Васильев. — Город юго-западнее Киева на реке Стугне; поприще — древнерусская мера длины, в данном случае близка по значению к версте.

...*Феодосием того нарицаеть*. — В переводе с греческого «Феодосий» означает — «данный, посвященный богу».

...*стадо богословесных овецъ, дондеже пастуха избѣра*. — Традиционная метафора: «пастух», «пастырь» — священник или игумен, «овцы», «стадо» — прихожане или монахи, «волк» — дьявол.

Стр. 300. *«Рабе благый, верные умноживый преданный талант...»* — Имеется в виду евангельская притча о рабах, которым господин, уезжая, оставил на сохранение свои сокровища («талант» — наиболее крупная весовая и денежно-счетная единица Древней Греции, Персии, стран Малой Азии). Один раб закопал деньги в землю, а другие пустили их в оборот и вернули господину с прибылью. Здесь речь идет о том, что данный тебе талант (способность) не следует скрывать, его нужно развивать в деле.

Стр. 301. *...о святых местех...* — о Палестине, где располагаются основные места поклонения христиан.

Стр. 302. *...золотей враг...* — Словом «враг» на Руси обозначался дьявол.

Стр. 306. *...великому Никону...* — Никон — монах, а позднее игумен Киево-Печерского монастыря; он был составителем летописного свода, предшествовавшего «Повести временных лет».

Стр. 312. *...на конь поеха к старцю... яко Антоний и иже...* — восполняется по Киево-Печерскому патерику; в Успенском сборнике утрачен лист с этим текстом.

Князь Изяслав — старший сын Ярослава Мудрого, великий князь киевский с 1054 по 1073 г. (с перерывом в 1068–1069 гг., когда княжил Всеслав.

Тгда глагола ему жена его... — Изяслав был женат на Гертруде, дочери польского князя Мешко II; события, о которых говорит Гертруда, — быть может, восстание 1037–1038 гг.

Стр. 314. *...якоже се апостола Павл и Варнава...* в Деяниях апостол. — О проповеди христианства апостолами Павлом и Вар-

навой рассказывается в Новом Завете (Деяния святых апостолов, гл. XI–XIV).

...*остров Тмутороканьскый...* — Имеется в виду Тмутороканское княжество, располагавшееся на Таманском полуострове.

Стр. 316. *...в манастырь святого мученика Димитрия и ту игуменъ поставлен*. — Речь идет о Дмитриевском монастыре, построенном киевским князем Изяславом Ярославичем. Монастырь находился в Киеве, вероятно, на Михайловской горе, недалеко от Киево-Печерского монастыря.

Стр. 317. *...устав Студийскааго манастыря...* — Устав Студийского монастыря в Константинополе отличался суровыми правилами монашеского быта, восходившими к установлениям основоположников монашества.

Стр. 318. *...до врьбныя неделя...* — Имеется в виду Вербное воскресенье — последнее воскресенье перед Страстной неделей Великого поста.

Стр. 320. *...псалмы Давыдовы в устех своих имуще...* — Далее нами опущен текст пространной молитвы Феодосия.

Стр. 323. *...умьршу Ростиславу князю острова того...* — О смерти Ростислава Владимировича см. в «Повести временных лет» под 1066 г.

...*с князем Глебь...* — Глеб, сын Святослава Ярославича, княжил в Тмуторокани в начале 60-х гг., в 1064 г. был изгнан Ростиславом, после его смерти в 1066 г. тмутороканцы вновь попросили Глеба стать их князем.

Стр. 328. *...гривну злата...* — Гривна — денежная единица; здесь, возможно, речь идет о золотом слитке достоинством в гривну.

Стр. 336. *...в пустыни людем непокоривым хлеб небесный оджди и источи крастели.* — В Библии рассказывается, как бог ниспослал с неба манну и перепелов блуждавшим по пустыне евреям.

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

Стр. 337. *...святааго първомученика Стефана...* — Согласно библейскому преданию (см. Деяния святых апостолов, гл. VI—VII), Стефан — дьякон, который был первым казнен за проповедь христианства во времена римского императора Гая Цезаря Калигулы (12—41).

Бывшю же неколи дъни святаго и великаго Димитрия... — День памяти святого Дмитрия Солунского, в честь его и был основан князем Изяславом монастырь, не раз упоминаемый в «Житии Феодосия».

Стр. 338. *...епитимиею утвърди...* — Епитимья — наказание, налагавшееся в монастыре игуменом и состоявшее в каких-либо благочестивых деяниях — усердной молитве, строгом посте и т. д.

Стр. 340. *Боголюбивый же князь Изяслав... послеже положи душу свою за брата своего...* — О гибели Изяслава рассказывается в «Повести временных лет» в статье 1078 г.

Стр. 344. *...о святемъ и велицемъ Саве.* — О Савве Освященном, византийском святом.

Стр. 346. *...бысть в то время смятение некако...* — Речь идет о событиях 1073 г., когда киевский князь Изяслав Ярославич был изгнан из своего удела братьями — Святославом Черниговским и Всеволодом Переяславским. Киевским князем стал Святослав и оставался им до своей смерти в 1076 г.

Стр. 347. *...на тѣпезу Вельзавелину...* — то есть на пир, устраиваемый Святославом, грубо нарушившим заповедь своего отца Ярослава. Иезавель — жестокая и коварная жена царя Ахава, о которой повествуется в Библии.

...паче меду и сѣта... — Сыта — сладкий напиток на меду.

Стр. 349. *...другья же органъныя гласы поющем, и инем замаръныя пискы гласящем...* — Органы и замры (?) — ударные и духовые музыкальные инструменты.

Стр. 350. *...в ектении веля того поминати...* — Ектения — за здравная молитва.

Стр. 352. *...тиуны, и приставъники...* — Тиун, приставник — эконом, управляющий хозяйством, дворецкий.

Андрей Боголюбский (ок. 1110—1174 гг.), второй сын Юрия Долгорукого от половецкой княжны, с 1158 г. великий князь владимирский и суздальский, в истории известен деятельностью по перенесению центра русской государственности на северо-восток, стремлением объединить Русь под главенством владимирских князей. Погиб в результате дворцового заговора в своей резиденции недалеко от Владимира. Повествование об этом событии содержит множество конкретных подробностей (подтвержденных впоследствии и раскопками могилы князя), которые выдают в авторе очевидца описываемых событий. Возможным автором поэтому и называют одного из действующих лиц повести, изображенного здесь сторонником князя и его политической линии: игумена Феодула, что наименее вероятно (хотя под его руководством составлялся в 1177 г. летописный свод, включивший в себя повесть); киевлянина Кузьму, слугу князя или одного из мастеровых («златокузнец»), приглашенных Андреем на строительство Боголюбова; выходца из Вышгорода, главу капитула Успенского собора во Владимире Микулу (который был автором и других произведений, в том числе, возможно, и широко известного «Сказания о чудесах Владимирской богородицы»). Особенно вероятен в качестве автора Микула — противник усобиц и боярской знати, повинной в убийстве князя, сторонник владимирских горожан. Автор составил текст в духе южнорусских биографических повестей XI—XII вв., с подражаниями или прямыми цитатами из житий Владимира, Бориса и Глеба, но в интересах нового политического центра Руси. Например, здесь четко и последовательно проведено противопоставление Киева — Владимиру, Боголюбова — Вышгороду, Золотых и Серебряных ворот одного города — таким же воротам другого, мученической смерти Андрея — такой же кончине Бориса и Глеба и т. д., вплоть до смещения Владимира и Киева в тексте народной притчи, входящей в повесть.

Полный текст «Повести...» сохранился в Ипатьевской летописи под 1175 г., тогда как во Владимирском летописном своде 1177 г. помещен сокращенный и переработанный ее вариант или части ее (см. Лаврентьевскую летопись в списке

1377 г.); по некоторым соображениям, она могла быть написана между 1174 и 1177 гг.

Текст публикуется по Ипатьевской летописи в издании: ПСРЛ, т. 2. Изд. 2-е. СПб., 1908, с. 580–595.

Стр. 419. *...якоже Вышегород от Киева, тако оке и Боголюбьи от Володимеря.* — Вышгород, резиденция киевских князей, находился в семи верстах от Киева, Боголюбово — в одиннадцати верстах от Владимира; в 1149 г., после вступления в Киев, Андрей получил от отца во владение Вышгород, но предпочел удалиться на север и заложил Боголюбово.

...и церковь преславу святых Богородица рождества... — Покидая Вышгород, Андрей взял с собою и древнюю икону богородицы, написанную, по преданию, евангелистом Лукой (теперь известна как Владимирская Богоматерь) и считавшуюся чудотворной. Согласно легенде, повозка, в которой везли реликвию, остановилась за несколько верст от Владимира, и ее не могли сдвинуть с места. Здесь Андрей и основал Боголюбово, поставив церковь Рождества Богородицы (разрушена в начале XVIII в.); во Владимире Андрей построил храм Успения Богородицы (1158–1160 гг., сохранился до настоящего времени); об этих церквях и говорится в похвальной части повести. В Боголюбове сохранились также «сени» — лестничная башня, в которой был добит князь Андрей.

Стр. 420. *...от верха и до деисуса...* — Полагают, что уже в XII в. в русских церквях над центральными воротами в алтарь стали ставить икону с деисусной композицией (Христос с Богородицей и Иоанном Крестителем по сторонам), из чего впоследствии развился иконостас.

«Аще створите братъи меньшии мои, то мне створисте». — Пересказ евангельских слов: «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Матфей, X, 42).

Стр. 421. *...мужеству тезоимените братама благоумныма, святыма страстотерпцема...* — Здесь и ниже мучение Андрея сопоставляется с убийством младших сыновей князя Владими-

ра — Бориса и Глеба в 1015 г.; ниже говорится о мече Бориса, который мог бы спасти Андрея.

«Аще кто положит душу свою за друг свои...» — евангельский текст, ср.: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн, XV, 13).

Стр. 422. *...Анбал, ясин ключник...* — Ясы — русское название алан (осетины), живших на Северном Кавказе. Из других заговорщиков упомянуты: Яким из дома богатых бояр Кучковичей (сестра Якима была первой женой Андрея Боголюбского) и его зять Петр.

Стр. 423. *«...что уподобистеся Горясеру?»* — Горясер — убийца младшего из сыновей Владимира — Глеба.

...«помяну вся Иовова...» — Иов, согласно Библии (Книга Иова), благочестивый и добродетельный человек, перенесший испытания своей веры многими несчастьями.

Стр. 425. *«...побежая полкы поганых болгар?»* — Речь идет о победоносном походе Андрея Боголюбского на камских болгар в 1164 г.

Стр. 426. *...Арьсени, игумен...* — Здесь и ниже игуменом называется не настоятель монастыря, а священник.

«Идеже закон, ту и обид много». — Как обычно у автора, перефразировка хорошо известных текстов Нового Завета. Ср. в Послании Павла римлянам: «Где нет закона, нет и преступления» (IV, 15).

«Всяка душа властем повинуется». — Свободное изложение мысли того же апостола Павла в Послании Титу: «Повиноваться и покоряться начальству и властям» (III, 1).

Стр. 427. *Серебряная ворота* — белокаменные ворота в восточной части Владимира.

«Его же любить господь, того же и казнить... яко сыном вам обретається бог». — Текст из Послания апостола Павла к евреям (XII, 67).

...со братама своима с Романом и с Давидом... — Христианские имена Бориса и Глеба, убитых братом их Святополком.

СЛОВО О КНЯЗЬЯХ

«Слово о князьях» — литературный памятник второй половины XII в. В рукописях «Слово» иногда называется и так: «Похвала и мучение святых мученик Бориса и Глеба», «Слово похвальное на пренесение (мощей) святых страстотерпец Бориса и Глеба, да и прочии не враждуют на братию свою».

«Слово» действительно приурочено ко дню церковной памяти князей Бориса и Глеба (2 мая) и представляет собою торжественную проповедь в честь и похвалу этих очень почитаемых на Руси святых.

В центре внимания автора, однако, не Борис и Глеб, вероломно убитые родным братом Святополком Окаянным, не прошлое, а современность. Церковный праздник явился для автора только поводом, чтобы начать речь о злобе дня.

Основная тема «Слова» — современные княжеские усобицы, княжеские братоубийственные войны, раздирающие единство Русской земли.

Автор призывает князей одуматься, не враждовать между собой, не пользоваться услугами иноземцев в своих корыстных расчетах, вспомнить свое «величество» и свою «честь» — славное прошлое рода и то высокое место, какое занимают они, как самим богом поставленные правители Русской земли.

Небольшое по объему «Слово» написано в лучших традициях избранного автором жанра. В композиционном отношении оно построено очень четко; обрамляется вступлением и заключением, «высокая» риторика которых подчеркивает важность и серьезность темы. Большое место в «Слове» занимают повествовательные эпизоды, обнаруживающие руку искусного мастера краткого рассказа.

В научной литературе высказывалось предположение, что «Слово» было написано в 1175 г. по поводу конфликта между черниговским князем Святославом Всеволодовичем и его двоюродным братом князем новгород-северским Олегом Святославичем. Так это или не так, сказать трудно: в тексте «Слова» нет указания на конкретные имена. Не исключена возможность, что «Слово» обобщает факты — имеет в виду не какой-либо один определенный эпизод из истории феодальных войн XII в., а многие.

В той своей части, где автором сурово осуждаются княжеские усобицы, «Слово о князьях» переключается по содержанию со «Словом о полку Игореве».

Перевод «Слова о князьях» сделан по тексту, изданному Х. М. Лопаревым по рукописи XV в. ГПБ, собр. Погодина № 1024 («Слово похвальное на пренесение мощей святых Бориса и Глеба»). Неизданный памятник литературы XII века. Сообщение Х. Лопарева. Памятники древней письменности, ХСVIII. 1894, с. 15—18). Отсутствующее в этом списке вступление, восполненное И. П. Ереминым по другим спискам «Слова», изданным Х. М. Лопаревым, опускается. В основу перевода положен перевод И. П. Еремина. В примечания, подготовленные им же, внесены отдельные изменения в соответствии с принципами настоящего издания.

Стр. 442. ...*княжаше в Чернигове в большем княженъи, понеже бо старшии братъи свои.* — Черниговская земля делилась на несколько княжеств; в системе этих княжеств Черниговское занимало центральное место. Княжил в Чернигове обычно старший в роде из князей черниговской династии — потомков Святослава Ярославича. После смерти своих братьев — Глеба (ум. в 1078 г.) и Романа (ум. в 1079 г.) — Давыд Святославич был старшим в роде. Под словом «братъи» имеются в виду не только братья Давыда Святославича — Олег (ум. в 1115 г.) и Ярослав (ум. в 1129 г.), но и его племянники.

Епископ Феоктист — игумен Печерского монастыря, занявший епископскую кафедру в Чернигове в 1112 г. (ум. в 1123 г.).

Канун — т. е. канон, произведение гимнографического жанра.

Спас святъи — Спасо-Преображенский собор в Чернигове, главный храм Черниговской земли.

Церковь Бориса и Глеба — Борисоглебская церковь, построенная Давыдом Святославичем в первой четверти XII в. (около 1115 г.); служила усыпальницей черниговских князей.

Стр. 443. *Преподобный Никола Святосла* — Святослав Давыдович (ум. в 1143 г.); в 1106 г. постригся в монахи Печерского монастыря и после смерти был причислен к лику печерских святых; при пострижении получил имя Николай. О нем см. Киево-Печерский патерик (с. 444—448).

...и има два сына. — Всего сыновей у Давыда Святославича было пять или шесть; здесь речь идет, видимо, о Владимире (ум. в 1151 г.) и Изяславе (ум. в 1161 г.), надолго переживших своего отца.

ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ КНЯЗЯ ИГОРЯ

Публикуемый фрагмент Ипатьевской летописи — южнорусского летописного свода конца XII в. — повествует о событиях, предшествовавших походу на половцев князя Игоря Святославича в 1185 г., и о самом походе. Летописный рассказ отличается особой обстоятельностью и чертами несомненной литературной обработки. Исследователи обратили внимание на сходство летописной повести о походе Игоря со «Словом о полку Игореве» — на сюжетные и текстуальные параллели.

Текст публикуется по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи, по рукописи БАН № 16.4.4, первой четверти XV в. Слова, исправленные по другим спискам этой летописи (а в двух случаях по смыслу: в летописи написано «половци» вместо «полци»), выделены курсивом.

Стр. 449. *Измалтяне* — то же, что «агаряне».

...*ко Дмитрову*... — к городу в Переяславском княжестве, южнее Путивля.

...*Кончаком*... — Кончак, сын Отрока, внук Шарукана, один из влиятельнейших половецких ханов.

...*Святослав Всеволодичь, сгадав со сватом своим Рюриком*... — Святослав (ум. в 1194 г.) и Рюрик Ростиславич (ум. в 1212 (?) г.) с 1180 г. были князьями-соправителями Киевской земли; однако «Слово о полку Игореве» называет именно Святослава великим князем киевским.

...*у Олжичь*... — у селения, расположенного рядом с местом впадения Десны в Днепр.

...*ожидающе Ярослава*... — Ярослава Всеволодовича, князя черниговского (ум. в 1198 г.), брата Святослава Киевского.

...*ко Игореву*... — к Игорю Святославичу, князю Новгород-Северского (ум. в 1202 г.), герою «Слова о полку Игореве».

Володимера Глебовича — князя переяславского (ум. в 1187 г.). Переяславское княжество располагалось на левом берегу Днеп-

ра, юго-восточнее Киевской земли; центром княжества был город Переяславль-Южный (ныне Переяслав-Хмельницкий).

...*на северские городы*... — города Северной земли (ныне это территория Черниговской и Сумской областей), удела Игоря Святославича.

...*Олга, сыновца своего Святослава*... — Олега Святославича, сына Святослава Киевского (ум. в 1204 г.) и Святослава Ольговича Рылльского, племянника Игоря.

...*брата своего Всеволода*... — Всеволода Святославича, князя трубчевского и курского (ум. в 1196 г.); «Слово» называет его буй тур Всеволод.

...*от черного клобука*... — Черные клобуки — собирательное наименование племенного объединения (торков, берендеев и других тюркских племен); являясь вассалами русских князей, черные клобуки участвовали в их войнах с половцами.

...*к Хырши*... — к Хоролу, правому притоку реки Псел.

...*перести вежами*... — то есть с шатрами, повозками, имуществом.

Стр. 450. ...*бегающе перед русью*. — Далее в летописи рассказывается о смерти полоцкого епископа Дионисия и о пожаре во Владимире-Суздальском; этот фрагмент мы опускаем.

...*из Галича от Ярослава*... — от Ярослава Владимировича, князя галицкого (ум. в 1187 г.), тестя Игоря Святославича («Ярослава Осмомысла»).

...*своя братья*... — Имеются в виду, вероятно, брат Святослава Ярослав Черниговский и двоюродные братья Святослава Игорь и Всеволод.

...*на Суле*... — левом притоке Днепра.

...*Инжирь брод*... — брод на Днепре близ впадения в него Сулы.

...*берендеев*... — Берендеи — кочевое племя тюркского происхождения, союзники русских князей.

...*на месте, нарецаемем Ерель, егоже русь зоветь Угол*. — Вероятно, это район при впадении в Днепр его левого притока реки Орель.

Кобяк — хан лукоморских половцев, кочевавших в низовьях Днепра и по берегам Черного и Азовского морей. О пленении Кобяка Святославом в 1184 г. вспоминает и «Слово о полку Игореве».

Стр. 451. ...*ко братьи...* — Здесь, как и в «Слове о полку Игореве», «братья» это и собственно братья и шире — соратники.

...*за Мерломь...* — за Мерлой, притоком Ворсклы.

...*Володимир Ярославичъ Галичкий, шюрин Игорев...* — Игорь был женат на его сестре, дочери Ярослава Осмомысла.

...*ко Володимеру к Романови... ко Всеволоду, уеви своему.* — Изгнанник посещает Владимир-Волынский, Дорогобуж (на реке Горыни, юго-восточнее города Ровно), Туров (на Припяти), Смоленск и, наконец, Суздаль, где княжил Всеволод, брат его матери Ольги.

Стр. 452. ...*сына своего, зятя Рюрикова, Святослава.* — Святослав Игоревич в 1187 г. женился на Ярославне, дочери Рюрика Ростиславича.

В лето 6692. — Перед этими словами в летописи повествуется о пожаре в городе Гродно и об освящении в Киеве церкви Василия. Этот фрагмент мы опускаем.

...*бесурменина, иже стреляше живым огнемъ.* — «Бесурменин» — мусульманин. «Живым огнем» летописец называет какое-то военное приспособление (катапульту?) для метания сосудов с зажигательной смесью.

...*врядиша в навороп...* — Наворопом называли отряды, выславшиеся впереди основных сил для разведки и внезапного нападения на противника.

...*ватагы...* — Ватага — место расположения войска и само войско или его отряд.

Стр. 453. *В лето 6693.* — В Древней Руси год начинался 1 марта; следовательно, события февраля 6692 г. и марта 6693 г. происходят, в переводе на наше летосчисление, весной 1185 г.

Серен — наст, мокрый снег.

Зреима переити — пройти расстояние, которое можно окинуть взором.

Велик день — Пасха.

...*в вятиче к Корачеву...* — Ныне город Карачев, к востоку от Брянска.

...*из Новагорода...* — Новгорода-Северского, стольного города Игоря Святославича (на крайнем востоке современной Черниговской области).

...*ис Трубечка...* — Трубчевска, города на Десне, в южной части Брянской области.

Стр. 454. ...*из Рьльска...* — города на западе Курской области. *Коуи* — ковуи, кочевое племя тюркского происхождения; были вассалами черниговских князей.

...*Игорь жь возрев на небо и виде солнце стояще яко месяцу.* — Лаврентьевская летопись указывает и на день затмения — 1 мая. Затмение 1185 г. подтверждается и расчетами современных астрономов.

...*приида ко Оскалу...* — левому притоку Северского Донца.

...*к Салнице.* — Сальница — небольшая речка, левый приток Северского Донца, протекавшая по территории, где ныне расположен город Изюм.

...*на оной стороне реки Сюурлия.* — По мнению Н. В. Сибилева, М. Ф. Гетманца и др., Сюурлий — это река Голая Долина, протекающая в районе города Славянска (Донецкая область).

Стр. 455. «...*а кто поедеть заутра... как ны бог даст*». — Фраза недостаточно ясна; в переводе отражено одно из возможных ее толкований: только «лучшие конники» из половецкого (а не русского) войска смогут догнать ушедшие за ночь русские полки и переправиться вслед за ними (через Донец?).

«...*Кончака, и Козу Бурновича... и Терьтробича*». — Помимо Кончака и Гзака (Гзы) перечисляются другие половецкие орды (орды) или их вожди.

Стр. 456. ...*на реце Каялы.* — Существует большая литература о местонахождении этой реки. Некоторые исследователи полагают, что «Каяла» — метафорическое название реки «печали», от глагола «каять». Присоединяемся к тем исследователям, которые считают название Каяла (Каялы) тюркским гидронимом и ищут ее в районе города Славянска, отождествляя, например, с рекой Макатихой, притоком реки Голая Долина, впадающей в реку Сухой Торец.

...*взях на щит город Глебов у Переяславля.* — О разгроме Глебова упоминается только в покаянной речи Игоря; можно предполагать, что это явилось мстью за разорение Владимиром Переяславским городов Северной земли. Что это за город Глебов — неясно: в летописи упоминается город Глебов в верховьях Сулы, но он далеко отстоит от Переяславля.

Стр. 457. *...по свата Игоря...* — Необязательно думать, что дочь Кончака и сын Игоря были к этому времени уже помолвлены: возможно, что летописец просто опережает события; в то время, когда составлялась летопись, князь и хан действительно стали сватами — Владимир был обвенчан с дочерью Кончака после возвращения из плена в 1187 г.

...а прочии в море истопоша. — Едва ли имеется в виду Азовское море, как полагают некоторые исследователи; скорее всего, речь идет о каком-то большом озере в районе битвы (см. выше: «И бяху бо ся, идуще в круг при озере»).

...от Верхних земель... — Верхние земли — район верховой Днепра; здесь имеется в виду Брянщина.

Стр. 458. *Посемье* — земли по берегам Сейма, левого притока Десны.

...у Треполя... — города на Днепре, южнее Киева (ныне Триполье).

Боняк. — Половецких ханов Боняка и Шарукана разгромили в 1107 г. объединенные силы русских князей — Святополка Изяславича Киевского, Владимира Мономаха, Олега Святославича и других.

Стр. 459. *...к Римови...* — городу Римову в Переяславском княжестве.

...возлезше на забороле... летеста две городници... — По верху земляного оборонительного вала (или крепостной стены), окружавшего древнерусские города, сооружались крытые галереи, защищенные с внешней стороны деревянным бруствером, — заборолы; с них отстреливались от осаждающих защитники крепости. Городница — башня или часть городской стены.

...князи же возворотилися... плененых от поганых. — Фраза испорчена, быть может, в результате неудачного слияния двух источников. Перевод ее условен.

Стр. 460. *Попа же бяшетъ привел... со святою службою...* — Перевод предположителен: «с причтом» или, быть может, с предметами, необходимыми для богослужения.

Лавор. — В «Слове о полку Игореве» он назван Влур (или Овлур); эта форма более соответствует этимологии тюркского

имени, но возможно, что «Овлур» — это измененное в полувекском произношении имя Лавр.

...мышляшеть бо, емше мужь, и бежати в Русь... (ср. также далее: «...ты ищещи няти мужа и бежати с ним...»). — Текст неясен: Игорь «мышляшеть» бежать, но не хочет «неславным путем... поити»; перевод исходит из предположительного понимания текста: Игорь хотел бежать не один, а с другими пленниками, но эта надежда была нереальной («...мысль высокая... уности»).

Стр. 461. *...на оу сторону Тора...* — Тор — приток Северского Донца (Казенный Торец, или нижнее течение этой реки от впадения в нее Сухого Торца и до устья); на берегах Тора находились вежи Кончака.

...города Донця... — пограничного русского города на реке Уды; городище Донца расположено вблизи Харькова.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

«Слово о полку Игореве» было написано в конце XII в. Поводом для создания произведения явился неудачный поход на половцев князя Новгорода-Северского Игоря Святославича в 1185 г.: русское войско потерпело поражение, а возглавлявшие его князья и оставшиеся в живых воины оказались в плену. Об этом походе рассказывается также в современных событиям летописях (см. отрывок из Ипатьевской летописи, публикуемый выше).

Однако автор «Слова» создал не воинскую повесть, а произведение совершенно особого жанра. Злосчастный поход Игоря Святославича явился поводом для глубоких раздумий о судьбах Русской земли, о пагубности феодальных междоусобиц, вызвал воспоминания о прошлом — о славных и о трагических периодах русской истории. К. Маркс писал о произведении: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием... монгольских полчищ» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е, т. 29, с. 16).

В «Слове» сочетаются как бы две художественные стили — книжная, близкая по системе образов и поэтическим приемам к ораторскому слову, и фольклорная, причем эта по-

следняя объединяет в себе элементы разных жанров — «плачей» и «слав».

Рукописная судьба «Слова» сложилась крайне неблагоприятно. До нового времени сохранился лишь один список памятника. Он входил в состав сборника, принадлежавшего известному ценителю русских древностей графу А. И. Мусину-Пушкину. Но в 1812 г. вся коллекция рукописей графа погибла в пожаре Москвы. Сгорел и сборник, содержащий «Слово о полку Игореве». Мы располагаем сейчас только изданием памятника, осуществленным в 1800 г. А. И. Мусиным-Пушкиным, А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантыш-Каменским, а также копией с текста «Слова», изготовленной не позднее 1793 г. для Екатерины II. Сравнение первого издания (оно обозначается в дальнейшем буквой (П) и Екатерининской копии (Е), а также сравнение языка «Слова» с языком других древнерусских памятников позволило исследователям установить, что издатели в ряде случаев не только недостаточно точно передали текст, подновив его орфографию и пропустив немало опечаток, но и не поняли смысла отдельных слов и фраз, не сумели разобратся в написаниях рукописи. Поэтому, положив в основу текст первого издания «Слова», мы устраним некоторые явные опечатки, иначе, чем в издании 1800 г., делим текст на слова, а также исправляем ошибки рукописи и восстанавливаем написания, неверно прочтенные издателями. Подавляющее большинство таких исправлений (конъектур) принято во всех современных изданиях «Слова», и лишь некоторые из них остаются спорными. Все спорные чтения оговариваются в примечаниях.

Стр. 479. ...*Игоря, сына Святславля, внука Ольгова*. — Игорь Святославич (1151–1202) был сыном черниговского князя Святослава Ольговича и внуком Олега Святославича («Слово» называет его Олегом Гориславичем).

Боян. — Боян был, возможно, певцом при дворе князя Святослава Ярославича (ум. в 1076 г.); он слагал песни о его отце, дяде, сыне, обращался к жене его сына Олега.

...*старому Ярославу*... — Ярославу Владимировичу (ум. в 1054 г.), великому князю киевскому в 1019–1054 гг.

...*храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред плкы касожьскы-ми*... — О поединке черниговского и тмутороканского князя Мстислава Владимировича с князем касогов (предков современных черкесов) Редедей рассказывается в статье 1022 г. «Повести временных лет».

...*красному Романови Святславличю*. — Князю тмутороканскому, сыну Святослава, брату Олега.

...*от стараго Владимира*... — Одни исследователи видят здесь упоминание Владимира Святославича (ум. в 1015 г.), другие Владимира Мономаха (ум. в 1125 г.).

Стр. 480. ...*взре на светлое солнце... воя прикрыты*. — Речь идет о затмении 1 мая 1185 г.

Копие приломити — вступить в битву; здесь, как и во многих других местах «Слова», мы встречаемся с традиционными воинскими метафорами или символами, такими, как «главу приложити» — погибнуть в бою, «испити шеломом» из реки на вражеской земле — одолеть, победить врага.

...*по мыслену древу*... — Метафора в стиле песен Бояна. Образ «мирового древа», соединяющего небо и землю, знаком скандинавскому эпосу.

...*рица в тропу Трояню*... — Троян четырежды упомянут в «Слове» (см. также: «вечи Трояни», «на землю Трояню», «на седьмом веце Трояни»). Видимо, Троян — языческое божество; он упомянут в числе других языческих богов в «Хождении богородицы по мукам».

...*Игореви, того внуку*... — В П и Е после слова «того» в скобках написано «Ольга». По свидетельству Н. М. Карамзина, этого слова не было в рукописи, и, как можно его понять, оно добавлено издателями «для большей ясности речи»; однако, может быть, это была глосса (разъясняющая помета писца) на полях рукописи, и издатели лишь внесли ее в текст.

Стр. 481. ...*Велесовь внуке*... — По вероятной догадке И. М. Кудрявцева (высказанной им Д. С. Лихачеву), речь идет о Бояне — внуке Велеса. Следовательно, языческое божество Велес, по представлениям автора «Слова», был также покровителем музыки или поэзии.

...*за Сулою*... — За Сулой (левым притоком Днепра) начиналась половецкая степь.

...в Новеграде... в Путивле... — Из Новгорода-Северского отправился в поход Игорь, в Путивле к нему присоединился сын его Владимир.

...буй тур... — Тур — дикий бык, зубр; тур выступает здесь как олицетворение мужества и силы.

Див — видимо, фантастическое существо (вещая птица?).

Стр. 482. ...Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню... — Автор как бы указывает крайние пункты огромной территории, которая разбужена предостережением Дива и откуда спешат навстречу Игорю половецкие войска. Поморие — побережье Азовского моря, Посулие — левобережье Днепра, Сурож (ныне Судак) и Корсунь (Херсонес, близ нынешнего Севастополя) — города в Крыму.

Тмутороканьский блван — вероятно, античная статуя или языческий идол вблизи города Тмуторокани, на Таманском полуострове.

...чрлєныя щиты. — Археологические раскопки и миниатюры древнерусских рукописей подтверждают, что щиты русских воинов окрашивались в красный цвет.

...паволокы, и драгыя оксамиты. — Шелковые ткани.

Орътьмамы, и япончицами, и кожухы... — Ортьма и епанча — разновидности покрывал, плащей; кожух — кафтан на меховой подкладке.

Стр. 483. Гзак, Кончак — половецкие ханы.

...Стрибожи внуци... — Стрибог — языческое божество древних славян.

Стр. 484. ...мечи харалужными! — Харалуг — сталь особой выделки (булат?).

...своим златым шоломом посвечивая... — Дорогой княжеский шлем мог быть позолоченным, но характерно, что в «Слове» «золотыми» именуется многие предметы, относящиеся к быту русских князей (шлем, седло, стремя, княжеский престол).

Поскепаны саблями калєными шелома оварьскыя... — Половецкие шлемы состояли из деревянных лубков, скрепленных металлическим навершием, поэтому ударом сабли их можно было «поскепать» — «расщепить»; шлемы названы аварскими,

возможно, потому, что были сделаны по типу шлемов авар, обитавших на территории современного Дагестана.

...града Чрнигова отня злата стола... — Отец Игоря и Всеволода Святослав Ольгович был черниговским князем.

Были вєчи Трояни... плъци Ольговы, Ольга Святъславлича. — Сопоставляются древние времена язычества, времена Ярослава Мудрого и годы, когда зачинщиком бесконечных междоусобиц выступал князь тмутороканский и черниговский Олег Святославич — дед Игоря (ум. в 1115 г.).

Ступает в злат стрємень в граде Тьмуторокане, той же звон слыша давный великий Ярославъ, а сын Всеволожь, Владимир, по вся утра уши закладаше в Чернигове. — В первом издании читается: «Ярославъ сын Всеволожь; а Владимир...» В данном издании текст исправлен исходя из представления, что речь идет о Ярославе Мудром, который предугадывает будущие раздоры на Руси. Но возможно и другое прочтение текста: «Ярославъ сын Всеволод, а Владимир...»: тогда в «Слове» окажутся названными все участники конфликта 1078 года: черниговский князь Всеволод, услышавший «звон» похода на него Олега Святославича из Тмуторокани, его сын Владимир Мономах, осаждавший Чернигов, который был захвачен Олегом после битвы на реке Сож, киевский князь Изяслав Ярославич и Борис Вячеславович.

...на Канину... С той же Каялы... — Неясно, встречаем мы здесь осмысленное упоминание Каялы (параллелизм с событиями 1185 г.) или описку вместо «с... Канины». Канин — ручей или река близ Чернигова, упоминаемый в Лаврентьевской летописи.

...Святюплкъ полелея отца... ко святей Софии к Киеву. — В летописи говорится, что тело убитого Изяслава сопровождал в Киев его сын Ярополк. Полелея — исправлено из «повелея».

Стр. 485. Игорь плкы заворочает: жаль бо ему мила брата Всеволода. — Этот текст перекликается с рассказом Ипатьевской летописи.

...падоша стязи... — то есть войско потерпело поражение,

...кроваваго вина не доста... сваты попоиша... — Автор «Слова» использует эпический образ «битвы-пира».

Стр. 486. *Встала обида в силах Дажьбोजа внука... всплескала лебединьми крыльми...* — Обида (оскорбление, нанесенный Руси ущерб) здесь персонифицируется; изображение девы — олицетворения беды, встречается в миниатюре Радзивилловской летописи XV в.

Карна и Жля — олицетворение скорби, горя; «карити», видимо, не просто оплакивать, но именно «оплакивать умерших» (см. в статье 1262 г. Ипатьевской летописи); слово «желя» в значении «плач по умершему, скорбь» также известно древнерусским памятникам.

...смагу людем мычючи в пламяне розе. — Этот метафорический образ не совсем ясен; выражение «смагу мыкать» — «терпеть лишения», «испытывать невзгоды» — до сих пор сохранилось в народных говорах Брянщины.

...емляху дань по белке от двора. — Половцы, разумеется, не собирали податей, они расхищали имущество, уводили пленных; здесь выражение «по белке от двора» — поэтический символ унижений, притеснений от иноплеменников.

Стр. 487. *...отец их — Святславъ...* — Святослав был двоюродным братом Игоря и Всеволода, «отцом» он назван как старший по положению — киевский князь.

...наступи на землю Половецкую... — Имеется в виду поход Святослава на половцев в 1184 г. (см. с. 356–357).

А поганаго Кобяка из луку моря... — Возможно, что Кобяк был ханом лукоморских половцев, обитавших в низовьях Днепра и далее на восток до побережья Азовского моря.

Стр. 488. *...великий женчюгъ... дьскы без кнеса...* — По народным поверьям, видеть во сне крупный жемчуг предвещает слезы, а перерубленный или утраченный конек или кнес (матица, балка, скрепляющая доски крыши) — смерть. Паполома — погребальное покрывало, саван.

Всю ночь... бусови врани... к синему морю. — Одно из наиболее трудных для понимания мест «Слова». Плесеньск, как полагают, селение под Киевом, болонье — низкий берег Днепра, где располагался киевский Подол; «дебрь Кисаня», по догадке Н. В. Шарлеманя, ошибочно вместо «дебрь Кияня» — овраг в окрестностях Киева.

...два солнца померкоста... прострошася половци... — Символическая картина рисует поражение князей Игоря и Всеволода (два солнца) и двух княжичей — видимо, Владимира Игоревича и Святослава Рыльского (два молодых месяца). Однако текст испорчен и, по мнению большинства комментаторов, требует перестановки нескольких слов. В П это место читается так: «Два солнца померкоста, оба багряная стльпа погасоста, и с нима молодая месяца, Олег и Святослав, тьмою ся поволокоста. На рече на Каяле тьма свет покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнездо и в море погрузиста и великое буйство подасть хинови». Ясно, что в море погрузились не одолевшие в битве половцы, а побежденные князья. В Ипатьевской летописи (см. с. 361) тоже говорится, что русские воины «в море истопоша».

...пардуже гнездо. — Половцы сравниваются с выводком гепардов, хищников, отличающихся быстротой бега. Гепардов знали на Руси; прирученных гепардов князья держали для охоты.

...великое буйство подаста хинови. — Хинова упоминается также в числе народов, «подклонивших главы под мечи» русских; «хиновские стрелы» летят на воинов Игоря. Однако какой именно народ имеется в виду — неясно; одни исследователи полагают, что речь идет о каком-то восточном народе, другие видят в хинове венгров.

...готьскыя красныя девы... — Существует мнение, что имеются в виду готы, жившие на Таманском полуострове и в Крыму. Однако следует учесть, что на Руси готами называли жителей острова Готланд в Балтийском море.

Стр. 489. *...поют время Бусово, лелеют мечь Шароканю.* — Согласно общепринятой точке зрения, здесь говорится об антском короле Бозе (IV в.), казненном готским королем Винитаром; но эта гипотеза представляется весьма спорной; более допустимо, что здесь имеется в виду какой-то половецкий хан, тем более что далее назван Шарукан, дед Кончака, разбитый русскими князьями в 1106 г.

...Ярослава, с черниговскими былями... альберы. — Здесь перечисляются, видимо, роды ковуев; ср. подобные перечисления родов и орд половцев в Ипатьевской летописи.

Кали сокол в мытех бывает... — то есть в зрелом возрасте.

Стр. 490. *Се у Рим кричат под саблями половецкыми...* — О захвате половцами Римова и истреблении его жителей говорится в Ипатьевской летописи (см. с. 362).

«...Володимир под ранами. Туга и тоска сыну Глебову!» — Владимир Глебович был тяжело ранен, когда оборонял свой Переяславль от половцев. См. об этом в Ипатьевской летописи (с. 362).

Великий княже Всеволоде! — Обращение к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо, князю суздальскому.

Ты бо можешши Волгу веслы раскропоти... — Намек на походы Всеволода против волжских болгар.

...чага по ногате, а кощей по резане. — Ногата и резана — мелкие монеты; имеется в виду, что в случае победы над половцами пленники (кощей) и пленницы (чаги) были бы очень дешевы.

...живыми шереширю стреляти — удалыми сыны Глебовы. — Как полагают, имеются в виду рязанские князья, сыновья Глеба Ростиславича, зависимые от Всеволода Юрьевича; значение слова «шерешир» неизвестно.

...Рюриче, и Давыде! — Рюрик и Давыд Ростиславичи. Рюрик был соправителем Святослава Киевского, Давыд княжил в Смоленске.

Галичкы Осмомысле Ярославе! — Обращение к Ярославу Галицкому, на дочери которого был женат Игорь. Смысл прозвища Ярослава неясен.

Горы Угорьскыи — Карпаты.

Стр. 491. *...меча бремены...* — Как понимать этот поэтический образ — неясно; речь идет, видимо, о могуществе Ярослава Осмомысла.

...стреляеши... салътани за землями. — Во времена «Слова» европейские страны готовились к походу против султана Саладина, но Крестовый поход 1193 г. произошел уже после смерти Ярослава (в 1187 г.), и летописец, упоминая о самом походе, не сообщает об участии в нем галичан. Смысл намека автора «Слова» нам до конца неясен.

...Романе, и Мстиславе! — Роман — князь Владимира Волынского; какой именно Мстислав (Мстислав Ярославич Пересопницкий или Мстислав Всеволодович Городенский) имеется в виду — неясно.

...железными паворзи под шеломи латиньскыми. — «Паворзи» — ремешки, удерживающие шлемы; у шлемов европейского образца («латинских») они покрывались металлическими пластинками. Упоминание о «латинских шлемах» — намек на связи волынских князей с Польшей. В П — папорзи.

Ятвязи — литовское племя.

Дефемела — возможно, также литовское племя.

Сулицы — короткие метательные копья.

...по Рси и по Сули... — Рось — правый, а Сула — левый приток Днепра, впадающие в него южнее Киева.

Стр. 492. *Ингварь и Всеволод, и вси три Мстиславичи...* — волынский князь.

Шестокрилци — эпитет соколов (крыло сокола состоит как бы из трех частей), с соколами в «Слове» часто сравниваются воины.

Загородите поля ворота... — Здесь имеется в виду вся степь, земли, населенные половцами.

Изяслав, сын Васильков — один из полоцких князей.

...и с хотию на кров, а тѣи рек... — одно из возможных прочтений этого испорченного места в «Слове» (в П и Е: «...и схоти ю на кровать, и рек»).

...Брячислава... Всеволода. — Брячислав и Всеволод — сыновья Василька Рогволодовича, полоцкого князя.

...трубы трубят городеньскыи. — Имеется в виду город Городень (ныне Гродно в Белоруссии). Неизвестно, какое событие имеется здесь в виду; возможно, что фраза оборвана.

Стр. 493. *Ярослави вси внуце и Всеслави!* — По предположению Д. С. Лихачева, речь может идти о двух противоборствующих группировках русских князей: потомках Ярослава Владимировича и Всеслава Брячиславича (внука Владимира Святославича).

Всеслав — Всеслав Брячиславич, полоцкий князь (ум. в 1101 г.). Далее упоминаются различные эпизоды его бурной жизни: кратковременное правление в Киеве в 1068 г., когда он лишь «дотчеся» («дотронулся») копьем до великокняжеского стола, тайный побег князя от своего войска из Белгорода перед бит-

вой с Изяславом, овладение Новгородом, битва на Немиге (под Черниговом).

Тэй клюкама подпр ся о кони... — Чтение неясное.

...Хрсови... — Хорс — дренерусское языческое божество; видимо, Хорс считался богом солнца.

Стр. 494. *...в Полотьске... у святых Софеи...* — в Софийском соборе в Полоцке.

Аще и вещь душа в дрзе теле... — Летопись сообщает, что Все-слав родился «от волхования»; возможно, что ему приписывались какие-то сверхъестественные способности.

...ни птицю горазду... — Эти слова непонятны, предлагали читать «птицегоразду» — то есть умеющему гадать по полету птиц.

...старого Владимира... — Какой Владимир здесь имеется в виду: Владимир I Святославич или Владимир Мономах, остается спорным.

...стязи Рюриковы... им хоботы пашут. — Развевающиеся порознь бунчуки («хоботы») стягов Рюрика Ростиславича и Давыда Ростиславича Смоленского — символ княжеского «непособия»: Давыд отказался помочь брату в борьбе против половцев (см. Ипатьевскую летопись, с. 362).

Копиа поют. — Слова эти непонятны, возможно, что фраза оборвана.

На Дунаи... — Здесь и далее («полечю... по Дунаеви», «девицы поют на Дунаи») название Дунай употреблено как поэтическое наименование реки вообще.

...Ярославныи глас... — Ярославна, дочь Ярослава Осмомысла, жена Игоря Святославича.

...зегзицею... кычеть... — У исследователей нет единого мнения о том, с какой птицей сравнивается Ярославна: с кукушкой или с чайкой. Слово «зегзица» в древнерусском языке действительно обозначает кукушку, но в народных говорах на территории бывшей Северной земли оно применимо именно к чайке; контекст «Слова» скорее указывает на чайку, птицу, живущую у воды.

...бебрян рукав... — Н. А. Мещерский показал, что «бебрян» означало не «бобровый», а изготовленный из «бебра» — особого вида шелковой ткани.

Стр. 495. *Ты лелеял еси на себе Святославли насады до плку Кобякова.* — Ярославна вспоминает победоносный поход Святослава на лукоморских половцев. Насады — речные суда с высокой носовой частью; на них перевозили воинов.

...от великаго Дону до малаго Донца. — Игорь находился в плену в вежах Кончака на реке Тор (правом притоке Северского Донца), поэтому малым Донцом здесь названа, видимо, река Уды, а великим Доном — среднее течение реки Донец.

Овлур — половец, помогший Игорю бежать из плена; в летописи он назван Лавром.

Стр. 496. *...река Стугна: худу струю имея... Днепрь темне березе...* — В П и Е иначе: «...и стругы ростре на кусту... затвори Днепрь темне березе». Слово «стругы» значит здесь не «лодки», как думали некоторые комментаторы, а «потоки». Помимо прочтения и перевода, принятых в данном издании, существует конъектура, предложенная М. В. Щепкиной: «затвори дне при темне брезе» — т. е. «скрыла на дне у темного берега».

Стр. 497. *Полози.* — В П «полозию», с переводом — «по сучьям»; полагают, что здесь упомянуты полозы — крупные змеи.

«...соколца отутаеве красною девицею». — Речь идет о сыне Игоря — Владимире. Будучи в плену, он женился на дочери Кончака. Ипатьевская летопись под 1187 г. сообщает: «...приде Володимерь ис Половецъ с Коньчаковною, и створи свадьбу Игорьь сынови своему и венча его и с детятем».

Рек Боян и Ходына... Ольгова коганя хоти... — Это место одно из труднейших для толкования. В П читается: «Рек Боян и ходы на Святъславля пестворца старого времени Ярославля Ольгова коганя хоти». Видеть здесь рядом с Бояном второго певца — Ходыну предложил еще И. Е. Забелин, но лишь недавно Д. М. Шарыпкин показал справедливость этого предположения, если считать Бояна певцом скальдического типа, поскольку для скальдов исполнение произведения двумя певцами — прием традиционный. Полагали, что Боян и Ходына обращаются к жене Олега Святославича — «Ольгова коганя хоти» (каган — титул хазарских владык, применявшийся и по отношению к русским князьям). И это истолкование, и толко-

вание, предлагаемое Д. С. Лихачевым, не противоречат грамматической структуре фразы.

Стр. 498. ...к *святей Богородици Пирогощей*. — Церковь Богородицы Пирогощей находилась в Киеве, на дороге, по которой князь Игорь должен был проезжать, направляясь из Чернигова в киевский кремль, к Святославу.

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

К числу наиболее интересных и вместе с тем наиболее загадочных литературных произведений Древней Руси принадлежит памятник, в первой своей редакции обычно называемый «Словом Даниила Заточника», а во второй — «Молением Даниила Заточника». Неясен прежде всего адресат этого произведения: ученые относят отдельные его редакции то к сыновьям Владимира Мономаха — Юрию Долгорукому или Андрею Владимировичу Доброму, то к сыну Всеволода Большое Гнездо — Ярославу Всеволодовичу и т. д. Неясна также и сама личность Даниила: одни из исследователей считают его дворянином, другие — дружинником князя, третьи — холопом, четвертые — ремесленником. Говорилось и о том, что Даниил вообще не имел устойчивого социального положения. Не решен вопрос и о том, был ли Даниил заключен, был ли Даниил один или было двое Даниилов; наконец, есть и такая точка зрения, что за произведением этим вообще нет какой-либо реальной основы, что Даниил — это чисто литературный образ.

Основная часть «Слова» или «Моления» состоит из своеобразных, ритмически организованных строф, с ассонансами и общим повторяющимся обращением в начале: «Княже мой, господине». Строфы распадаются на излюбленные в средневековой литературе афористические изречения, пословицы и небольшие рассуждения. В подборе книжного материала автор выказывает себя широко образованным писателем, человеком из утонченной литературной среды, который не боялся остаться непонятым, — следовательно, имел образованных, сведущих читателей.

В своей образной системе «Слово» или «Моление» Даниила Заточника больше, чем какое-либо другое произведение русской литературы XI—XIII вв., опирается на явления русско-

го быта. Даниил как бы щеголяет своей грубостью, нарочитой сниженностью стиля, не стесняясь бытового словаря, и, не задумываясь, пародирует даже Священное писание, переделывая цитаты из псалмов, и вольно обращается с летописным материалом. Порой перед нами явно проступают скоморошеские приемы.

Книжные элементы у Даниила занимают очень солидное место. Он не чуждается книжных образов, книжных тем. Произведение Даниила, безусловно, книжное, хотя и возникшее на началах народного творчества.

Кем бы Даниил ни был — холопом или «дворянином» (в значении, свойственном XII—XIII вв., т. е. членом княжеского «двора»), он, во всяком случае, вышел из низших слоев общества, принадлежал к тем его представителям, которые назывались княжескими «милостниками» и которые энергично поддерживали в это время сильную княжескую власть в ее борьбе с боярством.

Текст «Слова» печатается по публикации Н. Н. Зарубина: Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932. В основу положена основная редакция XII в.

Стр. 521. *Псалтырь* — музыкальный инструмент. По преданию, библейский царь Давид пел свои песни, сопровождая себя на струнном музыкальном инструменте — псалтыри, отчего книга его поэтических произведений получила название Псалтыри.

Трость — отточенный кусок тростника, одно из приспособлений для письма в Византии, а отчасти, по-видимому, и в Древней Руси в XI—XII вв.

...*древняя младенца о камень*. — Библейский символ младенцев, разбиваемых о камень, выражает высшую степень народного несчастья.

...*аки она смоковница проклятая...* — Согласно Евангелию, Иисус Христос, входя в Иерусалим, проклял смоковницу (фиговое дерево), не дававшую плодов.

...*и расытася живот мой, аки ханаонскыи царь бустило...* — По-видимому имеется в виду взятие ханаанского города Иерихона. Стены Иерихона рассыпались от трубного звука и кликов еврейского войска.

...аки Чермное море фараона. — Согласно Библии, когда израильтяне бежали из Египта, Красное море расступилось перед ними и позволило им перейти его. Фараон с египтянами, преследовавшие израильтян, вступили за ними на морское дно, но море сомкнулось и поглотило фараона со всем войском.

...аки Агарь рабыни от Сарры... — Согласно Библии, Сарра, жена Авраама, была бесплодна и предложила Аврааму взять в супружество служанку свою Агарь. Агарь, сделавшись женою Авраама и видя, что скоро станет матерью, стала презирать Сарру. Сарра, с позволения Авраама, «смиряла» Агарь, и та убежала. На пути Агари явился ангел и вернул ее к Аврааму.

Стр. 522. *Лаче озеро* — озеро Лаче на севере Новгородской области.

Не лгал бо ми Ростислав князь: лепше бы ми смерть, ниже Курское княжение... — Приводимые слова были сказаны, согласно летописи, не Ростиславом, а переяславским князем Андреем Владимировичем Добрым (см. Лаврентьевскую летопись под 1139 г.). Возможно, автор «Слова» имеет в виду здесь, что Ростислав (по-видимому, сын Юрия Долгорукого — Ростислав Юрьевич) только передал слова, сказанные Андреем Добрым.

...сыне великаго царя Владимира... — Под Владимиром здесь мог разумеаться Владимир Мономах или какой-либо другой князь Владимир: например, внук Мономаха — Владимир Мстиславич.

Стр. 523. *Яко же бо похвалися Езекии царь послом царя Вавилонскаго...* — Езекия — еврейский царь; согласно библейской легенде, вместо того чтобы прославить бога за свое чудесное выздоровление, показывал свои богатства послам вавилонского царя Меродах Валадана, пришедшим справиться о его здоровье. Тогда пришел к Езекии пророк Исая и предрек, что все это взято будет вавилонянами и даже дети его будут отведены в Вавилон.

Стр. 524. ...*Святослав князь, сын Ольжин...* — Имеется в виду знаменитый Святослав Игоревич, сын княгини Ольги. Приводимые здесь слова Святослава в летописи отсутствуют.

Сион — гора близ Иерусалима. Здесь цитата из псалма 124-го («Надеющийся на господа, как гора Сион»).

Дивиа за бугном кони паствяти... — Пасты коней, наблюдая за ними с бугра, удобно в нескольких отношениях: с бугра хорошо видны все кони, издали может быть замечено приближение неприятеля, и за бугром легче найти укрытие во время непогоды.

...*тиун бо его аки огонь трепетицею накладен и рядовичи...* — Рядовичи — закабаленные люди, заключившие «ряд» (договор) со своим господином и работающие у него по этому «ряду». Смысл сравнения в том, что княжеский управляющий (тиун), как огонь, сыплющий искры («на осине разоженный»), распространяет вокруг себя закабаление.

Стр. 526. ...*повоз возити...* — обязанность доставлять дань или оброк в назначенное место.

Стр. 527. ...*жены ради Иосиф Прекрасныи в телшици затворен бысть...* — Иосифа Прекрасного (персонаж Библии) пыталась соблазнить жена его господина Пентефрия. Когда ей это не удалось, она оклеветала Иосифа, и Пентефрий заключил Иосифа в темницу.

...*жены ради Данила пророка в ров ввергоша...* — Здесь в «Слове» неточность. По библейскому преданию, пророк Даниил был ввергнут в ров со львами, но причиной этого была не женщина.

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК

Патериками (греч. Патеріків, от Патлр — отец, отсюда русское название «Отечник») назывались сборники назидательных рассказов об «отцах церкви» — подвижниках монашеской и отшельнической жизни. Уже в начальный период возникновения древнерусской литературы на Руси появились переводные патерики. Первым оригинальным русским патериком был Киево-Печерский патерик — сборник рассказов о Киево-Печерском монастыре, возникшем в середине XI в. В этом русском патерике нашли отражение традиции переводных патериков, но от них он отличается и литературным

характером, и своей связью с реальным бытом, и историческими личностями XI—XII вв., и историей своего возникновения.

Пострижник Киево-Печерского монастыря, Владимир-Суздальский епископ Симон, в 20-х гг. XIII в. написал послание монаху этого монастыря Поликарпу, в котором он упрекал Поликарпа в чрезмерном честолюбии, несовместимом с иноческими идеалами (Поликарп добивался высокой церковной должности). Желая наглядно показать святость и богоизбранность Киево-Печерского монастыря, Симон присоединил к своему посланию девять рассказов о подвигах печерских иноков. Еще до этого послания Симон описал историю создания Печерской Успенской церкви. В те же 20-е гг. XIII в., возможно, побужденный посланием Симона, Поликарп пишет послание игумену монастыря Акиндину, сопровождая свое послание одиннадцатью рассказами из жизни монастыря. В XIII же веке к этим текстам было присоединено «Слово о первых черноризцах печерских» из «Повести временных лет». Объединение этих произведений явилось первоначальным ядром Киево-Печерского патерика. До нас патерик дошел в более поздних редакциях, дополненных новыми рассказами. Все дополнительные рассказы относятся ко времени до XIII в.

Древняя, дошедшая до нас датированная редакция патерика была составлена по инициативе тверского епископа Арсения в 1406 г. (Арсениевская редакция). Составитель включил в патерик «Житие Феодосия Печерского», написанное Нестором, «Похвалу Феодосию» и «Сказание о начале Печерского монастыря» (предположительно также принадлежит перу Нестора). Одновременно в этой редакции основной текст подвергся некоторым сокращениям.

Независимо от Арсениевской редакции в 1460 и 1462 гг. в стенах Киево-Печерского монастыря были созданы первая и вторая Кассиановские редакции патерика (в их создании принимал участие инок монастыря Кассиан). В этих редакциях текст пополнился новыми статьями. По предположению А. А. Шахматова, источником дополнений Кассиановских редакций послужила Печерская летопись, составленная в начале XII в.

Вторая Кассиановская редакция получила наибольшее распространение в письменности Древней Руси, она легла в основу всех дальнейших переработок этого памятника.

Текст подготовлен по списку 1554 г., второй Кассиановской редакции, по изданию Д. И. Абрамовича (Д. Абрамович. Киево-Печерский патерик. У Київі Т 1931). Внесенные в основной текст по данным других списков (приведенным в издании Д. И. Абрамовича в разночтениях) исправления обозначаются курсивом. Текст публикуется в отрывках.

Стр. 539. *Феодосий* — один из основателей Киево-Печерского монастыря, игуменом монастыря был с 1062 по 1074 г. Житие Феодосия, написанное Нестором в 80-х гг. XI в., послужило одним из источников патерика, а позже было включено в состав его.

...Африкан, брат Якуна Слепаго, иже отбеже от златья луды... — Имена Африкан, Фрианд и Шимон известны только по Киево-Печерскому патерику. В данном эпизоде имеется в виду битва Ярослава с Мстиславом 1024 г. Якун (Гакон) — предводитель отряда варягов, участвовавших в этом сражении на стороне Ярослава. Симон, автор этого рассказа патерика, неверно понял текст летописи, объединив в одно слово словосочетание «с леп». Луда — плащ, верхняя одежда. Есть и другие толкования этого слова — маска, шлем, латы.

Ярослав — Ярослав Мудрый, сын Владимира I Святославича. Победив Святополка в битве на реке Альте в 1019 г., занял великокняжеский киевский стол и княжил до 1054 г. Его княжение ознаменовалось укреплением государственного и политического положения Киевской Руси, расцветом культуры.

...изыдоша триє Ярославичи... Изяслав, Святослав и Всеволод... — сыновья Ярослава Мудрого, наследовавшие после смерти отца его владения (Изяслав — Киев, Святослав — Чернигов, Всеволод — Переяславль-Южный, Ростов, Суздаль и Белоозеро). В 1068 г. они выступили против половцев и в битве на реке Альте (приток реки Трубеж, на юго-восток от Киева) потерпели поражение. В 1073 г. триумvirат Ярославичей распался. Святослав в союзе с Всеволо-

дом изгнал из Киева Изяслава, который бежал в Польшу. На киевский стол сел Святослав Ярославич. После смерти Святослава (1077) киевский стол получил Всеволод Ярославич, но он добровольно уступил его Изяславу, а сам сел в Чернигове. После гибели Изяслава в междоусобной войне (1078) Всеволод Ярославич занял киевский стол и княжил до 1093 г.

Антоний. — Об Антонии (ум. в 1072 или 1073 г.), основателе Печерского монастыря, подробно рассказано в 7-м Слове патерика. Существовало Житие Антония, до нас не дошедшее, к которому восходят многие рассказы патерика.

Стр. 543. *...седе Георгий Владимировичь во Киеве...* — Юрий Владимирович Долгорукий, сын Владимира Мономаха. Княжил в Ростово-Суздальской земле. В 1149 г. захватил киевский стол у Изяслава Мстиславича. В 1151 г. Изяслав вернул себе киевское княжение, но Юрий Долгорукий в том же году снова захватил Киев и был киевским князем до 1157 г.

Стр. 544. *...апостол Петр, сам церкви сый бога жива, и егда ят бысть от Ирода...* — В Деяниях Апостолов рассказывается, что Ирод заключил Петра в темницу под крепкую стражу. «Церковь, — говорится здесь, — прилежно молилась о нем богу». Ночью Петру явился ангел и вывел его из темницы.

...яко же в Отчѣннице писано. — В данном случае имеется в виду эпизод, сюжет которого изложен Симоном, из так называемого Скитского патерика (сборник изречений и повестей из жизни восточных монахов IV–V вв.).

Стр. 545. *Ты ли еси болюши Давида царя? Ему же Семей досажаше...* — Имеется в виду эпизод из Второй книги Царств (гл. XVI) Библии. Когда Давид с народом и воинами уходил из Иерусалима, захваченного его сыном Авессаломом, то Семей из рода Саула насмеялся над Давидом и его спутниками. Один из слуг Давида, Авесса, сын Саруин, хотел убить Семей, но Давид остановил его, сказав: «Пусть он злословит, ибо господь повелел ему злословить Давида».

...и ял ся еси игуменити у святуу безмезнику Козмы и Дамьяна. — Поликарп некоторое время игуменствовал в киевских монастырях Козмодемьянском и Дмитровском, но затем снова вернулся в Печерский монастырь.

Стр. 546. *...архимандриту Акиндину...* — О нем нам известно только по упоминанию его имени в патерике.

Иконом — эконоом, монах, ведающий хозяйством монастыря.

...княгини Ростиславля Верхослава... — Верхосулава-Анастасия, дочь князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, жена князя Ростислава Рюриковича (сын великого князя киевского Рюрика Ростиславича).

Стр. 547. *...послушай Павла, глаголюща к Тимофею...* — Имеется в виду первое Послание апостола Павла к Тимофею (III глава, в которой говорится о том, каким должен быть епископ).

...яко же князь Георгий хотель... — Юрий Всеволодович, сын Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, великий князь владимирский с 1212 по 1238 г. (погиб в битве с монголо-татарами на реке Сити).

Первый — Леонтий, епископ ростовский... — Леонтий был епископом Ростова с середины до 70-х гг. XI в. О том, что он был мучеником за веру, сообщается только в послании Симона. В «Житии Леонтия Ростовского» говорится, что он, крестив ростовцев, «с миром к господу отыде».

Стр. 548. *...с онема варягома венчаша от Христа...* — Имеется в виду рассказ «Повести временных лет» под 983 г.: киевляне, еще язычники, по выпавшему жребью собирались принести своим богам в жертву юношу-варяга, исповедовавшего с отцом христианство. Отец отказался выдать сына, обличая языческих богов и проповедуя христианство. Оба были убиты.

...сея съборныа церкви, красоты Володимирскыа и другыа Суздальскыа церкви... — Владимирская — Успенский собор во Владимире, построен князем Андреем Боголюбским в 1158–1161 гг., в 1185–1189 гг., после пожара 1185 г., был перестроен; Суздальская — собор Рождества Богородицы в Суздале, построенный в

1222—1225 гг. князем Юрием Всеволодовичем и освященный Симоном, в 1528 г. был перестроен. Эта фраза свидетельствует, что послание Симона написано в период с 1225 по 1226 г. (год смерти Симона).

Стр. 549. ...*при игуменстве Пиминове...* — Точных данных о игуменстве Пимена нет, был игуменом после Тимофея, предположительно с 1132 по 1141 г.

Стр. 550. «*Аз есмь рекый Аврааму: двадцати ради праведникъ не погублю града сего...*» — Имеется в виду библейский эпизод (Книга Бытия). Бог говорит Аврааму, что хочет уничтожить за грехи людей город Содом. Авраам спрашивает у бога: неужели он погубит с грешниками и праведных людей, если их будет пятьдесят? Бог отвечает, что если в Содоме окажется пятьдесят праведников, то он пощадит весь город. Тогда Авраам начинает называть все меньшие и меньшие цифры праведников. Сказав, что он пощадит город, если в нем будет хотя бы десять праведников, бог умолкает и уходит.

Стр. 552. *И рече ми, яко и разбойнику: «Днесь с мною еси в раю»...* — В Евангелии от Луки рассказывается, что один из разбойников, рядом с которыми был распят Христос, издевался над Христом и говорил ему: «Если ты Христос, спаси себя и нас». Другой же укорял первого разбойника за эти слова и попросил Христа благословить его. В ответ на это Христос сказал ему: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со мною в раю».

Стр. 553. *Протостратор* — первоподвижник.
Епафх — эпарх, наместник, правитель города.

Стр. 558. *Святоша* — Святослав Давыдович (род. ок. 1080 г. — ум. в 1142 г.), сын князя Давыда Святославича, князь черниговский и луцкий, при пострижении в 1106 г. получил имя Николай.

Стр. 559. ...*брата его Изяслав и Владимир...* — Владимир Давыдович княжил в Чернигове с 1139 по 1151 г. После его гибели в битве на реке Руте черниговский стол занял в 1151 г. Изяслав. В 1154 он сел на киевский стол, в 1155 г. уступил его Юрию Долгорукому. В 1157 г., после смерти Юрия Долгорукого, вновь стал княжить в Киеве. В 1161/62 г. был убит в междоусобной брани за Киев с Ростиславом Мстиславичем.

Стр. 560. ...*сего пути въжеле, разве Варлама, игумена бывшаго zde?* — В Несторовом «Житии Феодосия» говорится, что Варлаам был поставлен игуменом монастыря при Изяславе Ярославиче, т. е. после 1054 г. Варлаам был сыном боярина Иоанна. В одно время с ним в монастыре был пострижен скопец Ефрем, также знатного происхождения, близкий к князю Изяславу Ярославичу человек. Эти пострижения вызвали такое негодование Изяслава, что Антоний с частью монахов вынужден был временно бежать из монастыря.

Стр. 562. ...*яко же древле Илия Елисеови милоть...* — Милоть — плащ из овечьей шкуры, овчина. Елисей — пророк, сподвижник пророка Илии. Когда Илья был вознесен в огненной колеснице на небо, его милоть упала к ногам Елисея как знак духовной преемственности Елисеем земной миссии Илии (Библия, Четвертая книга Царств).

Стр. 563. ...*прося... креста, иже у парамандии его...* — Параман или анклав — четырехугольный нагрудник из ткани с изображением креста и других символов страстей Христовых, носимый монахами.

Стр. 564. ...*что пишет блаженный Иоан иже в Лествици...* — Иоанн Лествичник, синайский подвижник VI в., автор книги, в которой представлено тридцать ступеней (отсюда ее название «Лествица») духовного восхождения к совершенству.

Евагрий — ученик Григория Богослова, автор ряда сочинений о монашестве (конец IV — начало V в.).

Стр. 565. ...великий аггельский образ... — высшая ступень монашества, великая схима.

Стр. 566. *Ему же взревьнова юноши, и мало своего злата приложивь...* — Имеется в виду 281-е Слово Синайского патерика: юноша, подмастерье золотых дел мастера, делая по заказу богача-вельможи золотой крест для церкви, добавил из благочестивых побуждений к данному заказчиком золоту немного собственного золота, скрыв это. Когда открылась истина, вельможа усыновил юношу и сделал его своим наследником.

Стр. 567. *Цята* — мелкая монета.

Стр. 568. ...старецъ, иже в Патерице молился богови, да придут на нь разбойници... — Имеется в виду 294-е Слово Синайского патерика: старец, к которому в келью пришли разбойники и все забрали, отдал им и не замеченную ими вещь. Другой старец, услышав об этом, стал молить бога, чтобы и к нему пришли разбойники. Его молитва была услышана, и он с радостью отдал все имеющееся у него пришедшим грабителям.

Стр. 569. *Ефрем* — Ефрем Сирийский, церковный писатель IV в., автор толкований Священного писания, песнопений и статей, обличающих ереси.

Стр. 571. *О Никите Затворнице...* — Никита был после монашества в Печерском монастыре епископом Новгорода с 1096 по 1108 г.

Стр. 572. *«Днесь убиен бысть Глеб Святославичъ в Заволочии...»* — Глеб Святославич, сын Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого, княжил сначала в Тмутарокани, а потом в Новгороде. Убит в 1078 г. Заволочье — Новгородская область (Двинская земля).

...посли сына своего Святополкѣ... — Святополк Изяславич, князь полоцкий (1069–1071), новгородский (1078–1088), туровский (1088–1093), великий князь киевский (1093–1113).

Стр. 573. ...шед к святому Дмитрию в Изяславль монастырь... — Где находился этот монастырь — точно не установлено. Есть предположение, что монастырем Дмитрия является постройка в Киеве, считающаяся собором Михайловского Златоверхого монастыря.

Стр. 576. ...первый бысть у князя Всеволода... — Всеволод Ярославич, к словам: «...изыдоша три Ярославичи...»

Стр. 584. *И бывшим им у Треполя... Ростислав же утоне...* — во время нашествия половцев в 1093 г. против них выступили Святополк Изяславич, Владимир Мономах и младший брат Владимира Ростислав Всеволодович. В битве на реке Стугне у города Треполя (южнее Киева) русские князья потерпели поражение. Во время отступления в реке погибло много русских воинов, в том числе Ростислав, утонувший на глазах у старшего брата.

Стр. 589. *О преподобнем Моисии Угрине.* — Рассказ о Моисее Угрине восходит к «Житию Антония», в котором сообщалось больше подробностей исторического характера, чем дошло до нас в патерике (об этом можно догадываться по летописным записям, также восходящим к «Житию Антония»). Описываемые здесь события относятся ко времени междоусобной борьбы за киевское княжение Ярослава Мудрого со Святополком Окаянным.

В 1018 г. в Киев на помощь Святополку пришел польский король Болеслав I Храбрый. Против поляков начались народные выступления, и в этом же 1018 г. Болеслав с остатками своего войска и русскими пленниками вернулся в Польшу. В числе пленников, увезенных Болеславом, были сестры Ярослава, одна из которых, Предслава, была сделана Болеславом наложницей. Моисей Угрин входил в число лиц, близких к Предславе.

Стр. 592. *Иосиф же в мале победив и пакы женою побежень бысть.* — После того как заключенный в темницу Иосиф истолковал сны фараона, тот возвысил Иосифа и женил его на дочери илиопольского жреца.

Стр. 595. *В едину убо ноць Болеслав напрасно умре, и бысть мятежь велик в всей Лядской земли...* — Болеслав I умер в 1025 г. Но в «Повести временных лет» о его смерти и мятеже в Польше сообщается под 1030 г. На основании польских источников известно о восстании 1031 г. И «Повесть временных лет», и Киево-Печерский патерик пользовались данными жития Антония. В каком виде эти данные были представлены там, мы не знаем.

...яко же в Летописци поведаеть. — Имеется в виду запись под 1030 г. «Повести временных лет».

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОВЕСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Литературно-художественное издание

Ответственный редактор Г. Безотосная

Художественный редактор Н. Ярусова

Технический редактор О. Куликова

Компьютерная верстка Г. Клочкова

Корректор Е. Чеплакова

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.

Тел. 411-68-86, 956-39-21, факс. 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru

E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 07.09.2009.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Нью-Баскервиль».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,64.

Тираж 4 000 экз. Заказ 968

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-899-37127-3

9 785699 371273 >